БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

17

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН
БОБ ШОУ

ДЕВЯТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Зарубежная остросюжетная фантастика

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

ДЕВЯТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

TALLINN "MELOR"
1994

И /США/

ЭЛИТАРНАЯ СЕРИЯ. Издается с 1990 года.

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериал «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом.

Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН, БОБ ШОУ.
"Девятые звездные войны". Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: "Мелор", 1994, 448 стр. ил. /"Библиотека кримин. и прикл. романа". Выпуск 17/.

Звездные Волки жили на далекой, затерянной в глубинах космоса планете Варна. Сильная гравитация Варны наделила их феноменальной силой, скоростью и способностью переносить огромные перегрузки в процессе полета в космосе. Свои преимущества варнавцы использовали для разграбления различных районов Вселенной. Практически никто не мог противостоять им в космосе, и у жителей Галактики были все основания бояться и ненавидеть этих изощренных пиратов.

Кроме Дайльюолло, командира космического крейсера отряда наемников, никто не знал, что Чейн был Звездным Волком. Чейн походил на землянина потому что его отец и мать были выходцами с Земли, но сам он родился на Варне и приобрел там силу и выносливость варнавцев. Наравне со всеми он участвовал в грабительских рейдах эскадрилий Звездных Волков до тех пор, пока его ссора с товарищем по оружию не переросла в драку и тот не был убит. Чейну приходится бежать, чтобы не стать жертвой мести со стороны клана убитого варнавца. И вот раненый, истекающий кровью Чейн затерян один в бескрайних просторах космоса...

Все три боевика о похождениях Звездного Волка в составе отряда наемников принадлежат перу знаменитого Эдмонда Гамильтона.

И завершает книгу боевик Боба Шоу "Побег в прошлое", впервые издающийся на русском языке. Пис Уоррен подписывает контракт на вступление добровольцем в Космический Легион. При этом он соглашается на операцию, которая сотрет из его памяти все преступное прошлое. Но Уоррен не подозревает, что в его тело будет вживлен датчик, настроенный на беспрекословное выполнение любых команд старших начальников. И вот пройдя курс начального обучения Уоррен и другие добровольцы направляются на планету Ульфа, где сразу же попадают на поле боя. Условия пребывания в Космическом Легионе ужасны и Уоррен решает Бежать...

ИТАК, ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИСА УОРРЕНА И КОСМИЧЕСКОГО ПИРАТА ПО КЛИЧКЕ "ЗВЕЗДНЫЙ ВОЛК" В СЕРИАЛЕ "ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ"...

Г,Ш $\frac{470310100-007}{8У3/03/-94}$

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-87005-007-3

© «MELOR», 1994г.

ПЕРВАЯ ВОЙНА ЗВЁЗДНОГО ВОЛКА

I

Звезды следили за ним, и ему казалось, что шептали:

Умри, Звездный Волк. Умри. Пришел конец.

Морган Чейн лежал поперек пилотского кресла; его мозг был окутан темной пеленой, а рана на боку ныла и жгла. Сознание не покидало его, он знал, что его небольшой корабль вышел из сверхскоростного режима, и понимал, что следовало делать в таком случае. Но все было ни к чему, совершенно ни к чему.

Не упрямься, Звездный Волк. Умри.

В глубине сознания Чейн догадывался, что разговор вели с ним вовсе не звезды. Это говорила та часть его самого, которая все еще стремилась выжить, навязчиво напоминала о себе, подбадривала его, пыталась поставить на ноги. Но было легче не замечать ничего и просто лежать в кресле.

Да, легче. И своей смертью он осчастливил бы дорогих друзей и любимых товарищей на Варне. Эта мысль вонзилась в затуманенное сознание и в конце концов вызвала в нем тупой гнев, перешедший в решимость: нет, он не доставит им радости, он выживет и в один прекрасный день сделает поистине очень несчастными тех, кто охотится сейчас на него.

Эта яростная решимость, казалось, приосвободила мозг Чейна от темной пелены. Он открыл глаза и медленно, превозмогая боль, приподнялся в кресле, чтобы сесть. Рана дала о себе знать так сильно, что в течение нескольких минут ему пришлось бороться с тошнотой. Дрожащей рукой он дотянулся до выключателя компьютера. Прежде всего надо было выяснить свое точное местонахождение, узнать, куда его привели координаты, которые он последний раз задал в отчаянной спешке при бегстве.

Вспыхнули маленькие красные обозначения цифр, и компьютер беззвучно выдал ответ. Чейн читал цифры, но мозг был еще не столь ясен, чтобы их осмыслить. Тряся головой, словно пьяный, он уставился на обзорное табло.

Перед ним открылся небосвод, до бесконечности усыпанный сверкающими звездами. Огромное скопление солнц — дымчатокрасных, кристальнобелых, бледнозеленых, золотистых и переливчатосиних — вызывающе глядело на него. Реки космической пыли, сквозь которую мерцали бледным бесовским огнем потухшие солнца, прорезали широкие каньоны в звездных массах. Чейн находился за самой кромкой созвездия и теперь его затуманенный мозг вспомнил, что в тот последний отчаянный момент полета, когда он, прежде чем потерять сознание,

перевел свой краденый корабль на сверхскоростной режим, компьютер выстукивал координаты созвездия Ворона.

Мрак, небытие, вечная торжественная тишина вакуума, и мощный поток света, низвергаемый солнцами созвездия на эту песчинку, какой был его корабль. Память заработала быстрее, и он теперь знал, зачем прибыл сюда. В этом гигантском скоплении звезд была неизвестная ему планета. Он мог на ней переждать, спрятаться; убежище ему было крайне необходимо, поскольку он не имел лечебной лампы, а для обычного, естественного заживания раны потребуется время. Он подумал, что, если доберется до этого мира, будет в безопасности.

Трясущейся рукой Чейн задал новый курс кораблю, и тот на предельной скорости обычного режима направился к кромке созвездия.

Мрак снова начал окутывать его мозг, и Чейну подумалось: "Нет, мне надо бодрствовать. Ведь завтра у нас рейд на Гиады".

Постой, тут что-то не то; удар по Гиадам они нанесли много месяцев назад. Что с его памятью? События словно перепутались, утратили смысл и значение.

Ах, да, вспомнил... Вылетев с Варны, их стремительная маленькая эскадрилья миновала созвездие Стрельца, пересекла туманность Совы и обрушила внезапный удар на небольшую богатую планету, населенную низкорослыми жирными людьми, которые ужасно кричали и в страхе метались, когда он и его товарищи врывались в их богатые города...

Постой, но ведь это же происходило давным-давно. Их последний рейд, в котором он получил эту рану, был на планету Шандор-5. Ему вспомнилось, как на пути к ней их обнаружила, а потом преследовала вражеская эскадрилья тяжелых кораблей, от которой им удалось уйти, прорвавшись на полной скорости через одну из звездных систем. Вспомнилось, как Ссандер смеялся: "У них нет тех возможностей, которые имеются у нас, варновцев, и им никогда нас не одолеть".

Но Ссандер мертв, я убил его и теперь из-за этого спасаю свою шкуру!

В сознании Чейна вспыхнуло воспоминание о ссоре из-за добычи на Шандоре-5, о том, как Ссандер пришел в ярость и пытался его убить, а получилось наоборот: сам оказался убитым. О том, как ему, раненому, пришлось бежать от мстителей...

Темная пелена, окутывавшая мозг, исчезла, и он увидел себя по-прежнему здесь, в этом небольшом корабле, который, все еще спасаясь бегством, стремительно несся к созвездию. Его черные глаза, неподвижно смотревшие на созвездие, дико горели на темном, покрытом испариной лице.

Он подумал, хватит терять сознание, иначе долго не протянуть. Охотники шли по следу, а в галактике не было никого, кто мог бы оказать помощь раненому Звездному Волку.

Чейн решил войти в созвездие там, где оно разрывалось одной из темных пылевых рек, и он уже шел мимо первой группы солнц, выстроившихся словно сторожевое охранение. Вскоре он услышал, как по

корпусу корабля зашуршала и зашелестела космическая пыль. От более плотного потока пыли он держался подальше, и частицы здесь были чуть больше атома. Если бы на такой скорости встретились частицы покрупнее, они продырявили бы корабль.

Чейн одел скафандр и шлем. Для этого пришлось затратить много времени и усилий, боль от раны заставила его стиснуть зубы, чтобы не застонать. По-видимому, рана стала намного хуже, но некогда ею заняться; оставалось довольствоваться пока наложенной на нее медицинской наклейкой. По огромной темной реке пыли, бежавшей между звездами, маленький корабль скользил все выше и выше. Чейн нередко ударялся головой о приборную доску, но держал курс. Космическая пыль могла стать для него смертью, но она же могла сохранить ему жизнь: ведь преследователи не рискнут забираться глубоко в пылевой поток.

Обзорное табло теперь покрылось пятнами, помутнело. Внешне походившее на окно это сложное устройство работало по принципу активизации зондирующих лучей, скорость распространения которых значительно превышает скорость света. Пыль резко понизила радиус их действия. Чейну надо было сосредоточить все свое внимание на неясной обстановке впереди, а это оказалось нелегким делом при сильно ноющей ране в боку и переодических провалах сознания.

Крошечный корабль медленно плыл мимо зловещих красных и желтых солнц, которые из-за пыли имели размытые очертания и светились словно обернутые чем-то факелы. Далеко впереди, в самом зените чернело густое пятно потухшего, мертвого солнца, и Чейну казалось неестественно медленной скорость, с которой корабль шел навстречу этому мрачному звездному ориентиру...

Тусклая река пыли немного изменила свое направление среди звезд, и Чейн внес поправку в курс корабля. Часы шли и шли. Он был уже в пределах созвездия, но до цели все еще лежал долгий путь...

На Чейна снова нахлынули воспоминания.

Воспоминания о добрых, светлых днях, так внезапно теперь оборвавшихся. О том, как с Варны отправлялись в поход маленькие корабли, сеявшие повсюду страх. О том, как они стремительно переходили со сверхскоростного режима на обычный и обрушивались на города содрогнувшихся миров, о том, как по солнечным системам катился тревожный крик "Идут Звездные Волки!"

О радостном смехе, с которым они шли в атаку, потешаясь над медлительной реакцией своих жертв. Девизом было: атакуй мгновенно, забирай добычу, уничтожай всех, кто пытается тебя остановить, действуй быстро, стремительно возвращайся снова на корабль и в конце концов назад на Варну — с добычей, ранами и гордостью победителя. Добрые были времена... Неужели они навсегда закончились для него?

Воспоминания раздували огонь глухого гнева: надо же, они повернулись против него, пытались убить, охотятся за ним. Но что бы они не

говорили о нем, он — один из них, такой же сильный, такой же быстрый, такой же хитрый, как любой варновец; придет время, когда он это докажет. Но сейчас ему нужно спрятаться, отлежаться в укрытии, пока не заживет рана, и он скоро доберется до мира, где все это можно сделать.

Темная пылевая река повернула в очередной раз, все глубже врезаясь в созвездие. Стали чаще встречаться зловещие колдовские звезды, а пыль сильнее зашелестела о корпус. Далеко впереди планета, похожая на красный апельсин, тусклым взглядом смотрела на приближающийся к ней корабль. Вскоре Чейн уже мог различить очертания этой планеты, одиноко вращающейся вокруг одиноко умирающей звезды. Там будет его убежище.

Он был почти у цели.

II

Счастье начало изменять ему, когда на экране зондирующих лучей всплеснул сигнал о неизвестном корабле, шедшем на сближение со скоростью нормального режима. Корабль двигался за пределами пылевого потока вдоль самой кромки. Едва зондирующие лучи могли обнаружить корабль даже через пыль, значит он, наверняка, был на довольно близком расстоянии.

Альтернатив не было. Если это один из кораблей охотящихся варновцев, то Чейна уничтожат. Если корабль не с Варны, то и в этом случае лучше не будет: как только экипаж узнает, что имеет дело с кораблем Звездного Волка, в его враждебности к Чейну не придется сомневаться. А узнать корабли Звездных Волков можно с первого взгляда, поскольку ни в одном из миров нет судов, похожих на ненавистные корабли Варны.

Нужно понадежнее запрятаться, и единственное место для этого — более плотные слои пылевого потока. Туда Чейн и направил свой маленький корабль.

Шуршание и постукивание по корпусу стали громче. Более крупные пылевые частицы так ослабили зондирующие лучи, что Чейн потерял след неизвестного корабля. Да, наверное, и тот уже не видел его.

Чейн снизил скорость и больше не двигался в кресле. Оставалось одно — ждать.

И ждать долго не пришлось.

Случившееся было не более, чем легкой дрожью, которую Чейн едва не почувствовал. Но все приборы вышли из строя.

Чейн повернулся. Одного взгляда оказалось достаточно. Камешек из пылевого потока размером чуть больше горошины пробил корпус кораб-

ля повредил привод и конвертор. Чейн отныне находился на мертвом корабле и никакими средствами не мог возвратить его к жизни. Не мог даже подать радиосигнал о помощи.Чейн бросил взгляд на потухший, пустой экран и, хотя на нем не было больше изображений звезд, ему показалось, что он снова слышит их насмешливый шепот.

Хватит противиться, Звездный Волк...

Чейн опустил голову. А может быть, действительно не стоит противиться судьбе? В конце концов, что ждет его в галактике, где каждый человек ему враг?

Глубоко вдавившись в кресло и словно оцепенев, Чейн размышлял: странно, что вот так приходится завершать свою жизнь. Раньше он всегда полагал, что умрет не иначе, как в огне неожиданной схватки или в каком-нибудь из межзвездных молниеносных рейдов. Так заканчивали свою жизнь большинство варновцев, если они чересчур часто уходили с Варны за добычей.

Чейну и во сне не приснилось бы, что придется умирать так медленно, нудно, томительно, просто сидеть в кресле мертвого корабля и ждать, ждать истощения запаса кислорода.

В истерзанном переживаниями мозгу начали медленно расти переломные чувства. Должно же быть что-то лучшее, чем ожидание смерти, в конце концов можно предпринять последнюю попытку что-то сделать, сколь бы это ни было безнадежным.

Он попробовал проанализировать обстановку. Единственно возможный источник помощи — это корабль, находящийся сразу же за пылевой рекой. Если удастся просигналить ему, и он придет на помощь, последует одно из двух: на корабле могут оказаться охотящиеся за Чейном варновцы и они, конечно, убьют его; если же это будет корабль людей из какого-то другого мира, и они увидят перед собой судно Звездного Волка, Чейн станет для них смертельным врагом.

А вот если бы не было здесь его нынешнего корабля? Тогда, возможно, Чейна приняли бы за землянина, каковым он и является по происхождению, хотя никогда на Земле не был.

Чейн оглянулся на поврежденный привод и конвертор. Они были мертвы, однако силовая установка, обеспечивающая конвертор энергией, была совершенно цела. Кажется, он увидел выход...

Это, конечно, рискованная игра, а он ненавидел ставки, которые оплачивались жизнью. Однако в данной ситуации лучше пойти на риск, чем просто сидеть и ждать смерти. Он понимал, что должен действовать быстро, иначе можно упустить даже этот сомнительный шанс.

Медленно и неуклюже он начал разбирать на части некоторые из приборов управления. Разборку затрудняли перчатки на руках, и с ними стало еще труднее, когда он приступил к воссоединению разобранных частей в задуманное устройство.

Постепенно работа была закончена, и Чейн держал в руках небольшой часовой механизм, который, как он надеялся, должен сработать.

Он отправился к силовой установке, чтобы смонтировать там свое творение. Работать надо было быстро, причем сгибаясь и ползая в тесноте. Рана в боку заныла так, словно ее раздирал когтями стервятник. Выступившие от боли слезы мешали смотреть.

Поплачь,— сказал он себе.— Как бы они возрадовались, узнав, что ты умирал, рыдая.

Зрение прояснилось и Чейн, превозмогая боль, напряг из последних сил свои бесчувственные пальцы.

Закончив установку часового механизма, Чейн открыл замок стеллажа и взял лежавшие там четыре импеллера. Затем он возвратился к силовой установке и включил свое самодельное часовое устройство.

Подобно испуганной кошке он выскочил из корабля, держа в каждой руке по паре импеллеров, которые помчали его прочь по звездному небу.

Он стремился быстрее уйти от своего маленького корабля. Звезды дико плясали вокруг: он попал в штопор, но не имел времени, чтобы избавиться от вращения. Важно только одно — уйти как можно дальше, пока часовой механизм не успеет сработать на короткое замыкание силовой установки и не взорвет корабль. Сверкавшие звезды-хозяйки вальсировали вокруг, а мозг Чейна лихорадочно отсчитывал секунды.

И вот звезды на мгновение поблекли, и в глаза ударила ярко-белая вспышка словно при рождении новой звезды. Когда она погасла, Чейн ничего не видел. Но он по-прежнему был жив, успел уйти на достаточно безопасное расстояние от взрыва, уничтожившего корабль.

Чейн выключил импеллеры и отдался на волю течения. Люди на борту корабля, двигавшегося рядом с пылевой рекой, наверняка заметили взрывную вспышку. Для выяснения ее причины они могут войти в пылевой поток, а если не захотят выяснить, то и не войдут. Если же войдут, то могут оказаться варновцами, жаждущими его смерти, а может быть и не ими.

Окруженный сверху, снизу, со всех сторон звездами, Морган Чейн парил одиноко в бесконечном пространстве.

Неужели, думал он, кому-нибудь приходилось испытывать такое одиночество. Его родителей погубила планета Варна своей сильной гравитацией. На Варне у него нет больше друзей, там есть только охотники за его головой. А ведь он всегда считал себя варновцем и только теперь понял, что ошибался.

Ни родных, ни друзей, ни страны, ни мира..., ни даже корабля.

Всего лишь скафандр, запас кислорода на несколько часов да враждебная вселенная вокруг.

И все же он оставался Звездным Волком и, если суждено умереть, он сделает это достойно, как подобает Звездным Волкам...

Огромный, сверкающий звездами небосвод медленно кружился вокруг него. Остановить вращение своего тела Чейн мог бы включением импеллеров, но он берег их энергию. А так, вращаясь, он был еще и в

выгодном положении: при каждом повороте мог обозревать все звездные поля.

Но, увы, в них не было ни одного движущегося объекта, ни одного.

А часы шли и шли. Он долго был предметом созерцания со стороны величественных солнц, которые не спешили расставаться с умирающим человеком.

Но вот, где-то на десятимиллионном обороте, как подумалось Чейну, его глаза что-то заметили. Одна из звезд мигала.

Когда же он снова взглянул на нее, то увидел ровный, спокойный свет. Неужели подвело зрение? Вполне возможно, и тем не менее он будет продолжать свою рискованную ставку. Он включил импеллеры и понесся в направлении заинтересовавшей его звезды.

Спустя несколько минут он убедился, что глаза не подвели. Замигала еще одна звезда на короткое время, как будто что-то ее то закрывало, то открывало. Он всмотрелся пристальнее, но ничего не смог рассмотреть, на мозг снова опустилась черная пелена. От перенапряжения снова открылась рана; он чувствовал, как через нее уходит его жизнь.

Когда зрение к нему возвратилось, Чейн увидел на звездном небе черное пятно, которое, постепенно увеличиваясь, приняло очертания корабля. Судно было явно не с Варны; там корабли небольшие по размерам и напоминают по форме иглу. А этот имел силуэт кораблей Класса Шестнадцать или Двадцать и необычный дугообразный мост, характерный для судов старой Земли. Корабль еле двигался навстречу Чейну.

Чейн лихорадочно соображал: какую же версию сочинить о себе для его спасителей, так чтобы они не догадались, кем он был на самом деле. В глазах снова стало темнеть, но он поборол слабость и начал сигналить включая и выключая вспышки на импеллерах.

Ему никогда не вспомнить, сколько времени прошло прежде, чем он увидел около себя корабль с открывшейся черной пастью шлюзовой камеры. Последним усилием воли он неуклюже влез в камеру и, прекратив борьбу за жизнь, провалился в кромешную тьму.

Он чувствовал себя на удивление хорошо, когда проснулся. И понял почему, увидев, что лежит на койке и у его бока светится лечебная лампа. Рана уже подсохла и выглядела наполовину зажившей.

Чейн повел глазами вокруг. Спальный отсек был невелик. На металлическом потолке горела лампочка, и он ощущал по монотонности и вибрации, что корабль шел в рабочем режиме. Затем он увидел, что на краю противоположной койки сидит человек и наблюдает за ним.

Человек встал и подошел к нему. Он был старше Чейна, значительно старше. Его руки, лицо, вся фигура имели вид странной незавершенности, словно были грубо вытесаны из камня неумелым скульптором. У него были немного поседевшие короткие волосы и длинное, как у лошади, лицо с глазами неопределенного цвета.

— Вы успели как раз вовремя,— сказал он.

— Действительно,— согласился Чейн.

— А теперь скажите мне, какого дьявола раненый землянин носится по созвездию Ворона?— спросил незнакомец и потом, как бы вдогонку, представился: "Джон Дайльюлло".

Чейн увидел на поясе комбинезона землянина станган — оружие ошеломляющего, но не поражающего действия.

— Вы наемники, не правда ли?

— Да. Но вы не ответили на мой вопрос.

Калейдоскоп мыслей закружился в голове Чейна. Следует быть осторожным. Вся галактика знает наемников как крутых людей. Их подавляющее большинство составляют земляне, и тому есть причина.

Земля первой очень давно начала межзвездные полеты, открывшие галактику. Несмотря на это, она осталась бедной планетой. Дело в том, что все другие планеты системы, в которую входит Земля, непригодны для обитания человека из-за чрезвычайно суровых природных условий и крайне скудных минеральных ресурсов. По сравнению с крупными звездными системами, которые имеют богатые, обитаемые миры, Земля выглядит бедной.Вот почему человек стал главной статьей земного экспорта. Во многие районы галактики со старой Земли устремились опытные космонавты, инженеры и воины. Наемники с Земли оказались в числе наиболее крутых.

— Меня зовут Морган Чейн,— сказал он.— Я занимаюсь исследованием метеоров. Наша база находится на планете Альто-2. Я забрался чересчур глубоко в этот проклятый пылевой поток, и мой корабль продырявило. Один осколок угодил мне в бок, другие ударили в привод. Увидев, что вот-вот взорвется силовая установка, я успел облачиться в скафандр и вовремя выбраться из корабля.

Затем Чейн добавил:

— Нужно ли говорить, как я рад, что вы заметили пламя взрыва и пришли сюда.

Дайльюлло кивнул головой:

— Хорошо. У меня еще только один вопрос...— При этом он отвернулся. А затем неожиданно как вихрь, развернулся обратно, держа в руке выхваченный из-за пояса станган.

Чейн молниеносно выскочил из койки. Тигриным прыжком со сверхъестественной скоростью он преодолел разделявшее их расстояние, вырвал левой рукой оружие у Дайльюлло, а правой резко ударил по его лицу. Дайльюлло растянулся на полу.

Чейн навел на него станган:

— Какая причина может мне помешать пустить в ход эту вещицу?

Дайльюлло потрогал пальцами кровоточащую губу, посмотрел снизу на Чейна:

— Особых причин нет, разве только та, что в оружие нет заряда.

Чейн мрачно усмехнулся. Но когда он пробежал пальцами по прикладу, усмешка с лица исчезла: в оружии действительно отсутствовал зарядный магазин.

— Это была проверка,— с трудом вставая на ноги, сказал Дайльюлло.— Когда вы были без сознания и я устанавливал напротив раны лечебную лампу, мне пришлось потрогать вашу мускулатуру. Я уже слышал, что варновские корабли совершают рейды в сторону этого созвездия... Я понял, что вы не варновец... можно сбрить чудесную волосатость и прочее, но нельзя изменить форму головы. И все же у вас мускулы Звездного Волка.

— Потом мне вспомнилось,— продолжал Дайльюлло,— доходившие из различных миров слухи о землянине, который участвует в рейдах варновцев и является тоже варновцем. Я не верил этому, да и никто не верил, поскольку варновцы, будучи родом с тяжелой планеты, наделены такой силой и скоростью, что никакой землянин не сможет быть с ними на равных. Но вы можете и только что доказали это. Ты — Звездный Волк!

Чейн ничего не сказал. Его взгляд скользнул мимо своего противника к запертой двери.

— Сделай мне одолжение и поверь,— сказал Дайльюлло,— я не спустился бы сюда без уверенности в том, что ты не сможешь сделать то, что тебе хотелось бы сделать.

Чейн посмотрел в его бесцветные глаза и не мог не поверить.

— Хорошо,— сказал он.— А что дальше?

— Я любознательный человек. Меня интересует многое и, в частности, ты сам,— Дайльюлло присел на койку с выжидающим взглядом. Чейн бросил ему бесполезное оружие и тоже сел. Пока он раздумывал, что сказать. Дайльюлло мягко предупредил:

— Только правду.

— Еще совсем недавно я полагал, что знал правду,— начал Чейн.— Думал, что я варновец. Родился я на Варне... Родители мои прибыли с Земли туда как миссионеры, надеясь изменить безнравственный образ жизни варновцев. И, конечно же, сильная гравитация вскоре их погубила, едва не погубив меня, но я к ней приспособился, вырос среди варновцев и считал себя одним из них.

В его голосе прозвучало нескрываемое огорчение. Дайльюлло пристально посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Недавно варновцы совершили нападение на планету Шандор-5. В нем участвовал и я. Но из-за дележа добычи вспыхнула ссора и тогда я ударил Ссандера — он пытался убить меня. Вместо этого я убил его, и все другие варновцы бросились на меня. Я едва ушел живым.

Чейн замолк, потом добавил:

— Теперь мне нельзя возвращаться на Варну. Ссандер обзывал меня проклятой земной пешкой. Это меня-то, который был, как и он, варновцем во всем, кроме крови. Я не могу туда возвратиться.— Чейн умолк и задумался.

— Ты разбойничал, грабил и, несомненно, убивал вместе с теми, от кого теперь бежишь,— сказал Дайльюлло.— Но есть ли у тебя хоть

капля раскаивания за содеянное? Нет. Единственное, о чем ты сожалеешь, так это о том, что тебя изгнали из их стаи. Ей богу, ты настоящий Звездный Волк!

Чейн ничего не сказал в ответ.

— Мы — мои люди и я — прибыли сюда в созвездие Ворона для выполнения работы, на которую нанялись,— вновь заговорил Дайльюлло спустя некоторое время.— Довольно опасной работы.

— Следовательно?

Дайльюлло смерил Чейна взглядом.

— Ты утверждаешь, что ты варновец во всем, кроме крови. Тебе известны все уловки Звездных Волков, а это немало. Ты мог бы мне пригодиться в этом деле.

Чейн улыбнулся:

— Предложение лестное... Ответ "нет".

— Получше подумай,— сказал Дайльюлло.— И поразмышляй еще вот о чем: мои люди тебя мгновенно прикончат, как только я им скажу, что ты Звездный Волк.

— И вы им скажете, если я не соглашусь?

Теперь пришла очередь Дайльюлло улыбнуться:

— Безжалостными могут быть не только варновцы,— и добавил.— Во всяком случае тебе некуда податься. Не правда ли?

— Некуда,— сказал Чейн и лицо его потемнело.— Действительно некуда.

Спустя некоторое время он спросил:

— Что заставляет вас доверять мне?

— Доверять Звездному Волку?— встал Дайльюлло.— Уж не принимаешь ли ты меня за сумасшедшего? Я доверяю только одному — твоему пониманию своей гибельной ситуации, если я расскажу о тебе.

— Предположим,— твердо взглянул на него Чейн,— что с вами что-то случится и вам не удастся рассказать?

— Тогда будет плохо... тебе. Я побеспокоюсь, чтобы в этом случае твой маленький секрет стал автоматически известен.

Помолчав, Чейн спросил:

— Что за работа?

— Рискованная. И станет еще рискованнее, если больше людей узнает о ней раньше времени. О пока просто вообрази, что ты подставляешь свою голову и очень вероятно, что ее потеряешь.

— Надо полагать, это вас не слишком опечалит. Так ведь?

Дайльюлло пожал плечами:

— Ну, что тебе сказать, Чейн? Ведь во всех порядочных мирах объявляется праздник, когда убивают Звездного Волка.

Чейн улыбнулся:

— По крайней мере, мы понимаем друг друга.

III

Ночное небо отливало серебром. Мир под названием Харал лежал в центре созвездия, и система, в которую он входил, находилась близка к туманности Ворона. Эта великая туманность, окруженная полыхающим созвездием, небрежно расползлась по небу гигантским сияющим облаком. Вот почему по ночам на планете Харал всегда присутствовал мягкий свет и глубокие черные тени.

Чейн стоял в тени корабля и смотрел на огни города, сверкавшие позади небольшого, тихого космодрома. Огни были ярко-красного цвета и на фоне неба сияли огромным абажуром. Со стороны города дул слабый ветер, пропитанный запахами острых пряностей, доносились звуки далекого гула и шума.

Несколько часов назад Дайльюлло с другими наемниками скрытно под покровом ночи отправился в город на присланной хараловцами машине.

— Всем оставаться здесь,— наказал он людям.— Для переговоров с нанимателями я беру Болларда и больше никого.

Вспоминая это, Чейн улыбнулся. Те наемники, что остались, развлекались на корабле азартными играми. И что его должно удерживать здесь?

Под мягко светящимся небом он зашагал в направлении города. На космодроме было темно, тихо и пустынно, если не считать двух приземистых межзвездных грузовых судов, да несколько вооруженных хараловских крейсеров планетарного типа. По дороге Чейн не встретил ни одного живого существа, и только однажды мимо него со свистом пронесся местный трехколесный автомобиль. Хараловцы были привержены к городскому образу жизни, и на ночь в город возвращались даже те, кто работал на рудниках, поставляющих богатства этому миру. Под небом, освещенным туманностью серебрились в безмолвии сухие, бесплодные равнины.

Чейна охватило волнение. Он бывал со многих незнакомых мирах, но всегда Звездным Волком, а это означало, что всюду его воспринимали как страшного, ненавистного врага. И вот теперь, когда он один, разве кому-нибудь придет в голову, что он кто угодно, только не землянин?

Своими размерами планета Харал походит на Землю, и Чейн, привыкший к сильной гравитации Варны, почувствовал странную и приятную легкость в ходьбе. Но он полностью адаптировался перед тем, как войти в город.

Его глазам предстал монолитный город, выдолбленный много веков назад в горе из черного камня. Этот город с несметным числом галерей, окон и террас, испускавших ярко-красный свет, с чудными горгульями, выступающими на каждом ярусе, напоминал гигантский человеческий муравейник, устремленный к бархатистому небу туманности. Взгляд

Чейна скользил все выше и выше, туда, откуда неслась монотонно пульсирующий гул.

Он вошел в огромный арочный проход, сделанный в подножье города-горы. В проходе были массивные металлические двери, которые могли закрываться в случае обороны, но, видимо, так давно не сдвигались с места и так заржавели, что вычеканенные на них изображения правителей, воинов, танцовщиц и каких-то странных зверей помутнели, покрылись пятнами.

Чейн начал подниматься по широкой каменной стенке, а не по автомобильной дороге, которая вилась рядом. И сразу же ощутил вокруг себя кипение жизни, суматошный гвалт: тут были люди и нелюди, хараловцы из человеческого рода и гуманоиды-аборигены, слышались самые различные голоса — высокие и низкие, гортанные и хриплые. Под ярко-красными огнями бурлила толпа, то и дело расступавшаяся, чтобы пропустить очередного волосатого гуманоида, тащившего на базар мычавшее, неуклюжее, нелепого вида животное. Из ресторанчиков в галереях несло дымом и запахом странной пищи, то и дело слышались выкрики бродячих уличных продавцов, предлагавших свои товары и над всем этим висело монотонное завывание множества хараловских флейт, отражавшееся многократным эхом.

Хараловцы человеческого происхождения были стройными, очень высокими — не ниже семи футов. На Чейна они взирали сверху вниз и на их бледно-голубых лицах было написано нескрываемое презрение. Женщины отворачивались от него, будто заметили что-то скверное, а мужчины отпускали в его адрес остроты и издевательски хохотали. Один мальчуган в неуклюжем, перепачканном одеянии увязался за Чейном, демонстрируя за его спиной, что даже он на несколько дюймов выше взрослого землянина, тем самым подогревая язвительное хихиканье. Эта игра была подхвачена другими подростками, и чем выше взбирался Чейн, тем длиннее становился кортеж насмешников.

Чейн не обращал на них внимания, поднимаясь все за новые ярусы, мальчишкам вскоре это наскучило и они отстали.

В этом городе было бы плохо грабить, подумал Чейн. Галереи могут легко стать ловушкой.

Он вспомнил, что уже больше не варновец и ему не придется участвовать в рейдах Звездных Волков.

Около одного из прилавков Чейн остановился и купил чашечку обжигающе кислого хмельного напитка. Когда он закончил пить, обслуживавший хараловец забрал чашку и начал демонстративно, под хохот толпы, мыть и скоблить ее щеткой.

Чейну вспомнилось то, что рассказывал всем о хараловцах Дайльюлло перед посадкой корабля.

Они, разумеется, являются настоящими представителями человеческого рода, подобно обитателям многих звездных миров. Когда земляне освоили технику межзвездных полетов, участники их первой экс-

педиции были страшно поражены тем, что не они были пионерами освоения космоса, что еще в очень далекие времена, о чем можно лишь догадываться по туманным традициям, существовала раса людей, путешествовавших между звездами, которая и положила начало заселению многих систем. Однако, давление многовековой эволюции внесло различные изменения в саму эту расу, примером чего являются и хараловцы.

"Они считают, что другие народы,— предупреждал Дайльюлло,— стоят по сравнению с ними так же низко, как их собственные аборигены. Они чрезвычайно изолированы и испытывают неприязнь ко всем чужеземцам. Будьте вежливы с ними".

И Чейн поэтому был вежлив. Не обращал внимания ни на насмешливые взгляды, ни на презрительные высказывания в свой адрес, хотя некоторые из них были совершенно понятны, так как хараловцы умышленно делали их на галакто — широко распространенном в галактике смешанном языке. Он пропустил еще одну чашечку с хмельным напитком и, стараясь не смотреть на женщин, стал дальше подниматься по каменным дорожкам и ступенькам лестниц. Временами он останавливался, чтобы поглазеть на что-то необычное и интересное. Во время варновских разбойных рейдов было не до достопримечательностей и теперь Чейн наслаждался познанием нового.

Он попал на широкую галерею, одна сторона которой была целиком открыта небу туманности. Под ярко-красными огнями стояла небольшая толпа хараловцев, которые что-то окружили, но что именно Чейн не мог рассмотреть. До него доносился страшный шипящий звук, а затем взрывы хохота толпы. Любопытствуя, что же там происходит, Чейн осторожно, никого не задевая, протиснулся вперед через кольцо зевак.

Он увидел несколько гуманоидов — волосатых существ, имевших чересчур много рук и кроткие, глупейшие глаза. Некоторые из них держали в руках сплетенные из кожи веревки с необычной петлей на концах. У двоих из гуманоидов веревки были привязаны к ногам крылатого зверя, находившегося между ними. Эта полурептилия, тварь высотой до пояса человека, с чешуйчатым туловищем и сережками у ушей, в безумной ярости хлестала по воздуху своим зубастым клювом. Когда зверь делал прыжок в каком-то направлении, его оттаскивали назад веревкой на другой ноге. В этот момент сережки у него наливались яркой краснотой, и он злобно шипел.

Высокорослые хараловцы находили сцену забавной. Они хохотали всякий раз, когда сережки становились малиновыми и начиналось дикое шипение. Во многих мирах Чейн наблюдал, как дразнят животных, и всегда считал это занятие недостойным для взрослого человека. Он повернулся назад, чтобы выйти из круга.

В воздухе что-то прошелестело, и каждую из рук Чейна обвила петля. Он покачнулся. Оказалось, что два хараловца выхватили у гуманоидов по веревке, свернули их в хитроумные лассо и заарканили Чейна. Раздался взрыв злорадного хохота.

Чейн держался спокойно, выдавил на лице улыбку. Он обвел взглядом круг веселящихся, издевательски насмешливых голубых лиц.

— Хорошо,— сказал он на галакто,— землянин для вас чудная тварь, а теперь дайте мне уйти.

Однако хараловцы не собирались так легко его отпустить. Веревка на левой руке Чейна дернулась и резко рванула его. Едва он среагировал, чтобы сохранить равновесие, как в этот момент его так рванула веревка на правой руке, что он закачался.

Разразившихся хохот заглушил далекие флейты. Зверь с сережками был забыт.

— Послушайте, обратился Чейн,— пошутили и хватит.

Он подавлял в себе гнев: появлением здесь он уже нарушил приказ и было ни к чему еще более ухудшать свое положение.

Неожиданно руки Чейна взмыли вверх и нелепо вытянулись по горизонтали в разные стороны. Это два хараловца одновременно дернули свои веревки. Один из гуманоидов подскочил к Чейну и стал кривляться, показывая то на него, то на зверя с сережками. Шутка, которая дошла даже до примитивного мозга гуманоида, и его потешное кривляние вызвали у голуболицых новый взрыв хохота. Они смотрели то на гуманоида, то на Чейна и сотрясались от смеха.

Чейн повернул голову к хараловцу, веревка которого тянула его правую руку, и мягко попросил:

— Ну, а теперь-то мне можно уйти?

Ответом был резкий, болезненный рывок веревки и злорадная усмешка.

Со всей силой и скоростью, на которые были способны его варновские мускулы, Чейн бросился на своих обидчиков. Он прыгнул к стоявшему справа от него хараловцу, в результате чего веревка другого хараловца слева резко дернулась и тот упал.

Сблизившись вплотную с высоким изумленным хараловцем, Чейн протиснул свои руки ему подмышки как можно дальше, затем он согнул руки так, чтобы схватить предплечья противника, и вложил всю силу в цепкий рычагообразный захват. Послышался глухой, сдвоенный хруст, словно при ломке мокрых веток, и Чейн отступил назад.

Хараловец стоял с маской ужаса на лице. Его длинные тонкие руки висели как плети: обе были сломаны у плеч.

Изумленная толпа на какой-то момент застыла в молчании. Она не могла поверить, что паршивая дворняжка могла неожиданно превратиться в атакующего тигра.

Воспользовавшись замешательством, Чейн проскользнул между хараловцами и устремился через галерею к узенькой лестнице. Толпа вышла из оцепенения, и Чейн услышал за спиной хор разъяренных голосов. Он побежал наверх, перескакивая сразу через три ступеньки.

Он смеялся на ходу. Не скоро забудется, как на физиономии этого хараловского задиры злоба сменилась неприкрытым ужасом.

Лестница привела к пробитому в скале темному коридору. Чейн заметил в углу другую лестницу и бросился к ней. Весь этот город-гора представлял сплошной лабиринт переходов.

Неожиданно Чейн оказался на огромном, залитом красным светом базаре, который, казалось, никогда не закрывался и был заполнен людьми, толкавшимися у лавочных рядов. Позади одного ларька, где были выставлены маленькие фигурки до омерзения похабных идолов со змеями, Чейн заметил узкий ступенчатый спуск. Он стал продираться туда через толпу, встречаясь с удивленными взглядами голуболицых.

Идти вверх не имело смысла: ведь так или иначе выход из этого города-горы находился у его подножия. Чейну приходилось бывать в местах похуже и он не очень-то волновался.

Узкая лестница, по которой он спускался, неожиданно привела в просторное помещение в скале. Это было ярко светившийся розовыми огнями небольшой амфитеатр, по всей дуге которого сидели одетые в мантии хараловцы и внимательно смотрели вниз на маленькую сцену в центре внизу.

А на ней под завывание многочисленных флейт танцевали три почти голых девушки. Они кружились среди ощетинившихся остриями шестидюймовых стальных клинков, которые торчали из пола с интервалами в пятнадцать дюймов друг от друга. Стройные голубые тела то взлетали в прыжке, то кружились в вихре танца, едва не касаясь босыми ногами страшных клинков. Танцуя, девушки отбрасывали назад свои длинные черные волосы и смеялись.

Чейн зачарованно уставился на сцену. Он испытывал восхищение, почти любовь к этим трем девушкам, которые могли смеяться, танцуя рядом с опасностью.

Но вскоре он услышал приближавшиеся звуки гонгов и топот ног по лестнице. Завидев своих преследователей, он снова пустился в бега.

Чейн не подумал, что к его преследователям мог присоединиться кто-нибудь с оружием. Во всяком случае до тех пор, пока не услышал жужжание стангана за спиной.

IV

Дайльюлло сидел в огромном мрачном каменном холле, расположенном в верхней части города-горы, и чувствовал, как в нем нарастают раздражение и гнев.

Он торчал здесь уже несколько часов, а правители Харала все не появлялись. За столом напротив не было никого, кроме Оденьи — ха-

раловца, который несколько недель назад вступил с ним в контакт в Ачернаре, а этим вечером скрытно доставил их с корабля в город.

— Скоро. Очень скоро лорды Харала прибудут,— сказал Оденья.

— Это я слышал от вас два часа назад,— буркнул Дайльюлло.

Ему все это надоело, в том числе и чертовски неудобное кресло, в котором он сидел. Оно предназначалось высоким людям, и ноги Дайльюлло болтались, словно у ребенка.

Он был совершенно уверен, что его нарочно заставляют ждать, но ничего не оставалось делать, как изображать невозмутимость на лице и во взгляде. Сидевший неподалеку Боллард казался совершенно безучастным, но только потому, что лунообразное лицо этого толстяка, самого отчаянного из наемников, вообще редко что-либо выражало.

Из висевших по периметру холла лампочек струился резавший глаза яркий красный свет, но черные каменные стены помещения оставались темными, создавая тягостное впечатление. Через открытое окно шел прохладный вечерний воздух, и вместе с ним влетало переплетение звуков флейт и голосов со всех ярусов этого огромного муравейника.

На Дайльюлло вдруг нахлынуло отвращение к чужим мирам. За годы своей довольно продолжительной карьеры он повидал чересчур много. К сорока годам наемник считается уже старым. Так какого же дьявола он торчит здесь в созвездии Ворона?

Минуту спустя он раздраженно сказал себе:

— Хватит плакаться. Ты здесь находишься потому, что любишь деньги и для тебя это единственный способ их заработать.

Наконец-то лорды Харала прибыли. Было их шестеро, высоких в богатых мантиях, и все, кроме одного, в среднем или пожилом возрасте. Чопорно, неспеша они расселись за столом и только после этого надменно взглянули на Дайльюлло и Болларда.

Дайльюлло приходилось вести дела с людьми многих звездных миров, хотя не столь изолированных, как Харал, и он не был никоим образом настроен ставить себя в униженное положение при заключении сделки.

— Вы посылали за мной,— ясно и громко сказал он на галакто.

Ничего больше не сказав, он обвел взглядом лордов Харала в ожидании ответа.

Наконец, самый молодой из них, с лицом, потемневшим от негодования, резко бросил:

— Что касается меня, то я не посылал за тобой, землянин.

— Зачем же я здесь в таком случае?— спросил Дайльюлло и, указав рукой на Оденью, продолжил.— Много недель назад этот человек приезжал ко мне в Ачернар. Он заявил, что у Харала есть враг — планета Вхол, самая удаленная в этой системе. Он сообщил, что ваши вхольские враги обзавелись каким-то великим новым оружием, которое вам хочется уничтожить. Он заверил, что вы мне хорошо заплатите, если я сюда прибуду с людьми и помогу вам.

Нарочито покровительственный тон речи Дайльюлло заставил нахмуриться лордов, кроме самого пожилого из них. С его лица, покрытого паутиной морщин, изучающе смотрели на Дайльюлло холодные глаза.

И именно этот старик ответил:

— Мы действительно коллективно посылали за тобой, хотя один из нас не был согласен. Не исключено, землянин, что мы сможем тебя использовать.

Оскорбление за оскорблением, подумал Дайльюлло. Он надеялся, что теперь, когда обе стороны выразили соответствующее презрение друг к другу, можно приступить к делу.

— Почему вы считаете жителей Вхола своими врагами?— спросил он.

— Это просто объяснить,— ответил старик.— Они домогаются минеральных богатств нашего мира. Их больше, чем нас, и у них несколько лучшая технология.

Последнее слово он произнес так, словно оно было грязным.

— Поэтому,— продолжал он,— они предприняли попытку высадить здесь десант и покорить нас, но мы отразили эту атаку.

Дайльюлло понимающе кивал головой. Старая знакомая история: в какой-то звездной системе начинается развитие космических полетов, и тогда один из миров пытается захватить остальные и основать свою империю.

— А новое оружие? Как вы о нем узнали?

— Сначала дошли до нас слухи,— сказал старик.— Затем несколько месяцев назад наши крейсеры вывели из строя разведывательный крейсер с Вхола. В нем оказался живым один офицер, которого мы захватили и допросили. Он нам рассказал все, что ему известно.

— Все?

Оденья улыбнулся и пояснил:

— У нас имеются специальные медицинские препараты, которые ввергают человека в бессознательное состояние, а в бессознательном состоянии он ответит на любой вопрос и позднее даже не будет помнить об этом.

— И что же сообщил офицер?

— Он сказал, что Вхол скоро нас полностью уничтожит, что из туманности Ворона они доставят оружие, которое истребит нас.

— Из туманности Ворона?— удивился Дайльюлло.— Да ведь там скопище пылевых потоков, которые не нанесены на карту, опасны...

Он оборвал свою речь, а потом продолжил с мрачной улыбкой:

— Теперь понятно, зачем вам понадобились наемники.

Самый молодой лорд Харала резко и быстро заговорил что-то на родном языке, со злобой глядя на Дайльюлло.

Оденья перевел:

— Тебе следовало бы знать, что хараловцы гибли при попытке проникнуть в туманность, но гибли из-за того, что наши корабли не

оснащены такими хитроумными приборами, которые имеются у вхоланов и у вас, землян.

Да, это, по-видимому, верно, подумал Дайльюлло. У хараловцев очень надолго задержалось развитие космических полетов, да они и освоили их не блестяще из-за своей изолированности и привязанности к старым традициям. У них не было собственного звездного транспорта. Корабли других миров доставляли им товары в обмен за редкие драгоценные камни и металлы Харала. Размышляя об этом, Дайльюлло поймал себя на мысли, что ни за какие деньги не отправился бы в туманность на таком планетном крейсере, которые были у хараловцев.

Приняв серьезный вид, он сказал:

— Приношу извинения, если я, по-видимому, бросил тень на отважных мужчин Харала.

Злобные лица лордов чуть смягчились.

— Но,— добавил Дайльюлло,— я должен больше знать. Располагает ли захваченный вхолан какими-нибудь данными о сущности этого оружия?

— Нет. Мы допрашивали его много раз и использованием препарата — последний раз всего несколько дней назад — но он больше ничего не знает.

— Могу я поговорить с пленником?

В мгновение ока лордов охватила подозрительность.

— Почему ты хочешь совещаться с одним из наших врагов, если собираешься работать на нас? Нет!

Тут впервые заговорил Боллард, мягко шепелявя, что никак не подходило к его лунообразной жирной физиономии.

— Все это чертовски туманно, Джон,— сказал он.

— Туманно,— согласился Дайльюлло,— но может быстро проясниться.

На минуту он задумался, затем взглянул на сидевших за столом лордов и выпалил:

— Тридцать светляков!

Они в недоумении уставились на Дайльюлло, а тот настойчиво повторил:

— Тридцать светляков. Такова сумма, которую вы уплатите, если нам удастся выполнить ваше задание.

Недоумение лордов сменилось возмущением.

— Тридцать светящихся камней?— воскликнул молодой лорд.— Неужели ты рассчитываешь, что мы отвалим маленьким землянам такой огромный куш?

— А в какую сумму оцениваются планеты?— спросил Дайльюлло.— Ваш Харал? Сколько заберут светящихся камней ваши враги, когда победят вас?

Лица лордов лишь чуть слегка дрогнули. Но Боллард, заметив это, пробормотал:

— Ей богу, они согласятся на эту сумму.

Не давая лордам времени опомниться в связи с требуемым вознаграждением, Дайльюлло сказал:

— Это будет плата за обнаружение и уничтожение оружия ваших врагов. Но прежде мы должны выяснить, а сможем ли мы это сделать, и это будет связано с очень большим риском. Поэтому три светляка предстоит уплатить вперед.

На сей раз лорды обрели дар речи, поумерив свой гнев:

— А что, если земляне, получив три камня, отправятся восвояси и будут посмеиваться над нами?

Дайльюлло повернулся к Оденье:

— Вы занимались подыскиванием нужных наемников. Скажите, приходилось ли вам хоть раз слышать про наемников, которые надували тех, кто их нанимал?

— Да, приходилось. И дважды,— сказал Оденья.

— И что случилось с этими наемниками?— продолжал Дайльюлло.— Наверное, об этом вам тоже приходилось слышать? Расскажите.

— Говорили,— без особой охоты сказал Оденья,— что другие наемники схватили их и доставили в те миры, против которых они совершили мошенничество.

— Именно так и было,— подтвердил Дайльюлло и, обращаясь через стол к лордам, пояснил.— Наемники объединены в гильдию. Без верности взятым обязательствам мы нигде в галактике не смогли бы вести свои дела. Три светляка вперед.

Лорды все еще хмуро смотрели на него. Исключением был старик. Он холодно бросил:

— Принесите им драгоценности.

Один из лордов встал из-за стола и вышел. Спустя некоторое время он возвратился и недовольным жестом швырнул через стол землянам три крошечные светящиеся луны.

— Крошечные, но какие же прекрасные,— сказал себе Дайльюлло, восхищенно наблюдая, как ослепительной игрой света наполнилась эта часть помещения. Он слышал, как Боллард затаил дыхание, и почувствовал себя богом, когда протянул руку, забрал три луны и положил их в свой карман.

За дверью раздались непонятные звуки, и Оденья вышел из холла. Возвратившись, он сверкнул глазами в сторону Дайльюлло.

— Тут кое-что касается вас,— процедил он сквозь зубы.— Один ваш человек ворвался в город, пытался убить...

Вошли два высоких хараловца, поддерживая под руки пьяно шатающуюся фигуру.

— Удивлены?— успел произнести Чейн и грохнулся на пол лицом.

V

Чейну почудилось, что еще до того, как он проснулся, откуда-то издалека доносился голос Дайльюлло. Он знал, что этого не могло быть. Ему хорошо помнилось, как после выстрела стангана он оцепенел и упал прежде, чем был схвачен.

Он помнил, как лежал распростершись на полу и какой-то хараловец кричал:

— Нет, этот человек не полетит с вами. Он должен остаться здесь для наказания. Он помнил спокойные слова Дайльюлло "В таком случае держите его у себя и накажите", и как тогда его подняли и поволокли через многие ярусы в тюрьму, где бросили в одну из камер.

Чейн открыл глаза. Действительно, он лежал в каменном каземате, решетчатая дверь которого выходила в освещенный красным светом коридор. В стене напротив двери зияло похожее на бойницу квадратное, размером девять на девять дюймов, окно, через которое виднелся кусочек ярко полыхающего ночного неба Харала.

Он лежал на сыром каменном полу. Ребра ныли, и теперь он вспомнил, что его били ногами после того, как приволокли в камеру.

Оцепенение от стангана частично прошло, и Чейн заставил себя сесть спиной к стене. В голове просветлело. Он обвел глазами камеру и вспыхнул дикой яростью.

Никогда он не был в клетке. Ни один Звездный Волк никогда не был в тюрьме... Если кого-то из них захватывали в рейдах, то тут же на месте безжалостно убивали. Конечно, откуда знать хараловцам, что он, если не считать внешности, во всем Звездный Волк. Но это не могло ослабить его неистового отвращения к замкнутому пространству.

Он собирался встать на ноги и проверить свои силы на толстых металлических дверных прутьях, как опять это произошло. Он услышал тихий голос Дайльюлло, обращавшегося к нему с огромного расстояния.

— Чейн..?

Чейн покачал головой: видимо, странные нервные последствия от стангана.

— Чейн?

Чейн замер. Тихий шепот шел направленно. Кажется, он исходил из точки немного ниже левого плеча. Он посмотрел на себя вниз. Не было тут ничего, кроме пуговицы, на которую застегивался клапан левого кармана куртки.

Чейн повернул немного голову и поднес к левому уху карман с пуговицей клапана.

— Чейн!

Стало совершенно очевидно: голос шел из пуговицы.

Чейн поднес ее к губам и прошептал:

— Почему вы не сказали про мини-рацию в пуговице, когда давали мне эту роскошную новую куртку?

— У наемников,— сухо ответил Дайльюлло,— тоже есть свои небольшие хитрости, Чейн. Но нам хочется, чтобы не каждый их знал. Конечно, позже я рассказал бы тебе, уверившись, что ты не сбежишь от нас.

— Спасибо! И спасибо еще за то, что вы бросили меня, оставив на попечение этих хараловцев.

— Не надо меня благодарить,— раздался сухой голос.— Это твоя собственная заслуга.

— Кажется, я действительно заслужил,— ухмыльнулся Чейн.

— Дело слишком плохо оборачивается,— прозвучал тихий голос Дайльюлло.— Завтра они тебя выведут и в качестве возмездия выломают тебе обе руки. Я не знаю, что ты будешь делать, обреченный потом на медленную смерть.

Чейн снова поднес к губам пуговицу и прошептал:

— Неужели вы соизволили вызвать меня и сообщить по рации только для того, чтобы выразить это сожаление?

— Конечно же, нет. Есть вещи поважнее.

— Полагаю, что так. Какие?

— Чейн, слушай внимательно. В той части тюрьмы, где ты находишься, хараловцы, вероятно, содержат пленного офицера с Вхола. Он мне очень нужен. Мы отправляемся на Вхол и, если доставим туда освобожденного нами их соотечественника, то будем вне подозрения.

Чейн понял.

— Но почему же вы не попросили его у самих хараловцев?

— Они с подозрением отнеслись даже к моей просьбе поговорить с ним! Представляю, чем обернулась бы моя просьба взять его и увезти. Это привело бы их к убеждению, что я собираюсь переметнуться на сторону вхоланов.

— А разве у них не возникнет такое же подозрение, если я его вырву отсюда?

— К счастью, мы будем уже далеко от Харала,— резко ответил Дайльюлло.— И их подозрения не будут иметь никакого значения. А теперь не пререкайся, Чейн, и слушай внимательно. Я не хочу, чтобы этот человек знал, почему ты помог ему бежать. Поэтому скажи, что ты нуждался в нем для того, чтобы он помог показать дорогу, поскольку сюда тебя приволокли без сознания, и тому подобное.

— Ясно,— сказал Чейн.— Но вы забыли одну вещь: как мне выбраться из этой камеры?

— Пуговица на правом верхнем кармане твоей куртки является автометом, то есть миниатюрным атомарным огнеметом.

Напряжение у него — шесть, продолжительность действия — сорок секунд. Кнопка включения — сзади.

Чейн с интересом посмотрел на пуговицу.

— И сколько же еще имеется таких хитроумных миниустройств?

— Достаточно. Но у тебя их нет, Чейн. Тебе я доверил только два, да и о них раньше ничего тебе не рассказывал.

— А вдруг этот вхолан содержится не здесь, а где-то в другом месте?

— В таком случае,— бесстрастно ответил Дайльюлло,— для тебя будет лучше его найти. Если ты выберешься из тюрьмы один, без него, то на корабль не являйся. Мы стартуем без тебя, а ты гуляй здесь.

— Знаете, Джон,— восхищенно сказал Чейн,— порой мне кажется, что из вас получился бы Звездный Волк.

— Запомни, Чейн еще одну вещь. Если наша операция завершится успехом, нам предстоит возвратиться на Харал за вознаграждением. Поэтому — никаких убийств. Повторяю, никаких убийств! Конец связи.

Чейн поднялся и тихо в течение нескольких минут занялся разминанием рук и ног, пока не удостоверился в исчезновении последних остатков онемения. Затем на цыпочках подошел к решетчатой двери, прильнул к ней лицом.

Напротив можно было видеть ряд таких же дверей, а в дальнем конце коридора только ноги охранника, развалившегося в кресле. Чейн отошел от двери, задумался.

Спустя некоторое время он осторожно открутил с куртки обе пуговицы. Радиопуговицу он сунул в карман рубашки. Затем снял куртку и присел на полу около двери.

Курткой не туго он обернул один из металлических прутьев у основания, оставив небольшой участок свободным. К этому участку он приставил крошечное отверстие пуговицы-атомета, затем свободной рукой перекинул фалду куртки на другую руку и на атомет, нажал на нем сзади кнопку.

Куртка прикрыла крошечное пламя, а покашливание Чейна заглушило шипение атомета. Продержав пламя около двадцати секунд, Чейн снял палец с кнопки.

От подпаленной куртки потянулись легкие струйки дыма. Размахивая руками, как веером, Чейн погнал дым от двери в глубь камеры с тем, чтобы тот вышел через окно-амбразуру наружу, а не стелился по коридору.

Он размотал подпаленную куртку. Металлический прут был прожжен насквозь.

Чейн подумал, что можно прожечь металлический прут и на другом конце, а потом просто вынуть этот участок, но решил этого не делать без крайней необходимости: атомет, возможно, еще пригодится.

Положив в карман свой крошечный инструмент, Чейн ухватился за прожженый толстый прут, как бы пробуя его. Он почувствовал полную уверенность в том, что его варновской силы будет достаточно, чтобы

сломать и отогнуть его. Но он был не менее уверен и в том, что шума при этом не избежать.

Однако, если не прекратить слишком затянувшиеся размышления, то можно погибнуть до принятия решения. Чейн крепко обхватил руками прожженый прут, и все свое отвращение к клетке, в которую его посадили, трансформировал в неистовый прилив силы в своих мускулах.

Прут согнулся во внутрь камеры, издав металлический звон.

В двери образовалась щель, вполне достаточная, чтобы в нее пролезть, и Чейн стремительно выскочил в коридор: нужно было действовать быстро или вообще не действовать.

Хараловский охранник вскочил на ноги, увидев как к нему, словно темная пантера, с невероятной скоростью несется землянин.

Ребром ладони Чейн нанес рубящий удар и охранник потерял сознание, не успев дотянуться рукой до сигнала "тревога". Чейн опустил хараловца на пол, обыскал, но не нашел ни оружия, ни ключей. Он повернулся, обвел пристальным взглядом коридор и не обнаружил ничего, напоминавшего потайной глазок. Очевидно, хараловцы, не очень-то ценящие новинки, считали, что можно обойтись одной сигнальной кнопкой.

И, по-видимому, они не держали в тюрьме много людей, так как большинство камер пустовали. Чейн не удивился. Из того, что ему довелось увидеть, он понял: хараловцы принадлежат к тому типу людей, которые предпочитают публично казнить или наказывать нарушителей закона, нежели томить их в тюрьмах.

В одной из камер распростерся на полу и храпел гуманоид, шевеля во сне своими волосатыми руками. Он весь был в кровоподтеках и издавал отвратительный запах перегара от кислого хмельного напитка.

Две другие камеры были пусты, а в следующей спал человек. Он был приблизительно того же роста и возраста, что и Чейн, и имел белую кожу. Но не такую, как у землян со смуглым оттенком, а альбиносно-белую, с прекрасным белым волосяным покровом. Чейн разбудил его свистом в ухо и увидел, что глаза у заключенного были не альбиносные, а ясно-голубые.

Незнакомец вскочил на ноги. В противоположность хараловским мантиям на нем был короткий китель с чем-то вроде офицерских нашивок.

— Вы знаете, как выйти из этого города?— спросил Чейн на галакто.

Вхолан вытаращил глаза:

— Землянин, которого недавно приволокли? Каким образом...

— Послушайте,— перебил Чейн.— Я выбрался из камеры. Теперь хочу выбраться из этого проклятого города. Но я был без сознания, когда они доставили меня сюда, и не имею понятия где нахожусь. Если я вас освобожу, вы сможете быть моим проводником? Вы знаете дорогу?

— Да, да, конечно,— возбужденно зашептал вхолан.— Я этот путь туда-сюда проделал много раз, когда меня водили на допрос. Я отказывался давать показания, поэтому они зачем-то вводили мне какой-то препарат и отправляли обратно, но я видел дорогу, я помню...

— Тогда отойдите назад,— сказал Чейн. Он наклонился и использовал остаток заряда атомета, чтобы разрезать металлический дверной прут внизу. К сожалению, заряд кончился раньше, чем была завершена работа.

Прут был надрезан на девять десятых толщины. Чейн уселся на пол, уперся ногами в другие прутья, а затем ухватился за нужный прут чуть выше надреза. И тут же отбросил руки со страшной руганью. Металл был горячим.

Он подождал с минуту, слегка прикоснулся к пруту и счел его достаточно остывшим. Снова уперся ногами, напряг всю свою силу и потянул прут на себя. Стальные мышцы, которые дала Варна, напряглись, вздулись и, наконец, со звоном разорвали металл в надрезе. Не давая себе расслабиться, Чейн продолжал тянуть на себя и медленно отогнул прут. Вхолан быстро выскользнул из камеры.

— Ну и силища у вас!— изумленно уставился он на Чейна.

— Это только так кажется,— соврал Чейн.— Я уже надрезал прут вверху до того, как вас разбудил.

Вхолан показал на дверь в конце коридора, противоположного тому, где сидел охранник.

— Это единственный выход отсюда. Он всегда открывается с той стороны,— прошептал он.

— А там, за дверью?

— Там два других охранника. Они вооружены. Если здешний охранник хочет выйти, он просто кричит им через дверь.

Чейн заметил, что освобожденный старается говорить быстро и по делу, но весь дрожит от возбуждения.

Чейн задумался. Ему виделась только одна возможность открыть дверь; они должны попробовать ее, а уж потом смотреть, что делать дальше.

Он взял за руку вхолана и, стараясь не поднимать шума, побежал с ним вдоль коридора к охраннику, лежавшему на полу. Он попросил вхолана встать спиной к стене рядом с сигнальной кнопкой. Затем поднял бесчувственного охранника и прислонил его лицом к вхолану.

— Держите его!— крикнул Чейн.

Выглядело, конечно, подумал он, не очень-то убедительно. Бесчувственный охранник был выше вхолана и его фигура в мантии наклонилась вперед каким-то неестественным образом, словно это был пьяный. Тем не менее охранник прикрывал собой прислонившегося к стене вхолана, и если обмана хватит на несколько секунд, то уже достаточно.

— Как только я свистну, нажмите кнопку сигнала тревоги и стойте, не двигаясь,— сказал Чейн и отошел назад, чтобы встать у двери.

Он свистнул. За дверью раздался резкий звук звонка. Через мгновение дверь широко распахнулась в коридор, прикрыв собой Чейна.

Наступила минутная тишина, а затем послышалась тяжелая поступь двух пар ног. Вошли, но не очень поспешно два хараловца, оба со станганами. Они бросили быстрый взгляд, увидели стоящего к ним спиной внутреннего охранника и не приметили, чтобы кто-нибудь из заключенных был вне камеры.

Стремительным прыжком сзади Чейн настиг хараловцев и обрушил на них град ударов ребром ладони, пока оба охранника не свалились на пол. У одного из них он взял станган и выстрелил по каждому, чтобы они оставались тихими на время.

Он побежал по коридору к вхолану, не в силах удержаться от смеха, увидев, как тот, словно борец на ковре, пытается выбраться из-под бесчувственного тела высокого хараловца. Чейн выдал порцию зарядов из стангана и по этому охраннику.

Он крикнул вхолану:

— Уходим! Заберите второй станган.

Проходя мимо камеры, в которой спал гуманоид, Чейн заметил, что этот тип проснулся и через решетку смотрел налитыми кровью глазами с красными кругами на то, что происходило в коридоре, однако перепой так помутил ему мозги, что он не понял бы смысла событий даже в том случае, если бы имел ум.

— Поспи еще, мой волосатый брат,— попрощался с ним Чейн.— Города не подходят нам обоим.

Бывшие узники вошли в комнату, в которой только что находились два охранника, и через вторую дверь выбрались на широкую галерею, которая тоже была пуста.

Город притих, почти уснул. Доносилось лишь эхо приглушенных звуков флейты.откуда-то снизу, да чья-то ругань издалека.

— Сюда,— поманил вхолан.— Тут проходит главная автодорога.

— Ни в коем случае,— возразил Чейн.— На ней все еще большое движение и нас легко опознают, как только увидят наши более низкие фигуры.

Он пересек галерею и, высунувшись через невысокую защитную стену, стал всматриваться в ночь.

Туманность проплыла по небосводу положенное расстояние и над Харалом уже занимался новый день. Серебристое сияние туманности шло теперь не вертикально сверху, а косо сбоку, и фантастические каменные горгульи, выступающие с краев покатых крыш города-горы, отбрасывали длинные, искаженные черные тени.

По торчащим на каждом ярусе горгульям Чейн прикинул: они находились где-то выше десятого яруса над землей. Решение возникло мгновенно.

— Будем спускаться по внешней стене,— сказал он.— Она в выбоинах, выветрена, кроме того, на ней есть выступы, которые тоже нам помогут.

Вхолан глянул вниз. Нельзя быть бледнее, чем он был всегда, но можно выглядеть более болезненно, и он это сделал.

— Или спускаемся, или оставайтесь. Как хотите,— сказал Чейн.— Мне без разницы.

А про себя подумал: Да еще какая разница! Между жизнью и смертью, если я вернусь на корабль один, без этого человека.

Вхолан поборол волнение и закивал головой в знак согласия. Оба перелезли через невысокую стену и стали спускаться.

Все оказалось сложнее, чем предполагал Чейн. Камень был выветрен не так сильно, как виделось под косыми лучами туманности. Чейну пришлось цепляться чуть ли не ногтями, чтобы спуститься к ближнему выступу. За ним, прижимаясь лицом плотно к камню, следовал вхолан. Он тяжело и часто дышал, когда поравнялся с Чейном.

Так они и спускались от одной горгульи к другой. Эти каменные чудовища казались состязались между собой в богохульной непристойности. На пятом ярусе беглецы остановились передохнуть. Рассматривая тут горгулью, посеребренную ярким светом туманности, Чейн подумал: как должно быть глупо он выглядит, торча на стене этого города-горы в качестве всадника, восседающего на каменной спине толстогубой твари, у которой лицо и зад слились в одно целое.

Он хихикнул, вызвав испуг на белом лице вхолана.

Перед самой землей пришлось быть значительно осмотрительнее: неподалеку находились одни из больших ворот, и возле них толпились несколько фигур в мантиях. Чейн и вхолан нырнули в спасительную тень и потом направились к космопорту, держась в стороне от идущей туда же автострады. Они благополучно добрались до корабля, который взял их на борт и покинул планету Харал.

VI

Человек по имени Еролин говорил и говорил без умолку, заполнив своими протестами тесную каюту Дайлькюлло.

— Ведь нет никакого разумного объяснения тому, почему вы хотите доставить меня домой, на Вхол.

— Послушайте,— отбивался Дайлькюлло.— С меня хватит того, чего я натерпелся в этой системе. Мы прибыли на Харал, чтобы продать оружие, услышав, что здесь идет война. Но, сдва высадившись, я должен

бежать отсюда из-за того, что один из моих людей попал в переделку. Где гарантия, что Вхол не будет столь же враждебным? Нет, я иду на третью планету — Ярнатх.

— Но это же полудикий мир с жалкими гуманоидами,— воскликнул Еролин.

— Ну и что ж,— парировал Дайльюлло.— Возможно, они будут рады приобрести кое-что из современного оружия и имеют что-нибудь ценное, чтобы расплатиться.

Чейн сидел в углу и восхищенно смотрел, как блефовал Дайльюлло. Это было великолепно... настолько великолепно, что Еролин впал в полнейшее отчаяние.

— Я принадлежу к одной из великих семей Вхола и имею влияние,— сказал он.— С вами ничего не случится. Даю гарантию.

Дайльюлло изобразил на лице сомнение:

— Не знаю, не знаю. Конечно, хотелось бы иметь бизнес на Вхоле, коль будет возможно. Я подумаю.— И добавил.— А вам тем временем лучше бы поспать. У вас такой вид, как будто вы уже спите.

— И в самом деле,— послушно согласился Еролин.

Дайльюлло вышел с ним в узкий коридор.

— Используйте каюту Дауда, вон ту. Он несет вахту на мостике.

Когда Дайльюлло возвратился в свою каюту и сел, Чейн приготовился к головомойке. Но Дайльюлло открыл холодильник, достал оттуда бутылку.

— Хочешь выпить?

Чейн удивился, но стараясь не выдавать этого, кивнул головой и взял бокал. Содержимое ему не понравилось.

— Это виски наше, с Земли,— сказал Дайльюлло.— К нему нужна привычка.

Он откинулся на спинку сидения и уставился на Чейна холодным, пристальным взглядом.

— Что собой представляет Варна?— совершенно неожиданно спросил он.

Чейн задумался.

— Это огромный мир. Но не очень богатый... по крайней мере, до тех пор, пока мы не начали космические полеты.

— Ну да, до тех пор, пока на Варну не прибыли земляне и не научили вас делать звездопланы, и вы не обрели свободу действий в галактике,— продолжал Дайльюлло.

Чейн улыбнулся.

— Я слышал об этом, то было очень давно. Варновцы провели землян, словно детей, заявив, что они хотели бы по примеру землян заниматься только мирной торговлей с другими народами Галактики.

— И с тех пор нам приходится иметь дело со Звездными Волками,— сказал Дайльюлло.— Независимые звездные миры могли бы давно

очистить от них Варну, если бы хоть на один раз прекратили споры, объединились и выступили вместе.

Чейн отрицательно покачал головой.

— Это было бы не так-то просто. В космосе варновцам нет равных: никто не в состоянии выдерживать при ускорении такие перегрузки, какие могут они.

— Ну, а если будет послан достаточно крупный коалиционный флот...

— Ему туго придется. В этом краю галактики насчитывается много могущественных звездных миров. Мы никогда на них не нападали. Более того, мы торгуем с ними, сбывая свою добычу в обмен на их продукцию. Мы выгодные для них партнеры, и они выступят против любой попытки аутсайдеров вторгнуться в их пространство.

— Дьявольская, аморальная взаимосвязь, но это, надо полагать, не смущает варновцев,— проворчал Дайльюлло.— Я слышал, что у них нет никакой религии.

— Религии?— удивился Чейн.— Абсолютно никакой. Именно поэтому мои родители и поехали на Варну, но их миссионерская миссия потерпела провал.

— Никакой религии, никакой этики. Но есть же, наверное, у вас какие-то законы, правила. Особенно, когда вы уходите в рейд.

Начав понимать, куда клонит Дайльюлло, Чейн лишь поддакнул:— Да, есть.

Дайльюлло вновь наполнил бокал.

— Хочу тебе, Чейн, кое-что сказать. Земля — тоже бедный мир. Поэтому многие из нас вынуждены уходить в космос на заработки. Мы не делаем разбойничьи рейды, мы делаем тяжелую, грязную работу в галактике за тех людей, которые не хотят делать ее сами. Нас нанимают, но мы независимые люди... мы не бегаем на поводке. Человек, нуждающийся в наших услугах, приходит к одному из лидеров, имеющих хорошую репутацию... вроде меня. Лидер набирает команду из наиболее подходящих для данной работы людей и нанимает корабль на соответствующих паях. После того, как работа выполнена, вознаграждение получено и разделено, команда распускается. Когда я предпринимаю новую операцию, я могу набрать совершенно иной состав команды.

— К чему все это я говорю,— уперся Дайльюлло глазами в Чейна.— Да к тому, что когда мы собраны вместе для какой-то работы, наша жизнь не может зависеть от точного исполнения всех приказов.

Чейн пожал плечами:

— Как вы помните, я у вас не просил никакой работы.

— Ты не просил, но ты ее имеешь,— грубо оборвал Дайльюлло.— Ты чертовски много мнишь о себе, поскольку ты Звездный Волк. Вот что скажу тебе: до тех пор, пока ты находишься со мной, тебе придется быть очень ручным волком. Если я скажу ждать, ты должен ждать, и ты будешь кусать только в том случае, если я прикажу "кусай!". Понятно?

— Я понимаю, о чем вы говорите,— осторожно ответил Чейн и спустя некоторое время спросил.— Не думаете ли вы, что можно сказать мне о цели нашего полета на Вхол?

— Думаю, что можно,— ответил Дайльюлло,— поскольку, если ты там проболтаешься об этом, тебе грозит смерть. Вхол для нас — это только промежуточный пункт. То, что нам нужно, находится где-то в туманности. Вхоланы имеют там что-то — какой-то вид оружия или энергии, чего хараловцы боятся и просят, чтобы мы его уничтожили. Вот на какую работу мы подрядились.

Помолчав, он добавил:

— Конечно, мы могли бы прямо отправиться в туманность и там летать многие годы, занимаясь бесполезными поисками. Но мы решили, что лучше отправиться на Вхол и предоставить возможность самим вхоланам вывести нас к желанному объекту. Конечно, это хитрый ход и, если они его разгадают, нам не сдобровать.

Чейн загорелся. Он видел, что это опасное дело, а опасность он знал всю жизнь, с того самого дня, когда подрос, чтобы участвовать в рейдах. Опасность — это враг, с которым ты борешься и, если ты его одолеваешь, у тебя будет добыча, а если нет, ты погибаешь. Без борьбы ты изнываешь от скуки, как изнывал до сих пор на этом корабле.

— Как хараловцы узнали об этом вхоланском оружии? От Еролина?— спросил он.

— Да, Еролин сообщил им, что у вхоланцев имеется что-то великое, но что именно, он не знал. Еролин и понятия не имеет о том, что говорил... Перед допросами ему давали специальный препарат и вводили в бессознательное состояние.

— И вскоре вы предоставите Еролину возможность уговорить вас лететь на Вхол?

— Конечно. Думаю, что ему не очень трудно будет уговорить меня. Надеюсь, что и нам не будет трудно отправиться туда!

Чейн возвратился в помещение экипажа, где застал только четырех человек во время полета наемники несут вахту, как и члены экипажа. Люди сидели на койках и разговаривали, но сразу же умолкли при его появлении.

Боллард повернул свою лунообразную жирную физиономию и прошепелявил:

— Ну, как, Чейн... повеселился в городе?

— Повеселился,— кивнул Чейн.

— Замечательно,— сказал Боллард.— Не правда ли, ребята? Замечательно.

Рутледж метнул в сторону Чейна гневный взгляд и не сказал ни слова, но Биксел, не отрываясь от раздираемого им небольшого прибора, нараспев произнес, что это действительно за-ме-ча-тель-но.

Высокий, смахивающий на ковбоя, угрюмого вида Секкипен отбросил в сторону всякие тонкости и громко выпалил Чейну:

— Тебе же надлежало оставаться на корабле. Ты ведь слышал приказ.

— Да бросьте, Чейн — это не мы; он нечто особое,— вмешался снова Боллард.— Он должен быть чем-то особым, иначе Джон не стал бы подбирать в космосе искателя камешков и давать ему все права наемника.

Чейн с первого дня почувствовал недоброжелательность со стороны наемников, но знай они правду о нем, дело бы обернулось куда хуже, чем простое недоброжелательство.

— Твои похождения,— продолжал Боллард,— могли довести хараловцев до бешенства и они могли убить нас. А если бы это случилось?

— Я был бы весьма опечален,— приятно улыбнулся Чейн.

— Он был бы опечален!— воскликнул Боллард.— Слышали? Вот что я скажу тебе, Чейн. Если подобное когда-либо повторится, то я, во имя того, чтобы ты не ходил убитый горем и не страдал от печали, просто прикончу тебя.

Чейн ничего не сказал в ответ. Ему вспомнились слова Дайльюлло о том, что жизнь наемников зависит друг от друга, и он понял, что надо всерьез воспринимать предупреждение шепелявого Болларда.

Эти земляне, подумал Чейн, конечно, не варновцы, но по-своему могут быть не менее опасны, недаром наемники получили репутацию отчаянных людей. По-видимому, стоит закрыть рот и пойти поспать.

Он проснулся уже тогда, когда корабль, перейдя на посадочный вариант, совершал витки вокруг Вхола. Чейн присоединился к группе наемников, рассматривавших планету из переднего отсека. Сквозь медленно плывшие облака виднелись синие, почти лишенные волн океаны и побережья зеленых континентов.

— Очень похожа на Землю,— сказал Рутледж.

У Чейна чуть было не вырвалось "Неужели?", но он удержался от предательского вопроса.

Когда корабль снизился больше, Биксел сказал:

— Вон тот город не похож ни на один на Земле. Разве только не считать старую Венецию и не увеличить ее в пятьдесят раз.

Корабль приближался к равнинному побережью, окаймленному множеством мелких островов, между которыми через сотни проливов катило свои воды море. На островах теснились белые, невысокие здания, широко раскинувшегося города. На отдаленном острове со слегка приподнятой поверхностью виднелся средних размеров космопорт, за которым шли ряды высоких белых зданий, похожих на склады или промышленные предприятия.

— Это куда более развитый мир, чем Харал,— констатировал Рутледж.— Смотрите в порту стоит не менее полдюжины звездопланов собственного производства и много планетопланов.

После того, как они приземлились и открыли запирающий механизм, Еролин начал переговоры на родном языке с двумя молодыми белокурыми портовыми чиновниками.

Чиновники глядели на прибывших с подозрением. Один из них обратился на галакто к Дайльюлло после того, как Еролин представил его в качестве лидера.

— Имеется на борту оружие?

— Образцы оружия,— поправил Дайльюлло.

— Зачем вы привезли их на Вхол?

Дайльюлло изобразил благородное возмущение.

— Я прилетел сюда только ради того, чтобы сделать одолжение вашему другу Еролину! Но возможно нам удастся сделать здесь и какой-то бизнес.

Чиновники оставались учтивыми, но не переубежденными, и Дайльюлло продолжал терпеливо объяснять:

— Послушайте, мы являемся наемниками, и все, что мы хотим делать — это зарабатывать себе на жизнь. Мы слышали, что в этой системе идет что-то вроде войны, и мы прибыли сюда с некоторыми образцами новейших видов оружия. Лучше бы мы никогда сюда не прилетали! Мы приземлились на Харале, но не смогли даже начать переговоры о бизнесе, как они нас выпроводили из-за того, что один мой человек попал в переделку. Если ваши люди не хотят посмотреть на то, что мы предлагаем, ну что ж хорошо; но нет нужды раздувать крупное дело из этого.

Еролин снова заговорил быстро на родном языке с чиновником и, наконец, тот дал согласие.

— Хорошо. Разрешаем посадку. Но у вашего корабля будет поставлен часовой. Никакого оружия с корабля брать нельзя.

— Я понимаю,— кивнул Дайльюлло и, повернувшись к Еролину, сказал:

— Я хочу встретиться с кем-нибудь из ваших чиновников, заинтересованных в покупке новейшего оружия. Кого бы вы посоветовали?

Еролин задумался.

— Тхрандирин, наверное, заинтересуется... Я немедленно свяжусь с ним.

— Если он пожелает встретиться со мной, то найдет меня прямо здесь,— сказал Дайльюлло и обратился к наемникам:

— Пока мы будем здесь находиться, вы можете поочередно побывать в городе. Кроме тебя, Чейн,... тебя лишаю такой возможности.

Чейн ожидал этого и увидел, как наемники усмешками выразили свое удовлетворение решением лидера. Но Еролин, поняв, о чем идет речь, выступил с пространным протестом.

— Чейн — это человек, спасший меня,— заявил он.— Я хочу, чтобы моя семья и мои друзья встретились с ним. Я настаиваю на этом!

Увидев на лице Дайльюлло растерянность и раздражение, Чейн почувствовал желание ухмыльнуться, но сдержался.

— Ладно,— кисло выдавил из себя Дайльюлло,— если уж вы так настаиваете.

Пока они дожидались вхоланских охранников, до прихода которых чиновники порта не разрешали никому покидать корабль, Дайльюлло переговорил один на один с Чейном.

— Ты знаешь, для чего мы прибыли сюда — узнать, что происходит в туманности и где именно. Держи уши открытыми, но не проявляй назойливого любопытства. И Чейн...

— Да?

— Я не очень убежден, что Еролин уж так за все благодарен. Вполне возможно, что они попытаются выведать у тебя что-то о нас. Будь осторожен.

VII

Все пили, веселились, а двое мужчин явно перехватили лишнего. Трое девушек и четверо мужчин, не считая Чейна, плотно набились в скиммер (автомобиль-амфибию), медленно двигавшийся по оживленным проливам под ярко-красным небом туманности.

Еролин напевал веселую песенку, слова которой переводила Чейну находившаяся рядом девушка по имени Лэйниа или что-то вроде этого. В песне говорилось о любви, цветах и прочих подобных вещах. Песня мало трогала Чейна: вот на Варне, там песни — так песни, в них говорится о рейдах, боевых схватках, преодолении опасностей в галактике, возвращении домой с богатыми трофеями. Однако, вхоланы ему нравились, да и их обитель — самая удаленная из планет красного гигантского солнца. Здесь были приняты тропики, а не выжженая, сухая земля, как на Харале.

Поверхность проливов была спокойной, ощущалась лишь ленивое дуновение бриза, пропитанного ароматом цветущих деревьев, которые росли по обе стороны проливов. Эти острова были увеселительным районом вхоланского города, и фактически Чейну только их и удалось увидеть, если не считать удивительно претенциозной виллы, где он встретил родителей и друзей Еролина и где началась эта гулянка.

Он помнил наказ Дайльюлло держать уши открытыми, но не рассчитывал услышать что-нибудь полезное для наемников в этой компании.

— Нам не часто приходится видеть землян,— сказала Лэйниа, хорошо говорившая на галакто.— Время от времени приезжают к нам лишь редкие торговцы.

— Ну и как вы находите нас? Красивыми?— спросил Чейн, потешаясь в душе немало над тем, что его принимают за землянина.

— Ужасными. Волосы разного цвета, даже черные, как у вас. Лица не белые, а то красные, то рыжевато-коричневые.— Сказала девушка, присвистнув выпяченными губами в знак отвращения. И тут же улыбнулась, как будто его она совсем не считала ужасным.

Это заставило Чейна неожиданно вспомнить о Варне, о Граал — самой очаровательной из девушек, которых он там знал, о том, как она подтрунивала над его безволосым телом, резко отличавшимся от ее прекрасного золотистого тела, покрытого нежными волосиками.

Скиммер остановился у причала, и все сошли на берег, где сияло множество огней и гремела веселая музыка. Тут было что-то вроде базара развлечений. Под высокими цветущими деревьями красовались небольшие с остроконечными крышами здания, а между ними гудели толпы праздно шатающихся людей. Вхолане производили прекрасное впечатление, они гордились белизной своего тела и волос, были одеты в спускавшиеся до колен туники необычайно ярких красок.

Когда вся группа расселась под деревом, на котором пламенели огромные оранжевые цветы, и стала снова пить вхоланское фруктовое вино, Еролин стукнул кулаком по столу и с отчаянием сказал Чейну:

— Мне следовало бы быть далеко в космосе, подобно тебе, а не мотаться на жалком планетном крейсере.

Лицо его раскраснелось от вина. Чейн тоже чувствовал воздействие вина и напомнил себе быть осторожнее.

— Ну, и что тебе мешает?— спросил Чейн.— Вхол же имеет звездопланы. Я их видел в космопорте.

— Не так много,— сказал Еролин.— И на приобретение места в одном из них существует очередь согласно старшинству, но в один прекрасный день я попаду в звездоплан, попаду...

— Хватит вам болтать о звездах. Вставайте, пойдемте веселиться,— вмешалась Лэйниа.— А то мы с Чейном оставим вас здесь.

И они продолжили поход по базару развлечений, в одних местах задерживаясь, другие удостаивая только взглядом. Впечатления сменялись как в калейдоскопе: то жонглеры, подбрасывающие серебряные колокольчики — цветы, которые вырастают за секунды из семян и падают на головы посетителей, то снова вино, то танцовщицы, то опять вино.

Когда они выпивали последний раз в длинном, невысоком помещении, которое освещалось огнем в огромных чашах и имело пламенно-красные стены, Еролин неожиданно посмотрел вглубь помещения и воскликнул:

— Смотрите-ка, пайэм! Давно его не встречал. Пойдем, Чейн. Тебе будет потом, о чем рассказать.

И он потащил Чейна за собой, оставив остальных собутыльников продолжать болтовню.

За столом сидел коренастый вхолан, а на самом столе находилось существо, привязанное тонкой цепочкой к запястью вхолана. Оно походило на маленького толстого карлика в форме турнепса, имело две коротких ноги, тело, лишенное шеи и заканчивавшееся конусообразной головой, маленькие мерцавшие глазки и маленький младенческий рот.

— Может ли ваш пайэм говорить на галакто?— спросил Еролин у человека с цепочкой, и тот утвердительно кивнул головой.

— Может. И зарабатывает мне немало денег, которые платят люди из других миров.

— Что это за чертовщина?— полюбопытствовал Чейн.

Еролин ухмыльнулся:

— Это существо не имеет отношения к человеческому роду, хотя смутно чем-то напоминает. Это редкий обитатель наших лесов... у него есть некоторый интеллект и одна необыкновенная способность.— Он обратился к вхолану.— Пусть ваш пайэм покажет это моему другу.

Вхолан сказал что-то на своем языке. Существо повернулось к Чейну и уставилось на него. Чейн почувствовал в себе какую-то обеспокоенность от этого мерцающего взгляда.

— О, да,— сказало существо монотонным как у попугая голосом.— О, да. Я могу видеть прошлое. Могу видеть людей с золотистыми волосами; они бегут к маленьким кораблям в одном из чужих миров и смеются. О, да я могу видеть.

Чейн моментально насторожился, поняв, какую опасность для него может представлять странная способность пайэма. Эта тварь могла читать чужие мысли и воспоминания, выбалтывать их своим противным скрипучим голосом; глядишь, через мгновение оно выболтает какой-нибудь смертельный для Чейна секрет.

— Что это за чепуха?— перебил Чейн громким голосом тварь и обратился к ее хозяину.— Он, что телепат что ли? Если да, то я бросаю вызов: пусть скажет, о чем я сейчас думаю.

Чейн повернулся и уставился на пайэма, направив на него с неистовой злостью и яростью напряженный поток своей мысли: "Если ты хоть что-нибудь скажешь о том, что я сейчас думаю, я убью тебя, убью сейчас, сию же минуту". В эту мысль он вложил всю силу своей воли, всю свою страстную убежденность в успехе.

Глаза пайэма замерцали.

— О, да, я могу видеть,— заскрипело существо.— О да...

— Да?— переспросил Еролин.

Мерцающие глаза смотрели Чейну в лицо:

— О, да, я могу видеть... отсутствие чего-либо. Отсутствие. О, да...

Хозяин пайэма был поражен:

— Ничего подобного раньше с ним не было. Впервые такой провал.

— Наверное, его способности не оказывают воздействия на землян,— сказал Еролин, рассмеявшись. Он дал вхолану монету и они пошли.

— Извини, Чейн. Мне подумалось, что тебе это будет интересно...

Подумалось?— ухмыльнулся про себя Чейн.— А может быть ты все заранее подстроил и привел меня сюда, чтобы выведать мои мысли.

Теперь он был преисполнен подозрительности. Вспомнил почти забытое им предостережение Дайльюлло.

Не выдавая свои видом каких-либо подозрений, Чейн возвратился с Еролином к столу, чтобы вместе с остальной компанией пить и смеяться. Поразмыслив, а затем обведя беззаботным взглядом помещение, он принял решение. Он начал пить больше и так, чтобы всем бросалось в глаза.

— Не так часто,— останавливала его Лэйниа.— Иначе вам не протянуть до конца вечера.

— В межзвездном пространстве нет вина, происходит страшное обезвоживание,— улыбался в ответ Чейн.

Он продолжал пить, а потом стал вести себя так, как будто изрядно накачался. В голове, конечно, немного шумело, но он вовсе не был пьян и следил через все помещение за вхоланом с пайэмом. Около них было несколько человек, пайэм что-то проскрипел, люди дали по монетке и ушли.

Коренастый вхолан снял пайэма со стола, подхватил словно переросшего младенца и покинул помещение, как и предполагал Чейн черным ходом.

Чейн выждал несколько секунд, затем неловко встал на ноги.

— Я скоро вернусь,— сказал он заплетающимся языком и нетвердым шагом направился вглубь помещения, как будто в туалет.

За спиной раздался смешок Еролина:

— Наш друг, кажется, недооценил силу вхоланских вин.

В глубине помещения Чейн огляделся и убедился, что никто на него не обращает внимания. Он быстро проскользнул через черный ход и оказался в темном переулке.

Он увидел, как по аллее удалялась коренастая фигура вхолана. На носках, бесшумными пружинистыми шагами Чейн пустился вдогонку. Пайэм, очевидно, почувствовал приближение Чейна, проскрипел, и его хозяин резко обернулся.

Сжатым кулаком Чейн ударил по подбородку вхолана. Он использовал далеко не всю свою силу (хотя считал это глупостью), так как не имел желания снова представать перед Дайльюлло с извинением, что кого-то убил.

Вхолан упал и потащил за собой цепочку с пайэмом, который от страха отчаянно заскрипел.

— Замолчи! Совершенно замолчи, и я тебя не трону,— направил на него свою мысль Чейн.

Тварь замолкла и съежилась от страха, насколько позволяли ей смешные короткие ноги.

Чейн снял конец цепочки с руки потерявшего сознание вхолана. Потом оттащил свою жертву в темное место между двумя постройками.

Пайэм начал тихо всхлипывать. Чейн слегка шлепнул его по конусообразной голове и мысленно спросил: Ничего тебе не будет. Скажи, твоему хозяину заранее заплатили, что он привел тебя в таверну?

— О, да. Золотыми монетами. Да.

Чейн задумался и опять мысленно задал вопрос:

А ты сможешь узнать, о чем думает человек, если он находится от тебя на некотором расстоянии? Скажем, в противоположном углу таверны?

На сей раз скрипучий ответ пайэма, хотя и начинался с привычным утвердительным вступлением, содержал сомнение.

— О, да. Но, если я буду видеть его лицо.

А теперь говори шепотом, мысленно приказал Чейн пайэму. Шепотом. Не будешь говорить громко — не будет и шлепков.

Вместе с пайэмом он возвратился к черному входу таверны и чуть приоткрыл дверь в помещение.

Вон тот человек за столом в глубине таверны, работал мозг Чейна, человек, на которого смотрю сейчас.

И он посмотрел на Еролина.

Приглушенным, заговорщическим, скрипучим голосом пайэм начал читать мысли Еролина:

— О, да... неужели Чейн заподозрил ловушку? Как он мог... но на какое-то мгновение он выглядел так, как будто заподозрил... во всяком случае трюк не сработал, и я должен доложить Тхрандирину, что я не смог подтвердить наши подозрения... мы не можем рисковать... что там Чейн сейчас делает... может быть ему плохо? Наверное, мне стоит пойти взглянуть.

Чейн бесшумно возвратился в темноту аллеи. Пайэм глядел на него мерцающими глазенками, полными страха.

Мне говорили, что ты из леса, говорил мысленно Чейн. Не желаешь ли туда возвратиться?

— О, да. Да.

Если я тебя отпущу, сможешь ли ты туда добраться?

— О, да. О, да. О, да. О, да...

Хватит. Достаточно, рассудил Чейн. Он снял с пайэма тонкую цепочку и отпустил его на землю. Ладно. Беги, малыш.

Пайэм спешно заковылял в тень и исчез. Чейн был уверен, что пайэм с его телепатическим чутьем без препятствий несомненно доберется до леса.

Он повернулся и зашагал назад, к двери таверны. Еролин, наверное, беспокоится, и нельзя допускать, чтобы дорогой, благодарный друг томился в долгом ожидании.

VIII

Огромный звездоплан стал величественно спускаться к космопорту и на мгновение, казалось, завис в небе, изумительно сверкая в ярких лучах туманности.

Затем он медленно приземлился в зоне порта, отведенной исключительно для военных кораблей Вхола.

Дайльюлло и оператор радиолокационной установки Биксел, находившейся в штурманском отсеке небольшого корабля наемников, изумленно переглянулись.

— Это же не военный, а обычный гражданский грузовой корабль. Что он делает в военной зоне?

— Швартуется,— сказал Дайльюлло и, нагнувшись над плечом Биксела, взглянул на сканнер и показания локатора.

— Он подошел курсом пятьдесят градусов,— сказал Биксел.

Дайльюлло повернул свое усталое лицо, прикрытое длинным козырьком от слепящего сияния туманности:

— Стало быть, он прибыл не из туманности...

— Если это, конечно, не умышленно окольный курс.

— Вот это-то я и имею в виду. Они могут отправляться и прибывать различными маршрутами, заведомо выбирая обходные курсы с тем, чтобы их было трудно засечь.

— Вполне возможно,— согласился Биксел.— И это ставит нас в трудное, если не сказать в смешное, положение. Не проще ли вернуться к мысли, что они играют в открытую. Я чувствовал бы себя куда приятнее в таком случае.

— Я бы тоже. Однако должны же быть какие-то особые причины, чтобы обыкновенный грузовой корабль плюхнулся в строжайше охраняемой военной зоне. Конечно, может быть что-то еще совершенно другое.., но если они доставили что-то важное из туманности, то, наверное, поэтому они и сели в этой зоне.

Дайльюлло выпрямился и сказал Бикселу:

— Продолжай следить за всеми прилетами и отлетами. Может быть, что-то прояснится.

Он вышел из тесного небольшого штурманского отсека и спустился в еще более тесное помещение — архив, где разыскал биржевой бюллетень, ценник и таблицы как с выгодными, так и рискованными ценами на все образцы оружия, имевшиеся на борту корабля. На Вхоле никто, видимо, не испытывал особого желания даже говорить с Дайльюлло о его оружии; это и понятно: если у вхоланов действительно имеется что-то исключительное в туманности, тогда вряд ли им понадобится его оружие.

Тем не менее, считал Дайльюлло, нужно быть готовым к возможным переговорам.

Немного спустя его позвал Рутледж; Дайльюлло сунул в карман катушки с микрофильмами и пошел к выходу. Рутледж показал жестом в направлении города. Оттуда по территории космопорта к их кораблю мчался крупный скиммер. Машины этого типа имеют колеса и используются как на земле, так и на воде.

Из скиммера вышли офицер, человек в штатской одежде, группа солдат с оружием и все направились к кораблю наемников. Штатский был среднего возраста, корпастый, с массивной головой и властным крупным лицом. Он приблизился к Дайльюлло и обвел его холодным взглядом.

— Меня звать Тхрандирин, я из правительства,— сказал он.— С башни космопорта поступило сообщение, что вы пользовались радаром.

Дайльюлло выругался про себя, но его лицо и голос остались невозмутимыми:

— Конечно, пользовались. На стоянках мы всегда делаем испытательную проверку работы радара.

— Боюсь,— заявил Тхрандирин,— что мы вынуждены просить вас и ваших людей не находится в корабле во время пребывания здесь и посещать корабль только в сопровождении нашей охраны.

— Минуточку,— гневно запротестовал Дайльюлло.— Нельзя же так поступать только из-за того, что мы проверяем радар.

— Может быть вы следили за нашими военными кораблями,— отпарировал Тхрандирин.— Мы находимся в состоянии войны с Харалом и передвижение наших кораблей является тайной.

— О, черт бы побрал вашу войну с Харалом,— сказал Дайльюлло.— Единственное, что меня в ней интересует, это деньги.

И это было достаточно верно. Он вынул из кармана катушки с микрофильмами и потряс ими:

— Я здесь для того, чтобы продать оружие. Мне наплевать, кто, как и для чего будет его использовать. Хараловцы откровенно сказали, что им не нужно наше оружие и выпроводили нас. Я буду признателен, если вы, вхоланы, будете столь же честны. Скажите: вы хотите купить или нет?

— Этот вопрос находится пока в стадии рассмотрения,— ответил Тхрандирин.

— Бюрократия становится поистине вселенской, мы ведь тоже к ней придем когда-нибудь. И сколько же надо нам ждать?

Вхолан пожал плечами:

— Пока не будет принято решение. А тем временем в течение часа покиньте корабль. Вокруг порта достаточно гостиниц.

— Э-э, нет,— вспылил Дайльюлло.— Я не покину корабль. Я вызову своих людей из города и мы улетим. Картина исчезающего вдали Вхола будет для меня самым приятным видом за всю жизнь.

— Сожалею,— холодно заявил Тхрандирин,— но мы не можем дать вам разрешения на вылет в настоящее время... возможно даже в течение нескольких дней.

Дайльюлло почувствовал нервное прикосновение аркана, который позже затянется на нем.

— У вас нет никаких юридических оснований нас задерживать, если мы хотим покинуть вашу систему, независимо от того, здесь война или нет.

— Это лишь ради вашей же, собственной безопасности,— сказал Тхрандирин.— Стало известно, что в созвездие вторглась эскадрилья Звездных Волков и, возможно, она уже поблизости от нашего района.

Дайльюлло был искренне удивлен. Он забыл про слова Чейна о том, что бывшие товарищи последнего легко не откажутся от охоты за ним.

Но, с другой стороны, он понимал, что Тхрандирин явно использует тревожный сигнал о Звездных Волках для того, чтобы официально оправдать задержание наемников. Глядя на равнодушное лицо вхолана, можно было не сомневаться, что этот человек и пальцем не пошевелил бы, если бы опасность нависла над всеми наемниками вселенной.

Дайльюлло лихорадочно размышлял. Он не мог не подчиниться приказу здешних властей, но было бы еще хуже допустить излишнее волнение. Оно могло подтвердить подозрения вхоланов.

— Ладно,— сказал он угрюмо.— Все это так нелепо, да еще и корабль останется без присмотра...

— Уверяю вас,— вкрадчиво успокоил Тхрандирин,— корабль будет тщательно охраняться круглые сутки.

Это — едва прикрытое предупреждение, подумал Дайльюлло, но промолчал. Возвратившись в корабль, он собрал всех, кто там находится, и рассказал о случившемся.

— Стоит взять с собой некоторые вещи,— посоветовал он.— Нам, видимо, предстоит провести немало дней на Звездной улице.

Звездная улица — это не столько место, сколько понятие. Астронавты неизменно приклеивали это название любой улице вблизи от космопортов, если там были для них житейские удобства и развлечения. Звездная улица на Вхоле не очень-то отличалась от многих других, где приходилось бывать Дайльюлло.

Тут были и огни, и музыка, и вино, и еда, и женщины.

Это было смачное, многолюдное, но не греховное место, поскольку большинство этих людей никогда не слышали про иудейско-христианскую мораль и не могли подозревать, что занимаются греховными делами. Дайльюлло нелегко было удерживать возле себя наемников во время поисков подходящей гостиницы.

Полногрудая женщина с бледно-зеленой кожей и сверкающими глазами приветствовала его у своего заведения, в распахнутых окнах которого прихорашивались девушки различных оттенков кожи и по крайней мере трех разных моделей.

— Земляне! Здесь вы найдете девяносто девять удовольствий! Входите, земляне!

Дайльюлло отрицательно покачал головой:

— Только не я, мать. Мне нужно сотое удовольствие.

— А что оно представляет, это твое сотое удовольствие?

Дайльюлло уныло произнес:

— Удовольствие посидеть в тишине с хорошей книгой.

Находившийся рядом Рутледж громко расхохотался, а женщина разразилась ругательствами на галакто.

— Старик! Старый, вылущенный землянин. Топай дальше, античность!

Дайльюлло оставалось пожимать плечами в ответ на проклятия, которые неслись вслед за ним по шумной улице.

Он нашел довольно опрятную гостиницу, сторговался о цене номеров. Огромная общая комната была затененной и пустой, как будто хозяева гостиницы заведомо решили выполнить одно из удовольствий, только что отвергнутых Дайльюлло. Он присел вместе с другими наемниками, заказал вхоланского бренди, а затем обратился к Рутледжу.

— Возвращайся к кораблю. Охранники, наверняка, не пустят тебя внутрь, подожди где-нибудь рядом и, когда наши парни придут из города, сообщи им адрес этой гостиницы.

Рутледж кивнул и ушел. Дайльюлло и другие наемники некоторое время молча пили бренди.

Затем Биксел разрядил тишину:

— Ну, что, Джон, накрылась наша работа?

— Пока нет.

— Наверное, нам не следовало прилетать на Вхол.

Дайльюлло не обижался на критику. Наемники — весьма демократическая категория людей и, подчиняясь приказам лидера, они в то же время не преминут сказать ему прямо, когда он в чем-то ошибается. А лидер, который слишком часто ошибается и слишком часто возвращается с пустыми руками, вскоре увидит, что ему трудно набрать людей в свою новую команду.

— Для нас это, кажется, был наиболее подходящий шанс,— сказал Дайльюлло.— Мы могли бы не летать далеко в туманность и не искать там иголку в огромнейшем стогу сена. Вы знаете, сколько парсеков составляет поперечность туманности?

— Не простой вопрос,— сказал Биксел и, преуменьшив расстояние в десяток раз, отказался от дальнейшего обсуждения этой темы.

Вскоре стали прибывать в гостиницу остальные наемники, в большинстве своем совершенно трезвые. Секкинен передал донесение Рутледжа из космопорта.

— Рутледж,— сказал он,— просил сообщить, что в военной зоне порта разгружаются какие-то предметы из прибывшего транспортного

корабля. Он видел это сквозь ограду. Выгружали и быстро убрали в склад какие-то клети.

— Неужели?— спросил Дайльюлло.— Становится все интереснее.

Он обрадовался приходу Боларда. Тучный и расхлябанный на вид Боллард заметно выделялся среди наемников своими способностями, сам неоднократно бывал лидером.

Послушав наемников, он задумался, потом сказал:

— Думаю, мы предприняли максимум возможного. Мое мнение — надо убираться с Вхола как можно быстрее. Придется довольствоваться тремя полученными светляками и пожелаем себе больше везения в следующий раз.

Предложение прозвучало вполне здраво. Наемникам, почувствовавшим на себе подозрения вхоланов, было трудно с этим не согласиться. На лице были все основания поступить именно так, как советовал Боллард.

Но беда была в том, что Дайльюлло не выносил унижений. Беда была еще и в том, что он не мог позволить себе скандального провала нынешней миссии. Это означало бы для него начало конца в карьере лидеров наемников. Он становился старым для этой работы. Никто об этом серьезно не думал, зная его заслуги, но сам-то он задумывался. И очень часто. Наверное, чересчур часто. Такого крупного скандального провала, как этот, рассуждал Дайльюлло, будет вполне достаточно, чтобы ему заявили: ты уже устарел для лидерской работы. Сказано будет с сожалением, с упоминанием его больших прошлых заслуг, но все-таки будет сказано.

— Послушай,— обратился он к Болларду.— Не все потеряно. Пока, во всяком случае. Хорошо, мы не можем пользоваться радаром для определения места, откуда они приходят. Но есть ведь другая возможность определить это место. В военной зоне порта приземлился корабль. Грузовой корабль, не военный. Если бы он не был чрезвычайно важным, его бы туда не допустили.

Боллард насупился:

— Ну и что? Это транспортный корабль, доставляющий грузы для тех, кто что-то делает в туманности. Без сомнения. Но какое отношение он имеет к нам?

— Никакого, если этот корабль просто загружается и улетает... а мы не можем следовать за ним. Но ведь он-то сюда что-то доставил. Рутледж видел, как они выгрузили и быстро убрали в склад какие-то клети.

— Ну и что,— холодно и безразлично посмотрел на него Боллард.

— Представь себе, а если бы нам удалось взглянуть на то, что находится в этих клетях... Да не только взглянуть, но и произвести аналитическое сканирование.., а потом через сравнение с архивными дискетами определить происхождение этих предметов... Это могло бы нам дать представление о том, чем они занимаются, и где именно.

— Может да, а может и нет. Но дело-то не в этом. Ведь войти в склад и выйти из него благополучно, миновав все охранные устройства,— это почти невозможно.

— Почти. Но не совершенно,— возразил Дайльюлло и обратился ко всем:

— Есть добровольцы?

В ответ он получил насмешливые реплики и хмурое покачивание головами.

— В таком случае, в действие вступает старый закон наемников,— заявил Дайльюлло.— Если на рискованную работу нет добровольцев, то ее выполняет тот, кто последним нарушил дисциплину.

На лунообразной физиономии Болларда расплылась широкая улыбка.

— Ну, конечно,— сказал он.— Конечно же. Морган Чейн.

IX

Лежа на спине, Чейн взирал на небосвод, освещенный туманностью и бороздил рукой воду с борта скиммера, бесшумно скользившего по глади проливов.

— Хочется спать?— спросила его Лэйниа.

— Нет.

— Вы ужасно много пили.

— Теперь я в форме,— заверил Чейн.

Он был действительно в форме, но по-прежнему начеку. Хотя Еролин ничего подозрительного не делал, а лишь больше пил, вел себя очень располагающе и радушно, Чейну было уже достаточно того, что с помощью пайэма он проник в тайные мысли вхолана.

Когда они бродили по увеселительным местам, Еролин предложил Чейну посмотреть на то, что он назвал "кормлением Золотых". Чейн решил, что речь идет о каких-то морских существах и их регулярном кормлении. Не считая подобное занятие интересным, он сумел отвлечь Лэйниа от компании и пригласить покататься на скиммере между островами. Еролин не имел ничего против, и это насторожило Чейна.

— Сколько времени вы рассчитываете пробыть на Вхоле, Чейн?— спросила Лэйниа.

— Трудно сказать.

— Но, если все, что вы делаете здесь, сводится к попытке продать оружие, то, видимо недолго. Верно?

— Есть и другая цель нашего прилета на Вхол. Но, наверное, лучше не говорить тебе об этом.

Девушка мгновенно заинтересовалась, наклонилась к нему, и он увидел на фоне полыхающей туманности четкий профиль ее лица.

— Какая другая цель?— спросила она.— Вы мне можете сказать.

— Ладно. Скажу. Мы прибыли сюда вот для чего... хватать красивых женщин всюду, где они встречаются...

И он схватил ее, стащил вниз.

Лэйниа вскрикнула:

— Вы же спину мне сломаете!— смеясь, он немного ослабил объятия, и она отстранилась от него.— Все земляне такие сильные?

— Нет,— сказал Чейн.— Ты можешь сказать, что я особенный.

— Особенный?— переспросила она с презрением и ударила по его щеке.— Ты такой же, как все земляне. Отвратительный. Ужасно отвратительный.

— Тебе придется привыкнуть к этому,— сказал он, не давая ей вырваться.

Скиммер миновал наиболее отдаленные острова и вышел в открытое море, блестевшее от полыхавшего неба словно измятая серебристая фольга. За кормой остались огни острова развлечений с доносившимися оттуда обрывками веселой музыки.

Издалека со стороны побережья послышалось "пфа!", и чуть позднее где-то близко от скиммера прозвучал глухой шлепок по воде. Все это вновь повторилось и вдруг Лэйниа содрогнулась в ужасе.

— Началось кормление Золотых!— закричала она.

— Подумаешь, пропустим.

— Ты не понимаешь... нас занесло как раз на место кормления! Смотри!..

Чейн снова услышал "пфа!" и вскоре увидел огромную темную массу, которую метнули с острова развлечений. Она упала в море недалеко от скиммера и, когда всплыла на поверхность, то выглядела темным волокнистым кормом.

— Если попадут в нас, больно не будет..,— начал он говорить, но Лэйниа его прервала пронзительным криком.

Море яростно забурлило возле скиммера. Легкое суденышко затряслось, закачалось, и из потревоженных вод раздался оглушительный рев.

Колоссальная желтая голова разорвала водную поверхность. Размером десять футов поперек она была куполообразной, скользкой. Раскрывшаяся огромная пасть схватила массу волокнистого корма. Громко чавкая, голова смотрела на Чейна и Лэйниа огромными, круглыми невыразимо глупыми глазами.

Чейн увидел, что теперь на поверхность со всех сторон неистово прорывались и другие головы. Сталкиваясь друг с другом в жестоких схватках, чудовища жадно набрасывались на куски волокнистой пищи, продолжавшей поступать с побережья. У них были странные, рукоподоб-

ные плавники и золотистого цвета тела таких гигантских размеров, что киты по сравнению с ними выглядели бы меньше селедки.

Лэйниа не переставала визжать. Чейн заметил, что ближайшее к ним чудовище, сожрав корм, двинулось прямо на скиммер. Было совершенно очевидно, что эта безмозглая громадина приняла скиммер за необычайно крупную порцию корма и намеревалась ею поживиться.

Чейн схватил со дна скиммера спасательное весло и ударил что было силы по макушке мокрой, куполообразной головы.

— Включай мотор и выруливай отсюда,— не оборачиваясь крикнул он девушке.

Он поднял весло, чтобы нанести новый удар. Но Золотой, вместо того, чтобы рассвирепеть и атаковать, открыл свою гигантскую пасть и оглушительно зарыдал.

Чейн расхохотался. Было ясно, что громадная тварь за всю свою жизнь никогда не получала столь болезненного удара и теперь рыдало словно ребенок, получивший шлепок.

Все еще хохоча, он повернулся к девушке:

— Перестань визжать, черт тебя побери, запускай мотор.

Лэйниа не расслышала его слов из-за рева чудовища, но вид хохотавшего Чейна, видимо, привел ее в шоковое состояние и истерика прекратилась. Девушка включила небольшой мотор, и скиммер заскользил прочь.

Суденышко подпрыгивало, кренилось, спотыкалось на волнах, поднятых Золотыми. Снова одно из чудовищ дважды принимало скиммер за нечто съедобное и пыталось поживиться. И Чейн каждый раз снова пускал в ход весло. Оказалось, что он правильно сообразил. Золотые, разумеется, не могли испытывать сильной боли, но были в замешательстве от неожиданных ударов: ведь до сих пор ничто не осмеливалось прикасаться к этим гигантам.

Когда Чейн и Лэйниа возвратились на остров развлечений, Еролин и другие бросились им навстречу. Лэйниа, все еще в слезах, с укором показывала на Чейна.

— Он смеялся!

Еролин воскликнул:

— Вы же могли погибнуть! Тем не менее поплыли туда?

Чейн предпочел уклониться от ответа. Он сказал Лэйниа:

— Прошу простить. Но уж очень забавным было тупое удивление этого чудовища.

Еролин покачал головой:

— Вы не похожи ни на одного землянина, из тех, кого я до сих пор встречал. Вы просто безумец.

Не желая, чтобы Еролин продолжал эту тему, Чейн сказал:

— Кажется, нас ждет выпивка.

Они выпили, потом еще и еще, и к тому времени, когда Чейна привезли в космопорт, все были одной веселой, шумливой компанией, А Лэйниа почти, если не полностью, простила землянина.

Рутледж встретил Чейна еще до подхода к кораблю.

— Прекрасно, что ты объявился. Я тут несколько часов околачиваюсь, ожидая тебя, хотя, конечно, говорю это не в упрек.

— А что случилось?— спросил Чейн.

Рутледж рассказал ему все, пока они шагали по Звездной улице, все еще сверкавшей огнями и наполненной хриплыми голосами. Рутледж решил заглянуть в таверну, чтобы развеять скуку, а Чейн отправился в гостиницу.

Он застал Дайльюлло одиноко сидящим в общей комнате с недопитым бокалом бренди.

— Твои друзья — Звездные Волки все еще гоняются за тобой,— сказал Дайльюлло.

Чейн выслушал и заметил:

— Я не удивлен. У Ссандера два брата в этой эскадрилье. Они не вернутся на Варну до тех пор, пока не увидят мое мертвое тело.

— Мне кажется,— Дайльюлло в раздумье посмотрел на него,— мое сообщение тебя не очень волнует.

— Варновцы не волнуются,— улыбнулся Чейн.— Если ты встречаешь врага, то стремишься убить его и надеешься на удачу. А преждевременное волнение к добру не ведет.

— Прекрасно,— сказал Дайльюлло.— А я волнуюсь. Меня волнует встреча с варновцами. Меня волнуют вхоланы и их новые шаги. Они определенно питают к нам недоверие.

Чейн согласился, рассказал ему о Еролине и пайэме. Потом добавил, пожав плечами:

— Если операция провалится, значит провалится. Признаюсь, вхоланы мне нравятся куда больше, чем хараловцы.

— И мне,— посмотрел на него Дайльюлло,— куда больше. Только есть еще что-то большее.

— Что?

— Две вещи. Первая: когда наемник берется за дело, он держит слово. И вторая: эти приятные вхоланы ведут захватническую войну против Харала.

— Что тут плохого, если они собираются захватить Харал?— улыбнулся Чейн.

— Для Звездного Волка может быть и нет, но землянин смотрит по-другому.— Дайльюлло сделал несколько глотков бренди и неспеша продолжал.

— Скажу тебе кое-что. Для вас, варновцев, рейды и захваты стали чем-то вроде забавы. Другие звездные миры — многие из них — считают захваты хорошим и правильным делом. Но есть планета, кото-

рой совершенно не нравятся войны, настолько она миролюбива. Это Земля.

Дайльюлло поставил бокал с бренди на стол.

— И ты знаешь, Чейн, почему? Потому что тысячелетиями Земля была ареной войн и захватов. Мы настолько ненавидим войны, что ты и представить себе не можешь. Мы очень долго, слишком долго были по уши в крови сражений и поэтому больше к ним не прибегаем.

Чейн молчал.

— А-а, что толку говорить с тобой об этом,— вздохнул Дайльюлло.— Ты молод, да еще неправильно воспитан. А я не молод и молю бога, чтобы опять возвратиться в Бриндизи.

— Это что, место на Земле?

— Да,— печально произнес Дайльюлло.— Оно на морском побережье и утром можно видеть, как из тумана Адриатики поднимается солнце. Это чудесно и это твой дом. Единственная беда — там можно умереть с голоду.

— А я,— сказал через некоторое время Чейн,— помню название места на Земле, откуда прибыли мои родители. Уэльс.

— Мне приходится бывать там,— вспомнил Дайльюлло.— Темные горы, темные долины. Люди поют словно ангелы, ведут себя благородно, по-дружески, но если ты их выведешь из терпения, становятся тиграми. Наверное, в тебе что-то есть и от них, не только от варновцев.

Чейн помолчал, перевел разговор на другую тему.

— Ну что ж, пока ничья. Мы ничего не нашли, и вхоланы ничего не нашли. Как дальше разовьются события?

— Завтра,— сказал Дайльюлло,— я устраиваю очень крупную и убедительную презентацию оружия, на которой постараюсь кое-что продать этим людям.

— А чем мне заняться?

— Тебе? А тебе, мой друг, предстоит поразмыслить, как можно осуществить невозможное, осуществить быстро, аккуратно, незаметно и уж, разумеется, не попадаясь.

— М-м, на это уйдет у меня час или два, а что делать потом?

— Сидеть и заниматься собственной персоной,— Дайльюлло отодвинул бутылку.— Присядь. Я должен поговорить с тобой. О невозможном.

Когда Дайльюлло закончил изложение своей идеи, Чейн смотрел на него почти с благоговением.— Мне, возможно, потребуется часа три для того, чтобы все обдумать. Я вижу, Дайльюлло, что вы мне очень доверяете.

Дайльюлло оскалил зубы:

— Только потому ты и жив. И если ты подведешь меня, ни тебе, ни всем нам не поздоровится.

X

На следующую ночь Чейн лежал в траве за пределами военной зоны космопорта и изучал ее огни. В одной руке у него был сверток из шести футов тонкой, серебристого цвета ткани, а другой рукой он крепко держал снока за ошейник.

Снок был в ярости от испуга. Эти животные по виду смахивают на маленьких кенгуру, а по нраву — на собак. Они носятся веселыми стаями в некоторых районах города. Этому сноку было не до веселья: к его ошейнику был прикреплен кожаный мешок, полностью закрывавший голову. Снок непрестанно отшвыривал задними ногами землю и пытался вырваться, но Чейн крепко держал его.

— Потерпи немного,— успокаивал он животное шепотом.— Совсем немного.

Снок отреагировал очередной порцией рычания и лая, которые были успешно заглушены кожаным мешком.

Чейн заранее все продумал в гостинице. Теперь он вел наблюдение за конусообразной башней, возвышавшейся над главным зданием порта. Именно там находился кольцевой энергоизлучатель в кольце прожекторов, которые были видны днем, а сейчас погрузились в темноту.

Чейн медленно пополз в сторону порта, волоча за собой сопротивлявшееся животное. Каждый его мускул был напряжен. В любой момент могло случиться так, что он пересечет кромку энергетической ауры, создаваемой кольцевым излучателем на всей территории военной зоны космопорта. Он понимал, что как только это произойдет, события развернутся с молниеносной быстротой.

Он продолжал медленно ползти готовый в любой момент к стремительному движению. Снок все больше причинял беспокойство, но Чейн упорно тащил его за собой. Уже можно было различать огни и очертания огромных звездопланов в порту, военные корабли с мрачными закрытыми амбразурами по бортам. Было видно и невысокое здание склада.

Случилось это почти в тот момент, когда Чейн и предполагал. По всему порту раздался пронзительный вой сирены, и ожили прожектора. Лучи света вскоре метнулись в его сторону. Приводимые в действие и нацеленные компьютерами, связанными с кольцевым энергоизлучателем, они могли быстро перемещаться. Но приобретенные на Варне рефлексы давали Чейну некоторые преимущества. Как только взревела сирена, он начал стремительно действовать.

Он сорвал правой рукой мешок и ошейник со снока, бросился плашмя на землю, накрыл себя куском сероватой ткани и замер.

Отпущенный на волю снок помчался через территорию военной зоны крупными пружинистыми скачками, неистово лая и подвывая. На нем мгновенно скрестились два прожектора, а остальные образовали своими лучами по всему периметру зоны сложную, математически запрограммированную конфигурацию.

Чейн лежал совершенно неподвижно, стараясь выглядеть обычным бугорком на земле.

Он услышал, как в зону на большой скорости примчался скиммер и остановился на некотором расстоянии от него. Услышал он и неистовый лай удалявшегося снока.

Кто-то в скиммере крепко выругался, кто-то расхохотался. Машина ушла в том же направлении, откуда прибыла.

Прожекторы, еще немного пошарив лучами, погасли.

Чейн продолжал тихо лежать под куском материи. Через три минуты прожекторы неожиданно снова вспыхнули, прошлись лучами по зоне и снова погасли.

Только теперь Чейн вылез из-под материи, ухмыльнулся, свернул ее в рулон.

— У Звездных Волков даже дети могли бы туда проникнуть,— говорил он накануне Дайльюлло, после предварительной разведки. Но это было просто мелким хвастовством после первого шага, который он тогда сделал. Остальная часть работы вовсе не для детей.

Осторожно Чейн двинулся к складу, стараясь чаще держаться в тени и используя свою маскировочную материю всякий раз, когда останавливался, чтобы прислушаться. Склад, представлявший собой невысокое металлическое помещение с плоской крышей, по-видимому, не охранялся, но, если в нем содержалось что-то важное, то, наверняка, имелись хитроумные устройства для обнаружения злоумышленника.

Потребовался почти час, прежде чем Чейн смог попасть в склад, погруженный в темноту. Проник он туда через крышу. Для этого вначале использовал миниатюрный чувствительный прибор, чтобы определить свободный от сигнальных устройств участок крыши, а затем применил атомет, прикрытый чехлом, чтобы вырезать аккуратный круг. Если, уходя, этот круг потом вставить на прежнее место, то произведенное вскрытие долго нельзя обнаружить.

Чейн вынул из кармана фонарик и тонким пучком света прошелся вокруг. Прежде всего он заметил, что выгруженные с транспортного корабля клети не были распакованы.

Около клетей на длинном столе со скрещенными ногами стояли три предмета. Чейн всмотрелся повнимательнее. Обошел вокруг стола, чтобы рассмотреть их со всех сторон. Снова уставился, недоуменно покачал головой.

Через его руки в свое время прошло много всяких необычных трофеев. И ему казалось, что он может безошибочно определить, или, по

крайней мере, понять назначение почти любой вещи, сказать, из какого материала она сделана.

Но эти три предмета его озадачили.

Они были сделаны из одного и того же материала — металла, чем-то похожего на светлое, твердое золото. Такого металла Чейн никогда раньше не встречал. По форме предметы были разные. Первый — сверкавшая спираль рифленой ленты, поднимавшаяся словно змея на высоту трех футов. Второй — похожее на атомиум сооружение из девяти небольших шаров, жестко соединенных между собой, короткими, тонкими стержнями. Третий — усеченный конус, широкий и массивный у основания, без каких-либо отверстий и украшений. Внешне предметы были довольно красивы и могли сойти за изделия прикладного искусства, но интуиция подсказывала Чейну, что у них иное назначение, а вот какое — он не мог себе представить.

Все еще недоуменно покачивая головой, Чейн напомнил себе, что в его распоряжении отнюдь не вся ночь. Он вынул из поясной сумки миникамеру и небольшой, но удивительно умный прибор, которым его снабдил Дайльюлло,— портативный анализатор, чувствительные лучи которого, проникая между молекулами, исследуют вещество и выдают довольно точную характеристику его основных компонентов. Чрезвычайная миниатюрность прибора ограничила сферу его применения, но там, где он используется, ему цены нет. Чейн приставил сенсорные выступы прибора к основанию золотистой ленточной спирали и включил прибор, а затем стал быстро щелкать своей маленькой фотокамерой.

Усеченный конус загораживал часть десятишарного атомиума. Чейн протянул руку и отодвинул конус... металл оказался гладким как атлас, неприятно холодным и удивительно легким. Чейн наклонился мимо конуса, чтобы прицелится глазком фотовспышки на золотистые шары атомиума. И вдруг остолбенел.

Из темноты склада донесся тихий шепот.

Чейн резко повернулся на пятках, бросил руку на станнер под курткой и повел лучом фонарика по всем углам. ОН увидел все те же загадочные золотистые предметы и штабели стандартных ящиков, используемых в космических перевозках.

Ничего больше. И никого.

А шепот стал понемногу нарастать. Словно кто-то, или что-то, пытался бормотать с придыханием. На этот раз Чейн определил источник шепота. Он шел из конуса.

Чейн отступил назад. Конус, попавший в луч фонарика, блестел и был недвижим. Однако исходивший из него шепот стал громче.

Более того, теперь из конуса пошел еще и свет, словно излучаясь чистым металлом. Это был необычный свет, он представлял собой вращающийся завиток мягкого раскаленного добела пламени. Непрерывно струясь из конуса, завиток поднимался все выше и выше, превратившись

потом в огромный светлый венец, повисший в нескольких футах над головой Чейна.

Совершенно неожиданно венец рассыпался на несметное количество крошечных звездочек.

Шепчущий голос зазвучал громче. Крошечные звездочки посыпались дождем вниз. Они не были простыми искрами или крупинками света: каждая отличалась от другой, каждая походила на настоящую, но невероятно уменьшенную звезду.

Они кружились и плавали вокруг Чейна, однако он не ощущал их прикосновения. Несметное число красных гигантов и белых карликов, дымчато-оранжевых солнц и адски раскаленных квазаров... — все это выглядело так реально, что на какой-то момент Чейн утратил понимание, где он находится. Ему казалось, что это были подлинные звезды, а он, гигант, стоял в каскаде вращающихся солнц.

Бормочущий голос еще больше усилился, и теперь Чейн мог расслышать в нем странные, неравномерные ритмы.

Кто-то (а может быть что-то) пел?

Чейн вдруг понял, какая надвигается на него опасность. Ведь если в складе имеются срабатывающие на звук сигнальные устройства, то они как раз сейчас и могут вступить в действие.

Чейн потянулся к корпусу, чтобы поискать на нем какой-нибудь выключатель. Но рука его еще не дотянулась до корпуса, как кружившие вокруг звездочки исчезли, и шептание прекратилось.

Он немного удивился, но быстро сообразил, в чем дело. Конус, казавшийся сплошным, был аппаратом, воспроизводившим аудио— и видеозаписи, он включался и выключался простым приближением руки.

Но кто (или что) сделал такие записи?

Чейн решил осторожно обследовать и другие золотистые предметы — рифленую спиральную ленту и атомиум. Но ни один из этих предметов не реагировал на приближение руки.

Чейн задумался. Представлялось очевидным, что вхоланы, доставившие сюда эти предметы, не были их создателями. Тогда кто же?

Один из народов, обитающий в туманности? Тот, который достиг невиданного уровня технологии? Но, если так, то...

Чейн услышал легкое пощелкивание, исходящее от двери склада.

Он мгновенно замер. Ну, вот, как он и предполагал: в складе былотаки сигнальное устройство, реагирующее на звук, оно сработало, прибыли охранники и теперь набирают цифровую комбинацию замка двери. Чейн лихорадочно начал искать решение. Он подбежал к золотистому конусу и провел над ним рукой: включился шепот, начал струиться свет. Положив анализатор и фотокамеру в пристяжной карманчик пояса, Чейн бросился прочь от конуса.

В двери снова раздалось мягкое пощелкивание. Чейн отскочил в угол склада и присел за ящиками.

Венец света, повисший в темноте над конусом, рассыпался, как раньше, на крохотные звездочки, а шепот усилился.

Дверь склада распахнулась.

В ее проеме появились два вхоланских охранника в касках, держа наготове лазеры смертельного действия. На какую-то секунду они были ошеломлены изумительным каскадом звезд.

Этой секунды Чейну хватило, чтобы уложить обоих своим станганом.

Через несколько минут, подумал он, вхоланы хватятся своих охранников. А ведь по его плану на обратный путь требовалось намного больше времени.

По лицу Чейна пробежала усмешка: *К черту умные планы! Поступай, как поступают Звездные волки*!

Перед складом стоял небольшой скиммер, на котором прибыли охранники. Чейн наклонился, снял каску с одного из лежавших без сознания вхоланов и одел на свою голову. Каска должна была прикрыть его лицо и скрыть цвет его волос, далеко не альбиносово-белых, как у вхоланов. Чейн прихватил у охранника и куртку, набросив поверх своей невхоланской одежды.

Он вскочил в скиммер на водительское сидение включил двигатель и с криками помчался к главным воротам военной зоны порта.

На башне вспыхнули прожекторы и скрестили на нем свои лучи. Подъехав к воротам, Чейн стал дико размахивать левой рукой и кричать на стражей. Не зная ни слова по-вхоланski, он выкрикивал бессловесные наборы звуков, так как знал, что вой сирены все равно все заглушит. Возбужденно показывая рукой вперед, он гнал скиммер на предельно высокой скорости.

Удивленные, ничего не понимающие стражи отскочили в сторону, и Чейн с хохотом умчался мимо них в темноту ночи. Это была старая, проверенная тактика варновцев: будь умен и хитер, насколько можешь, но если это не срабатывает, иди напролом, пока противник не разобрался. Он и Ссандер часто прибегали к такому приему.

На мгновение ему стало жалко, что Ссандера нет больше в живых.

XI

— Они не видели меня, — говорил Чейн. — Не то, чтобы узнать во мне чужестранца. Клянусь. Они совершенно не видели меня.

При свете лампы лицо Дайльюлло выглядело очень усталым, морщины были глубокими словно прорези в маске из темного дерева.

— А что ты сделал со скиммером?

— Нашел глухой пляж, заехал подальше в воду и утопил, — Чейн посмотрел на Дайльюлло, а потом удивился на самого себя: с какой стати он оправдывается. — А все из-за этого чертова конуса, воспроизводителя записей. У меня не было возможности разобраться, что это за штука, и он сам включился, когда моя рука оказалась близко от него.

Чейн обратил внимание, что Дайльюлло смотрит на него очень странно, и поспешил продолжить:

— Не беспокойтесь ни о чем. Я проник в склад через крышу. Никто меня не видел. С чего бы им подозревать нас? Несомненно, и среди них водятся чрезвычайно любопытные люди, иначе зачем все эти строгие меры безопасности. Если на Вхоле нет воров, то это редчайшая планета в галактике.

Он бросил поясную сумку на колени Дайльюлло.

— Во всяком случае я забыл то, что вы хотели. В ней есть все, — Чейн сел и сам себе налил бренди из бутылки Дайльюлло. Он заметил, что из нее было немало выпито, но Дайльюлло выглядел трезвым как стеклышко.

— Все равно, — сказал Дайльюлло. — Думаю, пришло время нам распрощаться с Вхолом.

Он отложил в сторону сумку, которую возвратил ему Чейн. — С этим придется подождать до технической лаборатории на корабле. — Потом наклонился вперед, уставился на Чейна:

— Чем больше всего поразили тебя те предметы?

— Металлом, из которого сделаны. Непонятным своим предназначением. А главное тем, что прибыли из туманности, где нет ни одного обитаемого мира с технологией выше Второго класса.

— Не знал, что ты осведомлен об этом. По дороге сюда от Харала мы изучили все документы микроархива.

— Или микроархивные документы ошибочны или что-то тут непонятно. Те предметы принадлежат не только высокой, но и совершенно неизвестной нам технологии.

Дайльюлло не возражал. Он встал и приподнял уголок занавески. За окном уже светало. Чейн выключил лампу и в небольшой номер гостиницы на Звездной улице хлынули жемчужно-розовые лучи.

— Чейн, а не могло это быть оружием? Или компонентами оружия?

Чейн отрицательно помотал головой:

— Плейер, разумеется, нет. За два других предмета не могу, конечно, поручиться, но *чувствую*, что и они не похожи.

Он имел в виду внутреннее чувство, инстинктивное распознавание профессиональным бойцом любого смертоносного механизма.

— Это интересно, — заметил Дайльюлло и спросил:

— Кстати, говорил ли я тебе, что завтра Тхрандрин желает взглянуть на наши образцы оружия, намереваясь что-нибудь купить? Ну, ладно, иди, Чейн, поспи хоть немного. И когда я разбужу тебя, быстро поднимайся.

Разбудил Чейна, однако, не Дайльюлло, а Боллард, выглядевший так, словно только что проснулся или наоборот собирался спать.

— Если у тебя есть какие-то пожитки, которые ты не в силах здесь оставить, возьми с собой... но возьми их столько, чтобы они вместились в твой карман, — Боллард почесал свою грудь и широко зевнул. — А про те, что не вместятся, забудь.

— Я путешествую налегке, — Чейн стал одевать ботинки, единственное, что снял с себя перед сном. — А где Дайльюлло?

— На корабле вместе с Тхрандирином и какими-то военными шишками. Он хочет, чтобы мы были с ним.

Чейн бросил зашнуровывать ботинки и встретился с пристальным взглядом Болларда. Маленькие глаза за жирными розовыми веками были какими угодно, только не сонливыми.

— Понятно, — сказал Чейн и, пристукнув пяткой ботинка о пол, встал, улыбнулся Болларду. — Ну, что ж, поспешим, чтобы он долго не ждал нас.

— Не хочешь ли спуститься вниз и объяснить это караулам? — ленивый толстяк, которого ничто на свете не тревожило, вдруг неожиданно улыбнулся в ответ. — Они выставлены прошлой ночью как у главного, так и запасного выхода из гостиницы. Тхрандирин заявил, что нас подвергли домашнему аресту ради нашей же собственной безопасности на период чрезвычайного положения. Их встревожило какое-то происшествие прошлой ночью. Но какое — Тхрандирин не сказал. Он разрешил только Мачрису, да еще одному человеку пройти вместе с Дайльюлло на корабль. Так что здесь с нами почти весь экипаж. Но у наших караульных лазеры. Стало быть, может возникнуть некоторая проблема...

Боллард помолчал немного и сказал:

— Джон говорил, что ты вроде хорошо лазишь по крышам. А могут ли это делать и другие люди, скажем, толстые недотепы вроде меня?

— Не могу поручиться за прочность конструкции этой крыши, — ответил Чейн. — Но если ты не провалишься сквозь, то все будет в порядке. Главное чтоб было тихо. Эти дома не очень высоки и если нас услышат караульные, то будет куда хуже, чем мы столкнемся с ними лоб в лоб.

— Ну, что ж, попробуем, — сказал Боллард и покинул Чейна, которому очень хотелось, чтобы сейчас была ночь.

Но ночи не было. Был полдень, над головой сверкало белое яркое солнце, лучи которого сразу ударили в глаза Чейну, когда он осторожно открыл чердачный люк.

Увидев, что никого нет, Чейн вылез на крышу и пригласил жестом других следовать за собой. Бесшумно, по одному, наемники поднялись по лестнице и так же бесшумно, с интервалами, быстро, но не бегом, направились по крыше в указанном Чейном направлении.

А Чейн и Боллард тем временем наблюдали за улицами, лежавшими внизу по обе стороны гостиницы. Боллард, как главный сейчас в группе, взял на себя наиболее важный объект, а Чейну выпала аллея. Он пристально смотрел на все из-за кухонной трубы, неподвижно застыв словно вытесанная из камня хараловская горгулья. Караульные были выносливыми парнями. Терпеливо, без признаков усталости они стояли на постах, не обращая внимания ни на палящее солнце, ни на трескотню глазевших мальчишек, ни на девушек, очевидно, советовавших им пойти выпить прохладительных напитков, пока кто-нибудь их хватится. Чейн испытывал сильную неприязнь к вхоланским караульным. Он отдал бы предпочтение тем парням, которые не боялись бы расстегнуть китель, уйти в тень и болтать с девушками.

Наемники не были столь ловкими как варновцы, которым вообще нет равных, но все-таки оказались довольно проворными и двигались, не привлекая какого-либо внимания внизу. Боллард подал сигнал, что на его стороне все в порядке. Чейн присоединился к нему и они продолжили путь в сторону космопорта.

Крыши зданий на Звездной улице были утилитарными, некрасивыми и милосердно плоскими. Наемники двигались длинной, изломанной цепочкой с максимальной быстротой, исключавшей, однако, возникновение шума, который заставил бы вхоланов подняться и полюбопытствовать, что же происходит. Ряды зданий оборвались перед оградой космопорта, вдоль которой шла дорога, обслуживающая район складов. До ворот космопорта было не более тридцати ярдов, а до корабля, беззаботно покоившегося на подушке, — около четверти мили.

Но казалось все это далеким, очень далеким.

Чейн глубоко вздохнул. Боллард тихо сказал наемникам, сбившимся в кучу на крыше последнего здания:

— Ну что ж, пошли. Никаких задержек и остановок!

Чейн открыл чердачный люк, и они стали спускаться через здание, теперь уже не тревожась ни за возможный шум, ни за что-либо другое, беспокоясь только об одном — выйти туда, куда требовалось. Дом был трехэтажным. В его коридорах стоял спертый, тяжелый, пропитанный духами воздух. Виднелось множество дверей, большей частью запертых. Снизу неслись звуки музыки.

Наемники бегом спустились на первый этаж, миновали ряд комнат с цветастыми обоями, которые при проникавшем через зашторенные окна дневном свете казались ужасно потертыми, обветшалыми, изъеденными молью. В комнатах находились люди, разного роста, наружности и цвета кожи, некоторые ужасно странные, но у Чейна не было времени рассмотреть, чем они там занимались. Он только видел, как они таращили из полумрака изумленные глаза. Какая-то высоченная женщина в зеленом одеянии набросилась на наемников с руганью, крича злобным скрипящим голосом словно гигантский попугай. Затем парадная дверь

— Не вздумайте открывать огонь, — звенел его голос. — Мы стартуем, очистите воздушное пространство. Забудьте о своих намерениях перехвата. Тхрандирин и два офицера будут возвращены вам в полном здравии, если вы выполните то, что я говорю. Но они умрут, если кто-либо из вас осмелится выстрелить в нас даже из рогатки.

Чейн едва слышал то, что говорил Дайльюлло. Он был поглощен созерцанием изменений, которые произошли на массивной, властной физиономии Тхрандирина, и испытывал от этого истинное удовольствие.

Турбины ожили, загудели, зарычали, завизжали и понесли корабль наемников к небесам. Никто по нему не выстрелил, даже из рогатки.

XII

Корабль наемников висел на краю туманности, отражая все великолепие ее сияния.

Дайльюлло и Боллард сидели в кают-компании, изучая в сотый раз фотоснимки, которые сделал Чейн на складе, и данные анализатора.

— Не изъешь их своими глазами, — сказал Боллард, — они не скажут больше того, что на них есть.

— А что есть? Ничего. Даже хуже, чем ничего. Фотоснимки ясные, четкие. Я смотрю на изображения предметов и вижу, что они существуют. Затем беру данные анализатора и они мне говорят, что предметы не существуют.

Дайльюлло бросил на стол маленький пластиковый диск. Он был совершенно чист, словно в день своего производства, ничего на себе не зафиксировав.

— Джон, наверное Чейн сделал что-нибудь не так. Может быть приставил сенсоры неправильно, а то и вообще забыл включить прибор.

— Ты веришь в это?

— Зная Чейна, нет. Но надо же чему-то верить. С анализатором все в порядке. Проверено.

— И перепроверено.

— Остается одно — Чейн.

Дайльюлло пожал плечами:

— Конечно, это самое логическое объяснение.

— А есть другие?

— Есть. Эти предметы сделаны из какого-то неизвестного нам материала, на обнаружение которого анализатор не запрограммирован, то есть этого вещества нет в нашей периодической системе элементов. С нашими понятиями это не сообразуется. Верно?

— Конечно, не сообразуется, — медленно промолвил Боллард.

Дайльюлло поднялся, достал бутылку и опять сел.

— Больше мы ничего не добьемся, — сказал он. — Позови сюда Тхрандирина и двух генералов. И Чейна.

— Зачем его-то?

— Потому что он видел своими глазами эти предметы. Трогал их. Включал один из них. Слышал, как он пел.

Боллард фыркнул:

— Чейн быстр и смел, но я бы и на доллар ему не поверил.

— Я тоже, — сказал Дайльюлло. — Поэтому и приведи его.

Боллард вышел. Дайльюлло подпер кулаками подбородок, уставился на диск и фотоснимки. А за бортом корабля на просторах, исчисляемых бесконечными парсеками в трех измерениях, полыхала бледными огнями туманность. Наверху в навигационном отделении Биксел в третий раз просматривал микрокниги из корабельной библиотеки, опустошив огромное количество чашек кофе, и бдительно следил за радаром, который оставался таким же упрямо чистым, как и диск анализатора.

Возвратился Боллард, приведя с собой Чейна, Тхрандирина и двух генералов — Марколина и Татичина. На Вхоле суффикс "ин" в фамилиях имел важное значение для людей, означая, по-видимому, принадлежность к определенному роду, который когда-то очень давно захватил власть и с восхитительной непреклонностью удерживал ее до настоящего времени. Выходцы из этого рода занимали многочисленные посты в правительственной, военной и космической сферах. Они привыкли командовать и это, конечно, не способствовало их смирению в качестве пленников.

Тхрандирин, как всегда, начал свою игру гамбитом: "*Долго-ли-вы-намерены-упорствовать-в-этом-идиотизме?*" Дайльюлло, как всегда отвечал традиционным ходом: "*До-тех-пор-пока-не-добьюсь-того-что-мне-нужно*". После этого все трое вхоланов заявили, что это невозможно и они должны быть возвращены домой.

Дайльюлло отрицательно покачал головой и улыбнулся:

— Ну, а теперь, выяснив обоюдное отношение к этой проблеме, может быть присядем, выпьем по рюмочке и поговорим о погоде.

На покрытый вмятинами и рубцами стол он поставил бутылку спиртного и рюмки. Предложение выпить вхоланы встретили с холодной надменностью. Они сидели словно три мраморные статуи, покрытые яркой одеждой. Живыми у них были только глаза, удивительно голубые и яркие.

Тхрандирин на миг задержал свой взгляд на фотоснимках, лежавших перед Дайльюлло, и отвел глаза в сторону.

— Нет, уж, смотрите на них, — сказал Дайльюлло и пододвинул снимки. — Взгляните и на это, — добавил он, пододвинув диск. — Вам же приходилось все это видеть раньше. Зачем стесняться.

Тхрандирин укоризненно покачал головой:

— Я скажу то, что уже говорил. Если бы я знал больше вас об этих предметах, я не сказал бы вам. Но я не знаю. Я видел их на складе и только. Я не ученый, не специалист, непосредственно участвующий в этой операции.

— Но вы же правительственный чиновник. И довольно высокого ранга. Настолько высокого, что можете вести переговоры о закупке вооружений.

Тхрандирин ничего не ответил.

— Мне очень трудно поверить, чтобы вы не знали, откуда доставлены эти предметы, — мягко сказал Дайльюлло.

— Не понимаю, почему вы находите это трудным, — пожал плечами Тхрандирин. — Вы же допрашивали нас на вашем новейшем детекторе лжи, а он-то должен был подтвердить нашу неосведомленность.

В разговор вмешался Татичин и раздраженно, как о надоевшей теме, сказал:

— Об этом деле знают только шесть человек: наш правитель, его главный министр, глава военного ведомства и навигаторы, непосредственно ведущие корабли в туманность. О курсе кораблей ничего не знают даже капитаны, а навигаторы находятся постоянно под охраной как в космосе, так и на Вхоле, став фактически пленниками.

— Стало быть это должно быть чем-то чрезвычайно важным, — заметил Дайльюлло. Три мраморные статуи уставились на него жесткими голубыми глазами и ничего не сказали.

— Хараловцы, — продолжил Дайльюлло, — допрашивали Еролина с применением безотказного препарата. Он сообщил им, что Вхол держит в туманности мощное оружие, которое способно стереть хараловцев с лица планеты.

Жесткие голубые глаза засверкали ярче при этих словах, но вхоланы, казалось, не очень удивились.

— Мы предполагали, что хараловцы допрашивали Еролина, — сказал Тхрандирин, — хотя он сам не помнит ничего кроме того, что ему вводили препарат. После этого препарата человек действительно не может лгать. Но он может сказать только то, что есть у него в голове. Ни больше, ни меньше. Еролин верил тому, что говорил. Но ведь это не обязательно соответствует истине.

Теперь у Дайльюлло глаза стали жесткими, а зубы стиснулись словно стальной капкан.

— Ваши собственные нелгущие головы поведали мне, что вы также слышали обо всем этом, что вы действительно планируете захватить Харал. Учитывая все это, не странна ли ваша заинтересованность в покупке нашего оружия? Простого, обычного мелкого оружия, хотя и более совершенного, чем ваше, когда здесь в туманности под рукой у вас имеется супер-оружие?

— Мы ведь уже ответили вам на этот вопрос, — сказал Тхрандирин.

— Ну да, вы сказали, что вам нужно наше оружие для обеспечения безопасности в туманности. Но теперь-то все это не стыкуется со здравым смыслом. Не так ли?

— Боюсь, что, во-первых, я не улавливаю ход ваших рассуждений, а, во-вторых, я определенно не нахожу удовольствия от общения с вами.

Тхрандирин поднялся, а вместе с ним поднялись и генералы.

— Я очень сожалею, что не посадил вас в тюрьму, как только ваш корабль приземлился, — сказал Тхрандирин. — Я недооценил вашу...

— Дерзость? — перебил его Дайльюлло. — Выдержку? Глупейшую безрассудность?

Тхрандирин пожал плечами.

— Я не мог поверить, чтобы кто-то, нанявшись служить хараловцам, мог открыто прилететь с Харала на Вхол. Ну и, конечно, Еролин... Мы понимали, что хараловцы никогда не отдадут его по собственной воле, и то, что вы помогли ему бежать, сработало в пользу вашей версии. Так что мы колебались. Некоторые даже очень рьяно выступали, — тут Тхрандирин бросил холодный взгляд на Марколина, — чтобы нанять вас и использовать в наших целях против Харала. Вы оказались весьма ловким человеком, капитан Дайльюлло. Полагаю, вы наслаждаетесь победой. Но хочу еще раз напомнить. Даже если вам удастся найти то, что вы ищите, наши люди уже предупреждены с Вхола по субспектральной связи. Они будут ждать вас.

— Они? Тяжелые крейсеры, Тхрандирин? Сколько? Один? Два? Три?

Вмешался Марколин:

— Он не может сказать вам, и я не могу. Остается лишь заверить, что сила эта — вполне достаточная для охраны нашей... установки. — Колебание перед произнесением последнего слова было столь непродолжительным, что прошло почти незаметно. — И я могу также заверить вас в том, что ценность наших жизней не столь велика, чтобы ею вы могли обеспечить себе безопасность.

— Да, именно так, — подтвердил Тхрандирин. — А теперь мы предпочли бы возвратиться в наши покои, если вы не против.

— Разумеется, не против, — сказал Дайльюлло. — Нет, Болларда, не ты. Ты останься.

По внутреннему переговорному устройству Дайльюлло отдал краткое распоряжение, появился один из наемников и увел вхоланов. Дайльюлло обернулся, посмотрел на Чейна и Болларда.

— Они хотели купить наше оружие и подумывали, не нанять ли нас и использовать против Харала.

— Я слышал это, — сказал Боллард. — Не вижу в этом ничего особенно странного. Это всего лишь свидетельствует, что их супер-

оружие еще не готово к боевому применению и не будет готово в течение какого-то времени, а потому они ведут двойную игру.

— Логика тут есть, — согласился Дайльюлло. — А что думаешь ты, Чейн?

— Думаю что Боллард прав. Только...

— Только что?

— Да вот тот монитор на складе. Если вхоланы создают какое-то оружие в туманности, то, наверное, им ничего не стоило бы создать и аудио-визуальный монитор, а ведь он был не вхоланского производства.

Чейн сделал паузу, выжидая, пока в его мозгу прояснится еще кое-что, не дающее покоя.

— Кроме того, — продолжил он, — к чему вся эта секретность? Я могу понять, разумеется, необходимость строгих мер безопасности. И я могу понять опасение вхоланов, что хараловцы могут (так они и сделали) за деньги найти людей, которые отправятся в туманность и попытаться захватить или уничтожить их оружие. Но, ведь смотрите, они так далеко зашли в своих опасениях, что не доверяют даже людям вроде Тхрандирина и этих генералов и не информируют их, откуда прибыли эти вещи и что собой они представляют.

Чейн указал на фотографии трех золотистых предметов:

— Один из них воспроизводит очень необычную музыку и стреляет звездами, но это всего лишь аудиовизуальный монитор, не более. И чего же тут страшно секретного? Не вижу в этом никакого смысла.

Дайльюлло вопросительно посмотрел на Болларда, и тот покачал головой.

— Я не видел того монитора, стреляющего звездами, поэтому не могу сказать ни да, ни нет. Ну, а ты-то, Джон, чего темнишь? Что у тебя на уме?

Дайльюлло взял в руки небольшой пластиковый диск анализатора, не показывавший никаких данных.

— Я начинаю думать, — сказал он, — что это, видимо, куда важнее, чем взаимное противостояние Вхола и Харала. Мне думается, что вхоланы завладели чем-то огромным, ну... чем-то столь неизмеримым, что сами ужасно перепуганы, поскольку, думается мне, совершенно не понимают, что это такое и как его использовать.

Наступило долгое молчание. Наконец, Боллард его нарушил:

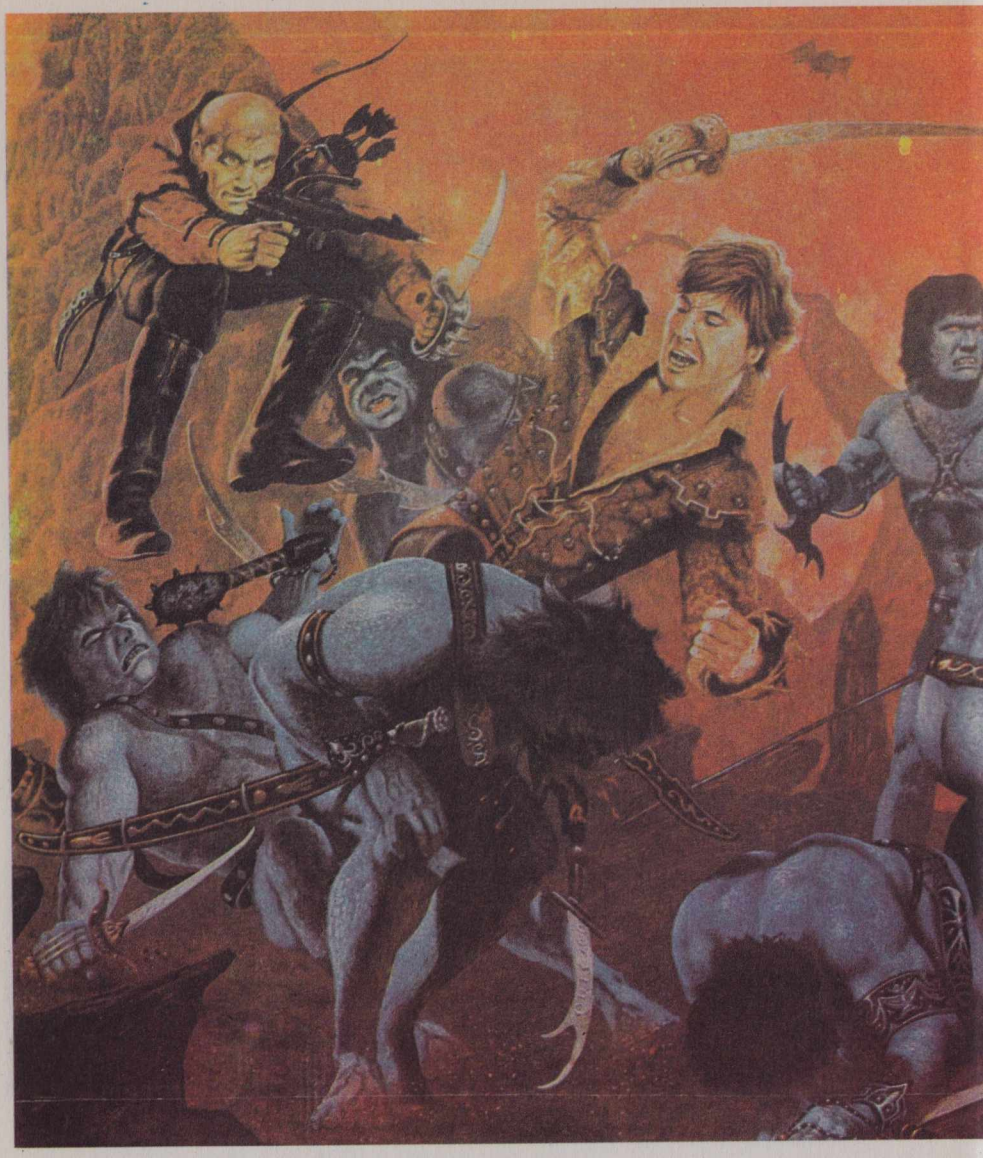
— Не мог бы ты, Джон, объяснить нам свою мысль несколько вразумительнее?

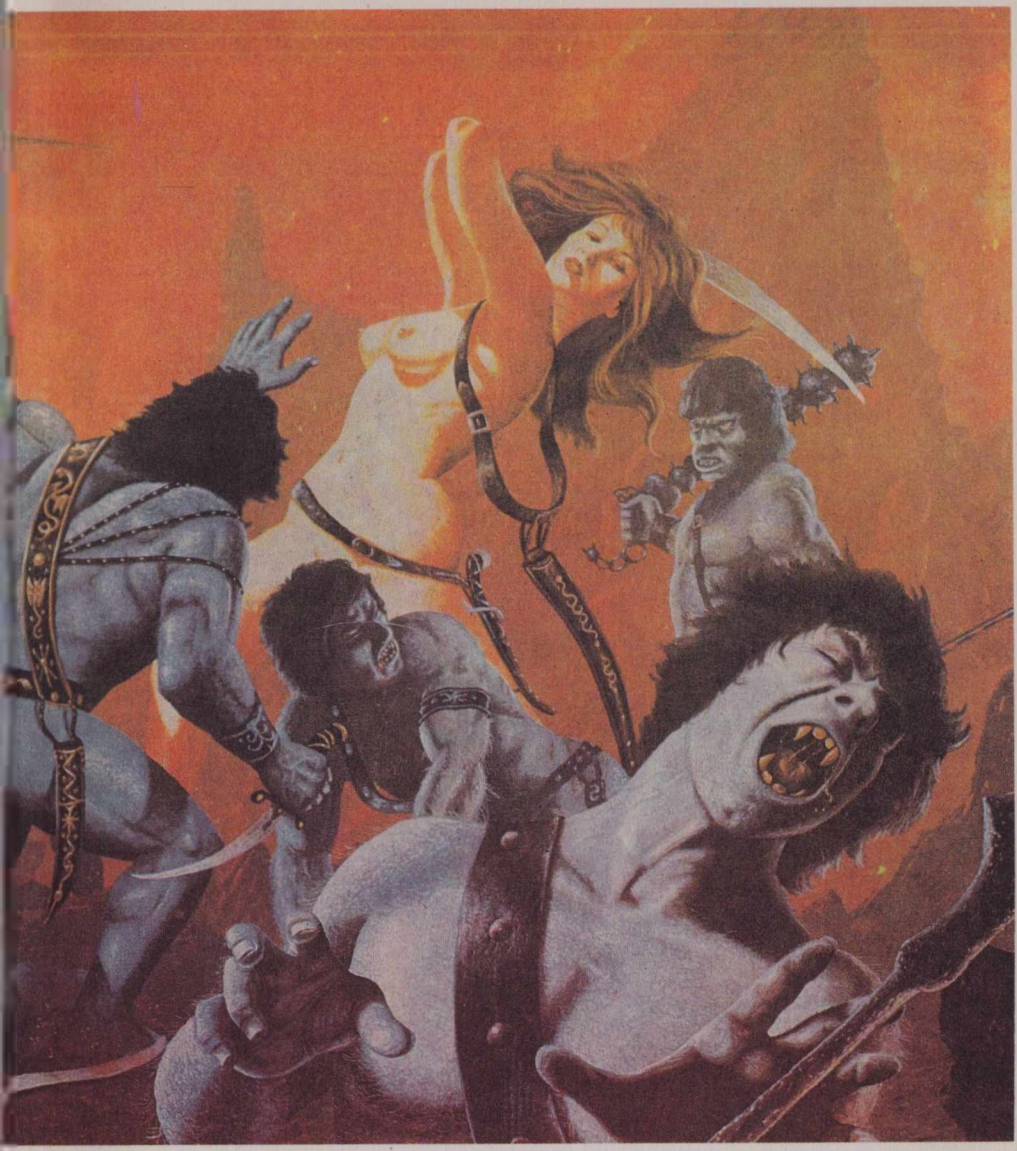
Дайльюлло отрицательно покачал головой.

— Нет. Не могу. Поскольку то, что я сказал, — всего лишь предположение, домысел. А на домысле, да еще диком, далеко не ускачешь. Единственная возможность когда-нибудь узнать, что собой представляет это явление — это обнаружить его и убедиться собственными глазами. И я начинаю думать, что вхоланы могут оказаться правы, утверждая, что это нам никогда не удастся.

Зак. 4268 Э. Гамильтон, вклейка

1984
©

Он вызвал навигационное отделение по корабельному переговорному устройству.

— Финни, приступай к поисковому варианту. Постарайся накрыть локатором по возможности большую часть границы туманности, не оставляй в ней ни одной щели. Тот транспортный корабль должен же когда-нибудь прибыть с Вхола, и нам нужно только чуточку везения, чтобы его обнаружить.

— Конечно же, Джон, всего лишь чуточку везения, — передразнил его с нескрываемым ехидством навигатор.

Вскоре корабль приступил к поисковому варианту. Крошечный паучок вил тонкую радиолокационную паутинку между пылающими утесами туманности, и все на корабле понимали, как ничтожны шансы поймать этой паутинкой мельчайшую муху. Тем более, что муха получила недвусмысленное предупреждение об опасности.

Когда Чейн уже утратил всякое представление об истекшем времени, а Дайльюлло твердо знал что прошло его слишком много, Биксел вдруг откинулся от экрана радара и, сам себе не веря, воскликнул:

— Вижу выброс сигнала!

На какое-то мгновение Дайльюлло охватило чувство ликования. Но длилось это недолго, так как Биксел закричал:

— Еще выброс. Еще один. Ужас, да их целая стая, черт побери!

Дайльюлло наклонился к экрану радара, и мрачное предчувствие сдавило его сердце.

— Смотрите, они изменили курс, — сказал Биксел. — Теперь идут прямо на нас, быстро идут. Дьявольски быстро.

Боллард протиснулся в навигационное отделение и поверх плечей Биксела и Дайльюлло взглянул на экран.

— Это не транспортные корабли, — сказал он, — Похоже, что это эскадрилья вхоланских крейсеров... Наверное, решили пожертвовать своими друзьями у нас на борту.

Дайльюлло угрюмо покачал головой:

— Корабли только одного типа имеют такие габариты, двигаются таким строем и на такой скорости. Теперь я вижу, что Тхрандирин все-таки не врал насчет Звездных Волков.

XIII

Чейн узнал об этом только тогда, когда по внутренней связи заревел сигнал "тревога!", и тут же последовало резкое ускорение, от которого начали потрескивать швы корабельного корпуса, а самого Чейна с силой прижало к перегородке. До этого он полудремал, вытянувшись на одол-

женной койке, именно полудремал, но и это было большим достижением. Ему всегда было противно выжидание. Он ненавидел состояние бездельника, ожидание, чтобы за тебя кто-то другой принимал решение. Но в данный момент разум и инстинкт самосохранения подсказывали ему, что лучше проявлять терпение, другого выбора нет. Однако физическая натура Чейна трудно этому подчинялась. Она не привыкла к пассивности. Жизненный опыт учил, что безделье — преддверие смерти, оно присуще только низшим особям, которым предназначено быть чьей-то добычей. Варновцы всегда сражались самозабвенно и после схваток также самозабвенно наслаждались плодами победы, а потом снова устремлялись в бой. Метаболизм Чейна восставал против выжидания.

Сигнал тревоги и неистовый рывок корабля стали для Чейна словно неожиданным освобождением из неволи.

Он спрыгнул с койки и вышел в главный проход. Люди бежали, как могло показаться непосвященному, в полном смятении, но Чейн знал, что это не так, ибо буквально через секунду каждый занял свое рабочее место, и корабль притих трепетной, дышащей жизнью тишиной. Тишиной, сопутствующей ожиданию уже совершенно иного рода.

У Чейна не было заранее обусловленного постоянного рабочего места, и он направился к капитанскому мостику.

По внутренней связи раздался резкий голос Дайльюлло, обращавшийся ко всем на корабле.

— У меня есть для вас не очень хорошая новость. У нас на хвосте висит эскадрилья Звездных Волков.

Чейн замер в проходе.

Голос Дайльюлло, казалось, имел персональную направленность с предостережением:

— Повторяю: нас преследует эскадрилья Звездных Волков.

— *Это он обращается ко мне*, подумалось Чейну. *Ну вот. Достали меня все-таки братья Ссандеры и их друзья.*

Дайльюлло продолжал говорить:

— Я уклоняюсь от встречи с противником. Конечно, если придется сражаться, мы будем сражаться, но я хочу, чего бы это ни стоило, уйти от преследователей. — Поэтому приготовьтесь к максимальной перегрузке.

Это же означает: у меня не будет времени предупреждать вас о резких изменениях курса или скорости. Просто держитесь, как можете, и молитесь, чтобы корабль не развалился.

Чейн все еще стоял в проходе. Тело было напряжено, мозг лихорадочно работал.

За свою жизнь ему не раз приходилось бывать в тяжелых ситуациях, но хуже ситуацию, чем эта, он не мог припомнить. Если у наемников появится какое-либо основание усомниться в его происхождении, они убьют его еще до того, как братья Ссандеры, возможно, настигнут ко-

рабль. Но если наемники и не заподозрят, он все равно умрет, когда их накроет эскадрилья Звездных Волков.

А это случится неизбежно. От Звездных Волков никто не уходил. Никто не может летать на их скорости, так как никто не в состоянии переносить разрушительный удар инерционной перегрузки, который выдерживают Звездные Волки, маневрируя своими маленькими кораблями на убийственной для обычного человека скорости. Именно это делает их непобедимыми в космосе.

Корабль наемников дернулся, взревел, перейдя на тангенциальный курс. Чейн, казалось, ощутил, как под его рукой прогнулась перегородка. Кровь заклокотала в нем сильно, жарко. Как только корабль вышел на прямую, Чейн расправил плечи и продолжил путь к капитанскому мостику.

На мостике было темно, если не считать прикрытых козырьками подсветок на приборных панелях. Достаточно темно, чтобы красно-золотистый огонь, казалось заполнил помещение, вливаясь через передний иллюминатор. Иллюзия, конечно; ведь иллюминатор теперь в сущности стал экраном, и туманность, которую он показывал, была не реальностью, а видимостью, в которой смешались воедино энергия, время и расстояние. Иллюзия была достаточно убедительной. На фоне огненно-красного свечения голова и плечи Дайльюлло выглядели преувеличенно крупными. Корабль мчался сквозь крутящиеся быстрые облака холодного пламени. Словно разбросанные угли оставались позади диски солнц, заставивших гореть и светиться газ туманности.

Дайльюлло взглянул и увидел в отблеске лицо Чейна:

— Что ты тут делаешь, черт тебя побери?

— Не могу сидеть без дела, — ответил Чейн ровным спокойным голосом. — Думал, чем-нибудь смогу помочь.

Второй пилот, невысокий, темный, коренастый человек по имени Гомес раздраженно бросил:

— Гони его отсюда, Джон. Не хочу, чтобы мне в затылок дышал какой-то пилот — собиратель камешков. Особенно сейчас.

— Держитесь, — крикнул Дайльюлло.

Чейн немедленно ухватился за опорную балку. Корабль снова взревел, застонал. Тело Чейна ударилось о металл, и он снова ощутил прогиб балки. Изображение на обзорном экране превратилось в беспорядочную смесь мечущихся искр. Стабилизировав скорость, корабль начал гигантский долгий спуск между стенами пламени. Гомес сказал:

— Еще один такой маневр, Джон, и ты сломаешь ребра кораблю.

— Хорошо, — ответил Дайльюлло. — Вот еще один такой маневр.

Чейн услышал больше, чем стон корабля. От сотрясения люди начали валиться с ног. Гомес оказался вдавленным в кресло. Из его носа хлынула кровь, темными ручейками расползлась по рту и подбородку. У Дайльюлло из легких вышибло воздух, и он зашелся в глубоком вздохе, сог-

нувшись над панелью приборов управления. Чейн было потянулся вперед, чтобы взять на себя управление кораблем, но отпрянул назад, увидев, что Дайльюлло заставил себя выпрямиться и начал жадно заглатывать открытым ртом воздух, втягивая его в себя упорно, изо всех сил. На противоположной стороне капитанского мостика на привязанных тормозных ремнях свалился на бок человек и не двигался. Ухмыльнувшись про себя язвительной усмешкой, Чейн крепче вцепился в балку и начал делать ровные вдохи наперекор давлению инерции, которая, как бы не стремилась, не могла его одолеть.

Интересно, а чего это он ухмыляется? Ведь выносливость, которой он так гордится, обернется ему в конечном итоге его гибелью. Наемники не смогут тягаться со Звездными Волками, будут побеждены.

Интересно, знают ли Звездные Волки, что он находится на борту корабля наемников. Конечно нет, откуда им знать. А впрочем, они, должно быть, прошли по его следу до созвездия Ворона, и этого достаточно. Они перетряхнут все это созвездие, пока не отыщут его или не удостоверятся, что он мертв.

Чейн вновь усмехнулся, подумав, как, наверное, теперь сожалеет Дайльюлло о том, что решил оставить в живых прирученного Звездного Волка. Не Чейну же нести ответственность за последствия. Вся эта идея исходила полностью от Дайльюлло, и в том, как он теперь за нее расплачивается, Чейн даже находил в какой-то мере жестокое наслаждение.

Чейн знал, что сейчас наверняка так рассуждает и Дайльюлло. Только один раз лидер наемников повернулся к Чейну и встретился с его взглядом. *Будь у него возможность*, подумал Чейн, *он передал бы меня Звездным Волкам ради спасения своих людей. Но он знает, что это не спасет их. Варновцы не смогут сохранить им жизнь, поскольку не знают, а вдруг я сообщил им что-нибудь. Да не сохранят они им жизнь уже за то, что наемники оказали мне помощь.*

Корабль накренился, закачался, сбавил скорость. Обзорный экран замерцал, обрел привычное состояние, стал снова окном в нормальный космос. Они проходили под брюшиной огромного оранжевого солнца, прикрытого и затуманенного тучами огня.

Спустя минуту Дайльюлло крикнул:

— Биксел? — и снова. — Биксел!

Из навигационного отделения донесся слабый голос Биксела. Он звучал так, словно Биксел втягивал носом текущую оттуда кровь.

— Ничего не вижу, — сказал он. — Думаю, что... — Он задохнулся, потом набрал воздуха и продолжил:

— Думаю, что вы ошарашили их.

— Так же, как и нас, — пробормотал Гомес, утирая пот. — Еще бы раз, и мои кости превратились бы в студень.

— Они вернутся, — заметил Чейн. Увидев, как Гомес и некоторые другие наемники взглянули на него, он притворился ослабшим, медленно заскользил вниз и присел на полу около Дайльюлло. — Они знают,

что мы не сможем выдержать того, что могут они. Они знают, что мы будем вынуждены прекратить гонку.

— С каких пор это ты стал экспертом по Звездным Волкам? — спросил Гомес. Спросил без всякого умысла. Просто сорвалось с болтливого языка. Чейн тяжело откинулся к балке и закрыл глаза.

— Чтобы знать это, — сказал он, — не надо быть экспертом.

Сколько раз мне самому приходилось это делать, вспомнил Чейн. *Видеть, как корабль противника убегал, увертывался, петлял, доводя своих людей до полусмерти, а мы, наблюдая, шли по пятам, дожидались, когда противник выбьется из сил. И вот теперь я в противоположной ситуации...*

По внутренней связи Биксел сообщил:

— Они появились.

Корабли Звездных Волков перешли на обычную скорость, свидетельствуя о себе на экране радара яркими маленькими всплесками, похожими на внезапные искры. Они были пока далеко. Слишком далеко, чтобы их можно было видеть. Но они уже прицеливались.

У Чейна чесались руки, чтобы взять у Дайльюлло управление кораблем, но он сдержал себя. Да и было бы это бесполезно. Корабль наемников был не сильнее людей, построивших его.

— Координаты! — затребовал Дайльюлло, и Биксел усталым голосом отозвался:

— Есть координаты.

Стоявший рядом с креслом второго пилота компьютер заговорил. Гомес прочел ленты с информацией. Чейн предвидел то, что собирался сообщить Гомес, и ждал, когда он это скажет.

— Они нас окружают.

Да. Выходи из боевого порядка и молниеносно атакуй со всех сторон измаявшуюся жертву. Окружай ее, обессиль ее, подходи вплотную и вцепляйся когтями.

— Черт побери! Что им нужно от нас? — прогремел голос Болларда из машинного отделения.

После короткого молчания Дайльюлло сказал:

— Может быть просто нашей смерти. Такова природа зверя.

— Не думаю, — возразил Чейн, про себя подумав: *я же чертовски хорошо знаю.* — Они могли покончить с нами еще во время первой встречи. Мне сдается, что они хотят нас взять на абордаж. Возможно... они пронюхали что-то в туманности и полагают, что мы располагаем сведениями.

— Поднять щиты, — скомандовал Дайльюлло.

— Есть поднять щиты, — ответил Боллард. — Но, Джон, они их могут сбить. Кораблей слишком много.

— Знаю, — буркнул Дайльюлло и обратился к Гомесу. — Есть хоть какая-нибудь щель, чтобы вырваться из окружения?

— Нет, они прикроют любую щель задолго до того, как мы к ней приблизимся.

Раздался высокий, напряженный голос Биксела:

— Джон, они быстро подходят.

— У кого какие предложения? — тихо спросил Дайльюлло.

— Нужно прибегнуть к внезапности, — посоветовал Чейн.

— А-а, снова наш эксперт, — с иронией откомментировал Гомес.— Давай, Джон, прибегни к внезапности.

Но Дайльюлло сказал:

— Я тебя слушаю, Чейн.

— Они считают нас выдохшимися. Чтобы знать это, не нужно быть экспертом. Они сильнее обыкновенных людей и делают ставку на это, ставку на то, что перед ними беспомощные, готовые сдаться люди. И если вы неожиданно нанесете им лобовой удар, то думаю, что вы прорвете окружение, и лучше это сделать скорее пока они не отбили нам хвост.

Дайльюлло задумался, положив в нерешительности руки на панель управления.

— Ты знаешь, щиты долго не выдержат. Мы ведь не тяжелый крейсер.

— А им долго и не нужно держаться, если вы разовьете достаточно высокую скорость.

— Этим я могу кое-кого из нас убить.

— Вы командир. Вы спросили, я только даю ответ. А люди все равно погибнут, если вас схватят Звездные Волки. И, наверное, погибнут не слишком изящно.

— Да, — сказал Дайльюлло. — Догадываюсь, что тебе и тут не надо быть экспертом. Боллард, полную мощность! Желаю всем удачи!

И Дайльюлло положил руки на кнопки управления.

Державшийся за балку Чейн почувствовал от ускорения сильный удар, прижавший его позвоночник снова к стали балки. Вся конструкция корабля вокруг Чейна стонала, дрожала, тряслась. Раскалывается корабль, — пронеслось в его голове, и он представил себе, как перед смертью услышит свист вырывающегося воздуха сквозь щели между листами обшивки, как увидит над головой полыхающую туманность. Через иллюминатор было видно, как за бортом корабля проносились огненные волны, разлетаясь от его носа словно брызги морской воды. По кораблю что-то ударило. Он задребезжал, закачался. Кистевидная молния вспыхнула голубым пламенем внутри капитанской рубки, наполнив ее запахом озона. Но щит выдержал. Корабль рванулся вперед, набирая скорость. Послышались душераздирающие крики агонизирующих людей. Чейн взглянул на Дайльюлло. Снова что-то ударило по кораблю. Послышался глухой, задыхающийся голос Болларда:

— Не знаю, Джон. Может быть еще раз.

— Рассчитывай на два, — сказал Дайльюлло.

Впереди на фоне пылающего неба появилось что-то темное, сплошное. Стремясь преградить им путь, сверху наперерез мчался крейсер Звездных Волков.

— Их реакция быстрее нашей, — сказал Дайльюлло странным, полунасмешливым голосом и направил корабль прямо на крейсер.

Чейн теперь стоял, весь подавшись вперед, подобрав живот, восхищенно чувствуя биение крови. Ему хотелось закричать: *Вперед, действуй как Звездные Волки! Жми, они же не верят, что у тебя есть и сила, и мужество сделать это! Заставь их отойти в сторону, заставь их дать тебе дорогу!*

На корабль обрушились еще два удара, на сей раз лобовых. Чейн видел, как им навстречу шли эти бутончики разрушения, выпущенные кораблем Звездных Волков, чтобы раскрыть всю прелесть во взрыве о щит. Он не мог представить себе образ человека, управлявшего тем кораблем... да — человека, да — гуманоида, но отличающегося от других, сформированного жестким миром Варны в великолепный сплав силы и скорости..., с продолговатым лицом, плоскими щеками, улыбающегося, с длинными раскосыми глазами, по-кошачьи ярко вспыхивающими от возбуждения при преследовании добычи. И человек тот, конечно, думал: "А-а, это только люди, не варновцы. Они повернут назад".

Кто-то крикнул Дайльюлло:

— Отворачивай! Ты врежешься в него!

Потом стали кричать и другие. Небольшой крейсер, казалось, вот-вот обрушится на них, врежется в дугообразный мостик и обзорное окно. Это может произойти через пару секунд. Крики перешли в неистовую истерию, неожиданно сменившись гипнотической тишиной. Дайльюлло так твердо держал курс и скорость, что Чейн подумал, уж не умер ли он на своем посту. Крейсер Звездных Волков был теперь столь близко, что Чейн, казалось, мог видеть силуэт пилота на левом изогнутом борту, и ощутил во рту странный привкус чего-то медного. Он знал: это был страх.

Чейну показалось, что он видел изумление и запоздалое прозрение на лице пилота крейсера.

Внезапно сделав отклонение, которое убило бы любое другое живое существо, варновец прошел у носовой части правого борта корабля наемников. Чейн ждал, что вот раздастся ужасный скрежет бокового удара, но этого не произошло.

Они вырвались из окружения, вышли на свободный простор.

Обзорное окно, помутневшее от высокой скорости, снова обрело видимость. Дайльюлло откинулся на спинку кресла и посмотрел на Чейна, в отблеске огня его грубое лицо выглядело измученным, испещренным темными морщинами, с натянутой до белизны кожей на скулах.

— Передых, — сказал он. — Они снова придут. Его голос был резким, пронзительным, а легкие тяжело вздымались.

— Но вы ведь живы, — промолвил Чейн. — Никаких шансов не остается только после смерти.

Он пристально посмотрел на Дайльюлло, покачал головой:

— Я никогда не видел такой прекрасной работы.

— И пока я не убил тебя, больше не увидишь.

Дайльюлло вывалился наполовину из кресла, посмотрел на Гомеса, потряс его, затем показал Чейну пальцем на приборы управления:

— Веди корабль, а я пойду проверю наши потери.

Чейн устроился в пилотском кресле. Корабль казался медленным и тяжелым для его рук, но было приятно вновь почувствовать, что ты ведешь судно, какого бы типа оно ни было. Он направил корабль вглубь туманности через более плотные облака, где преследователям могло быть несколько труднее.

Дайльюлло возвратился и снова взял на себя управление кораблем в ожидании, что Гомес скоро будет в состоянии сменить его. А потери были такие: один человек умер, четверо, включая генерала Марколина, положены в корабельный лазарет. В хорошей форме оставался в сущности только один человек — Морган Чейн.

В центре змеевидного сияния, которое, простираясь на несколько парсеков, обвивает дюжину солнц, они вошли опять в обычный космос.

Остановив кровотечение из носа и немного отдохнув, Биксел сел следить за экраном радара. Люди спали. Спал даже Дайльюлло, растянувшись на скамье в капитанской рубке. Чейн дремал, время ползло поразительно медленно, казалось, прошла вечность, так что у Чейна появилась надежда: не отказались ли преследователи от погони.

Но это была лишь надежда, и она исчезла, когда Биксел нажал на кнопку сигнала "тревога!". И одновременно прокричал по внутренней связи:

— Они снова появились!

— Ну, что ж, — подумал Чейн, — что ни говори, испытание было хорошим. Чертовски хорошим.

XIV

Яркие искорки непрерывно и быстро летели по экрану радара. Дайльюлло смотрел с холодной тупой болью под ложечкой. Будь они прокляты! Будь прокляты Морган Чейн и собственная доброта, сохранившая ему жизнь! Если бы он не сохранил ему...

Впрочем было бы то же самое, подумал Дайльюлло. Еще никогда волчья стая не упускала из своих челюстей вкусную добычу ведь на кораблях наемников может находиться что угодно... вроде, скажем,

огромного количества светляков, перевозимых для финансовых расчетов.

И все же...

Через дверной проем он взглянул на Чейна, молчаливо сидевшего в капитанской рубке, и подумал, что стало бы с ним, если бы его облекли сейчас в космический костюм с сигнальным огнем и выбросили через люк в открытый космос.

Дайльюлло снова взглянул на мчавшиеся встречные искорки и вдруг разозлился. Он так разозлился на себя за допущенную мысль по отношению к Чейну, что холодное недомогание сгорело от гнева. Будь проклято это заносчивое отродье Звездных Волков! Нет ничего он им не уступит. Не потому, что он не позволит измываться над собой как мальчишкой, неспособным защититься от более старших ребят. Это слишком унизительно.

Он отправился назад в пилотское кресло, пристегнулся ремнями. Все его тело каждой своей клеткой протестовало против замышлявшегося шага, но он приказал ему замолчать.

Приказал он замолчать и Гомесу, который тоже запротестовал.

— Джон, люди больше не выдержат. Не выдержит и корабль.

— О'кей, — сказал Дайльюлло. — Тогда не оставим ни одной кости, ни одного куска мяса этим волкам и пусть они щелкают зубами.

По внутренней связи он крикнул Болларду:

— Полную мощность и забудь про щиты!

Он уже мог видеть корабли. Обернувшись, он сказал Чейну:

— Поднимайся сюда. Тут хороший вид.

Чейн встал за спиной Дайльюлло, напротив балки.

— Что вы собираетесь делать?

— Собираюсь заставить их уничтожить нас, — ответил Дайльюлло и нажал кнопки управления.

Корабль рванулся навстречу приближающейся эскадрилье.

По внутренней связи загремел голос Биксела:

— Джон, у меня на экране еще один, тяжелый. Тяжелый! Он садится нам на хвост!

Когда прозвучал голос Биксела Дайльюлло уже принял во гневе смертоносное решение, и все его внимание было приковано к кораблям Звездных Волков. Он хорошо слышал Биксела, слышал и тех, кто кричал ему, однако все они были где то, за какой-то стеной.

Но он не смог не услышать, когда пальцы Моргана Чейна до боли сжали его плечо:

— Тяжелый крейсер! Это должно быть Вхоланский... Сторожевая сила, о которой говорил Тхрандирин. они должно быть ищут нас... они засекли нас, когда мы входили в зону действия их средств обнаружения.

Рассудок Дайльюлло пробился сквозь панцирь ярости и лихорадочно заработал.

— Координаты! — крикнул он Бикселу. — Курс и скорость! Он бросил взгляд снова на корабли Звездных Волков, на сей раз с нескрываемым злорадством. — Боллард, поднять щиты! Поднять щиты! Мы собираемся преподнести нашим дорогим Звездным Волкам крупный счет для игры. Гомес... включи экран кормового монитора.

Дайльюлло очень четко видел боевой порядок маленьких кораблей Звездных Волков, начавший приобретать форму подковы, стороны которой вытягивались навстречу, чтобы заключить корабль наемников в свои нежные объятия.

Находившийся ниже смотрового окна экран замерцал, ожил, воспроизвел картину того, что было за кормой. Из пылевого потока туманности выплывали размытые очертания крупного звездного крейсера, который быстро шел на сближение. Хотелось бы знать, размышлял Дайльюлло, как отреагирует его командир, когда увидит и поймет, что перед ним эскадрилья Звездных Волков. Это же будет шоком для него: идти за небольшим суденышком наемников только для того, чтобы обнаружить вторжение более многочисленного смертельного врага в заповедные владения вхоланов.

Должно быть, это станет шоком и для Звездных Волков, когда они встретят тяжелый крейсер там, где ожидали обессиленную жертву.

Ожил диапазон межкорабельной радиосвязи. Был слышен голос какого-то мужчины, жарко и гневно кричавшего на галакто:

— Наемники! С вами говорит вхоланский крейсер. Немедленно выключите двигатель. В противном случае мы вас выведем из строя.

Дайльюлло включил свой передатчик и ответил:

— Говорит Дайльюлло. А как насчет Звездных Волков?

— Мы позаботимся о них.

— Прекрасно, — сказал Дайльюлло. — Спасибо! Но разрешите мне напомнить вам: у меня на борту Тхрандирин и два ваших генерала. Мне не хотелось бы подвергать риску их безопасность.

— И мне тоже, — прозвучал мрачный голос вхолана, — но у меня приказ: во-первых, остановить вас, а забота о ваших заложниках — это только во-вторых. Ясно?

— Вполне, — ответил Дайльюлло и на две отметки перевернул мощность двигателя.

Корабль рванулся прыжком вперед, Дайльюлло начал его дергать то назад, то вперед для того, чтобы судно шло навстречу Звездным Волкам, петляя как лиса, которая никогда не делает из себя хорошей мишени для выстрела. Тяжело было кораблю, тяжело людям, но не так тяжело, как могло быть если бы их настиг с крейсера поражающий силовой луч, избежать который как раз и помогло маневрирование.

Чтобы не стать удобной групповой целью для крейсера, Звездные Волки вышли из своего боевого порядка, рассредоточились. Их выстрелы по кораблю наемников были не более, чем запоздалым рефлексом. Корабль дважды дернулся и качнулся, когда экран зафиксировал попадание

управляемых снарядов, потом прорвался сквозь эскадрилью и стал быстро уходить прочь; на экране кормового монитора было видно как позади сцепились в бою массивный крейсер и Звездные Волки, которые на своих быстрых агрессивных, маленьких судах, крутясь словно собаки вокруг медведя, остервенело атаковали и кусали огромный вхоланский корабль.

Дайльюлло поднял взгляд и столкнулся с черными глазами Чейна, впившимися в экран монитора с выражением облегчения и сожаления.

— Жаль, что мы не можем остаться, чтобы увидеть, кто победит, — сказал Дайльюлло.

Картина боя постепенно поблекла на экране монитора, растворившись в полыхающих туманах, а вскоре и эти туманы остались за кормой с переходом корабля на сверхскоростной режим.

Со звенящей в голосе гордостью, которую не мог скрыть, Чейн сказал:

— Этому толстяку от них крепко достанется. У него вес, но у них скорость. Они не станут стараться его уничтожить..., если никто им не помешает они просто искусают его до смерти.

— Надеюсь, и тем и другим хватит, чем позабавиться, — колко заметил Дайльюлло и спросил по внутренней связи:

— Биксел, ты подготовил мне данные о курсе и скорости?

— Ввожу их в компьютер. Через минуту будет результат.

Пока они ожидали, Дайльюлло увидел, что Чейн смотрит на него с каким-то новым выражением... Как бы его назвать? Уважением? Восхищением?

— Вы действительно собирались это сделать? Заставить их уничтожить нас, чтобы им ничего не досталось? — спросил Чейн.

— Звездные Волки слишком самоуверенны, — ответил Дайльюлло. — Кто-то когда-нибудь поднимется и нанесет им неожиданный смертельный удар.

— Раньше, — заметил Чейн, — я просто не поверил бы в это, а теперь колеблюсь.

— А вот и данные, — вмешался Гомес, показывая на отстукиваемую компьютером ленту.

Он изучил данные и нанес кружок на карту звездного неба.

— Судя по показаниям курса и скорости, крейсер прибыл, по-видимому, из этого района, — сказал Гомес.

Он отметил установленные координаты и микрокарта заскользила под увеличительным стеклом, пока не заполнила район, отмеченный кружочком на карте звездного неба. Дайльюлло склонился и стал его изучать.

Район, откуда прибыл крейсер, был частью свернувшейся в кольцо огненной змеи, той частью, которая походит на воображаемую голову. А там, где протянувшейся на многие парсеки огненной змеи должен быть глаз, находилась звезда — зеленая звезда с пятью планетарными телами, из которых только одно имеет размеры, достаточные для того, чтобы законно называться планетой.

Дайльюлло почувствовал, что кто-то смотрит через его плечо. Это был Боллард со своей круглой, как всегда, благодушной физиономией, несмотря на какие-то уродливые пятна, полученные или из-за ушибов или из-за лопнувших кровеносных сосудов.

— Как наша техника? Все в порядке? — спросил у него Дайльюлло.

— Все в порядке. Хотя мы и не заслужили того.

— Тогда давай взглянем вот на это.

Боллард нахмурился при виде зеленой звезды — зловещего глаза огненной змеи.

— Может быть, оно, то место, Джон, а может быть, и нет. Кто его знает.

— Нам никогда и не узнать, пока сами там не побываем. Верно?

— Я даже не собираюсь отвечать на этот вопрос. Неужели ты серьезно думаешь, что сможешь проскользнуть позади этого крейсера, пока он занят с нашими друзьями — Звездными Волками?

— Можно попробовать.

— Попробовать ты, конечно, можешь. Только не будь излишне самоуверенным от того, что ты заставил отойти в сторону одного Звездного Волка. Нас выследил крейсер вхоланов, но если бы он составлял всю их охрану, они никогда не отправили бы его в поиск. Наверняка должен быть хотя бы еще один крейсер, который поджидает нас вблизи планеты и следит, удастся ли нам проскочить. И теперь он будет знать, что нам это удалось.

— Спасибо, Боллард. А сейчас возвращайся вниз и вдохновляй на хорошую работу всю свою технику.

Дайльюлло взял курс на зеленое солнце.

Они возвратились снова в обычный космос, опасно приблизившись к самой кромке полевого течения, проходящего между двумя небольшими планетами зеленой звезды, маскируясь там под один из астероидов, лениво вращавшихся в молочном леденящем душу зеленом свете, который испускали здесь густые газы туманности в отличие от теплого, золотистого света, излучаемого желтыми звездами. Дайльюлло почувствовал холод и странную клаустофобию. Ему стало не хватать дыхания, и он был удивлен происходящим с ним. Почему то вспомнилось, как в детстве он однажды лежал утонувшим на дне водоема со стоячей зеленой водой.

Он прогнал прочь этот кошмар, напомнил себе, что тогда отец прибыл вовремя и спас его, а теперь отца нет, и надо действовать самому.

Он отправился в навигационное отделение к Биксолу, чтобы проверить с ним, отчего на экране сканнера дальнего обнаружения много помех. Потребовалось некоторое время для выяснения, но когда они сделали это сомнений не стало.

— Еще один тяжелый крейсер, — сказал Биксел. — Он находится около планеты, патрулирует в постоянной готовности к перехвату. У нас нет ни малейшей возможности проскочить мимо него.

— Ну, что ж, — заметил Дайльюлло, — по крайней мере мы знаем, что прибыли в нужное нам место.

Возвращаясь в капитанскую рубку, он столкнулся в дверях с Боллардом.

— А что теперь? — спросил тот.

— Дай мне пяток минут, и я придумаю замечательный план, — ответил Дайльюлло.

Чейн пригласил его жестом к себе. Он стоял рядом с Рутлетжем у центра радиоуправления. В диапазоне межкорабельной связи, который нашел Рутледж, Дайльюлло мог слышать переговоры на вхоланском языке.

— Это два крейсера: тот, что сражается со Звездными Волками, и другой впереди нас, у планеты, — сообщил Чейн. — Они ужасно много говорят.

Он улыбнулся, и опять мелькнула его наполовину скрытая гордость:

— Судя по интонациям, они очень удручены.

— Они имеют на это полное основание, — сказал Дайльюлло. — Ведь в их владения вторглись не только мы, а еще и стая Звездных Волков. Сходи за Тхрандирином. Пусть он нам переводит.

Чейн ушел. Дайльюлло прислушался к голосам по радио. В них действительно звучало отчаяние, причем в нарастающей степени. После выхода корабля наемников из боя фактически прошло немного времени, так как Дайльюлло сделал относительно короткий бросок в сверхскоростной режим и бой, по-видимому, все еще продолжался... Капитаны двух крейсеров сейчас то и дело кричали друг на друга. Дайльюлло ухмыльнулся.

— Похоже, один из них взывает о помощи, а второй отвечает, что не имеет права прийти.

Он умолк, когда вошел Чейн вместе с Тхрандирином. Дайльюлло бросил взгляд на лицо вхолана, увидел, как изменилось его выражение после того, как Тхрандирин услышал возбужденные голоса по радио.

— Звездные Волки, кажется, здорово колошматят ваш крейсер. Не правда ли?

Тхрандирин согласился.

— Неужели тот, что около планеты, не окажет ему помощь?

— Нет. У него четкий приказ. Что бы ни случилось, один из крейсеров должен непрестанно находиться на орбите в боевой готовности.

Перепалка капитанов по радио прекратилась, и один из них сказал что-то холодным, сухим тоном. После этого наступила тишина. Дайльюлло наблюдал за выражением лица Тхрандирина и не увидел, как Чейн, стоявший позади вхолана, расплылся в полуулыбке и навострил уши.

Ответ другого капитана прозвучал кратко и утвердительно. Дайльюлло, казалось, мог видеть лицо этого человека, взявшего на себя тяжелое бремя ответственности за принятое решение.

— Нет! — гневно воскликнул Тхрандирин.

— О чем они говорили? — спросил Дайльюлло.

Тхрандирин отрицательно покачал головой.

— Ну что ж, — сказал Дайльюлло. — Если вы отказываетесь нам сказать, будем ждать и наблюдать.

И они ждали. По радио больше не было слышно ни слова. В капитанской рубке стояла полная тишина. Все видели или стояли словно статуи, не зная, чего они ждут. И вдруг по внутренней связи прозвучал резкий голос Биксела:

— Джон. Тот, что у планеты, покидает пост.

— Идет сюда?

— Нет, он уходит под углом четырнадцать градусов и с вдвое большим азимутом. Уходит быстро.

И тут же Биксел закричал:

— Он перешел на сверхскоростной режим. Я потерял его след.

— Ну, а теперь-то вы нам скажете, о чем говорили капитаны? — обратился Дайльюлло к Тхрандирину.

Тхрандирин посмотрел на него с привычной неприязнью.

— Он отправился помочь крейсеру, сражающемуся со Звездными Волками. У него было право выбора... и он решил, что Звездные Волки значительно опаснее, чем вы.

— Не очень лестно, конечно, в наш адрес, — признался Дайльюлло, — но я не в обиде, поскольку с уходом крейсера планета стала для нас открытой.

— Да, открытой. Летите и садитесь. В данный момент вас некому остановить. Но, когда наши крейсеры покончат со Звездными Волками, они возвратятся, захватят вас на самой планете и раздавят в лепешку.

— Тут я не могу с ним не согласится, Джон, — вмешался Боллард.

— Что? Разве ради этого мы столько всего натерпелись? — воскликнул Боллард.

Он поспешно отправился к своей технике. Еле сдерживая смех, Чейн тоже вышел, забрав с собой Тхрандирина.

Дайльюлло вывел корабль из полевого потока и на полной скорости устремился к планете.

XV

Было бы куда легче, размышлял Дайльюлло, если бы они знали то, что ищут. Но они не знали, не знали даже сколько потребуется времени на поиски, за исключением того, что, возможно, не так уж много. Дайльюлло нашел возможность поговорить с Чейном наедине.

— Каковы твои предложения? Ты знаешь Звездных Волков, сам раньше участвовал в подобных схватках. Чем это закончится?

— Звездные Волки лишены страха, но не лишены рассудка. С одним тяжелым крейсером они справились бы; как вы слышали, они его так истерзали, что капитан взвыл о помощи. Но справиться с двумя крейсерами... нет. Даже если бы у них не было потерь, а они должны быть. Им все равно не справиться. Чересчур тяжело для них. Они уйдут.

— Из боя? Или вообще?

Чейн пожал плечами:

— Если бы командовал Ссандер, как раньше, то вообще. За пределами Варны эскадрилья находится уже много времени, значительно дольше, чем планировалось. Сейчас она попала в переделку, которую не ожидала, и ей не справиться... с двумя тяжелыми крейсерами. Ссандер взял бы нож и проверил, что перетянет... острие или рукоятка, а потом сказал бы: мудрее сохранить себе жизнь, месть может подождать до завтра. Думается, они уйдут.

Чейн улыбнулся:

— И, когда Звездные Волки сделают это, два вхоланских крейсера поспешат сюда, чтобы покончить с менее важной миссией.

— Не забывай, что ты часть этой миссии, — напомнил Дайльюлло.

Корабль уже низко шел над планетой, ниже чем обычно предпочитал Дайльюлло. Но атмосфера здесь была удивительно плотной, она закрывала этот небольшой мир почти непроницаемой завесой. Причина такой плотности стала понятной, когда корабль вошел в атмосферу еще глубже. Этот мир, казалось, был сплошь одной громадной пылевой бурей, подхлестываемой и гонимой чудовищными ветрами. Куда бы ни смотрел Дайльюлло, всюду видел лишь передвигающиеся дюны да камни. В некоторых местах дюны перемахивали даже через горны хребты и ряды твердоопорных остроконечных скал, в других же задерживались стенами высоченных, крепких камней. За этими гротескно выветренными стенами простирались длинные гладкие долины, имевшие более темный цвет, чем дюны. Дайльюлло не был точно уверен, что это за цвет. Песок или пыль могли быть какого-угодно цвета — от светло-желтого до красного, если исходить из условий Земли, но здесь в лучах зеленого солнца цвета были искаженными, странными, словно ребенок нарочно перемешивал их, чтобы увидеть, какую уродливую грязь можно создать.

— Не очень живописное местечко, — промолвил Дайльюлло.

Гомес добавил что-то еще более нелестное по-испански, а Чейн, вновь оказавшийся в капитанской рубке и глядевший вперед через плечи, расхохотался:

— Если кто-то захочет что-нибудь спрятать там, где никто не захочет искать, так это и есть как раз то самое место.

По внутренней связи из машинного отделения раздался голос Болларда:

— Ничего пока не просматривается?

И когда Дайльюлло подтвердил "ничего!", Боллард сказал:

— Надо, чтобы нам подвезло поскорее, Джои. Эти крейсера возвратятся.

— Молюсь, чтобы повезло. Самое лучшее, что я могу сейчас предпринять.

Они пролетели над ночной частью планеты, пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь огонек; ничего не увидев, они отправились навстречу рассвету, который был не розовым, как на Земле, а зеленовато-желтым и красновато-оранжевым. За полосой рассвета, где солнце уже было высоко, из дюн поднималась цепь черных остроконечных гор, принимающая на себя удары песчаных волн. На другой, подветренной стороне горной цепи, защищенной от господствующих ветров, простиралась равнина, похожая по форме на веер и гладкая словно девичья щека. На равнине лежало то, что они искали.

Едва взглянув, Дайльюлло понял, что ничем иным это быть не могло; подсознательно он фактически еще раньше знал, как это будет выглядеть, знал с тех пор, когда Чейн вернулся с вхоланского склада с фотоснимками и пустым диском анализатора.

Это был корабль. Рассудок говорил: нет, не корабль, для него это чересчур колоссально; но глаза-то видели: это действительно был корабль.

Подобного корабля он никогда не видел раньше, даже во сне. Столь огромное судно невозможно запустить ни с одной планеты, его, конечно же, построили в космосе; обретя форму в какой-то безвестной пустоте под руками и глазами бог знает каких строителей, оно стало плавучим миром — одиноким, свободным, без обязательного солнца или планет-сестер. Миром длинным, темным, замкнутым в себе, миром, который был задуман и предназначен не для того, чтобы постоянно торчать на заданной орбите, а для того, чтобы свободно странствовать по просторам всего мироздания. Это судно далеко и путешествовало. А теперь вот лежит оно здесь, обретя свое последнее пристанище на этой жалкой планете, лежит со сломанным массивным каркасом, потерянное, мертвое, одинокое, наполовину погребенное в чужом песке.

— Так вот что они от всех скрывали, — тихо промолвил Чейн.

— Откуда же этот корабль прибыл? — спросил Гомес. — Кажется, совсем не из тех миров, которые я знаю.

— Такой огромный корабль ни в коем случае не создавался для обычных полетов между известными нам мирами, — сказал Дайльюлло. В нашей галактике нет такой технологии, которая могла бы его построить. Корабль прибыл откуда-то извне. С Андромеды, возможно... а может быть из еще более отдаленного района.

— Я думаю, что посадка этого объекта на какую-нибудь планету никогда не предполагалась, — вмешался Чейн. — А если бы это произошло, то сила тяжести создала бы достаточную нагрузку, чтобы разрушить его.

— Смотрите! — перебил Дайльюлло. — Они заметили нас.

У подножия скал виднелась небольшая группа куполообразных построек из металла и пластика. Со снижением корабля наемников из них стали выбегать люди. Из разрушенной стороны огромного судна тоже появились люди; они были похожи на муравьев, выползших из-под тела великана, который совершил прыжок через темный пролив между островными вселенными и убил себя этим прыжком.

По внутренней связи Дайльюлло жестко предупредил всех:

— Выступаем сразу же после посадки. Хотя эти люди — специалисты, гражданские лица, но, полагаю, некоторые из них могут вступить в схватку; кроме того, возможно, имеется военная охрана. Применяйте сканнеры, но не убивайте, если только не будете принуждены к этому. Боллард...

— Да, Джон!

— Отбери себе людей для штурмового отсека, будешь нас прикрывать. Как только мы выйдем на позиции, сразу же приступим к созданию оборонительного периметра вокруг обоих кораблей. Буду садиться как можно ближе к этому гиганту. Тогда крейсеры не смогут применить против нас свое тяжелое оружие, не повредив великана, а я не думаю, чтобы они этого хотели. Боллард, подбери себе нужных людей. О'кей, идем на посадку.

Корабль наемников опустился на равнину, окрашенную зелеными и темнокоричневыми красками, недалеко от искореженного борта неизвестного судна, которое возвышалось словно горная цепь из металла. Дайльюлло открыл шлюзовую камеру и во главе наемников вышел через нее из корабля. Рядом с ним, словно верный пес, легко бежал Чейн. Вхоланские специалисты были крайне возбуждены, метались в разные стороны, кричали, но не больше. Они не станут для нас проблемой, подумал Дайльюлло и тут же увидел иной сорт людей.

Их было около двух десятков, беловолосых вхоланов в военной форме очень неприятного цвета от зеленого свечения. По-видимому, они вышли из гигантского судна. Очевидно они там жили, охраняя его даже от своих соотечественников с тем, чтобы не произошло чего-нибудь недозволенного, чтобы не был взят без разрешения ни один кусочек материала. Вооруженные лазерами, эти люди двинулись с настырной педантичностью профессионалов прямо на наемников.

С борта корабля Боллард выпустил комплект химических снарядов. Будучи прежде всего транспортными аппаратами, предназначенными для переброски людей в тот или иной район событий, корабли наемников были не очень сильно вооружены. Но все-таки на них имелось кое-какое оружие, главным образом оборонительного типа, так как им часто приходится совершать посадки и взлеты в местах интенсивных военных действий. Снаряды с несмертельным газом оказались весьма эффективным средством для срыва наступательных действий противника.

Вхоланские солдаты кашляли, терли руками глаза. Большинство из них уже при разрыве первого комплекта химснарядов побросали лазеры, так как не видели, куда нужно стрелять, и опасались перебить друг друга. Второй комплект химснарядов, выпущенный Боллардом, парализовал и тех, кто устоял от воздействия первого комплекста. Те наемники, что были в противогазах, завершили разоружение вхоланских солдат и собрали их в группу. Другие наемники держали под наблюдением гражданских специалистов и подыскивали такую куполообразную постройку, куда можно было бы их всех поместить.

— Операция оказалась довольно простой, — заметил Чейн.

Дайльюлло что-то пробурчал.

— Впечатление такое, что вы не очень рады успеху.

— Наша работа легко не дается. А если это случается, то обычно приходится потом расплачиваться, — сказал Дайльюлло и взглянул на небо. — Дал бы много, чтобы узнать, когда прибудут сюда эти крейсеры.

Ни Чейн, ни небо не могли ответить на этот вопрос. Дайльюлло приказал Болларду с его группой включиться в создание круговой обороны, снять с корабля все вооружение, вплоть до продажных образцов, послать людей с механическими инструментами на оборудование огневых позиций, а также на сооружение окопов при помощи взрывных устройств. Остальные наемники вынесли с корабля секции заграждений из легких прочных сплавов и занялись их установкой. Такие заграждения оказались очень полезными для наемников во многих враждебных мирах. Люди работали быстро, в поте лица своего. И все это время Дайльюлло поглядывал на небо.

А небо было противное, угрюмое, скучное. Висевшее в нем солнце напоминало лицо утопленника (опять этот тонущий образ!), хило просвечивая сквозь песчаную пыль и газ туманности. Оно оставалось пустым. Дул ветер. Стена скал защищала людей внизу от его мощных порывов, однако он пронзительно выл над их головами, пробиваясь с бешенным неистовством через частокол темных каменных вершин. Мелкий песок задувало вниз, он попадал в глаза, уши, рот, за воротник, прилипал к потной коже и раздражал ее.

Дайльюлло научился воспринимать незнакомые миры через вкус и осязание атмосферы, через надежность почвы под ногами. Этот мир был холодным, жестким, щетинистым, неприветливым. Воздух, хотя и был пригоден для дыхания, имел горький привкус. Дайльюлло не нравился этот мир, отдававший предпочтение вечному бесплодию пустыни, а не созиданию жизни.

Здесь никогда не было ничего живого. И вот по какой-то причине сюда прибыл кто-то (или что-то) для того, чтобы умереть.

Боллард, наконец, доложил, что возведение круговой обороны завершено и люди расставлены по огневым позициям. Дайльюлло повернулся и посмотрел на нависший над ними разбитый корпус громадины. Даже в

самый напряженный период оборонительных работ Дайльюлло не был избавлен от продсознательного ощущения, что этот гигантский корабль не только физический, но и духовный предмет: какая-то отчужденность, таинственность заставляла похолодеть сердце и глубоко, до горения возбудить нервную систему.

— Следит ли за радаром Биксел?

— Да. Пока ничего нет.

— Держи с ним постоянную связь, не дай ему заснуть. Чейн...

— Да?

— Узнай, кто возглавляет специалистов, и приведи его ко мне.

— Где вы будете находиться?

Дайльюлло глубоко вздохнул и сказал: "Там".

Один из проломов в борту гигантского корабля вхоланы превратили во временный вход. Все другие пробоины и щели металлической обшивки они прикрыли листами из прочного пластика для защиты от ветра и постоянной мелкой пыли.

По покрытым песком ступенькам Дайльюлло поднялся к временному входу, прошел внутрь и оказался в совершенно ином мире.

XVI

Чейн шагал вдоль громадного судна к куполообразной постройке, в которую собрали всех вхоланов, и не думал ни о судне, ни о вхоланах. Его мысли были далеко, за пределами этого леденящего душу неба, там, где шел бой между двумя тяжелыми крейсерами и эскадрильей Звездных Волков. Интересно, думал он, как завершится бой, кто погиб.

Чейн не любил попусту терзать свою душу. Он ненавидел Звездных Волков, хотел их смерти, знал, что они убьют его, не испытывая не малейшей жалости, и все же...

Те часы, что он провел на борту корабля наемников, были одними из самых тяжелых в его жизни. Как все несправедливо: ты должен воевать с сородичами и поздравлять человека, который побил их потому, что ты *научил его, как это делать*. Впрочем Чейн не припомнит, когда его жизнь была бы простой, без проблем; это была плата за то, что он был Звездным Волком, гордым и сильным, полноправным членом братства; это была плата за Галактику — чудесное место, где можно вдоволь грабить и гулять, словом делать все, что пожелаешь.

И вот теперь из-за того, что собратья выступили против него, он вынужден примкнуть к овцам; уже одно это плохо, но еще хуже, что один из наемников пришелся ему по душе. Дайльюлло был всего лишь чело-

век, но в мужестве ему не откажешь. Ни один Звездный Волк не смог бы действовать лучше. Чейну тяжело говорить это, даже самому себе, но от правды не уйдешь.

Черт побери, что они там делают эти быстрые маленькие корабли, кусавшие и терзавшие крейсер? Они здорово его потрепали, это уж точно, иначе другой крейсер никогда не отправился бы на помощь. Чейн улыбнулся с неизменной гордостью. Вхоланы решили, что лучше преподнести эту планету наемникам на серебряном подносе, чем подвергнуть себя риску прорыва Звездных Волков.

С одним тяжелым крейсером Звездные Волки могут справиться. Но не с двумя. *Мне следовало бы быть с вами, помогать вам*, думал Чейн, *а не радоваться тому, что вас задержал один крейсер, не надеяться на то, что второй крейсер разнесет вас в прах.*

Ведь эти самые крейсеры, возвратившись сюда, сделают, вероятно, то же самое с ним, Дайльюлло и остальными наемниками.

Ну, что ж, во всяком случае это будет решением его собственных проблем. Презирая всякое копание в своей душе, Чейн постарался избавиться от эмоций, которых раньше никогда не испытывал. К черту все это!

Показалось куполообразное строение, и Чейн вошел в него. Помещение типа гостиной или общего зала было набито вхоланами, которых зорко, со станганами наперевес стерегли четыре наемника во главе с Секкиненом. После того, как Чейн передал Секкинену распоряжение Дайльюлло, потребовалось несколько минут, чтобы преодолеть полуистеричный гвалд толпы и опросить на галакто гражданских специалистов. В конце концов ему представили тощего вхолана с видом ученого в измятой синей тунике. Вхолан уставился на наемников с надменностью, к которой был примешан испуг школьника, неожиданно встретившего на своем пути группу здоровых хулиганов. Он сказал, что его зовут Лабдибдин и он возглавляет исследовательские работы.

— Но, — добавил он,— хочу сразу заявить: я ни в чем не буду с вами сотрудничать.

— Вы можете сказать об этом Дайльюлло,— пожал плечами Чейн.

— Не потеряйте его,— напутствовал Секкинен.

— Не потеряю,— заверил Чейн и взял Лабдибдина за руку. Он так сжал ее, что вхолан поморщился от боли и, поразившись, что у человека может быть такая сила, удивленно посмотрел на Чейна. Тот улыбнулся:

— Мы не хотим сделать ничего плохого. Пойдем со мной.

Вхолан пошел. Церемонно, словно на деревянных ногах, он двинулся впереди Чейна. Выйдя из помещения, они отправились по холодному песку вдоль прогнившей громадины корабля. Это чудовище, подумал Чейн, наверное, около мили длиной и четверть мили высотой... теперь совершенно ясно, что судно никогда не предназначалось для посадки.

Чейна охватило внимание, когда он стал задумываться о корабле: откуда он прибыл, с какой целью, и что в нем находится. Чуткий нос Звездного Волка почуял запах добычи.

Затем он вспомнил, что парадом командует Дайльюлло, и поумерил свой пыл: ведь у этого Дайльюлло полно чудоковатых идей об этике и собственности.

Он подтолкнул вхолана с ненужной силой вверх по ступенькам лестницы к входу в корабль.

Сооруженный специалистами двадцатифутовый мостик перекрывал темную пропасть, которая уходила вниз, во внутрь судна, на глубину значительно ниже уровня песка. Мостик упирался в поперечный коридор, протянувшийся вдоль корабля в обоих направлениях. Вхоланы установили в нем рабочее освещение. Лампочки испускали холодный тусклый свет, который соответствовал этому месту не более, чем зажженная спичка в утробе ионовского кита. Коридор был облицован плитками из такого же бледно-золотистого металла, который Чейн видел на вхоланском складе. У этого металла, очевидно, был огромный запас прочности на растяжение, поскольку он остался сравнительно целым — то тут, то там покоробленным, но не сломанным. Весь коридор был слегка наклонен, пол в нем был неровным, шел то вверх, то вниз. Но даже несмотря на это, его плиты не разошлись.

На внутренней стене примерно через каждые пятьдесят метров были видны дверные проемы. Чейн вошел в ближайший из них... и почувствовал себя птицей, посаженной на насест в самом центре того, что выглядело космическим музеем.

У Чейна не было возможности определить занимаемое этим музеем пространство. Оно уходило высоко вверх и глубоко вниз, значительно ниже уровня наружного песка, а справа и слева терялось в туманной дымке, которую едва пробивали рабочие лампы.

Он стоял в узкой галерее. Выше и ниже шли другие галереи, от которых начиналось сплетение проходов, охватывающее своей паутиной огромную площадь. Проходы были связаны между собой по вертикали лифтами. И лифты, и проходы предназначались для того, чтобы на всех уровнях был доступ к огромным крытым стеллажам, которые заполняли все пространство, аккуратно выстроившись рядами словно здания в каком-то фантастическом городе. Бледно-золотистый металл, из которого были сделаны стеллажи и проходы, подтвердил и здесь свою прочность; в целом он выдержал испытание, хотя первоначальная четкая симметрия оказалась нарушенной из-за неизбежных прогибов и искривлений, проходы перекосились, а стеллажи утратили прежнюю точность установки. Возможно, на нижних уровнях были и другие повреждения, но Чейн не мог их видеть.

Глазам Чейна предстало здесь столько добра, что оно могло бы обеспечить счастливое существование четырем поколениям Звездных Волков.

Не скрывая своего благоговейного восхищения, он сказал Лабдибдину:

— Вот это да! Наверно, они были самыми великими грабителями во всей вселенной.

Лабдибдин Посмотрел на него с откровейнешим презрением:

— Не грабителями. А учеными. Собирателями знаний.

— Конечно,— сказал Чейн.— Понимаю. Все зависит от того, кто грабит.

Он двинулся вперед по наклонному проходу, придерживаясь за перила и наступая на пятки шедшему впереди Лабдибдину. Прозрачные пластиковые окна ближайшего стеллажа не давали ясного представления о том, что находилось внутри. Твердый пластик местами покрылся белыми пятнами и лучеобразными трещинами. Но со стороны прохода была возможность пробраться внутрь. Чейн это и сделал, оказавшись в огромной комнате, уставленной ящиками с мягкими, аммортизируемыми днищами.

В ящиках с камнями находились алмазы, изумруды, рубины, другие драгоценные и полудрагоценные камни со всей галактики. Тут же были и камни иного рода — куски гранита, базальта, песчаника, мрамора и многих других минералов, неизвестных Чейну. Сплошные камни. И все вместе, в одной куче.

В ящиках с образцами материальной культуры человека лежали кривые сабли из стали-серебрянки с изящно инструктированными эфесами (их можно видеть на рынках созвездия Геркулеса), грубые примитивные топоры из какого-то отсталого мира, иголки, булавки, горшки, ведра, золотые каски с крестами из драгоценных камней для автогонщиков, поясные пряжки, кольца, молотки, пилы — и все навалом.

— Это лишь небольшая часть образцов,— сказал Лабдибдин.— По-видимому, они намеревались классифицировать их позднее, когда было бы много свободного времени... вероятно, на обратном пути домой.

— Домой куда?— спросил Чейн.

— Мы не знаем,— ответил Лабдибдин, странно смутившись. Пальцы почувствовали холод от пластмассовой крышки, но самого его обдало жаром присутствия красных, зеленых, многоцветных камней, словно они в самом деле горели.

Лабдибдин не удержался от кривой усмешки.

— Ящики открывались автоматически. Достаточно было провести рукой над этим небольшим автоматическим стеклом, и крышка откидывалась. Сейчас энергии нет. Открыть ящик можно разве только взрывом.

— Непрактично в данный момент,— сокрушенно вздохнул Чейн.— К тому же нам нужно найти Дайльюлло.

Они нашли его без хлопот чуть дальше впереди. Дайльюлло рассматривал коллекцию ящиков с грязью. Самой обыкновенной грязью, как успел заметить Чейн.

— Образцы почвы,— пояснил Лабдибдин.— Таких коллекций здесь много: имеются коллекции растений, проб воды, минералов, газов и атмосфер, как мы полагаем, со всех миров, с которыми они соприкасались. И, конечно же, коллекции бесчисленных разнообразные предметов материальной культуры.

— А как насчет оружия?— спросил Дайльюлло.

— Среди собранных ими предметов материальной культуры были некоторые виды оружия, но самые сложные, изощренные всегда обезвреживались... .

— Не надо мне туманить мозги. Мне наплевать на то, что они собирали. Меня интересует их собственное оружие, то оружие, которое они имели сами на борту своего судна.

Лабдибдин сжал зубы и процедил, гневно выделяя каждое слово:

— Мы не нашли никакого оружия на этом корабле, если не считать бесполезных экземпляров в ящиках с образцами.

— Я не могу вас винить за то, что вы лжете,— сказал Дайльюлло.— Ясно, что вы не хотели бы отдать оружие, которое может быть использовано против вашего же собственного народа. Но половина созвездия говорит о том, что у вас имеется здесь... супер-оружие, которое вы собираетесь использовать для завоевания Харала.

На щеках Лабдибдина выступил слабый румянец, равнозначный для вхоланов с их мраморной кожей тому, что у землян называется покрасневшим лицом. Лабдибдин сжал кулаки и стал колотить ими по перилам, демонстрируя свое отчаянье.

— Оружие!— кричал он, задыхаясь.— Оружие! Мои соотечественники непрестанно давят на нас, давят и давят, хотят, чтобы я нашел им оружие. А его нет! На корабле этом нет никаких признаков хоть какого-нибудь оружия. Нет никаких документов о каком-либо оружии. *Крии не пользовались оружием!* Сколько я это не говорю, мне не верят...

— Крии?

— Да, народ, построивший это судно,— сказал Лабдибдин и возбужденно обвел рукой стеллажи с коллекциями.— Во всех из них, *всех* без исключения нет ни одного экземпляра живых существ — ни птиц, ни животных, ни рыб, ни насекомых. Они ни у кого не отнимали жизнь. Я покажу вам кое-что сейчас.

Он быстро, чуть ли не бегом бросился от них. Дайльюлло взглянул на Чейна. Оба пожали плечами, удивившись приступу ярости у Лабдибдина, совершенно не веря тому, что он сказал.

— Не спускай с него глаз,— бросил Дайльюлло.

Оба поспешили за вхоланом. Дорога была неблизкая и все время шла вниз по наклонному металлическому проходу. Дайльюлло бежал не очень быстро, Чейн же, легко подпрыгивая, наступал Лабдибдину на пятки.

Лабдибдин привел их к служебному лифту, который был сооружен вхоланами и работал от передвижного генератора. Все вошли в кабину,

и лифт с грохотом понесся вниз, проскакивая один за другим этажи со стеллажами, хранящими все, что можно о галактике. Лифт остановился, и Лабдибдин повел их к огромному продолговатому залу, несомненно, служившему координационным центром судна, а теперь используемому с той же целью вхоланскими специалистами.

Вхоланцы привезли сюда кое-какую нехитрую утварь, но в зале сохранилась и часть первоначальной меблировки. Чейну стало не по себе после взгляда на нее. От высоты стола он почувствовал себя ребенком в стране взрослых, но контурные кресла к столу оказались слишком узкими даже для тощего зада Чейна. Поэтому неудивительно, что вхоланы привезли сюда даже собственные кресла.

Чейн увидел на креслах и столе гладко вытертые места, много других едва различимых свидетельств длительного использования. Тут сидели и работали кто-то или что-то, управляя каким-то встроенным механизмом с помощью кнопочной клавиатуры, которая была предназначена явно не для человеческих пальцев. Кнопки стерлись, стали светлыми, а сидения кресел, сделанные из неизвестного материала, глубоко продавились.

— Сколько времени?— спросил Чейн.— Я имею ввиду, сколько времени они могли провести на корабле.

— Неразумный вопрос,— резко ответил Лабдибдин.— А сколько длится время? Как считать: по их меркам или нашим? Годы или десятки лет, а может только месяцы? Хотел бы я знать. Как хотел бы знать! Посмотрите сюда.

Он встал перед какой-то довольно высокой тумбой, сделанной из бледно-золотистого металла. На ее фасаде имелась консоль со сложным переплетением кнопок.— У этой вещи имеется собственная энергетическая установка, независимая от корабля,— пояснил Лабдибдин и протянул руку к тумбочке.

Чейн положил свою руку сзади на шею вхолана и тихо сказал:

— Могу раздавить ее моими пальцами. Будьте осторожны.

— Ну, не будьте же столь глупыми,— вспыхнул гневом Лабдибдин.— Оружие, оружие! Вы такие же, как вхоланы — у вас на уме одно лишь оружие.

В воздухе над тумбой появилось мерцание. Лабдибдин повернулся к Дайльюлло:

— Разрешите продолжать?

Дайльюлло взирал на все это — на вхолана, на зал, на Чейна, на множество выстроившихся рядами предметов для изучения — но мыслью он уносился к тому, что происходило снаружи судна, рисуя себе неприятное зеленое небо и ожидая, когда в нем появятся крейсеры.

Его уши, казалось, слышали что-то еще помимо великой всепоглощающей тишины корабля.

Он подал знак Чейну, и тот отступил назад. Лабдибдин что-то проворчал, достал пару очень странных перчаток с торчащими из некоторых

пальцев тонкими, длинными загнутыми стержнями. Одев перчатки, он начал стержнями деликатно, словно птица клювом, постукивать по кнопкам консольной клавиатуры.

В мерцавшем над тумбой воздухе появилось трехмерное изображение.

— Что это такое?— уставился Чейн.

— Вы землянин, и вы не знаете?— удивился Лабдибдин.— Это же с Земли.

— Да, это одна из разновидностей земных птиц,— сказал Дайльюлло.— Но что за цель этой демонстрации.

— Подтвердить фактами то, о чем я вам говорил,— огрызнулся Лабдибдин.— Крии никого не лишали жизни, никого. Они собирали только образы.

Он прошелся стрежнями по консоли. В быстрой последовательности, один за другим появлялись и исчезали образы... насекомых, рыб червей, пауков. Лабдибдин выключил аппарат, повернулся, снял и отшвырнул в сторону перчатки. Он бросил взгляд на Чейна и Дайльюлло, и те вдруг увидели, что под личиной надменного ученого скрывается измученный, опустошенный человек.

— Молю небо, что хоть кто-нибудь поверил мне. По-видимому, у криев была какая-то оборонительная система, возможно, мощный экран, который они могли использовать для защиты корабля. Мы не смогли ничего включить.

Дайльюлло покачал головой:

— Экран не смог бы здесь действовать, даже при наличии энергии. Экран действует в космосе, а не тогда, когда корабль посажен... . Энергия экрана мгновенно заземляется и рассеивается.

— Именно так утверждают наши специалисты,— согласился Лабдибдин.— Но что бы там ни было, бесспорно одно: крии не пользовались наступательным оружием!

— Это просто невозможно,— возразил Чейн.

— Я начинаю верить ему,— сказал Дайльюлло,— Крии, так вы их называете? Вы, разумеется расшифровали их записи.

— Некоторые,— признал Лабдибдин.— У меня здесь самые лучшие филологи Вхола, работающие самозабвенно. Скажу вам, начальство непрестанно так давило на нас, что все мы выбивались из сил; оно требовало от нас, чтобы мы исходили из его желания заполучить нечто такое, что могло бы разнести в куски любую планету. Если бы хоть половину своих усилий оно употребило на заботу о самом корабле... или на получение реальных знаний от корабля.

Лабдибдин нежно провел рукой по краю стола:

— Судно прибыло из другой галактики, другой вселенной. Там иная периодическая система элементов..., совершенно не свойственные нам формы жизни.., сколько всего могли бы мы узнать! А мы вынуждены

тратить время впустую на все эти исследования, направленные на поиск оружия, которое не существует. Сколько же мы теряем...

— Другая галактика, иная периодическая система элементов...,— сказал Дайльюлло.— Я так и догадывался. Что вам удалось узнать об этих, как их... криях?

— Они были одержимы пополнением знаний. Очевидно, они задались целью изучить все о мироздании... Можно предполагать, что аналогичные суда были посланы и в другие галактики с той же самой задачей сбора образцов. Технологический уровень криев без сомнения невероятно высок.

— Однако, они не смогли здесь сесть. Разбились.

— Не совсем так. Скорее это аварийная посадка... и, конечно, корабль никогда не предназначался для посадки. Что-то случилось. Жизненно важные части корабля сильно разрушены, и записи, относящиеся к крушению, естественно, очень коротки, сделаны наспех, но кажется очевидным, что в одном из энергоблоков произошел взрыв, который так сильно повредил систему жизнеобеспечения, что не осталось никакой надежды на возвращение домой. Конечно, наша галактика ничем не могла им помочь — ни запасными частями, ни восстановительными работами. Надо полагать, они обдуманно избрали эту планету: она изолирована и необитаема, хорошо спрятана в туманности..., и только по чистейшей случайности корабль был обнаружен вхоланским геологом, занимавшимся поиском редких металлов.

— Местечко, подходящее для кладбища,— заметил Дайльюлло.— Нашли ли вы какие-нибудь тела криев в развалинах корабля?

— О, да. Мы действительно нашли и немало,— ответил Лабдибдин и, тревожно посмотрев на Дайльюлло, добавил:

— Только дело в том, что... они, кажется, не мертвы.

XVII

Глубоко, в самом центре корабля они шагали по длинному коридору. Металлический пол издавал гулкий звук, отражавшийся позади эхом и терявшийся в тишине. Лампочки здесь висели редко, через большие тусклые промежутки.

— Мы не очень часто сюда приходим,— заметил Лабдибдин.

Говорил он вполголоса, словно боялся, как бы помимо двух землян его не послушал кто-то или что-то. Это вхолан, проявивший вначале острую враждебность, до удивления смягчился.

Он затюканный человек, подумал Дайльюлло. *Для него облегчение поговорить с кем-нибудь, даже с нами..., разорвать удушающие оковы*

секретности. Он слишком долго пребывает в здешнем плену, замурован по существу в этом корабле со... со всем тем, что мне предстоит увидеть, а этого достаточно, чтобы опустились у него плечи и подкашивались ноги. Не удивительно, что он того гляди сломится.

Шаги, казалось Дайльюлло, были неприлично громкими, чем-то опасными. Он физически ощущал окружавшую тишину и огромную темную массу корабля. Он чувствовал себя необыкновенно крохотным существом, этаким насекомым, нахально позволяющим себе распоряжаться чужой собственностью.

Хотелось бы знать, о чем думает сейчас Чейн. Дайльюлло видел, что тот не очень-то выдает себя. Яркие черные глаза варновца, казалось, всегда были неизменными, готовыми к любой неожиданности, любопытными ко всему, но никогда не показывающими внутренних переживаний. Наверное, это лучший вариант жизни принимать ежедневно, ежеминутно все так, как есть, никогда не стремиться докапываться до сути явлений. Явления тогда становятся сложными, когда ты начинаешь размышлять о них.

А может быть, Чейн действительно сухой, лишенный фантазии человек, каким всегда кажется? Дайльюлло вдруг усомнился в этом.

Лабдибдин поднял руку.

— Мы почти прибыли,— прошептал он.— Идите осторожно, пожалуйста. Смотрите под ноги.

Гладкий пол и обшивка коридора сменились здесь плитами внахлест, выглядевшими словно рыбья чешуя.

— Для того, чтобы лучше противостоять ударам,— пояснил Лабдибдин, помогая жестами рук.— Этот зал смонтирован в паутине гибких опор, и его почти ничто не может повредить, разве только полное уничтожение корабля.

Дайльюлло шагал осторожно, высоко поднимая ноги, чтобы не споткнуться.

Впереди показалась открытая дверь и за нею очередной ряд тусклых лампочек, повешенных вхолостую. Дверной проем был непривычно высоким и узким. Протискиваясь через него, Дайльюлло поцарапал себе оба плеча.

У Дайльюлло уже сложилось некоторое представление о том, что предстояло увидеть. И все же он оказался совершенно неподготовленным к тому, что предстало глазам.

Стоявший рядом Чейн крепко выругался по-варновски и инстинктивно положил руку на станнер.

Будь он и в самом деле волком, подумал Дайльюлло, *наверное, зарычал бы, прижав уши, вздыбив шерсть и убрав под брюхо хвост. Вот именно так я себя сейчас чувствую..., а точнее, чувствую себя подобно старой деве, пришедшей на первое ночное свидание и дрожащей от Страха.*

Здесь и был Страх. Но не тот рациональный страх, что способствует выживанию. Нет. Это был слепой, бессмысленный, сковывающий тело страх; это было ксенофобное сжатие протоплазмы в результате воздействия на нее чего-то совершенно чуждого, непривычного.

Теперь Дайльюлло понимал, почему вхоланы нечасто приходили сюда на встречу с криями.

Криев здесь было около сотни. Они сидели стройными рядами, каждый в высоком, узком кресле, с прямой, словно у древнеегипетских фараонов, осанкой: их нижние конечности были сомкнуты, а верхние, с длинными, изящными отростками, служившими как пальцы, покоились на подлокотниках кресел. Вся одежда состояла из простой накидки. Их тела походили на темный янтарь не только по цвету, но и по веществу, а по форме могли быть приняты или за животных, или за растения, или за сочетание тех и других, или, наконец, за что-то другое, не поддающееся осмыслению в рамках понятий терминологии нашей галактики. Они были очень высокими, очень гибкими, по-видимому, лишенными суставов и мускулов, и действующими всем своим телом, словно колеблющиеся ленточные водоросли в застойной воде.

Основную часть лица крия занимали два огромных, с молочным оттенком глаза, встроенных в голову удлиненной узкой формы. По обеим сторонам головы были прорези для дыхания, а спереди располагался маленький сморшенный рот, застывший, казалось, в вечном раздумье.

Глаза криев были широко открыты, и у Дайльюлло было такое ощущение, что все они, все сто пар, смотрят прчмо в его душу.

Стремясь уйти от этих взглядов,, Дальюлло повернулся к Лабдибдину и спросил:

— Что заставляет вас считать их не мертвыми? Они же выглядят окаменелыми.

Но подсознательно он понимал, что Лабдибдин был прав.

— Дело в том,— ответил вхолан,— что одна из расшифрованных нами записей оказалась посланием, которое они отправили уже после катастрофической посадки. В послании даются координаты нашей звездной системы и говорится...

Он нервно провел языком по своим губам и косясь на ряды вытаращенных глаз, продолжил:

— ...и говорится, что они будут ждать.

— Вы имеете ввиду, они... послали за помощью?

— Очевидно так.

— И они передали, что будут ждать?— спросил Чейн.— Мне кажется, что помощь так и не пришла к ним, а ведь они так долго ее ждали.

Чейн уже отправил я от первоначального потрясения и теперь не видел никакой опасности от фигур криев. Одну из них он решил рассмотреть поближе.

— Неужели вы никого не анатомировали, не брали никаких проб?

— А вы попробуйте прикоснуться к ним, хотя бы вот к этой фигуре,— вместо ответа сказал Лабдибдин.— Вперед. Смелее.

Чейн осторожно вытянул вперед руку. Она остановилась на полпути где-то в 45 сантиметрах от фигуры крия, и Чейн отдернул руку назад, замахал ею.

— Холодная!— воскликнул он.— Нет, не то, чтобы холодная... ледяная и ее щиплет. Что это?

— Стаз, застой крови,— ответил Лабдибдин.— Каждое кресло является самообеспечивающим агрегатом с собственным источником энергии. Каждый сидящий заключен в силовое поле, которое замораживает его в пространстве и времени... Вокруг создается из мельчайших пузырьков нечто вроде кокона, в который невозможно проникнуть.

— Неужели нельзя отключить этот агрегат?

— Нельзя. Механизм самозамыкается в капсулу. Эта система выживания продумана и сконструирована очень тщательно.

Пребывающим в поле стаза не требуются ни воздух, ни питание, поскольку течение времени, и вместе с ним процесс обмена веществ, замедляется вплоть до полной остановки. Если потребуется, крии могут вечно ждать и оставаться в полнейшей безопасности. Ничто не может на них воздействовать, причинить какой-либо вред. Нечего и думать, чтобы мы им хотели повредить.

Лабдибдин бросил на криев взгляд, исполненный добрых желаний:

— Говорить с ними, изучать их, понять, как они мыслят и действуют,— вот на что я надеюсь...

Он остановился, и Дайльюлло тут же переспросил:

— Надеетесь?

— Да. Наши лучшие математики и астрономы попытались разработать вариант фактора времени. То есть расшифровать их дату отправки послания о помощи и их подсчет времени, необходимого для прилета сюда спасательного корабля. Это оказалось отнюдь не простым делом. Наши люди выдвинули четыре возможные прибытия спасательного корабля. Одна из дат ... это приблизительно теперь.

— На мой взгляд это слишком,— сокрушенно сказал Дайльюлло.— Сначала межгалактический корабль, затем целый экипаж, сидящий здесь и глазеющий на меня, а теперь вот в пути еще одно межгалактическое судно. Неужели оно вот-вот прибудет сюда?

— Мы не знаем,— с отчаяньем сказал Лабдибдин.— Это только один из расчетных вариантов, а понятие "теперь" может означать и вчерашний, и завтрашний день, и будущий год. Вот почему Вхол так настойчиво торопит нас, чтобы в случае... Лично я надеюсь, что спасательное судно придет, пока мы здесь, и я надеюсь получить возможность поговорить с ними.

_ А вы не думаете, что они разгневаются, когда узнают, что вы копались в их вещах?— улыбнулся Чейн.

— Вероятно. Но их ученые, я думаю, поймут нас... не насчет оружия, а насчет всего остального, жажды познания. Мне думается, они поймут, что мы не могли не копаться в их вещах.

Лабдибдин снова умолк, не скрывая своей огромной грусти.

— Все это было,— сказал он,— страшной потерей времени и сил. Безудержная гонка, спешка и все ради ложных целей. В моей жизни представился уникальный случай узнать хотя бы немного о другой галактике, но тупые бюрократы Вхола не могут думать ни о чем другом, кроме своей мелочной войны с Харалом.

— У каждого,— пожал плечами Чейн,— свое понимание того, что считать наиболее важным. Хараловцы, наверно, были бы более заинтересованы в установлении факта, что здесь нет супероружия, нежели в получении знаний о полусотне галактик.

— Хараловцы,— сказал Лабдибдин,— ограниченные, невежественные люди.

— Да, им в этом не откажешь,— подтвердил Чейн и повернулся к Дайльюлло:

— Крии нам вроде бы больше ни к чему. Не лучше ли нам возвратиться наверх?

Дайльюлло согласился. Он бросил еще раз взгляд на ряды не мертвых, но и не живых существ, терпеливо восседающих в надежде своего воскрешения, и ему подумалось, что их отчужденность уходит значительно глубже, чем сущность их формы или даже вещества. Он не мог точно сам уяснить, что имел в виду, и вдруг понял. Это их лица. Не черты. А выражение. Взгляд полного спокойствия. Эти лица никогда не знали никакой страсти.

— Вы тоже это видите?— сказал Лабдибдин.— Думается, этот биологический вид должен был развиться в благоприятной окружающей среде, где не было ни врагов, ни необходимости бороться за выживание. Они ничего не покоряли... я имею в виду в самих себе. Они никогда не страдали, им не надо было учиться избавлению от насилия в поисках лучшего пути. Этого просто никогда у них не было. Кстати, если судить по их записям, у них нет и любви. Они, по-видимому, совершенно лишены каких-либо внутренних эмоций. Им всегда хорошо. У них абсолютно не может быть каких-либо огорчений. Это заставляет меня задуматься: наверное их галактика полностью отличается от нашей, в ней нет всех этих неистовств природы, которых хватает на наших планетах — изменений климата, засух, наводнений, голода, всего того, что делает нас прежде всего борцами и дает нам выживание в качестве награды победителю... А может быть мир криев — исключительный случай...

— Будучи человеком,— сказал Дайльюлло,— я не могу игнорировать свои внутренние эмоции. Они приносят нам немало беспокойств и огорчений, но они делают жизнь стоящей того, чтобы ее прожить. Я не очень-то завидую криям.

Чейн со смехом добавил:

— Я не хочу быть непочтительным, но скажу: наши покойники выглядят более живыми, чем крии. Пойдемте отсюда. Я устал от их вытаращенных глаз.

По звенящему пустотой коридору они отправились назад и насей раз Дайльюлло почувствовал странное холодное покалывание в спине, какбудто сотня пар глаз неотступно следовала за ним, пронизывая своими взглядами металл и тусклый свет.

Как этим глазам, должно быть, приходилось удивляться при изучении странных диких туземцев наших звездных джунглей — любовников, убийц, святых, мучеников, торжествующих подлецов.

Дайльюлло вдруг сказал:

— Не думаю, чтобы был чересчур большой смысл в том, чтобы не делать чего-то, пока очень не захочешь это сделать.

— Это потому, что вы человек,— возразил Лабдибдин.— Для человека полный покой равносилен смерти. Организм разрушается.

— Верно,— продолжал Чейн и с такой горячностью, что Дайльюлло с улыбкой уставился на него.

— Он имеет в виду не только войну. Понимаешь? Есть ведь и другие виды борьбы.

— Правильно. Но цветку, скажем, или дереву...

В мини-рации Дайльюлло, прикрепленной к клапану кармана, раздался голос Болларда:

— Джон, на радаре Биксела появились два всплеска.

— Иду,— сказал Дайльюлло и вздохнул:

— Сколько стоит полный покой?

XVIII

Лабдибдина в сопровождении наемника отправили назад в куполообразную постройку. Чейн же сидел в капитанской рубке, удивляясь, почему Дайльюлло захотел иметь его здесь, а не там, где скоро возникнет огневой рубеж. Через дверь навигационного отделения он мог видеть как Биксел, склонившись над экраном радара, следил за приближением крейсеров. Рутледж обеспечивал межкорабельную радиосвязь, по которой вели сейчас разговор Дайльюлло и капитан одного из вхоланских крейсеров.

Голос вхолана звучал громко, отчетливо. Старший из командиров, определил про себя Чейн, изъяснялся плохо на галакто, но говорил надменно, тщательно выбирая и чеканя каждое слово.

— Предлагаю вам сдаться, это ваш единственный шанс. Вы должны соображать: альтернативой вам будет только смерть. Конечно, я не должен указывать вам на безнадежность борьбы с двумя тяжелыми крейсерами.

— Тогда зачем же это делаете?— сухо спросил Дайльюлло.— Предположим, что я сдамся. Какими будут условия?

— Вас возвратят на Вхол и будут судить.

— Хм! Было бы намного проще прислать прямо сюда команду для расстрела..., проще и спокойнее. Но предположим, что вы нас действительно доставили обратно на Вхол; в этом случае мы могли бы рассчитывать или на вариант А — смертную казнь за проникновение к военным секретам, или на вариант Б — гнить во вхоланской тюрьме до конца своих дней.

Дайльюлло поднял брови и взглянул на Чейна. Тот отрицательно покачал головой. Такой же была реакция и Рутледжа. А Биксел, слушавший этот диалог по внутренней связи, бросил:

— Скажи ему, чтобы он убирался к...

— По крайней мере, у вас будет шанс на сохранение жизни,— продолжал вхолан.— В противном случае — ничто.

— У моих людей, кажется, другое мнение,— ответил Дайльюлло.— Они говорят "нет".

— Тогда они глупы,— послышался раздраженный голос капитана крейсера.— Наши тяжелые лучи вдребезги разнесут ваш корабль.

— Наверняка,— заявил Дайльюлло.— Только вам не придется их использовать. Если вы это сделаете, то взорвете и ту крупную ценную посылочку, которую вам надлежит охранять. Как вы думаете, для чего же я так близко прижался к ней... уж не из-за любви ли? Нет, капитан, извините. А хорошая посадка, не правда ли?

Последовало молчание. Доведенный до белого каления капитан крейсера изрек потом что-то грубое по-вхолански.

— По-видимому, он обругал тебя,— заметил Рутледж.

— Очень похоже,— нагнулся к микрофону Дайльюлло и спросил:

— Между прочим, капитан, как закончилась ваша встреча со Звездными Волками?

— Мы их прогнали,— коротко бросил вхолан.— Само собой разумеется.

— Разумеется, конечно,— в тон ему сказал Дайльюлло,— но не без некоторых повреждений. Кстати, как себя чувствует парень, который так громко кричал о помощи?

— Думается, не очень хорошо,— вмешался Биксел.— Его крейсер рыскает из стороны в сторону; похоже, что-то случилось с приводом.

Звездные Волки прикончили бы тот крейсер, не приди ему на помощь другой, подумал Чейн. Схватка, должно быть, была ожесточенной.

Интересно, продолжал размышлять Чейн, остались ли в живых братья Ссандеры после этого боя. Если остались, то придет день, когда ему придется с ними встретиться. Они не отстанут, и рано или поздно...

И все-таки он гордился ими.

Вхоланский капитан дал Дайльюлло последний шанс сдаться в плен и получил отказ.

— Вы нас можете пленить, дружище, но не без боя,— сказал Дайльюлло.

— Хорошо,— заявил капитан, и голос его на сей раз был холодный, резкий, твердый, словно стальное лезвие.— Будет бой. И не жди пощады, Дайльюлло. Не жди!

Вхолан вышел из связи. Чейн поднялся, подобрал живот в нетерпеливом ожидании. Рутледж одобрительно посмотрел на Дайльюлло:

— Ты хорошо им выдал, Джон. Кстати, а есть ли у тебя хоть какой-нибудь план, как нас вызволить отсюда?

— Что-нибудь придумаем,— ответил Дайльюлло.— Биксел, ты следишь за ними?

— Да, слежу. Они подходят...

— Каким курсом?

Биксел сообщил данные, и Дайльюлло подошел к обзорному окну. Чейн последовал за ним. Вначале он ничего не мог разобрать в грязно-зеленом мраке. Потом увидел две темные точки — очень далекие, крохотные. С огромной скоростью они стали увеличиваться. Непрерывный вой ветра снаружи утонул в раскатистом ревущем грохоте. Корабль наемников вздрогнул один раз, потом второй. Крейсеры промчались высоко над гребнем горного хребта, вошли в посадочный режим, выпустили посадочные устройства, и исчезли за хребтом.

Дайльюлло облегченно, всей грудью вздохнул:

— Я рассчитывал на то, что они так поступят.

Чейн удивленно посмотрел на него:

— Иначе они не могли поступить, если еще чего-нибудь соображают. Тяжелые лучи, как вы сами сказали капитану, они применить не могут..., но у нас же руки свободны. Мы можем задать им перцу из наших реактивных пусковых установок. Я не надеялся, что они проявят такую глупость — совершить посадку в пределах досягаемости нашего оружия.

— Видимо, именно это они и сделали,— сказал Дайльюлло и показал на стену скал, стоявших преградой для песка.-

Послушай, мог бы ты туда забраться?

Он же знает, что могу, подумал Чейн... и ответил:

— Это зависит от груза, который я должен взять.

— Если я тебе дам в подмогу пару человек, ты сможешь втащить на вершину портативную реактивную установку?

— А-а, понимаю,— сказа Чейн.— Хребет закрывает нас от тяжелых лучей, и если мы взлетим по низкой траектории, они не смогут нас задержать. Но они сразу же бросятся вдогонку и настигнут нас в космосе, если...

— Вот именно. Если смогут,— продолжил Дайльюлло.

— Я заберусь туда,— заверил Чейн.

Дайльюлло одобрительно кивнул и нажал кнопку рации:

— Боллард?

— Да, Джон,— прозвучал в ответ высокий тихий голос.

— Подбери мне на свое усмотрение двух самых крепких парней, выломай несколько витков из спиральных заграждений, сними со своего участка одну пусковую реактивную установку. Подготовь все это в собранном виде. Не забудь про боеприпасы, около десятка реактивных снарядов.

— Двадцать, — попросил Чейн.

— Тебе не хватит времени,— возразил Дайльюлло.— Прежде, чем ты успеешь выпустить это количество снарядов, они применят лазеры и уберут тебя с гребня.

Дайльюлло умолк, потом посмотрел на Чейна и добавил по рации:

— Приготовь не десять, а двадцать снарядов.

— Ты не требуешь людей,— послышался голос Болларда,— ты не требуешь даже тяговой силы. Ты требуешь... да, слушаюсь, Джон. Будет в два раза больше.

Дайльюлло подошел к двери навигационного отделения:

— Оставайся здесь, на своем месте.

Биксел вытаращил глаза:

— Но почему? Крейсеры уже совершили посадку, а Звездные Волки, как сказал Вхоланский капитан, ушли, поэтому...

— Вот поэтому и сиди здесь.

Биксел откинулся на спинку кресла:

— Ну, раз ты, Джон, так мне говоришь. Это легче, чем быть подстреленным.

— Ты хочешь и меня оставить у радио?— спросил Рутледж.

— Нет.

Рутледж пожал плечами:

— Спросить никогда не вредно. Только так что-то и узнается, строгий ты, Джон, человек.

Дайльюлло мрачно усмехнулся:

— Ухожу посмотреть; насколько я строг.

Он кивнул Чейну, и они вдвоем спустились из капитанской рубки в открытый шлюзовой люк и оттуда вышли на холодный насыщенный песчинками воздух, навстречу двигающимся дюнам.

Рассредоточившись по периметру возведенной обороны, наемники находились или в окопах, вырытых позади ограждений, или на огневых позициях. Чейн видел, как они спокойно ожидали приближения событий. Опытные, крепкие, стойкие профессионалы. В скором времени им предстоит сражаться за свою жизнь. Это произойдет после того, как люди с крейсеров будут сведены в боевые группы и совершат длинный марш вокруг стены скал. Но поскольку пока ничего не происходило, наемники смотрели на жизнь просто, затягивали потуже воротники, чтобы меньше песка попадало за шею, проверяли еще раз оружие, беззаботно болтали. Очередной день и очередные деньги — вовсе неплохой способ зарабатывать себе на жизнь, подумалось Чейну. Но, конечно, не такой, как у

звездных Волков. Там — азартная игра, а тут работа, лишенная душевного порыва и гордости. Там — вольные разбойники звездных дорог, не имеющие хозяев, а тут — наемные люди. Но поскольку Чейн лишен первого варианта, по крайней мере на какой-то период, то и второй для подмены не так уж плох.

— Ты по-прежнему уверен, что сможешь это сделать?— переспросил Дайльюлло.

Они шагали вдоль оборонительной линии к тому месту, где Боллард снимал одну из портативных пусковых установок с огневой позиции и громко отдавал приказы о перегруппировке сил и закрытии образовавшейся бреши. Чейн взглянул на скалы, сузил глаза от пыли.

— Я могу это сделать, но не хотел бы оказаться схваченным на полпути.

— Разве для этого ты туда отправляешься?— сказал Дайльюлло.— Сосредоточь огонь по трубам привода крейсеров. Постарайся вывести из строя оба корабля, но прежде всего тот, что неповрежден. Берегись ответного огня. Как только он начнется, беги во все лопатки. Мы будем ждать тебя..., но не слишком долго.

— Ладно. Вы лучше беспокойтесь, как сдержать их здесь,— ответил Чейн.— Если они прорвут оборону, нам и бежать будет некуда.

Принесли витки спиральных заграждений, сделанные из тонкой, прочной и в то же время легкой проволоки. Чейн взвалил один из витков на плечо и поднял конец ствола пусковой установки. Боллард выделил ему в помощь, как было приказано, двух самых сильных наемников— Секкинена и гиганта по фамилии О'Шаннейг. Секкинен взял раму пусковой установки за другой конец. О'Шаннейг нагрузил себя лентами с реактивными снарядами — небольшими вещицами неприятного вида с боеголовкой не ядерной, но достаточно разрушительной начинки. Такие снаряды не в состоянии уничтожить тяжелый крейсер, но могут его повредить, если попадут точно в нужные места.

— Пошли,— сказал Чейн. И они побежали по рыхлому песку под брюхом корабля-монстра, выбрались из-под разрушенного носа судна, миновали беспорядочно разбросанные куполообразные постройки, где были заперты вхоланские специалисты. Чейн неожиданно вспомнил Тхрандирина с двумя генералами и заинтересовался, как с ними поступи Дайльюлло.

Секкинен начал задыхаться, спотыкаться, и Чейн против своего желания сбавил скорость. Ему надлежало или приспособиться к своей группе, или измотать ее очень быстро. О'Шаннейгу было легче, так как его руки были свободны. Но даже он обливался потом, а его шаги утратили пружинистость. Двигаться по песку было трудно. Груз, который несли наемники, усиливал давление на ноги, и они вязли в песке, который скользил по лодыжкам, обволакивал и тер их. Наконец, они выбрались на крепкий камень, оказавшийся как раз в тени скал.

— О'кей,— сказал Чейн,— посидите минутку, пока я пойду взгляну.

Он сделал вид, что ему столь же тяжело дышать, как и его помощникам, начал движение в медленном темпе, вытянув вверх шею, чтобы лучше разглядеть черные скалы.

Они были почти отвесными, поднимались сплошной стеной, переходя на самом верху в выветренные столбы, которые рвал на части неутихающий ветер и заставляли его пронзительно выть.

— Джон не иначе как рехнулся,— тихо прокартавил О'Шаннейг.— Разве можно туда забраться, да еще со всем этим грузом на шее.

— Да и без груза нельзя,— поддержал Секкинен, посмотрев без всякой симпатии на удалявшегося Чейна.— Если только не произойдет какое-нибудь чудо.

XIX

Чудеса были неведомы Чейну, но он знал, что такое сила и что такое препятствия, и на что способен человек, когда нужно преодолеть препятствия. Нет, не человек, а Звездный Волк, варновец

Неторопливо он двигался вдоль подножия утеса. Он знал, что люди с крейсеров теперь уже на марше, и если он не достигнет вершины утеса, прежде чем они появятся и обнаружат его, он будет схвачен вместе с пусковой установкой или с боеприпасами, или с одним из наемников, беспомощно болтающимся на полпути наверх, и все обернется провалом. Но даже, имея в виду, такой исход дела он не спешил.

Там наверху серьезной проблемой станет ветер. Находясь под утесом в затишье, он мог взглянуть наверх и видеть его порывы, видеть физически по песку, который срывался с дюн клубящимся облаками. Ветер такой силы мог с одинаковой легкостью унести человека или пусковую установку и, позабавившись, сбросить вниз.

Чейну хотелось, чтобы заходящее солнце светило чуть ярче. Это одна из причин, почему сейчас утес выглядел гладким. Плоский, тусклый свет срывал взломы и неровности. Помогало этому и наложение зеленого солнечного света на черный цвет скал. Чейн начал ненавидеть этот мир, который не любил его, не любил вообще ничего живого. Он любил только песок, камень и ветер.

Чейн сплюнул, пытаясь избавиться от накопившегося во рту привкуса песка и горького воздуха, прошел немного вперед и нашел то, что искал.

Удостоверившись, что это именно то, что нужно, он нажал кнопку рации:

— Собираюсь посоветоваться насчет того чуда, о котором вы говорили. Тащите весь груз сюда.

Он перемотал заново веревку в кольцо поправил все другое снаряжение так, чтобы ничего не высовывалось и не цеплялось, и начал взбираться по расселине, которую нашел в утесе.

Первая часть подъема была очень трудной. Беда наступила на полпути к вершине, когда расселина кончилась и Чейн оказался перед почти отвесной скалой, вертикальной скалой утеса. Перед подъемом он делал ставку на то, что поверхность утеса будет достаточно широковатой. Ставка оказалась несостоятельной.

Ему вспомнился иного рода альпинизм — спуск с города-горы на Харале. Если бы те горгульи были здесь!

Дюйм за дюймом он прокладывал путь вверх в основном за счет силы своих пальцев. Вскоре он почувствовал себя впавшим в какой-то гипнотический экстаз, сосредоточив все мысли лишь на щелях и выступах утеса. От боли нестерпимо ныли руки; мышцы растянулись словно веревки перед разрывом. Внутри себя он слышал настойчивый голос: Звездный Волк, Звездный Волк!. Голос говорил ему: любой человек на твоем месте давно бы впал в отчаянье, сорвался и погиб, но ты же Звездный Волк, варновец, ты слишком горд, чтобы умереть как обычный человек.

Пронзительный ветер оглушил его. Волосы на голове рвануло и потянуло с таким внезапным неистовством, что его чуть не сдуло с утеса. Его обуял ужас. Бешено гонимый ветром песок бил по его телу словно картечь. Он прижался как можно плотнее к стене утеса, взглянул наверх и увидел, что достиг вершины.

Но он еще не был у конечной цели. Предстояло проползти немного дальше, теперь уже сбоку и ниже самой вершины утеса, чтобы выйти на предветренную сторону одной из скал. Он забрался в нишу выветренного огромного камня, сел там, тяжело дыша и содрогаясь от дрожи, чувствуя, как камень колышется от мощных порывов ветра. И засмеялся, понося Дайльюлло. Пора с этим кончать. Своей привычкой рисоваться я даю ему возможность втягивать меня в одно опасное дело за другим. Он знает это и использует. Ты можешь это сделать?— спрашивает, а я отвечаю "да".

И я так и сделал.

Сквозь вой ветра донесся слабый позывной: "Чейн! Чейн!"

Только сейчас он сообразил, что вот уже несколько минут, как его вызывают. Он включил рацию.

— Секкинен, спускаю веревку. Один из вас — можете бросить жребий — поднимается по ней еще с одной веревкой. Второй остается внизу и привязывает грузы. Нам все это нужно сюда втащить.

Чейн нашел твердый, прочный выступ на скале и закрепил за него веревку. Оказалось, что О'Шаниэйг выиграл (или проиграл) жребий, поскольку его долговязая фигура неуклюже взбиралась на утес, и затем над краем выемки появились его яркорыжие волосы и веснушчатое лицо. Чейн расхохотался, теперь задыхаясь уже на самом деле.

— В следующий раз попрошу выделить мне кого-нибудь пониже и полегче. Ну и вес у тебя, мой друг!

— Вес действительно есть,— признался О'Шаннэйг и расправил свои руки.— Я ведь тоже подтягивал себя.

Они сбросили вниз конец второй веревки, которую доставил О'Шаннэйг. Секкинен привязал к обеим веревкам пусковую установку. Чейн и О'Шаннэйг подняли ее на утес и не без труда установили в нише. Затем таким же способом были доставлены наверх ленты с реактивными снарядами.

— Хорошо, Секкинен,— передал по рации Чейн.— Теперь твоя очередь подниматься.

Они быстро втащили этого крупного, крепкого и очень несчастного человека, который, влезая в нишу, возмущенно жаловался, что он не для того родился, чтобы быть обезьянкой на веревочке. В нише стало чересчур тесно. Чейн затянул узлом одну из веревок на поясе, а вторую веревку, привязанную к пусковой установке, привязал за плечи.

— Это опасный номер,— сказал он.— Будете меня ловить, если меня снесет ветром.

Поручив Секкинену травить веревку, а О'Шаннэйгу, используя выступ скалы, стопорить, Чейн выскользнул из ниши, влез на гребень утеса и оказался в бешенной стихии ветра.

Ему подумалось, что он не сможет довести дело до конца. Ветер был готов поднять его словно пушинку и унести неизвестно куда. Он колотил и пинал Чейна, перехватывая дыхание, ослеплял и душил песком. Чейн вцепился за скалу, найдя на ней множество выступов — результат поработавшей здесь в полную силу эрозии, и стал пробираться вокруг скалы на ее наветренную сторону. Теперь он оказался на гребне огромной дюны и почувствовал себя так, словно его взметнула гигантская морская волна у покрытых лавой варновских пляжей, взметнула высоко, головокружительно, забила дыхание пеной. Только теперь пена была твердой, сухой, сдирающей кожу с лица и рук. Он весь сжался и пополз, но ветер прижал его к скале. Он увидел, что у подножия дюны стояли отдыхая, два крейсера.

Он увидел также хвост колонны вооруженных людей.

Ниши были и на этой стороне скалы в результате эрозии.

Ветер удачно загнал Чейна в одну из них и он решил: пусть так и будет, она ничем не хуже других. Он включил рацию.

— Все в порядке. Поднимаем. Будьте осторожны.

Чейн весь напрягся, словно перед схваткой, уперся спиной в одну сторону ниши, ногами в другую. Он взял вторую веревку и начал выбирать ее на себя, действуя обеими руками.

Он молил, чтобы пусковая установка не вырвалась из рук его друзей и не полетела с утеса. Если бы это случилось, она потащила бы за собой и его.

Ощущение было такое, что он тянул на себя скалу. Веревка не двигалась, и Чейн подумал, что, наверное, Секкинен и О'Шаннэйг не смогли развернуть установку и протащить несколько нужных футов на вершине, оттуда он мог ее тянуть на себя. Неожиданно сопротивление ослабло, и пусковая установка двинулась прыжками прямо на него в вихре песка. Установка замедлила движение и остановилась в нужном

месте. После нее на стопорной веревке Чейн получил и ленты с реактивными снарядами.

Он облегченно вздохнул.

— Спасибо!— крикнул он.— А теперь быстро возвращайтесь на корабль. Вхоланы уже выступили.

Пусковую установку Чейн разместил перед нишей, выполнив работу двух человек. Когда он этим занимался, по рации раздался раздражающе неторопливый голос О'Шаннэйга:

— Было бы неправильно нам уходить без тебя.

Чейн в отчаянье крикнул по рации:

— Боллард!

— Да?

— Я сейчас уже на позиции. Прикажи этим благородным болванам убираться. Я бегаю быстрее них. Мне будет лучше без них. Когда будут пущены в ход лазеры, я не должен кого-либо ждать.

— Он прав, ребята. Спускайтесь,— сказал Боллард.

Из последовавшего шума Чейн сделал вывод, что, подчинившись приказу, Секкинен и о'Шаннэйг спустились по веревкам утеса, причем намного быстрее, чем поднимались. Чейн кончил раскладывать ленты со снарядами и вставил одну из них в пусковую установку.

— Чейн, только что появилась колонна,— сообщил Боллард.

— Н-да. Если мне не придется тебя снова увидеть, передай Дайльюлло...

— Я слушаю тебя, Чейн,— врезался голос Дайльюлло.

— Ладно, только не сейчас, пожалуй,— ответил Чейн.— Нет времени совсем. Крейсеры практически подо мной. Ветер убийственный, но не сможет помешать этим снарядам... Одному из крейсеров здорово досталось. Мне хорошо видно.

Он засмеялся. *Молодцы, Звездные Волки!* И стал наводить прицел, пока в нем две полоски не сошлись на многоствольной приводной установке неповрежденного крейсера.

— Держу пари на полсветляка,— раздался голос Дайльюлло,— что больше десятка снарядов ты не выпустишь.

Дайльюлло проиграл. Чейн выпустил десять в такой стремительной последовательности, что первый лазер вхоланов успел включиться лишь после того, как снаряды уже были перенацелены с погнутых, дымящихся труб первого крейсера на уже побывавшие в переделке трубы второго. Луч тяжелого лазера начал жевать дорогу вдоль гребня..., вхоланы еще не пристрелялись к Чейну, но через минуту сделают это. Камень и песок превратились в дым и гром. Чейн успел выпустить еще четыре снаряда, и второй лазер врезался в дюну в каких-нибудь тридцати футах ниже него, превратив это место в ад. И вдруг совершенно неожиданно выключились лазеры, прекратила свое действие пусковая установка, не стало слышно ни одного звука боя.

Гигантская тень прошла над головой и закрыла солнце.

XX

Жуткая тишина, жуткий сумеречный свет. Чейн полуприсел в нише, его волосы на шее почему-то покалывало. Он попробовал спусковой механизм реактивной установки, но тот молчал под его пальцами: было похоже, что вышел из строя блок питания, обеспечивающий работу.

Погасли, замолчали лазеры на вхоланских крейсерах.

— Боллард!— позвал Чейн по рации.— Дайльюлло! Кто-нибудь!

Ответа не последовало.

Он проверил станнер, и тот тоже не действовал.

Он взглянул на небо и не увидел ничего; оставалось лишь догадываться, что где-то наверху во мраке, в пыли и звездном тумане что-то повисло между солнцем и планетой.

Он выбрался из ниши и отправился через седловину на другую сторону скалы, подстраховавшись рабочей веревкой. Пришлось пережить несколько страшных секунд, когда за углом его подхватил ветер, покачал на веревке и отбросил назад в то место, откуда он стартовал. Чейн увидел корабль наемников, их оборонительные позиции, а левее — снабженных противопехотным оружием людей с вхоланских крейсеров, развернувшихся веером для атаки. В их рядах, видимо, только что разорвалась пара химических снарядов, выпущенных наемниками, так как некоторые из вхоланов шатались в характерной при поражении манере, и ветер все еще кромсал струи газа. Все остальные вхоланы просто стояли и глазели на небо, или возились с оружием, которое по непонятной причине перестало действовать.

На руках по веревке Чейн спустился к подножию утеса и бросился бежать.

Вхоланов, оказавшихся на открытой местности в сумраке гигантской тени, охватило, по-видимому, неожиданное паническое стремление держаться как можно ближе друг к другу. Их боевой порядок с отставшими флангами превратился теперь из линии в кольцо. Это была толпа перепуганных людей, ожидавших нападения, но не знавших откуда, деморализованных сознанием того, что у них теперь нет никаких средств личной защиты, кроме голых рук и карманных ножей. Ветер доносил до Чейна их раздраженные, панические, тонкие голоса.

Чейн понимал их переживания. Вхоланы были словно раздетыми и голыми, хуже того... они были во власти чего-то или кого-то чересчур могущественного, чтобы с ним можно было бороться, они походили на детей с бумажными мечами, которые должны сражаться с профессиональной армией. Чейну тоже было не по себе. Его охватил страх — состояние, к которому он не привык.

Он слышал, как на позициях наемников раздались приказы. Они начали отступать к кораблю, волоча оружие, ставшее бесполезным. У куполообразных построек Чейн встретил Дайльюлло и пару людей с ним.

— Спасательный корабль криев?— спросил Чейн.

— Должно быть, он,— ответил Дайльюлло.— Ничего иного...

Дайльюлло посмотрел на небо, и его лицо приобрело скверный оттенок от неестественных сумерек.

— Радар не действует,— сказал он.— Все не действует. Даже ручные фонарики. Хочу поговорить с Лабдибдином.

Чейн отправился с ними к куполообразным постройкам. В постройках было темно и слышались почти панические голоса.

Рутледж, сменивший Секкинена в качестве охранника у дверей, увидев Дайльюлло, бросился к нему, требуя объяснить, что происходит.

— Мой станнер не действует, и рация... Я непрерывно вызываю...

— Знаю,— бросил Дайльюлло и, указав на дверь, сказал.— Выпусти их.

— А вхоланы? А их нападение?— уставился на него Рутледж.

— Думаю, что теперь не будет нападения,— ответил Дайльюлло и со вздохом добавил.— По крайней мере, я надеюсь.

Рутледж вернулся к двери отпер ее. Беспорядочной массой вхоланы вырвались наружу и в замешательстве остановились. Они тоже начали смотреть на небо и что-то лепетать, потом странно все умолкли.

Дайльюлло громко позвал Лабдибдина, и тот вскоре в сопровождении нескольких ученых выбрался из толпы.

— Это их корабль,— сказал Лабдибдин.— Должно быть их. Эта сила, что подавила все виды энергетического обеспечения... а также все виды оружия... верно?

— Верно.

— ...является чисто оборонительным средством: крии — великие мастера ненасильственных средств обороны. Мы применяли здесь оружие. Я слышал, как трещали лазеры по утесу. Поэтому они и остановили нас.

— Что вы, как эксперт по криям, считаете нам следует сделать?— спросил Дайльюлло.

Лабдибдин посмотрел вверх на нависшую тень, затем перевел взгляд на песчаную равнину, где темнела брошенная на произвол судьбы громадина корабля.

— Они не убивают,— сказал он.

— Вы уверены или просто надеетесь?

— Есть все основания...— начал Лабдибдин и остановился, охваченный благоговейным страхом перед мощью и непосредственной близостью корабля криев.

— Какая разница У нас ничего не осталось, кроме кулаков да зубов,— вмешался Чейн.— Это они будут решать прикончить нас или нет.

— Что вы на это скажете, Лабдибдин?— спросил Дайльюлло.

— Я *уверен*: Они не убивают. Ручаюсь собственной жизнь. Считаю, что если мы не будем противодействовать им и чем-то провоцировать их, если мы возвратимся на свои корабли, и...,— сказал Лабдибдин и сделал беспомощный жест, а Дайльюлло продолжил:

— И будем смотреть, как развернуться события. Согласен,— сказал он.— Не передадите ли вы эти соображения капитанам ваших крейсеров? Сообщите им и о том, как мы собираемся поступить и настоятельно убедите их в целостности сделать то же самое. Ведь совершенно очевидно, что так или иначе ситуацией владеем не мы.

— Хорошо,— сказал Лабдибдин.— Только...

— Только что?

— Некоторые из нас, возможно, возвратятся..., чтобы понаблюдать,— Лабдибдин снова бросил взгляд на мощную громадину, в темном чреве которой сидели и ждали около сотни криев.— Только понаблюдать. И с расстояния.

Вхоланы бросились через равнину навстречу в беспорядке толпившимся десантникам с крейсеров. Чейн, Дайльюлло и остальные наемники поспешили к своему кораблю.

— Как тебе там было на утесе?— спросил по дороге Дайльюлло.

— Нормально. Им придется хорошо повозиться с ремонтом... ни один из крейсеров не сможет подняться,— криво усмехнулся Чейн.— Ваш план сработал просто великолепно. Теперь мы можем улететь отсюда в любое время.

— Превосходно, если только не считать, что у нас нет энергии.

И оба взглянули на небо.

— Чувствую себя мышонком,— признался Дайльюлло.

Рутледж содрогнулся:

— И я. Надеюсь, что твой вхоланский друг окажется прав и кот не будет плотоядным.

Дайльюлло обратился к Чейну:

— А ты волнуешься сейчас?

Чейн понимал, кто куда клонит. *Звездные Волки не волнуются.* Но он, чуть приоткрыв зубы, сказал,

— Волнуюсь.

Звездные Волки обладают силой, и им поэтому нет нужды волноваться. Волнуются слабые, а сегодня я стал слабый и я знаю это. Впервые в моей жизни. Хотелось бы сорвать с неба их огромный корабль и сломать его, а я чувствую себя больным оттого, что они сделали меня беспомощным. И сделать это им ничего не стоило. Нажали где-то кнопку, прикоснувшись к ней одной из тех длинных волокнистых перстов, и животные подавлены.

Он вспомнил бесстрастные лица криев и возненавидел их.

— Рад был узнать, что все-таки есть вещи, которые могут тебя согнуть,— сказал мягко Дайльюлло.— Ты устал, Чейн?

— Нет.

— У тебя быстрые ноги. Беги вперед и выпроводи с корабля Тхрандирина с генералами. Скажи им, чтобы они убирались ко всем чертям с остальными вхоланами. Я хочу сразу же взлететь, как только крии разрешат нам снова пользоваться энергетическими мощностями, и мне не хотелось бы лишать наших гостей возможности умереть на их родной планете. Думаю, это было бы не очень разумно.

— Сомневаюсь,— возразил Чейн и бросился бежать.

Он бежал и думал. *Я снова попался. Почему просто было не сказать, что я устал? Из-за гордости парень. А ведь еще когда ты был маленьким, отец не раз предупреждал тебя о том, как начинается падение.*

Теперь вижу: отец был прав. Именно гордость была причиной того, что я натворил в том рейде, именно она заставила меня схватиться с Ссандером, когда он попытался урезать мою долю в добыче.

И вот кто я теперь. Больше уже не Звездный Волк, и фактически не наемник, а так... просто живущий за счет их сострадания..., а в данный момент даже и не человек. Так, просто досадное для криев существо. Разве это не падение...

Он достиг корабля, пробившись через наемников, грузивших на борт оружие и боеприпасы в надежде, что настанет время, когда опять все будет действовать. Внутри корабля было темно, свет поступал только через открытые люки, которые теперь, конечно, не закрывались. Он прошел по кабине, где были заперты вхоланы, выпустил их, проводил вниз и, когда они стояли около корабля, посмотрел на их лица и улыбнулся.

— Ничего не понимаю,— сказал Тхрандирин.— Что происходит? Вижу, как наши люди уходят без боя, и свет какой-то странный...

— Все верно,— сказал Чейн и показал на маячившую, разрушенную громадину корабля криев.— Кто-то еще прибыл позаботиться о нем. Кто-то покрупнее нас. Думаю, можете попрощаться со своим бывшим трофеем.

Чейн сделал жест в сторону неба:

— Потому что там наверху находится точно такой же.

Вхоланы уставились на него словно три совы с выпученными глазами.

— На вашем месте,— сказал Чейн,— я уже перебирал бы ножками. Обо всем этом вы можете потолковать с Лабдибдином..., пока все мы будем пребывать в ожидании.

Вхоланы ушли, а Чейн включился в погрузку корабля, которая теперь велась вручную.

В первую очередь грузились на борт наиболее ценные вещи; работа шла чрезвычайно споро и когда добрая полвина ее была сделана, с неба раздался новый звук. Чейн поднял глаза и увидел спускавшееся к ним из-за теневых облаков огромное бледно-золотистое яйцо.

Дайльюлло тихо скомандовал:

— В корабль! Оставьте все и уходите!

Снаружи корабля работало только около трети людей, передававших через грузовой люк оружие и снаряжение на своего рода живой человеческий конвейер, протянувшийся до трюма. Они выполнили распоря-

жение Дайльюлло, и Чейну показалось, что ему никогда не приходилось видеть столь быстрого опустошения какого-либо места. Вслед за Дайльюлло и Боллардом он поднялся по лестнице в шлюзовую камеру, шагая степенно, но не очень этим выделяясь. Его сердце никогда не стучало так с тех пор, когда в детстве он проснулся от кошмарного сновидения. В желудке стоял холодный неприятный ком.

Настежь распахнутая и не запираемая из-за отсутствия энергии шлюзовая камера выглядела вызывающе выставленной напоказ.

— Весь корабль открыт, черт побери,— проворчал Боллард. Его круглое, лунообразное лицо было покрыто холодным потом.-

Они запросто могут выйти.

— У тебя есть какие-то предложения?— спросил Дайльюлло.

— Уж и сказать нельзя,— отмахнулся Боллард.

Они стояли и наблюдали, как огромное золотистое яйцо снизилось и мягко опустилось на песок.

В течение некоторого времени яйцо пребывало в бездействии, и они продолжали наблюдать за ним; у Чейна появилось ощущение, что яйцо наблюдает за ними. Они были на полном виду, словно каждый хотел блеснуть мужеством друг перед другом, правда, стараясь не бросаться при этом в глаза. Наверное, это было опасно, и им следовало отойти подальше во внутрь корабля. Но это тоже не было бы защитой, поскольку люк не закрывался, а тут по крайней мере они могли следить за ходом событий. Да и крии пусть совершенно ясно знают, что они находятся тут, несмотря ни на что.

Наконец появились крии, не проявившие ни малейшего интереса к наемникам.

Их было шестеро. Один за другим они вышли через дверь люка, находившегося сбоку яйца. Дверь откинулась вниз, выбросив узкую лестницу. Замыкавшие шествие двое криев несли завернутый в темную материю длинный, тонкий предмет непонятного назначения.

Очень высокие, стройные, грациозно покачивая своими телами, по-видимому, не имевшими суставов, колонной по одному, они направились к огромному судну. Чейн заметил, что кожа у них не была столь темной, какую он видел у криев, замороженных в стазе. Их конечности были чрезвычайно гибкими; руки с длинными перстами выглядели почти как колыхавшиеся на ветру пальмовые листья.

Они шествуют так смело потому, что не боятся нас, размышлял Чейн. *Не боятся, должно быть, потому, что знают: мы не сможем причинить им вреда. Не то, что не причиним, а физически не в состоянии причинить.*

Они даже не взглянули на корабль наемников. Ни разу не повернули свои высоко посаженные куполообразные головы ни вправо, ни влево, чтобы хоть на что-нибудь взглянуть. Крии спокойно подошли ко входу огромного разрушенного судна, поднялись по лестнице и исчезли внутри.

Находились они там долго. Дайльюлло, Боллард и Чейн устали стоять на шлюзовой камере. Ощупью в темноте добрались до капитанской рубки, где было более удобно и можно было продолжить наблюдение.

— Пока они миролюбивы,— заметил Боллард.

— Вот именно, пока,— буркнул Дайльюлло.

Золотистое яйцо, между тем, продолжало стоять на песке и ждать, тускло мерцая длинными рядами окон в матовом свете дня. Чейн обратил внимание, что оно было без стандартного пускового трубчатого агрегата и совсем не имело внешних признаков того, какой вид энергии использовало. Но какой бы он ни был, этот аппарат функционировал в ингибированном силовом поле, где все остальное бездействовало. Естественно, у него не было сколь-либо сильных средств обороны, да и к чему они, если аппарат нейтрализует вас вместе с вашим противником.

Чейн увидел движение во входе разрушенного судна и сообщил:

— Они возвращаются.

Вышла шестерка, а за нею... сотня.

Колонной по одному, образовав длинную раскачивающуюся линию, они покидали темную гробницу, где ждали, бог знает сколько времени. В развивающейся одежде, с широко открытыми из-за тусклого света большими глазами, они шагали по гонимому ветром песку в золотистой челночный аппарат, который доставит их в спасательный корабль, а тот унесет домой. Чейн смотрел на их лица.

— Нет, это точно не люди,— сказал он.— Никто из них не смеется, не плачет, не танцует, не обнимается. Все они выглядят такими же миролюбивыми и гармонирующими друг с другом, как выглядели там, когда были... собирался сказать "мертвыми", но вы знаете, что я имею в виду.

— В самом деле, у них не видно никаких переживаний,— согласился Дайльюлло.— А ведь прибывший корабль проделал чудовищно долгий путь, чтобы найти их. Должно же это вызвать хоть какие-нибудь эмоции.

— Возможно, они были больше заинтересованы в спасении опыта и знаний, приобретенных этими криями, нежели их самих,— сказал Чейн.

— Меня ни то, ни другое не интересует,— вмешался Боллард.— Я хочу знать одно: что они собираются сделать с нами.

Они продолжали наблюдение, и Чейн знал, что из открытой шлюзовой камеры и грузового люка также наблюдали другие наемники, томясь ожиданиями, испытывая, как и он, подступающий к горлу страх.

Дело в том, размышлял Чейн, *что ты сильно боишься смерти, хотя и не стремишься к ней. А в том, что ты против того способа, каким тебя могут умертвить. Если эти длинные, гибкие, медового цвета овощи решат тебя прикончить, они сделают это хладнокровно, эффективно и с такого расстояния, что ты даже не поймешь, чем тебя ударило. Изведут так, как изводят паразитов.*

Последний из сотни вошел в челночный аппарат, и дверь люка закрылась. Золотистое яйцо загудело, поднялось с вихрем пыли и скрылось в облаках.

— Может быть они нам дадут улететь?— спросил Боллард.

— Не думаю,— ответил Дайлью́лло.— Еще не пришла пора.

Чейн крепко выругался на варновском языке, впервые сделав промах такого рода, но Боллард не заметил этого. Он был слишком поглощен созерцанием появившейся в небе целой флотилии золотистых яиц; они садились одно за другим, пока вся их девятка не выстроилась аккуратно на песке.

— Нам тоже можно отдохнуть,— сказал Дайлью́лло.— Ждать, полагаю, придется долго.

Так оно и случилось. Это было самое длительное ожидание, какое только мог припомнить Чейн, оказавшийся заточенным в маленькой железной тюрьме, какой стал корабль. Наемники, съев холодный обед, сидели в темноте и жадно взирали на дразнившие их открытые люки. Были моменты, когда Дайлью́лло приходилось использовать все свое искусство убеждения, включая кулаки, для того чтобы удержать наемников из выхода из корабля.

Очевидно, вхоланские офицеры столкнулись с такой же проблемой и, очевидно, решили ее успешно, так как вхоланы не вылезали наружу. Правда, Чейну раз или два показалось, что он видел под утесом двигавшиеся в клубах пыли фигуры. Наверное, это были Лабдибдин с некоторыми специалистами. Если это так, то они видели наблюдение с благоразумного расстояния.

Одно утешало: вхоланы не могли использовать все это свободное время для ремонта своих труб, если, конечно, не делали этого молоточками или голыми руками.

Чейн беспокойно метался взад и вперед, наконец сел, утер пот, злой словно тигр в клетке.

Снаружи крии начали работы, вели они их ни медленно, ни быстро, в таком равномерном, монотонном темпе, что от одного взгляда становилось тошно. Они ни разу не подходили близко к кораблю наемников. Он для них, казалось, просто не существовал.

— Конечно, это не очень почтительно в отношении нас,— говорил Дайлью́лло.— Но пусть так и впредь будет. Возможно Лабдибдин абсолютно прав, что они не убивают. Но вряд ли может остановить их от применения какого-нибудь чрезвычайно эффектного метода подавления людей, как они сделали с машинами. Ведь их представление о серьезности вреда, причиняемого живому организму, может совершенно не совпадать с нашим. Бог знает как происходит у них обмен веществ, какая имеется нервная система. Может вполне оказаться, что они просто не в состоянии понять содеянного.

Чейн был согласен с этим. И все же ему было крайне трудно взирать день за днем на раздражающе чужие высокомерные существа и не проявить желания напасть на них, убить некоторых из них просто для того, чтобы изменить эту монотонность.

Челночные аппараты прилетали и улетали, выгружали различное оборудование, привозили своих технических специалистов. Основной обьем работ шел внутри разрушенного судна, но, разумеется, не было возможности узнать их характер. Снаружи крии сделали из прозрачных

прутьев сооружение, которое постепенно обрело форму тоннеля. Начинаясь у входа в судно, тоннель простирался футов на тридцать и заканчивался чем-то похожим на шлюзовую камеру. На входе в корабль он был закрыт хомутом с оставленным узким проходом для технических специалистов.

В один из дней в щелях корабельного корпуса неожиданно появился свет.

— Они снова включили энергию,— сказал Дайльюлло.— Или временную аварийную установку.

— Как они могут запустить свои генераторы, если мы не можем?— спросил Чейн.— Ведь они тоже находятся в ингибированном силовом поле.

— Они создали это поле и, видимо, знают, как защитить от него свое собственное оборудование. А может быть, их виды энергии совершенно отличаются от наших... Я имею в виду, что у них даже другая периодическая система элементов.

— Что бы там ни было, они шуруют, во всю шуруют,— сказал Чейн.— И с включением энергии все те ящики будут открыты...

Все те ящики с ювелирными изделиями и драгоценными металлами. Ведь это награбленное добро со всей галактики — так он смотрит на это. У него слюнки потекли. О таких горах богатств даже Звездные Волки никогда не мечтали.

К шлюзовой камере тоннеля пристало золотистое яйцо.

Чейн прижался ближе к обзорному окну, около которого стояли также Дайльюлло и Боллард. Все молчали. Все ждали, предчувствуя, что должно произойти что-то решающее.

Тоннелеобразное сооружение из прозрачных прутьев ярко вспыхнуло, замерцало, засияло, его контуры расплылись, стали перемещаться. Сияние усилилось, стало неровным, а затем перешло на устойчивое пульсирование.

В прозрачном сияющем тоннеле появились предметы, которые стали плавно и быстро скользить от корабельной громадины к золотистому яйцу.

— Некий вид поля с несущей волной,— констатировал Дайльюлло.— Он делает предмет невесомым и проталкивает его вперед.

Чейн взмолился:

_ Не читайте мне научных лекций. Вы лучше посмотрите. *Посмотрите* на это!

Утекало навсегда, в недосягаемость добро галактики, ровно в безостановочно плывущее из чрева судно криев в золотистое яйцо, во флотилию золотых яиц, которая действовала бесконечным транспортным челноком, загружаясь, улетая и снова по кругу возвращаясь.

Добро галактики.

— И они его даже не будут расходовать,— стонал Чейн.— Они идут на все злоключения только ради науки.

— Святотатство — не иначе, по твоим представлениям,— ухмыльнулся Дайльюлло.— Не хнычь.

— О чем вы говорите?— полюбопытствовал Боллард.

— Ни о чем. Если не считать, что у нашего друга, кажется, срывается возможность прибрать кое-что к своим рукам.

— Черт с ним, с нашим другом,— мотнул головой Боллард.— Смотрите, они перегружают и увозят все, что было собрано экспедицией. Что будет потом, когда они кончат?

Это был вопрос, не предназначавшийся для ответа. Никто и не пытался давать ответа.

Но ответ неизбежно пришел.

Как только последние экспонаты миновали тоннель, сияние в нем прекратилось. Крии с присущей методичностью разобрали свое транспортное оборудование и возвратили его на свой корабль в облака. Огромный корпус погибшего судна снова погрузился в темноту, став пустым, лишенным пользы и смысла.

В завершение, и наконец-то, один из криев направился к кораблю наемников. Он остановился перед ним на некоторое время, очень высокий, слегка покачивающийся от ветра, и уставился на наемников большими бесстрастными глазами.

Затем он взмахнул вверх длинной тонкой рукой, безошибочным жестом указав на небо.

После этого повернулся и пошел назад к последнему оставшемуся золотистому яйцу. Дверь люка закрылась и через мгновение примятый песок опустел.

Неожиданно корабль наемников вспыхнул огнями ожили генераторы, сотрясая перегородки.

— Он сказал, чтобы мы улетали, и мне кажется я знаю почему,— сказал Дайльюлло и торопливо прокричал по внутренней связи:

— Задраить люки! Всем срочно к своим постам! Взлетаем!

И они взлетели, промчавшись огненным метеором по настильной траектории от стены скал под столь незначительным углом, что лучи вхоланских лазеров никак не могли достать корабль, хотя он и находился в радиусе их действия.

Дайльюлло приказал выйти на стационарную орбиту и обратился к Рутледжу:

— Приготовь видиокамеру к работе. Я хорошо представляю, что сейчас произойдет, и хочу это записать.

Рутледж открыл подвесной контейнер, где была прикреплена камера, и включил экран монитора.

Вместе с другими Чейн уставился на экран, показывавший то, что видела камера.

— Чересчур много пыли,— сказал Рутледж и начал манипулировать кнопками управления. Экран прояснился после того, как камера стала смотреть другими глазами, изменив изображение, получаемое за счет отраженного света, на изображение, образуемое сенсорными лучами.

На экране монитора появился огромный разрушенный корабль, лежавший словно чудовище на равнине, затем показались горный хребет и позади два вхоланских крейсера, выглядевших игрушками, которые дети обычно прицепляют на веревочку и потом вращают над головой.

Спустя некоторое время Рутледж вопросительно взглянул на Дайльюлло, но тот сказал ему:

— Продолжай, продолжай снимать, если не хочешь вернуться домой с пустым карманом.

— Вы думаете, что крии уничтожат судно?— спросил Чейн.

— А разве ты на их месте не уничтожил бы? Когда ты знаешь, что в твоем корабле побывали и копались люди, у которых нет и капли тех технологических знаний, что у тебя, но у которых есть непомерные воинственные аппетиты... разве ты оставил бы судно этим людям? Крии не смогли все забрать. Они, видимо, оставили систему приводов, генераторы, средства защиты. Со временем вхоланы могли бы освоить производство этих вещей на уровне нашей периодической системы элементов. Ну и помимо всего, зачем тогда крии сказали нам улетать? Ведь им безразличны наша борьба с вхоланами и то, улетим мы или останемся здесь. Но они, мне думается, не хотят, чтобы мы погибли от каких-либо действий с их стороны.

Экран монитора по-прежнему показывал изображение огромного корабля, темные ломаные контуры которого совершенно отчетливо выделялись на песке.

Неожиданно на корпусе судна сверкнула маленькая яркая вспышка. С невероятной быстротой она разрослась в слепящее пламя, которое охватило от носа до кормы весь этот гигантский металлический остов, стало жадно пожирать его, крошить, превращать в пепел, потом в атомы, пока на песке не осталось ничего, кроме шрама длиной в милю.

Защищенные хребтом гор вхоланские крейсеры не получили никакого вреда.

— Выключай камеру,— сказал Дайльюлло.— Полагаю, она засвидетельствовала: мы выполнили свой долг.

— Мы?— удивился Рутледж.

— Хараловцы наняли нас, чтобы мы нашли в туманности то, что им угрожает, и уничтожили. Мы нашли это, и оно уничтожено. Вот и все,— пояснил Дайльюлло.

Он посмотрел вниз на крейсеры вхоланов:

— Да, им придется немало повозиться с ремонтом. Ну, что ж, больше нет никакого смысла нам тут околачиваться.

Никто ему не стал возражать.

Они выбрались из атмосферы и из-под тени, которая угнетала их так много дней, пока гигантский корабль висел между солнцем и ними.

То ли случайно, то ли преднамеренно Дайльюлло взял курс, давший им возможность не так близко, но все-таки и не так далеко увидеть...

Увидеть, как колоссальный темный призрак снялся с орбиты и начал путь долгого возвращения на родину через черный пустой океан, омывающий берега островных вселенных.

— Никаких внутренних эмоций,— тихо сказал Дайльюлло,— но, ей богу, в этих криях что-то есть.

Даже Чейн не мог не согласиться.

Наемники намеревались широко отметить свое освобождение, на что Дайльюлло дал полное благославление. Но как он и предвидел, люди страшно устали, и все, кто был свободен от вахты, хотели только одного — поскорее добраться до койки и уснуть спокойным сном, который позволили себе в последний раз так давно, что и вспомнить невозможно.

Чейн, не настолько измотанный, как все наемники, остался в каюткомпании с Дайльюлло, чтобы еще выпить. Они были теперь одни, и Дайльюлло сказал:

— Когда прилетим на Харал, останешься на корабле. Веди себя так, словно никогда не существовал.

— Не надо мне это втолковывать,— ухмыльнулся Чейн.— Лучше скажи: вы надеетесь, что они уплатят светляками?

— Уплатят,— кивнул Дайльюлло.— Во-первых, как бы они ни были неприятны своими выходками, слово свое они держат. Во-вторых, фильм об этом чудовищном корабле их так потрясет, что после зрелища его уничтожения они с радостью уплатят.

— Собираетесь ли вы им сообщить, что на самом деле корабль был уничтожен не нами?— спросил Чейн.

— Послушай, я достаточно благоразумен и честен, но я еще не свихнулся с ума. Нас наняли для выполнения определенной работы, и она выполнена, за что мы получаем совсем неплохое вознаграждение. Хватит об этом,— сказал Дайльюлло и добавил.— На что ты собираешься потратить свою долю, когда мы продадим светляки?

— Не думал об этом,— пожал плечами Чейн.— Я привык брать, а не покупать вещи.

— От этой вредной привычки тебе придется отказаться, если хочешь остаться наемником. Согласен?

Чейн помолчал, прежде чем ответил.

— Согласен, во всяком случае на данное время. Как вы уже говорили, мне ведь больше некуда податься... Думается, что вы не так сильны, как варновцы, но в общем-то достаточно сильны.

— А мне думается,— сухо парировал Дайльюлло,— из тебя никогда не выйдет наемник лучше тех, что когда-то были, но способности к этому проглядываются.

— Куда мы отправимся после Харала? На Землю?— спросил Чейн.

Дайльюлло кивнул в подтверждение.

— А вы знаете, меня заинтересовала Земля.

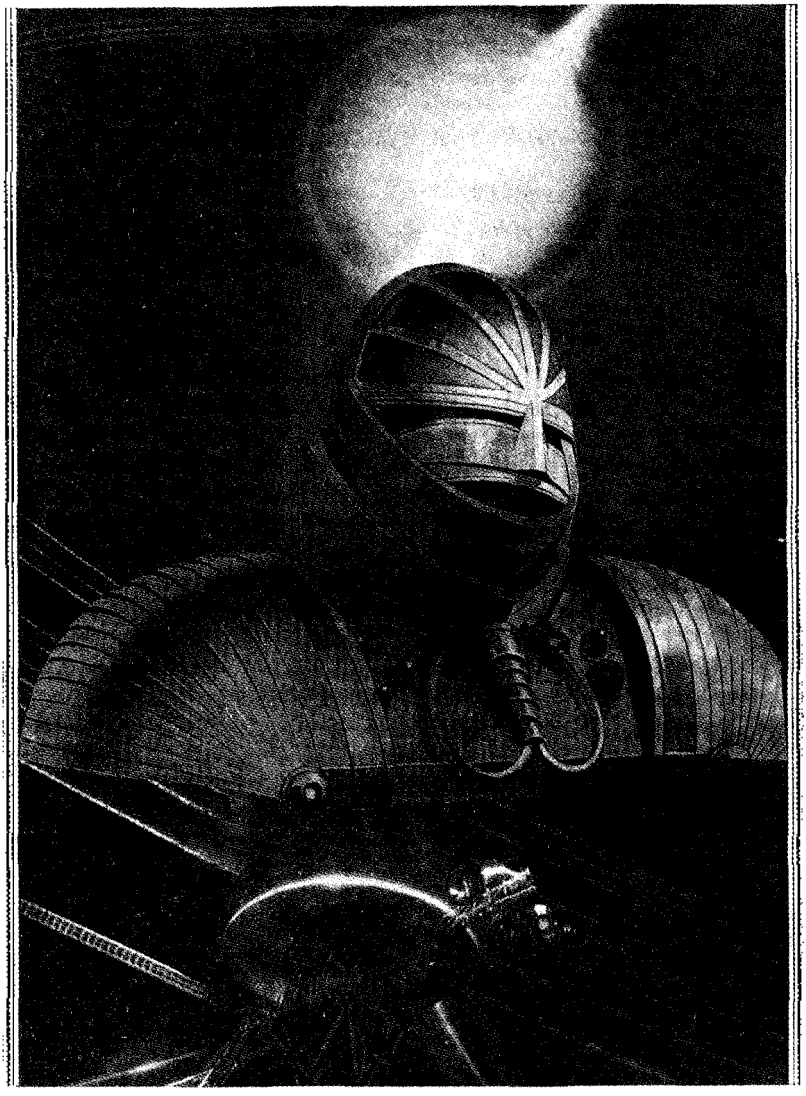
Дайльюлло покачал головой и угрюмо сказал:

— Я не слишком счастлив от того, что беру тебя туда. Не представляю, в какую беду я могу попасть, когда задумываюсь о людях, шагающих по улицам; они будут смотреть на тебя и не подозревать, что смотрят на тигра, перевоплотившегося в землянина. Но думаю, что мы сможем пообточить твои коготки.

Чейн улыбнулся:

— Увидим.

ВТОРАЯ ВОЙНА ЗВЁЗДНОГО ВОЛКА

I

Он шагал по улицам Нью-Йорка, пытаясь вести себя так, словно был землянином.

— Я погиб, если они узнают, кто я на самом деле,— думал Морган Чейн.

Он был похож на землянина — не очень высокий, широкоплечий, черноволосый, с темным, грубоватым лицом. И он мог довольно сносно говорить на здешнем языке. Все это было неудивительно, так как его покойные родители были жителями этого мира, этой планеты Земля, которую он никогда не видел до своего прибытия сюда несколько дней назад.

Перестань даже думать о том, что ты Звездный Волк!

Об этом никто не знал, кроме Дайльюлло. А тот никому и не собирался говорить, по крайней мере, до тех пор, пока они остаются партнерами. Это в сущности позволяло Дайльюлло властвовать над жизнью и смертью Чейна, поскольку смертный приговор захваченным в плен Звездным Волкам выносился быстро и без колебаний почти в каждом мире галактики.

Чейн улыбнулся и сказал про себя: Черт с ним! Опасность всегда живет, и если ты избегаешь ее, то всего лишь существуешь. Во всяком случае здесь, где он выглядел, как все остальные, риск попасть под подозрение был невелик. В толпе его никто даже не заметит.

Однако его замечали. Люди обращали на него внимание при встрече и потом провожали взглядом. В его шагах была пружинистость, которую он не мог полностью скрыть. Он родился и вырос на Варне, там, где живут ненавистные Звездные Волки, а эта крупная, тяжелая планета. Он мог адаптировать свои мышцы к условиям меньшей гравитации на планетах меньшего размера вроде Земли, но не мог полностью скрыть свою латентную силу и скорость. Его темное лицо выделялось чем-то особым, едва уловимой нечеловеческой безжалостностью.

Мужчины взирали на него с тем же выражением, с каким глядели на нелюдей, которых порой можно встретить в этой части звездопорта. Женщины при взгляде на него испытывали и испуг, и интерес. От косых взглядов Чейну начинало становиться немного не по себе. Не потому, что боялся кого-то из этих людей, нет, варновец мог любого из них переломить пополам, а потому, что не хотел ни во что ввязываться.

— У тебя талант находить неприятности,— сказал ему как-то Дайльюлло.— Если ты попадешь здесь в какую-нибудь перепалку, ты кончен как наемник.

Чейн только пожимал плечами. Однако ему на самом деле не хотелось уходить из наемников. После варновцев это были вторые по стойкости люди в космосе, практичные люди, в основном земляне, которые выходили в Галактику и делали там за деньги грузную, опасную работу. Конечно, они не были такими стойкими, как Звездные Волки, но те отвергли Чейна, и для него куда лучше быть наемником, нежели кем-то другим.

Чейн оставил шумную улицу и зашел в таверну. Здесь оказалось тоже многолюдно, но большинство посетителей были мужчины из звездопорта со своими девицами, и всем им, находившимся навеселе, было явно не до Чейна. Он заказал виски и тут же выпил, отметив про себя, что было оно неважное, как бы ни расхваливал Дайльюлло. Потом заказал еще порцию. Вокруг стоял неумолчный шум, но Чейн перестал его воспринимать, предавшись размышлениям о прошлом.

Он вспомнил Варну, которая всегда была ему домом — огромную, суровую, негостеприимную, слишком большую по размерам планету, не дающую своим детям ничего, кроме необыкновенной силы и скорости, вливаемых в их тела чудовищной гравитацией. Получил это даже и Чейн, сумевший выжить после рождения там. Варна походила на строгую мать, которая говорила своим сыновьям: "Я дала вам силу, и это все, что мне надлежит дать... все остальное, нужное вам, идите и добывайте сами".

И сыновья Варны уходили добывать!

Как только от безрассудных землян, стремившихся к расширению торговли, варновцы узнали технологию строительства звездных кораблей, они бросились грабить меньшие миры. В космосе они оказались непобедимы, никто не мог тягаться с ними в способности переносить тяжелые перегрузки. Стремительные и безжалостные, они стали наводить страх на Галактику; недаром их прозвали Звездными Волками!

По грустному лицу Чейна, словно рябь по темной глади пруда, пробежала улыбка. Память оживила картины тех времен, когда их небольшие эскадрильи возвращались домой, низвергаясь со звездного неба навстречу своей суровой родине, фейерверками, дележу награбленной добычи и веселью, в котором уже никто много не думал о том, что во время рейда кто-то погиб; Чейн словно снова видел, как варновцы с видом победителей шагали по улицам своих городов, как прелестные золотистые волосы ниспадали на их высокие фигуры, как их узкие лица были наполнены гордостью, а по-кошачьи раскосые глаза ярко блестели.

И он был тогда одним из них. Он гордо шагал вместе с ними, участвовал вместе с ними в рейдах на звездные миры, жил общими опасностями.

И вот теперь все это ушло в прошлое: они выгнали его. Он вынужден сидеть здесь, в этой отвратительной комнате, в нудном городе, на нудной планете, и уже никогда больше не увидит свою Варну.

— Забавляешься, Чейн?

На его плечо легла чья-то рука, и он увидел за спиной длинное, лошадинообразное лицо Дайльюлло.

— Забавляюсь,— ответил Чейн.— Не припомню, когда я имел больше забав, чем теперь.

— Чудесно,— сказал человек значительно старше годами и присел.— Это просто чудесно. А у меня было опасение, как бы ты не ввязался в какую-нибудь драку, убийство или грабеж, в то, что варновцы называют забавой. Я так забеспокоился, что подумал: надо присмотреть за тобой.

В холодных бесцветных глазах Дайльюлло мелькнул иронический огонек. Он повернулся и заказал выпивку.

Чейн взглянул на него и подумал: если бывают минуты, когда он ненавидит Дайльюлло, то сейчас как раз одна из них.

Дайльюлло обратился к нему:

— Знаешь, Чейн, ты похож на изнывающего от скуки тигра. Но этому тигру придется поскучать да еще и побыть на коротком поводке. Ты не в каком-нибудь отдаленном звездном мире, а на Земле. Здесь любят послушание.

— И не надоело вам об этом напоминать,— буркнул Чейн.

Дайльюлло получил заказанную выпивку и тут же ее ополовинил.

— Мне подумалось, что у тебя прескверное настроение. Поэтому ты, возможно, будешь рад услышать, что скоро нам может подвернуться новая работа.

Чейн мгновенно поднял глаза:

— Какая? Где?

— Пока не знаю,— ответил Дайльюлло, допивая свой бокал.— Завтра утром со мной хочет встретиться очень крупный воротила в космический торговле по имени Эштон. Полагаю, что не без причины он хочет видеть лидера наемников.

— Прошло так мало времени и вы опять беретесь за какое-то дело? Ведь нам хорошо заплатили за работу для Харала. Я полагал, что вы хотели как следует отдохнуть.

Дайльюлло сжал свой суровый рот, взглянул на опустевший бокал и стал его крутить сильными, похожими на обрубки пальцами.

— Я стригусь довольно коротко, Чейн,— сказал он.— Но я не могу постричься настолько коротко, чтобы на висках исчезла седина. Я становлюсь уже немножко старым, чтобы возглавлять наемников. И если я сейчас откажусь от хорошего предложения, в будущем его просто может не быть.

Как раз в этот момент в таверну вбежал человек. Высокий, грубоватой внешности он был одет в такой же комбинезон с поясом, в каких были Дайльюлло и Чейн. Осмотревшись вокруг, незнакомец поспешил к ним.

— Вы Джон Дайльюлло, не правда ли?— обратился он.— Я видел вас не раз в Зале Наемников, хотя лично встречаться не приходилось.

От волнения он говорил торопливо, сбивчиво:

— Мы только что нашли Болларда. Кто-то сказал, что вы здесь, и я пришел...

Дайльюлло вскочил, и его лицо вдруг резко постарело и стало более суровым. Боллард — его старый друг в последней операции был его заместителем.

— Вы нашли его? Что это значит?

— В переулке, квартал или два отсюда. Похоже, его оглушили из станнера и ограбили. Мы сообщили в полицию, а потом кто-то сказал, что вас видели...

Дайльюлло снова прервал сбивчивую речь пришельца, схватил его за руку и потащил к двери.

— Показывайте,— сказал он.

Вслед за незнакомцем Дайльюлло и Чейн быстро вышли на улицу. На город только что опустилась темнота, зажглись фонари, но улица была еще не очень многолюдна.

Незнакомец не переставал верещать:

— Не думайте, что он сильно пострадал. Его только оглушили. Я его сразу узнал, год назад он был у нас лидером.

Дайльюлло выругался:

— А я-то думал, что он очень стар, чтобы быть таким дураком.

Их вожатый свернул в узкий переулок между какими-то темными складками.

— Сюда... за следующим углом. Не знаю, прибыла ли уже полиция. Первым делом мы ее вызывали...

Когда они находились на полпути к указанному углу, сзади из темноты раздался шуршащий звук станнера, и их движение оборвалось.

Дайльюлло рухнул без сознания. Чейн успел сделать всего лишь четверть поворота и тоже упал наземь.

Чейн не потерял сознания, так как во избежание излишнего шума владелец станнера поставил оружие на энергетическую отметку, достаточную лишь парализовать человека.

Разумеется, обычного человека. Но Чейн не был обычным человеком с Земли; он был выходцем с Варны, которая дала ему более крепкие мышцы, более крепкую нервную систему; и он вовсе не был выведен из строя.

Он упал, ударился о покрытие дороги и лежал лицом вверх, с открытыми глазами и почти парализованными мышцами. Почти, но не совсем. Он мог немного шевелить конечностями, хотя ощущал их какими-то вялыми, далекими.

Он не делал каких-либо движений. Хитрость, которую приобретает Звездный Волк за свою жизнь, подсказывала ему пока не двигаться, по крайней мере до тех пор, пока он хотя бы частично не преодолеет оцепенелость.

Чейн увидел словно в тумане, как человек приведший их сюда, склонился над ними, а затем прибежал еще один из темного прохода, где скрывался в засаде. Обе фигуры колыхались в глазах Чейна, казались нереальными.

— Вот этот,— сказал псевдонаемник. Он нагнулся над потерявшим сознание Дайльюлло и стал его обыскивать.

— Я по-прежнему думаю, что их нет при нем,— заявил второй.

— Послушай,— возразил псевдонаемник, продолжая неистово шарить в одежде Дайльюлло.— Он получил шесть хараловских светляков в качестве своей доли за последнюю работу и не заходил ни в один банк, чтобы положить их на хранение. Я говорил тебе, что все время следил за ним... А-а! Вот!

Из карманчика нижнего белья Дайльюлло он вынул небольшой мешочек и высыпал его содержимое к себе на ладонь. Даже в темноте светляки излучали то внутреннее сияние, которое делало этот драгоценный камень желанным повсюду в Галактике!

Шесть светляков,— тупой болью отдалось в мозгу Чейна,— из-за них столько всего перенес Дайльюлло, весь этот ад и опасности в созвездии Ворона. И зачем его, мудрого Дайльюлло, угораздило держать камни при себе вместо того, чтобы продать, как это сделали Чейн и остальные.

Чейн все еще был неподвижен. Он чувствовал, что его нервы и мышцы обретают жизнь, однако, пока недостаточно. Тот, другой, нагнулся над ним и вынул из кармана деньги. Чейн не шелохнулся. Он еще не был готов...

Мгновение спустя он решил, что готовность больше откладывать нельзя. Псевдонаемник отошел назад и стал снимать с себя комбинезон. Он протараторил своему напарнику:

— Перережь им глотки. Они оба могли бы меня опознать. Я сниму эту шкуру, и мы смываемся отсюда.

Над Чейном склонилась темная фигура с блеснувшей сталью в руке.

Звездный Волк, убей!— застучало в мозгу, и Чейн всю свою силу мысленно направил в полуонемевшие мышцы.

Он резко напрягся, поднял руку и ударил ею по подбородку человеком с ножом. Хотя он все еще пребывал в полуоцепенении и не обрел всей варновской мощи, удар оказался достаточно сильным, чтобы человек с ножом зашатался, упал и после этого лежал, не шевелясь.

Чейн поднялся. Он стоял покачиваясь, пока не уверенный в себе, но готовый броситься в атаку. Псевдонаемник запутался ногами в снимаемом комбинезоне. Он начал искать в своей одежде спрятанное оружие, но Чейн настиг его раньше, чем тот успел вооружиться.

Ребром ладони Чейн нанес удар по горлу псевдонаемника. Тот издал звук, словно чем-то подавился, зашатался и рухнул навзничь. Упал и Чейн. Он был еще слишком слаб, чтобы держаться на ногах. Пришлось пролежать несколько минут, прежде, чем он снова смог подняться.

Перед тем, как прочно встать на ноги, Чейн был вынужден несколько минут растирать их онемевшими руками, которые он воспринимал сейчас как что-то не свое, вроде надетых боксерских перчаток. Затем он прошел и осмотрел по очереди нападавших. Они были покалечены, без сознания, но живы.

Чейн подумал: если бы удар станнера не поубавил вполовину его силу, налетчики оказались бы убитыми. И на его взгляд это было бы справедливым. Он ведь не Дайльюлло с его глупыми предубеждениями против ненужных убийств...

Чейн подошел к Дайльюлло, присел на колени и начал массировать ему нервные центры. Вскоре Дайльюлло пришел в себя.

Осоловело глядевшему лидеру Чейн тихо сказал:

— А я-то думал, что он очень стар, чтобы быть таким дураком. Кажется вам, Джон, принадлежат эти слова?

— Ты убил их?

— Нет, не убил,— ответил Чейн.— Я был добропорядочным рядовым наемником. Но должен признаться: это произошло потому, что у меня не хватило сил после шока, который ошеломил вас.

— Они, конечно, охотились за моими светляками,— глухо сказал Дайльюлло.— Я, круглый идиот, держал их при себе и не предполагал, что подобное может со мной произойти.

Чейн забрал у грабителей светляки Дайльюлло и свои деньги.

— Хорошо, пойдем отсюда,— сказал Дайльюлло, принимая камни.— Следовало бы передать этих мерзавцев в полицию, но соблюдение закона потребует времени, а я не думаю, что нам захочется обивать пороги судебных инстанций Земли в то время, как наклевывается работа в космосе.

Они покинули переулок и снова оказались на улицах, залитых ярким светом.

— Джон,— сказал Чейн.

— Да?

— Я забыл поблагодарить за то, что вы пришли присмотреть за мной.

Дайльюлло ничего не сказал в ответ.

II

Громадное, кремового цвета здание, в котором разместилась компания "Эштон трэйдинг", находилось не очень близко к звездопорту. Со впечатляющей отчужденностью оно стояло особняком на огромной территории. Перед зданием были разбиты лужайки с зелеными насаждениями, а сзади раскинулась огромная стоянка для автомашин и летательных аппаратов. Дайльюлло вставил несколько монеток в счетчик автотакси и въехал во внутреннее помещение здания, где все, как и снаружи, было столь же впечатляюще, особенно стены, покрытые золотистым мрамором из какого-то далекого звездного мира.

По коридорам безмолвно и деловито сновали чиновники разных рангов, секретарши, курьеры, скромно, но элегантно одетые, с приятной внешностью. Дайльюлло почувствовал, что его грязно-коричневый подпоясанный комбинезон явно не вписывался в обстановку. Однако поднявшись в лифте на самый верхний этаж офисов, он встретил исключительно любезное обхождение.

Какой-то человек учтиво предложил ему кресло, но Дайльюлло отказался и прошел дальше, во внутренние офисы. Бросив взгляд вокруг, он заметил, что девушки и мужчины приподняли свои головы от столов и уставились на него.

— Наемник,— донеслось до него.

"Романтический ореол моей профессии, раздраженно подумал Дайльюлло. Я наемник, искатель приключений, тот, на которого стоит поглазеть".

Он вспомнил, что когда-то в ранней юности и он испытывал подобное чувство к наемникам. Он тогда мог тоже устроиться на какую-нибудь работу в межзвездной торговле и получать такие же деньги, что имеют эти люди, работающие на Эштонов, но это было бы слишком пресно. Он тогда решил, что станет наемником, что на него будут обращены взоры людей.

И вот теперь, дожив до средних лет, с седыми висками, стоит он здесь фигурально, если не буквально, с протянутой шляпой в надежде получить хорошую работу от тех самых торговцев, которых презирал.

— Мистер Дайльюлло? Пройдите сюда, пожалуйста.

Его почтительно ввели в очень просторный кабинет с широченными окнами, из которых открывалась панорама башен, доков и кораблей, протянувшихся далеко за кварталом звездопорта.

Дайльюлло был не лишен предубежденностей. Ему уже приходилось иметь бизнес с магнатами и ему не нравился этот тип людей. Без энтузиазма он пожал руку протянутую Джеймсом Эштоном.

— Спасибо, что пришли, мистер Дайльюлло,— приветствовал Эштон.— Счастлив возможности встретиться с вами.

Он не похож на магната, подумал Дайльюлло. Эштон скорее походил на седеющего ученого средних лет, с добрым лицом, дружелюбными глазами и определенной простоватостью манер.

Дайльюлло сразу же перешел к делу:

— Мистер Эштон, ваша секретарь, звонившая мне, сказала, что у вас есть работа, которую вы хотели бы мне поручить. Что это за работа?

А про себя подумал: что бы там ни было, ясно, что речь пойдет о чем-то реальном. "Эштон трэйдинг" не станет приглашать наемников для чего-то несуществующего.

Эштон вынул из ящика стола и передал Дайльюлло фотографию, на которой был запечатлен человек, очень похожий на хозяина кабинета, но на несколько лет моложе.

— Это Рендл Эштон, мой брат. Я хочу, чтобы вы его нашли.

— Найти?— взглянул на него Дайльюлло.— Выходит, вы не знаете, где он находится?

— Вообще-то, я знаю. Он в Закрытых Мирах.

— Закрытые Миры?— нахмурился Дайльюлло.— Не думаю, что я... одну минутку. Это за Рукавом Персея, звезда с тройкой планет..?

Эштон кивнул:

— Звезда Альюбейн. У нее три планеты — Закрытые Миры.

Дайльюлло еще больше нахмурился:

— Теперь я вспомнил. Это странная, изолированная, небольшая система, где не любят визитеров и вышибают прочь любого, кто туда попал. Если вы не против, мне бы хотелось знать, что за дьявол погнал туда вашего брата?

Эштон откинулся на спинку кресла:

— Это требует, мистер Дайльюлло, небольшого пояснения. Но сначала разрешите мне сказать: я знаю, что Рендл находится в Закрытых Мирах, но я не знаю, где именно, и я не знаю, жив он или мертв. Ваша работа состояла бы в том, чтоб найти его и, если он жив, привезти сюда.

— Зачем же для этого вам нужны наемники?— скептически спросил Дайльюлло.— У вашей фирмы имеются сотни звездных кораблей, тысячи толковых работников.

— Торговцы — не бойцы,— ответил Эштон.— Проникнуть в Закрытые Миры и выбраться оттуда будет опасно.

— Но правительство...

— Правительство Земли не может ничего сделать. А если бы сделало, это было бы вмешательством в дела независимого звездного мира. Все обращения правительства, посланные на Альюбейн, остаются просто без ответа.

Эштон развел руками:

— Теперь вы видите, почему я подумал о наемниках. Они — и, особенно вы, мистер Дайльюлло,— успешно выполнили ряд в высшей степени опасных заданий. Я много наслышан о ваших парнях.

— Закрытые Миры,— промолвил Дайльюлло.— Мне приходилось еще кое-что слышать об этой системе. Это было очень давно.

Да, это было очень давно. Когда я в третий раз подрядился наемником, был молод и ужасно гордился своей профессией. Мы находились на планете Арктур-2, только что закончив свою работу и получив за нее деньги. У всех было приподнятое настроение; в ту жаркую, душную ночь я сидел вместе с остальными и потягивал чересчур крепкий для меня алкогольный напиток с таким небрежным видом, словно пил его всю жизнь, и слушал болтовню старого Донахью.

Старый Донахью? Боже, да ведь мне теперь больше лет, чем ему тогда; и куда все это девалось — молодость, швыряние деньгами... и друзья? Под прокуренными лампочками метались маленькие белые летучие мыши, которые там называли "иггин", а я продолжал пить и делать вид, что все это чепуха для меня — и незнакомые запахи, и шум, и женщины со скользящей походкой, приносившие нам выпивку; и все это время меня, бедного парня из Бриндизи, побывавшего не в одном звездном мире, распирало от гордости.

Да, так что же говорил тогда Донахью об Альюбейне? "У них там что-то большое. Такое большое, что никого не хотят туда пускать, чтобы его не отняли у них. Нам дали под зад сразу же, как мы там сделали посадку. Там, в Закрытых Мирах, имеется что-то дьявольски огромное".

— Этим бизнесом,— продолжал говорить Эштон,— наша семья занимается уже на протяжении четырех поколений. Отец хотел, чтобы это было надежно обеспечено и в будущем. Как только Рендл и я достаточно подросли, он послал нас, обратите внимание, рядовыми членами экипажа в целую серию полетов, связанных со звездной торговлей. Отец хотел, чтобы мы освоили этот бизнес с самых азов.

Эштон встряхнул головой.

— Со мной это получилось,— сказал он.— Я освоил и полюбил бизнес. Но с Рендлом вышло все иначе. Он увлекся всеми этими экзотическими, странными народами, встреченными им в далеких звездных мирах. Увлекся настолько, что, несмотря на возражения отца, снова поступил в университет и занялся изучением внеземной антропологии. В этой области он теперь первоклассный эксперт.

— Именно этим он и занимается на Альюбейне?— спросил Дайльюлло.

Эштон кивнул головой.

— Рендл еще раньше предпринял ряд научных поездок. Не имея ограничений в деньгах, он, разумеется, мог позволить себе оснастить свои небольшие экспедиции наилучшим образом. И вот во время одного из таких путешествий он услышал, что в Закрытых Мирах имеется какая-то большая научная тайна.

— Какая точно?

— Не знаю. Ни мне, ни кому-нибудь другому он не рассказывал. Он лишь говорил, что это настолько фантастично, что никто ему не поверит, пока он не добудет доказательств. Насколько я себе представляю, он, надо полагать, гоняется за химерой. Но что бы там ни было, он отправился. Он пригласил с собой четырех специалистов, взял у нашей фирмы небольшой крейсер с экипажем — как вы понимаете, он полноправный партнер — и отбыл на Альюбейн. И не возвратился.

Эштон сделал паузу.

— Так-то вот. С тех пор за пять месяцев от него ни одной вести. Я не знаю, что он там делает, но я хочу знать, и я готов уплатить за то, чтобы группа наемников вылетела и нашла его. Может быть с ним случилась большая беда, а может быть и нет вовсе ничего. Надо его просто найти.

— А что, если мы найдем его мертвым?— спросил Дайльюлло.

— В этом случае, я хочу, чтобы вы доставили сюда юридические подтверждения его смерти.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. И не смотрите так на меня. Я люблю брата и хочу, чтобы с ним ничего не случилось. Но если он погиб, мне нужно это знать; я не могу заниматься крупными делами, когда никто не знает, жив или мертв совладелец фирмы.

— Мистер Эштон,— сказал сдержанным тоном Дайльюлло,— я хотел бы принести извинения за то, что сейчас подразумевал.

— Это вполне понятно,— кивнул головой Эштон.— Чтобы иметь успех, бизнесмены обязаны быть комбинацией волка и акулы. Но Рендл чудесный человек, и я беспокоюсь за него.

Он протянул руку в стол, вынул оттуда папку и передал ее Дайльюлло.

— Я приготовил все, что известно о мирах Альюбейна. Наша компания достаточно хорошо осведомлена о многих звездных мирах, но, несмотря на это, об Альюбейне информация скудна. Полагаю, вам захочется познакомиться с ней перед тем, как принять решение о работе.

Дайльюлло кивнул головой, взял папку и стал вставать:

— Я беру это с собой и прочту.

— Читайте здесь сейчас,— сказал Эштон.— Я вас не буду торопить. Для меня в настоящее время нет ничего важнее, чем Рендл.

Дайльюлло был удивлен. Он раскрыл папку и стал читать вложенные в нее листы, а Эштон тихо занялся своими бумагами.

По мере того, как Дайльюлло все больше углублялся в чтение, его продолговатое лицо вытягивалось еще сильнее. Кислое дело, размышлял он. Нехорошее, совсем нехорошее. Не берись.

Разве не ему, Джону Дайльюлло, говорят что он стал стар для рискованных дел.

Он прочел весь материал до конца, затем снова возвратился к некоторым страницам и медленно закрыл папку.

Эштон оторвался от бумаг, и Дайльюлло ему медленно сказал:

— Мистер Эштон, это была бы ужасная работа. Надеюсь, вы понимаете, я говорю это не для того, чтобы запросить больше денег.

— Я вам верю,— сказал Эштон.— Я не видел бы в этом кресле, если бы не мог оценить людей. Продолжайте.

— Честно выскажу свое мнение. Думаю, что ваш брат погиб.— Дайльюлло постучал по папке.— Посмотрите, что тут есть. Ведь это факт, что жители Аркуу, главной из трех планет Альюбейна, не терпят никаких чужаков в своих мирах. Они сразу же выгоняют каждого, кто туда прилетает. И это неизменно происходит с тех пор, как там совершили посадку первые звездопланы.

— Смотрите,— продолжал Дайльюлло.— Ваш брат отправился туда несколько месяцев назад. Если бы аркууны выпроводили его, вы давно услышали бы что-нибудь от него. Вы же не услышали. А данные из папки свидетельствуют, что аркууны никогда не разрешали живому чужаку у них оставаться. Отсюда очевидный вывод — брата нет в живых.

Лицо Эштона стало печальным:

— Боюсь, что логика на вашей стороне. Но я не могу просто следовать за логикой, когда мой брат там и, может быть, страшно нуждается в помощи. Я должен все выяснить.

— Я прочел весь этот материал,— продолжал Эштон.— Я понимаю масштабы опасности. Единственное, что я могу сделать,— это сказать: я хорошо заплачу за риск. Я оплачу все ваши расходы и, если вы доставите сюда Рендла или точную информацию о постигшей его судьбе, я даю вам вознаграждение пятьсот тысяч земных долларов.

Доля лидера наемников, пронеслась в мозгу Дайльюлло, составляет одну пятую, хозяина корабля тоже одну пятую, три пятых приходится на всех остальных. Я получаю сто тысяч долларов. Это же большой роскошный дом в Бриндизи над бухтой, о котором я мечтал всю жизнь.

— Ужасно большая сумма,— сказал Дайльюлло.

— Это деньги "Эштон трэйдинг". Они такие же мои, как и Рендла. Может быть они помогут ему. Ну как, Дайльюлло?

Дайльюлло задумался, но не очень долго. Он уже видел дом с белыми стенами и портиком, а перед домом — сбегающие вниз с пригорка ярко пламенеющие цветы.

— Лично я согласен взяться за это дело,— сказал он.— Но, помните, ведь я не один. Мне нужно сколотить команду наемников, готовых отправиться со мной, и я должен показать им этот материал. Я никогда не беру людей на опасное дело, не предупредив их заранее. Не знаю, смогу ли я их убедить даже за такие деньги.

— Это вполне понятно,— сказал Эштон и встал.— Я прикажу подготовить контракты в надежде, что вы сумеете их убедить.

Не зная, удобно ли лезть при расставании со своим рукопожатием к такой важной персоне как Эштон, Дайльюлло на мгновение растерялся, но хозяин кабинета первым непринужденно протянул свою руку.

На обратном пути в отель Дайльюлло не переставал размышлять о сотне тысяч долларов. Думать об этом заставляла усиливающаяся внутри обеспокоенность: не берется ли он за работу, которая просто не по плечу наемникам из-за чрезвычайно огромных масштабов и опасностей.

Чейн ждал его в номере отеля.

— Ну как с работой?— спросил Чейн.

— Работа есть, прелестная, огромная, и деньги поистине огромные. Все что от меня требуется — это убедить дюжину наемников отказаться от элементарного здравого смысла и отправиться со мной.

И Дайльюлло рассказал все Чейну. Тот как-то весь ощетинился, трудно было понять, что выражал взгляд его темного лица.

— Альюбейн?

— Да. Это звезда в Рукаве Персея и у нее три планеты.

— Я знаю, где это,— сказал Чейн и засмеялся.— Тем будет хуже закону Варны. Я согласен отправиться на Альюбейн.

— Что с тобой?— уставился на него Дайльюлло.— Ты что-нибудь знаешь о Закрытых Мирах?

— Мало,— ответил Чейн.— Много лет назад на Варне узнали, что там имеется что-то большое, что-то необыкновенное, охраняемое жителями планеты Аркуу, и туда была послана одна из рейдовых варновских эскадрилий.

— И что они нашли?

Чейн отрицательно покачал головой.

— Никому, кроме Совета, они ничего не сказали. Они возвратились совершенно пустые. Затем Совет издал закон, запрещающий впредь всем варновцам появляться на Альюбейне, поскольку это крайне опасное место.

Дайльюлло в молчаливом недоумении уставился на Чейна, пока до него не дошел поражающий смысл услышанного.

Если даже Звездные Волки, не боявшиеся ни бога, ни черта, ни дьявола, устрашились чего-то на Альюбейне, стало быть это что-то должно быть поистине большим и опасным.

— Надо же, чтоб ты это знал,— сказал Дайльюлло.— Если то, что ты рассказал, разнесется, я не смогу подыскать ни одного наемника для этой работы. Чейн, сделай мне одолжение. Исчезни куда-нибудь на некоторое время.

— Куда?

— Однажды ты говорил, что хотел бы посмотреть на Земле место, откуда прибыли на Варну твои родители. Ты говорил, что это в Уэльсе. Туда можно быстро добраться.

Поразмыслив немного, Чейн сказал:

— Думаю, надо съездить. Здесь мне не очень нравится.

— И не возвращайся, Чейн, пока я сам тебя не вызову. Во время прошлой операции ты чуть не вовлек нас в беду. И будь я проклят, если допущу это на сей раз.

III

Чейн бродил по улочкам и узким дорожкам старого города с невысокими домами, сбегавшими вниз к морю. От огромных облаков и тумана день был пасмурным, со стороны океана долетали брызги; под ногами Чейна влажно поблескивали истертые камни. Сырой, порывистый ветер предвещал надвигавшийся шторм.

Чейну нравилось это место. Здесь было почти так же мрачно и сурово, как на Варне. Нравились ему и здешние люди, хотя смотрели на него равнодушно, не проявляя ни особого дружелюбия, ни враждебности. Он вдруг понял, что они нравились ему своим говором. Они говорили со странной ритмичностью, точно так, как говорил его отец. Помнится, отец называл этот говор "пением песни".

В этом небольшом городе под названием Карнарвон нечего было смотреть, если не считать огромных, массивных развалин замка внизу у моря, к которым направился Чейн. Город был древний, потрепанный возрастом, но под грозовым небом он выглядел в некотором роде даже величественным. Перед входом в замок сидел старик в форменном кителе и продавал билеты. Чейн купил один и вошел на территорию замка. Затем о чем-то подумал и возвратился:

— Можно вас спросить? Надо полагать, вы давно здесь живете?

— Всю жизнь,— ответил старик. У него были короткие белоснежные волосы, худощавое в веснушках лицо и удивительно яркие голубые глаза, которыми он уставился на Чейна.

— Некоторые из моих родственников — выходцы отсюда,— сказал Чейн.— Может быть, вы знаете что-нибудь о них. В частности, о священнике Томасе Чейне, выросшем здесь, в Карнарвоне.

— В Каернарфоне, так мы, уэльсцы, говорим,— поправил старик.— Это означает "крепость в Афроне". А преподобного Томаса я хорошо помню. Это был прекрасный молодой человек, преданный Господу; он уехал отсюда на какие-то звезды обращать в праведную веру нечестивых язычников и там умер. Вы его сын?

В Чейне пробудилось осторожность. Ведь он родился на Варне, в силу чего уже становился Звездным Волком, а ему не хотелось вести вокруг этого разговор.

— Всего лишь племянник,— соврал Чейн.

— А-а, тогда вы будете сыном Дэвида Чейна, уехавшего в Америку,— закивал старик.— Меня зовут Вильям Вильямс, и я поистине рад встрече с приехавшим на родину представителем старых семей.

И он церемонно пожал руку Чейна.

— Да-да, преподобный Томас был прекрасным человеком, страстным проповедником. Не сомневаюсь, что он обратил в нашу веру многих людей в том далеком мире, прежде чем Господь взял его к себе.

Чейн лишь поддакивал, но, когда он проследовал в замок, ему вспомнилась жизнь отца на Варне. Вспомнилась небольшая часовня, в которой никогда не было паствы, если не считать варновских ребятишек, приходивших ради забавы послушать, как плохо говорит землянин на их языке. Когда отец читал проповедь под аккомпанемент небольшого электронного органа, на котором играла мать, его маленькая фигура отважно выпрямлялась и лицо пылало. Сильная гравитация Варны постепенно истощала отца и мать, обрекая их на медленную смерть, но никто из них не хотел говорить об этом, не высказывал желания бросить все и возвратиться на Землю.

Побродив немного, Чейн нашел, что замок, издали производивший величественное впечатление, на самом деле всего лишь пустая раковина: так велико внутри открытое пространство. Взбираясь на башни и заглядывая в бойницы на стенах, он пытался представить, как могло выглядеть в далеком прошлом сражение с помощью мечей, копьев и другого примитивного оружия. Наверное, некоторые из его предков тоже участвовали в таких сражениях.

Ему нравились низкие тучи, грубые старые камни и тишина. Чейн стоял в задумчивости, пока из этого состояния его не вывел подошедший старик уже сменивший форменный китель на поношенную шерстяную куртку.

— Мы уже закрываем,— сказал старик.— Я поднимусь вместе с вами в город и покажу вам некоторые наши достопримечательности... это мне по пути.

Пока они двигались в сгущающихся сумерках, старик, казалось, был заинтересован больше спрашивать, чем отвечать.

— И вы прибыли из Америки? Ну, да, ведь именно туда много лет назад уехал Дэвид. Хорошая у вас там работа?

— Я не часто там бываю,— ответил Чейн.— Я много лет работаю на звездопланах.

Интересно, усмехнулся Чейн, как бы отреагировал Дайльюлло на столь деликатное пояснение деятельности Звездного Волка.

— Как здорово, что люди могут летать к звездам, но, к сожалению, это не по мне, не по мне,— сказал Вильям Вильямс.

Он остановился, потом потащил Чейна к двери невысокого каменного здания.

— Приглашаю на кружечку пива, окажите мне честь.

Помещение, в которое они вошли, было низким, слабо освещенным; в нем находились только бармен и у стойки в конце трое парней.

С чувством величайшего достоинства Вильямс вызвался заплатить за пиво:

— Мне составляет удовольствие купить эль одному из Чейнов.

Пиво показалось Чейну слабым словно вода, но он воздержался сказать об этом. Он предложил выпить еще по кружке, и старик, шаловливо ткнув Чейна локтем под ребро, с хитринкой в глазах заявил:

— Ну уж если вы так упорно настаиваете, придется мне нарушить обычную норму.

Когда каждый из них покончил со второй кружкой, старик подвел Чейна вдоль стойки к трем парням:

— Представляю вам сына Дэвида Чейна из Каернарфона, все вы слышали про эту семью. А это,— обратился он к Чейну,— Хэйден Джоунс, Гриф Льюис и Льюис Эванс.

Парни пробормотали что-то вроде приветствия. Двое из них были невысокого роста, невыразительные, но шатен Хэйден Джоунс выделялся очень крепкой фигурой и необычайно живыми черными глазами.

— А теперь,— сказал старик Чейну,— я должен пожелать вам приятного вечера и удалиться. Я оставляю вас с хорошей компанией и надеюсь, что вы снова приедете в родной край.

Распрощавшись со стариком, Чейн повернулся к трем юношам и предложил купить им выпивку.

Парни взглянули на него со скрытой враждебностью и ничего не ответили. Чейн повторил свое предложение.

— Мы не нуждаемся, чтобы проклятые американцы приезжали сюда покупать нам наше же пиво,— сказал Хэйден Джоунс, не оборачиваясь к нему.

— Что ж, это, пожалуй, верно. Но нужно быть повежливее, не так ли?

Здоровый парень развернулся и обрушил резкий сильный удар на Чейна, и тот, к своему удивлению, оказался сидящим на полу. В нем вспыхнул ярким огнем прежний гнев Звездного Волка, и он собрал воедино все свои силы.

Затем Чейн увидел, как Хэйден Джоунс повернулся к своим дружкам, не говоря ни слова, но с довольной улыбкой ребенка, который только что заставил всех обратить на себя внимание. В этой улыбке было столько простодушной наивности, что грозный гнев Чейна так же быстро потух, как и вспыхнул.

Чейн расслабил мышцы, встал на ноги. Потер свой подбородок и сказал:

— У тебя, Хэйден Джоунс, крепкая рука.

Затем он протянул свою руку и сжал ею до боли плечо Джоунса, вложив всю свою варновскую силу.

— У меня тоже крепкая рука. Если тебе нужна драка, я к твоим услугам. Но что мне действительно хотелось бы сделать, так это поставить вам по стаканчику.

Хэйден Джоунс удивленно вытаращил глаза, потом по-овечьи улыбнулся и посмотрел на своих дружков.

— Что ж, давайте сейчас выпьем. Подраться всегда можно и позже, после того как выпьем. Верно?

Они выпили, потом еще и еще и, когда бармен, наконец, их всех выпроводил за дверь, была уже глубокая ночь и разразился шторм. Ветер хлестал дождем по их лицам, а они шагали по сбегавшим к морю улицам, распевая песни, которым старались научить Чейна три его приятеля.

В одном из домов наверху распахнулось окно, и на них обрушился гневный голос пожилой женщины. Хэйден Джоунс повернулся в ту сторону и с величайшей помпезностью крикнул:

— Замолчать? С каких это пор вы, миссис Гриффитс, стали такой непатриотичной, что уже не можете слышать национальный гимн Уэльса?

Окно с шумом захлопнулось, а они двинулись дальше.

Перед отелем Хэйден Джоунс сказал:

— Ну, а теперь о драке...

— Давай отложим до следующего раза,— предложил Чейн.— Уже поздно, и у меня нет никакого желания.

— Тогда до следующего раза!

Они широко улыбнулись друг другу, обменялись рукопожатиями. Чейн прошел в отель и поднялся в свой номер. Открыв дверь, он услышал попискивание маленького коммуникатора, лежавшего на старомодном деревянном комоде. Он включил аппаратик и услышал голос Джона Дайльюлло.

— Чейн? Теперь ты можешь возвращаться. Команду я собрал.

Чейн поблагодарил, а его душу охватило сильное чувство сожаления в связи с отъездом, то ли что-то другое, но он полюбил этот городок и его обитателей. Чейну хотелось подольше здесь побыть. Но надо было покориться долгу, и он заказал билет на первый же рейс ракеты в Нью-Йорк. Всю дорогу над Атлантикой его не покидала мысль: В один прекрасный день я вернусь в этот городок и мы проведем ту драку. Думаю, это будет хорошая схватка.

Возвратившись в Нью-Йорк, Чейн сразу же отправился в здание на одной из улочек в звездопорте, официально именуемое Штабом Гильдии Наемников, но всем известное как Зал Наемников.

В большой главной комнате он взглянул на стену, где представлялись составы команд. Имена и фамилии наемников были аккуратно выведены белыми буквами на черном фоне. Чейн прочел первый состав.

Лидер: Мартин Бендер

Заместитель: Дж. Байок

Капитан корабля: Пол Вристоу

Далее следовало около дюжины фамилий, ряд которых принадлежал совершенно не землянам.

Конечный пункт: Процион-3

Шагая вдоль стены и читая названия конечных пунктов Эйкирнар, Вэнун, Спайка, Мор, Чейн подумал: широк размах у наемников. Наконец, он увидел то, что искал.

Лидер: Джон Дайльюлло

Заместитель: Дж.Боллард

Затем шел перечень других фамилий и в самом конце стояло — Морган Чейн.

Сзади послышался отрывистый голос Дайльюлло:

— Уж не ожидал ли ты увидеть себя первым? Не забывай, ты пока новичок у наемников. У тебя нет преимуществ перед ними.

— Я удивлен, что Боллард через такой короткий промежуток опять отправляется,— сказал Чейн.

Дайльюлло грустно улыбнулся:

— Боллард — один из немногих наемников, у которых имеются семьи. У него куча детей, которых он обожает. И у него также пренеприятнейшая, сварливая жена. Он бывает дома лишь столько, на сколько хватает заработанных денег, и снова отправляется в космос.

— Наша команда сколочена,— добавил Дайльюлло.— Я собираюсь сообщить об этом мистеру Эштону. Если он может меня принять, я отправляюсь к нему подписать контракт. Ты жди меня здесь.

И Чейн остался ждать. Вскоре Дайльюлло возвратился. На его лице была растерянность.

— Ты знаешь, сюда сам Эштон приедет. Он сказал мне, что хочет встретиться со всей командой.

Не ожидавший подобного визита Дайльюлло стал спешно собирать всех членов команды в одной из не больших комнат Зала Наемников. Вошел Боллард и его жирное, круглое лицо расплылось в благостной улыбке.

— А-а, собиратель камешков,— приветствовал он.— Я видел твою фамилию в списке, Чейн. Только еще не решил, буду ли счастлив от этого.

— Будешь,— сказал Чейн.

Боллард тряхнул головой, захохотал так, словно услышал самый лучший в мире анекдот.

— Нет, я не уверен. В прошлый раз ты едва не вверг нас в большую беду, хотя, я должен признать, ты благородно помог нам избежать ее.

— Мистер Джеймс Эштон,— объявил Дайльюлло нарочито грубоватым голосом, как бы отказываясь быть удивленным приходу очень важной персоны.

Эштон улыбался, кивал головой во время представления ему наемников. А те были вежливы, словно ученики воскресной церковной школы, хотя разглядывали богача не очень-то любезно.

Эштон их скоро удивил. Он начал говорить с ними, выглядя немало удрученным и расстроенным, но в то же время очень искренним и решительным, словно школьный учитель при объяснении урока.

— Я очень тревожусь за вас, друзья,— сказал он.— Я предложил огромную сумму денег тем, кто отправится в Закрытые Миры на поиски моего брата, и я знаю, что вы идете на это из-за денег. Но я чувствую обеспокоенность...

Он прервал свою речь, а потом твердо продолжил.

— Я долго размышлял: наверное, я подвергаю опасности жизнь многих людей ради спасения жизни одного человека, моего брата. Поэтому, подумал я, следует сказать вам... работа будет опасной и, я уверен, мистер Дайльюлло вам это разъяснил. Но если она станет чрезмерно опасной, то я не хочу, чтобы на моей совести была чья-либо смерть. Если риск будет чересчур велик, выходите из дела. Если вы вернетесь и скажите мне, что было неразумно продолжать работу, я все равно уплачу вам две трети того, что предложил.

Наемники ничего не сказали в ответ, но их отношение к магнату внезапно потеплело. Наконец, Дайльюлло сказал:

— Спасибо, мистер Эштон! Наемники легко не бросают дело. И все же, спасибо!

Когда Эштон и наемники ушли, Дайльюлло сказал Чейну:

— А ты знаешь, Эштон — славный малый. Сделанное им предложение, его беспокойство за нас заставят наемников выложиться на Альюбейне.

— Конечно, заставят,— усмехнулся Чейн.— Наверное, поэтому он и сказал им об этом.

Дайльюлло посмотрел на него с отвращением.

— Не хотел бы я мыслить категориями Звездных Волков. Не удивительно, что во всей вселенной у вас нет ни одного друга.

— А у меня есть,— парировал Чейн.— Я завел несколько друзей в районе Уэльса. Замечательные парни, отважные и веселые; они научили меня нескольким замечательным песням. Послушайте вот эту — старинную боевую песню о мужчинах Харлеха.

Он откинул назад голову и запел. Дайльюлло сморщился.

— Никогда не было ни одного уэльсца, который не воображал бы, что умеет петь. Даже если бы он был Звездным Волком.

— У этой песни чудесный мотив,— сказал Чейн.— Она достойна того, чтобы стать одной из боевых песен варновцев.

— Тогда готовься распевать ее в Закрытых Мирах. Предчувствую, что моя жадность к деньгам и желание заиметь хороший дом вовлекут нас там в большую беду.

IV

Небольшой, класса 20, корабль наемников, протащившись через Солнечную систему, сделал скачок в сверхскоростной режим и продолжил свой путь.

На фоне громадных, плавных спиралей галактики и невероятно искривленных рукавов более густых концентраций звезд Рукав Лебедя — гигантское скопление мерцающих солнц. Рукав вытянулся в направлении обода галактики на галактическую широту двадцать градусов, затем разделился на две почти одинаковые внушительные группы под названием Отрог Вуали и Отрог Ориона.

Корабль оставил позади огромную массу звезд Отрог Ориона, миновал продолговатый клубок из облаков "горячего водорода", и направился к сияющему длинному Рукаву Персея почти на самом ободе Галактики. Даже в сверхскоростном режиме корабль шел не абсолютно прямым курсом. Колесо звезд, каким является Галактика, не стоит на месте, а непрерывно вращается; поэтому относительные координаты претерпевали постоянное изменение, компьютеры то и дело щелкали, переговаривались между собой и поправляли курс корабля.

Находившийся на мостике Киммел, капитан и совладелец корабля, бросил взгляд на мерцавшие огоньки звездной карты.

— Кажется, все в порядке,— сказал он Дайльюлло.

Изящное ударение на слове "кажется" было характерным для речи этого невысокого, лысого, нервного человека, который почти все время о чем-то беспокоился и больше всего, чтобы корабль не получил какого-либо повреждения.

Постоянная обеспокоенность Киммела настолько надоедала многим лидерам наемников, что они отказывались впредь иметь с ним дело. Но Дайльюлло, давно знакомый с Киммелом, считал, что лучше иметь капитана беспокойного, нежели беззаботного. Он знал, что Киммел будет сражаться как лев против любой угрозы своему драгоценному кораблю.

— Конечно же, все в порядке,— заметил Дайльюлло.— Что с ни будет. Так что вези нас к Рукаву Персея и на обычной скорости выходи на оперативный простор Альюбейна.

— И что дальше?— спросил Киммел.— Разве вы не видели карту опасности в системе Альюбейн? Полно отвратительных пылевых течений, а радары по всей вероятности будут дурить из-за радиоэмиссии водородных облаков.

— Водород-то холодный,— перебил Дайльюлло.

— Знаю, знаю. Полагают, что эмиссия происходит только в диапазоне двадцать одного сантиметра, но если произойдет столкновение

остатков газа с эмиссией электронов, тогда холодный водород взорвет радар быстрее, чем горячий. И представьте, какие будут последствия, если это случится?

— Не надо ничего представлять,— успокоил его Дайльюлло.— Просто помните, Киммел я не собираюсь делать что-либо безрассудное, своя шкура мне не менее дорога, чем вам эта старая жестянка.

— Старая жестянка?— вскричал Киммел и разразился руганью.

Дайльюлло поспешил удалиться, чтобы скрыть хитрую улыбку. Уже многие годы такой уловкой уводил он Киммела от его тревог, и тот никогда не догадывался об этом.

В своей меленькой каюте Дайльюлло вынул бумаги, полученные от Джеймса Эштона, и стал их изучать.

Его заинтересовали четыре человека.

Доктор Мартин Гарсиа из Куернавакского института внеземной антропологии; С.Саттарrх, прибывший по обмену преподаватель из Университета планеты Арктур-3; Джевит Макгун, в прошлом независимый делец межзвездной торговли; доктор Джонас Кэйрд из Нью-Йоркского фонда внеземных наук.

Дайльюлло еще раз взглянул на это список. Был в нем один человек, который, кажется, совсем сюда не подходил.

Джевит Макгун, независимый межзвездный торговец. Почему он оказался в одной компании с четырьмя учеными?

Дайльюлло стал дальше читать бумаги, приготовленные для него Эштоном, и вскоре удовлетворенно произнес "ага!"

Оказывается, именно Джевит Макгун первым рассказал Рендлу Эштону о чем-то великом и удивительном в Закрытым Мирах. Он, как уверял Рендл брата, доставил солидное свидетельство в подтверждение своего рассказа. Но Рендл ни за что не показал бы это свидетельство брату и не сказал бы о точной природе того, за чем охотился.

— Ты все равно не поверил бы мне,— говорил Рендл Эштон.— Но я скажу тебе: это так велико, что может полностью революционизировать изучение Вселенной.

Больше этого он не сказал. И вот четверка увлекшихся ученых и с ними мистер Джевит Макгун отправились с энтузиазмом на Альюбейн.

Что-то стало проглядывать, подумал Дайльюлло. Бить прямо в глаза с этих страничек.

Он вспомнил давние рассказы многих людей, вроде старого Донахью, о великой тайне, хранящейся в Закрытых Мирах. Наверное, эти сказки и появились на свет в результате замкнутости Закрытых Миров.

Но если взять такую сказку за основу, придумать к ней ложные подтверждения и затем преподнести все это изучающему внеземные явления энтузиасту, который к тому же оказался еще и миллионером, то разве трудно заманить его на Альюбейн. А после того, как вы его заманили, у вас открывается немало возможностей обогатиться за его счет.

Ладно, предположим, что Макгун пошел лишь ради денег на выдумку о чем-то великом в Закрытых Мирах, но вот Звездные Волки, почему они-то боятся туда летать?

— А-а, черт бы побрал этого Чейна,— выругался Дайльюлло.— Он что угодно способен испортить, даже хорошую версию.

А корабль мчался и мчался, сменяя одни свои сутки другими, и казалось он вечно будет нестись в сверхскоростном режиме. Но вот наступил момент, когда взвыла сирена.

— Наконец-то,— сказал себе Дайльюлло и направился из своей каюты наверх к капитанскому мостику. Проходя мимо маленькой каюты, где Чейн дежурил за оператора радара, Дайльюлло задержался, просунул в дверь свою голову:

— Ты, кажется, не скучаешь, Чейн. Верно?

— А чего мне скучать,— широко улыбнулся Чейн.— Нахожусь на корабле, который мчится с приличной скоростью — вдвое медленнее, чем ходят варновские корабли. Тут разве можно заскучать?

— Такие слова слышать приятно,— усмехнулся слегка Дайльюлло.— Если б ты действительно заскучал, то я сразу догадался бы о приближении каких-нибудь событий. И Чейн...

— Да?

— Ты, конечно, будешь счастлив узнать, что если развернутся боевые действия или что-то истинно опасное, я позабочусь, чтобы ты сразу оказался на передней линии. Ну как, благодарен?

Чейн процедил сквозь зубы:

— Благодарен, старый хитрец.

Дайльюлло все еще посмеивался, когда прибыл на капитанский мостик. Едва он вошел, как сирена подала второе предупреждение. Корабль начал выходить из сверхскоростного режима, и он ухватился за опорную стойку.

Лампочки потускнели, и весь каркас корабля так задрожал, словно вот-вот развалится. То же самое испытывал и весь организм Дайльюлло. Как бы часто не приходилось Дайльюлло переносить эти скачки с одного скоростного режима на другой, всякий раз он испытывал мгновения панического страха, такое ощущение, что весь он рассыпается на атомы, которые навсегда разлетятся и никогда уже вновь не воссоединятся. Это было похоже на повторяющиеся приступы наследственной эпилепсии, только бесконечно хуже. Затем, как всегда, наступила последняя глубокая встряска,— переход со сверхскоростного режима завершился, и все вошло в обычную норму.

Они находились как раз за кромкой Рукава Персея. Одно дело так назвать или обозначить на карте эту одну из внешних спиралей Галактики, другое дело взирать через обзорное окно на чудовищно гигантское побережье звезд — высоких как рай и пылающих как ад.

— А теперь, Дэвид,— раздался голос Киммела,— теперь давай продолжим.

Пилот Дэйв Мэтток нажал кнопки управления, и корабль начал разворачиваться в сторону ближайшей звезды Рукава Персея, представлявшей собой солнце топазного цвета.

Мэтток прославился среди наемников двумя особенностями. Первая — жевание табака. Вряд ли можно было сыскать другого человека, который так долго в той или иной форме пользовался табаком; ведь в продаже давно уже были некрепкие снадобья, значительно безопаснее, но столь же успокоительного действия. Почти никто не жевал табак десятилетиями, а Мэтток, как мальчишка перенял эту привычку у родного деда, бродяжничавшего по горам Кентукки, так никогда и не бросал ее.

Вторая особенность Мэттока состояла в том, что он никогда не выходил из себя в отношениях с Киммелом. В Зале Наемников приходилось нередко слышать, что, когда Мэтток оставит пилотскую работу, Киммелу придется уйти в отставку, так как ни один другой пилот не сможет ладить с суматошным капитаном.

— Спокойнее, спокойнее!— кричал Киммел.— В этой системе надо проявлять осторожность. Не забывай про облака холодного водорода, о которых я тебе говорил. Да и про то течение... то ужасное течение.

Мэтток, крупный, здоровенный человек с большим лицом и волевым подбородком, не обращал внимания на слова Киммела. Он продолжал методично жевать табак и манипулировать кнопками управления.

— О, всемогущий! Дэвид, неужели тебе хочется разбить нас?— громко причитал Киммел. Он чуть ли не прыгал вокруг Мэттока, заглядывая через плечо пилота на показания приборов и выразительно жестикулируя.— У нас же так много времени, так много времени...

Мэтток не произносил ни слова в ответ, а только с удивительной точностью отправлял плевки в пластмассовое ведро, которое всегда стояло в углу во время его дежурства.

— Ах так... Так... осторожненько,— умолял Киммел.— В конце концов, Дэвид, мы же хотим быть осторожными. Правда? Ты ведь хороший, осторожный парень...

Мэтток смотрел на цифры, вспыхивающие на экране компьютера, и спокойно прибавлял скорость.

Киммел взвизгнул словно перепуганный кролик и воздел над лысой головой заломанные руки — прямо как старуха в ожидании светопреставления.

Дайльюлло усмехнулся. Он повидал уже немало таких спектаклей Киммела с немым участием Мэттока, и все они были похожи один на другой.

Он посмотрел вперед. Корабль несся к Альюбейну, топазные лучи которого ослепительно и безжалостно били в голубые глаза Дайльюлло.

Компьютер начал то и дело заикаться. Эмиссия, исходившая от невидимых облаков холодного водорода, нарушала работу радара, а без

его данных компьютеры становятся всего лишь грудой металла, проводов и кристаллов. Бесполезными.

По корпусу корабля зашелестела пыль. Они шли по краю пылевого потока, и это было плохо, не гибельно, но довольно плохо. В такие моменты Дайльюлло всегда хотелось, чтобы между ними не было ничего, кроме чудесного, чистого, открытого космического пространства. Действительность была иной; при образовании небесных тел вокруг многих из них остались кучи мусора. Со временем гравитационные поля, конечно, подметут этот мусор, но у человеческих существ нет возможности так долго ждать.

Наружное шуршание корпуса превратилось в потрескивание. Киммел отошел к стене капитанского мостика, прислонился к ней лицом. Дайльюлло восхищенно глядел на него: разыгрывался предпоследний акт спектакля, называвшийся "не могу смотреть".

Потрескивание снаружи корпуса прекратилось, потом снова возобновилось и стало несколько сильнее. Компьютеры выключились на целую минуту, воцарилась наводящая страх тишина.

Киммел отстранился от стены, подошел к пустому креслу второго пилота и тяжело опустился в него. Сидел он совершенно неподвижно, ссутулившись, вытянув вперед голову, с холодными тусклыми глазами.

Дайльюлло кивнул сам себе: наступил финальный акт под названием "все пропало, погибаем".

Мэтток между тем спокойно поворачивал голову и выразительно отправлял в ведро свои плевки.

Компьютеры вновь заработали, потрескивание корпуса от пылевого течения постепенно затихло; взору наемников предстала панорама трех планет: две на этой стороне звезды и третья на полпути вокруг нее.

Это похоже, подумал Дайльюлло, на то, что писал Берлиоз про вторую часть Четвертой симфонии Бетховена: "... величественные звери поднялись словно только что сотворенные рукой бога миры, они плыли чистые, прекрасные".

На какой-то момент он почувствовал гордость за себя: ведь ни один другой лидер наемников не знает о подобных вещах. И с грустью подумал: Но ведь я приобрел эти знания только потому, что долго пребывал один в одиночестве и имел уйму времени для чтения.

Он взглянул на Закрытые Миры так, как смотрят в глаза врагу. А корабль продолжал лететь навстречу туманно-желтому полыханию Альюбейна.

V

Чейн чуял опасность в этой тишине.

С полдюжины наемников он стоял перед своим кораблем на поле видавшего виды звездопорта. Сверху низвергался горячий, лимонного цвета солнечный свет, а здесь внизу шелестел вокруг теплый ветер; других звуков не было.

За звездопортом на горном склоне поднимался ярусами старинных беломраморных зданий огромный город. Он был слишком далеко, чтобы сюда доносились его звуки. Сама по себе тишина Чейна не беспокоила, но здесь в звездопорте было уж чересчур тихо. Не было никакого движения ни у складов, ни у других зданий. Неподалеку стояли восемь или девять небольших планетарных крейсеров, четверо из которых имели бортовые установки для пуска ракет. Но и тут не было признаков жизни.

— Ведите себя спокойно,— сказал Дайльюлло.— Волноваться не надо. Для нас безопаснее подождать, пусть они сделают первый ход.

Стоявший рядом с Чейном Мильнер пробормотал:

— Гораздо безопаснее было бы иметь при себе станнеры.

Низкорослый Мильнер слыл сквернословом и задирой; никто из наемников не любил его, и попал он в команду только благодаря своему исключительному умению использовать и обслуживать оружие. Но в данном случае Чейн не мог не согласиться с Мильнером.

Однако Дайльюлло был непреклонен. По его замыслу наемники должны были, прилетев на Альюбейн-1 (планетное название — Аркуу), застигнуть местных жителей врасплох, но ни в коем случае не подавать вида, что ждут схватки.

Внезапность им полностью удалась. Они подлетели к планете с противоположной стороны, развернулись и прошли над половиной Аркуу в направлении ее столицы Яр, не послав никакого уведомления о своем прибытии и не запросив разрешения на посадку.

Рассматривая сверху быстро мчавшуюся под ним планету, Чейн подумал, что у нее немного оснований именоваться миром.

Огромная территория Аркуу была покрыта джунглями малинового цвета. То тут, то там, где равнины переходили в темные горы, джунгли уступали место лесам более густого красного цвета. Однажды встретилось коричневато-желтое море, с впадающими в него рыжевато-коричневатыми реками.

А города. Беломраморные, они когда-то были большими, красивыми, теперь же лежали накрытыми красной волной джунглей. Их руины были безжизненны; эти обломки прошлого, облучаемые топазным солнцем,

вызывали ассоциацию со старыми мертвыми кролями, слава которых давно забыта.

Чейн почувствовал, что таинственность этого далекого мира обусловлена каким-то необычайно возвышенным смыслом. Чтобы создать такие города, потом уйти из них и колонизировать другую планету — для этого надо было быть когда-то действительно великим народом. Что же заставило их бросить города? Что могло вынудить его выступить против межзвездной торговли и превратить свою систему в Закрытые Миры?

Затем их корабль прошел над долиной, и внизу показался новый белый город, на сей раз все еще живой: были видны люди, небольшое количество автомашин на улицах, а в воздухе легкие крылатые аппараты. Без какого-либо предупреждения наемники совершили посадку на поле небольшого планетарного космопорта.

И вот теперь они ждали, оставив в корабле на всякий случай Болларда, Киммела и еще четырех наемников. Солнце палило, а тут пока ничего не происходило.

И вдруг, не оборачиваясь, Дайльюлло сказал:

— Переговоры буду вести я сам.

Из города выехала автомашина и через поле космопорта помчалась к кораблю наемников. Неподалеку она остановилась, из нее вышли два человека и направились к стоявшей перед кораблем группе.

Взглянув на подошедших, Чейн сильно удивился.

Он ожидал, что люди увядающей цивилизации будут выглядеть вялыми, апатичными, немощными. Но эти двое производили совсем иное впечатление.

Это были высокие, широкоплечие, могучего телосложение мужчины с бледно-золотистой кожей, темножелтыми волосами и холодными сине-зелеными глазами. На них были короткие, с поясом куртки и шорты, обнажающие превосходную мускулатуру рук и ног. Эта пара совсем не походила на апатичных людей, которых Чейну приходилось встречать.

Тот, что был помоложе и выше ростом, заговорил с Дайльюлло на галакто — смешанном языке народов Галактики. Чувствовалось, что он давно на нем не изъяснялся.

— Вы здесь нежелательны,— заявил он категорично.— Неужели вам не было известно, что Закрытые Миры... закрыты?

— Нам это было известно,— дал прямой ответ Дайльюлло.

— Тогда почему вы здесь?

— Мне хотелось бы объяснить причину нашего прибытия полномочным представителям вашего правительства.

— Мы являемся таковыми,— сказал более молодой.— Меня зовут Хелмер, а его Броз. А теперь отвечайте: почему вы здесь?

Дайльюлло расправил плечи, словно знал, на что теперь шел, так как иного выхода не было.

— Мы прибыли сюда, чтобы найти одного человека, землянина по имени Рендл Эштон, а также его спутников.

Двое аркуунов на мгновение словно воды в рот набрали. Потом, как заметил Чейн, они обменялись молчаливыми взглядами, и тот, кто назвал себя Хелмером, сказал:

— Человек, которого вы ищите, находится не здесь.

— А где же?

— Кто знает,— пожал плечами Хелмер.— Он был здесь, а потом улетел.

— На одну из двух других планет?

— Кто знает,— повел снова широкими плечами Хелмер.

Хотел бы я выколотить из тебя ответ, пронеслось в голове Чейна. Хотя знаю: против твоих мускулов даже варновцу будет нелегко.

Словно поймав эту мысль или обнаружив ее по выражению лица Чейна, высокий молодой аркуун неожиданно взглянул ему прямо в глаза, как будто эта каланча с огромными руками и ногами распознала в сбитой фигуре и темной, чуть насмешливой физиономии Чейна своего мощного потенциального противника.

Затем Хелмер повернулся к Дайльюлло:

— Вам надлежит улететь отсюда. У нас нет технического обслуживания звездопланов, но мы можем снабдить вас продовольствием и водой. Получите это и улетайте.

— Минуточку,— возмутился Дайльюлло.— Вы тут у можете оставаться отшельниками, но в цивилизованных звездных мирах существуют определенные правила обеспечивающие право граждан планет на репатриацию, на их возвращение домой. Если бы вы побольше знали о Галактике, вы поняли бы...

Дайльюлло был прерван неожиданно захохотавшим Брозом, который был старше годами Хелмера. Смех был громким, нервным и странно мрачным.

— Хелмер, ты слышал это? Если бы аркууны только знали больше о вселенной. Но он прав. Наши люди нигде никогда не были. Верно?

Броз снова захохотал, а на строгом лице Хелмера появилась издевательская улыбка.

Чейн почувствовал в этом хохоте что-то скрыто зловещее, Дайльюлло же усмотрел оскорбление своей персоне.

— Разрешите сказать вам кое-что,— резко бросил лидер наемников.— Человек по имени Рендл Эштон — важная персона, выходец из семьи, имеющей власть. Если я прибуду назад и доложу, что вы даже не захотели мне сообщить что с ним случилось, то рано или поздно сюда прибудет военная сила, удары которой широко распахнут двери ваших Закрытых Миров.

Мгновенно лицо Хелмера словно окаменело, взгляд стал холодным.

— Ах, вот как?— произнес он.

У Чейна застонало все внутри: Какую же ты, Джон, допустил сейчас оплошность; у Звездных Волков дети поступили бы умнее.

У него было желание задать трепку Дайльюлло. Вместо этого он отвел взгляд в сторону, туда, где был город, и там заметил подобие солнечного

зайчика: в одном из высоких зданий словно от ветра ходила оконная рама, захватывая и отражая лимонные солнечные лучи.

— Поскольку вы угрожаете,— ледяным тоном заявил Хелмер,— то и я отвечу тем же. Или вы улетаете сейчас немедленно, или вы вообще отсюда не улетите.

Он повернулся спиной к Дайльюлло и направился вместе с Брозом к машине, которая сразу же их умчала.

Дайльюлло обернулся, бросил кислый взгляд на наемников:

— Прямо-таки глухая стена. По-видимому, ваш несравненный командир поступил не лучшим образом. У кого какие мысли?

— У меня,— отозвался Чейн.— Я возвратился бы на корабль и убрался отсюда как можно быстрее, чтобы не попасть в большую беду.

Дайльюлло уставился на Чейна, так, словно его совет был еще одним удручающим событием.

С оскорбительным терпением Чейн пояснил:

— Вы заявили ему, что если вы возвратитесь и доложите о результатах, это навлечет на них потом большое несчастье. Если вы возвратитесь. Пояснение дошло до всех. Наемники перевели взгляды с Чейна на Дайльюлло, лицо которого еще больше вытянулось.

— Ты прав,— сказал Дайльюлло.— Я попробовал блефовать, но блеф не сработал. Ничего хорошего не предвидится, если мы останемся здесь. Поэтому — срочный взлет.

Все бросились в корабль. Послышалось хлопанье запирающих механизмов, и не более, чем через минуту прозвучало предупреждение сирены. Стремительно, с грохотом поднял Мэтток корабль в небо. Словно вопли истеричных женщин завизжали звуковые сигналы, предупреждающие о пределе трения с воздухом, но Мэтток пропускал их мимо своих ушей. Вскоре корабль был за пределами атмосферы.

Чейн отправился на свой пост к радару, начал сканировать быстро убегавшую назад планету. Вскоре он увидел то, что ожидал увидеть.

— Нас нагоняют два аркуунских крейсера,— сообщил он.— Думаю, можно ожидать залп реактивных снарядов.

— Поднять щиты,— распорядился Дайльюлло и выругался.— Наверное, мы сами облегчили им работу. В космопорте, так близком к городу, они бы не решились применить эти снаряды.

— Щиты подняты,— доложил Боллард, добавив тут же,— и во время!— так как корабль закачался и затрясся от разрывов снарядов.

Чейн видел, что ситуация складывается скверная. Их корабль не имел бортовых пусковых установок, щиты же были легкими и долго не могли выдерживать удары снарядов.

Киммел буквально повис над креслом Мэттока и начал давать рекомендации. Чейн ожидал стать свидетелем новых стенаний, но он не знал Киммела так, как его знал Дайльюлло и был удивлен.

— Теперь, Дэвид,— советовал Киммел,— нам надо быстренько оторваться от этих крейсеров. Если где-нибудь щит не выдержит их

снарядов, будут повреждения. Дорогие повреждения.— При последних словах он задрожал мелкой дрожью словно нервный терьер.— А поэтому иди вон в тот поток пылевого течения, что к зениту от Альюбейн-2.

Мэтток поднял на него глаза:

— В поток?

— Да, Дэвид, для нас это наилучший шанс. В космопорте я видел их крейсеры; они старого типа и не могут иметь таких хороших радаров как у нас. В пылевом потоке мы оторвемся от крейсеров, они не станут долго рисковать собой. Но с нашим хорошим радаром, Дэвид, ты нас успешно проведешь сквозь этот поток.

Мэтток смачно сплюнул:

— О'кей. Идем в пыль.

Корабль резко изменил курс. Чейн следил за экраном радара. Они начали отрываться от аркуунских крейсеров, но пока недостаточно быстро, чтобы выйти за предел досягаемости их снарядов. Он доложил об этом Дайльюлло.

— А-а,— отмахнулся Дайльюлло.— Своим дурацким блефом я все испортил. Мы даже не выяснили, жива или погибла группа Эштона.

— Некоторые живы,— сказал Чейн.

— Откуда тебе знать?

Не поворачивая головы от экрана, Чейн сказал:

— В одном из тех наиболее крупных зданий в городе непрерывно распахивалось и закрывалось окно, отражая солнечный свет. Эти сигналы по корабельному коду означали "ЭШТОН".

— Что ж ты раньше не сказал об этом,— упрекнул его Дайльюлло.

Чейн улыбнулся.

— Не хотел говорить о вещах, которые могли бы помешать вам быстрее улепетывать оттуда.

На щиты обрушился залп снарядов и корабль бешено затрясся. Ответ Дайльюлло на последние слова потонул в оглушительном грохоте.

Чейн был только рад этому.

VI

Они вошли в пылевой поток и стало плохо. Так плохо, что Киммел уж не открывал рта, а это всегда было признаком опасности. По мере приближения Альюбейн-2 компьютеры тревожно щелкали.

Они прошли в зените этой быстро вращающейся планеты. Чейну она показалась похожей на Аркуу, если не считать, что на этой планете вместо джунглей был лес и притом довольно редкий. Здесь не было ни

одного старинного беломраморного города. Все города были построены из более скромного камня. На темной стороне планеты всюду сияли огни.

Чейн посмотрел на экран:

— Они прервали преследование.

Киммел бросил взгляд на Дайльюлло.

— Что теперь? Отправляемся назад, к нашему солнышку? Не забывай, Джон, мы получаем две трети обещанной суммы просто за попытку найти. Мы же ее определенно сделали.

Дайльюлло сурово уставился на него.

— Ничего мы не сделали, если не считать моего идиотского блефа, после которого нам пришлось немедленно убраться. Неужели ты думаешь, что с такими результатами я могу снова появляться в Зале Наемников?

— Тогда что..?

— Возвращаемся на Аркуу,— ответил Дайльюлло.— Но совсем другим маршрутом. Уходим из этой системы, и когда Альюбейн-3 окажется между нашим кораблем и Аркуу, мы поворачиваем назад и делаем посадку на Альюбейн-3.

— На Альюбейн-3? Но ведь ее считают необитаемой, там совершенно ничего нет.

— Именно такое место нам нужно,— сказал Дайльюлло.— Делаем там посадку.

Продолжая полет, корабль выбрался из пылевого потока. Он зашел сзади за третью планету, представшую темножелтым, без признаков жизни шаром, затем развернулся и полетел обратно, войдя в планетную тень.

Они опустились в мир, который был почти пустыней, мир с морями померанцевого цвета и унылой, голой землей, где имелась лишь скудная растительность, но не было никаких признаков обитания человека. Мэтток посадил корабль недалеко от морского побережья и выключил энергию.

— Блестяще исполнено, Дэвид,— сказал Киммел.

— Выгрузить пусковые реактивные установки и подготовить их к бою,— распорядился по внутренней связи Дайльюлло и перечислил исполнителей приказа.

Чейн услышал свое имя в списке и отправился вниз в грузовой отсек. Потребовалось немало усилий, чтобы выгрузить портативные пусковые установки. Нужно было их вынуть, протащить мимо стоявших здесь самолета и автомашины, и делать все это вручную.

Воздух был холодным. В этот, самый удаленный из Закрытых Миров доходило мало тепла от солнца. Наемники привели пусковые установки в боевую готовность, заняли около них каждый свое место, не спуская глаз с неба.

Чейн и наемник по имени Ван Фоссэн составили расчет одной из установок. Тридцатилетний голландец Ван Фоссэн был тощим

блондином с беспокойным взглядом и физиономией, словно у молодой гончей.

— Как ты думаешь: что теперь Джон предпримет?— спросил он.

Чейн пожал плечами. Он хотел бы сказать, что Дайльюлло должен водрузить на прежнее место свои мозги, но странное чувство привязанности помешало произнести эту мысль вслух.

— Людей нет, а жизнь какая-то есть,— сказал чуть позже Ван Фоссэн.— Посмотри вон туда.

Полыхающий туманно-желтым пламенем материк Альюбейна выступал над океаном. Ван Фоссэн показал на летевшие вдалеке два черных змееподобных крылатых существ и продекламировал:

"... когда закат окрашен малиновым огнем,
и полыхает как дорога в ад,
знай, что домой драконы летят,
над мраком пучины морской
на запад летят..."

Чейн удивленно посмотрел на него:

— О чем ты говоришь? Это небо вовсе не малиновое, оно темно-желтое.

— Это же стихи, — пояснил Ван Фоссэн и высокомерно добавил, — английский — твой родной язык. И ты не знаешь своей поэзии?

— Стихов я много не знаю, — ответил Чейн. — Зато знаю кое-какие песни...

И тут же оборвал разговор, закусив губы.

Нет, подумал Чейн, я не буду петь свои песни кому-попало. Эти песни мы распевали на Варне после возвращения эскадрилий из рейдов, и они не для ушей землян.

Он снова загрезил о Варне. Попадет ли он снова туда когда-нибудь? Нутром своим он чувствовал, что попадет, хотя это может привести к смерти. Его никогда не простят братья Ссандера, которого он убил в честной схватке, после чего оказался изгнанным из Звездных Волков.

Небо из желтого уже превратилось в темно-оранжевое, но не было и признака никаких кораблей.

— Чейн, — тихо произнес Ван Фоссэн, — гляди!

Чейн перевел взгляд с неба на простиравшуюся вокруг песчаную пустыню, покрытую кустарником.

И увидел. Покрытое темным мехом животное, похожее размерами и видом на медведя, усердно подкапывало куст. Оно было от них всего лишь в нескольких сотнях футов. Значительно дальше виднелись еще трое таких животных.

Зверь подкопал куст и начал жевать его корни. Жуя, он смотрел вокруг кроткими, глупыми глазами и, казалось, только сейчас почувствовал присутствие корабля и людей. Он перестал жевать и уставился на них. А затем издал низкий рычащий звук.

Словно говорил: "Эр-р-р-р!"

Чейн ответил прямым взглядом в глаза зверя.

Тот снова зарычал: "Эр-р-р-р!"

Вдруг Чейн неистово заорал и побежал на зверя, дико размахивая обеими руками.

Зверь оставил корни и бросился наутек, а Чейн, остановившись, хохотал и хохотал.

— Чейн, ты просто сумасшедший дурень! Ведь это могло быть опасно! — набросился на него Ван Фоссэн.

— Что тут, черт побери, у вас происходит? — послышался в наступивших сумерках голос Дайльюлло, вышедшего из корабля.

Ван Фоссэн рассказал. Дайльюлло проворчал:

— Если пребывание на посту для тебя, Чейн, такая забава, мы укоротим твою смену. Пойдем, попотеешь с нами.

Вслед за Дайльюлло Чейн вошел в корабль. В главной спальне вокруг стола под лампочками сидели Боллард, Киммел и Мильнер.

— Присаживайся, — пригласил Дайльюлло. — Мы ищем решение, как лучше провернуть то дело.

— И уж, конечно, нам не обойтись без совета нашего самого новенького наемника, — подковырнул Боллард.

— Чейн оказался единственным человеком, который заметил кодированный сигнал, и только он знает то здание, — отпарировал Дайльюлло. — Ему следует послушать то, что мы обсуждаем.

Боллард пожал плечами, но больше не сказал ни слова.

Дайльюлло сказал Чейну:

— Мы считаем, что Рендл Эштон, или по крайней мере кто-то из его группы находится в том здании как пленник. Они увидели, как сел корабль землян — их корабли с капитанским мостиком, похожим на две брови, ни с какими другими не спутаешь — и они попытались дать нам знать о том, где находится. Если Эштон там, мы должны вызволить его оттуда. Если же его там нет, то есть кто-то, кто знает, где Эштон находится.

Чейн понимающе кивнул головой.

Киммел вмешался в разговор, затараторив:

— И конечно, мы не можем пойти на риск новой посадки корабля там. Они только этого и ждут; они все подготовят для встречи с нами и будут бить по нашему кораблю всем, что у них есть.

Киммел закрыл глаза, сделав вид, как было бы ужасно созерцать крушение его любимого судна.

— Поэтому, — терпеливо продолжал Дайльюлло, — мы и не собираемся делать посадку корабля на Аркуу. Мы развернемся далеко от города ночью и сбросим скиттер-флайер. В этом аэрокосмическом самолете будет находиться небольшая группа. Мы попробуем вызволить людей Эштона из того здания. Если нам это удастся, мы вызовем назад корабль, и он подберет нас за пределами города.

Чейн опять понимающе кивнул, ничего не сказав. У него не спрашивали мнения об этом и он не осмелился его высказать.

— Десантную группу я сам возглавляю, — сказал ему Дайльюлло.— Я думаю взять в нее Болларда, Мильнера, также Джансена... и тебя, Чейн.

— Еще бы, — не удержался Боллард. — Разве мы сможем обойтись без героического Чейна, того самого, из-за шаловливости которого нам на Харале чуть шею не свернули, того самого, который на Вхоле укатил на лодочке с красивой девочкой, а мы сидели и потели под дулом...

— А также того самого, — добавил Дайльюлло, — того самого, кто сможет определить здание, в которое мы должны попасть.

— Ну, ладно, хорошо, — сдался Боллард. — Но не кажется ли вам, что наша группа чересчур мала? Пять человек, и для вторжения на планету?

— Пятьдесят не помогут, если нас схватят, — ответил Дайльюлло.— Но не забывай, что самолет слишком много не возьмет, а нам возможно придется возвращаться на нем с пополнением из четырех человек.

Он встал.

— Мильнер, я хочу, чтобы ты помог проверить оружие, которое мы возьмем с собой.

Спустя двадцать четыре земных часа корабль наемников снова появился над Аркуу. Дайльюлло выбрал такое время, когда столичный город находился на темной стороне планеты. Но корабль начал спускаться в ста милях от города.

Дайльюлло и Киммел склонились над своими картами, чтобы пометить место запасной встречи в случае, если не удастся выйти на связь. После этого он спустился в грузовой отсек, где остальные члены группы уже находились в готовности на своих местах в самолете.

Джансен, рыжий, коренастый наемник, лучше всех управлявший самолетом, сел в пилотское кресло, а Дайльюлло, Боллард, Чейн и Мильнер разместились на собранных наспех ковшеобразных сидениях.

Здесь, в темном отсеке, им ничего не было видно. Дело было за Мэттоком, находившемся на капитанском мостике, выбрать место и высоту сброса самолета. Они могли слышать, как зарылись перемычки отсека.

Потом послышались скольжение крышки и открылось большое катапультивное отверстие, расположенное на боковой стороне грузового отсека. Поверх широких плечей Джансена они успели бросить взгляд на раскинувшиеся внизу джунгли, освещенные одной из двух лун Аркуу.

— Пошел! — раздался голос Мэттока по внутренней связи.

Рука Джансена резко опустилась на кнопку катапультирующего устройства. Самолет, словно пуля, вылетел через отверстие.

Его крылья и винты автоматически раскрылись. Они вошли в атмосферу, которая оказалась взболтанной и ухабистой от спутной струи ко-

рабля. Джансен мягко выровнял флайер и сделал разворот на 180 градусов. Они находились над джунглями на высоте всего лишь нескольких тысяч футов.

— Удачи вам, Джон, — напутствовал их голос Киммел.

Джансен лег на курс, и флайер, подпрыгивая, помчался вперед. Он несся над джунглями словно жужжащая тень, флайер был специально сконструирован для операций подобного рода. У него были вертикальный взлет и почти бесшумный двигатель, по звукам которого трудно определить, что это такое.

Менее чем через час они увидели мерцающие огни города. Огней было немного: наступила ночь, на которую и делал ставку Дайльюлло.

— Выходи на восточную сторону космопорта и там пойдешь на снижение, — сказал Дайльюлло Джансену и обратился к Чейну:

— Возми оптическую трубу. Покажи Джансену путь к крыше здания, из которого исходил сигнал, пойманный тобой.

Чейн глазел в трубу по мере вертикального снижения флайера. Наконец он распознал нужное здание, в котором светилось несколько окон.

Указав Джансену направление полета, Чейн вскоре сказал:

— Там что-то еще есть. Ну, да, по-видимому, на крыше стоит охранник.

— Вот негодяи, — откликнулся Боллард. — Должно быть, догадались, что мы вернемся.

— А может быть это обычная охрана, — отрывисто произнес Дайльюлло. — Во всяком случае надо освободиться от нее раньше, чем мы будем спускаться ниже. Погоди пока, Джансен. Мильнер, пристрой крупнокалиберный станнер к оптической трубе и выдай порцию, но не смертельную.

Мильнер сморщился в ухмылке и выдвинулся вперед, вытащив оружие, похожее на допотопный реактивный противотанковый гранатомет типа "бузука". Он вставил станнер в хомут наверху оптической трубы и ловко защелкнул синхронизирующие зажимы. После этого открыл отверстие для стрельбы.

Джансен замедлил снижение флайера. Мильнер прильнул одним глазом к оптической трубе. С помощью позиционных колесиков он сделал наводку, потом снова прищурился и нажал на спусковой крючок.

Станнер загудел. Мильнер выключил его, поднял голову и одарил всех снова ухмылкой, на этот раз довольной, с обнаженными зубами.

— Охранник снят.

— Отлично. Джансен, продолжай спуск, — сказал Дайльюлло.

Словно огромная стрекоза, флайер тихо опустился на крышу. Дайльюлло открыл дверь кабины, и все, кроме Джансена, быстро выскочили на крышу, где Мильнер сразу же приоткрыл их своим крупнокалиберным станнером готовым к действию.

Тихий, но волевой голос Дайльюлло заставил всех двинуться вперед. Здание состояло из нескольких этажей, и Дайльюлло разделил их между

членами группы для прочесывания. Они бросились бегом вниз по каменной лестнице, плохо освещенной редкими лампочками на стенах. Чейну достался третий, самый верхний этаж; со станнером в руке он устремился с лестничной клетки в длинный, слабо освещенный коридор.

Когда-то мраморные плиты стен были красивыми, но со временем потрескались, и в них глубоко въелась грязь. Весь этот мир, пронеслось в мозгу Чейна, выглядит старомодно, потрепанно. Он опять удивился, что же такое заставило варновцев, ничего не боявшихся, запретить своим налетчикам ступать сюда.

Он открыл одну за другой двери в коридоре. Никого. Темные, затхлые, пустые комнаты.

И вот он наткнулся на дверь, которая оказалась запертой. Когда он дернул ее, ему показалось, что он услышал внутри комнаты чье-то движение.

Левой рукой Чейн достал из кармана миниавтоген. Держа наизготовку станнер в правой руке, он выжег пламенем замок.

Дверь широко распахнулась, и он увидел в глубине освещенной комнаты смотрящую на него девушку.

VII

Эту девушку нельзя было назвать миниатюрной. Она имела почти такой же рост, как и Хэлмер такую же бледнозолотистую кожу и желтые волосы. На ней была такая же короткая, с поясом, куртка из шелковистого белого материала. У девушки были восхитительные руки и ноги, которые самым выгодным образом оттенялись ее одеждой.

Серо-зеленые глаза девушки в полном изумлении смотрели прямо в глаза Чейна. Она приоткрыла рот, и он подумал, что она собирается закричать. Из-за слишком близкого расстояния к девушке Чейн не мог использовать станнер, так как сам пострадал бы от рикошета. Он бросил миниавтоген и схватил девушку, приоткрыв ее рот рукой.

И получил невиданный в жизни сюрприз. Эта молодая особа, несмотря на все свои прелести, оказалась сильнее любой представительницы своего пола, каких он встречал после Варны. Она едва не отшвырнула его головой вперед до того, как ему удалось нагнуть ее и применить более крепкий захват.

В это время с лестничной клетки в коридор вприпрыжку вбежал Боллард. В момент опасности он совершенно не был похож на толстого, глуповато-сентиментального, с замедленной реакцией Болларда. Лицо его было суровым, а в руке — станнер наизготовке.

Увидев, как Чейн сцепился с высокой аркуунской девушкой, он опустил пониже оружие, замер, и с восхищением стал взирать на происходящую сцену.

— Клянусь богом, Чейн, — сказал он, — я должен отдать тебе должной. Куда бы ты не отправился, везде находишь развлечение. Слышу: что-то происходит здесь, бегу на выручку и нахожу тебя сражающимся с высокой чудесной блондинкой.

— Зови Джона, — прервал Чейн. — Она здесь была заперта; может быть тут есть и другие.

Говоря это, Чейн немного ослабил ладонь, которой зажимал рот девушки, и тут же поплатился. Аркуунка схватила зубами один из его пальцев и прокусила до кости.

У Чейна хватило выдержки не убрать руку. Он покрутил немного пальцами, глядя в ее горевшие гневом глаза, и улыбнулся ей.

— А мне нравятся девушки с характером. — Он отвел руку назад и нанес ей резкий удар по выступу подбородка молодой аркуунки.

Чейн использовал только ладонь, но вложил в удар определенную долю силы Звездного Волка. Голова девицы откинулась назад, а тело стало словно вата.

Чейн опустил ее, посадил на пол, прислонив головой к стене. В такой позе она напоминала куклу, брошенную после игры. Как бы в запоздалом раздумье Чейн наклонился и скрестил длинные, красивые ноги девушки у лодыжек, а руки положил вместе на колени. Он смотрел восхищенно на аркуунку, посасывая свой укушенный палец.

— Да, в ней что-то есть, — сказал он.

В коридор поспешно вошел Дайльюлло с Мильнером позади.

— При входе внизу два охранника... мы их станнером, — сказал он. — Больше ничего нет. А что у тебя тут?

Чейн рассказал. Дайльюлло прошел дальше вдоль дверей и обнаружил, что одна из них тоже заперта.

Когда Дайльюлло попытался ее открыть, с другой стороны послышался возбужденный голос, а затем град ударов руками по двери.

— Отойдите назад, — попросил Дайльюлло.

Миниавтогеном он вырезал замок и открыл дверь.

Навстречу вышел молодой землянин с жесткими щетинистыми волосами и широкоскулым испано-индейским лицом. Его глаза горели от дикого возбуждения.

— Вы земляне с того корабля? — крикнул он. — Я видел корабль...! Я пытался подать сигнал...

— Постойте, — остановил его Дайльюлло. — Вы из группы Эштона?

— Мартин Гарсиа. Это были недели... месяцы...

— Где остальные? — перебил Дайльюлло.

— Кейрд мертв, — сказал Гарсиа, пытаясь успокоиться. — Он умер здесь более недели назад. Убит? Нет, не убит. Он заболел, стал

худеть и худеть. Я оставался с ним, когда Эштон, Макгун и другие уехали.

— Где сейчас Рендл Эштон? — спросил Дайльюлло.

— Боже милостивый, — развел руками Гарсиа, — если бы я знал. Много недель назад он с Макгуном отбыл на корабле с его командой. Они считали, что могут найти Свободное Странствие. Здешние аркууны запретили нам заниматься его поисками, но они, несмотря на это, отправились. Участники движения "За Открытые Миры" помогли вызволить корабль. Я же остался с Крэйдом, поскольку он был очень плох.

— Джон, у нас нет времени для выслушивания подробностей, — вмешался Боллард. — Раз Эштона здесь нет, пойдем отсюда, а расспросить этого парня можно и позже.

Взгляд Гарсиа упал на девушку, которая сидела с руками на коленях в дальнем конце коридора.

— Врея... вы убили ее? — воскликнул он.

— Она всего лишь без сознания, — ответил Боллард. — Кто она, между прочим?

— Она одна из тех участников движения "За Открытые Миры", которые помогли Эштону бежать. Она знает галакто, и участники движения использовали ее для секретных контактов с нами. Но люди Хелмера ее схватили и заперли здесь, как меня.

— Может она знать, куда отправились Рендл Эштон и другие? — спросил Дайльюлло.

— Не знаю, — ответил Гарсиа. — Думаю, что да.

— Мы заберем ее с собой, — решительно заявил Дайльюлло. — А теперь бегом отсюда!

Чейн легко подхватил девушку без сознания, и все поспешили на крышу. Находившийся в самолете Джансен тихо присвистнул в знак одобрения, когда увидел длинные золотистые ноги, свисавшие с рук Чейна.

— Поздравляю, вы все же нашли что-то.

— Оставь свои шутки при себе, — сказал Дайльюлло. — Уходим отсюда тем же маршрутом, каким прибыли. Поехали!

Флайер сделал вертикальный взлет и помчался стрелой назад над освещенными луной джунглями. Гарсиа, устроившись в ковшеобразном сидении с Дайльюлло, непрестанно говорил, но уже бессвязно. Возбуждение и нервозность прошли.

— Мы вчетвером пробыли здесь около двух месяцев. В Яре, городе, который остался позади, Рендл все время пытался узнать у аркуунов о Свободном Странствии, но их чиновники ничего не говорили, продолжая требовать, чтобы мы покинули их мир. Ну, а потом с Рендлом установили секретный контакт участники движения "За Открытые Миры". Это аркууны-диссиденты, не согласные с законом, требующим держать этот мир закрытым. Они хотят открыть систему для межзвездной торговли. Она одна из них.

Гарсиа кивнул в сторону Вреи. Чейн водрузил ее на сиденье, привязал ремнями безопасности, но она все еще была без сознания.

— А с чего эти диссиденты изъявили желание помочь Эштону сбежать на поиски — как это вы назвали — Свободного Странствия? Я полагаю, что именно за этой таинственной вещью он охотится.

— Да, — пожал плечами Гарсиа. — Они сказали: делают это из-за того, что хотят, чтобы позднее он снабдил их оружием для совершенствования государственного переворота. Они помогут ему найти Свободное Странствие при условии, что он пообещает им оружие.

Боллард что-то пробормотал, но от комментариев воздержался.

— Что бы там ни было, — добавил Гарсиа, — они помогли Эштону, Саттаргху, Макгуну и экипажу прорваться на корабль и улететь. Один из них отбыл с группой Эштона, а Врея была схвачена. Кэйрд был болен, умирал, поэтому я не смог полететь.

Дайльюлло раздраженно произнес:

— Следовательно, Рендлу Эштону было угодно не только прибыть в Закрытые Миры в погоне за своей межзвездной химерой, но еще и позволить втянуть себя в местные политические интриги.

Он бросил мрачный взгляд на девушку:

— Приведи ее в чувство, Чейн.

— С удовольствием, — отозвался Чейн.

Он стал массировать нервные центры на задней стороне шеи девушки, пока у нее глаза не замерцали и не открылись совсем. Она обвела взглядом салон самолета, глаза ее вспыхнули гневом, когда она увидела Чейна.

— Ты уже достаточно взрослая девочка, чтобы кусаться, — сказал он.

Гарсиа с важностью сообщил девушке на галакто:

— Врея, это наши друзья. Они прибыли с Земли в поисках Рендла Эштона.

Холодными, серо-зелеными глазами девушка внимательно посмотрела на наемников. Затем спросила:

— Вы привели большой флот кораблей?

Дайльюлло отрицательно покачал головой:

— Один маленький корабль. И две дюжины людей.

Аркуунская девушка с разочарованным видом спросила:

— И что же вы собираетесь предпринять, имея такие ограниченные силы?

— Мы прибыли сюда не для вмешательства в политику Аркуу, — подчеркнуто заявил Дайльюлло. — Мы прибыли всего лишь за тем, чтобы забрать нескольких наших людей и отвезти их обратно на Землю.

Смотря на профиль девушки, Чейн чувствовал, что вот сейчас она быстро размышляет, пытаясь оценить новый фактор, возникший в обстановке. Она не дура, думал он. Имея такое великолепное тело, и такую силищу, она поистине не нуждается в остром уме, но он у нее есть.

Дайльюлло прервал размышления Врси:

— Где Рендл Эштон?

Она качнула своей светлой головкой:

— Не знаю.

— Как это вы не знаете? Вы же входили в группу аркуунов, которая вызволила Эштона и других из Яра. Ваша группа помогла ему бежать с тем, чтобы он мог найти эту вещь, это...

— Свободное Странствие, — подсказал Гарсиа.

— Вы не можете не знать, куда он направился, чтобы найти эту вещь, — заявил Дайльюлло.

— Но я не знаю, — ответила Врея. — Свободное Странствие уже давно потеряно, где-то спрятано. Один из тех, кто был с Эштоном, человек по имени Макгун, считал, что он знает, где это можно найти. Мы помогли ему бежать, но я была схвачена.

Дайльюлло пристально посмотрел на нее.

— А что это за вещь, которую Эштон ищет, ну, это Свободное Странствие?

Врея молчала, в глазах ее появился огонек и тут же исчез. Дайльюлло обратился к Гарсиа:

— Должно быть вы знаете, ведь в поисках его вы проделали весь этот путь сюда, в Закрытые Миры.

Гарсиа смутился.

— Эштон не рассказывал нам все, что говорил ему Макгун. Существует, конечно, давняя легенда, но ее сюжеты противоречивы.

— Хватит крутить, — бросил Дайльюлло. — Должны же вы знать что-нибудь о том, что эта вещь должна собой представлять.

Лицо Гарсиа приняло строгий вид.

— Полагают, что это нечто такое, с помощью чего человек за какую-то минуту может побывать в любом месте вселенной.

Наемники в недоумении уставились на него, затем Чейн негромко расхохотался.

— За минуту? В любом месте? — сказал он. — Вот это да. Удобно.

— Боже милостивый! — вскричал Дайльюлло. — Значит мы последовали за Эштоном на Альюбейн из-за такого безумного мифа?

В разговор вступила Врея, лицо ее пылало, глаза сверкали. "Это не миф". Теперь она не пыталась скрывать своего огромного интереса.

— Оно существовало. Оно может быть все еще существует.

Дайльюлло мог только с сожалением покачать головой. Находившийся в кресле пилота Джансен повернул к ним голову.

— Хотел бы напомнить, Джон: скоро начнет светать, у аркуунов имеются флайеры, и они будут нас искать.

Дайльюлло нахмурился, потом сказал:

— Нет смысла вызывать корабль, пока мы не нашли Эштона или четкую дорогу к нему. Приземлимся на некоторое время.

— Приземлимся? — изумился Джансен. Он показал жестом на простиравшиеся под ним густые джунгли, теперь ярко освещенные после того, как на небе появилась вторая луна. — Да там прогалины не найдется, чтобы приземлиться!

— Мы же пролетали над разрушенными городами, — сказал Дайльюлло. — Садись в одном из них.

Джансен что-то поворчал и изменил курс. Врея не понимала их разговора на английском языке, но, когда увидела белый отблеск руин впереди, догадалась, о чем шла речь.

— Я должна вас предупредить, — сказала она на галакто, — в джунглях есть чрезвычайно опасные формы жизни.

— Не сомневаюсь, — ответил Дайльюлло, смотря с неприязнью вниз на залитое лунным светом пространство. — Тем не менее, нам надо найти себе местечко, замаскировать флайер и переждать там, пока преследователи не выдохнутся в поисках нас.

— А что потом? — спросил Боллард.

Дайльюлло пожал плечами.

— Ну, затем будем дальше действовать, делать работу, на которую нанялись... искать Рендла Эштона.

— У тебя все так просто, Джон.

— Потому что так оно и есть, — нахмурился Дайльюлло. — Опасность и внезапная гибель — это всегда просто. Сажай машину, Джансен.

VIII

Чейн шагал среди перемещавшихся и непрестанно изменявшихся теней, продвигаясь через громоздящиеся развалины. Обе луны уже были высоко, ниспосылая вниз отблеск тускловатого серебристого света, которые делал белые стены, балки и скульптурные изображения нереальными, словно это было все во сне. Мягкий свет был добр к развалинам, и не очень было заметно, где упала крыша или обвалилась стена.

Дул теплый, ленивый ветер, наполненный запахом сухой гнили джунглей. Доносились тихие звуки, издаваемые небольшими животными и птицами, обитавшими в развалинах, и ничего больше. Каменные плиты, по которым он шагал, там и тут были сдвинуты и перекошены корнями деревьев, но было очевидно, что древние строители работали неплохо, и улицы по-прежнему оставались улицами.

"Что же это место мне напоминает?" — спрашивал себя Чейн.

А-а, вспомнил. То было пару лет назад во время налета Звездных Волков на Плеяды. Возглавлял рейд Нимурун, человек отчаянный даже по меркам варновцев. Его эскадрилья попала в окружение, и казалось, что борьба завершится победой значительно превосходящего по силам *противника*.

Но они смогли укрыться на необитаемой, безжизненной маленькой планете, погубленной когда-то войной. Сохранившиеся металлические здания были искорежены и бесформенны, словно привидения, истерзанные пыткой.

Три дня и три ночи они лежали, спрятавшись в развалинах зданий и слушая завывание гулявшего в них ветра, но не были найдены и в конце концов благополучно выбрались из Плеяд.

Чейну не нравились разрушенные города. Ему нравились города, наполненные жизнью и дорогими соблазнительными вещами, подходящими для грабежа.

Он ухмыльнулся. Так мыслит Звездный Волк. А он должен всегда помнить, что теперь является добрым, честным наемником.

Они приземлились здесь менее часа назад. И едва успели быстро накрыть флайер маскировочной тканью, как со стороны Яра появились над руинами флайеры аркуунов и стали кружить и кружить. Потом они снова прилетали. Было совершенно очевидно, что за ними развернулась охота.

А тут еще Джансен поднял панику. Он клялся, что заметил, как за развалинами в джунглях мелькали люди, шпионившие за ними. Дайльюлло терпеливо объяснил ему, что совершенно невозможно никаким аркуунам так быстро сюда прибыть. Джансен же настаивал на своем.

— Пойду и посмотрю вокруг, — вызвался Чейн. Ему надоело сидеть на корточках под сетью.

— Не надо, — сказал Дайльюлло. — Если там кто-то есть, мы довольно скоро узнаем об этом.

— Да пусть, Джон, он идет, — вмешался Боллард. — В нем молодая кровь, ему не сидится; разве ты не видишь? Он не то, что мы с тобой, бедные старые клячи.

Дайльюлло пожал плечами.

— Ладно, Чейн, иди взгляни, полюбуйся привидениями Джансена.

Чейн кивнул и сказал Боллард:

— Сделаю все возможное, чтобы благополучно возвратиться. Ради тебя.

Боллард грубо захохотал и заявил, что Чейн станет причиной его смерти в тот день, когда их покинет.

В развалинах, очевидно, никого не было. Но в джунглях шла какая-то жизнь. Однажды он остановился, услышав звук, и поймал эхо отдаленного крика, понижающихся модуляций, которые не были словами, однако звучали так, как будто исходили из человеческого горла.

Между городом и джунглями отсутствовала четкая граница. Чейн постепенно оказался в районе, где было больше растительности, чем развалин, а затем попал в густые джунгли, где лишь время от времени среди листвы встречались нагромождения обтесанных камней.

Чейну приходилось бывать во многих лесах многих миров. У Звездных Волков любимой тактикой было сделать посадку ночью в таких местах, а затем из этого укрытия совершить внезапное нападение на выбранный объект. Он умел бесшумно двигаться, незаметно переходить из одной тени в другую, мягко ставить ногу на землю. Время от времени он останавливался и прислушивался, но доносились лишь привычные для джунглей тихие попискивания и слабые шуршания.

Он прислушивался в ожидании повторения того далекого необычного крика, но его больше не было.

— Никого нет, — сказал себе Чейн. — Джансену просто померещилось.

И вдруг случилось странное. Казалось, что между плечами Чейна натянулась кожа, а на шее сзади вздыбились короткие волосы.

Опасность. И близко...

У Звездных Волков не было развито шестое чувство, но имеющиеся пять чувств они отточили до предельного совершенства. Что-то — какой-то запах или почти непонятный звук — достигло Чейна и предупредило об опасности.

Он тихо повернулся на месте. Чейну показалось, что он увидел мельком, как за одним из гигантских деревьев скрылось что-то белое.

Со станнером в руке Чейн отправился туда.

Ничего.

Послышалось едва уловимое шуршание, и он снова волчком покрутился на месте; кажется, мелькнула и скрылась из вида расплывчатая белая фигура.

С поразительной неожиданностью совсем рядом громко прозвучал голос, который он раньше слышал издалека. Это не был человеческий голос, в нем не было слов. Это был хохот, захлебывающийся, вызывающий дрожь.

Хохот резко оборвался, и снова воцарилась тишина.

Чейн ждал, его лицо в полосе перемещающегося лунного света приняло мрачный, угрожающий вид. Они были вокруг него и хохотали, считая, что он уже в их руках.

Он повернулся назад, к разрушенному городу. Чейн не боялся, а соблюдал всю расчетливую предосторожность варновца. Ему были новы этот мир и все, что здесь могло обитать; он должен действовать осторожно.

Едва успел Чейн сделать полдюжины шагов, как впереди из зарослей что-то вышло.

Вначале он подумал, что это был человек, но когда лунный свет слегка переместился, он увидел, что это было человекоподобное сущест-

во. Оно имело руки, ноги, тело и голову. На нем не было одежды и оно, очевидно, было бесполым. Оно направилось к нему, и Чейн увидел лицо с мягко светившимися крупными глазами, совершенно без носа (там, где должен быть нос, была пустота), с отвратительным маленьким ртом.

Чейн нажал на спусковой механизм станнера, нацелившись прямо на существо. Не произошло абсолютно ничего, если не считать, что существо разразилось снова тем же захлебывающимся хохотом.

Чейн перевел станнер на смертельный вариант и снова выстрелил.

И опять ничего не случилось.

Он понял, что станнер, предназначенный для парализации нервной системы млекопитающих или близких к ним животных, в данном случае бесполезен.

Неожиданно он задумался и о другом. Это существо чересчур открыто вышло к нему и приковало к себе внимание. Может быть за его спиной находится еще одно...

Чейн начал поворачиваться, но не успел завершить движение. На его спину навалилась чья-то туша, а горло обхватили гладкие холодные руки и так стали сжимать, что он начал вскоре задыхаться.

Хорошо же, пронеслось в мозгу Чейна, но ты сцепился не с человеком. Ты сцепился со Звездным Волком.

Он до предела напряг всю мощь своих варновских рук и плеч, чтобы разорвать удушающую хватку. Вместо этого он согнул ноги в коленях и подпрыгнул, отбросив себя и то, что было на спине, в сторону.

Во время прыжка он повернулся в воздухе и когда падал, то белая фигура, повисшая на нем, оказалась внизу, приняв на себя удар о землю. В результате удара хватка ослабла, хотя и немного, но достаточно, чтобы Чейн вырвался на свободу.

Белое человекоподобное существо вскочило быстрее кошки и двинулось на него, издавая отвратительно короткие мяукающие звуки. Рука Чейна взметнулась вверх и ударила существо по шее. Шея должна была бы сломаться, но не сломалась.

Рука ударила словно по чистому хрящу и мышцам без костей.

Чейн сделал вид, что собирается снова ударить рукой, но на сей раз взметнулась нога и ботинком ударила в желудок существа, после чего, то бросилось назад в заросли.

Чейн обернулся и как раз вовремя. Животное, которое захлебывалось хохотом было всего лишь в нескольких футах и уже притягивало к нему белые руки с утонченными пальцами.

Он наносил удар за ударом. По лицу катился пот, а самого его охватил испуг, усиленный еще тем, что ему послышались легкие бегущие шаги приближавшегося третьего чудовища.

Чейн неожиданно отпрыгнул в сторону и бросился бежать. Он ничего не смог бы сделать с двумя тварями; было сомнительно, что можно противостоять даже одной из них. А тут их три, и если, действительно, три, то они несомненно его убьют.

С бешеной скоростью, на какую был способен организм, он мчался сквозь заросли. И не мог оторваться от тварей. Они неслись почти рядом быстрые и гибкие, как белые партнеры, стремясь обойти его и перерезать путь к спасению.

Когда Чейн был среди мраморных развалин и твари были уже готовы перекрыть ему дорогу, он услышал пронзительные крики, затем шипение, яркую вспышку и сухой треск портативного лазера.

Белые твари так быстро исчезли в зарослях, что он едва успел заметить их отступление; затем он увидел пробиравшегося через руины Дайльюлло вместе с Джансеном, а также Мильнером, который держал в руках портативный лазер.

— Мы услышали, как ты устроил там потасовку, — сказал Дайльюлло. — Кто это, черт побери?

— Не кто, а что, — ответил Чейн, уже давно не переживавший таких потрясений. — Это не люди. Я не знаю, кто они, но это что-то ужасно противное.

Чейн добавил специально для Дайльюлло:

— Они чуть меня не прикончили. — В голосе прозвучал несвойственный Чейну страх. Дайльюлло серьезно воспринял это предупреждение.

Они возвратились туда, где был спрятан под маскировочной сетью флайер и где находились Боллард, Гарсиа и девушка Врея.

Чейн рассказал о том, кого он встретил в джунглях. Когда он кончил, Врея сказала:

— Нэйны.

— Что?

— На нашем языке слово "нэйн" означает "не-человек". Они не очень смышленые, но смертельно опасные.

— Насколько я помню, — колко заметил Дайльюлло, — вы о них ничего не говорили нам.

Врея повернулась к нему:

— Я предупреждала вас, что в джунглях есть опасные существа. Вы что, хотели, чтобы я вас водила за ручку как детей?

Боллард разразился хохотом, Чейн ухмыльнулся. Дайльюлло со злостью посмотрел на них.

— В результате какой эволюции могли возникнуть такие виды?

Врея обвела взглядом высокие руины, освещенные серебристым светом.

— В старые времена в этих городах трудились великие ученые. Это они создали Свободное Странствие. Говорят, что они же создали и нэйнов. Эти существа не размножаются. Но они созданы так, что практически бессмертны, вот почему некоторые из них до сих пор обитают в джунглях.

— Мы, думается, попали в поистине скверный мир. Не нравится мне это, — жалобно посетовал Мильнер.

— Никто никогда не платил больше деньги наемникам за то, чтобы они уехали куда-то для веселого времяпрепровождения, — сказал Дайльюлло. — Отправляйтесь все спать. Чейн, ты не дал нам заснуть из-за этого рысканья по джунглям. Так что имеешь возможность первым подежурить.

Чейн кивнул и взял у Мильнера портативный лазер. Все другие ушли, забрались в спальные мешки и вытянулись.

Две луны продолжали свой путь по звездному небу, расстояние между ними все время возрастало и раздвоенные тени становились все более причудливыми. Откуда-то издалека, из джунглей донесся захлебывающийся хохот.

Чейн улыбнулся.

— *Нет, мой друг,* — *процедил он.* — *Вновь это не повторится.*

Спустя некоторое время он услышал звуки и обернулся. Это Врея вылезла из спального мешка, который ей дали наемники. Она пришла туда, где дежурил Чейн среди массы обвалившихся гигантских плит, и села на одну из них.

Чейн смотрел на нее, любуясь ее красивыми руками и ногами. Теперь, когда не было яркого солнечного света, они выглядели серебристыми.

— Это место угнетет меня, — сказала она.

Чейн пожал плечами.

— Должен признаться: мне довелось побывать в более забавных местах.

Она хмуро посмотрела на него.

— Вам безразлично. Вы просто временно прибыли сюда и все; для вас это лишь еще один чужой мир, и вы вскоре уйдете опять. Но для нас...

Она умолкла на время, а потом продолжила:

— Когда-то здесь стоял великий торговый город. К северу отсюда находился огромный звездопорт. Из него улетали корабли торговать со звездными мирами, лежащими в районе, который вы называете Рукавом Персея. А другие — еще дальше. На протяжении поколений аркууны были астронавтами. А теперь мы живем на двух маленьких планетах воспоминаниями о былом, и для нас уже больше нет никаких звезд.

В ее голосе зазвучали гневные ноты.

— Из-за старых, предрассудочных страхов мы превратились в Закрытые Миры. Никому не разрешается прилетать на Альюбейн, а нам уезжать отсюда. Но мы выступаем за снятие этого глупого запрета, и поэтому люди типа Хэлмера, слепо поклоняющиеся догмам, называют нас заговорщиками и предателями.

Чейн почувствовал сильную симпатию к ней. А ведь он за свою довольно долгую жизнь Звездного Волка никогда не симпатизировал тем, кто был лишен возможности бороздить звездные дороги.

— Может быть, наступило время, когда Закрытые Миры будут снова открыты, — сказал он.

Врея ничего не ответила, перевела взгляд на разрушенные башни, некогда могучие и жизнерадостные.

Чейн ощутил прилив теплых чувств к ней. Он подошел туда, где она сидела, и склонился над ней.

Ее красивое колено поднялось и ударило в его подбородок. Чейн увидел звезды, когда отшатнулся назад.

Он потряс головой, чтобы прийти в себя. Врея взирала на него с высокомерной самонадеянностью. Чейн сделал неожиданный прыжок и схватил ее. Его рука на ее рот, как это было в прошлый раз.

Девушка боролась с силой тигрицы. Но Чейн, используя всю свою мощь, крепко держал ее.

— Теперь, — прошептал он ей на ухо, — я могу с тобой сделать все, что хочу.

Снова она попыталась вырваться, но сила Звездного Волка держала ее.

— А что я хочу сделать, — прошептал Чейн, — ... так это сказать тебе, что ты мне нравишься.

Он крепко чмокнул ее в щеку, выпустил из своих рук, а сам отошел назад. Увидев на ее лице смесь гнева и удивления, он начал хохотать.

Врея бросила взгляд на него, сжала кулаки, а потом ее лицо смягчилось, и она тоже расхохоталась.

Тихо она сказала:

— Рауль очень рассердится на меня за это.

И, все еще смеясь, она подошла к Чейну и поцеловала его в губы.

IX

Дайльюлло встал утром с болью в плечах и пояснице. Он спал не на воздухе, как все другие, а в проходе флайера. За время пребывания на многих планетах ему приходилось встречаться и вступать в схватку со многими необычными живыми существами, но к одной вещи он никогда не мог привыкнуть — к насекомым. Содрогаясь от мысли, что они будут ползать по его лицу, он предпочитал жесткий пол спальному мешку снаружи.

Он почувствовал себя разбитым, слабым. Выпив воды и почистив зубы, он вышел на воздух. Над горизонтом уже сияло топазное солнце, затопляя все своим желтым светом. Дайльюлло выбрался из-под маскировочной сети и направился к поросшим кустарником руинам неподалеку.

Ему пришлось проходить мимо Вреи, лежавшей в спальном мешке; ее волосы были взъерошены, а отдыхавшее во сне лицо выглядело детским, ангелоподобным. Он уставился на нее с каким-то странным отеческим чувством.

Наверное, порядочная стерва, подумал он, и, несомненно, пытается использовать всех нас для своих собственных целей. Но красивая девушка.

Дайльюлло продолжил свой путь и встретил Джансена, заступившего дежурить во вторую смену. Позевывая, Джансен доложил, что ничего за его дежурство не случилось.

Возвратившись со своей прогулки, Дайльюлло поднялся во флайер и вышел оттуда с одним из документов, которые дал ему Джеймс Эштон. Это была карта Аркуу — не очень хорошая, поскольку Закрытые Миры всячески препятствовали топографическим съемкам, — единственная, которую имел Эштон.

Дайльюлло присел на теневой стороне флайера, прислонившись спиной к колесу, и стал, хмурясь, рассматривать карту. Спустя минуту он оглянулся вокруг. Никого поблизости не было. Дайльюлло полез в карман своего комбинезона и достал небольшой футляр. Он вынул из него очки, одел их и снова стал рассматривать карту.

Несколько минут спустя на него упала тень. Он быстро взглянул наверх. Это был Чейн, глазевший на него с интересом. Дайльюлло бросил на него жесткий, вызывающий взгляд, который словно говорил: "Да, я пользуюсь для чтения очками, когда вокруг никого нет, и тебе лучше не болтать об этом".

Но взгляд Дайльюлло не достиг цели. Чейн — настоящий негодяй. Он посмотрел сверху на лидера:

— Никогда их раньше не видел. Что, глаза стали слабоваты?

— Тебе-то какое дело? — рассердился Дайльюлло.

Чейн засмеялся:

— Джон, разрешите мне кое-что сказать. Вы самый бравый из нас и вы могли бы побить любого из нас, разумеется, кроме меня.

— Разумеется, — процедил сквозь зубы Дайльюлло.

— И хватит беспокоиться о возрасте, — продолжал Чейн. — Везде вы самый лучший, разумеется, кроме меня...

— Разумеется, — передразнил Дайльюлло, но теперь на его лице появилась улыбка, хотя и хмурая.

Он снял и убрал очки.

— Ладно, иди, разложи там всем порции завтрака. И разбуди свою подружку. Хочу с ней серьезно поговорить.

— Подружку? — удивился Чейн.

— Послушай, возможно, мои глаза и стали слабоваты для чтения, но я обычно хорошо вижу, что происходит вокруг. Разбуди ее.

Когда Врея пришла, Дайльюлло пригласил ее жестом присесть и заговорил на галакто.

— Мы взяли вас с собой из-за того, что мы думали, вы сможете нам рассказать, куда отправился Эштон. Вы не пленница. Если вы хотите вернуться, оставайтесь здесь и посигнальте первому же флайеру, который появится в поисках нас.

— Возвратиться, чтобы снова попасть под замок? — воскликнула Врея. — Нет, я не хочу возвращаться.

— Предположим. Тогда вы хотите присоединиться к вашему другу, отправившемуся с Эштоном, — как его имя?

— Рауль. Он лидер нашей партии. Нас называют борцами за Открытые Миры, так как мы хотим, чтобы звезды стали снова свободны для нас,— сказала Врея, с горечью добавив:

— Хэлмер называет нас по-другому, вроде заговорщики, предатели.

— Ладно, оставайтесь с нами и проведите нас туда, куда отправились Эштон, Рауль и другие, — сказал Дайльюлло.

Врея покачала головой.

— Все не так просто. Я знаю только в общих чертах район, куда они отправились. Это туда, где как всегда утверждали легенды, спрятано Свободное Странствие, но это огромный район.

— Насколько огромный? Покажите мне на карте.

Красивые глаза Вреи пристально уставились на карту. Дайльюлло вручил ей карандаш, и она вывела им широкий неровный круг на севере.

— Где-то там, — сказала она.

Дайльюлло посмотрел, и лицо его вытянулось.

— Это чертовски огромный район. Да еще горы.

— Самые высокие на Аркуу, — сказала девушка. — Между ними есть долины, покрытые джунглями.

— Чудесно, — пробормотал он. — Мы не сможем с воздуха обследовать такой обширный район.

Дайльюлло нахмурился, задумался. Затем сказал:

— Вы говорили, что это район, в котором согласно легендам находится Свободное Странствие. Полагаю, что Хэлмер и его компания тоже знают про эти легенды. Не так ли?

Она кивнула в знак согласия.

— Да, они на флайерах вылетали искать Рауля, Эштона и остальных, но ведь, как вы сказали, невозможно с воздуха прочесать такую территорию.

— Тогда, — предположил Дайльюлло, — Хэлмер, видимо, догадается, что мы тоже туда направляемся, поскольку он знает, что мы вылетели на поиски Эштона.

И он покачал головой:

— Это чревато бедой.

Все остальные уже встали. Джансен прибыл с дежурства, и все расселись вокруг под маскировочной сетью со своей порцией завтрака.

Когда с едой было покончено, Дайльюлло провел неофициальный военный совет. Он давно пришел к выводу, что наемники сделают почти

все, что вы попросите, но при условии, что будут знать на что идут и почему. Им нельзя властно отдать приказ, им его надо выложить.

И он это сделал. Вначале реакцией было общее молчание. Затем Боллард, настроенный всегда пессимистически, когда был отлучен от корабельных запасов пива, отрицательно мотнул головой.

— Допустим, мы отправляемся в этот горный район, — сказал он.— Ну и что мы там сделаем? Поймите, если Хэлмер и другие аркууны в собственном мире не смогли найти Эштона и его группу, то как же удастся сделать нам?

— У нас есть несколько новинок, которых у аркуунов, по-видимому, нет, — указал Дайльюлло. — Например, металлолокаторы значительной точности. Если корабль Эштона где-то совершил посадку, мы в состоянии его обнаружить и от него взять след дальше.

Все поразмышляли на сей счет без особого энтузиазма, но возражать никто не стал. Они понимали, что идут на риск, но профессия наемника неразрывна с опасностью.

— Джансен, — позвал Дайльюлло.

— Да?

— Ты видел аркуунские флайеры, когда мы первый раз делали посадку в звездопорте. Что ты думаешь о них, если сравнить с нашими?

Джансен был большой знаток флайеров. На звездные корабли он смотрел как на средство обеспечения жизни, считая их скучным делом. Что его по-настоящему захватывало, так это полет в атмосфере на крылатых машинах.

— Выглядят они довольно неплохо, Джон, — сказал он. — Но несколько старого типа. У них нет вертикального взлета; не думаю, чтобы они имели такую же скорость, как наши; и сомневаюсь, что имеют такой же радиус действия.

Врее надоело слушать разговор, который был непонятен, и она потребовала, чтобы ей сказали, о чем идет речь. Чейн рассказал ей на галакто.

— Конечно, наши самолеты старого типа, — сказал она с горечью в голосе. — Мы же больше не летаем к звездам, лишены знаний о прогрессе в других мирах. Не знаем, что происходит в Галактике. На мне такая же одежда, какую аркуунские женщины носили на протяжении многих поколений.

Мужчины посмотрели на нее, на ее короткую кожаную куртку, на ее золотистые руки и ноги, и все, за исключением Дайльюлло и Гарсиа единодушно присвистнули от восхищения.

— Хватит, кончайте, — сказал Дайльюлло и бесстрастно добавил:

— Чейн, уполномочиваю тебя взять шефство над девушкой, оказавшейся без друзей, защитить ее от этих казанов.

Чейн удивленно вытаращил глаза:

— Что?!

Дайльюлло был доволен собой: Впервые за все время я застал Чейна врасплох.

Он повернулся к остальным:

— Как я уже сказал вам, мне думается, что Хэлмер или некоторые из людей Хэлмера, будут поджидать нас в этом районе. Хотелось бы, во-первых, выяснить: сможем ли мы проскользнуть в ночное время и сделать посадку в центре того района? Джансен!

Джансен нахмурил брови, но спустя некоторое время был вынужден отрицательно покачать головой:

— Я хотел бы попробовать, черт побери. Но посадка при лунном свете среди высоких гор, без маяков, и бог знает, что за воздушные потоки внизу — это, я должен тебе сказать, Джон, будет самоубийством.

— Ладно, — согласился Дайльюлло. — Поверю тебе на слово. В таком случае отправляемся в светлое время, рискнем. Мильнер!

— Да?

— Один из крупнокалиберных лазеров пристрой в амбразуре флайера. Думаю, он может понадобиться.

Морщинистое лицо Мильнера расплылось в ухмылке.

— Ты намерен убрать их с неба, если они окажутся на нашем пути, да?

Дайльюлло его резко прервал:

— Ну и кровожадный же ты тип. Мы не собираемся никого убивать, если к этому нас не принудят для спасения собственной шкуры. Помни, этот мир принадлежит не нам, а аркуунам. Я не хочу крупных стычек с ними; хочу лишь найти Эштона и уехать. Если нам встретятся их флайеры, постарайся их обезвредить, но не больше.

Мильнер насупился и ушел пристраивать лазер.

Спустя час они скатали в рулон маскировочную сеть; положили ее в самолет, и Джансен начал поднимать их из развалин бывшего города в лимонное сияние Альюбейна.

Дайльюлло взглянул со своего кресла вниз и заметил, что в зарослях что-то мелькнуло; и через мгновение увидел уставившееся на него лицо, безносое белое лицо с горящими глазами и противным маленьким ртом. Оно исчезло из виду, когда Джансен перешел на горизонтальный полет.

Если вчера вечером Чейн столкнулся именно с таким существом, то неудивительно, почему он так был потрясен, подумал Дайльюлло. Существо не только отвратительное, но и опасное. Сильное... чересчур сильное даже для варновца.

Он взглянул на Чейна, который тихо разговаривал с сидевшей рядом Вреей, и подумал: Хотелось бы и мне стать снова молодым и беззаботным. А потом опять подумал: Но я ведь никогда не был таким беззаботным, как Чейн; да кто может, кроме Звездного Волка.

В течение часов самолет все дальше и дальше продвигался на север. Нескончаемые красные джунгли разрывались то тут, то там белыми пятнами разрушенных старых городов. С севера на юг протянулась жел-

тая река, а затем предстал огромный затопленный район, где вода была коричнево-желтого цвета.

Казалось, что темно-красные джунгли никогда не кончатся. Но, наконец, когда Альбейн снижался к горизонту, Джансен обратился со своего пилотского кресла:

— Джон.

Дайльюлло поднялся и взглянул через плечо Джансена. Впереди, сколь мог видеть глаз, простирались темные горы, подпирая желтое небо.

— Они довольно высоки, — отметил он.

— Да не горы я имею ввиду,— сказал Джансен. — Посмотри на эту сторону, в направлении приблизительно 12.

Дайльюлло всмотрелся. Вдаль он видел довольно хорошо и вскоре заметил на фоне лимонного неба маленькие черные точки, быстро увеличивающие свои размеры.

— Самолеты, — сказал он угрюмо. — То, чего я опасался.

Он обернулся и крикнул: "Мильнер!"

Мильнер, чрезвычайно неприятно выглядевший во сне из-за открытого рта, пробудился и подскочил на своем сидении.

— Давай к лазеру, — сказал Дайльюлло. — И помни, что я говорил тебе: никаких, по возможности, смертей. Бей по хвостовым оперениям.

Мильнер пожал плечами.

— Вы подсказываете мне красивый безопасный способ сбивать людей с неба, не причиняя им вреда. Я так и сделаю.

Дайльюлло одарил его особой улыбкой, которую он приберегал для трудных людей.

— Постарайся, Мильнер.

Мильнеру уже доводилось раньше видеть эту улыбку и, проворчав "ладно", он отправился к амбразуре.

— Пристегнитесь ремнями, — обратился Дайльюлло к Чейну и всем остальным. — Похоже, нам придется немного покачаться.

Навстречу мчались три аркуунских самолета. На большой скорости Джансен, сделав переворот через крыло, поставил свой флайер на хвост. Что-то рядом сверкнуло и позади раздался взрыв.

— Реактивные снаряды, — сказал Джансен, — и довольно близко к тому же.

— Иди на сближение с ними, — сказал Дайльюлло. — Мильнер, будь на изготове с лазером.

Джансен быстро сделал петлю и погнал свой флайер вперед на большой скорости. Три аркуунских самолета, быстрых, но не столь маневренных, попытались уклониться, но Джансен, находясь выше, бросился вниз на них.

— Смотрите, я сейчас — один из старых летчиков первой мировой войны двадцатого века, про которую читал, — счастливо выкрикнул

Джансен. — Какие были воздушные бои! Тра-та-та-та! И он изобразил звуками стрельбу из пулемета.

— О боже, почему меня угораздило лететь к звездам с комиком! — сказал Дайльюлло.

И тут три аркуунских самолета набросились на них.

X

Лазер ярко вспыхнул и издал сухой треск. Мильнер целился в ведущий самолет.

И промазал. Джансен быстро сделал вираж и возвратился к остальным самолетам.

— Сколько же тебе нужно заходов для того, чтобы ты попал куда-нибудь? — не поворачивая головы сказал он.

Мильнер, отличный знаток лазеров и редко промахивающийся наводчик, выдал такой непечатный ответ, что Дайльюлло был рад, что Врея не может его понять.

Реактивные снаряды промчались мимо, но с очень большим разбросом. Аркууны изменили свой курс, но слишком поздно. Мильнер пустил снова в ход лазер и на этот раз срезал хвост ведущего самолета.

Чейн сидел и смотрел, как самолет, колыхаясь, пошел вниз. Он почувствовал захватывающий интерес к этому новому для него виду боя. Звездные Волки редко пользовались самолетами в боевых действиях; у них обычно не хватало времени для того, чтобы вытаскивать самолеты и лететь на них в атмосфере для нападения на какой-то мир.

Чейн видел, как поврежденный самолет направился к единственно возможному месту посадки в густых джунглях — широкой, коричнево-желтой реке, текущей на юг. Пилоту удалось дотянуть; Чейн видел, как самолет шлепнулся о воду и из него выбрались два человека. Чейн ухмыльнулся; Дайльюлло с его предвзятостью против убийств будет доволен.

Сидевшая рядом Врея теперь не смотрела наружу, она глядела на Чейна с восхищением и удивлением.

Она начала что-то говорить, но в этот момент Джансен сделал переворот через крыло и вираж, и они резко повисли на ремнях.

На какое-то мгновение аркууны были сбиты с толку этим неожиданным маневром. Мильнер нажал на спуск лазера, прицелившись в ближайший из двух самолетов. И во второй раз промахнулся, лишь задев конец крыла аркуунского самолета, оторвав при этом от него всего лишь

несколько дюймов. Его богохульство на сей раз не поддавалось описанию. Он отшвырнул от себя лазер.

— Кажется, они уходят, — сказал Дайльюлло.

Нервы у аркуунских летчиков, очевидно, не выдержали: самолеты стремительно уходили на восток.

— Пусть уходят, — молвил Дайльюлло.

Он развернул на коленях карту и бросил на нее косой взгляд.

— Недалеко отсюда на востоке, — сказал он, — есть город под названием Анаван. Они скоро возвратятся с подкреплением, так что у нас немного времени. Джансен, начинай прочесывание, а ты, Боллард, включай металлолокатор.

Чейн увидел, что Врея по-прежнему не отрывала от него своего пристального, изучающего взгляда.

— Вас забавляло, когда мы были в опасности, — сказала она. — Вы смеялись.

Чейн отрицательно покачал головой.

— Я просто скрывал свою нервозность, только всего.

— Не думаю, — возразила Врея. — Вы совсем не такой, как остальные. Вчера вечером, когда вы были в джунглях, этот человек (она показала на Мильнера) схватил меня. Я легко разорвала объятия и ударила его по лицу. У него совсем нет той силы, что у вас.

Чейн пожал плечами.

— Моя сила идет просто от регулярных физических упражнений и ведения правильного морального образа жизни.

Врея насмешливо посмотрела на него своими серо-зелеными глазами.

— Когда вы начали его вести — сегодня с утра пораньше?

Боллард занял место второго пилота. Впереди него находились приборы металлолокатора, а также детектор радиоактивных веществ, анализатор атмосферы и другие сложные инструменты, необходимые для того, чтобы пользоваться флайером в чужих мирах. Металлолокатор работал по принципу выбрасывания широкого пучка энергии, то есть аналогично радару, но ответный сигнал получал только от металла.

— Гарсиа говорит, что корабль Эштона относится к Четвертому классу с экипажем из восьми человек, — сказал Дайльюлло. — Отрегулируй локатор таким образом, чтобы он не отражал сигналы от предметов меньшего размера.

Боллард что-то пробормотал, согнулся, чтобы поставить на инструменте необходимую отметку, и, наконец, сказал "о'кей".

Дайльюлло кивнул Джансену, и тот лег на курс восток-запад.

— Врея, — сказал Чейн.

— Да?

— А вы ведь не хотите, чтобы мы нашли Рендла Эштона. Не так ли?

Ее глаза стали холодными.

— Почему бы я не хотела?

— Мне думается, — ответил Чейн, — потому, что в первую очередь именно вы и ваши друзья по движению "За Открытые Миры" хотели, чтобы Эштон пропал. Почему ваши люди приезжали и освобождали его для того, чтобы он отправился в дикий край на поиски Свободного Странствия?

— Я же говорила вам. Мне предложили это в обмен на оружие, которое он доставит нам позднее.

— Неубедительное объяснение. Мне думается, вы хотели, чтобы Эштон пропал, при том навсегда, потому что вы узнали: он очень богатый и очень важный человек там, на Земле. Ваши люди сообразили, что для поисков его сюда в Закрытые Миры ворвется определенная экспедиция, а именно этого-то вам и хотелось.

Ее лицо вспыхнуло от гнева, и Чейну на мгновение показалось, что она собирается его ударить.

— А теперь мне хотелось бы вам сказать кое-что о Джоне, — заявил Чейн. — Он никогда не отступает от намеченной цели. Не отступит и на сей раз. Он будет продолжать локаторные поиски корабля Эштона до тех пор, пока его не найдет. Или до тех пор, пока Хэлмер не получит донесение от тех двух самолетов, и не прибудет сюда уже теперь с целой эскадрильей, чтобы сбить нас. Он ведь не из тех, кто мешкает, правда?

— Да, это так, — с горечью признала Врея. — Он и его фанатики, поклоняющиеся старым предрассудкам и догмам, пойдут на убийство, если нужно сохранить Закрытые Миры закрытыми.

— Джансен и Мильнер довольно крепкие парни, — сказал Чейн. — Но не думаю, что они могут противостоять эскадрилье.

— Вы пытаетесь испугать меня, — обвинила она.

Чейн ухмыльнулся.

— Не думаю, дорогая, что вас можно очень легко испугать.

Но полагаю, что вы просчитались. Вы думаете, что Джон бросит поиски до того, как Хэлмер сюда прибудет. Я вам говорю, что он не бросит.

Гнев в ее глазах сменился растерянностью. Чейн добавил:

— Если вам известны какие-то сведения, которые могут избавить нас от этой беззащитной позиции, самое время их сообщить.

Она снова посмотрела на Дайльюлло, стоявшего за Боллардом, и холодный, решительный взгляд его глаз на суровом, скуластом лице, по-видимому, окончательно убедил ее.

— Хорошо, — сказала она.

Чейн обратился к Дайльюлло:

— Врея вспомнила кое-что из того, что могло бы помочь нам найти корабль.

— Ну, что ж, — сказал Дайльюлло. — Я об этом догадывался.

Чейну подумалось: хотя у Дайльюлло нет той хитрости, которой обладают Звездные Волки, но блефовать он силен.

Врея снова внимательно посмотрела на карту и затем сделала на ней отметку карандашом.

— Вот то место, где они намеревались посадить корабль. Затем на маленьком флайере они должны были начать поиск Свободного Странствия.

И Эштон отправился за своей несбыточной химерой, из-за которой его будут считать пропавшим до тех пор, пока это не превратится в большую беду для Закрытых Миров, подумал Чейн.

Дайльюлло показал карту Джансену, и вскоре флайер на максимальной скорости направился почти прямо на север.

Врея подчеркнуто отвернулась от Чейна. А он пожал плечами, закрыл глаза и заснул.

Когда он пробудился, флайер все еще тихо гудел. Большинство людей на его борту спали. Чейн понял, что прошло немало часов, так как желтый, сияющий диск Альюбейна значительно опустился к горизонту.

Он прошел вперед и бросил взгляд поверх плеча Джансена.

— Ну и места, — сказал Джансен. — Сплошные горы.

Впереди упиралась в небо колоссальная цепь темных гор. За ней можно было видеть отдельные пики других хребтов, торчавшие словно огромные клыки.

— Чертовское нагромождение, — вздохнул Джансен, — и в нем лежит долина, куда мы направляемся. Пожелай мне, Чейн, удачи.

— Удачи тебе, — сказал Чейн и отправился назад в свое кресло.

Как и другие, Врея спала, и он подумал, что самым мудрым будет дать ей поспать.

Немного спустя пробудился Дайльюлло, зевая и потягиваясь.

— Сколько еще? — спросил он у Джансена.

— Полчаса... может быть, чуть больше.

Дайльюлло полностью стряхнул с себя сон. Он прошел вперед и склонился над плечом летчика.

— Ладно, — сказал он. — Пришло время нам становиться мудрее. Надо исходить из того, что у аркуунов имеются неплохие радары. Об этом говорит то, как они засекли наш корабль в космосе.

— Стало быть?

— Стало быть изменим курс. Не пойдем к тому месту за хребтом, куда мы на самом деле направляемся. Пересеки хребет значительно западнее того места, за хребтом сбрось высоту и затем лети обратно на восток под прикрытием гор, чтобы они не засекли нас радаром.

Джансен обернулся и посмотрел на него.

— Джон, ты когда-нибудь водил один из таких аппаратов?

— Я могу вести, когда потребуется, — ответил Дайльюлло. — Профессионалом никогда не был.

— Будь рад этому, — сказал Джансен. — Не будешь слишком много волноваться, когда я буду выполнять твой приказ.

Флайер прошел над хребтом и теперь стал продвигаться вкось, в северо-западном направлении. Чейн смотрел вниз на темные, голые горные цепи. Покрытые лесом долины между ними уже стали погружаться в сумрак.

За хребтом Джансен снизил высоту и направился на восток. Это был неприятнейший участок полета: повсюду вокруг них возвышались горы, отражавшие лимонное сияние садившегося солнца. Изменение курса разбудило остальных наемников. Боллард громко посетовал на отсутствие пива. Другие выглядели сонливыми, тупыми. Чейну подумалось, как часто приходится наемникам вот так выглядеть и чувствовать.

— Вон там впереди долина, — наконец сказал Джансен.

Они приближались к району, где покрытая лесом долина уходила в горы под углом сноса на северо-восток.

— Давай, — сказал Дайльюлло Боллард, и тот снова включил металлолокатор.

Флайер прошелся под долиной на высоте не более тысячи футов от верхушек деревьев.

— Поднимись немного выше, — попросил Боллард. — На такой малой высоте я не смогу прочесать всю долину.

Джансен взмыл вверх. Не прошло и десяти минут, как Боллард воскликнул:

— Нашел!

А потом добавил:

— Кажется.

Все впились глазами вниз. Чейн видел лишь лес невероятно толстых и высоких деревьев. Но в одном месте среди темно-красного моря листвы был просвет. Это была прогалина, образовавшаяся от пожара несколько лет назад, но на ней ничего не было.

— Наверное, это здесь, — сказал Дайльюлло. — Они могли приземлиться на прогалине и затем использовали энергию корабля для того, чтобы загнать его под деревья. И это возможно, так как деревья стоят остаточно широко друг от руга, а корабль четвертого класса невелик.

И он принял быстрое решение:

— Спускай нас, Джансен.

Джансен покружил, возвратился назад и перешел на режим вертикального спуска. Флайер сел на прогалину и замер.

Они вышли из флайера и начали приглядываться в сумеречном свете к окружающей местности. Когда они были в воздухе, то сверху прогалина казалась никем не тронутой. Здесь же, внизу, Чейн моментально распознал, где совершил посадку небольшой корабль Эштона, загнанный потом под гигантские деревья. Следы, оставшиеся на почве, были замаскированы ветками и мусором, но человеку на земле они были отчетливо видны.

Дайльюлло, а за ним и все остальные отправились по замаскированным следам. Они вошли в тень деревьев. Только в одном или двух мирах

приходилось Чейну видеть такие огромные деревья. Величавопрекрасные они поднимались на сотни футов к небу и отстояли друг от друга на тысячу и более футов. Сумеречный свет под ними сгущался почти до темноты.

Далеко идти не пришлось. В каких-то сотнях футов впереди тускло отсвечивал металлический корпус.

— Надо же, как легко, — удивился Чейн результатам поиска.

— Легко только отчасти, — заметил Боллард. — Наемникам ничто легко не дается.

Спустя несколько минут Чейн убедился в правоте слов Болларда. Не доходя до корабля, Дайльюлло остановился и посмотрел под ноги чуть в стороне.

Чейн тоже туда устремил взгляд и увидел что-то белое. Кости! Человеческие кости, до блеска отполированные лесными зверями и насекомыми.

— Гарсиа, вы антрополог, — обратился Дайльюлло. — Посмотрите.

Гарсиа подошел и склонился над костями; все ждали его суждения.

— Определенно земные кости, — сказал Гарсиа. Он выглядел взволнованным. — Три землянина. Меня удивляет, что черепа двоих и руки одного совершенно оторваны от скелетов.

— Животными?

— Не думаю, — ответил Гарсиа и добавил:

— Среди нет ни Эштона, Ни Макгуна. Я знаю форму их черепов.

— Жаль, — пробормотал Боллард. — Если бы мы нашли бесспорные останки Эштона, то без дополнительных хлопот могли бы с ними спокойно отправиться домой и получить кучу денег.

Ничего не сказав, Дайльюлло повел их к кораблю. Перед кораблем он снова остановился. Перед ними лежала новая груда костей. По-видимому, они принадлежали двум людям, но были так перемешаны, что было трудно сказать с определенностью. Не только черепа, но три руки и одна нога были оторваны и лежали на некотором расстоянии от скелетов.

Чейн спокойно наблюдал, как Гарсиа исследовал останки. Он повидал очень много смертей и эта сцена не производила на него впечатления. Стоявшая же рядом Врея напряженно смотрела на кости.

Гарсиа снова отрицательно покачал головой:

— Еще два земных экземпляра, но ни Эштон, ни Макгун.

Шлюзовая дверь корабля была широко распахнута. Внутри аппарата было темно, но Дайльюлло решительно вошел туда.

Света все же оказалось достаточно, чтобы увидеть разгром. Да, это был полнейший разгром, не говоря уже о том, кругом валялись поломанные кости. Все внутри корабля было искорежено.

Каждый прибор, каждый механизм — все было вывернуто или погнуто. Словно разрушительный смерч ворвался в корабль, ломая все, кроме самых тяжелых балок.

Чейн взглянул на пол под ногами. Виднелось коричневое пятно от высохшей крови. И на этом пятне был отпечаток... отпечаток беспалой ступни. Он очень хорошо помнил, как всего лишь прошлым вечером ему пришлось повстречать такую же беспалую ступню.

Врея тоже посмотрела на пол и вздрогнула.

— Вот кто тут был, — сказал она. — Нэйны.

XI

— Отправляйся назад и принеси сюда два лазера, — отрывисто приказал Дайльюлло Чейну. — И передай Джансену, чтобы отбуксировал сюда флайер.

Ему не надо было говорить Чейну, чтобы тот поспешил. Сумерки сгущались, и Чейн помчался вприпрыжку. Он бежал, поглядывая по сторонам в полуожидании, не выскользнет ли из-за какого-нибудь могучего ствола белая фигура, но ничего не произошло. Чейну приходилось участвовать в огромном количестве схваток в стольких звездных мирах, что и запомнить трудно, но никогда он не сталкивался с чем-нибудь настолько ужасным и омерзительным, как белые человекоподобные создания, встреченные им прошлым вечером.

Он достал два портативных лазера поменьше размером и передал Джансену указание Дайльюлло. И помчался назад, снова бдительно следя по сторонам.

Дайльюлло взял один из лазеров сам, а другой передал Мильнеру.

— Подежурь снаружи люка, — сказал он Мильнеру. — Когда Джансен пригонит сюда флайер, я хочу, чтобы аппарат был все время под охраной.

Он повернулся кругом.

— Всем остальным убрать кости и обломки из корабля с тем, чтобы мы смогли здесь провести ночь. Внутри можно пользоваться карманными фонариками, но снаружи корабля — никаких огней.

Они вошли во внутрь, включив фонарики. Дайльюлло поводил лучом света вокруг, а затем по обломкам и мусору направился в коридор, уходивший в носовую часть.

— Я иду взглянуть на вахтенный журнал корабля, — сказал он. — Гарсиа, пойдемте со мной.

Чейн, Боллард, а затем и доставивший флайер Джансен занялись уборкой корабля, подвергшегося разгрому. Врея нашла и почистила чудом уцелевшее кресло на шарнирах, устроилась в нем и уныло наблюдала за работавшими мужчинами.

Они убрали кости и обломки из главного отсека и принялись за пару небольших кают. Будучи в одной из них, Джансен удивленно воскликнул.

— Эй, взгляните-ка на это!

Он поднял бутылку с бренди, чудом уцелевшую во время погрома в каюте. Со счастливым видом он открыл ее, но вмешался Боллард.

— Что? Пить на работе? Дай-ка эту бутылку!

Джансен передал находку, но начал было возражать.

— В этом спиртном мало ли что может быть, — сказал Боллард. — Я заместитель лидера, и на мне лежит ответственность сделать проверку.

Он запрокинул бутылку и сделал огромный глоток.

— О'кей, — вытер губы Боллард. — Теперь твоя очередь.

Джансен и Чейн, каждый сделали по глотку и потом закончили уборку каюты. Когда Чейн возвратился в главный отсек, было уже темно, но он смог разглядеть Врею, сидевшую к нему спиной и напряженно всматривающуюся в открытую дверь люка.

Он тихо проскользнул сзади и внезапно обхватил ее.

Врея вскрикнула, вскочила с кресла, повернулась кругом и стала быстро, гневно говорить. Забывшись, в ярости она изъяснялась на своем родном языке.

Чейн слушал ее с восхищением, и когда она замолчала, чтобы перевести дыхание, сказал на галакто:

— И все напрасно. Я ведь не знаю аркуунского языка, как вы помните.

— Могу перевести, — начала она, но он покачал головой.

— Не надо. Можно поранить мои нежные чувства.

Она посоветовала ему, что он мог бы сделать со своими нежными чувствами, и Чейн, заливаясь хохотом, вышел через люк наружу, где в темноте дежурил Мильнер.

Мильнер сказал, что пока все спокойно и Чейн отправился назад в корабль, где встретил Дайльюлло и Гарсиа, возвращавшихся с капитанского мостика и рассекавших карманными фонариками темноту.

— Что тут происходит? — спросил Дайльюлло. — Я слышал крик.

— Врея немного нервничает, — ответил Чейн. — Но можно ли порицать девушку за это.

— Говорите на галакто, когда ведете речь обо мне, — гневно сказала Врея Чейну.

— Верно, — сказал Дайльюлло, переключившись на межзвездный язык. — Это сэкономит время за счет перевода. Что это у тебя?

Последняя фраза была обращена к Джансену, пришедшему вместе с Боллардом с кормовой части.

— Бутылка с бренди, которую я спас при уборке, — сказал Джансен. — Я нес ее тебе.

— Конечно же, кто не поверит, — проворчал Дайльюлло. Он взял бутылку и предложил выпить Гарсиа, но тот отказался; тогда Дайльюлло сам сделал глоток и поставил бутылку на пол возле себя.

— Я нашел бортовой журнал, — сказал он, и Чейн увидел у него в руках толстую книгу с разодранной полиэтиленовой обложкой и выпадающими листами.

— Она не очень-то нам поможет, — продолжил Дайльюлло. — В первый же вечер своего прибытия они загнали свой корабль под деревья, чтобы скрыть его, и на следующий день Эштон, Рауль, Саттаргх и Макгун вылетели на небольшом флайере, который они привезли в грузовом отсеке. Капитан и экипаж корабля должны были остаться здесь и ждать.

— Именно так я и представлял, — сказал Боллард. — Нэйны застали врасплох экипаж и всех растерзали.

— Рауль предупредил бы их о нэйнах, — резко заявила Врея.

Дайльюлло кивнул головой.

— Возможно, он это и сделал. Но если так, то они слишком легко отнеслись к предупреждению. Кстати, как много здесь этих отвратительных созданий?

— Никто точно не знает, — ответила Врея. — Но здесь, на севере, их больше, чем где-либо в другом районе Аркуу. К западу отсюда лежит мертвый город, который в старое время был одним из крупных научных центров. В нем было создано нэйнов больше, чем где-либо. Предполагалось запрограммировать их на абсолютное послушание, но со временем медленные химические изменения в их телах, вероятно, разрушили запрограммированность. Они вырвались на свободу.

— И ваши люди так просто дали им уйти? — недоверчиво спросил Боллард. — Даже не пытались поохотиться на эти ходячие ужасы?

— Усилия такие предпринимались, — сказала Врея. — Но в лесу нэйны были поистине неуловимы. К тому времени город умирал, людей оставалось мало; на Аркуу воцарился упадок.

С горечью она добавила:

— И с тех пор, как наши миры были закрыты, упадок продолжается.

— Это подводит нас к главному пункту, — сказал Дайльюлло. — Вы и этот парень Рауль принадлежите к движению "За Открытые Миры". Вас двоих выделили для связи с группой Эштона, поскольку вы знаете галакто?

— Верно, — подтвердила Врея.

— Обещали ли вы и Рауль показать Эштону дорогу к Свободному Странствию?

— Нет! — вскричала Врея. — Мы помогли ему бежать с тем, чтобы он сам занялся поисками. Мы лишь знали регион, где, как утверждают

легенды, было Свободное Странствие. Это Макгун сказал, что знает, как найти точное место.

Дайльюлло взглянул на Гарсиа:

— Как Макгун мог найти эту вещь, когда даже аркууны не знают ее местонахождения?

Гарсиа объяснил:

— Макгун приехал торговцем на Аркуу год назад. На самом же деле он пытался выведать секрет Закрытых Миров. Притворившись, будто его корабль вышел из строя, он повсюду слонялся. Наконец, он встретил одного аркууна, обладавшего старинным документом о Свободном Странствии. В документе не говорилось, где оно находится, но довольно подробно сообщалось о его концепции. Свободное Странствие характеризовалось как сила, способная отделять от тела разум в его электроцеребральнографической модели и затем посылать отделенный разум, по-прежнему сознающий реальность и подчиняющийся, в любое место, куда он пожелает, с невероятной скоростью.

— О, ради бога, — громко захохотал Боллард и потянулся к бутылке с бренди.

Гарсиа упрямо продолжал:

— Знаю, что это звучит неправдоподобно. Но Макгун тайно приобрел за огромную цену этот документ и привез его Рендлу Эштону. Тот проконсультировался с физиками и психологами. Они заявили, что концепция, как она описана в научном виде, выглядит вполне разумной.

— Но все это пока не проясняет, как Макгун собирался найти эту штуку, — сказал Дайльюлло.

— Рауль и Врея сказали нам о регионе, согласно легенде. Эштон рассчитывал отыскать Свободное Странствие методом, напоминающим радиокомпас, то есть проявлением чувствительности к радиации на диапазонах волн, указанных в старинном аркуунском документе.

Дайльюлло нахмурился:

— И ради столь сомнительного шанса заставить Эштона ехать сюда?

— А знаете что? — сказал Боллард. — Я невысокого мнения об этом Эштоне. Он заманивает четырех человек в свою глупую экспедицию в Закрытые Миры, бросает одного из них умирать в Яре, сам отправляется в погоню за легендой, потом здесь оставляет на растерзание восемь человек экипажа, а сам следует дальше за своей призрачной мечтой.

— Нам платят не за то, чтобы мы любили Эштона, а за то, чтобы мы нашли его, — напомнил ему Дайльюлло.

— И как же мы найдем? — спросил Боллард.

— А найдем, делая то, что он делал — надо обнаружить радиацию, излучаемую Свободным Странствием, и двигаться в сторону этой радиации. У тебя же есть радиационный детектор.

Боллард спросил у Гарсиа:

— Какая длина волны этой радиации?

Гарсиа с виноватым видом ответил:

— Не знаю. Извините, это не по моей части. Детектором занимался Саттаргх. Помнится, что он говорил, что эта радиация по длине волны несколько короче даже гамма-лучей.

Боллард проворчал:

— И с такими замечательными, точными научными данными мне надо работать.

— А ты разве не сможешь расширить вниз шкалу чувствительности нашего детектора? — спросил Дайльюлло.

— Могу попробовать. Но, конечно, не сейчас. Я совершенно измотан.

Дайльюлло встал и устало потянулся:

— Мы все измотаны. Еще тот был денек! Джансен, иди смени Мильнера на дежурстве.

Чейн, спавший на полу основного отсека, проснулся среди ночи. Было совершенно темно, но он мог слышать чье-то дыхание и осторожные движения.

Он улыбнулся. Врее была отведена одна из кают, но она покинула ее и устраивалась прилечь около него. Разве можно было ее винить за боязнь оставаться одной. С наступлением утра Боллард на протяжении нескольких часов возился с детектором, вмонтированным в панель управления. Для всех остальных ничего не оставалось другого, как просто ждать. Мильнер громко ворчал, заявив, что это место дьявольское, и он будет рад отсюда убраться. Никто не думал ему возражать. Люди сидели с лазерами на коленях и следили за деревьями.

Наконец раздался голос Болларда:

— Подвесил снова на место.

Дайльюлло подошел и сел рядом с Боллардом в пилотское кресло, другие же уставились на панель через его плечи сзади. Чейн видел, как по размеченной делениями сетке детектора устойчиво поплыли ровные светлые линии.

Боллард нажал специальную кнопку на панели управления, заставив небольшой сенсор с чувствительным элементом, установленным снаружи фюзеляжа флайера, сделать полный оборот для обозрения местности. Все с затаенным вниманием ждали изменений в показаниях детектора, но они по-прежнему оставались ровными, без нарушений.

— Ничего нет, — произнес Боллард.

— Если источник радиации находится за этими горами, — сказал Дайльюлло, — мы не сможем его отсюда обнаружить. Необходимо подняться над горами.

Боллард кивнул головой:

— Я опасался, что ты это предположишь. Но я предпочел бы пойти на риск встречи с самолетами Хэлмера, чем с блуждающими в лесу чудовищами.

Джансен занял кресло пилота. Надо было бы сначала проверить радаром небо, но у них не было этой возможности, так огромные деревья вокруг прогалины закрывали обзор, оставляя лишь пространство прямо над головой. Нужно было идти на риск.

Джансен вырулил флайер на прогалину. На режиме вертикального взлета он выскочил из леса. Напряженно всматриваясь глазами и используя радар, они обозрели небо, но никаких самолетов не обнаружили.

Тогда они стали дальше подниматься, пока не оказались над самыми высокими горами. В то время, как флайер кружил, Боллард снова попробовал детектор. Но реакции не было.

— Я же говорил, что все это очень неточно, — ворчал Боллард, начав поворачивать сенсор. — Наверное, Эштон сам лично нашел и...

Неожиданно он замолчал. Заглянув через его плечо, Чейн увидел, что на сетке детектора уже не было плавных ровных светлых линий. Внезапно резкой петлей они взметнулись вверх, неистово задрожали, словно под воздействием мощного пульсара вдали.

— Ей богу, — воскликнул Дайльюлло. — Мы, кажется, заимели адрес!

— Мы еще кое-что заимели, — вмешался Мильнер. — Заимели провожатых. Много провожатых.

И он показал назад через окно на самолеты, быстро следовавшие за флайером.

XII

Чейн оглянулся назад и увидел приближавшиеся легкие самолеты аркуунов. Их было пять.

— Радар у Хэлмера, возможно, не так хорош, как наш, но, по-видимому, справляется со своей задачей, — заметил он.

— Прибавь скорость, Джансен, — сказал Дайльюлло. — Направление, которое указал сенсор, составляет по воображаемому часовому циферблату десять часов.

Флайер рванулся вперед. Он начал отрываться от преследователей.

Чейн посмотрел на Дайльюлло:

— Понимаете, если это дорога к Эштону и его группе, то выходит, что мы ведем Хэлмера прямо к ним.

— А что еще нам остается делать? — спросил Дайльюлло. — Мы, конечно, можем делать по всему небу обманные маневры, но их радар все равно найдет нас. Сделать посадку, спрятаться — ничего это не даст. Для нас предпочтительнее продолжать идти по курсу, проверить,

действительно ли эта дорога к Эштону, а об остальном позаботиться позднее.

В сущности Дайльюлло обращался ко всем, и не согласных с ним не оказалось. Чейн засмеялся и чуть было не сказал:

— Ты начинаешь мыслить категориями Звездного Волка!

Горы появились быстро. Флайер шел высоко, но оказалось, что не очень высоко над вершинами гор. Склоны гор вверху совершенно не имели растительности, состояли лишь из камней и осыпи. Под топазным солнцем горные цепи выглядели крайне неприветливыми, не лучше предстали и глубокие долины между ними, заполненные лесом.

Флайер трясло и подбрасывало по мере того, как Джансен боролся с мощными воздушными потоками. Он поднялся выше и флайер повел себя немного спокойнее над этой беспорядочно взъерошенной, искореженной местностью.

Самолеты, преследовавшие их отстали; хотя и не намного флайер опережал их в скорости. У Чейна не было ни малейшего сомнения в том, что Хэлмер будет их преследовать до тех пор, пока они будут у него на экране радара.

Чем дальше они летели, тем еще суровее становились горы. По сравнению с ними, подумал Чейн, горные цепи Варны кажутся маленькими.— Варна — тяжелая планета, и ее гравитация оказала влияние на диастрофизм. Но здесь давным-давно процесс горообразования проходил в гигантских масштабах.

Хуже было то, что горные цепи шли не изящными параллельными рядами, а беспорядочно, вперемежку, крест-накрест, каждая своим путем. Этот район Аркуу выглядел словно игровая площадка детей-колоссов, которые оставили ее после игры неубранной.

— Я понимаю, почему здесь можно спрятать что угодно на долгое Врея, — произнес Чейн.

— Даже нэйны не приходят в эти горы, — в подтверждение добавила Врея.

Когда преследователи пропали из виду, а флайер был, по-видимому, над наиболее беспорядочным районом гор, раздался резкий голос Болларда:

— Джон, взгляни на эту сетку. Мне она не нравится.

Чейн видел, что петли на сетке радиационного детектора дико прыгали, готовые вырваться наружу.

— Нам неизвестно, что находится впереди, но чем бы оно ни было, мы, черт бы его побрал, опасно приближаемся к цели: эта штука дьявольски мощная.

— Отверни немного, Джансен. На тридцать градусов, — скомандовал Дайльюлло.

Флайер вошел в вираж. Боллард не спускал глаз с детектора. Петли начали вскоре уменьшаться в размере. Боллард покрутил сенсорным

устройством. Когда он направил его на северо-запад вместо севера, петли опять стали плясать.

— Вот как, — сказал Дайльюлло. — Пока мы не попали в настоящую переделку, *сделаем широкий вираж вокруг.*

Джансен перешел на широкий вираж. Боллард продолжал измерять угол сенсора. Наконец, когда они завершили круг в двадцать миль диаметром, Боллард сказал:

— Где-то в том районе. — Он показал на высокую, темную гору, похожую по форме на приплюснутый конус. — Более точные координаты я не могу определить.

— Хорошо, мы двинемся в этом направлении и увидим, что телескоп нам скажет, — заявил Дайльюлло.

— Не думаю, что у нас достаточно времени для столь изысканной рекогносцировки, — вмешался Чейн и показал на юг, где им навстречу через горы шли пять сверкавших на солнце самолета.

Дайльюлло выругался. Но Чейн восхитился, как он затем хладнокровно и расчетливо поступил. Дайльюлло взглянул снова на самолеты, прикинул расстояние до них, подошел к телескопу, развернул его и нацелил на конусообразную гору.

Джансен тревожно оглянулся на него:

— Джон, мне не удастся сманеврировать на этот раз, ведь пять самолетов.

— *Направляйся быстро к подножию этой горы,* — распорядился Дайльюлло. — Весь этот район покрыт камнями и осыпью. Самолеты Хэлмера не смогут приземлиться поблизости, а ты сможешь нас посадить на вертикальном режиме.

— Меня очень трогает твоя вера в мои способности, — сказал Джансен, — но однажды она нас всех погубит. Ладно.

Он направил самолет в длинный стремительный спуск по косой траектории. Аркуунские самолеты быстро приближались. Однако у них пока была еще недостаточная дистанция для пуска реактивных снарядов. Чейн понимал, что вот-вот они выйдут на эту дистанцию.

Джансен замедлил скорость и перешел на вертикальный спуск. Конусообразная гора висела теперь над ними подобно грозовому облаку, сильные ветры вокруг нее раскачивали и трясли опускавшийся флайер. Чейн увидел внизу скопление обломков горной породы, огромные камни и всего лишь несколько мест, едва возможных для посадки. Оставалось только надеяться, что Джансен окажется таким хорошим пилотом, каким представлял его себе Дайльюлло.

Таким он и оказался. Он посадил флайер рядом с высоким валуном на плоский участок голой скалы, площадь которого была не больше обычного дома.

— Быстро всем из флайера, взять лазеры и пакеты с неприкосновенным запасом, — прокричал Дайльюлло. — Через минуту они будут над нашими головами.

Схватив оружие и пакеты, они пулей выскочили из флайера. Когда они бежали, в небе уже стоял рев самолетов. Дайльюлло увлек всех за собой к более крупному валуну, находившемуся в сотне ярдов.

— Вполне можно было остаться, за первым валуном такое же укрытие! — тяжело дыша, причитал Боллард, ненавидевший бег.

— Я хочу отвлечь их огонь от флайера, который нам еще понадобится, — коротко ответил Дайльюлло.

Легко бежавший Чейн взял Врею за руку, чтобы помочь, но девушка со злостью выдернула ее.

— Я не нуждаюсь в помощи!

— Твое дело, — ответил Чейн, любуясь ее быстрыми золотистыми ногами.

Едва все успели укрыться за валуном, как вокруг начали рваться реактивные снаряды. В их лица полетели пыль и осколки камней от оглушающих взрывов.

Самолеты ревели вверху над головами, направляясь в сторону гор. Но они уже начинали разворачиваться для обратного захода.

— Скоро они будут снова здесь, — крикнул Дайльюлло. — Переходите на другую сторону валуна.

Он зло добавил:

— Ты что оглох, Чейн? Двигайся!

Чейн восхищенно глазел на пять самолетов. Два из них находившиеся в конце боевого порядка, прошли прямо над вершиной конусообразной горы.

Три других обошли гору стороной и начали пикирование, чтобы пониже подойти к наемникам. Но первые два самолета вели себя более, чем странно. Они выбились из строя, словно потеряв управление, повернулись носами вниз и вошли в рыскающее самоубийственное пике, закончившееся гибелью на скалах неподалеку.

— Какого дьявола? — начал было Дайльюлло и вдруг крикнул.

— Прыгайте!

Едва они успели переметнуться на другую сторону валуна, как опустились снаряды. На сей раз один из снарядов упал прямо в ту сторону камня, где еще только стояли наемники; валун приподнялся, словно готовый разорваться на куски.

Но камень опустился на место, заставив их поволноваться. Они пришли в себя после того, как самолеты с ревом удалились.

— Что погубило те два самолета? — спросил Мильнер. — Мы их, я уверен, не сбивали.

— Мне хорошо был виден перед падением тот, что разбился ближе к нам, — сказал Чейн. — Еще до того, как он врезался в землю, люди, сидевшие в нем, по-моему, были мертвы, их головы висели.

— И это были именно те два самолета, которые прошли как раз над вершиной горы, — подчеркнул Дайльюлло, глядя на огромную, темную коническую массу. Он нахмурился и задумался. Затем спросил:

— Чейн, ты сможешь поработать с детектором во флайере?

Чейн кивнул.

— Тогда быстро туда и проверь снова радиацию, — сказал Дайльюлло. — Хочу узнать, не от этой ли горы исходит радиация.

— А я на что? — возмутился Боллард. — Я же здесь самый опытный специалист по приборам.

— Но ты вдобавок еще самый известный любитель пива и тучный человек, а Чейн сбегает в два раза быстрее, — парировал Дайльюлло.— Ответил я на твой вопрос?

Чейн усмехнулся и отправился в путь. Когда он зашел за валун и оказался вне видимости оставшихся, то понесся со скоростью Звездного Волка, перепрыгивая, словно пантера через разбитые камни.

Он вновь и вновь подумал, что Дайльюлло нагружает его рискованными грязными поручениями, потому что знает: Чейн имеет силу и скорость варновца. Беда состоит в том, что он не может открыто использовать свои преимущества, не вызывая у других подозрения в своем варновском происхождении, и это ставит его в довольно трудные ситуации.

Он бежал, то и дело оглядываясь на восток, откуда могли снова появиться аркуунские самолеты и с ревом броситься на наемников. Но три самолета ходили по кругу, не проявляя желания к новой атаке.

Чейн мог это понять. Хэлмер — если он не оказался одним из погибших летчиков — будет безусловно проявлять теперь осторожность, чтобы не приблизиться к горе.

Чейн нырнул во флайер и влез в кабину. Он включил детектор, затем стал вращать сенсор.

Когда сенсор направлялся на конусообразную гору, детектор, казалось, выходил из себя. Световые сигналы на индикаторе уровня радиации неистово скручивались, словно сетка экрана была для них тесна, чтобы показать то, что с ними происходило.

Чейн дважды сделал полное вращение сенсора, и оба раза наблюдалась одинаковая картина. Он выключил детектор и выпрыгнул из флайера.

Он посмотрел на восток и удивился: три аркуунских самолета уходили прочь. Когда он достиг валуна, наемники уже вышли из укрытия. Они тоже видели, что самолеты уходят.

С притворной одышкой Чейн спросил:

— Вы думаете, что они перепугались?

— Хотел бы, чтобы перепугались, — ответил Дайльюлло. — Когда мы сюда летели, я приметил равнинный участок в нескольких милях к востоку отсюда, вполне достаточный для посадки самолетов. Думаю, что они возвратятся сюда на ногах. У нас не так много времени.

Чейн рассказал ему о поведении детектора. Лошадиное лицо Дайльюлло вытянулось еще больше, когда он взглянул наверх, на громадину конусообразной горы.

— Чем бы ни был источник радиации, он находится на горе, — сказал он.— Должен быть там. Если бы он был дальше, то сама гора стала бы препятствием для детектора.

— Стало быть вот куда отправился Эштон? — сказал Боллард. - Там, надо полагать Свободное Странствие?

— Будем надеяться.

Боллард покачал головой.

— Можно рехнуться. С одной стороны, свихнувшийся мультимиллионер прибывает в эту дыру, гоняясь за мифом о Свободном Странствии. С другой — эти аркууны на двух самолетах падают мертвыми с неба ни за что, ни про что.

— А, может быть, они не были мертвыми, — сказала Врея.

Чейн посмотрел на нее:

— Я видел их, Врея. Я видел их, когда они падали.

— Может быть, их разум был отделен от их плоти, — сказала она.— В этом, полагают, и состоит суть Свободного Странствия. Может быть поэтому они и упали.

XIII

На ветру в темноте на выступе утеса, пройдя уже треть пути на горе, Чейн пристально всматривался вниз вместе с Дайльюлло и Боллардом.

— Пока нет, — сказал он. — Может быть, будут ждать рассвета.

— Не будут, — возразил Дайльюлло. — Я повидал немало людей, и эти аркууны — одни из наиболее настырных. К тому же через несколько минут появится одна из лун.

Они продолжали смотреть и слушать, поглядывая вниз на узкую, извилистую тропу, по которой поднимались. Вскоре на горизонте появилось слабое мерцание света и ближайшая из двух серебристо-розовых лун выплыла на небо.

Они поднялись сюда как раз к наступлению ночи. Внизу перед тем, как выступить, у них было мало времени и им пришлось крепко потрудиться. С заходом Альюбейна шла бешеная работа по выгрузке из флайера всего, что могло понадобиться.

Уже темнело, когда Мильнер и Джансен возвратились с разведки местности. Мильнер нашел то, что они искали — неподалеку укромный уголок из высоких скал, куда можно было бы запрятать флайер с надеждой, что его слишком легко не обнаружат.

В сумерках Джансен проявил мастерство пилотирования: он поднял флайер всего лишь на несколько ярдов, прошел на бреющем полете и

опустил его среди скал, прикрывавших этот уголок. После того, как Джансен возвратился бегом, наемники с грузом на плечах начали подъем на гору.

Тропа была найдена почти сразу. Она выглядела так, словно была вытерта ногами целых поколений людей; петляя из стороны в сторону среди нависших скал и утесов, она упорно поднималась по крутому склону. Они достигли этого уступа утеса к наступлению полной темноты и здесь остановились. Оставив других членов группы дальше, впереди на уступе, дожевывать еду, Чейн, Боллард и Дайльюлло с лазерами в руках спустились назад понаблюдать за тропой.

— Ты что-нибудь слышишь? — обратился к Чейну Боллард. — Я заметил, что у тебя острый слух.

— Ничего не слышно, — ответил Чейн.

На небе появилась вторая луна в своей вечной погоне за первой, и тускло серебристый свет стал сильнее.

Чейн видел, как Дайльюлло пристально вглядывался вниз, и его суровое лицо от лунного света сделалось еще суровее.

— *Они там, внизу,* — *сказал он.* — *Рано или поздно они попытаются.* Дай бог нам пережить эту ночь.

— Вам-то чего волноваться, — ухмыльнулся Чейн. — У вас нет ни жены, ни детей, о которых надо беспокоиться.

— Это верно. Нет, — глухо сказал Дайльюлло. — Ладно, пойду взглянуть чуть повыше. Через три часа вас сменят Дальнер и Мильнер.

Дайльюлло повернулся и пошел назад вверх по тропе. Боллард смотрел ему вслед, наблюдая за освещенной серебристым светом, удаляющейся фигурой.

Как только Дайльюлло исчез из виду, Боллард крайне удивил Чейна. Он развернулся и со всей силой ударил его по лицу.

Хотя Боллард выглядел глуповато-сентиментальным толстяком, но он был сильным. Чейн отлетел назад, к валуну, торчавшему вдоль тропы. Боллард подскочил и схватил его за воротник.

Это был уже не круглолицый весельчак. Боллард провел в наемниках много лет, которые не прошли бесследно, сделали его человеком железной воли, и вот теперь эта воля взирала с освещенного лунным светом лица прямо на Чейна.

— Если ты когда-нибудь снова скажешь подобную вещь, — сказал Боллард, подняв кулак, — я убью тебя, Чейн.

Чейн был настолько обескуражен, что даже не выставил своих рук для защиты.

— Какую вещь... — начал он.

— Ты хочешь сказать, что ничего не знаешь? — опустил Боллард кулак. — Джон тебе никогда не говорил?

— О чем? — спросил Чейн.

— Ты заикнулся о том, что у Джона нет ни жены, ни детей, — сказал Боллард. — А ведь когда-то, много лет назад, он их имел. Прек-

расную жену, мальчика и девочку. Он возвратился вместе со мной из командировки на Спику, что в созвездии Дева, и узнал, что в его доме произошел пожар и все трое погибли.

Боллард опустил взгляд на освещенный луной каменистый склон:

— Помнится после похорон мы с Джоном пошли на место, где стоял его дом, и смотрели на пепел. Он, то и дело, говорил мне: "Бессмыслица: человек летает к звездам, а здесь теряет полностью свою семью в какомто дурацком паршивом пожаре. Полная бессмыслица".

Чейн молчал. Потом сказал: "Я скоро вернусь" и бросился вверх по тропе.

Дайльюлло стоял у перекрестка тропы и выступа на скале, вглядываясь и прислушиваясь с лазером, блестевшим от лунного света.

— Джон, — сказал Чейн, — я не знал. Прости...

— О, всемогущий бог, — ответил Дайльюлло. — Теперь уже для меня нет ничего неуслышанного. Звездный Волк приносит извинения. Никто во всей Галактике не поверит этому.

Затем он сменил тему и проворчал:

— Возвращайся назад туда, где положено быть сейчас. И забудь про этот эпизод, Чейн. Ты не мог знать.

Чейн ничего не ответил, повернулся и пошел назад.

Пришлось прождать более двух часов прежде, чем послышались звуки. Звуки шагов по камням и осыпи, шагов, стремящихся быть тихими, но оказавшихся все же слышными.

— Приближаются, — тихо сказал Боллард. — Но мы не сможем их увидеть и применить лазеры, пока они не окажутся прямо перед нами. А это будет убийством. В полном смысле этого слова.

— Ты продолжай следить, — предложил Чейн, — а я попробую им немножко помешать.

Он положил на землю лазер, подошел к валуну около тропы и наклонился над ним. Камень сидел крепко. Он вложил в руки и ноги всю свою силу, которую дала ему Варна, и стал толкать камень.

Камень чуть-чуть подался. Чейн еще подналег, и неожиданно камень вышел из почвы, опрокинулся и покатился. Он летел вниз по освещенному луной склону с громким шумом, наталкиваясь на другие камни, подпрыгивая и создавая полный переполох.

До наемников донеслись снизу приглушенные человеческие вскрики и быстрый топот ног, а потом все замерло, кроме удаляющихся глухих ударов мчавшегося все быстрее вниз, в долину огромного камня.

Чейн поднял свой лазер.

— Не думаю, чтобы он задел кого-нибудь из них. Он катился в стороне от тропы. Но думаю, что это заставит их принять решение подождать до рассвета с преследованием.

Боллард уставился на него с разинутым от удивления ртом:

— Как же тебе удалось сдвинуть камень такого размера?

— Да он еле держался на склоне, — солгал Чейн. — Я почувствовал, как он покачнулся, когда ты меня швырнул на него.

К ним спустился Дайльюлло и тоже стал прислушиваться. Снизу больше не доносилось каких-либо настораживающих звуков.

— Будут ждать рассвета, — сделал вывод Дайльюлло. — А это значит, что нам лучше начать движение задолго до восхода солнца.

Вскоре сменить Чейна спустился Джансен.

— Что это торчит у тебя под комбинезоном? — поинтересовался у него Дайльюлло.

Неохотно Джансен вытащил бутылку, наполовину наполненную бренди:

— Думаю, дай захвачу на всякий случай.

— Правильно думал, Джансен, — сказал Дайльюлло. — Можешь отхлебнуть за это немного.

Лицо Джансена просветлело в лунных лучах.

— Когда закончишь свое дежурство, — добавил Дайльюлло, забрал бутылку и отправился вверх по тропе.

Чейн пошел вслед за ним до выступа на скале. Мильнер спал. Гарсиа не было видно. Врея сидела и смотрела на небо, по которому величественно шествовали теперь уже две луны на фоне сверкающих звезд Рукава Персея. Чейн подошел к девушке и сел рядом.

— Так много звезд, — тихо сказала она, гневно добавив, — а мы не можем полететь к ним, должны быть вечно прикованы к нашим маленьким мирам.

Она опустила глаза и взглянула на Чейна.

— А вам на многих из них приходилось бывать?

— Не в этом созвездии, — ответил Чейн. — Но на многих других звездах... бывал.

Она схватила его руку.

— Чейн, я думаю, что Свободное Странствие находится здесь. Очень близко от нас. Это ворота к звездам.

Он недоверчиво уставился на нее.

— Неужели ты действительно считаешь, что человеческий разум может покинуть тело и отправиться в странствие к звездам?

— Да, я так считаю, — сказала она. На ее красивом, с правильными чертами лице сиял восторг. — О чем я всегда мечтала, так это о свободе в масштабах вселенной. И теперь эта свобода близка... очень близка.

Она снова подняла глаза к сверкавшему на головой ночному небосводу. Неожиданно Чейна пронзило странное, ясное осознание того, что убежденность Врои может быть подтвердится действительностью.

Послышался звук бегущих ног, Чейн схватил лазер и быстро вскочил. Но это оказался Гарсиа, возвращавшийся с отдаленной части выступа скалы.

— Я нашел кое-что, — сказал он. — Не далее чем в сотне ярдов отсюда. Какой-то проход...

Дайльюлло поднялся и вместе с Чейном последовал за Гарсиа. Они прошли к месту, где как раз над выступом скалы навис утес. Лунного света было достаточно, чтобы всем увидеть темное отверстие тоннеля, уходящего вглубь горы.

— Никаких ручных фонарей, пока не войдем поглубже внутрь, — сказал Дайльюлло.

Они вошли и начали осторожно двигаться в кромешной темноте. Поверхность под их ногами оказалась совершенно ровной и гладкой. Спустя два десятка шагов Дайльюлло включил свой ручной фонарь.

Чейн удивленно оглянулся вокруг. Они стояли внутри огромного, сделанного людьми тоннеля, покрытого мягко блестевшим металлом. В разрезе он напоминал квадрат поперечником не менее двадцати футов с аркой наверху.

Тоннель шел, насколько они могли видеть, к центру горы.

— Какой-то вид старого акведука? — озадаченно сказал Гарсиа.

— Нет, — возразил Дайльюлло. — Я полагаю, что это дорога к чему-то.

Да, подумал Чейн. Дорога к чему-то. К Свободному Странствию?

Он отмахнулся от этой мысли. Слова Вреи возвращали его к мысли, что старые невероятные мифы могут оказаться реальностью.

— Может быть это просто тупик?

Чейн отрицательно покачал головой:

— Чувствуется же сильный сквозняк, идущий из тоннеля. Тоннель где-то открывается.

— Идем вовнутрь, — принял решение Дайльюлло. — Возможно, Эштон шел этим же путем. Ну и в худшем случае, намного легче защищаться в тоннеле, нежели на горном уступе. Чейн, иди за остальными и веди их сюда. Со всем нашим снаряжением.

Когда наемники пришли вслед за Чейном, Дайльюлло не дал им времени глазеть по сторонам. Он сразу же повел всех по прямому тоннелю вглубь, с ним рядом шел Боллард, и оба они освещали дорогу лучами ручных фонарей.

Рассматривать совершенно было нечего. В огромной металлической трубе раздавалось эхо от их шагов, оно звучало то впереди, то сзади, так что в ушах стояла неразбериха. Чейн дважды останавливался под впечатлением, что кто-то следует сзади, и включал фонарь для проверки.

А тоннель все не кончался. Они двигались по прямой, словно стрела, вглубь сердца горы. И по-прежнему в их лица дул прохладный ветерок.

Ветерок этот стал сильнее. Изменилось и эхо впереди.

— Остановимся, — сказал Дайльюлло.

Тоннель впереди переходил в обширное, слабо освещенное пространство.

— Теперь надо быть осторожнее, — сказал Дайльюлло. — Помните, что случилось с экипажами тех двух самолетов. Я проверю.

Медленно Дайльюлло двинулся вперед и потом остановился, словно на краю пропасти. Было вино, как он, озираясь, крутил головой то туда, то сюда.

Чейну показалось, что прошло много времени, прежде чем Дайльюлло повернулся к ним и жестом показал продолжать путь. Медленно они стали двигаться вперед.

Когда Чейн стоял в конце тоннеля, его первым впечатлением было, что тоннель открывал стену, а не дно огромного колодца.

Не было никакого сомнения в том, что этот колоссальный шахтный ствол — творение человеческих рук, поскольку был облицован тем же самым мягко блестевшим металлом, что и тоннель. Он был не менее тысячи футов в диаметре, а высотой уходил к вершине горы, открываясь к небу. На его металлических стенах отражался попадавший сверху косой лунный свет.

Вокруг колодца шел широкий борт вровень с тоннелем, в конце которого они стояли. Они прошли к борту, поднялись на него и глянули вниз. Там далеко в глубине был выложен пол гигантского шахтного ствола. Его можно было отчетливо видеть, поскольку он освещался из другого источника, чем луна.

Свет шел из круга диаметром около сотни футов, находящегося точно в центре пола гигантского шахтного ствола. Круг был не гладким, а состоял из бесчисленного количества граненых ячеек, излучавших холодный голубой свет.

— Посмотри туда, — показал рукой Боллард.

Чейн увидел теперь то, чего не заметил при первом ошарашивающем впечатлении, которое произвело на него это место.

С четырех равноудаленных мест вокруг борта широкие дорожки из массивного металла вели в колодец. Они шли к круглой платформе, которая выглядела стеклянной, имела точно такой же размер, как голубовато-светящийся круг внизу, на полу, и располагалась точно над ним.

На стеклянной плите неподвижно лежали три человека. На одном из них была аркуунская одежда, на двух других — комбинезоны.

Дайльюлло настроил свой фонарь на фокус и направил длинный узкий пучок света на одного из последних двух, лежавшего лицом кверху.

— Эштон! — вскричал Гарсиа. — Он мертв!

Из-за теневой части борта, откуда-то из глубины колодца раздался глухой голос:

— Нет, он не мертв. Не мертв, а ушел. Ушел в Свободное Странствие.

XIV

— Макгун! — воскликнул Гарсиа, и из тени появилась фигура.

— Гарсиа, — произнесла фигура. — А кто эти?

Гарсиа стал невнятно объяснять. Пока он это делал, Дайльюлло пытливо рассматривал Джевита Макгуна.

Коренастый, среднего возраста человек в данный момент выглядел старше своих лет. Его сплюснутое, морщинистое лицо источало жалость к самому себе, а темные глаза с красными кругами, казалось, вот-вот брызнут слезами.

— Вы не знаете, Гарсиа, что мне пришлось испытать. Никто из вас... — начал он.

В это время прозвучал резкий, словно удар хлыста, голос Дайльюлло:

— Чейн! Ты и Мильнер отправляйтесь наблюдать за тоннелем.

Чейн понимающе кивнул и вместе с Мильнером отправился к тому месту, где тоннель выходил к борту колодца. Но отсюда он мог видеть и слышать Макгуна.

Макгун почти плакал.

— Миллиард долларов. Возможно много миллиардов. Прямо здесь, за то, что увезет отсюда. А Эштон...

— Что с Эштоном? — спросил Гарсиа. — Вы сказали, что он отправился в Свободное Странствие. А что с Сатаргхом?

Макгун показал рукой на стеклянную платформу, висевшую над шахтой.

— Вот они. И Рауль тоже. Им надо было испытать Свободное Странствие. Они не могли довольствоваться лишь открытием и продажей секрета. Миллиарды! Нет, они должны были испытать это...

Снова прозвучал резкий, как удар хлыста, голос Дайльюлло:

— Хватит выть. Что точно произошло?

Макгун вытер кулаками слезы.

— Не давите на меня. И так уже на меня слишком много давили. Совершенно один здесь, на протяжении недель и недель. Они возвращались назад в свои тела, и я умолял их, упрашивал, но они даже не слушали меня. Поедят, попьют, поглазеют на меня и снова отправляются туда же.

— Возвращались в свои тела? — вскричал Боллард. — Что вы нам мозги пудрите?

— Вы не верите? — хмуро посмотрел на него Макгун. — Пройдите на эту решетку и убедитесь. Я попробовал — это было ужасно. Я возвратился вовремя в свое тело и не стал бы снова испытывать судьбу. Но Эштон и другие продолжают это непрерывно делать.

— Ничего себе чудеса, — ухмыльнулся Боллард и, обратившись к Дайльюлло, сказал:

— Джон, если там действительно тело Эштона, то ведь оно нам нужно для того, чтобы его отправить назад на Землю для опознания. Я пойду и возьму его.

— Подожди пока, — возразил Дайльюлло. — Давай немного подождем прежде, чем сделать какую-нибудь глупость.

— Да пусть он идет, — с перекошенным от негодования лицом сказал Макгун. — Он же дьявольски готов назвать меня лжецом. Дайте ему самому попробовать.

— Где находится флайер, на котором вы прибыли сюда?— сменил тему Дайльюлло.

Макгун показал жестом:

— Внизу, у той стороны горы. Но без Эштона ничего не получится. Знаете, когда я пригрозил, что возьму флайер и улечу, если они не прекратят Свободное Странствие, Эштон снял ряд небольших деталей и спрятал. Без них флайер не полетит.

Чейн, сидевший с лазером на коленях у самого выхода из тоннеля, бросил взгляд на Врею. Она не принимала участия в разговоре. Но она стояла там с горевшими от волнения глазами, уставившись на стеклянный круг, на котором лежали три человека.

Ее взгляд, подумалось Чейну, подобен взгляду узника, который после долгих лет надежды и отчаяния, наконец, увидел ворота тюрьмы открытыми, зовущими на свободу. Он задумался: возможно, Макгун рассказывает правду? Может быть, те люди, что на стеклянном кругу, вовсе не мертвы, а отправили по собственному желанию свой разум путешествовать по всей Вселенной?

Чейна передернуло от этих мыслей. Все это не по нему. Он был Звездным Волком, свободным рейнджером и налетчиком, однако физически. Все в его варновском воспитании восставало против такого понятия, как использование разума для скитаний без тела.

Неожиданно Чейн вспомнил. Уж не это ли Свободное Странствие обнаружили варновцы во время своего давнего рейда на Закрытые Миры? Не показалась ли им эта идея столь отталкивающей, как ему, чтобы ее отвергнуть? Не потому ли было запрещено Звездным Волкам впредь посещать Альюбейн?

— Уверяю вас, что это правда, — говорил высоким всхлипывающим голосом Макгун. — Послушайте, не надо верить мне на слово. Просто выйдите на эту решетку и увидите, что с вами случится.

Чейн заметил, что Боллард был по-прежнему скептически настроен, но у Дайльюлло на лице не было чрезмерной уверенности.

— Вы утверждаете, что эта вещь может взять человеческий разум, отделив его от тела... — начал он.

— Может! — вскричал Макгун. Он показал вниз на пол гигантского шахтного ствола, где центральный круг светился холодным голубым

огнем. — Вот то, что внизу. Оно выделяет энергию прямо вверх. Столб совершенно невидимой энергии. А стекловидная решетка здесь пропускает через себя эту энергию.

И если это так, размышлял Чейн, то энергия эта, устремляясь прямо вверх, в небо, ударила по тем двум аркуунским самолетам, вызвав их гибель.

— Гарсиа, ну ты скажи им, — умолял Макгун. — Я ведь не ученый, я торговец, старающийся честно делать деньги. Теперь я молю бога, чтобы никогда не слышать об этой вещи.

— Все мои знания об этом, — нерешительно сказал Гарсиа, — сводятся к тому, что рассказал мне Эштон. Ярко светящийся участок внизу — это специально обработанное вещество, которое вечно испускает таинственную энергию. Эта энергия воздействует в качестве усилителя на электрическое поле мозга, которое мы называем разумом. В результате разум обретает такую огромную силу, которая дает ему возможность вырваться из синоптической структуры мозга. Разум может путешествовать по своему желанию куда угодно, укоротив известные нам три измерения за счет использования таких измерений, о которых мы и понятия не имеем. Разум может возвратиться, воссоединиться снова с мозгом и оживить тело.

— О-о, ради бога... — начал Боллард.

Чейн резко повернулся и направил включенный лазер вглубь длинного тоннеля. В закрытом пространстве световой и звуковой эффект лазера был огромным.

Они бросились к тоннелю, держась подальше от входа в него. Дайльюлло вопросительно взглянул на Чейна.

Чейн покачал отрицательно головой.

— Никто не идет. Но кто-то бросил камень или что-то другое, чтобы проверить, есть ли охрана. Я подумал, что будет лучше дать им знать о нашем присутствии.

— Блестящий способ заявить о себе, — проворчал Дайльюлло.

Он повернулся и спросил Макгуна:

— А другой выход есть отсюда?

Макгун покачал головой:

— Ничего другого, кроме тоннеля нет.

— Тогда они хорошо нас тут запечатают, — сказал Дайльюлло. — В наших ранцах есть провиант и какое-то количество воды, но мы тут вечно не продержимся.

— Послушай, вмешался Боллард. — Нет нужды быть здесь вечно. Мы заберем тело Эштона с этой решетки. Если к ней опасно приближаться, мы зацепим тело веревкой. Вы вырвемся из тоннеля со всеми включенными лазерами и прорежем путь через них.

— Эштон погибнет, если вы так сделаете, — предупредил Макгун. — Его разум может возвратиться в тело только на этой решетке с помощью энергии Свободного Странствия.

Было видно, что Боллард собирался возразить далеко не по-светски, но в это время Дайльюлло поднял руку, заставив молчать.

— Что это?

Из тоннеля словно по длинной трубе прогремел сильный мужской голос.

— Говорит Хэлмер. Могу я прийти для перемирия?

Дайльюлло восхищенно сказал:

— Мужественный человек. Ведь он должен знать, что может быть сражен в тоннеле одним выстрелом лазера.

— Так что же, сразим его? — с надеждой спросил Мильнер.

— Нет, не сразим, — ответил Дайльюлло. — Боллард, у тебя здесь самая громкая глотка, когда ты хочешь ее использовать. Крикни ему, что может прийти для перемирия.

Боллард поспешил исполнить приказ. Все стали ждать. Затем послышались шаги, доносившиеся эхом по длинной металлической трубе. Они были уверенными, твердыми, все более и более гулкими, пока наконец, из тоннеля не вышел, оглядываясь на всех присутствующих Хэлмер.

В неярком свете Хэлмер выглядел в два раза внушительнее, чем при солнечном свете: прямая светлая голова, могучие руки и ноги с мускулатурой для скульптора, суровые холодные глаза, которыми он внимательно рассматривал всех, одного за другим.

Затем Хэлмер обвел взглядом просторы шахтного ствола. Он посмотрел на решетку с тремя неподвижными телами, а затем на ярко светящийся круг внизу.

Его лицо приняло страдальческое выражение, когда он взирал на все это. Казалось, он говорил скорее себе, чем им:

— Итак, это оказалось правдой: вот одно из все еще существующих зол. Наконец, оно найдено.

Он сжал губы. Казалось, он остановился и задумался на какой=то момент, прежде чем повернуться и сказать им:

— Послушайте меня, чужеземцы. То, что вы искали и нашли, обладает огромной соблазнительной силой. Это верно. Но верно и то, что это огромное зло.

— Какое же зло может исходить из вещи, предназначенной лишь для освобождения разума от тела? — спросил Дайльюлло.

Глаза Хэлмера сверкнули холодным пламенем:

— Вы видели мертвые города в джунглях? Идите, спросите у них! Когда-то это были великие, цветущие города. Но каждый из них имел такую же вещь, как и эта — механизм Свободного Странствия. И стерильная жизнь разума оказалась более привлекательной, чем реальная жизнь тела, и сотни за сотнями, век за веком люди этих городов уходили в Свободное Странствие, пристращались к нему, пока не умирали.

Он снова обвел взглядом их лица.

— Население этих городов вымирало, жизнь увядала. Пока не поднялась группа людей, решившая уничтожить Свободное Странствие и спасти наш город от вероломного разложения. В одном городе за другим такие штреки, как этот, были уничтожены. Но те, кто пристрастились к Свободному Странствию, пытались спасти эти сооружения, и мы всегда знали, что, по крайней мере, одно из них сохранилось спрятанным, неповрежденным. Именно по этой причине мы решили закрыть наши миры для чужеземцев, с тем, чтобы сюда не стекались толпы со всей Галактики для его поисков, как вот вы, искавшие и нашедшие.

Дайльюлло отрицательно покачал головой:

— Эта вещь — всего лишь инструмент науки. Если она действительно выполняет то, что, мне говорят, то это был бы самый благородный инструмент для всего человечества.

Хэлмер вскинул руку и показал на три неподвижные тела на решетке.

— Взгляните на них, испытавших Свободное Странствие! Они, что, выглядят облагороженными? А, может быть, скорее они выглядят пьяными, одутловатыми как умирающие люди?

— Я согласен,— сказал Чейн.

— Хэлмер повернулся и посмотрел на него.

— Чужеземец, когда я вас увидел раньше, мне показалось, что в вас больше человеческого, чем в любом из представителей других миров, которых мне приходилось встречать. Теперь я вижу, что вы и думаете, как человек.

— А я не согласна!— крикнула Врея.

Ее лицо пылало от гнева, когда она глядела на Хэлмера.

— Это такие фанатики, как вы, лишили нас свободы летать к звездам.— Она повернулась и показала на стеклянную решетку, где неподвижно лежали три человека.— Это — дорога к бесконечной свободе, к возможности умчаться в любое место вселенной, узнать все, что хочется. А вы бы хотели это уничтожить!

— И уничтожу,— заявил Хэлмер.— Ибо эта вещь еще раньше чуть не уничтожила нас. Я не допущу, чтобы этот ненавистный порок снова разлагал наш народ, или любой другой.

Он повернулся к Дайльюлло:

— Вот что вы можете сделать. Вы можете забрать своих людей и уйти, мы вам не причиним вреда.

— Но,— сказал Дайльюлло,— они говорят, что, если Эштон и двое других будут сняты с той решетки, их разумы не смогут воссоединиться с телами.

— Это верно,— подтвердил Хэлмер.— И это хорошо. Они будут живыми бревнами, пока не умрут, и это для них наказание.

— Так не пойдет,— решительно возразил Дайльюлло.— Мы так не можем поступить с Эштоном, поскольку его безопасность — наша работа.

— Тогда, медленно произнес Хэлмер,— вы все погибните, когда мы будем уничтожать Свободное Странствие. Выбор за вами.

Он повернулся к ним спиной и зашагал к тоннелю. Сжавший зубы в бессильной злобе, Мильнер начал поднимать свой лазер, но Дайльюлло пригнул ствол оружия вниз. Хэлмер прошел в тоннель.

Дайльюлло повернулся к Чейну и холодно посмотрел на него:

— Зачем ты сказал, что согласен с ним?

Чейн пожал плечами:

— Потому что согласен. Я считаю, что такую вещь лучше уничтожить.

— Вы дурак и трус,— набросилась Врея.— Вы боитесь того, в чем не разбираетесь, боитесь Свободного Странствия.

— Откровенно говоря, боюсь,— ответил Чейн. Он показал своим лазером на людей, которые лежали без движения на решетке:

— Если это то, что сие замечательное достижение делает с человеком, то меня увольте от такого удовольствия.

Он повернулся к Дайльюлло:

— Что теперь?

— Это такой вопрос,— ответил Дайльюлло,— который заставляет лидера наемников желать, что лучше бы он не был лидером.

— Примите условия Хэлмера!— вмешался Макгун. Его испачканные щеки тряслись.— Эштону было наплевать на меня, находившегося здесь в полном одиночестве. Почему идти на гибельный риск ради него?

— Потому,— процедил сквозь зубы Дайльюлло,— что мы заключили контракт, а наемников, нарушающих контракт, выбрасывают из гильдии. И это вы, Макгун, привели нас всех сюда, потому что вынюхивали секреты других миров, своей алчностью к деньгам. Так что заткните свой рот.

— Но что нам делать? — спросил Боллард.

— Ждать,— ответил Дайльюлло.— Мы будем ждать возвращения Эштона и двух других в их тела — если то, что сказал Макгун, является правдой — схватим их и с боем будем пробиваться отсюда.

В огромном шахтном стволе становилось темнее по мере того, как аркуунские луны скользили дальше вниз по небу и их свет все меньше сюда проникал.

Дайльюлло приказал Джансену и Боллард заступить на дежурство у тоннеля во вторую смену, а пока им и всем остальным немного поспать. Люди тихо разместились за бортом колодца и вскоре уснули. Все, кроме Вреи.

Чейн следил за ней. Она сидела, пристально уставившись на решетку и лежащие на ней фигуры. Смотрела долго прежде, чем тоже устроиться спать.

Мильнер разглядывал вокруг себя широкое, погружающееся в темноту пространство.

Тот разрушенный город был довольно плохим местом,— бормотал он.— Здесь еще хуже.

— Не болтай,— предупредил его Чейн.— Если кто-то из них попытается пройти сюда по тоннелю, лучше всего предупреди нас об опасности.

Но оглядевшись вокруг, Чейн должен был согласиться, что Мильнер прав. Ему никогда не доводилось бывать в таком странно гнетущем месте. Угнетало не столько само место, сколько понимание того, что оно может причинить человеку, выгнав разум из его тела и сделав его как бы мертвым. В Чейне снова зашевелилось сильное отвращение к этой идее.

Прошли, казалось, долгие часы, когда их смена закончилась. Джансен и Боллард с ворчанием поднялись и заняли свои места у тоннеля. Боллард зевал во весь рот.

Чейн снял обувь, вытянулся, но понял, что не сразу заснет. Он все еще испытывал подавленное состояние, словно душившее его. Он продолжал думать о трех тенях на тусклой решетке: интересно, где теперь их разумы и что они делают; любопытно, как это можно быть разумом, отделенным от тела; а возвратятся ли они когда-нибудь. Спустя какое-то время он все-таки заснул, но произошло нечто для него небывалое: приснились кошмары.

От одного из них он вздрогнул и проснулся. Слышался звук, не те случайные шевеления Болларда и Джансена, сидевших и глазевших в тоннель, а какой-то новый, тихий звук.

Он быстро оглянулся вокруг. Врея не было на месте.

Чейн вскочил на ноги. Его взгляд пробежал по огромному потемневшему пространству. И он увидел ее.

Врея тихо вошла на одну из металлических дорожек, ведущих к центральной решетке. Сидевшие к девушке спиной двое дежурных не видели ее.

Она брела к Свободному Странствию...

Со скоростью и мягкостью охотящейся кошки Чейн направился следом за Вреей. Его необутые ноги двигались бесшумно. Крупными, беззвучными скачками он устремился за высокой золотистой девушкой, которая продвигалась к решетке, к этой бездне так, словно шла к любовнику.

Он, несомненно, настигнет ее вовремя и оттащит назад, если только она не повернется...

И вот именно в этот самый момент предупрежденная инстинктом или звуком его дыхания Врея обернулась.

Она обдала его ненавистным, диким взглядом и бросилась бежать.

Четыре крупных шага и прыжок, и Чейн мог бы схватить ее до того, как она вступит на решетку. Чейн сделал и шаги, и прыжок, и схватил-таки ее как раз у самого края.

Но он забыл, какой сильной была Врея. Несмотря на то, что он держал ее, она бросилась вперед на гладкую решетку. И державший ее Чейн по инерции влетел вместе с ней.

И мгновенно Чейн почувствовал, что его мозг взорвался, и он провалился в вечность.

XV

Это было не совсем падением. Скорее это было похоже на то, как его осторожно, но очень крепко схватила огромная рука, потом выбросила куда-то вовне, и он, оглушенный, беспомощный стремительно понесся через безмолвное небытие.

Он был ничто, один в небытие.

Он был мертвецом, душой, духом, горстью обнаженных электрических импульсов, мчащейся среди звезд. Теперь он знал, что значит находиться в таком состоянии.

Он был испуган.

И он был разозлен, вне себя от ярости за то, что должен выносить такое надругательство.

Он кричал неистовым криком орла, бросая вызов всему космосу. Он не мог слышать этот крик, но он мог чувствовать его, как красную вспышку в небытии. И это было услышано.

Не бойся, Чейн. Не сердись. Посмотри. Посмотри вокруг себя....

Врея. Ну, конечно же, Врея. Он не одинок. Врея...

Посмотри, Чейн. Посмотри на звезды. Посмотри на вселенную. Она не говорила. В этом ужасном безмолвии не было голосов. Однако, он понимал значение того, что она хотела сказать, он понимал и свой собственный крик. Ее слова падали на его сознание, словно солнечные лучи — все золотистые, славные. *Мы свободны, Чейн! Свободны!*

Он пытался определить ее местонахождение, увидеть ее, но вместо этого увидел Вселенную.

Черные, красивые черные бездны, простирающиеся до самых краев мироздания, таинственная Мать-Вселенная с миллиардом галактик, украшающих ее грудь, со звездами, сверкавшими словно светлячки на кончиках ее пальцев,— все это он мог видеть отчетливо, непосредственно. От звезд исходило чистое сияние. В первозданной черноте полыхала серебром облаков спиральная туманность. Во всей этой бесконечной таинственности кружились, ярко светя, разбросанные повсюду галактики; он мог их слышать, и он понял, что небытие вовсе не безмолвно. Оно движется, оно поет движениями солнц, миров, лун, комет, газооб-

разных облаков, космических течений, космической пыли и свободных атомов, роев звезд и галактик. Ничего нет в покое, и он понял: это потому, что покой есть смерть и, следовательно, запрещен. Вселенная живет, движется, ее пульс бьется...

И он участвовал во всем этом. Он тоже пульсировал, двигался, подхваченный великим космическим танцем — броуновским движением вселенной. Движение вселенной — это вызвало в памяти случай, когда его тело плавало в огромном море и слилось воедино с жизнью, пульсом и движением моря.

Врея! Он звал ее, не думая, как он это делает. *Врея, возвращайся со мной*! Вместе с этим порывом пришла и страшная паника — уродливое черное пятно, заслонившее лучезарность. Сделала это память о его теле, напомнив ему, что он не атом, а человек с лицом и именем, Морган Чейн, Звездный Волк. Взглянув, так или иначе, вниз,— хотя не было ни низа, ни верха,— он увидел свое тело, распростертое на решетке около Эштона, Саттаргха и Рауля. Оно было распростерто рядом с телом Вреи, и оба они выглядели свежими мертвецами — с провалившимися ртами, остекленевшими глазами, с широко раскинутыми руками и ногами. Он истосковался по своему телу.

Врея, иди сюда!

Теперь она была рядом с ним. Он мог ощущать ее — крошечное пятнышко искрящихся пылинок.

Ты перепуган,— сказала она с презрением.— *Тогда возвращайся назад. Ступай на прекрасную безопасную твердь.*

Врея!..

Целую жизнь... ждала... мечтала... и вот я это имею, имею собственную свободу, свободу быть со звездами, со вселенной. До свидания, Чейн.

Врея! Он бросился к искрящимся пылинкам и почувствовал, что она смеется.

Нет, теперь ты меня не сможешь удержать. Делай что угодно, а меня не сможешь удержать.

Она умчалась в вихре танца. В темноте за ней огненной косой раскачивался Рукав Персея, тысячи звезд которого двигались толпами и, качаясь, пели; их голоса ударяли по самой сущности Чейна и заставляли вспыхивать во всем величии каждый отдельный импульс. Крошечное мерцание Вреи усилилось. Он снова почувствовал ее смех, и затем она исчезла, потерялась в ярком блеске солнц Персея.

Чейна одолевали сомнения. Он мог сейчас отправиться назад, оживить отвратительно рыхлый панцирь, который ждал его, и сделать его снова человеком. Или же он мог последовать за Вреей, сделать новую попытку возвратить ее...

Если он даст ей уйти, она может никогда не возвратится. Она настолько опьянела Свободным Странствием, что забудет про нужды своего тела, а потом станет слишком поздно, и прекрасная ракушка погибнет от

недостатка пищи и воды. И это было бы утратой, ужасной утратой. Он никогда не простит себе, если это случится...

В самом деле? — спросила одна пылинка в нем.— *Неужели Звездный Волк поистине стал благородным... или он врет самому себе? А не хочет ли он тайно еще немного побыть в Свободном Странствии, против которого так восстает?*

Чейн висел и дрожал в то время, как накренившееся сверкание Рукава Персея рванулось к нему... а, может быть, наоборот, он сам туда рванулся? Как двигаться в этом Свободном Странствии, как направлять себя?

До него дошел смех Врси, слабый и далекий.

Сюда, Чейн! Это же легко, ты только прекрати с этим бороться. Разве ты не чувствуешь течений? Они как сильные ветры... Сюда... Сюда...

Он чувствовал течения. Они неслись между солнцами, между галактиками, связывая все воедино как кружево. Ты подхватываешь одно из течений и мчишься в нем, преодолевая за миг расстояния, на которые даже быстроходный корабль Звездных Волков должен потратить месяцы. Изумленный и потрясенный ты останавливаешься на мгновение, чтобы потанцевать в скачущей короне зеленой звезды, затем соскальзываешь в небольшие потоки, бегущие вокруг миров этой звезды, зовешь Врею, ищешь ее, находишь и гонишься за ней в дымчатой изумрудной атмосфере над странными морями и еще более странными континентами, где течет жизнь, а голос Врси, исторгающий изумленные крики "о... о... о!", высекает в твоем сознании серебристые полоски.

И ты продолжаешь опять путь, умоляешь Врею. Ты попадаешь в какую-то окруженную холодным огнем туманность, взираешь на диски потухших солнц и на миры, которые никогда не видели ни одной другой звезды, кроме своей собственной, и никакого неба, кроме вечного ледяного горения облака. Некоторые из миров были совершенно пустынными, другие нет, и однажды Врея испытала такой большой страх, засеченный его разумом, что ему показалось: девушка послушается его и возвратится. Но она лишь рванула в сторону и, лавируя в потоках, помчалась молнией к скоплению оранжевых солнц, которые с возрастом подобрели, стали похожими на дедушек. Вокруг них вращались прелестные маленькие планеты. Спустя некоторое время ты забываешь про свои мольбы. Тут уже больше на самом деле, не беспокоишься, вернется ли Врея в свое прекрасное тело, или оставит его гнить в кратере Аркуу. И ты даже не беспокоишься, возвратишься ли сам в свое тело. Потому что ты понял: права Врея, а ты был не прав.

Ты понял, что Свободное Странствие стоит больше всего. Что такое смерть тела, которое все равно умрет? Что такое смерть города, цивилизации или даже планеты, хотя планета, конечно, на самом деле не погибнет от того, что на ней исчезнут люди? Что по сравнению со Свободным Странствием представляет собой даже радость быть Звездным Волком?

Ведь Звездный Волк ограничен планетой и кораблем. Куда бы он ни летал, он должен брать с собой и воздух, и воду, и пищу, и атмосферное давление, иначе он просто погибнет, как гибнут менее развитые существа. Он может лететь только с такой-то скоростью и только на такое-то расстояние. Чейну представилось, что если сравнить со Свободным Странствием, то он и его напарники по тем рейдам Звездных Волков выглядят не более, чем слабыми, несмышлеными детьми. Теперь он избавлен от всех ограничений, избавлен от хрупкой, ноющей плоти, от тяжелого железного корпуса, в который постыдно сбивают плоть в кучу. Теперь он свободный, говорила Врея, от звезд и всей вселенной, и это верно. Он теперь может всем этим обладать и все это понимать. Свободный от плоти, в полной безопасности, неподвластный времени он может отправиться куда угодно в один миг.

Куда угодно.

Даже на Варну.

И он отправился, забыв про Врею.

Словно во сне он помчался быстрыми потоками, перед ним сияло знакомое темножелтое солнце. Он видел его раньше бесчисленное количество раз, но всегда через защитный иллюминатор или же с самой планеты, и никогда не видел незатуманенным, голым, истинным. Он видел, как над ним бушевали огромные штормы, как поднимались с него огненные протуберанцы размерами с континент. Он видел яркую корону, колыхавшиеся гребни и мечущиеся каскады огня. До него донесся голос солнца и, хотя он теперь знал, что звезды говорят со всей вселенной, а не с ее частичками, вроде него, он воспринял этот голос как приветствие.

Из-за солнца выкатился голубовато-рыжий шар Варны. Чейн понесся навстречу и на своем пути нагнал эскадрилью Звездных Волков, которая возвращалась домой.

Сколько раз, подумал он. *Сколько раз*!

Он пристроился к эскадрилье, пошел на той же скорости, хотя мог оставить варновцев далеко позади. Летело пять кораблей. Должно быть, им крепко досталось, судя по тому, что на двух аппаратах виднелись свежие повреждения. Но он знал, как здорово быть сейчас внутри кораблей, и с удовольствием вспомнил об этом.

Эти пять кораблей и маленькое пятнышко светящихся пылинок ворвались с пронзительным воем в атмосферу, разрывая облака и низвергая с неба долгий, раскатистый гром. Под ними внизу появился Крак — главный город Звездных Волков, широко, свободно и беспорядочно раскинувшийся своими каменными зданиями на гористой местности. У каждого волка должно быть свое логово, у каждого варновца — свой замок со свободным пространством вокруг и надежной стеной против агрессивных соотечественников в случае ссоры.

Звездопорт располагался к востоку от города там, где гористая местность переходила в огромную равнину, выжигаемую летом до золотисто-коричневого цвета. Чейн завис в сторонке и стал наблюдать, как корабли

заходили на посадку. Его измученная душа переполнилась печалью: ведь это был его дом.

Здания города были покрыты флагами, яркие цвета которых контрастировали со скучным красным камнем. Дорога к звездопорту оживилась, заполнившись автомашинами, пешеходами, длинными фургонами под добычу.

Как только люки кораблей распахнулись, Чейн скользнул ниже невесомый, беззвучный, парящий в воздухе.

Из кораблей вышли Звездные Волки.

Мой народ. Мои братья. Мои боевые товарищи. Я знаю их. Беркт... Ссарн... Венжант... Крол...

Мои братья.

И они меня вышибли!

Он смотрел на них, высоких могучих мужчин, ступавших словно тигры, игравших мускулами под красивой золотисто-волосатой кожей. Он смотрел, как из города прибывали светлокожие женщины, сильные, подстать мужчинам; они смеялись, украшали мужчин гирляндами из поздних цветов, угощали варновским вином. Чейну вспомнились едкий, пропыленный запах гирлянд и приятно ударяющее голову вино. Ни один землянин не мог выпить это вино и остаться на ногах. Ни один, кроме него, варновца по рождению.

И они меня вышибли!

Он вспорхнул над ними, исполненный гордости и презрения.

Я здесь. Вы не можете не впустить меня, вы можете схватить меня, вы не можете убить меня. Ибо я более велик теперь, чем все вы. Я вижу слабость ваших стальных тел, неуклюжесть ваших стальных кораблей. Я Свободный Странник и я уже сделал то, на что не способна ваша слабость.

Как плохо, что они не могли его видеть, не могли слышать его слов. Они продолжали пить вино, смеяться и целовать женщин, запрокидывать головы и прищуривать от солнца светлые кошачьи глаза. Прибывшие из города мужчины и юноши вынесли добычу из кораблей и уложили ее в длинные фургоны. Участники рейда взобрались в большие открытые автомашины и направились со своими женщинами в город, распевая песни.

Ты видел их, размышлял Чейн. Их слабость и их никчемность. Пора отправляться назад к звездам.

Но он не отправился; он задался вопросом: а можно ли Свободному Страннику плакать. Это был странный вопрос, поскольку он ни разу не думал плакать с тех пор, как помнил себя малышом в том доме, около базарной трубы, со злыми масками на горловинах водосточных труб. Звездные Волки не плачут.

Он приблизился к дому. Стоявшая рядом церквушка давно уже развалилась. Он подлетел к высокому окну дома и вспомнил, как его мать пыталась обставить мебелью огромную голую комнату по типу гостиной

в Карнарвоне, и как мелко и бледно выглядела их обстановка в сравнении с безумной роскошью комнат его варнавских друзей детства. Священник Томас не взял бы под свою крышу ломаного стула их греховной добычи.

А теперь тут полно мебели. После смерти пришельцев с Земли здесь много лет жила одна из варновских семей. Сам Чейн тогда обитал в квартале холостяков, поскольку достиг возраста, позволяющего участвовать в рейдах кораблей. Квартал этот представлял собой длинный ряд зданий, похожих на казармы, и располагался на другой стороне базарной площади.

И они меня вышибли, потому что я убил в справедливой борьбе одного из них, и они могут помнить только то, что я не их крови.

Он чувствовал себя не Свободным Странником, а приведением.

Пора улетать...

Наступил вечер, и широкая базарная площадь засверкала огнями. Варновцы с кораблей и со всех частей города устремились сюда, заставив звенеть каменные стены. Люди смотрели на трофеи, сваленные в кучу в центре площади, говорили с участниками рейда, угощали их вином и слушали рассказы. В этом рейде командиром был Беркт, известный рассказчик. Чейн слушал его, покачиваясь от вечернего ветра. Слушал о том, как они нанесли удар по трем различным системам, вели боевые действия и ушли. Грудной тембр Беркта звенел, когда он говорил. Его желтые глаза блестели, вместе с Берктом кричали другие участники рейда, пившие вино и обнимавшие женщин. Награбленная добыча сверкала всеми цветами радуги. Чейн качался, словно пушинка на ветру, он был сейчас ненужной пустышкой, затерянной в море огней, выброшенной из горячей сутолоки жизни.

А у них кипела физическая жизнь. Они чувствовали биение пульса, острые, внутренние, болезненные переживания от страха и волнений, азарт боя, радость от физического господства над телом, разумом и кораблем, когда эти элементы становятся единым организмом, обеспечивающим выживание. Теперь эти люди были здесь, вдыхая вечерний ветер, наслаждаясь радостью побед. Они могли пить вино, держать золотистых женщин в своих объятьях; они могли смеяться и распевать варновские песни, которые заставляли их вспоминать другие далекие места и песни... Даже в Карнарвоне люди в лучшем положении, чем он. Они не Звездные Волки, но они тоже могут пить, смеяться, драться и дружественно пожимать руку чужого человека.

А он... он — ничто. Дымок, стерильность, он может вечно глазеть на чудеса, но не в состоянии ни потрогать их, ни воспользоваться ими; он — бесполезное приведение, собирающее никчемные знания, с которыми ничего нельзя достичь.

Ему вспомнился Хэлмер. Вспомнилось собственное тело — не столь великолепное, как у золотисто-волосатых братьев, но достаточно сильное, крепкое, резвое, а сейчас отброшенное прочь, словно изношен-

ная перчатка на помойке. Вспомнилась Врея. Он чувствовал себя больным — каждой частичкой того, что составляло событие.

Больным и в страхе. Что могло случиться с его телом, пока он забавлялся среди звезд?

В самом деле пора отправляться.

И он *отправлялся, неся в памяти шумные голоса* Звездных Волков, заглушенные потом безбрежным, бесстрастным пением звезд.

Он попал в поток и подгоняемый страхом, подхлестываемый страшной необходимостью снова одеться во плоть помчался к Рукаву Персея. И пока мчался, он взывал:

Врея! Врея!

Ее молчание показалось ему вечностью, но потом он услышал издалека ее раздраженный голос.

В чем дело, Чейн? Ведь, кажется, ты оставил меня.

Послушай, Врея. Ты должна возвратиться...

Нет. Еще слишком много надо посмотреть... Нет, конца, Чейн, никогда нет конца. Разве это не чудесно? Никогда...

Теперь он знал, что должен сказать.

Но конец наступит, Врея. Очень скоро.

Как? Почему?

Хэлмер. Он уничтожит Свободное Странствие, если мы не возвратимся и не остановим его. Свободное Странствие исчезнет навсегда, *а с ним и мы. Поспешим, Врея!*

А твои друзья?— спросила она раздраженно.

Их недостаточно. Они нуждаются в нас, всех нас... Рауле, Саттаргхе и Эштоне тоже. Позови их, Врея. Поищи их. Скажи им, чтобы они возвращались, скажи им, чтобы они поспешили, пока Хэлмер их не уничтожил.

Ей передалась часть его страха. Он мог чувствовать это по ее словам.

Да, этот способен это сделать. Он говорил, что сделает. Уничтожит Свободное Странствие, уничтожит наши тела... и мы умрем. Нельзя позволить ему этого...

Тогда спешим!

Куда ты летишь, Чейн?

Назад, сказал он. Назад, чтобы помочь бороться.

И он, бестелесный страх, помчался назад через поющие звезды к Аркуу, к полой горе, где мертвым или спящим лежал человек по имени Морган Чейн...

XVI

Чейн проснулся от грома, раскаты которого отозвались вдалеке эхом и тут же набирали новую силу. Хотя, впрочем, было бы неточно называть эти звуки громом. Он попытался открыть глаза, чтобы увидеть, что произошло.

Его глаза?

Да, у него были глаза, человеческие глаза, вздрогнувшие от ослепительного блеска солнца. У него была человеческая плоть; его кости ныли от боли после слишком длительного пребывания в одной и той же позе — неподвижном лежании на твердой решетке. Он возвратился.

Какой-то период он лежал не шевелясь, прислушиваясь к собственному дыханию, к звукам циркулирующей в венах крови. Для того, чтобы удостовериться в новом состоянии и проверить свои человеческие данные, он стиснул руки и был так благодарен за их чувствительность, что даже боль стала радостью. Затем он заставил себя открыть веки и изумленно уставился наверх.

Наверху шахтного ствола он увидел желтый круг дневного света; яркое солнце заставило его прищуриться. Дневной свет? Стало быть прошло...

По косой наклонной траектории в шахтный стол влетел сверху небольшой предмет. Он приподнялся, чтобы рассмотреть его, как предмет ударился в верхнюю стену шахтного ствола и взорвался. Звук взрыва вызвал чудовищное отражение в огромном колодце. Именно такой гром он и услышал, а теперь, когда окончательно пробудился, звуки взрыва грозили порвать его барабанные перепонки. Мелкие осколки металла свистели рядом.

— Чейн!

Это был голос Джона Дайльюлло. Звучал он отчаянно и откуда-то издалека.

— Чейн, вставай!

Чейн, словно пьяный, повернул голову и увидел Дайльюлло. Он был вовсе недалеко, у самого края решетки, на металлической дорожке над пропастью.

Чейн сказал и, как ему показалось, вполне осознанно:

— Нельзя тут стоять, Джон. Тебя ударит.

Дайльюлло с опасной близостью наклонился к нему.

— Уходи с этой решетки. Ты слышишь меня, Чейн? Уходи с решетки.— Он нетерпеливо вертел головой, ругался и еще громче закричал. Макгун говорит, что если ты останешься здесь дольше, энергия Свободного Странствия начнет новый цикл и все повторится вновь. Вставай. Иди сюда, ко мне.

Чейн осмотрелся вокруг. Врея по-прежнему лежала неподвижно. Так же лежали Эштон, и Рауль, и Саттаргх. Она не смогла еще найти их, чтобы уговорить вернуться...

— Ты что, Чейн, хочешь снова туда? Тебя затянуло подобно тем, над кем ты посмеивался?

— Нет,— ответил Чейн.— Нет, черт побери, нет! Этого больше не случиться никогда.

Приподнявшись на руки и коленки, он начал двигаться. Вскоре он встал на ноги и, поддерживаемый под руку Дайльюлло, шатаясь, побрел по дорожке.

Сверху раздался новый удар грома.

— Что это?— пробормотал Чейн.

— Это оставшиеся три самолета Хэлмера,— сказал Дайльюлло.— Они не могут проходить точно над шахматным стволом и поэтому обстреливают его с короткой дистанции реактивными снарядами, пытаясь уничтожить Свободное Странствие и нас.

Чейн посмотрел вокруг, а затем вверх. На стенах, облицованных отполированным металлом, он не увидел даже царапины.

— Пока никаких повреждений,— сказал Дайльюлло, все еще придерживая и ведя Чейна по дорожке.— Мы укрылись в тоннеле. Но вот что касается тех тел на решетке, то их рано или поздно настигнут осколки снарядов.

— Она ведет их,— заметил Чейн.— Врея. По крайней мере, я думаю, что ведет.

Они достигли входа в тоннель. Внутри сидели Макгун, Гарсиа и три наемника. Чейн тоже сел, прислонившись спиной к стене. Они смотрели на него как-то странно, почти в страхе.

— Ну, что там было?— спросил Боллард.

— А-а, ты теперь веришь,— сказал Чейн

— Думаю, должен верить. Как это воспринимается?

Чейн покачал головой и не сразу ответил.

— Когда я был ребенком, отец часто говорил мне о рае. Мне нравилось его назначение. Красота и блаженство, это ладно, но все остальное — отсутствие физического бытия, шатание без дела, если не считать, что при этом чувствуешь себя святым — все это казалось ужасно бесполезным. Это не по мне. Поистине, не по мне,— Чейн умолк и добавил:

— Там было что-то похожее на такой рай.

Он оглянулся назад на решетку, мерцавшую вдали на солнечном свете. Ни одна из четырех фигур на ней не шевелилась.

В верхней части колодца раздался очередной взрыв, и спустя секунду, последовал еще один.

— Судя по взрывам,— прокомментировал Боллард,— Хэлмер, должно быть, пустил в ход все три самолета.

Макгун ухватился за эти слова:

— Тогда почему бы нам не уйти через тоннель и не сбежать, пока они там наверху?

— Потому,— ответил Дайльюлло,— что у нас нет того, ради чего мы сюда прибыли. Нет Эштона.

— Но неужели вы не понимаете,— взмолился Макгун,— что Хэлмер никогда никому из нас не позволит уйти отсюда живым?

— Понимаю, ответил Дайльюлло.— Но, несмотря на это, мы не уходим.

— Тогда я уйду один,— пришел в ярость Макгун.— К черту Эштона. Я ухожу!

— Пожалуйста, вперед,— заявил Дайльюлло.— Буду только рад, что не услышу больше причитаний. Но должен предупредить: Хэлмер, несомненно, оставил пару человек, чтобы уничтожить каждого, кто выйдет из тоннеля.

Макгун опять сел и замолчал.

— Кажется, кто-то там немного шевельнулся,— показал Боллард на решетку.

— Тогда пойдем взглянем,— сказал Дайльюлло.— Нет, не ты, Чейн, ты оставайся и восстанавливай силы. Думаю, что они тебе очень скоро понадобятся.

Дайльюлло, Боллард и Гарсиа побежали по дорожке. Чейн смотрел им вслед. Он не чувствовал себя особенно слабым. Но сознание было несколько скованным, не совсем ясным.

Дайльюлло, Боллард и Гарсиа стояли теперь около решетки и делали приглашающие жесты. Из-за них не была видна решетка. И только когда они повернулись пошли обратно, поддерживая двух мужчин, Чейн смог распознать тех, кто пробудился.

Рауль и Эштон.

Они были настолько слабыми, вялыми, что Дайльюлло и его напарникам пришлось их полутащить по дорожке и борту колодца в тоннель. Здесь они сели, истощенные даже небольшими усилиями.

Эштон смотрел вокруг ошеломленным, отсутствующим взглядом. Он был в недоумении от незнакомых лиц.

— Кто..?— Начал он, остановился, покачал головой и опять заговорил.

— Кто мне сказал... если я не вернусь, Свободное Странствие будет уничтожено. Кто...

Он опять задохнулся. Чейн взглянул на него и согласился с тем, что говорил Боллард: этот Рендл Эштон, на поиски которого они забрались в такую даль, не заслуживает затрачиваемых усилий. Рендл был немного похож на своего брата, только выглядел смуглее, моложе, красивее. Однако, его приятную внешность портила раздражающая слабость речи.

Теперь к этому добавилось еще и физическое бессилие. Он выглядел худым, словно истощенным продолжительной болезнью. Если человек становится таким после наслаждений Свободным Странствием, подумал Чейн, тогда это странствие — чертовски нехорошая вещь.

Впервые заговорил Рауль:

— Врея?

Как и Эштон, он с удивлением и смущением взирал на чужеземцев. Когда-то, отметил про себя Чейн, Рауль был так же физически красив, как и Хэлмер, но сейчас его высокий торс превратился в скелет с рыхлыми мышцами, а величественная светловолосая голова поникла, словно у шеи уже не осталось сил ее поддерживать.

— Врея,— произнес он снова.— Врея!

— Так она все таки нашла вас,— сказал Чейн.— А сама не возвратилась.

— Кто вы? И где...— Эштон пытался понять, что происходит. Его первоначальная растерянность стала перерастать в гнев.— Хэлмер, сказала Врея. Хэлмер может уничтожить Свободное Странствие. Поэтому я возвратился. Та девушка вынудила меня возвратиться.— Он попытался встать на ноги.— Это верно? Или просто ложь, чтобы меня...

Он потерял равновесие и чуть было не упал, но Дайльюлло подхватил и мягко опустил на прежнее место.

— Нет, это не ложь, мистер Эштон. Посидите тут спокойно, и я...

Эштон как бы неожиданно прозрел. Он посмотрел на Дайльюлло, и его лицо перекосилось от яростного гнева.

— Вы наемники,— сказал он.— Кто вас послал сюда?

— Ваш брат, мистер Эштон.

— Мой брат. Черт бы его побрал. Он во все сует свой нос. Он хочет, чтобы я возвратился и, как полагаю, ради моего собственного благополучия.

Лицо его еще больше исказилось от гнева. Он весь задрожал.

— Я не уеду отсюда. Ни ради брата, ни ради кого угодно. Понятно?

Рауль снова прошептал имя Вреи, и Чейн уловил его взгляд на решетку. Он подумал, что...

Рауль вбежал и бросился по дорожке к решетке, но Дайльюлло успел перехватить его.

Врея по-прежнему неподвижно лежала. Ее великолепное золотистое тело распласталось близко от края решетки. За девушкой лежал Саттаргх, арктурский ученый. У него была кожа красноватого цвета и орлиное лицо. Саттаргх тоже был совершенно неподвижен.

Два реактивных снаряда почти одновременно ударили по стене вверху шахтного ствола, и их осколки после взрыва застучали по дорожке.

Чейн помчался по дорожке, остановился всего лишь на двух футах от Вреи и пристально смотрел на нее.

Новый снаряд взорвался вверху, и один из его осколков рикошетировал от решетки всего в нескольких дюймах от Саттаргха. Стекловидная решетка и металлическая дорожка оказались столь же непробиваемыми, как и стены.

— Чейн, возвращайся сюда!

Это был Дайльюлло, отдававший приказ в своей властной манере, но Чейн не обратил на это никакого внимания. Он ждал под аккомпанемент разрывающихся вверху снарядов. И наблюдал за Вреей.

Ему показалось, что он заметил легкое движение ее пальцев. Наверное, она возвратилась, но пока еще находится без сознания, в онемении, как это было и с ним.

Чейн наклонился вперед как можно дальше.

— Врея!— позвал он ее громко,— Проснись. Вставай.

Не было никаких признаков, что она слышала, не было больше и каких-либо ее движений. Чейн крикнул грубее и громче.

— Врея! Просыпайся или я тебя как следует отделаю!

Видимо, потребовалось некоторое время, чтобы слова дошли до нее, но вскоре она открыла глаза. Они были ошеломленные, изумленные и в то же время с искрой гнева.

— Вставай, говорю тебе, или я задам тебе такую трепку, которую ты никогда не получала.

Чейн пристально уставился на нее, она ответила таким же взглядом, сосредоточенность ее глаз стала устойчивее, на щеках появился румянец. Он поднял руку, Врея злобно зашипела, поднялась и, шатаясь направилась к нему с поднятой рукой, готовой к удару.

Как только она сошла с решетки, Чейн схватил ее. Он держал Врею спокойно, поскольку сила к ней еще не вернулась; смеясь, он шепнул ей на ухо:

— Прости меня, Врея, но ты чертовски упрямая девчонка, и мне ничего другого не оставалось, как угрозой тебя поднять.

С Вреей на руках он прошел по дорожке и возвратился в тоннель. Осторожно опустил ее; она сидела с поникшим видом и бросала в его сторону злобные взгляды.

Но эти взгляды не шли в сравнение со взглядами, которые Эштон адресовал Дайльюлло. Он выглядел человеком, который был на грани потери рассудка. Но он молчал. Ни слова за все это время. Сжал свой рот, словно стальной капкан, и Дайльюлло.

Вскоре Саттаргх слабо зашевелился на решетке. Боллард и Дайльюлло выбежали к нему, забрали его и притащили в тоннель.

— Спасибо, Врея,— сказал Чейн.— Спасибо за то, что ты их возвратила сюда.

— Теперь, с их возвращением,— заявил Дайльюлло,— можно попробовать выбраться из этого проклятого места. Большинство из них сейчас в самолетах, и у нас лучшего шанса не будет.

— Я полагала, что вы собираетесь сражаться с Хэлмером за спасение Свободного Странствия. Ты врал мне, Чейн?— спросила Врея.

— Конечно, врал,— влез Эштон.— Им наплевать на Свободное Странствие, вся их забота — забрать меня отсюда.

Чейн заметил, что Дайльюлло и Боллард опасаются, как бы тот не вздумал броситься назад к решетке, стало быть, к разрывам снарядов, к

своей гибели. Чейн понял намек и стал бдительнее смотреть за Вреей. Сейчас она сидела рядом с Раулем, положив руку на его руку.

Голова Руля была откинута назад к стене. Он не отрывал глаз от Вреи, за исключением тех моментов, когда приподнимал свободную руку, рассматривал ее, потом проводил по своему лицу и телу, гладил свои изнеможенные кости. Он любит ее, подумал Чейн. Наверное, сейчас он кается, что чуть не потерял ее из-за Свободного Странствия.

А вот любит ли она его, хотелось знать Чейну. И он удивился нахлынувшему приступу ревности.

Пока Дайльюлло прикидывал план будущих действий, наемники собирали свое снаряжение.

— Вы же мне сказали, что выход из тоннеля будет охраняться,— язвительно заметил Макгун.

— Наверняка,— посмотрел на него Дайльюлло.— А это означает, что нам нужно пробиваться с боем. Если это нам удастся, и мы доберемся до самолетов, у нас будет шанс.

Дайльюлло повернулся к Мильнеру.

— Лучше тебя никто не владеет лазером. А быстрее тебя, Чейн, ни кто не бегает. Думаю, вам двоим надо идти.

Никто не стал возражать. Только Мильнер пожелал:

— Нам пригодилась бы световая бомба.

— Я подумал об этом,— кивнул Дайльюлло. Он извлек из кармана небольшой пластиковый шарик диаметром чуть больше сантиметра и передал его Мильеру, сказал:

— Все знают, что я противник убийств. Но эти фанатики намерены уничтожить каждого из нас, так что действуйте без колебаний.

Чейн как был босиком, так и оставался. А Мильнеру пришлось снимать обувь. Пока он был этим занят, Врея сказала Чейну:

— Ты все-таки врал.

— Насчет необходимости вернуться — нет, не врал. О сохранении Свободного Странствия...— Чейн пожал плечами.— Пока Хэлмер не причинил ему особого вреда.

И вдруг с поразительной яростью заговорил Рауль:

— Он должен. Он должен его уничтожить.

В полном изумлении Врея уставилась на него:

— И ты так можешь говорить, Рауль? После того, как побывал сам в Свободном Странствии?

— Да, именно потому, что побывал,— сказал Рауль.— Да. Посмотри на меня, посмотри на Эштона и Саттаргха. Свободное Странствие — это сладкий яд. Вот что это такое. Это смерть.

Мильнер обратился к Болларду:

— Не забудь принести нашу обувь. И повернулся к Чейну. Они взяли лазеры и отправились в тоннель.

Шли они совершенно бесшумно; и в тоннеле была бы полная тишина, если бы не доносившееся сзади из огромного шахтного ствола эхо от

периодических разрывов снарядов. В тоннеле было темно, но они не могли потерять свою дорогу.

Через некоторое время впереди показался слабый тусклый свет. Они пошли осторожнее и скоро приблизились к яркому дневному свету у конца тоннеля.

Мильнер просигналил Чейну поднятой рукой остановиться. Затем он вынул из кармана небольшой шарик, нажал на нем контакт и швырнул шарик во вход тоннеля.

Мгновенно Мильнер и Чейн закрыли глаза и свободными ладонями прикрыли зрачки.

Они знали, что после разрыва световой бомбы, о чем предупреждает резкий отрывистый звук детонатора, возникает такая страшно интенсивная вспышка света, что ее можно ощущать даже через ладонь на закрытых веках.

Через мгновение они открыли глаза и бросились бежать из тоннеля. Чейн бежал впереди, низко пригнувшись и с максимальной скоростью, не пытаясь в эту минуту высшей опасности скрывать от Мильнера возможности Звездного Волка.

Скорость и спасла его. Так как мгновение спустя лазер, укрепленный на выступе скалы для прикрытия выхода из тоннеля, был пущен в ход одним из аркуунов, глаза которого были еще ослеплены.

Лазер разрезал Мильнера почти пополам. Чейн успел отскочить в сторону, когда Мильнер упал.

У двух аркуунов, оставленных охранять выход из тоннеля, зрение стало восстанавливаться, и они смогли достаточно хорошо видеть, чтобы убивать. Они повернули свои лазеры в сторону Чейна. Чейн уложил одного из аркуунов и тут же после вспышки и треска своего лазера отскочил в сторону с присущей варновцам сноровкой.

Оставшийся аркуун выстрелил и промахнулся и стал после этого размахивать своим оружием, преследуя Чейна. Но, Чейн, обнажив зубы в саркастической усмешке, уже успел выстрелить. Второй аркуун был сражен.

Чейн склонился над Мильнером. Никаких сомнений не было: Мильнер мертв.

Чейн вбежал в тоннель и вложил всю свою силу легких в крик "вперед!", который многократным эхом покатился по длинной трубе.

Вскоре он услышал звук приближающихся шагов. Подошедший с другими к Чейну Дайльюлло посмотрел на лежавшее тело Мильнера и, ничего не сказав, положил рядом ботинки, которые уже больше никогда не понадобятся их хозяину.

Пока Чейн обувался, прибыли все остальные. Эштон, которого тащили под руки Боллард и Джансен, не умолкал:

— Не поеду! Не оставлю Свободное Странствие!

Дайльюлло повернулся к нему:

— Мистер Эштон, мы заключили контракт, по которому обязались доставить вас домой, и мы его выполним. Контракт не запрещает мне применять к вам успокоительные средства, так что примите, пожалуйста.

И он сильно, наотмашь ударил Эштона в лицо.

— Тащите его,— сказал Дайльюлло.— И возьмите тело Мильнера.

XVII

Выйдя из тоннеля, они стали двигаться по выступу скалы. Дайльюлло следил, чтобы группа как можно ближе прижималась к горе.

— Самолеты все еще кружат около вершины,— говорил он,— и будет плохо, если они обнаружат вас, спускающимися с горы.

Когда они перешли с выступа скалы на древнюю тропу и выбрались по ней на усыпанный камнями склон, Дайльюлло дал команду остановиться в укрытии огромного валуна. Он кивнул Джансену и Болларду, которые несли тело Мильнера.

— Вот здесь и похороним,— сказал он.— Увековечим память о нем пирамидой из камней. Только не обнаруживайте себя.

— Это же безумие,— вскричал страшно перепуганный Макгун, глядя на небо.— Человек мертв и...

— Да, мертв,— прервал его Дайльюлло.— И он не был тем, кто больше всего мне нравился на свете. Но он был хорошим наемником, который поехал со мной, чтобы здесь умереть. И поэтому его похоронят по-человечески.

В тени огромного валуна над телом Мильнера была возведена пирамида камней.

— Хорошо,— сказал Дайльюлло.— Начнем спускаться, но не все вместе. Будем двигаться попеременно, по одиночке или парами, от одного укрытия к другому. Первым пойду я, а вы вслед за мной делайте то же самое. Боллард, будешь помогать Эштону. А ты, Чейн, будешь замыкающим.

Они двинулись: Дайльюлло быстро пробежал сравнительно недалеко вниз по склону до очередного крупного валуна, за ним последовал Боллард с Эштоном. Чейну показалось, что, хотя Эштон действительно нуждается в поддержке, главная причина, почему Дайльюлло приставил к нему Болларда, была не в этом, а в том, чтобы полностью исключить возможность побега Эштона с возвращением в тоннель. Эштон теперь лишь жалобно ныл о Свободном Странствии и о том, что он не может без него жить.

В ожидании, когда он двинется последним, Чейн поглядывал на три самолета, кружившиеся около вершины горы. Затем он посмотрел вниз на свою группу, перебегавшую одиночками и парами от одного валуна к другому в смертельной игре "следуй за вожаком".

Нет, подумалось Чейну, им не удастся долго оставаться незамеченными. Наемники-то опытные в этом деле, а вот Эштон, Саттаргх и Гарсиа, так же, как Рауль и Врея — нет.

Им не удалось уйти даже на предполагаемое Чейном расстояние. Едва они преодолели лишь треть каменистого склона, как Чейн, взглянув на небо, увидел, что один из трех самолетов прекратил кружить и устремился на группу.

Чейн прокричал предупреждение и укрылся за камнем. Он вскинул лазер, но аркууны, видимо, знали дальность действия портативных лазеров: самолет прошел на безопасной высоте, и пилот выпустил реактивные снаряды.

Взрыв наполнил воздух обломками камней. Чейн пристально посмотрел, но поскольку все спрятались, так и не узнал, были ли жертвы.

— Вот привязался!— пробормотал Чейн.— Однако же, хватит.

Самолет ушел прочь от горы, чтобы развернуться и сделать новый заход.

Аркууны в двух других самолетах, должно быть, поняли, что происходит, и тоже поспешили присоединиться к атаке.

Чейну, наблюдавшему за ними, показалось, что один из этой двойки в спешке прошел над вершиной горы. Он надеялся, что шахтный ствол Свободного Странствия прихватил его.

Надежда умерла, когда оба самолета направились, прямо на них. Вокруг Чейна начали рваться снаряды, выпущенные ведущим самолетом.

Чейн слился с камнем, за которым укрылся. Он отвел взгляд от горы и увидел, что самолет, который первым атаковал их, разворачивается назад, чтобы попасть на них с тыла.

А в это время последний из пары самолетов начал снижаться над Чейном. К его удивлению, самолет не выпустил ни одного снаряда. Машина величественно прошла по прямой, нисходящей линии, пока не врезалась в склон, пропахав по камням и сгинув в пламени взрыва.

— Свободное Странствие все-таки прихватило его!— обрадовался Чейн.— Хорошо.

Впрочем, для группы это не стало большим облегчением. Ведь двух оставшихся самолетов, которые летали по эту сторону горы, было более, чем достаточно, чтобы уничтожить их, если только, конечно, летчики не войдут в зону действия лазера.

Первый самолет сделал круг и теперь возвращался обратно. Чейн перебежал на противоположную сторону валуна, заметив, что Дайльюлло и все, кто был внизу, сделали то же самое. Ему показалось, что некоторые из них пропали, но полной уверенности не было.

Снаряды рвались прямолинейно по склону. Один взорвался совсем близко от валуна, за которым сидел на корточках Чейн.

Чейн вскочил и, шатаясь, вышел на открытую местность. Свободной рукой он схватился за живот. Затем упал на землю на спину с открытыми глазами, по-прежнему сжимая в руке лазер.

Оставаясь лежать в таком положении, Чейн неожиданно услышал, как кто-то тяжелыми шагами передвигается к нему по тропе. Он увидел склонившееся потное лицо Дайльюлло, подбородок которого кровоточил от небольшой раны.

— Чейн?

Не пошевелив ни одним мускулом, Чейн сказал:

— Убирайся отсюда, Джон, черт бы тебя побрал, и оставь меня одного. И постарайся следовать своим путем дальше вниз по склону.

— Ну, да, мне следовало бы знать, что это какая-то хитрость Звездного Волка,— проворчал Дайльюлло, но лицо его просветлело. Тяжелыми шагами он направился обратно вниз по склону горы.

Вскоре Чейн услышал, как один из двух самолетов возвратился и снова раздались взрывы снарядов на горе.

Летчик сделал круг, но по близости от Чейна не выпустил ни одного снаряда. У Чейна появилась надежда.

Время шло, пока он лежал. Самолеты упорно прилетали на эту сторону горы, стреляли и снова уходили на разворот. Но центр борьбы постепенно перемещался все ниже по склону. Дайльюлло, размышлял Чейн, использует промежутки между атаками самолетов для продвижения вниз.

Он лежал неподвижно с распростертыми руками, и внимательно следил за каждым самолетом, который кружил над ним после атаки на группу Дайльюлло. Поскольку группа спускалась все ниже по склону горы, то и самолеты вслед за ней снижали высоту атаки, становясь все более уязвимыми для Чейна. Было видно, что летчики совершенно перестали беспокоиться о Чейне, считая его убитым.

Внизу прогремела очередная пария реактивных снарядов, и выпустивший ее самолет прошел над Чейном ниже, чем раньше.

Пока рано, подумал Чейн. Нужно бить наверняка...

Он ждал, слушая доносившийся до склона внизу грохот воздушных взрывов. Интересно, сколько же людей у Дайльюлло осталось в живых.

И вот, когда звуки атаки внизу стали еще более далекими, Чейн почувствовал, что время действовать наступило, и всем своим нутром приготовился. Он ждал появления самолета, который на этот раз опустился достаточно низко.

Со всей скоростью варновца он вскочил на ноги, нацелился лазером и нажал спуск.

Пучок луча пробил кабину летчика. Самолет, не завершив начатый вираж, врезался в гору.

Оставшийся аркуунский самолет ходил по кругу, готовясь к очередному заходу для атаки, но когда увидел, что произошло с его напарником, изменил курс. Летчик, казалось, обезумел от ярости: он направил самолет прямо на Чейна, выпустив по нему очередь снарядов.

Чейн прыгнул в укрытие, но камни вокруг него, казалось взлетели в воздух, подняв клубы пыли. Взрывы почти оглушили его.

Когда грохот затих, Чейн вышел, шатаясь, но самолет, уже сделав круг, уходил на разворот, чтобы сделать новый заход на атаку.

Чейн увидел, что по склону, словно сумасшедший, несся Дайльюлло, поднимаясь выше места, на котором был Чейн.

Чейн едва успел нырнуть под камень, как вдруг снова стали рваться снаряды. После завершения атаки он сказал себе, что счастье исчерпало себя до предела, и при следующей атаке ему не сдобровать.

Но когда взрывы кончились, он услышал другой звук — сухой треск лазера. Он подпрыгнул, но ничего не мог увидеть сквозь клубы пыли.

Когда пыль немного осела, Чейн увидел, что последний аркуунский самолет, хаотично кувыркаясь, падал вниз. Машина ударилась о землю и, переворачиваясь, немного прокатилась по склону.

Прихрамывая, Дайльюлло с лазером приблизился к Чейну.

— Я не такой способный на хитрости как Звездный Волк, но, раз увидев, я могу удачно повторить. Я сообразил: летчик так на тебя взбесился, что не станет обращать внимания на мое карабканье в гору.

Они прошли к разбитым самолетам и осмотрели их. Никого в живых не осталось. В одной из машин сидел Хэлмер с откинутой назад головой. На его золотистом лице не было ничего, кроме выражения смерти.

— Будь прокляты все эти фанатики,— горько заметил Дайльюлло.— Сами гибнут и губят много других людей из-за того, что не убеждают людей в своих идеях, а навязывают их силой.

Чейн пожал плечами.

— Ну,— сказал он беззаботно,— Хэлмер не уничтожил Свободное Странствие, не уничтожил и нас. По крайней мере, не всех из нас. Сколько людей осталось?

— Раулю осколок снаряда ударил прямо в сердце. Макгуну осколок попал в живот, и я думаю, что он умирает. У Джансена ранено плечо, но не опасно.

На верху склона теперь было очень тихо. Через разбитую кабину самолета дул ветер и шевелил светлые волосы Хэлмера.

Дайльюлло повернулся и устало побрел вниз к группе. Чейн последовал за ним, чувствуя к нему определенную жалость и завидуя его взглядам.

Когда они подошли к группе, Боллард оказывал первую помощь Макгуну, находившемуся, по-видимому, без сознания. Врея сидела у тела Рауля и плакала. Остальные понемногу приходили в себя.

— С самолетами покончено,— обратился к группе Дайльюлло.— Вы теперь в безопасности. Оставайтесь здесь, пока Макгуну не будет

лучше, и сделайте для него матерчатые носилки. А я спущусь с Чейном к флайеру.

Они отправились в путь. Едва они прошли полусотню ярдов, как сзади неожиданно раздался отчаянный крик. Они обернулись и увидели, как от группы обратно вверх к входу в тоннель побежал Рендл Эштон.

— Я догоню его,— сказал Чейн. Крикнув Болларду, чтобы тот оставался на месте и помогал Макгуну, он побежал за Эштоном. Спешить не пришлось. Чейн видел, что Эштон, поднимаясь по крутой тропе, изнемогал и шатался, спотыкался, падал и снова вставал.

Давай, негодяй, бормотал Чейн, обливайся слезами. Из-за тебя погибло столько людей, что тебе нельзя не плакать.

Когда Чейн настиг Эштона, тот плакал, сидя в пыли. По щекам текли слезы, и рыдания душили его. Чейн схватил его, вскинул на плечи, и спустившись к группе, бросил на землю, где он лежал истощенный.

— Боллард, если он попытается снова, оглуши его станнером,— сказал Дайльюлло.

— Я предпочел бы лазер, но слушаюсь,— пробурчал Боллард, не отрываясь от своей работы. Он был весь в крови Макгуна, лихорадочно борясь с кровотечением, которое уже нельзя было остановить. Чейна подмывало сказать ему, что он зря тратит время, но потом он решил этого не делать. В конце концов, это было время самого Болларда и уже наверняка ему не понравился бы суровый реализм Звездных Волков. Это люди должны всегда пытаться что-то делать. Чейн снова отправился в путь с Дайльюлло, и на сей раз ничто их не задержало.

На протяжении всего спуска Дайльюлло не произнес ни слова, но Чейн догадывался, какие предчувствия его одолевали. Потому что и сам думал о том же.

Предчувствия были крайне мрачные и, увы, подтвердились. Когда они вошли в защищенный высокими скалами угол, где Джансен укрыл флайер, их глазам предстал лишь обгоревший изуродованный остов летательного аппарата.

— Дотошный же был этот Хэлмер, черт его побери,— промолвил Дайльюлло.

— Но еще остался самолет Эштона.

— Неужели ты думаешь, что Хэлмер его не узрел?

Чейн пожал плечами.

— Ладно, проверим,— сказал Дайльюлло.— Возьмем Эштона и...

— Передохни, Джон,— перебил Чейн.— Я схожу за ним. Дайльюлло печально взглянул на него:

— Я стал настолько стар, что ты хочешь избавить меня от лишней прогулки вверх по склону. Не так ли?

— Знаешь, тебе явно что-то нужно делать со своей озабоченностью возрастом.

— А Звездных Волков старение *не* беспокоит?

Чейн ухмыльнулся:

— Образ жизни Звездного Волка не создает слишком много забот на сей счет.

— Ладно, проваливай,— сказал Дайльюлло.— В конце концов, зачем я должен изматывать себя, когда у меня имеется для побегушек такой здоровый безропотный бык, как ты.

Чейн быстро понесся, замедлив скорость лишь когда появился в поле зрения группы наверху у склона.

— Макгун скончался,— сообщил Боллард.— Умер до того, как я смог полностью остановить кровотечение.

Чейн покачал головой. Он взглянул на Врею, которая уже не плакала, но по-прежнему с опущенной головой сидела около Рауля.

— Джон, наверно, захотел бы, чтобы вы соорудили что-то из камней также над Макгуном и Раулем. Не правда ли?— сказал Чейн.

— Думаю, что да,— сказал Боллард.

Чейн подошел к сидевшему Эштону.

— Пойдемте со мной. Нам нужно, чтобы вы показали место, где спрятан ваш флайер.

— Не пойду,— заявил Эштон.— Не хочу улетать отсюда. С какой стати я вам должен показывать?

По лицу Чейна прокатилась мрачная улыбка.

— Если вы откажитесь, я вам сделаю то, что доставит мне огромное удовольствие.

Поднялся Саттаргх и устало сказал:

— Пойдемте, я вам покажу. Я больше не могу это переносить.

Тощий арктурианец спустился по склону к ожидавшему Дайльюлло. Затем он прошел с ним и Чейном более мили вдоль подошвы горы.

— Нам не удалось его полностью спрятать,— сказал он, тяжело дыша.— Но, чтобы замаскировать, мы присыпали его сверху, где можно, песком и каменной пылью.

Когда они добрались до указанного Саттаргхом места, представлявшего собой нишу в горе, их глазам предстало то, что и можно было ожидать. Вместо флайера они увидели оплавленную бесформенную груду металла.

— Что теперь?— спросил Чейн у Дайльюлло.

— Дай мне немного времени для вдохновенного поиска блестящей идеи. Пока я займусь этим, скажи, чтобы все спускались сюда.

Несколько часов спустя, когда Альюбейн уже был на закате, они сидели кругом и, уныло поглядывая друг на друга, ели свой рацион. После завершения трапезы Дайльюлло сказал:

— Теперь я вам сообщу о сложившемся положении. Флайера, на котором можно выбраться отсюда, у нас нет. Нет у нас и коммуникатора на дальнее расстояние, поэтому мы не можем вызвать Киммела и Альюбейн-2 и сказать ему, чтобы он привел корабль сюда. Дайльюлло вынул карту, расправил ее и попросил Болларда посветить фонариком, так как уже смеркалось.

— Вы знаете, что наемник любит иметь на своем луке две струны. Я договорился с Киммелом о встречах. Если он о нас ничего не слышит, то через каждые десять дней он прилетает на встречу.

Дайльюлло ткнул пальцем на карте в точку, где текущая с севера на юг огромная река впадает в одно из аркуунских морей:

— Вот место, выбранное для встречи.

— А где сейчас находимся мы?— спросил Гарсиа.

Дайльюлло показал на карте:

— Здесь.

— Так это же чудовищно далеко,— воскликнул Гарсиа.— Сотни миль.

— Верно,— согласился Дайльюлло.— Но я продумал способ, как нам туда добраться.

— Стало быть, вдохновенный поиск блестящей идеи состоится?— спросил Чейн.

— Да.

— И что же за блестящая идея?— спросил Чейн.— Как мы доберемся до места встречи?

Дайльюлло обвел всех взглядом и заявил:

— Пешком. На своих двоих.

XVIII

Сколько же дней они шли? Чейн попробовал прикинуть в уме. Четырнадцать дней преодолевали горные хребты... нет, шестнадцать, два дня потеряли на тупик и выход из него. А сколько дней потратили на великий лес? Сколько дней спускались по склону земельного массива, пока не стало жарко и влажно и высокие деревья не сменились темно-красными джунглями?

Как только они начали продвигаться через горы, Чейн выразил несогласие с маршрутом Дайльюлло.

— Это не прямой маршрут. Ты отклоняешься на север.

Дайльюлло согласился и сказал:

— Но это кратчайший путь к той большой реке.

— Реке?

— Чейн, посмотри на людей, на состояние некоторых из них. Пешком они никогда не дотянут до места встречи. Но, если я их выведу к реке, то дальше мы спустимся по течению на плоту.

И вот теперь, пробившись через красные джунгли, Чейн смотрел на колонну двигавшихся впереди людей и думал, что тогда они, наверно,

выглядели плохо, но это не шло ни в какое сравнение с тем, как они выглядят сейчас.

Особенно плох был Саттаргх, Эштон намного лучше. Их жизненные силы были подорваны длительным пребыванием в Свободном Странствии, из которого они возвращались лишь на короткие промежутки для приема пищи. Гарсиа выглядел лучше, но он был ученым, а не привыкшим опасным приключениям человеком, и поэтому быстро уставал.

И Чейн, и Дайльюлло вначале беспокоились за Врею, но теперь, размышлял Чейн, им нет нужды волноваться. Высокая аркуунская девушка держалась замечательно. Она упрямо вышагивала своими красивыми золотистыми ногами и ни на что ни жаловалась.

Желтый солнечный свет неровными полосами пробивался через темные кроны высоких деревьев. Растительность пониже была ярко-алой окраски. Дайльюлло пришел черед идти первым, и группа тяжело тащилась вслед за ним, часто останавливаясь, пока он не прорубит проход к зарослям.

Сейчас, на остановке Чейн заметил, как утомленно опустились на землю Саттаргх и Эштон. Они использовали даже эту короткую возможность, чтобы передохнуть. Это был плохой знак. Саттаргх проявлял терпение, но Эштон был угрюм и обижен. Ни у кого из них, в сущности, не было сил для такого путешествия.

В красных джунглях было очень тихо. Чейн заметил, что было много птиц, в том числе удивительно крупных экзотического вида, но очень мало животных.

Он сообщил о своих наблюдениях Врее, стоявшей рядом и отбрасывавшей назад свои желтые волосы с влажного лица. Она согласилась.

— Нэйны почти уничтожили многие виды. Лишь на самом юге сохранилось несколько разновидностей крупных плотоядных.

Чейн вспомнил маленький рот нэйна, с которым он боролся.

— Никогда бы не подумал, что *они* могут есть мясо. Я не видел у них зубов.

— Они были выведены с расчетом на потребление жидкой искусственной пищи,— сказала Врея.— Но они научились измельчать мясо животных в жидкую кашицу и в таком виде его проглатывать.

— Блестяще,— ухмыльнулся Чейн. В этот момент Дайльюлло закончил вырубку кустарника, и все снова двинулись в путь.

Чейн пристально посмотрел на Саттаргха и Эштона. Саттаргх изо всех сил старался встать на ноги; Эштон же, казалось, и не собирался этого делать. Но когда он посмотрел вверх и столкнулся со взглядом Чейна, тут же поднялся.

Через пару дней, может быть, чуть позднее, подумал Чейн, начнутся у нас с ним мучения, а до конца пути еще далеко.

В тот вечер они разбили лагерь под высокими деревьями, где не было кустарника. Они не стали разводить костер, дабы не навлекать на себя

беды. Все жевали высокопитательные пищевые таблетки, запивая их водою из ручья, которую предварительно стерилизовали специальными таблетками. Как всегда, Дайльюлло, требовал от Саттаргха и Эштона, чтобы они ели пищи больше, чем хотелось.

С лазером на коленях Чейн сел на краю полянки, привалившись спиной к большому дереву. Появившиеся на небе обе луны бросали тускло-серебристые лучи, которые пробивались через листву. Вскоре к нему по серебристым полосам косого лунного света прошла Врея и села рядом, тяжело вздохнув.

— Ты молодчина, Врея,— сказал он.— Никогда не думал, чтобы женщина могла вынести такое.

— Я устаю,— призналась она.— Но мне есть о чем рассказать нашему народу, и я это сделаю.

— О Свободном Странствии? Неужели ты расскажешь им об этом?

— Расскажу. Я приведу туда столько людей, сколько смогу. Пусть они отправятся в Свободное Странствие, увидят прелесть далеких звезд и миров. И мы навсегда откроем Закрытые Миры.

— Ты попадаешь в плен этой коварной возможности, как попали Эштон и Саттаргх. Ты кончишь тем, чем кончили бы они, не будь нас.

— Нет,— покачала она головой.— Я не попаду в плен. Ты же не попал, благодаря своей сильной воле, источник которой я никак не могу постичь. У меня тоже есть сила.

— Ну, а что случится с теми, у кого ее нет?

— Я думала об этом. Мы найдем способ уберечь их, сделать наверняка так, чтобы не улетели слишком далеко. Это можно сделать, Чейн. Конечно, риск тут есть. Но разве можно чего-нибудь достигнуть, не рискуя?

Ему нечего было возразить. Именно ему, как никому другому.

Утром, когда группа отправилась в путь, через два часа рухнул на землю Саттаргх. Ноги совершенно не держали его.

— Немного передохну,— говорил он, тяжело и часто дыша,— и все будет в порядке...

Чейн подошел и с восхищение посмотрел на тощего пожилого арктурианского ученого:

— Хорошо, отдохните. Я скажу Джону.

Подошел из головы колонны Дайльюлло, и его длинное лицо еще больше вытянулось, когда он увидел Саттаргха.

— Десяток минут отдыха,— попросил Саттаргх,— и я могу двигаться дальше.

Но спустя десять минут, пытаясь подняться, он снова упал.

— Н-да,— вздохнул Дайльюлло.— Я так и предполагал. Сооружайте носилки.

Плотную сетку из тонких, крепких веревок прикрепили к двум жердям, срезанным в чащобе. Гарсиа взялся за концы впереди, Чейн сзади, и они снова продолжили движение.

К вечеру, когда пришло время устраиваться на ночлег, все, за исключением Чейна, были измотаны до предела. Люди легли в кромешной темноте на землю. Они не могли даже есть, не отдохнув. Чейн же сидел и жевал пищевые таблетки.

Неожиданно что-то гибкое, белое, быстрое вынырнуло из темноты, схватило тщедушного Эштона, лежавшего с краю группы, и помчалось с ним.

В мгновение ока Чейн вскочил на ноги и бросился в погоню. Он рванул с высшей скоростью Звездного Волка, не заботясь о том, смотрит кто-нибудь на него или нет.

Он уже был всего в нескольких ярдах от нэйна. Эта тварь видимо могла бы убежать от него, если бы у нее ничего не было в руках, но она не бросала Эштона. Продираясь через кустарник, перепрыгивая через упавшие стволы деревьев, Чейн мчался с чудовищной скоростью. Ради Эштона им пришлось преодолеть такие расстояния и столько всего испытать, хотя сам по себе Эштон, наверное, этого не стоит, и нельзя же допустить, чтобы впустую пропали вся работа, раны и гибель людей.

Нэйн бросил Эштона и с невероятной силой схватил руки Чейна, пытаясь их разорвать. Чейн сжал руки в железный замок и закричал:

— Джон! Сюда!

Пытаясь разорвать руки Чейна, нэйн мяукал, всхлипывал. Чейн чувствовал, что долго ему не выдержать.

В кустах раздался треск, и в неровном лунном свете показались бегущие Дайльюлло и Боллард. В руках у них были тесаки для джунглей, и они вонзили их в тело нэйна.

Нэйн прекратил попытку освободиться от замка Чейна, ударил своими руками Дайльюлло, и тот отлетел назад.

Боллард же продолжал бить тесаком. Чейн мог слышать, как металлическое лезвие тесака входило в тело нэйна со странным тупым звуком, словно оно вонзалось в какую-то губку.

— Не могу убить эту тварь,— в отчаянии кричал Боллард.

Чейн неожиданно отпустил шею нэйна. Будучи все еще на спине нэйна, он перенес захват ниже, чтобы сковать руки чудовища.

Сила рук нейна была столь велика, что Чейн понял: через несколько секунд его замок будет разорван. Боллард яростно бил и колол, и вдруг нэйн упал и замер.

— О, боже, и что это за чудовище,— все еще тяжело дыша, сказал Боллард, до предела потрясенный.— У него, по-видимому, вовсе нет жизненно важных органов...

Чейн побежал к Дайльюлло, поднимавшегося из чащи кустарника, куда швырнул его нэйн.

— Кости целы,— сказал Дайльюлло,— но есть ушибы. Когда это чудовище схватило меня, чтобы бросить, я думал, что его руки сломают меня пополам.

Боллард склонился над тщедушным Эштоном.

— Придушен до потери сознания,— сказал он.— Эта тварь не хотела, чтобы он кричал, когда его схватила. Он придет в себя.

Они принесли Эштона в лагерь.

— Дежурить постоянно по-трое,— распорядился Дайльюлло.

— И каждому иметь при себе один из трех лазеров.

Врея изумленно взглянул на Чейна.

— Ты преследовал нэйна? Я никогда не думала, чтобы кто-то...

— Похоже, что мы вступаем снова на их территорию,— вмешался Дайльюлло.

— Да,— подтвердил Врея.— Недалеко отсюда к юго-востоку находится мертвый город Млан,— это был главный центр создания нейнов много лет назад.

Дайльюлло вынул карту, расстелил на земле и присел над ней, подсвечивая карманным фонариком.

— Да,— сказал он.— Млан находится на юго-востоке в ста пятидесяти милях. Через него проходит река.

Он выключил фонарик.

— Хорошо, все, кто не на дежурстве, ложитесь поспать. Нам следует хорошо отдохнуть.

Утром выяснилось, что кошмарное нападение нэйна принесло полезный результат. Рендл Эштон пришел в сознание, объятый абсолютным страхом. Он не заявил ни одного из своих обычных упрямых протестов, когда все стали отправляться в дорогу. В пути он то и дело нервозно оглядывался то на джунгли, то на своих спутников, словно боясь, что они могут здесь оставить его одного. В тот день Саттаргх заявил, что он уже способен идти сам.

Когда после полудня группа шла вдоль ручья, Чейн заметил мелькнувшую в кустах белую тварь и ударил по ней из лазера.

Десять минут спустя после этого случая, из-за высоких деревьев впереди выскочили два нэйна. Дайльюлло выстрелил и промахнулся, но Боллард, у которого был третий лазер, срезал одного, дав возможность убежать другому.

— Здешние леса, кажется, кишат этими тварями,— сказал Боллард.— Уж не передают ли они друг другу информацию о нас?

Чейна это тоже удивило. Сам факт существования нэйнов был кошмаром. Нэйны были побочным продуктом той самой науки, которая создала Свободное Странствие, и Чейн подумал, что такая наука — проклятие для этого мира, она породила скопище вечных ужасов, терзающих все живое.

В тот вечер, когда Чейн сдал свое дежурство Джансену, Дайльюлло сидел и растирал свои ушибы. Морщины на его лице залегли еще глубже от боли и страшной усталости. Некоторое время он молчал.

— Ты знаешь, о чем я только что думал,— сказал он наконец.— Я думал о красивом белом доме с фонтаном, цветами и чудесными вещами внутри. Стоящее дело. Верно?

Чейн ухмыльнулся.

— В один прекрасный день ты обзаведешься красивым домом, Джон. Пару недель посидишь перед ним, полюбуешься цветочками, а потом встанешь и отправишься назад в Зал наемников.

Дайльюлло посмотрел на него.

— Что мне в тебе нравится, Чейн — так это постоянная доброжелательность и моральная поддержка. Будь любезен, отвали от меня.

Ночью они дважды просыпались от звука лазерных хлопков, так как дежурные стреляли в подкрадывавшихся нэйнов. Утром они узнали, что один из лазеров приказал долго жить: его заряд истощился.

Дайльюлло нахмурился.

— Я не удивляюсь. Мы не жалели лазеров против самолетов Хэлмера. Надо подольше продлить жизнь оставшихся двух.

Переход в тот день был столь же ужасным, что и накануне. Хотя нэйны предприняли практически одно нападение, можно было часто видеть, как одно или два чудовища проносились параллельно с группой.

Большую часть дня им пришлось нести Саттаргха. Чейн заметил, что к вечеру начал сдавать и Рендл Эштон. Он был так напуган, что содрогался от страха быть покинутым и всячески старался не отставать. Но было видно, что он дошел до предела своих сил.

Врея в тот вечер находился словно в оцепенении. Когда Чейн подошел к ней, она лежала с закрытыми глазами, судорожно глотая воздух. И все же она не жаловалась.

Он погладил волосы. Слабым усилием воли она поднесла его руку ко рту и сделала попытку укусить палец.

Чейн засмеялся и крепко обнял ее.

— Врея, я никогда не видел такой девушки, как ты.

— Уходи, дай мне поспать,— пробормотала она.

Эштон начал сдавать, когда на следующий день они прошли едва один час. Он начал спотыкаться и падать из-за малейших препятствий. Чейн поддерживал его за плечо, когда был свободен от носилок.

— Спасибо,— благодарил Эштон.— Я не хочу оставаться...

Неожиданно Дайльюлло объявил остановку. Впереди редели высокие деревья, и через них проглядывало целое море рыжевато-коричневой воды, ярко сверкающие от желтого света Альюбейна.

Река.

Они сели на ее берегу и в течении некоторого времени оставались настолько отупевшими и истощенными, что просто смотрели на этот широкий водный простор между берегами, покрытыми джунглями, несущий свои волны неизвестно откуда и неизвестно куда.

— Ну, что ж, хватит,— сказал, наконец, Дайльюлло.— Сам по себе плот не построится. У нас нет инструментов, пилить деревья придется, используя один из лазеров. Давай, Боллард. А я постерегу с другим лазером.

Обжигающий луч лазера валил и очищал от веток подходящие стволы деревьев. Но к тому времени, как работа была закончена, оказалось, что и этот лазер истощился.

Чейн катал бревна к реке. Боллард достал в одной из сумок кольцо крученой стальной проволоки толщиной со шнур, но крепкий, как канат.

Показывая Чейну, как связывать бревна вместе, Боллард сказал:

— Мне приходилось читать, будто люди связывали бревна вместе виноградной лозой и делали плоты. А тебе не приходилось видеть такую лозу, чтобы она связывала что угодно вместе и это оставалось бы связанным.

— Я бывал во многих мирах, но ничего подобного не видел,— ответил Чейн.

Тесаками для джунглей они выстругали длинное рулевое весло и скобу, в которую оно вставляется. Странно, что все это время не было никаких признаков нэйнов.

Вскоре готовый плот был на воде.

— Отлично, ведите наших инвалидов,— сказал Дайльюлло.

Истощенные члены группы поднялись, спотыкаясь о грубый плот, и быстро улеглись. Длинным рулевым веслом Чейн столкнул плот по течению реки.

Они поплыли. Они уходили все дальше и дальше вниз по огромной аркуунской реке, в то время как садилось солнце, выходили звезды и луны, а затем снова поднимался в небо желтый диск Альюбейна. Большинство людей лежали плашмя и отдыхали. Однако, Врея в первый же день нырнула с плота, поплавала несколько раз вокруг, влезла обратно и легла, чтобы обсушиться на солнце, а заодно высушить свою короткую куртку.

Чейн хитровато подмигнул ей, когда она лежала. Врея показала ему язык, и он расхохотался.

Плот плыл по реке, на берегах которой не виднелось ничего, кроме джунглей. В третью ночь Чейн сидел вместе с Дайльюлло у рулевого весла. Все остальные члены группы спали. Обе луны были в зените и река превратилась в бегущее серебристое море.

— Между звездами — быстрее скорости света,— пожаловался Дайльюлло,— а тут на плоте десять миль в час. Я чувствую себя, словно Гекльберри Финн в возрасте.

— Кто такой Гекльберри Финн? — спросил Чейн.

— Знаешь, Чейн, мне жалко тебя,— ответил Дайльюлло.— По рождению ты землянин, но о землянах несведущ. Тебе неизвестны их легенды, мифы, рассказы...

— У нас на Варне есть хорошие легенды.

— Держу пари, вроде таких, как Звездный Волк по имени Горальд с фамилией Тяжелая Рука участвовал в рейде, проломил многим черепа, награбил много чужого добра и с триумфом возвратился на родину.

— Да, вроде этого,— признал Чейн и неожиданно вскочил на ноги, напряженно всматриваясь вперед.

Залитая в лунном свете река в этом месте изгибалась огромной дугой, и впереди на обоих берегах на фоне лунного неба вырисовывались высокие, темные, полуразрушенные башни.

— Это, надо полагать, мертвый город Млан,— сказал Дайльюлло.

Чейн согласился:

— Да. И взгляни-ка, кто нас там ожидает.

XIX

При первом взгляде казалось, что залитый лунным светом разрушенный город кишел ордами нэйнов. Потом Чейн понял, что на самом деле этих тварей можно было считать на десятки, поскольку он никогда не видел так много нэйнов вместе, они производили впечатление огромного скопища. Их тела отливали белизной в лунных лучах. Когда нэйны бежали по каменным набережным мертвого города к двум массивным полуразрушенным мостам, то отсюда, с плота, они выглядели почти красивыми.

— Буди всех,— крикнул Дайльюлло.— Пахнет бедой.

Чейн разбудил людей, и они со страхом и отвращением смотрели на гибких белых тварей. Плот неотвратимо нес их к первому из двух мостов.

— У нас остался один действующий лазер,— сказал Дайльюлло.— Имеются миниавтогены, хотя и недолгого действия, но их нужно приготовить. Ну и тесаки для джунглей.

Он добавил:

— Чейн, бери весло и правь плотом. Если сядем на мель, то пропали. Эштон, вы и Саттарг бессильны что-либо делать. Я хочу, чтобы вы лежали, крепко зацепившись за что-нибудь.

Чейн направился к рулевому веслу и, когда шел, то схватил за руку Врею и потащил девушку за собой. Он встал к рулевому веслу, а Врею посадил рядом.

Она было открыла рот, чтобы выразить гневное возмущение, но тут же передумала. Плот приближался к первому из мостов. На мосту в этот момент находилось не менее пятнадцати нэйнов. Они ждали плот и при

лунном свете были похожи на белые человеческие призраки. А издалека, со стороны башенных руин, неслись долгие, становившиеся все громче по мере того, как на них отзывались другие нейны.

— Джон, они собираются прыгать на нас,— сказал Боллард.

— Закрыть всем глаза,— крикнул Джон и метнул вверх быстро одну за другой три маленьких световых бомбы.

Через закрытые веки можно было ощутить три ярких молнии, мелькнувших одна за другой.

Послышались всплески воды и тяжелые удары по плоту. Чейн открыл глаза и увидел, что, несмотря на кратковременное ослепление, нэйны прыгали с моста. Два нэйна оказались на плоту.

Лазер издал сухой треск, когда Дайльюлло нажал на спуск, и один из нэйнов, обожженный и безжизненный упал за борт. Но забравшийся на плот второй нэйн ударил Гарсиа, а потом схватил его. Тот отчаянно закричал.

Боллард и Джансен бросились сзади на нэйна, стали колоть его тело ножами, тщетно пытаясь убить. Чудовище бросило Гарсиа и развернулось. В этот момент Дальюлло нажал лазер и убил его.

— Они лезут сзади,— прозвучал голос Вреи за спиной Чейна.

Нэйны плавали словно белые амфибии и стали сзади, со всех сторон выпрыгивать из воды на плот.

Дайльюлло нажал на спуск лазера, но тот был глух, истощился.

— Ложитесь плашмя!— закричал Чейн, вытащив из гнезда огромное рулевое весло и пустив его в ход как дубину.

С его губ сорвался старый воинственный клич "убей, Звездный Волк!", с которым он и его товарищи не раз вступали в смертельную схватку во многих мирах. Он прокричал на варварском языке, размахивая веслом.

Двумя огромными взмахами Чейн сбил нэйнов в воду. Но сзади на бревнах появилось снова мяукающее чудовище. Чейн нанес ему сильный удар толстой рукояткой весла.

— Правь!— заорал Дайльюлло.— иначе их здесь будет больше!

Чейн умерил свою воинственную ярость, поняв, что имел в виду Дайльюлло. Их несло течением теперь ко второму мосту, в котором огромная часть центрального пролета отсутствовала, но на оставшихся не разрушенных краях их поджидал новый отряд нэйнов. Плот могло пронести под одним из краев.

Чейн вставил рулевое весло обратно в гнездо и налег на него всей силой. Неуклюже, тяжело плот вышел на середину реки.

Гарсиа лежал и стонал, но сейчас никто не обращал на него внимания. Из воды высунулись белые руки с пальцами без ногтей и вцепились в край плота. Боллард направил небольшую струю огня из своего мини-автогена на руки, и они исчезли.

У удивлению, и неожиданно для всех борьба на этом и закончилась. Плот прошел под разрушенной частью центрального пролета, и твари,

собравшиеся на сохранившихся концах моста, видимо, сообразили, что они слишком далеко находятся, чтобы успеть доплыть до плота. От досады они мяукали и издавали бессловесные всхлипывающие крики, но ничего больше предпринять не могли.

— Давайте теперь взглянем, что с нами стало,— сказал Дайльюлло, лицо которого было покрыто потом и при лунном свете выглядело неистовым.

У Гарсиа в результате железной хватки нэйна были сломаны обе руки и несколько ребер. У Болларда треснуло левое запястье от удара. Остальные отделались ушибами.

— Когда я задумываюсь о силище этих существ, то удивляюсь, что мы до сих пор живы,— вздохнул Дайльюлло.— А ты, Чейн, чертовски здорово поработал веслом.

— Возьми его и правь,— попросил Чейн.— А я помогу Гарсиа и Болларду.

— Я буду держать плот подальше от берега,— сказал Дайльюлло.— Если мы хотим все-таки добраться до места встречи, нам меньше всего нужны новые схватки.

XX

— Судя по всему, вам крепко досталось,— сказал Киммел.— А где Мильнер?

— Он погиб,— ответил Дайльюлло.

До того, как корабль появился, увидев дымовой сигнал и приземлился на месте, выбранном Дайльюлло, они прождали пять дней здесь, у слияния великой реки с неспокойным коричнево-желтым океаном.

— Вы нашли того человека? — спросил Киммел.

Дайльюлло махнул рукой в сторону Эштона:

— Мистер Рендл Эштон.

— Нашли? Да они похитили меня,— возмущенно заговорил Эштон.— Со мной было все в порядке, пока они не пришли...

— Вы там лежали, медленно умирая,— сказал Дайльюлло.— Вы возвратитесь со мной, я приведу вас за руку в кабинет вашего брата и получу за это причитающиеся всем нам деньги. И мне будет совершенно безразлично, если после этого вы захотите сюда возвратиться, повторить все сначала и убить себя.

Врея и Чейн стояли в конце группы.

— А ты, Чейн,— спросила она,— ты вернешься когда-нибудь сюда и повторишь вместе со мной Свободное Странствие?

— Нет. Свободное Странствие не для меня. Но, возможно, я прилечу сюда с другой целью.

Врея тряхнула золотистыми плечами:

— К тому времени у меня, наверное, будет другой мужчина.

— Ничего,— сказал Чейн.— Я его просто уберу прочь.

— Звучит интересно,— улыбнулась Врея.

Дайльюлло в это время давал Киммелу какие-то указания, и тому, похоже, они не нравились.

— Это просто,— говорил Дайльюлло.— Пойдешь на средней высоте, затем возвратишься, снизишься и сядешь на пустыре около города Яр. Врея сойдет, а мы уже будем далеко, когда они обнаружат нас.

— Подожди, минуту,— сопротивлялся Киммел.— Мне совсем не по душе такой риск: слишком близко от города. Корабль...

Дайльюлло всех удивил. От гнева на его щеках выступил румянец, и он резко сказал:

— Эта девушка стоит двадцати кораблей. У нее есть свои слабости, но она всегда держалась как настоящий воин. И мы сделаем так, как я сказал, высадим ее там, где ей лучше.

Врея подошла к Дайльюлло, расцеловала его. Тот смущенно улыбнулся и неуклюже похлопал ее по плечу.

В сумерках все было сделано, как сказал Дайльюлло, и Чейн увидел в последний раз, как Врея непринужденно и широко шагала навстречу огням Яра.

Они быстро поднялись навстречу сиянию Альбейна и, пока Киммел осаждал невозмутимого Мэттока своими рекомендациями и мольбами, Чейн смотрел на оставшиеся позади Закрытые Миры.

Он думал, что им недолго остается быть закрытыми. У Вреи есть сила стать лидером. И еще Чейн подумал, что она была права, заявив ему, что имеет достаточно воли и устоит перед губительным искушением стать слепым приверженцем Свободного Странствия.

Когда позднее корабль перешел на сверхскорость, Дайльюлло пригласил Чейна в своею маленькую каюту. Он пододвинул к нему бутылку.

— Всякий, кто делает хорошую работу, любит, чтобы ее замечали,— сказал Дайльюлло.— И сейчас я тебе скажу: ты сделал хорошую работу. Пару раз мы бы не выпутались без твоей силы и молниеносной реакции.

— У меня тоже сложилось такое впечатление,— подтвердил Чейн.

Дайльюлло недовольно произнес:

— Ты просто не в состоянии быть приятным с некоторыми людьми.

Он налил себе снова вина. Потом сказал:

— Знаешь, Чейн, ты никогда не рассказывал много о том, что ты делал во время Свободного Странствия.

— Действительно, не рассказывал.

— Ты побывал на Варне?

Чейн кивнул.

— Я так и думал,— сказал Дайльюлло.— После возвращения из Свободного Странствия у тебя был ностальгический взгляд. Ты знаешь... ностальгия бывает разного рода. У меня тоже есть своя, особая. Поэтому, думается, я немного понимаю, как ты чувствуешь.

— В один прекрасный день я вернусь на Варну,— заявил Чейн.

Дайльюлло посмотрел на него и затем кивнул головой.

— Чейн, я думаю, ты вернешься.

ТРЕТЬЯ ВОЙНА ЗВЁЗДНОГО ВОЛКА

I

Дайльюлло был доволен, что теперь он далеко от звезд.

К черту звезды, рассуждал он. Я их достаточно повидал.

Согнув ноги в коленях, он сидел на порыжевшей, теплой от солнца траве, которая покрывала невысокий холм, и в своем сером комбинезоне походил издали на старый камень, застрявший на склоне. Что-то каменное было и в его лице, грубо вытесанном, прорезанном глубокими морщинами, обрамленном седыми висками.

Он смотрел на простиравшиеся внизу улицы и дома Бриндизи, на мыс, мол и небольшие острова, за которыми под горячим итальянским солнцем сверкало голубизной Адриатическое море. Дайльюлло очень хорошо знал этот старый город, но Бриндизи сильно изменился с тех пор, как он мальчишкой спешил по его улицам в школу.

Пришлось немало потрудиться и поучиться, чтобы стать астронавтом, вспоминал Дайльюлло. И что я получал взамен от звезд, когда их достигал? Опасность, сомнения, пот. А однажды, после очень долгого отсутствия, я возвратился на Землю только для того, чтобы узнать, что потерял все, что имел — и семью, и дом.

Солнце опускалось все ниже и ниже, а Дайльюлло продолжал сидеть, взирая на город и море, вспоминая свое прошлое. Он так бы, наверное, и сидел, если бы не заметил, что по склону холма к нему поднимается незнакомец.

Это был молодой человек с крепко сколоченной фигурой и обнаженной черноволосой головой. На нем был комбинезон. Он поднимался удивительно легкой пружинистой походкой, заставившей Дайльюлло всмотреться более пристально в незнакомца. Он знал только одного человека, способного так двигаться.

— Будь я проклят, если это не Морган Чейн,— сказал он громко.

Чейн подошел и поздоровался: "Привет, Джон!"

— Что за дьявол тебя сюда принес? — удивился Дайльюлло.— Я полагал, что ты давно за пределами Земли на какой-нибудь очередной работе с наемниками.

Чейн пожал плечами:

— Я бы не против, только наемники, кажется, никому сейчас не нужны.

Дайльюлло понимающе кивнул. Когда наемникам хорошо платят, они делают тяжелую, опасную работу в любом месте Галактики. Но беда в том, что иногда просто нет такой работы.

— Ну, я полагаю, у тебя пока вполне хватает денег, полученных за нашу работу на Аркуу,— сказал Дайльюлло.

Чейн улыбнулся. Он охотно улыбался, и в этот момент его темное худое лицо преобразилось: это было очень приятное лицо молодого землянина, но только Дайльюлло знал, что Чейн вовсе не был приятным землянином, он был человеком-тигром.

— Я рассчитывал увидеть, как воздвигается твой новый дом,— сказал Чейн.— Где он?

— Я еще не начинал его строить,— ответил Дайльюлло.

— Не начинал? — удивился Чейн.— Но ведь прошло столько недель после того, как ты покинул работу наемника и оставил нас. Ты тогда только и говорил что о своем несравненном новом доме, о том, как тебе не терпится начать его строительство.

— Послушай,— раздраженно сказал Дайльюлло,— когда ты собираешься потратить кучу денег на дом, в котором будешь жить до конца своих дней, излишняя спешка ни к чему. Ты должен быть уверен, что выбрал правильное место, правильный проект...

Неожиданно он взорвался:

— А-а, да что толку объяснять тебе..., разве дом что-нибудь значит для проклятого Звездного Волка!

— Я предпочел бы, Джон чтоб ты меня так не называл. Во многих местах Галактики до сих пор вешают пойманных Звездных Волков.

— Не беспокойся,— раздраженно сказал Дайльюлло,— я никогда ни одной душе не говорил об этом. Я хорошо себе представляю, что у тебя нет желания сплетничать на сей счет.

Звездные Волки жили на далекой, тяжелой планете под названием Варна, и у людей повсюду в Галактике были основания их бояться и ненавидеть. Варновцы — самые изощренные грабители, каких знала история. Сильная гравитация Варны наделила их необыкновенной силой, скоростью и способностью переносить огромные перегрузки при ускорении; никто не мог одолеть их в Космосе. Свои преимущества варновцы использовали для разграбления различных районов Вселенной.

Кроме Дайльюлло, никто не знал, что Чейн был Звездным Волком. Чейн походил на землянина, его мать и отец были выходцами с Земли. Но сам он родился на Варне и обрел там силу варновца. Он участвовал в грабительских рейдах эскадрилий Звездных Волков до тех пор, пока его ссора с товарищем не переросла в драку, и тот не был убит. Чейну пришлось бежать и скрываться в изгнании, чтобы не стать жертвой мести со стороны клана убитого варновца. А я был вынужден подобрать его, вспомнил Дайльюлло, и сделать из него наемника, кстати сказать, чертовски хорошего, и все же я рад, что мои руки свободны теперь от ответственности за этого тигра.

Дайльюлло поднялся:

— Пойдем, Чейн, выпьем чего-нибудь. Я угощаю.

Они спустились по склону холма, прошли по улицам старого города и вскоре сидели в прохладной, затемненной таверне, в которой, казалось,

время давно остановилось. Дайльюлло сделал заказ, и официант принес пару бутылок, одну из которых передал через стол.

— Орвието аббоккато,— сказал Дайльюлло.— Самое лучшее вино во всей Галактике.

— Если оно такое хорошее, зачем же ты пьешь виски? — спросил Чейн.

Немного смутившись, Дайльюлло ответил:

— Дело в том, что я здесь долго не был и отвык от вина. Желудок не принимает.

Чейн широко улыбнулся, выпил бокал вина, и, осмотревшись вокруг, увидел старую деревянную мебель, прокопченный табачным дымом потолок и открытую на улицу дверь, через которую уже видны были наступившие сумерки.

— Чудесный город,— заметил Чейн.— Поистине чудесное место для человека, который оставил работу и хочет спокойно пожить.

Дайльюлло промолчал. Чейн подлил себе вина и сказал:

— Знаешь, Джон, ты счастливый человек. В то время, как мы мотаемся по звездным дорогам, едва успевая уворачиваться от опасностей и бед на далеких планетах, ты сидишь здесь, попиваешь, ни о чем не волнуешься. Поистине мирная жизнь.

Он выпил вино, поставил бокал и добавил:

— На старости я обязательно поселюсь в местечке вроде этого.

— Чейн, разреши мне дать тебе небольшой совет,— сказал Дайльюлло.— Никогда не пытайся дразнить людей, играть с ними в кошки-мышки. Ты не умеешь этого делать, поскольку сам-то не во всем человек. А теперь скажи: что ты хочешь от меня?

— Хорошо, Джон,— ответил Чейн, налив себе еще золотистого вина.— Ты, наверное, помнишь, как вернувшись с Аркуу, мы услышали про кражу Поющих Солнышек.

— Еще бы не помнить,— заметил Дайльюлло.— Звездные Волки выкрали самое бесценное в Галактике произведение искусства. Ты, должно быть, поистине горд за свой народ.

— Конечно,— сказал Чейн.— Всего лишь шесть кораблей незаметно проникают на тронную планету Ачернар и из-под самого носа уносят, Поющие Солнышки. С тех пор ачернарцы никак не могу успокоиться.

Дайльюлло знал об этом и сочувствовал ачернарцам. Поющие Солнышки были для них как святыня.

Речь идет не о реальных солнцах, а о синтетических драгоценностях, созданных искусным умельцем, который секрет собственного творения унес с собой в могилу. Огромные, многоцветные, восхитительные драгоценные камни представляют собой сорок самых крупных звезд Галактики, вращающихся с помощью подвижного механизма. И эти звезды поют каждая по-своему... Бетельгез — низко и уныло, Алтарь — парящим, благозвучным тоном, Ригель, Альдебаран, Канопус и все

остальные — дрожащими, вибрирующими голосами. Сливаясь вместе, они создают поистине небесную музыку.

Чейн все еще улыбался.

— Они грозились послать военный флот на Варну, чтобы возвратить Солнышки,— сказал он. Но это напрасная затея, поскольку все независимые системы в созвездии Отрог Арго, в которое входит Варна, не разрешат ничьему флоту нарушать свое суверенное пространство.

— Я уже говорил тебе,— сказал с отвращением Дайльюлло,— что это дьявольский, аморальный подход. Эти системы Арго прикрывают Звездных Волков от нападения, потому что выгодно покупают у них награбленную добычу.

Чейн пожал плечами.

— Что бы там ни было правительство Ачернара в качестве последнего средства предложило вознаграждение в два миллиона тем, кто туда отправится и возвратит Поющие Солнышки.

Дайльюлло издал резкий звук, близкий к хохоту.

— Это правительство могло бы еще больше предложить! Разве найдется во всей Галактике человек, который может вырвать у Звездных Волков добычу?

— Я думаю, кое-кто из нас может,— ответил Чейн.

Дайльюлло удивленно уставился на него. Чейн выглядел совершенно серьезным, но ведь по его взгляду не всегда разберешься, что у него на уме.

— Отправиться на Варну? Вырвать что-то у Звездных Волков? Существуют куда более легкие способы самоубийства!

— Джон, Солнышки находятся не на Варне,— сказал Чейн.— Неужели ты полагаешь, что варновцы будут их держать у себя и любоваться ими? Я знаю Звездных Волков и могу заверить тебя: им наплевать на искусство, каким бы великим оно ни было. Они разломают Солнышки и по отдельности продадут драгоценности на воровских рынках Арго.

— Разломают? — воскликнул Дайльюлло.— Из всех вандалистских, богохульных преступлений, о которых мне приходилось слышать...

Чейн снова пожал плечами:

— Джон, но это то, что они делают. Тысяча к одному, что Солнышки находятся сейчас на планетах Отрога Арго. Мы считаем, что их можно найти и востребовать обещанные два миллиона.

— Кто это "мы"? — спросил Дайльюлло.

— Ну, Боллард, Джансен и некоторые другие, кто согласились предпринять такую попытку,— сказал Чейн.

— Как тебе удалось убедить их в том, где находятся Солнышки? Ты же не мог сказать о своем прошлом Звездного Волка.

— Я просто соврал им,— цинично заявил Чейн.— Я сказал, что вырос на одной из планет Отрога Арго и много знаю о тех мирах.

Дайльюлло слишком привык к отсутствию у Чейна элементарной морали, чтобы удивляться. Он сказал:

— Этот Отрог Арго — убийственное место. Там больше миров, населенных неведями, чем миров с людьми, и почти в любом из них тебя могут убить просто ради твоей одежды. Предположим, что ты сможешь там обнаружить Поющие Солнышки...

— Я действительно их обнаружу,— перебил Чейн.— Я отлично знаю, где продаются такие награбленные вещи.

— Хорошо, предположим, ты обнаружишь их местонахождение, но как рассчитываешь овладеть ими?

— Просто взять, да и все,— ответил Чейн.

— Вот так? Воровство — добрый, традиционный способ Звездных Волков?

Чейн улыбнулся:

— Это не будет воровством, Джон. Ты забываешь, что Поющие Солнышки по праву и закону принадлежат Ачернару, и тот, кто владеет ими сейчас, знает это. И если мы их захватим силой или хитростью, то всего лишь ради возвращения владельцам их украденной собственности. Все законно и честно.

Дайльюлло покачал головой:

— Насчет законности ты прав. И даже насчет этики. Но я не стану слушать Звездного Волка, рассуждающего о честности.

Помолчав, он добавил:

— Ладно. Но как ты, Боллард и прочие собираетесь хотя бы добраться до Отрога? Ведь на такую экспедицию нужны деньги. А на авантюрное путешествие в эту адскую дыру никто не даст ни цента.

— У всех нас остались кое-какие деньги, полученные за работу на Аркуу,— сказал Чейн.— И вот тут-то речь пойдет о тебе, Джон?

— Обо мне? С какой стати?

Чейн с удовольствием пояснил:

— Твоя доля за последнюю работу составила сто тысяч. Ты мог бы помочь финансировать нашу экспедицию и получить гонорар лидера в случае ее успеха.

Дайльюлло долго смотрел на него через стол, потом сказал:

— Чейн, с одной стороны, ты чудо-парень. А с другой — ты самый большой наглец во вселенной. Ты же, черт побери, прекрасно знаешь, что эти сто тысяч предназначены для моего дома.

— Думаю, что ты никогда его не построишь.

— Почему ты так думаешь? — Голос Дайльюлло был подозрительно мягок.

— Потому, что он тебе фактически не нужен. Почему ты тут просиживал неделями, так ничего и не начав? Да потому, что ты знаешь: вбитый в дом первый гвоздь прибьет и тебя к этому месту и ты уже никогда больше не увидишь звезд. Вот почему ты все время откладывал и откладывал. Я знал, что ты так поступишь.

Наступила длительная тишина. Дайльюлло бросил на Чейна такой взгляд, что тот весь напрягся, готовый отскочить в сторону, если Дайльюлло его ударит.

Но ничего не случилось. Ничего, если не считать, что лицо Дайльюлло вдруг осунулось и выглядело каким-то изможденным. Он поднял бокал, осушил и поставил на стол.

— Нехорошо говорить мне об этом, Чейн. Нехорошо, потому что это правда.

Он уставился в пустой бокал.

— Я думал, что здесь будет так, как было раньше. Но этого не произошло. Совсем не произошло.

Он сидел, по-прежнему уставившись в бокал, и на его грубом лице линии морщин, казалось, стали еще более глубокими. Наконец Дайльюлло встал.

— Пойдем отсюда,— предложил он.

Они покинули таверну. Уже стемнело, но на улицах с рядами старинных белых зданий было светло от луны. Дайльюлло шел впереди. Петляющая улица вывела их на окраину города. Слева доносились едва различимые звуки морского прибоя. Дайльюлло шел с опущенными как у старика плечами, молча и не глядя на Чейна. Наконец он остановился и устремил взгляд в никуда... в никуда, если не считать пустого участка земли между двумя старыми оштукатуренными домами. Он так долго стоял и молчал.

— Вот здесь был мой первый дом,— наконец сказал он.

Чейн промолчал. Сказать было нечего. Он знал все об этом доме, он знал, как много лет назад во время пожара здесь погибли жена и дети Дайльюлло.

Дайльюлло неожиданно повернулся и так сильно схватил Чейна за руку, что даже железные мускулы Звездного Волка почувствовали это.

— Скажу тебе, Чейн, одну вещь. Никогда не возвращайся в прошлое и не пытайся его оживить. Никогда не делай этого!

Он освободил руку Чейна, отвернулся:

— Ладно, пропади пропадом это место. Отправимся к Отрогу Арго.

II

Галактика бесконечно ходила по кругу — огромная, вращающаяся, похожая на блин из мчавшихся звезд. От ее центра тянулись мощные спирали, одна из которых выделялась изолированностью и простиралась далеко в космос. В отличие от других огромных рукавов Галактики эта

спираль испускала слабый, тусклый свет, поскольку помимо несметного числа солнц в ней находились много темных туманностей и было необычное количество потухших звезд. Ее нередко называли Темной Спиралью, но у нее было другое имя — Отрог Арго.

В ней были красота и ужас, богатства и опасность, миры, населенные людьми, и еще больше миров, где обитатели нелюди. Никто лучше не знал этого, чем Морган Чейн. С темным задумчивым лицом он сидел на капитанском мостике стремительно летевшего корабля и неотрывно смотрел. То, что видел он на обзорном экране, было не самой реальностью, а ее точным воспроизведением, поскольку корабль шел в сверхскоростном режиме, и в этом случае прямое видение невозможно.

Все вокруг Чейна содрогалось, тряслось. Корабль был старый и не очень хорошо себя вел в сверхскоростном режиме. Корабль выполнял предназначенную ему роль: на высшей скорости он мчал людей по просторам космоса к Темной Спирали; но он все время трясся и скрипел.

Чейн не обращал на это внимания. Он смотрел на экранное воспроизведение спирали и его глаза были устремлены на рыжеватую звезду, сверкавшую в просторах Отрога Арго.

Как часто я проходил этим путем, подумал Чейн.

Вокруг этого величественного темно-золотистого солнца вращалась планета Варна, жителей которого больше всего ненавидели в Галактике.

Лежавшая впереди огромная, далеко протянувшаяся звездная спираль была старой дорогой Звездных Волков. По ней они уходили в рейды на системы главной части Галактики. По ней они возвращались домой. С ними ходил и Чейн, поэтому было мало того, что он не знал бы хоть что-нибудь об этом сплетении солнц, потухших звезд и темных туманностей.

По-прежнему содрогаясь и тревожно поскрипывая, маленький корабль несся вперед. На этапе сверхскоростного режима пилоту нечего делать. Все, что требуется — это человек на капитанском мостике для наблюдения за контрольными приборами механизмов сверхскоростного режима. Чейн был сейчас на посту и ему совершенно не нравилось поведение приборов.

Спустя некоторое время на мостик пришел Боллард. Посмотрев на приборы, он покачал головой.

— Не корабль, а ишак,— заметил он.— Старый, измотанный ишак.

Чейн пожал плечами:

— За те деньги, что были у нас, лучше нельзя было нанять.

Боллард что-то проворчал в ответ. Это был тучный человек, настолько тучный, что его живот торчал из-под комбинезона словно арбуз. У Болларда была лунообразная физиономия с мешками под глазами. Он выглядел рыхлым, но Чейн, побывавший с ним дважды в космосе, знал, что Боллард сильный, быстрый и крепкий человек, что в схватках он тверд как стальной клинок.

Боллард нажал на одну из кнопок, и на экране появилась условная звездная карта. На ней виднелась яркая точка их корабля, входящего в самое основание спирали.

— Ты говорил, что знаешь, где нам надо выходить из сверхскоростного режима,— спросил Боллард.— Где?

Чейн показал пальцем на небольшой район, помеченный красным цветом.

— Там.

Боллард удивленно уставился на него:

— Это же опасный район зоны 3. И мы должны в него войти?

— Послушай,— сказал Чейн.— Все уже решено. Нас засекут сразу же, как мы войдем в Отрог, и мы должны походить на дрейфующих горняков, за которых себя выдаем, а это означает, что мы должны идти туда, куда пошли бы дрейфующие горняки.

— Мы могли бы идти рядом с этим районом, не заходя в него, и тем не менее вести себя так, как будто занимаемся добычей минералов.

Чейн улыбнулся:

— Поистине умная мысль. Только ведь, когда мы прибудем на Мруун, надо чем-то объяснить наш визит, и, если мы раздобудем какие-нибудь руды для продажи, то это будет весомая причина.

Поскольку это, видимо, не убедило Болларда, Чейн добавил:

— Ты не знаешь Отрог. Я же знаю, поскольку, как я говорил тебе, мои родители были миссионерами с Земли, и они передвигались из одной системы Отрога в другую, пока я подрастал...

Чейн полагал, что хотя вторая половина его заявления не соответствовала истине, первая все же была правдивой. Его родители в самом деле посвятили себя миссионерству, но ареной их деятельности была лишь одна Варна, где они жили, работали, потерпели фиаско и, наконец, умерли.

"... и я могу сказать тебе,— закончил Чейн,— что в некоторых мирах Отрога достаточно одного подозрительного шепота, одного вздоха, чтобы тебя быстро прикончили."

— И все-таки не нравится мне эта идея,— проворчал Боллард.— Тебе-то все это очень легко: до присоединения к наемникам ты уже был дрейфующим горняком. Но я никогда не был собирателем камешков.

Чейн ничего не сказал в ответ. Когда-то чтобы скрыть свое прошлое Звездного Волка, он говорил наемникам, что был дрейфующим горняком, но никогда им не был, и вот теперь ему предстояло испытание.

Об этом пришлось еще больше задуматься, когда выброс сигнала от их скрипящего корабля наконец придвинулся вплотную к красной полосе опасного района. Дайльюлло, сидевший возле Чейна в кресле второго пилота, внимательно рассматривал карту.

— Лучше было бы выйти из сверхскоростного режима здесь,— сказал он.

— Мы можем подойти немного ближе,— посоветовал Чейн.

Они подошли ближе, и Дайльюлло начал нервничать. Вскоре он решительно заявил:

— Достаточно. Сбрасываем сверхскорость.

Чейн пожал плечами, но подчинился. Надавил на кнопку, пославшую предупредительный сигнал по всему кораблю, и взялся за управление.

Передвинув рычажок переключателя, Чейн вывел корабль из сверхскоростного режима. Хотя ему приходилось делать это сотни раз, он снова подумал, что это похоже на умирание, за которым следуем возрождение. Ему казалось, что из бескрайнего пространства, по которому они путешествовали, он теперь стремительно падал в бездну. Каждый атом его тела ощущал удары, сознание помутилось. Потом все пришло в норму.

Обзорные экраны уже больше не представляли только видимость действительности. Отрог Арго предстал во всем своем великолепии, обрушив на экраны свет десятка тысяч солнц.

От индикаторов пылевых потоков раздалась серия пронзительных звуков. И в тот же миг Чейн увидел рядом с кораблем огромные и мелкие космические тела.

— Ведь говорил же, что подходим чересчур близко!— закричал Дайльюлло.

Чейн почувствовал, что в глаза ему смотрит смерть. Их маленький корабль перешел на обычный режим как раз среди колоссального потока камней и металла. И они не могли вновь войти в сверхскоростной режим до тех пор, пока тяговая установка не пройдет полный цикл.

— Это проклятый поток изменился с тех пор, как я его видел в последний раз!— воскликнул Чейн.— Включай сирену!

Дайльюлло потянул рычажок сирены, по всему кораблю резко прозвучала тревога.

На них неслась каменная масса причудливой формы. Чейн резко изменил направление корабля, поставив его на корму. По корпусу забарабанили мелкие частицы. Чейн таил надежду, что они не продырявят корабль. Дайльюлло что-то кричал, но Чейн не мог разобрать из-за воя сирены и непрерывных пронзительных сигналов, издаваемых индукторами.

Радар и собственное зрение уведомили Чейна о приближении очередной каменной массы странной формы. Она неслась беспорядочно кувыркаясь. Чейн снова схватился за управление.

В нем заговорила натура Звездного Волка. Этот проклятый сплошной каменный поток становился для наемников западней, из которой им вряд ли выбраться живыми, и осторожное маневрирование тут не поможет. Чейн решил действовать по-варнавски, так, как действовали бы он и его прежние товарищи в безвыходном положении. Одну руку он твердо положил на рулевое управление, а второй надавил на рычаг энергетической установки бросив корабль вслепую вперед на полной скорости.

Лучше подвергнуть риску корабль и жизнь, нежели бесполезно увертываться, поворачивать и все равно погибнуть.

Чейн грустно улыбнулся. До сих пор у него была неплохая жизнь и, если пришел ей конец, он не станет за нее цепляться как перепуганная старуха перед неизбежной смертью. Нет.

Дайльюлло по-прежнему что-то кричал ему, но Чейн не обращал ни малейшего внимания. Дайльюлло хороший человек, но он не Звездный Волк, да и староват уже.

Мимо пронесся камень, по форме напоминающий чудовищное, нечеловеческое лицо, на котором вместо глаз торчали пучки щупальцев, а рот был выпячен вперед словно хобот.

Корабль снова наткнулся на пылевой поток, прошел опять мимо каменного лица, не имеющего никакого отношения к человеческому роду, а затем мимо огромной кувыркающейся статуи существа, лицо имело те же самые пучки щупальцев вместо глаз, а тело — множество рук и ног.

Лица, фигуры, фантасмагория кошмарных образов... и вдруг пронзительный вой сигналов, предупреждающих о камнях и пыли, прекратился. Метеоритный ливень кончился, корабль вышел в чистый космос.

Чейн глубоко вздохнул. Риск все-таки иногда оправдывает себя. Он повернулся и, широко улыбаясь, посмотрел на Дайльюлло.

— Ну как? — сказал он.— Мы выбрались.

Дайльюлло обрушился с отчаянной руганью, потом замолчал.

— Ладно, Чейн,— сказал он.— Мне казалось, что мы вытравили из тебя варновца. Теперь я вижу, что нет. Буду помнить об этом.

Чейн пожал плечами:

— Ты должен признать, что это место было не для прогулок.

— Ну и лица.... а фигуры. Что это за местечко, черт бы его побрал?— спросил Дайльюлло.

— Мне кажется, это своего рода материальное, не связанное с нашим человеческим родом кладбище,— ответил Чейн.— Очень давно, до появления в Отроге нынешних людей, здесь существовали другие расы. Они превращали метеориты в памятники.

И потом Чейн добавил:

— В этом потоке никто никогда не занимался добычей минералов. По крайней мере, мне так представляется. Ты знаешь, все суеверно относятся к этому потоку. Я же считаю: прежде, чем отправляться на Мруун, нам стоило бы запастись здесь ценными рудами. Лучшего места не сыскать.

— Хорошенькое дело,— покачал головой Дайльюлло.— Ограбить Галактическое кладбище! Только Звездный Волк может додуматься до этого!

III

Облаченный в космический костюм Чейн прижался к гигантскому каменному лицу, готовый нанести ему увечье. Анализатор дал показания, что в этой скульптурной каменной массе имеется богатое вкрапление палладиевой руды. Исходя из данных прибора, Чейн подумал, что если он вырубит ухо этой скульптуры, то легко доберется до руды.

Всюду вокруг блестели звезды — яркое, безжалостное лицо бесконечности. Через этот вакуум невозмутимо плыла огромная река камней, одна часть которых рукой безвестных скульпторов была превращена в ужасно непонятные бюсты, другая же так и осталась нетронутой, в своем первозданном состоянии. Эти метеориты и развалившиеся астероиды двигались с одной и той же скоростью, но изменяли положение по отношению друг к другу, поэтому следовало проявлять осторожность в отношении массы камней, медленно и величественно приближавшихся друг к другу и растиравшихся в порошок.

Прицепившись словно муха к чудовищному лицу, Чейн мотал атомарным резаком, который висел на тросике, прикрепленном к космическому костюму. Этот тросик перепутался с тросиком анализатора, и Чейн раздраженно пытался его высвободить.

— Чейн!

Голос шел из приемного устройства в гермошлеме. Говорил Ван Фоссан.

— Чейн, уж не собираешься ли ты продырявить одну из этих голов? Помни приказ Дайльюлло.

Чейн крепко про себя выругался, когда, повернувшись увидел, что навстречу ему летит фигура в космическом костюме, подгоняемая импеллером. Ван Фоссан — молодой, ретивый наемник. И надо же ему появиться как раз сейчас.

Чейн прекрасно помнил наставления Дайльюлло. Перед их выходом из корабля, который теперь крейсировал за пределами метеорного потока на одной с ним скорости, Дайльюлло предупредил:

— Тех, что вытесал эти головы, будь они люди или нелюди, давно уже нет. Но памятник есть памятник. Я не хотел бы, чтобы в моей могильной плите ковырялись какие-то чужаки. Наверное и вы бы не хотели. Так что оставьте эти памятники в покое.

Чейн не имел ничего против сентиментальности Дайльюлло. Но он никогда не считал себя связанным с нею. Ему просто не повезло, что Ван Фоссан оказался тут.

— Я только что кончил распутывать мои тросики,— сказал Чейн.— Ты продолжай движение.

Он выждал, пока Ван Фоссан не отбыл и пока фигура, выглядевшая крошечной на фоне бесчисленных солнц, не растворилась в величаво текущей реке камней.

Как только Ван Фоссан скрылся из виду, Чейн достал свой режущий лазер и начал им полосовать по краю чудовищного уха.

Чужестранец...

Чейн оцепенел, потом начал крутить головой и шарить глазами в поисках того, кто говорил.

Чужестранец, пощади, не посягай на наше несчастное бессмертие...

Неожиданно Чейн понял, что слова эти проникали в его разум, а не в уши, что было вовсе не слова, а мысли. Телепатическая речь.

Если ты оказался здесь, значит ты властелин звездных дорог. Ты тоже были властелинами звездных дорог... и от всего нашего могущества и величия сохранились только эти каменные лица. Оставь нам их...

Словно пораженный током Чейн оттолкнулся ногами от огромной каменной головы. Он поплавал около нее и расхохотался.

Понимаю, почему из этих голов никогда не извлекали минералы, догадался он, в каждую из них вставлена телепатическая запись.

Чейн сказал себе, что плевал он на предрассудки и сентиментальные призывы, если обрывки телепатической записи все еще действовали, то, наверное, в этих памятниках сохранили свое действие и другие более опасные вещички.

Он включил импеллеры полетел прочь. Пришлось рассекать косяк мелких камешков, которые барабанили по его упругому костюму и шлему.

На него лился яркий свет от солнц Арго и в этом свете он увидел вдали других наемников, которые плавали словно темные человеко-рыбы среди каменного потока, выискивая добычу, останавливаясь и снова продолжая поиск.

Он тоже плавал, останавливался и снова искал, используя анализатор. Прибор молчал. Это начало раздражать Чейна. Ему казалось, что безглазые каменные лица просто глумятся над ним.

Чейна охватила странная тревога. Сначала он не понял почему. Затем вспомнил. Ведь он чуть не погиб, когда в последний раз в своем космическом костюме, двигался в потоке один как сейчас. Он был ранен, обессилен, преследуем Звездными Волками и, казалось, плыл совершенно одиноко во вселенной, сопровождаемый безжалостными взглядами солнц созвездия Ворона. Спасло только то, что поданный им сигнал был замечен наемническим кораблем Дайльюлло.

— К черту все это,— пробормотал Чейн.— Все это в прошлом.

Заставив себя избавиться от нахлынувших чувств, он продолжал работу, забрался поглубже в поток, держась подальше от острых метеоритов и наскучивших каменных лиц. Но куда бы он ни направлял анализатор, прибор молчал.

— Чейн,— с удивлением услышал он голос Дайльюлло в гермошлеме.

— Да?

— Возвращайся на корабль.

— Джон, я почти ничего не добыл.

— Другие добыли. Возвращайся,— повторил Дайльюлло.

Чейн прекратил поиск и включил на высшую скорость свой импеллер. Без сожаления он расстался с величественным, нескончаемым парадом каменных лиц, который вечно двигался вместе с потоком.

Оказавшись перед одним из огромных лиц, высокомерно взиравшем на него, Чейн повернулся задом и издал непочтительный звук.

В трюме корабля он выложил на сетки добытые им небольшие кусочки руды.

— Ты, профессиональный сборщик камней, принес меньше, чем любой из нас!— громко воскликнул Секкинен.

Высокий, сухощавый Секкинен имел привычку выразительно высказывать то, что было на уме. Он не любил Чейна.

Чейн пожал плечами.

— Вам, как новичкам, повезло. Мне нет. Так бывает.

Он бросил взгляд на собранные сверкающие куски камней и металлов, которые заиндевели от абсолютного холода Вселенной.

— Не так уж и много,— сказал Чейн.

— Добрый кусок тербия, есть палладий и немного из редких руд С-20,— заявил Дайльюлло.— Да, это немного. Но мы еще добавим по дороге.

И огни продолжили путь. Маленький корабль рискованно скользил вдоль побережья одной из темных туманностей, которые делали тусклым Отрог Арго. Главный анализатор вел впереди поиск богатств, но ничего не было.

А корабль все полз и полз по краю огромного облака. Наконец, наступил момент, когда Боллард, работавший с главным анализатором, кисло произнес:

— Обнаружил..., но только вам это не понравится.

Наемникам действительно не понравилось. Перед ними была потухшая звезда с карманами редкого трансуранового элемента, которые иногда создает на своей поверхности выгоревшее солнце за долгие эры своего угасания.

Когда они высадились на звезде в своих специальных костюмах, предназначенных для большой гравитации, занялись нелегким трудом добывания руды, Джансен, обычно самый веселый из наемников, проворчал:

— Мне тут совсем не нравится.

Чейн с ним согласился. Для космонавта огромные огненные звезды — это яркая, сияющая жизнь Вселенной. И как жестоко было теперь стоять на трупе бывшего солнца.

Огромная темная пепельная равнина с невысокими кряжами из окалины выглядела мрачно и уныло на фоне звездного неба. Наемники добывали руду атомарными резаками, но каждый их шаг, каждое движение были крайне затруднительны, несмотря на то, что в противогравитационные костюмы были встроены механизмы, облегчающие работу. Чейн привык к сильной гравитации, но не столь сильной. Через переговорное устройство в гермошлеме он мог слышать шумное пыхтение Болларда.

— Чейн,— сказал Боллард,— а ты придумал довольно умный план набрать драгоценных руд и взять их с собой на Мруун.

— Мне тоже кажется, это довольно умно,— согласился Чейн.

— Сделай мне одолжение,— продолжал Боллард,— в следующий раз не приноси в жертву своему уму мою больную спину.

Наемники погрузили собранную руду в трюм и покинули потухшую звезду. Снова они шли по краю огромной темной туманности, проверяя анализатором каждое космическое тело на вероятность руды, но без каких-либо успехов.

Затем корабль оставил туманность и устремился в проход между тремя сверкавшими огромными солнцами, два из которых были желтыми, а одно желтовато-зеленым. Они были приметной звездной вехой на старой варновской дороге: Чейн хорошо их знал.

Он еще раньше рассказывал Дайльюлло о странной звездной системе, находящейся за этой тройкой солнц, и вот теперь, соблюдая максимум осторожности, они направлялись туда. Это была действительно одна из любопытнейших систем, где-либо встречавшихся: вместо планет в ней ходили по орбитам кометы. Беспорядочный рой эллиптических комет носился вокруг белой звезды, выглядевший блестящими мотыльками в лучах яркого света.

Корабль шел через этот рой. Кометы были пустой массой, если не считать возможного ядра метеорного вещества, но оказывали кошмарное воздействие на приборы. Дайльюлло относился ко всему этому крайней осторожно и, наконец, высадил группу наемников на один из астероидов, ближайший к единственной планете, которую это солнце имело.

Сюда никогда не ступала нога добытчиков минералов, и первая же проба анализатора обнаружила наличие тербия и тантала. За сравнительно короткое время наемники наполнили трюм тем, что требовалось, и Дайльюлло стал осторожно выводить корабль между кометами.

— Ну, а теперь — Мруун,— сказал он позднее Чейну в своей каюте.— Ты должен найти Поющие Солнышки.

Чейн взглянул на него:

— Тебе не очень-то нравится этот край, Джон. Верно?

— Да,— ответил Дайльюлло.— Мне не очень нравится Отрог Арго. Это название вызывает тошноту и отвращение в Галактике, и не только потому, что здесь находится лежбище Звездных Волков.

Чейну так и хотелось спросить, зачем же тогда Дайльюлло прибыл сюда, но он не спросил. Он и сам знал зачем.

— Ну что ж,— сказал Чейн,— твой дух, наверное поднимется от того, что я сейчас сообщу: когда мы все подвергнемся опасности на Мруне, я буду в двойной опасности по особым причинам.

— В данный момент это действительно меня ободряет.

Чейн ухмыльнулся:

— Я так и думал.

IV

Несмотря на влажный, душный вечер, этот огромный город Мруна был наполнен жизнью и шумом. Толкаясь вместе с Чейном по его многолюдным улицам, Дайльюлло вспоминал, что хотя ему довелось побывать во многих странных мирах, ничего подобного он раньше не видел.

Мруунцы, надо полагать, когда-то принадлежали к человеческой расе... Во время своих первых звездных полетов земляне открыли, что у них уже были предшественники, что очень давно существовала забытая человеческая раса звездопроходцев, представители которой расселились на большой территории Галактики. Но время и давление эволюции во многом изменили потомство этой расы. Коренные жители Мруна имели теперь серый цвет кожи, низкий рост, огромные круглые животы, маленькие короткие ноги и узкие лица. Двигаясь вразвалку по улицам, они были чрезвычайно учтивы, но с их лиц не сходила застывшая маска озлобленности. Мруунцы совершенно не нравились Дайльюлло.

Но серые аборигены были только частью невероятно пестрой толпы, которая переполняла базарные улицы, освещенные яркими оранжевыми огнями. Шагали покрытые перьями люди с клювами, взирая на все своими немигающими желтыми глазами. Вкрадчиво улыбались двигавшиеся на слоновых ногах неуклюжие белокожие существа. Некоторые в толпе были одеты в плащи с капюшонами, словно хотели совершенно скрыть свое тело. Вдруг среди неумолимого гула улицы раздался взрыв лающего хохота. Он исходил от группы покрытых мехом полулюдей, которые выглядели словно огромные собаки-медвежатники на задних лапах. Пьяной походкой они направились в таверну.

— С Парагуры,— пояснил Чейн.— Неплохой народ, только не очень искусный в управлении космическими кораблями.

— Мне кажется,— сказал Дайльюлло,— они похожи на группу деревенских парней, которые прибыли в греховный город и готовы истратить все, что у них в карманах.

Чейн кивнул головой в знак согласия. Дайльюлло заметил, что Чейн, легко несший одной рукой мешок с образцами руд, не переставал скользить глазами по толпе, был озабочен, насторожен.

Он вспомнил слова Чейна, когда корабль наемников сел в космопорте.

— Джон, на Мрууне знают что я Звездный Волк. Знает не только Клоя-Клой, которому я продал немало вещей, но знают и другие, в том числе чужеземцы. Вот почему, я хочу, чтобы со мной в городе не было никого, кроме тебя. Иначе наемникам все станет известно обо мне.

Дайльюлло пришлось употребить всю свою власть, чтобы удержать людей на корабле. Но удалось это сделать лишь с помощью увещевания, что они крайне необходимы для охраны корабля и оборудования, поскольку этот мир является воровским рынком. Глядя на лица этой толпы, лица людей и нелюдей, Дайльюлло чувствовал, что был недалек от истины в своем увещевании: почти на всех лицах лежала печать греховности, присущей мирам Шпоры.

Питейные заведения, откуда раздавались громкие голоса, в том числе лающие и воющие; харчевни, из которых неслись разнообразные запахи — и приятные и тошнотворные; бордели, где бог знает, что творилось... да, по сравнению с этим местом любой из кварталов Звездных Улиц в центральной Галактике выглядел бы не более, чем детский сад. Дайльюлло обрадовался, когда они свернули в более тихий район, где находились крупные магазины. В этот час большинство из них было закрыто, но через решетчатые витрины можно были видеть выставленные шелка, драгоценности, диковинные скульптуры; все, что было награблено во время рейдов в различных мирах, здесь продавалось совершенно открыто.

Чейн как бы мимоходом свернул в узкий, темный проход. Оглянулся, когда туда вошли, но никого не было видно. Неожиданно он метнулся в еще более темный район позади зданий, в которых размещались магазины. Следовавший за ним Дайльюлло спросил:

— Черт побери, что мы собираемся здесь делать?

— Тише, Джон,— прошептал Чейн.— Я займусь небольшой кражей со взломом, а ты меня будешь ждать, вот что мы собираемся делать.

— Кражей? Чудесно,— сказал Дайльюлло.— Не мог бы ты мне сказать, что собираешься украсть?

— Ты обещал, что операцию буду вести я. Позднее все объясню. Но для успокоения твоей совести скажу: на Мрууне воровство считается высшей формой искусства; почти все товары в этих магазинах ворованные.

Чейн присел на корточки, и Дайльюлло мог видеть в темноте, как он что-то искал в мешке с образцами руды. Чейн извлек небольшой цилиндрический предмет и прикрепил его зажим к своему комбинезону. Он коснулся предмета, и тот слабо, почти неслышно загудел.

— Нейтрализатор сигнальных защитных устройств,— пояснил Чейн.— В этих местах все охраняют себя, причем такими приспособлениями, что ты и представить себе не можешь, но думаю, что с этой вещицей я спокойно пройду через первые лучи.

— Так вот что ты мастерил в корабле по дороге сюда?

— Да, и еще пару вещиц,— сказал Чейн.— Но есть один прибор, который вряд ли могу сделать, поэтому мне нужно его выкрасть. Видишь ли, этот магазин специализируется на очень изощренных приборах для преступников.

С этими словами он исчез, словно тень в темноте, направившись к черному входу невысокого здания. Дайльюлло проверил свой станнер и присел на край мешка с образцами пород, остерегаясь сырой земли.

Воздух был душный, словно в парной. На улице слышались редкие звуки, если не считать гула, доносившегося с главных магистралей. Дайльюлло утер лицо и подумал: какого черта он торчит в этой влажной дыре вместо того, чтобы наслаждаться жизнью в Бриндизи. Впрочем, он знал, почему покинул свою планету, и нечего размышлять на эту тему; лучше просто сидеть, ждать и надеяться, что Чейн не допустит оплошность, которая их обоих погубит.

Спустя несколько минут из темного здания донесся тихий звук, словно резко оборвавшийся голос человека. Дайльюлло вскочил с мешка, взял станнер наизготовку.

Но дальше ничего не последовало. Так он простоял довольно длительное время, пока не увидел приближавшуюся к нему тень. В темноте было трудно распознать фигуру, а Дайльюлло не хотел выдавать себя окриком. Поэтому он просто сделал ставку на то, что это возвращается Чейн.

Так оно и оказалось. Чейн держал в руке кубический предмет, похожий на какой-то прибор. Он присел с ним на корточки и начал рыться в мешке с образцами, пока не нашел что хотел. Это был лист палладия, и Дайльюлло вспомнил, как по дороге на Мруун Чейн стучал молотком по металлическому образцу, выделывая этот лист.

— Не помешаю? — осведомился вежливо Дайльюлло.

— Нисколько,— ответил Чейн.— А в чем дело?

Разговаривая, он сгибал палладиевый лист и обертывал им со всех сторон принесенный из темного магазина кубический предмет.

— Там были охранники? — спросил Дайльюлло.

— Были. Двое. И чтобы до конца ответить на твой вопрос, добавляю: я их не убил. Я был добропорядочным средним землянином, как ты любишь говорить, я только оглушил их из станнера.

— А что дальше?

Возившийся в темноте Чейн, не поднимая головы, сказал:

— Мы хотим выяснить, где находятся Поющие Солнышки. Так ведь? На Мруунe есть только один достаточно богатый купец, который способен купить их у Звездных Волков. И если он их не купил сам, то знает, кто другой этот сделал. Его звать Клоя-Клой, и он нуждается в небольшом стимулировании. Вот для чего этот прибор. Если хочешь, так и называй его — стимулятор.

Чейн закончил обертку кубического ящика палладиевым листом, положил его в мешок с образцами руды и поднялся.

— Понимаешь,— пояснил он,— нас будут просвечивать с первой секунды нашего появления во владениях Клоя-Клойя. С этим кубиком мы не прошли бы и первых ворот. А вот когда он обернут палладием, то сканирующие лучи примут его лишь за очередной образец руды.

Дайльюлло покачал головой.

— Ты заешь, Чейн, я, кажется, рад, что отправился с тобой на эту операцию. Она поучительна. Весьма поучительна.

Дайльюлло ожидал, что Чейн поведет его в один из крупных магазинов на базаре, но тот вместо этого пошел через еще более темные боковые улочки в район крупных вилл. Одна из них, занимавшая огромную площадь, была обнесена высокой стеной, в воротах которой стояли два огромных желтых охранника.

Чейн обратился к ним на галакто-смешанном языке народной Галактики:

— У нас есть кое-что для продажи. Вот образцы.

— Оружие!— потребовал один из охранников и протянул руку.

Чейн отдал свой станнер. Его примеру последовал и Дайльюлло, хотя сделал это весьма неохотно. Из того, что рассказывал ему Чейн, следовало со всей определенностью, что они и их мешок тщательно прощупываются сканирующими лучами, исходящими откуда-то вблизи сторожки у ворот.

Из караульного помещения раздался голос, и желтые охранники, отступив в сторону, пропустили наемников.

— Фаллорианцы,— сказал Чейн, когда они двинулись к вилле.— Очень крутые люди. Их много у Клоя-Клойя.

— Ты знаешь, Чейн, я начинаю задумываться: где были мои мозги, когда я отправлялся с тобой,— заметил Дайльюлло.

Вилла представляла собой большой дворец, за которым в саду виднелись неясные очертания еще более крупных зданий — складов.

Чейн и Дайльюлло вошли в холл, броско крашенный сказочно выглядевшими чужеземными произведениями искусства, которые совершенно не подходили друг другу по стилю. В холле скучала другая пара дюжих желтых людей, а за столом сидел молодой мруунец.

— Образцы руды, да? — спросил он.— Надеюсь, что у вас достаточно этого добра, чтобы компенсировать затрату нашего времени на эту сделку.

— Говорить об этом я буду с Клоя-Клойем,— ответил Чейл.— Мруунец злобно хихикнул:

— Собиратели камней захотели вести дело лично с хозяином. Чего еще хочется?

Улыбаясь, Чейн перегнулся через стол и вытащил из кресла мруунца:

— Передай Клоя-Клойю, что с ним хочет встретиться Звездный Волк по имени Морган Чейн, иначе я проткну тебя насквозь, маленький пудинг.

— Звездный Волк? — поразился мруунец.— Теперь я вспоминаю вас. Но...

На столе в коммуникаторе прозвучал голос: — Я все слышал. Пусть пройдет ко мне.

В дальнем конце холла открылась дверь. Чейн взял мешок и со следовавшим за ним Дайльюлло вошел в поразительно маленький кабинет. Дверь тихо за ними закрылась.

В одном из тарелкообразных предметов, которые в этом мире выполняли роль кресел, сидел чрезвычайно жирный мруунец и всей своей тушей трясся от смеха. Но его маленькие глазки сохраняли холодность.

— Морган Чейн,— обратился он к вошедшему.— Ну-ну, слышал, что тебе пришлось бежать от Звездных Волков.

— Пришлось,— признать Чейн.— И я с одними друзьями занялся поисками минералов. Нашел нечто очень крупное.

— Безусловно, крупное. Ты же хорошо знаешь меня по прежним дням... Я никогда не вожусь с мелочью.

— Подожди, я кое-что покажу тебе.

Чейн вытащил из мешка куб, завернутый в палладиевый лист, и поставил его на стол перед Клоя-Клоейм. Двумя руками он сорвал палладиевое покрытие и обнажил кубический прибор со шнуром, раздвоенные концы которого были прикреплены к плоским черным металлическим дискам.

Увидев прибор, Клоя-Клой взбесился. Его толстая рука рванулась к строю кнопок на столе.

Но Чейн опередил. Одной рукой он прикрыл мруну рот, а другой обхватил тело толстяка и вместе с сиденьем оттащил от стола.

Крайне удивленный всем этим Дайльюлло стоял, вытаращив глаза. Чейн прошипел ему:

— Одевай быстро диски ему на голову. По одному на каждую сторону. Быстро!

V

Дайльюлло схватил шнур и нацепил диски на обе стороны головы бешено сопротивляющегося мруунца. Диски были соединены дужкой с пружиной, которая их хорошо держала на нужных местах. Затем по указанию Чейна Дайльюлло щелкнул двумя выключателями на кубическом приборе.

Мгновенно Клоя-Клой прекратил борьбу. Он словно окаменел в своем тарелкообразном сиденье, его узкие глазенки стали стеклянными, пустыми.

Чейн перестал о нем беспокоиться, отошел немного назад.

— Я слышал об этих приборах, но ни одного видеть не приходилось,— сказал Дайльюлло.— Это и есть парализатор, не так ли?

— Он самый,— подтвердил Чейн.— Полностью парализует волю и гарантирует правильные ответы.

— Во всех остальных мирах такие вещицы запрещены,— сказал Дайльюлло.

— На Мрууне нет ничего запрещенного,— улыбнулся Чейн.— А теперь начинаем.

Он повернулся к Клоя-Клойю:

— Кто привез на Мруун продавать Поющие Солнышки? Варновцы?

— Да, варновцы,— монотонно ответил Клоя-Клой с устремленным вперед бессмысленным взглядом.

— Ты их купил?

— Я их не купил. Цена была слишком высока. Я действовал как посредник.

— Для кого ты их приобретал?

— Для Ирона с планеты Ритх шесть штук. Для Икбарда с планеты Тхиел — четыре. Для Клихта...

Он перечислил еще несколько имен и количество приобретенных Солнышек, пока за все не отчитался, закончив "... и для каяров — десять".

— Каяры? — нахмурился Чейн.— Никогда не слышал. Кто такие? Где обитают?

— На одной из планет в темном созвездии ДБ-444 за Отрогом.

Чейн еще больше нахмурился.

В том созвездии нет обитаемых миров.

Клоя-Клой промолчал. Поскольку ему не было задано прямого вопроса, он не давал ответа.

— Где находится это созвездие? — спросил Дайльюлло. Он обращался к Чейну, но Клоя-Клой слышал вопрос.

— Астрономические широта и долгота...— Он стал называть цифры, и Дайльюлло их записал. У Чейна все еще был насупленный, злой взгляд.

— Там нет достаточно богатых людей, которые могли бы купить десять Поющих Солнышек,— ворчал он.

— Послушай,— сказал Дайльюлло.— Мы всунули свои головы в пасть льва, чтобы добывать эту информацию..., хотя я должен признать: этот тип больше напоминает турнепс, чем льва. Не лучше ли нам убраться отсюда?

— Думаю, ты прав,— согласился Чейн.

— Как это сделать?

Чейн пожал плечами:

— Да так просто и выйдем. Он будет сидеть с парализатором, пока тут кто-нибудь не появится и не освободит его.

Они вышли. Немедленно игнорируя молодого мруунца за столом, они продефилировали через холл и покинули дворец. В караульном помещении желтые фаллорианцы возвратили им станнеры.

Едва они успели сделать пару десятков шагов по темной улице, как на территории виллы бешено взвыла сирена.

— Бежим!— крикнул Чейн.

Дайльюлло не мог бежать с чейновской скоростью Звездного Волка, но тоже ретиво перебирал ногами. Он гневно отшвырнул руку Чейна, протянутую в помощь.

— Твоя гордость, Джон, когда-нибудь тебя угробит,— расхохотался Чейн.

Настроение у Дайльюлло поднялось, когда они выбрались на переполненную людьми базарную улицу. Но оглянувшись назад, он увидел, как на эту же улицу свернула низкая машина с высокими желтыми фаллорианскими охранниками.

Пестрая толпа была слишком плотной, чтобы сквозь нее могла проехать машина. Фаллорианцы вылезли из машины и, тяжело продираясь через толпу, устремились в погоню.

Оглядываясь то и дело назад, Дайльюлло столкнулся с огромным мохнатым существом. Это оказался один из группы парагаранцев, только что вывалившихся из питейного заведения. Парагаранцы теперь были основательно пьяны, и тот, на которого налетел Дайльюлло, упал, а вместе с ним и сам Дайльюлло.

Чейн помог Дайльюлло подняться. Парагаранцы окружили их, осоловело выпучив глаза.

— Ладно. Хватит,— сказал Дайльюлло.

В этот момент подбежали фаллорианцы и начали грубо расталкивать парагаранцев, чтобы схватить Чейна с Дайльюлло.

И допустили ошибку. Пьяные парагаранцы были готовы драться с любым, кто их толкает. С лающими криками они набросились на желтокожих стражей.

Они были почти такого же роста, что и фаллорианцы, и славились свирепостью в схватках. Они пустили в ход зубы, стараясь укусить противника, и руки, размахивая ими словно мохнатыми палицами. Чейн в один прыжок присоединился к ним, используя против фаллорианцев всю силу Звездного Волка и уже не обращая внимания на то, кто его увидит.

Разгорелась настоящая уличная схватка. Дайльюлло стоял в стороне, держа наизготовку станнер. Но применить оружие было невозможно: обе стороны тесно перемешались. Чейн, по-видимому, нашел истинное наслаждение, ввязавшись в драку. Он использовал кулаки, локти, ноги, коленки, удары головой в живот противника — и все с одинаковой ловкостью. Дайльюлло показалось, что драка закончилась неожиданно быстро: фаллорианцы или лежали без сознания или корчились от боли и стонали.

Парагаранцы с развязной общительностью хлопали одобрительно Чейна по спине. Затем один из них, выглядевший мудрым, как сова, сказал что-то остальным хриплым, лающим голосом. И все, покачиваясь, начали уходить с места побоища, направившись через кольцо толпы, которая немедленно расступилась.

Чейн вытер пот со лба и ухмыльнулся:

— Они считают, что всем им лучше возвратиться на Парагару. Я немного знаю их язык.

— Думаю, что они правы,— мрачно заметил Дайльюлло.— Наверное, нам стоит последовать их примеру и отправиться на корабль. Мне чертовски хочется побыстрее убраться отсюда, если это еще возможно. Твой друг Клоя-Клой, надо полагать, уже уведомил офицеров безопасности космопорта.

— В том-то и прелесть таких миров, как Мруун. Здесь нет офицеров безопасности. Нет никаких законов. Если у вас имеются ценности вы нанимаете охранников, и они стерегут их. Все решаете вы сами, от начала и до конца.

— Чудесный мир,— ухмыльнулся Дайльюлло.— Для Звездного Волка, разумеется. Подожди-ка...

Он заметил, что на улице поблизости от желтых охранников лежал без сознания один из мохнатых парагаранцев. Дайльюлло громко крикнул вслед парагаранцам, фигуры которых исчезали в темноте.

— Вернитесь,— кричал он на галакто.— Вы оставили тут своего.

— Они не слышат тебя,— сказал Чейн.— Слишком пьяны.

— Что с ним будет? — спросил Дайльюлло и, нахмурившись, посмотрел вниз на то, что удивительно походило на гигантского игрушечного медвежонка, случайно оброненного пробегавшим ребенком, только ребенок в этом случае должен был бы быть трехметрового роста.

— Думаю, что если фаллорианцы его схватят, перережут ему горло,— совершенно равнодушно ответил Чейн.

Дайльюлло разразился бранью, к которой редко прибегал.

— Этого нельзя позволить. Возьмем его с собой. Поднимай.

Чейн выпучил глаза:

— Ты в своем уме? С какой стати должны мы с ним возиться?

В голосе Дайльюлло зазвучал металл:

— Время от времени мне следует себе напоминать, что ты совершенно лишен гуманности. А я нет. И никогда не оставляю на погибель того, кто сражался на моей стороне. Даже проклятого Звездного Волка.

Чейн неожиданно расхохотался:

— Тут ты, Джон, неотразим. Я помню, как на Аркуу, когда чертов фанатик Хелмер прижал нас на горном склоне, ты возвратился проверить, жив я или мертв.

Он поднял и водрузил на свои плечи парагаранца, находившегося без сознания, и сразу же сморщился.

— Он крупный и тяжелый,— сказал Дайльюлло.— Давай помогу.

— Дело не в его тяжести, а в запахе. От этого чудовища разит, словно из целой таверны,— ответил Чейн.

Он двинулся с ношей на плечах по улице, но поскольку на Мрууне не принято совать нас в чужие дела, никто не обратил внимания на это. Они выбрались на дорогу, ведущую к космопорту, и сопровождаемые светом звезд Отрога, зашагали по ней.

Дайльюлло непрестанно оглядывался назад, но погони больше не было. Он начал думать, что им действительно везет.

Чейн, тяжело шагавший со своей мохнатой ношей в этой душной темноте, негромко рассмеялся.

— Развлечения и потехи,— сказал он.— Ведь это куда лучше, чем протирать штаны в Бриндизи. Правда?

Дайльюлло презрительно присвистнул в знак несогласия. А Чейн продолжал:

— Ты знаешь, Джон, я часто вспоминаю Аркуу... и ту девушку, Врею. Мне хотелось бы там снова побывать когда-нибудь и встретиться с ней.

— Оставь ее в покое,— сказал Дайльюлло.— Она слишком хороша для таких типов, как ты.

Засверкали огни космопорта. Дайльюлло положил руку на эфес станнера, но никакой угрозы не оказалось. Они вошли в корабль, где их приветствовал Боллард ехидной улыбкой на своей лунообразной жирной роже.

— Поразвлеклись? — спросил он.— А мы тут все с носом остались.

— Да, здорово поразвлеклись,— ответил Дайльюлло.— И таких развлечений будет еще больше и хватит на всех, если мы не уберемся с Мрууна как можно быстрее.

Боллард громко отдал приказ, и наемники бросились к своим рабочим местам. Затем вслед за Дайльюлло появился Чейн и сбросил на палубу свою бесчувственную ношу. Боллард выпучил глаза.

— Это еще что такое, черт побери?

— Это? Это парагаранец,— ответил Чейн.— Мы некоторым образом впутались с ним в одно дело, и Джон полагает, что его нельзя оставлять.

С шумом начали запираться двери, и взревела сирена. Все заняли кресла, и маленький корабль быстро вознесся в небо. Когда ускорение уменьшилось, и наемники вылезли из противоперегрузочных кресел, оказалось, что парагаранец пришел в себя, по-видимому от шока, полученного при взлете. Поднявшись на ноги, он удивленно озирался вокруг и мягко покачивался от неустойчивости, которая не имела ничего общего со взлетом корабля. Он увидел Чейна, и его волосатое лицо расплылось в довольной улыбке.

— Чертовски хорошая была драка,— прогремел он на галакто своим хриплым голосом.— А ты сильный боец. Это ты меня вытащил оттуда?

Чейн отрицательно покачал головой:

— Нет. Лично я оставил бы тебя там лежать.— И, показав на Дайльюлло добавил,— вот мой друг Джон — верный товарищ. Он вызволил тебя оттуда, чтобы спасти твою шею.

Здоровенный парагаранец повернулся, уставился воспаленными, подернутыми пеленой глазищами на Дайльюлло, потом нетвердой походкой направился к нему.

— Меня звать Гваатх,— проревел он.— И я вот что скажу: каждый, кто сделал добро Гваатху, будет иметь его своим другом на всю жизнь.

Мохнатая рука обвилась железным обручем вокруг шеи Дайльюлло. Парагаранец посмотрел в лицо Дайльюлло с пьяной собачьей привязанностью и громко рыгнул.

Дайльюлло отшатнулся.

VI

Перейдя на сверхскоростной режим, корабль все дальше и дальше углублялся в необъятные пространства Отрога Арго. Он пересек огромные потоки покрытых пеплом солнц, от которых исходили странные и магические огни, простиравшиеся на многие парсеки. Корабль миновал темные мели, где очень давно произошло столкновение потухших звезд, и все было заполнено кружившимися обломками. Он обошел стороной похожий на смерч колоссальный вихрь из мертвых и живых звезд, который раскручивается все сильнее и сильнее в безумном водовороте, центром которого стали нейтронные звезды.

"Старая дорога Звездных Волков",— вспоминал Чейн, знавший здесь каждую звезду, каждый рой камней и всю эту темную туманность. А далеко впереди, как показывал экран на капитанском мостике, маячило варнавское солнце, темножелтый глаз которого следил за Чейном. Он смотрел на солнце и мечтал.

Вскоре за спиной Чейна сквозь скрипучую монотонность несовершенного сверхскоростного режима раздался голос Дайльюлло.

— Я не прочь бы бросить всю эту затею и возвратиться на Землю.

— Нервы стали пошаливать? — спросил Чейн.

— Я уже говорил тебе: не пытайся подкалывать людей. У тебя это не получается. В решающий час мои нервы сработают лучше твоих.

Чейн немного задумался, потом серьезно сказал:

— Полагаю, ты прав. Я могу что-угодно делать, но до тех пор, пока мне это интересно, тебя же отличают своего рода подавление собственных чувств и напористость...

— Называй это пуританской совестью,— сказал Дайльюлло.— А вообще-то я не нуждаюсь в любительских психоанализах. Каковы наши шансы завладеть шестью Солнышками, которые находятся у Ирона Ритхского?

Чейн пожал плечами:

— Мне никогда не приходилось бывать на Ритхе, но я слышал об этой планете от варновцев, которые туда летали. У Ирона жесткий характер. Так и должно быть, если жить на Ритхе... Говорят, что там непрерывные бури.

— Прекрасно,— заметил Дайльюлло. Он собирался еще что-то добавить в саркастическом духе, но на мостик неуклюже забрался Гваатх.

— О, нет, ради бога,— пробормотал по-английски Дайльюлло.

— Он же любит тебя,— ухмыльнулся Чейн.— Разве ты забыл, что спас ему жизнь? Вот почему все время он следует за тобой.

Огромная фигура Гваатха, казалось, заполнила весь мостик. Парагаранец по-дружески хлопнул Дайльюлло по плечу, едва не свалив его на палубу.

— Как делишки? — спросил он по-английски.— Все хорошо, старина?

Дайльюлло удивленно уставился:

— Ты уже знаешь эти фразы?

Гваатх кивнул головой и перешел на галакто, чтобы объяснить.

— Люди из комнаты экипажа научили меня немного вашему языку. Вот послушайте...— И на английском он выдал серию таких выражений, что Чейн расплылся в улыбке, а Дайльюлло поспешил прервать Гваатха.

— Этому-то они тебя научат,— сказал Дайльюлло.

— Подумай, дружище, на Парагаре дети знают покрепче словечки,— обиделся Гваатх.— На Парагаре...

Дайльюлло перебил.

— Послушай,— сказал он в отчаянии.— Ты действительно уверен, что они не хотят, чтобы мы высадили тебя в каком-нибудь мире здесь в Отроге? В таком мире, откуда ты мог бы сообщить о себе на свой корабль? Твои друзья могли бы тебя потом забрать оттуда.

— Я уже говорил тебе раньше: у меня нет больше друзей,— прогремел Гваатх.— Они бросили меня на погибель там, на Мрууне.

И он добавил с видом судьи, вынесшего окончательное обвинение:

— Они были *пьяны*.

Чейн едва удержался от смеха. Парагаранцы выглядят крупными приземистыми собаками-медвежатниками, но они известны всюду в Отроге как отчаянные бойцы, готовые быстро отреагировать на обиду.

— Нет,— сказал Гваахт.— Я останусь с вами, пока не попадем в такой мир, откуда я сам, самостоятельно, смогу добраться до Парагары. Где будет первая посадка?

— На Ритхе,— ответил Дайльюлло.

— Адское место. Если там не идет дождь, то идет град, или гремит гром, а чаще все вместе.

— Ты бывал там? — спросил Дайльюлло.

— Два-три раза,— ответил Гваатх.— Жители Ритха покупают травы, которые выращиваются только на Парагаре. Если эти травы высушить, а потом подпалить, они оказывают очень странное воздействие на разум.

— Кто такой Ирон Ритхский?

Гваатх удивленно уставился:

— Правитель. Там не знают всей этой чепухи вроде демократического правительства. Одна планета, один босс. Им и является Ирон.

Дайльюлло вопросительно взглянул на Чейна. Тот понял, что имелось в виду, и одобрительно кивнул.

— Вот что, Гваатх, хочу тебе сообщить,— заявил Дайльюлло.— Мы направляемся на Ритх в некотором роде с рискованной миссией. И, думаю, тебе следует знать о ней заранее, поскольку, ты собираешься быть с нами.

Он рассказал Гваатху о Поющих Солнышках. Парагаранец восхищенно присвистнул.

— И Звездные Волки владели ими? Я предполагал что-то в этом роде. Да, эти варновцы-порядочные негодяи, но во всей вселенной нет смелее и умнее воров, чем они. Даже мы, парагаранцы, рады, что Звездные Волки нас не тревожат.

— Судя по тому, что говорил нам Клоя-Клой, у Ирона находятся шесть Солнышек,— сказал Дайльюлло.— Нам нужны все Солнышки, и первыми для нас будут вот эти шесть.

— И как вы собираетесь их получить?

— Заберем,— ответил Дайльюлло.— Этот Ирон, когда их покупал, прекрасно знал, что они краденые. Если мы сможем возвратить их законным владельцам на Ачернаре, то получим огромное вознаграждение.

На мохнатом лице Гваатха ожили маленькие глазки.

— Это похоже на шутку,— сказал он.— Ритханы — крепкие люди. Не такие, конечно, как Звездные Волки или парагаранцы, но достаточно сильные. Однако операция может удасться.

— Ты знаешь планету Ритх, мы нет,— заявил Дайльюлло.— Если ты захочешь к нам присоединиться, то после завершения операции получишь долю вознаграждения... Конечно, сначала должны проголосовать за это наемники.

Парагаранцу не потребовалось много времени на решение. Он пожал массивными плечами и широко улыбнулся, обнажив здоровеннийшие зубы.

— Я хотел бы присоединиться к вам,— сказал он.— Мой корабль ушел без меня. Мы намеревались стать солдатами у одного царька на

планете в Отроге, где восстали его подданные. Наверное, поиск Солнышек составит не больше риска.

— Отлично,— одобрил Дайльюлло.— Я все время размышлял, какой повод выдвинуть для посадки на Ритхе. Теперь он есть... мы приземляемся для того, чтобы высадить парагаранца, подобранного нами в одном из миров, куда его занесло несчастье.

— Согласен,— сказал Гваатх.— А какой ваш план изъятия Солнышек у Ирона, когда мы прибудем на Ритх?

— Да, Джон, какой у тебя план? — с серьезным видом спросил Чейн.— Я давно ожидаю услышать.

Дайльюлло метнул в его сторону недовольный взгляд.

— Ты услышишь об этом тогда, когда я буду готов сказать тебе. Гваатх, пойдем со мной. Хочу выяснить кое-какие вопросы о планировке города Ирона.

Гваатх кашлянул, прочищая горло.

— Видишь ли, каждый раз я бывал там крепко выпившим и в трезвом виде мне трудно вспомнить. Я имею в виду...

Дайльюлло прервал его излияния:

— Ладно, два бокала, не больше.

Взглянув на массивную фигуру Гваатха, он добавил:

— Учитывая твои габариты, налью пополнее.

Чейн пилотировал.

В тот момент, когда корабль наконец вышел из сверхскоростного режима вблизи Ритха, в пилотском кресле находился Чейн. Сверкавшее голубизной солнце этой системы было маленьких размеров, да и сама планета Ритх оказалась не очень велика. Посматривалась она трудно, из-за густого слоя облаков.

Джансен передал Дайльюлло координаты радиомаяка в звездопорте города Ирон.

— Во всяком случае, я полагаю, что это координаты,— уныло сказал Джансен.— Во всем районе бушуют грозы, и мне приходилось определять их по обрывочным данным.

Он возвратился в радарную. Дайльюлло взглянул на координаты и затем, вместо того, чтобы вручить Чейну, объявил по внутрикорабельной связи:

— Секкенен, поднимись на мостик для пилотирования.

Чейн повернулся к нему:

— Я же вполне справляюсь.

— Знаю,— согласился Дайльюлло.— Но из-за грозы много сложностей, и я предпочел бы иметь у управления сейчас другого человека, не пилота из Звездных Волков, который горазд черт знает на что и, дай ему возможность, посадит корабль в самом центре города.

— Джон, ты все же отлично помнишь. Пора тебе научиться правильно воспринимать вещи.

Чейн не стал больше пререкаться и уступил пилотское место пришедшему Секкенену.

Секкенен был прирожденным нытиком. Он начал ворчать, что не его очередь пилотировать, что нельзя заставлять человека вести корабль по каким-то отрывочным показаниям радара и что вообще несправедливо было прерывать его обед.

Он ныл и ныл, но его руки в это время мягко и уверенно вели корабль вниз к планете через густые облака и грозовые разряды.

Корабль опускался на ночную сторону Ритха, но непрестанные вспышки молнии часто делали эту сторону светлее, чем днем. Ветер, как показывали приборы, был страшный, но наемники чувствовали это и без приборов, по резким толчкам. Грозовые разряды нарушали и перебивали показания приборов с сенсорными лучами, корабль шел вполуслепую. Секкенен продолжал свое нытье, но его умелые, опытные руки делали свое дело. Вскоре вспыхнули яркие огни, и навстречу устремился небольшой звездопорт. Когда корабль слегка ударился о твердь, Дайльюлло облегченно вздохнул.

— Послушайте-ка,— сказал Чейн, когда была выключена энергетическая установка.

По кораблю хлестал дождь, обрушившийся не каплями, а мощным, сплошным водопадом. Его барабанный грохот был оглушающим.

— Нельзя сейчас выходить, без голов останемся,— сказал Дайльюлло.— Подождем.

Они ждали. Грохочущий ливень продолжался. И только спустя час он неожиданно прекратился.

— Хорошо,— сказал Дайльюлло.— Пока отправляются со мной только Боллард и Гваатх. Открыть замок.

Они вышли и окунулись в промозглую, влажную темноту. Дайльюлло увидел огни, принятые им за административное здание звездопорта, и отправился им навстречу. Остальные последовали за ним. Гваатх своими ножищами шлепал прямо по лужам.

Неожиданно им в лицо ударил ослепительно яркий свет прожекторов. И в тот же момент из усилителя прозвучал на галакто резкий металлический голос.

— На ваш корабль направлены четыре тяжелых лазера. Все, кто есть на борту должны покинуть корабль без оружия и следовать в этом направлении.

— Это еще что? — громко возмутился Дайлбюлло.— Мы — исследовательское судно с Земли и приземлились здесь только для того, чтобы высадить подобранного нами парагаранца.

— Шагай, шагай, непрошенный землянин,— раздался неприятный голос из динамика.— Ирон хочет встретиться с тобой. Он точно знает, зачем вы прибыли на Ритх.

VII

Нечасто приходится встречать совершенно счастливого человека, думал Дайльюлло. И сердцу приятно, когда это случается.

Ирон Ритхский был счастливым человеком. Он важно расхаживал вперед и назад, низенький человек с суровым красноватым лицом и стоящими щетиной черными волосами, взирая на всех словно сокол, превратившийся в человека. Он хохотал, хлопал себя по бокам и снова заливался смехом, уставившись на стол, за которым сидели Дайльюлло, Чейн и Гваатх.

— Чертовски *забавно*,— сказал он на галакто.— Вы же не представляете себе, насколько это забавно.

Дайльюлло отпил немного поданного всем обжигающего спиртного напитка и мягко спросил:

— Вернемся же к этой шутке. Что в ней забавного?

Ирон затряс головой, захохотал опять, продолжая расхаживать взад и вперед. Он был маленьким, но отбрасывал длинную тень на каменный пол огромного банкетного зала.

Вокруг там и тут на почтительном расстоянии, за пределами слышимости, стояли люди. Краснокожие аборигены Ритха, мощные коротышки с лазерами и станнерами. Их глаза не отрывались от трех человек, сидевших за столом.

Помещение было холодным, крайне неприветливым. На стенах поверх выцветших старых росписей, изображавших приятных голубых людей в саду, были намалеваны грубые, воинственные фигуры низкорослых краснокожих людей, размахивающих оружием в бою. Когда-то на Ритхе, как сказал Дайльюлло, была более благородная цивилизация, но потом сюда пришли жестокие чужеземцы, а, может быть, и инопланетяне. Обычная история, которую можно встретить всюду в Галактике.

В дальнем конце длинного мрачного зала танцевали восемь почти нагих девушек. Ни одна из них не была краснокожей аборигенкой; они имели другого цвета кожу, высокий рост и танцевали с ленивой грацией под звуки спрятанного оркестра. Никто не смотрел на них. Девушки были декорацией, а не исполнительницами танца.

Дайльюлло выжидал, не говоря больше ни слова. Ирон был так преисполнен величия и торжественности, что рано или поздно должен был заговорить. Тем временем все остальные наемники находились под стражей в верхней части крыла этого старого просторного дворца. Только Дайльюлло, Чейн и Гваатх были приведены сюда.

Гваатх чувствовал себя вполне счастливо. Он выпил крупными глотками поистине гигантскую дозу обжигающего местного напитка, щедро поставленного перед всеми. Окосев от спиртного, он сидел и с глуповатой

восторженностью, словно школьница перед своим героем, уставился своим мохнатым лицом на Ирона. Глядя на забавное выражение лица парагаранца Дайльюлло чуть не расхохотался.

Чейну было далеко не до смеха. Он крепко выпил и это было чувствительно. Дайльюлло видел его иногда изрядно поддавшим, но в таких случаях его темное лицо становилось только более ироничным и насмешливым. Сейчас же Чейн выглядел мрачнее грозовой тучи, и по его старательно расчитываемым движениям Дайльюлло мог судить о степени опьянения.

Тоска по родным, подумал, Дайльюлло. *Он снова здесь, в Отроге, и Варна по Галактическим расстояниям не слишком далека отсюда; но он никогда не сможет туда вернуться, и это терзает его душу.*

— Неужели вы никогда не представляли себе,— спросил Ирон,— что Клоя-Клой мог послать всем нам, купившим Поющие Солнышки, уведомление с предупреждением, что наемники намереваются захватить их.

— О такой возможности мы подумали,— пожал плечами Дайльюлло.— Но решили, что Клоя-Клой не захочет афишировать тот факт, что мы проникли в его штаб-квартиру и провели его за нос. Для знаменитого скупщика краденых вещей это было бы не лучшей рекламой.

— Вы ошиблись,— сказал Ирон.— Клоя-Клою наплевать на то, хорошая или плохая реклама. Он был так взбешен, что хотел одного — чтобы вас поймали и наказали.

— Представляю,— согласился Дайльюлло.— Я лидер этой операции. Но зачем же приводить сюда ради вашего злорадства Гваатха и Чейна?

— Что касается парагаранца,— ответил Ирон,— то мне было просто любопытно узнать, что он делает у вас. Наверное вы скажете: он так, для смеха.

Гваатх отреагировал на эти слова пьяной улыбкой, осветившей его громадное лицо и обнажившей блестящие зубы. Улыбка говорила "я тебя тоже люблю". Парагаранец положил голову на стол и захрапел.

— Что же касается человека по имени Чейн,— продолжил после некоторой паузы Ирон,— то о нем упомянул Клоя-Клой. Морган Чейн — Звездный Волк. Как землянин может быть Звездным Волком?

Чейн осушил и поставил на стол свой кубок:

— Но я не Звездный Волк.

Он встал и направился вокруг стола к Ирону. Маленькие краснокожие люди, стоявшие по краям зала, взяли на изготовку оружие. Нагие девушки продолжали танцевать под струнные звуки. Со стен сквозь ряды бежавших низкорослых краснокожих воинов тускло просматривались улыбавшиеся приятные лица голубокожих людей.

Лицо Чейна расплылось в сладкой улыбке и в мозгу Дайльюлло пронеслось: *Ради бога, только не это. Мне приходилось видеть эту улыбку и за ней следовала беда.*

— Понимаешь,— обратился Чейн к Ирону,— я только наполовину Звездный Волк. Я родился на Варне, вырос с варнавцами, ходил с ними в рейды, но теперь я понимаю, что я никогда не был больше, чем полуварнавцем.

И вдруг его голос заскрежетал словно меч, выдираемый из ножен.

— Но быть наполовину Звездным Волком вполне достаточно, чтобы тебя чтило и уважало более низкое отродье вроде ритхан.

В маленьких глазах Ирона вспыхнула ярость. Он приподнял руку, чтобы позвать своих людей, стоявших с оружием вдоль стен огромного каменного помещения. Но потом опустил ее и восхищенно уставился на Чейна.

— Ты действительно Звездный Волк,— сказал он.— Только один из этих дьяволов может такое заявить мне здесь, где мне достаточно шевельнуть пальцем и нет человека.

Чейн пожал плечами:

— Я скажу тебе, как варновцы смотрят на это и как они меня учили. Человек может погибнуть в любой момент, во всяком случае он не может жить вечно, поэтому нет смысла беспокоиться о смерти.

— Почему ты не с варновцами? — спросил Ирон.— Что ты делаешь у этих наемников?

— Разногласия,— беспечно ответил Чейн.— Я убил товарища, который пытался убить меня, а у меня нет клана, который поддержал бы меня. Поэтому я уехал.

— Другими словами, ты бежал,— сказал Ирон.

— Конечно бежал. Звездные Волки — реалисты. Они как и все остальные, не хотят, чтобы их убивали. Но суть-то в том, что они не очень много пекутся об этом.

Ирон неожиданно расхохотался и хлопнул Чейна по спине.

— Давай, выпей еще,— сказал он.— Расскажу всем вам забавную истори, такую забавную, что умрете со смеха.

Ну вот и разговорился, подумал Дайльюлло, *оказалось достаточно небольшого сюрприза, чтобы сделать его таким счастливым.*

— Вы прибыли сюда, чтобы отобрать у меня шесть Поющих Солнышек, которые я купил у Клоя-Клойя,— начал Ирон.

— Видимо, нет смысла отрицать,— уныло признался Дайльюлло.

— Вот здесь и начинается забавная история. Нет у меня Поющих Солнышек.

Дайльюлло выпучил глаза от изумления:

— Но вы только что признали, что вы купили их у Клоя-Клойя.

— Купил,— согласился Ирон. Он замолчал и снова захлебнулся смехом, прежде чем продолжить.— Но у меня их нет. На эту шутку клюнули не только вы, но и Клоя-Клой. Подумать только: он взял на себя заботу послать мне предупреждение...

И Ирон снова развеселился. Дайльюлло запасся терпением, но в данный момент готов был взорваться.

— Если вы не против,— сказал он,— я хотел бы услышать суть этой чудесной шутки и тогда смог бы смеяться с вами заодно.

— А суть в том, что все Поющие Солнышки приобретены одним покупателем. Каярами. Они использовали всех нас в качестве торговых агентов. Если бы каяры стали покупать все Солнышки вместе, Клоя-Клой заломил бы огромную цену. Поэтому они сделали свою заявку только на приобретение некоторых Солнышек, а нас, как сообщил вам старый торгаш, попросили приобрести отдельными партиями все остальные солнышки. Мы их доставили каярам, и те стали обладателями всех Поющих Солнышек.

Хотя у Чейна было подавленное, отвратительное настроение, он громко расхохотался:

— Чисто сработано. Красиво провели старого мруунского прохиндея.

— "Чисто" — подходящее слово,— охотно согласился Ирон.— Теперь вы можете понять почему, когда Клоя-Клой бросился меня предупреждать, а вы, наемники, ловко проникли в Ритх со всякого рода планами захвата моих Солнышек, я подумал, что все это действительно забавно.

— Так забавно, что мне и сказать нечего,— промолвил Дайльюлло.— Стало быть, все Солнышки у каяров? А кто они, черт побери, эти каяры?

— Народ,— ответил Ирон.— Очень странный народ. Все они эстеты; вероятно, самые великие любители прекрасного в галактике. Они чрезвычайно изобретательны в оружии. У них отсутствует чувство жалости. Вы считаете, что мы ритхане стойкие и немилосердные...

— Я не считаю,— прервал Чейн.

Ирон бросил на него раздраженный взгляд, но продолжил свою речь.— По сравнению с Каярами, мы нежны как девицы. Я просто не могу их понять. Они владеют самыми красивыми и ценными вещами, о которых кто-либо слышал, и они любят их так, как любит мужчина очередную свою девушку-рабыню. Я мог бы понять необходимость защищать свои богатства. Но их оружие создано не для этого. Оно умышленно сконструировано для того, чтобы мучить и убивать врагов. И каяры находят наслаждение в его применении.

— Похоже, что это очаровательные люди. И у них все Поющие Солнышки?

— Да, все Поющие Солнышки находятся у них.

— Где расположен их мир?

Ирон улыбнулся.

— Я там часто бывал. В последний раз я отвез туда шесть Поющих Солнышек. И вы знаете что..? — Он должен был остановить свой смех.— Я высадился в их мире и сделал трехмерные, объемные фотоснимки всех их сокровищ, и они ничего об этом не знали. Они настолько скрытны, что, узнай об этих снимках, тут же убили бы меня.

Чейн в упор посмотрел на него:

— Человек задал вопрос. Где находится мир?

— Ну да, вы, конечно, хотите знать это,— сказал Ирон.— Я предполагал, что вы захотите. И может быть я вам скажу. Может быть. Видите ли, каяры чрезвычайно скрытны и в отношении себя и своих сокровищ. Я один из небольшого круга людей, которые могли бы рассказать о каярах.

— Мне кажется, запахло чем-то вроде предстоящей сделки,— кисло заметил Дайльюлло.— Хорошо, давайте.

— Нам известно,— продолжил Ирон,— что правительство Ачернара предложило вознаграждение в два миллиона за возвращение своих Поющих Солнышек. Вы, наемники, и охотитесь за этим вознаграждением. Не так ли?

— Нет смысла отрицать и на этот раз,— согласился Дайльюлло.

— Без посторонней помощи у вас нет никаких шансов добраться до каяров и Солнышек,— сказал Ирон.— Вы не знаете, где находится их мир, и если бы даже знали, все равно ваш корабль не мог бы там сесть. У них такая оборона, что вам и слышать об этом не приходилось.

Дайльюлло впился в него глазами:

— Продолжайте.

— Но,— заявил Ирон, и его глаза заблестели,— я мог бы вас направить прямо к ним. Я мог бы вам одолжить наш небольшой геологоразведочный корабль, который введет их в заблуждение и даст вам возможность высадиться на их планете. Мои объемные снимки могли бы вам точно показать место, где находятся Солнышки. Все это я мог бы предоставить... ну, за половину двухмиллионного вознаграждения.

И добавил:

— Конечно, ритхский корабль небольшой. Только трое или четверо из вас могут воспользоваться им. Остальные наемники могли бы остаться здесь моими гостями... и служить гарантией того, что вы вернетесь.

— Другими словами,— Дайльюлло,— выступив агентом каяров и обдурив Клоя-Клоя, вы теперь собираетесь предать и тех, кто вас нанимал.

Ирон усмехнулся:

— Именно так.

— По крайней мере,— сказал Дайльюлло, вы все-таки высоко оцениваете свою благонадежность.

И потом добавил:

— Скажите мне, пожалуйста... есть ли хоть один честный человек в Отроге Арго?

Ирон удивленно вытаращил глаза. Потом повернулся к Чейну:

— Ты слышал это, Звездный Волк? Он ищет честного человека в Отроге!

Оба, Чейн и Ирон, разразились хохотом.

VIII

Небольшое скопление мертвых, черных звезд и в нем лишь несколько находящихся на грани затухания солнц, испускающих унылый красный свет... Это тоскливое, безысходное зрелище представил трехмерный проектор, установленный в затененном зале.

— Знаю это созвездие,— сказал Чейн.— Оно совсем за пределами Отрога, в западном направлении к надиру.

— Точно,— подтвердил Ирон.

— Но там нет обитаемых миров.

— А на сей раз неточно. Там живут каяры. На планете, вращающейся вокруг из затухающих солнц, в самой глубине этой звездной системы. Свою планету называют Хлан.

Чейн недоверчиво покачал головой:

— Никто, даже варновцы, никогда не слышали об этом.

Ирон улыбнулся:

— Потому что так ходят каяры. Это один из богатейших народов Галактики, из-за этого он тщательно скрывает себя.

— Богатейших? — спросил Дайльюлло.— Да что там на скопище потухших звезд и замерших планет может сделать их богатыми?

— Радит,— ответил Ирон.— Редчайший трансурановый минерал. На Хлане колоссальные запасы радита. Из-за этого сюда первоначально прибыли каяры. Вы знаете, сколько стоит радит?

Дайльюлло все еще был настроен скептически.

— Как же, черт побери, они могут продавать радит и сохранять в тайне свое существование?

— Просто,— ответил Ирон.— Они используют в качестве своих агентов несколько отобранных человек из Отрога. Я один из них... Мы улетаем в созвездие и берем с собой радит, которым расплачиваемся за приобретаемые для каяров вещи. А вещи, которые им нужны, всегда дорогие, прекрасны и такие, что их трудно украсть.

— Будь я неладен,— вспыхнул Дайльюлло.— Они ведь хуже, чем воровская раса Мрууна.

— Каяры значительно хуже,— ответил Ирон.— Я убежден, что радитовые излучения оказали генетическое воздействие на их рассудок. Каяры никогда не покидают свой скрытый мир. Они живут там, любуются сокровищами и изобретают все более изощренные, отвратительные виды оружия для охраны своих богатств, поскольку они непрестанно приобретают все больше редких образцов Галактического искусства, то им нужно и больше средств на их охрану. Если это не помутнение рассудка, то что?

Чейн мысленно навострил уши:

— Похоже, что это чудесный край для грабителей,— сказал он.

Ирон согласился.

— Точно. Вот почему они и держат себя в тайне. Но нелегко добраться до их сокровищ. Каяры беспредельно жестоки, очень хитры и имеют много оборонительных поясов, вроде Летальных Миров.

— Летальных Миров?

Ирон показал на темную группу звезд на фото.

— Каяры утверждают, что заминировали много мертвых планет в этой группе такими зарядами радита, которых достаточно, чтобы взорвать планеты как огромные бомбы. Каяры могут уничтожить любой флот агрессора.

— Ну уж это похоже на блеф, чтобы отпугнуть людей от себя,— пренебрежительно сказал Чейн.

— Я бы так не считал,— возразил Ирон.— Я по себе знаю, что у них нет ни совести, ни жалости. Фактически...

Поколебавшись, он продолжал:

— Фактически у меня было такое ощущение, что после получения и соединения воедино Поющих Солнышек, каяры начнут убирать агентов, которые им сделали закупки, с тем, чтобы никто никогда не узнал об их сокровище. Я больше никогда бы снова не отправился в то созвездие!

— Но нам-то вы предлагаете туда отправиться,— заметил Дайльюлло.

Ирон ухмыльнулся:

— Это совсем другое. Если вам сделать больно, я этого не почувствую.

Он подал знак и объемное фото сменилось новым кадром. Теперь зрители, казалось, висели над поверхностью почти мертвой планеты. Черные, бесплодные равнины уходили к невысоким темным горам: весь этот ландшафт тускло освещался слабыми красными лучами умирающего солнца.

На одной из равнин виднелся небольшой город со зданиями из блестевшего металла. Большинство зданий были большими, однако в центре города по краям круглой пустой площади поднимался обруч из высоких металлических башен. Вокруг всего города светилось кольцо голубой радиации, не имевшей, казалось, никакого источника.

— Этот ореол дает им свет и тепло,— пояснил Ирон.— У них радита достаточно на тысячу таких ореолов.

Дайльюлло обратил внимание на корабли, стоявшие на большом звездопорте.

— Насколько я понял, вы сказали, что каяры никогда не покидают свой мир.

— Не покидают, подтвердил Ирон.— А это все военные корабли, для обороны.

— А вот те высокие башни и есть хранилища их сокровищ? — спросил Чейн.

— Глаза Звездного Волка увидели добычу. Да, это хранилища. Мне никогда не разрешалось быть внутри их, но я использовал скрытую трехмерную камеру на сенсорных лучах и сделал снимки внутренней части.

Проектор показал кадр с внутренней частью большого помещения, стены которого были покрыты тщательно отполированным металлом. В помещении находились люди.

Каяры. Высокие мужчины и женщины в белых одеяниях. У них были белоснежные лица, которые можно было назвать прекрасными, и изящные руки. Глаза были темные, широкие, спокойные. Но в неестественном спокойствии холодных лиц сквозила какая-то леденящая душу бесчеловечность.

— Теперь я понимаю, что вы имели в виду, говоря о них,— пробормотал Дайльюлло.— Они выглядят так, словно стали жертвами постепенного генетического изменения в результате изоляции.

Чейн не смотрел на каяров. он смотрел на заполнявшие помещение предметы, на сверкавшие богатства, которые притягивали его словно магнит.

Алмазы, жемчуг, хризопраз, ярко-красные рубины из миров Бетельгеза, мерцающие светляки из Харала, морские зеленые жемчужины, добытые в океанах планеты Алгол-3, золото, серебро, природное золото с большим содержанием серебра — и все это свалено кучей в какие-то невероятные вазы, на кресла, на панели. Были и другие сокровища, которые Чейн даже не мог определить. Все они ошеломили своим изяществом и красотой, однако не это заставило Чейна глубоко вздохнуть.

— Можно обалдеть. Верно? Сколько же добычи,— сказал Дайльюлло Чейну.

— А мы на Варне никогда и представить себе этого не могли,— процедил Чейн.

— Я же говорил, что каяры — мастера по хитрости,— вмешался Ирон.— Подождите, я вам сейчас покажу другие хранилища сокровищ.

Подвижные абстрактные инструкции, скульптуры, вытканные из тончайших жемчужных нитей, гобелены, страшные чужепланетные идолы из тускло блестевших драгоценных металлов, странные символы из далеких созвездий, сделанные из камней, горевших словно огонь, огромные из золота книги из мельчайших драгоценных камней.

И через все эти залы, среди этих ошеломляющих вещей бродили каярские мужчины и женщины, спокойно взирая то направо, то налево, инспектируя свои клады, испивая красоту, наслаждаясь ими так странно и глубоко, что другим народам даже в голову не придет.

— И это все, что они делают? — недоверчиво спросил Чейн.— Набрали столько добра, а потом лишь сидят на нем и восхищаются им?

— Я говорил вам, что они чокнутые,— напомнил Ирон.— Теперь взгляните на это.

Завершающие кадры объемных фото показывали вначале башню, а потом зал внутри ее. Зал был огромным, круглым и весь изнутри черным — потолок, пол, шелковые занавеси на стенах,— черным как космос. И в зале, словно в храме, находились Поющие Солнышки.

Но не все. Их было только двадцать восемь, а не сорок. Однако перед ними меркло все виденное раньше. Они играли цветами как звезды. Бледно-зеленый, холодно-голубой, тепло-золотистый, тускло-красный...— все это изумительное разноцветье медленно вращалось и целиком, и отдельными частями относительно друг друга. Весь комплект был в поперечнике только четыре фута и находился под энергетическим колпаком, покоившимся на толстом, четырехножечном основании, в котором была силовая установка, подававшая энергию в колпак. Красота сияющих Солнышек вызвала вздох у Дайльюлло.

— Вы не слышите их,— сказал Ирон.— Во всяком случае на этом фото. Но говорят, когда вы их слышите и одновременно видите их, вам не хочется уходить от них. Ну, теперь-то там все сорок Солнышек собраны вместе.

Чейн безотрывно смотрел на Солнышки, и в нем пробудилась необузданная страсть Звездных Волков к грабежу.

— Мы должны их заиметь,— бормотал он.— Но каким образом?

— Так что насчет моего предложения о сделке, перед тем как я продолжу? — спросил Ирон.

Чейн жестом показал в сторону Дайльюлло:

— Говорите с ним. Он лидер.

Дайльюлло задумался на некоторое время. Затем сказал Ирону:

— Сделку заключаем... но только условно... У этой операции три стадии: попасть туда, Поющие Солнышки и выбраться оттуда. Как вы могли бы отработать запрашиваемый миллион?

— Я не могу вам обеспечить реализацию первой стадии операции, без которой у вас не будет ни второй, ни третьей. Для второй стадии я могу вам дать точное расположение хранилища с Поющими Солнышками, рассказать о подступах к нему и о тех препятствиях, которые, как я знаю или предполагаю, могут вам встретиться.

Ирон взглянул на Чейна с улыбкой:

— Ну, а когда вы туда попадете, тут уж ваша компетенция пойдет в ход. Что касается того, как выкрасть Солнышки, то об этом не мне говорить: тут я снимаю шляпу перед маэстро. Чейн оскалил зубы в улыбке.

— Давай послушаем дальше,— сказал Дайльюлло.

— Вы отправитесь на Хлан в ритхском исследовательском судне, используя мои карты. На Хлан вы сообщите, что следуете с грузом корня ара.

— Корень ара? Что такое?

Ирон бросил взгляд в сторону храпевшего за столом парагаранца.

— Этот корень выращивают в Парагаре. Кажется, единственном месте, где он растет. Это своего рода стимулирующее средство, но я не знаю, что оно точно стимулирует. Во всяком случае каяры любят корень. Они покупают его, но не непосредственно. Они никогда ничего не делают прямо непосредственно. Парагаранцы привозят корень сюда к нам, а мы доставляем его на Хлан.

Дайльюлло вспомнил, что ему рассказывал Гваатх, и кивнул:

— Стало быть мы отправляется на ритхском судне и сообщаем, что везем корень ара. Что дальше?

— Перед тем как, разрешить вам посадку, каяры потребуют опознания ваших личностей. Визуального опознания.

— И в ту же минуту, как они увидят наши лица, мы будем мертвыми,— сказал Чейн.— Мы никак не сможем быть похожими на ритхан. Как нам выпутаться из этого?

Ирон улыбнулся, улыбнулся сдержанной довольной улыбкой человека, очарованного собственной сообразительностью. Снова он показал взглядом на Гваахта.

— Он вас выручит. Он визуально представится и скажет, что летит с Ритха, чтобы сообщить о стихийном бедствии на полях, где выращивается корень ара, и что в ближайшую пару лет больше не будет поставок этого добра... за исключением, возможно, очень небольшого количества для очень избранных покупателей и, естественно, по очень специальной цене. Именно для обсуждения этой цены он и хочет встретиться. Это так сильно волнует каяров, что они дадут вам разрешения на посадку.

— Если,— вставил Дайльюлло,— у них нет оборудования с сенсорным лучом, который просмотрит все внутренности корабля. Если нас заметят, нам будет крышка, как сказал Чейн.

Ирон пожал плечами:

— Не могу гарантировать, что у них нет такого оборудования. Не знаю. Но они никогда не подвергали полному сканированию ни один ритхский корабль. Привыкли к нам. Поэтому не вижу причины, почему они должны проявить беспокойство на этот раз.

— Звучит вполне убедительно,— заметил Чейн.

— Лично я хотел бы больше шансов,— прозвучал Дайльюлло.— Однако...

— Давай послушаем о хранилище сокровищ,— попросил Чейн.

Ирон рассказал и об этом, прибегая частично к помощи объемных фото, частично к своей памяти, частично к хитро-умным догадкам. Когда он закончил, Дайльюлло бросил взгляд на Чейна и спросил:

— Ну?

Чейн не спеша кивнул. Рот его расплылся в улыбке, глаза странно сверкали. Волчий свет, подумал Дайльюлло, подавив в себе холодную дрожь.

— Так как насчет сиделки? — задал вопрос Ирон.

— Нам надо обсудить,— ответил Дайльюлло.

— Хорошо,— сказал Ирон.— Только не слишком долго. Я ведь могу и передумать.

— Одна просьба,— обратился Дайльюлло.— Из моей группы, кроме меня, никто не знает, что Чейн когда-то был Звездным Волком. Я не хочу, чтобы другим стало это известно.

Ирон пожал плечами:

— Что касается меня, то никакой проблемы.

— Спасибо, Джон, за заботу,— сказал Чейн.

Дайльюлло равнодушно посмотрел на него:

— Я не беспокоюсь ни о тебе, а о других. Если кто-нибудь узнает правду, они безусловно откажутся работать вместе с тобой, а очень возможно и прикончат тебя. Это погубит все дело.

Он показал жестом на храпевшего парагаранца:

— Разбуди моего друга и приведи.

— Он должен бросить пить. Уже становится привычкой,— сказал Чейн и ударил спавшего Гваатха между лопаток.

Все остальные наемники находились в пространном, казарменного типа помещении двумя этажами выше и в другом крыле дворца. Оно имело только одну дверь, которую охраняли несколько красных коротышек с лазерами. Некоторые наемники спали, остальные бодрствовали, понимая серьёзность положения.

Дайльюлло рассказал им все. Их лица поникли, сразу на миллион, а Боллард выразительно покачал головой.

— Слишком большой риск, Джон. Два-три человека в небольшом суденышке... да какие у вас шансы против всех видов каярского оружия?

— Возможно больше, чем ты думаешь,— ответил Дайльюлло.— Из услышанного я понял, что каяры уже так давно привыкли к спокойной обстановке, что им и в голову не придет, будто три человека могут совершить внезапный налет на их сокровища.

— А кто будет третьим человеком? — спросил Боллард.

— Чейн,— ответил Дайльюлло.

Боллард пришел в ярость:

— Почему Чейн, а не я?

— А потому, что именно Чейн разработал всю идею с Поющими Солнышками. И, если я попаду в лихую переделку, то хотел бы, чтобы эту участь разделил со мной и он.

— Я тебя не упрекаю,— сказал Боллард, глядя без особой любви на Чейна.— Но все же я думаю, что вы делаете какую-то глупость.

Чейну показалось, что Дайльюлло достаточно хорошо обосновал, почему остановил на нем свой выбор, но это была не вся причина, хотя, несомненно, во многом и правдоподобная. Главное состояло в том, что предстояла работа Звездного Волка, и Дайльюлло нуждался в Звездном Волке для ее выполнения.

— Послушай,— обратился Дайльюлло к Болларду,— а тебе на ум не приходило, что у нас нет иного выбора? Ирон в данный момент хорош

с нами потому, что надеется использовать нас как свое послушное орудие для захвата Солнышек. Если мы откажемся, я вовсе не думаю, что Ирон сладко распрощается с нами и пожелает счастливого возвращения домой.

— Наверно, ты прав,— проворчал Боллард.— Но, если все удастся и вы привезете Солнышки, сможешь ли ты допустить, что Ирон разрешит нам уехать с Солнышками на Ачернар и получить вознаграждение, которое будет поделено? Если он завладеет Солнышками, зачем ему делиться вознаграждением?

— Давай не будем сейчас думать о этом,— ответил Дайльюлло.— Впереди у нас достаточно хлопот и стоит ли гадать о том, что случиться позднее.

IX

Это небольшое созвездие было поистине кладбищем небесных тел. Здесь были черные, вечно холодные пепельные громадины потухших солнц. Можно было встретить множество почти затухших звезд, лениво выбрасывавших небольшие язычки и венки огня на свои каменные, темные поверхности. Тут были и зловеще красные шары затухающих солнц, планеты которых уже оказались закованы в броню вечного льда. Такие миры никогда не представляли интереса для Звездных Волков.

— А зря,— сожалел теперь Чейн. Каярские хранилища богатств, судя по объемным фото, могут свести с ума любого Звездного Волка. И еще он подумал: если каяры хитроумно прячут все это столь долго, среди них нет сколь-нибудь выраженных антагонистов.

В пилотском кресле быстроходного небольшого поискового корабля сидел Дайльюлло. Гваатх громко заявил, что он тоже может управлять кораблем, но когда ему предоставили эту возможность, то обнаружилось, что он безнадежный слабак.

— Я же говорил тебе,— упрекнул Чейн Дайльюлло,— парагаранцы не очень-то сильны в космических полетах.

Сказано было по-английски, но Гваатх уловил критический тон и крикнул:

— Используй галакто! Что ты сказал про меня?

— Я сказал: какое счастье иметь с нами парагаранца в случае схватки.

Гваатх впился глазенками в Чейна.

— Ты врешь. Ты не одурачишь меня. Ты можешь думать, что я тупой...

— Откуда ты это взял? — перебил его как можно мягче Чейн.

Гваатх затеял громкую перебранку с Чейном, и пришлось вмешался Дайльюлло, чтобы оба они заткнули свои рты.

Кораблик продолжал свой путь, а они спали, сменяли друг друга у пульта управления, принимали пищу и проклинали монотонность полета.

Наконец корабль вышел из сверхскоростного режима.

Впереди виднелось солнце, которое по своему возрасту уже давно перешло в стадию темной красноты. Оно напоминало гигантский налитый кровью глаз. Вокруг солнца вращалась темная планета, которая казалась голым каменным шаром. Хлан. Кляры. Поющие Солнышки.

Словно у хищного зверя, завидевшего добычу, у Чейна по телу пробежала мелкая дрожь.

— Если Ирон сообщил правду об этих людях, то нам очень скоро при приближении к планете будет брошен вызов,— сказал Дайльюлло.

Он сидел в пилотском кресле. Незадолго перед этим он установил аудиовизуальный коммуникатор под таким ракурсом, чтобы тот мог охватить лишь ограниченную часть внутренности корабля. Гваатха посадили перед небольшим экраном коммуникатора.

— Ты уверен, что все запомнил? — спросил его Дайльюлло. Парагаранец категорично заявил, что уверен на сто процентов. Дайльюлло хотелось надеяться, что это так. Гваатха упорно муштровали до тех пор, пока он свои ответы повторял бы даже во сне.

— Помни,— предупредил Дайльюлло,— тебе нельзя сдвигаться с этого места. Каяры не должны видеть ни Чейна, ни меня.

Чейн тем временем производил окончательную проверку управления тяжелыми лазерами, которые были установлены в глубоких нишах носовой части корабля.

— Если нам удастся опуститься на то открытое кольцо города,— сказал Чейн,— то будет обеспечен быстрый проход в хранилище богатств.

— Напомни мне снова,— попросил Дайльюлло, что удержит каяров от нападения на нас, как только мы совершим посадку. Это звучало убедительно, когда ты говорил, и я буду спокойнее.

— Две вещи,— сказал с апломбом Чейн.— Первая: наши лазеры нацелены на их прекрасные здания. Каяры скорее готовы потерять одно сокровище, чем все. Вторая: они будут предупреждены, что наша энергетическая установка запрограммирована на взрыв в случае поражения корабля. Если уничтожат нас, то уничтожат и свои собственные здания.

Логика Звездного Волка, подумалось Дайльюлло, наглость Звездного Волка. Он надеялся, что Чейн окажется прав в своих предположениях, чего ему и хотелось.

— Даже при всем этом,— сделал вывод Чейн,— операция должна быть чрезвычайно скоротечной.

— Вот и помни об этом,— посоветовал Дайльюлло.— Не искушай себя соблазном задержаться еще и у других ошеломительных вещей, чтобы не задержаться там навсегда.

Они летели низко над темной, запретной планетой, когда из коммуникатора прозвучал резкий голос.

Дайльюлло кивнул Гваатху, и тот включил визуальный контур коммуникатора. На маленьком экране появилось бледное лицо каяра — пожилого человека с неестественно гладкой кожей и спокойными, ледяными глазами, глядевшими из-под капюшона белой одежды.

Гваатх выдал на галакто весь тщательно отрепетированный рассказ о поражении корня ара вредителями, о том, что Ирон с Ритха посоветовал ему напрямую связаться с каярами, для чего одолжил ему ритхский исследовательский корабль. Он говорил о нехватке корня, цене и будущих поставках. Чейн сделал вывод, что это был самый неуклюжий враль, которого ему приходилось в своей жизни слышать. Но в целом парагаранец оказался не так уж плох. Он обладал обезоруживающим, если не сказать глуповатым простодушием, не оставлявшим сомнения в том, что он говорил. Каяр, представший на экране, задумался на какой-то момент. Потом сказал:

— Это беспрецедентный случай. Пока мы будем его рассматривать, выведете корабль на стационарную орбиту.

Гваатх сказал, что сделает это, и спросил:

— Можно мне отключить визуальный сектор до следующего вашего вызова? Это экономит энергию.

Человек на экране презрительно согласился. Он заявил:

— Меня зову Вланалан. Вы очень скоро узнаете о нашем решении. Если до него сделаете попытку приземлиться, то будете немедленно уничтожены.

Гваатх выключил визуальный сектор, повернулся и торжествующе посмотрел на Дайльюлло.

— Замечательно,— прошептал Дайльюлло.— Оставайся на своем месте и жди. Я переведу судно на орбиту.

Он сделал это, и они стали ждать, одновременно думая о следующем этапе — спуске в направлении звездопорта, затем неожиданном изменении этого направления, приземлении на открытой площади среди зданий, в которых хранятся сокровища, о быстрых и внезапных действиях, которые ошеломили бы каяров. Они надеялись на успех.

А разрешения на посадку все не было и не было. Шли минуты, и Чейна охватило странное ощущение тревоги.

Он не мог точно определить это ощущение. Оно не было шестым чувством. Звездным Волкам хватало и пяти чувств, которые были доведены у них до совершенства, далеко за обычные пределы. Чейн сейчас

ощущал то же самое, что было в темных джунглях на Альюбейне перед тем, как нэйны набросились на него. Что-то шло не так, как надо.

— Я думаю,— начал он шептать.

Дайльюлло резким взмахом руки дал понять, чтобы он умолк. Аудиоканал коммуникатора был в рабочем состоянии, и Дайльюлло показывал жестами, что их могут услышать.

Вновь потянулись бесконечные минуты, а маленький корабль продолжал кружиться вокруг темной планеты, и на них все так же взирал кровавый глаз умирающего солнца.

Неожиданно, словно удар молнии, резкая боль охватила нервную систему Чейна. Его нервы пылали, охваченные агонией. Он сделал попытку дотянуться до пульта управления, где Дайльюлло неожиданно поник в кресле, прикрыв трясущимися руками лицо.

И не смог дотянуться; это-то он, Морган Чейн, землянин, ставший Звездным Волком, превосходящий по силе, выносливости и скорости любого человека на Земле, любого не варновца в Галактике.

Теперь он был младенцем — слабым, содрогающимся от агонии. Он упал лицом, прижавшись ртом к холодной палубе. По его терзаемому телу шла рябь длинных медленных волн боли.

Он катался по палубе, тщетно пытаясь встать на ноги, и потом зарыдал от возросшей агонии. Он видел, как Гваатх, красные глаза которого стали дикими, поднялся, зашагал, шатаясь и спотыкаясь, и грохнулся в углу. После этого Гваатх встал на колени и, качаясь назад и вперед, начал издавать хриплые животные звуки.

Дайльюлло даже не пытался выбраться из пилотского кресла. Он, казалось, весь сжался, сократился, сжигаемый огненным дыханием безграничной боли. Чейн пытался заставить себя действовать. Он был весь схвачен горячей агонией, но агонию ему и раньше приходилось переживать. Нужно действовать, встать на ноги, добраться до пульта управления, снять корабль со стационарной орбиты и уйти от Хлана, пока они не умерли и не сошли совсем с ума, а это может случиться теперь очень быстро, в какие-то минуты, возможно, секунды.

Мобилизовав всю неистовую решимость Звездного Волка, Чейн встал на ноги. И тут же снова упал лицом на палубу.

— Ну и дураки,— раздался холодный, отдаленный голос.— Неужели вы рассчитывали на то, что мы дадим приблизиться кораблю, не прощупав его сенсорными лучами? Особенно после того, как нас предупредили, что земляне пытаются захватить Солнышки?

Это был голос Вланалана, говорившего через коммуникатор.

Голос хлестал по ним ледяным, презрительным тоном.

— Конечно, мы могли вас мгновенно прикончить. Но это не в нашем духе. Вы должны претерпеть мучительные страдания, пока не сознаете всю подлость преступного замысла выкрасть у каяров предметы красоты. К вам подойдет корабль, который возьмет вас на борт и доставит к нам

для дальнейшего расследования. А тем временем начинаем вам давать первую порцию наказания.

Боль, охватившая нервы Чейна, резко усилилась словно от повернутого выключателя. Дайльюлло еще больше скрючился в кресле. Гваатх начал безумно орать и бросаться на стену. Он это дважды сделал, потом упал и лежал, слабо вздрагивая.

Чейн выл. Он был выносливым человеком, ему и раньше приходилось переносить боль, но впервые такую. Он лежал лицом на палубе и уже не был Звездным Волком; он был побитым щенком.

— Ну как, нравиться? — раздался голос Вланалана.— Полюбите это, чужеземцы. Дадим вам еще, и побольше.

Чейна охватил страшный гнев. Его не раз ранили в схватках, и он не злился, поскольку в бою это естественно и, если ты не хочешь рисковать, то вообще избегай схваток. Но здесь эта безжалостная, научно разработанная пытка и спокойный, насмешливый голос возбудили в нем такую ненависть к противнику, которой у него никогда не было.

Чейн накапливал ее в себе. Ненависть противостояла боли. Он ненавидел Вланалана и всех каяров. Он отплатит им за все. Но для этого нужно выжить.

Сначала выжить, потом отомстить.

Выжить...

Нужно уйти с орбиты до прибытия каярского корабля.

Чейн предпринял усилия освободить свой рассудок от оцепенения, вызванного агонией. И понял: ему не добраться до управления кораблем. Все его двигательные центры оказались парализованными энергией, которая ввергла в боль его нервную систему. И не было никакой надежды на Дайльюлло, который согнулся в пилотском кресле и, казалось, не дышал.

Уж не умер ли? О, боже, неужели я притащил его сюда затем, чтобы он умер?

Что же остается делать?

Гваатх катался по палубе и выл. Слабые судороги превратились в дикое битье. Его руки и ноги колотились о палубные плитки.

Чейн смотрел на него глазами, полуослепшими от боли.

Терзавшая их энергия была настроена на поражение нервной системы людей. Гваатх же был не человеком, гуманоидом, представителем иной породы. Он был охвачен страданиями, но все же еще мог двигаться, испускать вопли.

Чейн подождал момента, когда голова Гваатха, стучавшая по палубе, словно полая тыква, оказалась поблизости. Он был вынужден ждать для того, чтобы квакающий шепот — все, что осталось от голоса — был услышан.

— Гваатх. Гваатх..!

Гваатх продолжал кататься и колотить руками.

— Управление, Гваатх. Сбрось нас... с орбиты. Спасай...

Чейн продолжал повторять слова управление, спасай, Гваатх, или пытался это сделать, но слова эти, по-видимому, не имели звукового оформления. Во всяком случае Гваатх был, кажется, за пределами их восприятия. Затем Чейну показалось, что, катаясь, скуля и завывая, Гваатх все больше приближался к пульту управления. Он следил за ним и думал, как странно все выглядит, когда смотришь на собственную кровь и слезы, от которых лопаются зрачки. Искаженный силуэт Гваатха двинулся в красноту...

Неожиданно Гваатх заорал.

Бросился и растянулся у пульта управления.

Раздался голос Вланалана, сказавшего что-то резкое.

Корабль взревел и сошел со стационарной орбиты. Агония удвоилась, утроилась.

Они приближались к невидимой западне, которая покончит с ними до того, как они смогут вырваться.

X

Чейн удивился, что пришел в себя. Когда последний приступ невыразимой боли поверг его в мрак, он был уверен, что умирает.

Он по-прежнему лежал на палубе. Жгучая боль прошла, но все нервы пребывали в мурашках, судорогах, подергиваниях от воспоминаний о том, что им пришлось испытать. Он не мог сейчас двигаться; наверное, были повреждены двигательные центры.

— Неужели навсегда,— мелькнуло в мозгу.

Чейн лежал и думал о каярах. как изощрены они в причинении боли своими сенсорными лучами. Как безжалостны эти невозмутимые любители прекрасного, сначала наслаждаясь истязанием тех, кто угрожает сокровищам, а потом выцеживая их из тел как можно медленнее душу, чтобы причинить своим жертвам новые страдания и получить от этого новые удовольствия. Нетрудно представить, что их троих ожидало, если бы каяры захватили их в свой мир.

Чейн увидел, как над ним склонился Гваатх, приблизившись своим мохнатым лицом и вопрошающе взирая ужасно красными глазами.

Чейн собрал свою волю и произнес одно слово.

— Дайльюлло?

— Не умер,— ответил парагаранец,— но не приходит в себя и ничем невозможно его пробудить.

— Помоги мне встать,— попросил Чейн.

Гваатх попытался его поднять. Только после трех попыток парагаранца Чейн, наконец, подобрал под себя ноги, выпрямился и встал с небольшой помощью.

Огромный Гваатх выглядел все еще немного осоловелым, но во всем остальном пришел почти в норму. Его гуманоидное тело неплохо справилось с тем последним ударом агонии. Чейн же чувствовал по себе, что был очень близок к смерти, когда корабль с ускорением вырвался с орбиты и ушел из зоны действия каярской энергии.

А Дайльюлло?

Когда с помощью Гваатха Чейн добрался до пилотского кресла, ему казалось, что Дайльюлло умирает. Глаза закрыты, пульс едва прослушивается, а тело какое-то поникшее, съежившееся. Дайльюлло значительно старше, и это ударило по нему тяжелее, подумал Чейн.

Он попросил Гваатха откинуть одну из складывающихся коек в хвостовом отсеке, отнести туда и положить Дайльюлло. Чейн присел, пытаясь в течение нескольких минут привести свои пораженные нервы в нормальное состояние с тем, чтобы можно было двигаться без падений.

Корабль шел в сверхскоростном режиме. Гваатх поставил курс на Ритх, но поставил не совсем точно. Чейн дотянулся трясущейся рукой до пульта и внес поправку. Спустя некоторое время он нетвердо встал на ноги и пошел к Дайльюлло.

Дайльюлло по-прежнему лежал с закрытыми глазами, дыхание было неровным, лицо серым. Содрогания корпуса тела, рук и ног свидетельствовали, что его нервная система страдает от тех же самых последствий, которые ощущал Чейн.

Чейн стал массировать нервные точки на теле Дайльюлло, в то время как Гваатх сидел в пилотском кресле, беспокойно озираясь. Наконец, к огромной радости Чейна Дайльюлло открыл глаза.

Глаза были скучные, тусклые, а речь, когда он начал говорить, глухая и невнятная.

— Обожглись мы там, кажется? — сказал он.

— Обожглись,— согласился Чейн и рассказал ему, как Гваатх снял корабль с орбиты.

— Ну что ж, не зря мы его взяли,— сказал Дайльюлло.— Думаю, нам очень повезло, что выбрались оттуда живыми.

Чейн со злостью заявил:

— Если мне когда-нибудь придется снова встретиться с каярами, я им покажу, что такое подлинное невезение. Будь они прокляты!

— Редко видел я тебя таки злым,— сказал Дайльюлло.— Обычно ты воспринимаешь все, как должное.

— Ты не успел вкусить всю порцию,— огрызнулся Чейн.— Быстро вышел из строя. А я до конца отведал и отплачу им сполна, когда придет время.

— Забудь об этом,— успокоил Дайльюлло.— Подумай лучше о том, что произойдет, когда мы возвратимся с пустыми руками на Ритх.

Чейн размышлял об этом весь долгий путь, пока корабль в сверхскоростном режиме пересекал пространства Отрога. Он предвидел большую беду, и это ему страшно не нравилось.

Но в данный момент его больше беспокоил Дайльюлло, который еще не оправился полностью от пережитого. Лицо лидера было худым и вытянувшимся, тело временами содрогалось от конвульсий,— так нервы помнили пытку. Чейн подумал, что со временем эти последствия исчезнут, но не был до конца уверен. И у него еще больше вспыхнула лютая ненависть к каярам, особенно к тому, кто хладнокровно издевался над ними, ввергая в агонию.

Когда они вышли из сверхскоростного режима и приблизились к Ритху, то с удивлением увидели, что дневная сторона планеты была в солнечной дымке. Однако за чернокаменным городом висели огромные массы темных, мрачных облаков, предвещавших очередной ураган привыкшей к бурям планете.

Их встретили ритхские офицеры, которые и сопроводили во дворец Ирона. Всю дорогу до неприветливо холодного каменного кабинета Ирона офицеры хранили молчание, если не считать нескольких стандартных любезностей. Краснокожий правитель-коротышка встретил укоризненным взглядом.

— Вы не добыли Солнышек,— сказал он.

— А-а, ваши люди уже успели обыскать судно и уведомить вас,— заявил Дайльюлло.— Нет, мы не добыли Солнышек. Мы счастливы, что выбрались оттуда живыми.

— До ваших жизней мне нет никакого дела,— со злостью ответил Ирон.— Никакого, понимаете? Что беспокоит меня, так это ваш провал.

Дайльюлло устало пожал плечами.

— Нельзя их всех одолеть. Каяры оказались слишком крепким орешком для нас. Вы говорили, что они не будут делать полного сканирования, а они сделали.

Он рассказал о том, что произошло, и напыщенный царек нервно зашагал вперед и назад. Его грубое лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

— Ведь вот к чему все это ведет,— сказал, наконец, Ирон.— Вы использовали ритхское судно. Вы пытались обмануть каяров и потерпели фиаско. Предположим, каяры спросят меня, как вам досталось это судно.

— Скажите, что мы украли,— сказал Чейн.

Ирон хмуро уставился на него.

— Ты думаешь, это так просто? Вы все еще не понимаете, каковы возможности каяров, даже после того, как они продемонстрировали, что могут обращаться с вами как с детьми!

Предположим, они узнают, что вы здесь и потребуют, чтобы я выдал вас правосудию, их правосудию?

— Неужели они дойдут до этого? — спросил Дайльюлло.

— Не знаю,— смутился Ирон.— Никто не знает, как могут поступить каяры, потому что никто не знает масштабов их мощи, как далеко они могут видеть, какое оружие пустят в ход. Знаю только одно: я не хочу иметь их врагами и не хочу терять их как выгодных торговых покупателей.

— К чему вы это ведете? — спросил Дайльюлло.— К тому, что если каяры потребуют выдать нас, вы нас бросите этим собакам?

— Если будет нужно,.— ответил Ирон.— Только, если будет нужно. Но вам придется остаться здесь до тех пор, пока я не буду уверен, что каяры не собираются потребовать вас.

— Замечательно,— сказал Дайльюлло.— Какой вы замечательный верный партнер.

Чейн молчал. Он ожидал этого.

— Никакого вреда вам здесь не будет,— продолжал Ирон.— Я отдал малое крыло дворца вашим людям, и им там вполне удобно. Будет удобно и вам.

— Другими словами,— сказал с отвращением Дайльюлло,— мы становимся пленниками до тех пор, пока вы не выясните, в какую сторону дует ветер.

— Да,— ответил Ирон.— А теперь оставьте меня.

Он отдал приказ на своем непонятном языке, и вперед выступили офицер и четыре вооруженных охранника. Чейн заметил, что они были вооружены не станнерами, а лазерами.

Он понял, что уже поздно оказывать какое-либо сопротивление. Словно послушные овечки, он и Дайльюлло, поплелись с ритханами. Они шагали по каким-то слабо освещенным лестницам и коридорам, на стенах которых оставались не закрашенными благородные голубые лица старой расы. Лица взирали сверху на пленников с участливой жалостью.

Ритханы остановились у охраняемой двери. Офицер тщательно обыскал Чейна и Дайльюлло, забрав все, что у них находилось в карманах комбинезонов.

Затем дверь открылась. Уродливый ухмыляющийся, низкорослый краснокожий человек с издевательской вежливостью пригласил их жестом пройти и, когда они это сделали, дверь с лязгом захлопнулась.

Они оказались в длинном, плохо освещенном коридоре, по обеим сторонам которого шли двери. Некоторые были открыты, из-за одной неслись голоса. Туда они и направились.

Большинство дверей открывались в маленькие спальные комнаты, но та, откуда шли голоса, была более просторной общей комнатой. Окна во всех комнатах были по существу вентиляционными щелями, настолько узкими, что через них проникнуть могла лишь кошка.

Из группы людей, сидевших кружком в общей комнате и потягивавших местный алкогольный напиток, выскочил Джансен.

— Кого мы видим? — восторженно воскликнул он. Затем его лицо сникло, когда он взглянул на Дайльюлло и Чейна: "Ничего не вышло?"

— Мы были в какой-то мили от цели,— сказал Дайльюлло. Он прошел к столу, сел на стул, и Секкинен налил ему обжигающего напитка из высокой изящной фляги.

Гваатх схватил флягу, но уставший Дайльюлло даже пальцем не пошевелил, чтобы остановить парагаранца. Здоровенный Гваатх поднес ко рту флягу и с булькающим звоном изрядно отпил от нее, поставил флягу снова на стол и вытер свои волосатые губы.

— Мы были доведены до безумия,— сказал он.

Чейн, хотя и не был очень уставшим, тоже присел. Он видел, как Боллард пристально рассматривал изнуренное лицо Дайльюлло, освещаемое светом бра на стенах.

— Знаешь, Джон,— сказал Боллард,— ты выглядишь так, словно побывал в аду.

— Так бы выглядел и ты, если бы прошел через муки, которые мы испытали,— ответил Дайльюлло. Он пропустил еще порцию напитка и потом рассказал обо всем, что с ним случилось.

— Сама идея была замечательной,— отметил Дайльюлло.— Действительно замечательной. Только не сработала. И мы теперь оказались в капкане.

Все сидели, задумавшись, и на время умолкли. Гваатх снова схватил флягу, но тут подошел Чейн, взял ее у парагаранца и налил себе полный бокал напитка. Затем Чейн возвратил сосуд Гваатху, и тот опустошил его одним затяжным глотком.

— На нашу долю многое выпало,— сказал Дайльюлло.— Мы часто выходили из таких тяжелых ситуаций, когда никто не верил, что мы выкрутимся. Но как бы ни был силен человек, рано или поздно он падает на свою задницу. Вот и мы это сделали.

— Тогда что ж, вся наша работа прощай? — спросил Джансен.

— А что ты сам думаешь? — ответил вопросом Дайльюлло.

Ни у Джансена, ни у кого другого не нашлось ответа. Спустя некоторое время Секкинен прервал молчание:

— Тогда остается только одно — вырваться отсюда, послать к черту эту планету и возвратиться на Землю?

— Это будет нелегко,— вмешался Чейн.— Отсюда можно вырваться, но в звездопорте, как я заметил сейчас при посадке, около нашего корабля полно охранников. Кроме того, на корабль наведены тяжелые лазеры.

— Не знаю, просто не знаю, что делать,— заявил Дайльюлло.

Боллард пристально посмотрел на него. Затем этот толстяк встал и решительно сказал:

— Ясно одно. Сегодня вечером мы ничего не сделаем. Вам нужно отдохнуть.

Его слова прервал мощный раскат грома. За окном сверкнула молния, вновь раздался гром и забарабанил с грохотом дождь.

— Да принесет нам этот день нашу насущную бурю,— буркнул Джансен.— Ну и планетка!

— Пойдем Джон,— позвал Боллард.— Покажу, где ты можешь выспаться.

Дайльюлло встал и вышел вслед за Боллардом из комнаты в коридор. Он уже дремал на ходу. Вместе с ним вышел и Чейн. Ему не нравился вид Дайльюлло и он боялся, как бы тот не споткнулся и не ударился.

Дайльюлло ввели в одну из комнат и уложили в постель. Он уже спал прежде, чем попал в койку.

Боллард наклонился над ним, ослабил воротник комбинезона, снял обувь, накрыл одеялом. Через узенькое окошечко был слышан грохот дождя и бури. Чейн подумал: Джансен прав; что это за мир!

Вместе с Боллардом он вышел из комнаты. Закрыв дверь комнаты, Боллард неожиданно остановился в коридоре. Его круглое жирное лицо было теперь совсем не добродушным и лунообразным, а темным и злым. Он схватил Чейна за воротник комбинезона и притянул к себе.

— Ты счастлив Чейн? — спросил он.

— Что за чушь ты порешь? — разозлился Чейн.

Боллард держал его.

— Ты доволен, что Джон полумертв от работы, которую ты придумал ему?

Чейн начал понимать.

— Так вот в чем дело. Работа провалилась, мы попали в тяжелое положение, и теперь вы зарыдали, мол все это из-за меня. Послушай, вы же взрослые люди. Вы могли или принять, или не принять мою идею, когда я предложил отправиться за Поющими Солнышками. Вы ее приняли.

— Да, приняли,— подтвердил Боллард.— И никто из нас не рыдает. Но Джон — совсем другое дело. Он был на пенсии. Имел деньги. Собирался построить дом и спокойно пожить после тяжелых ударов, которые выпали на его долю, когда он избороздил чуть не половину Галактики.

В маленьких глазах Болларда вспыхнул опасный огонь.

— Но ты все расстроил. Тебе потребовалось потащить его назад в космос. Ты помчался к нему, уговорил его. И что он теперь? Без денег, полумертвый, а может быть станет и мертвым, пока мы не вырвемся отсюда. И это из-за тебя, Чейн!

Чейна обуял гнев, и он поднял руку, чтобы отшвырнуть Болларда к стене.

Но не сделал этого.

Он ничего не мог сказать в ответ на обвинение.

Все было правдой.

XI

Чейн лежал и не спал. Была полночь. Пошли четвертые сутки его заточения. В нем рос мрачный, мучительный гнев.

Отчасти он гневался на самого себя. Он причинил зло своими собственными действиями. Для Звездного Волка уплата долга — святое дело. Он в долгу перед Дайльюлло за спасение жизни, а как отплатил за это? Выманил снова в космос, чтобы он подвергся агонии, превратившей его в тень, кем он раньше был.

И зачем Чейн это сделал? Некоторым может показаться, что из-за жадности к огромному вознаграждению за Солнышки или из-за чистейшей страсти к приключениям. Но Чейн знал правду. Он знал, что для него это была возможность побывать опять в Отроге, откуда был изгнан. Тоска по миру Звездных Волков стала столь сильной, что шанс взглянуть на Варну и ее солнце хотя бы с расстояния притягивал словно магнит. И главным образом из-за этого он уговаривал всех остальных согласиться на безрассудную авантюру.

Джон должно быть подозревал подоплеку, размышлял Чейн, но ни разу ни обмолвился.

У Чейна был и другой гнев. Этот гнев, слившийся с лютой ненавистью, был обращен к каярам — тем невозмутимым любителям прекрасного, которые смаковали наслаждение в истязании Дайльюлло, Гваатха и его самого.

Если бы я мог оплатить им за это, сверлило в мозгу Чейна, если бы я мог прорваться туда, захватить их сокровища и оставить их плачущими...

Он знал, что в нем говорят лишь гнев и ненависть. Реализовать все желание, нет возможности. Здесь, на Ритх, они пленники и, если каяры потребуют, их выдадут и там будут мучить, пока не умрут.

У каяров имеется оружие невероятных возможностей. В Отроге нет державы, которая могла бы одолеть каяров, а военным силам из центральной части Галактики не разрешается входить в пространство миров Отрога.

Нет державы в Отроге? Сердце Чейна вдруг сильно забилось. Есть одна держава, которая наверное могла бы одолеть каяров...

Варна.

Ради грабежа Звездные Волки отправятся куда угодно, и будут с готовностью воевать с любым противником. Они давно совершили бы налет на мрачный мир каяров, если бы знали о тамошних огромных сокровищах.

А что, если он, Чейн, расскажет Звездным Волкам об этих сокровищах... и подтвердит фактами? А-а, что тогда?

Он тихо и грустно рассмеялся. Прекрасная мысль. Прекрасная, за исключением одного: если он прибудет на Варну, его убьют раньше, чем он успеет что-то рассказать. Клан Ссандеров по-прежнему жаждет его смерти.

И Чейн отказался от мысли, рожденной гневом и отчаяньем. Он лежал в темноте и смотрел в окно, которое чуть ли не каждую минуту освещалось белыми вспышками молний, слушал дальние раскаты грома, свидетельствующие о приближении очередной из непрекращающихся бурь. Между громовыми раскатами Чейн мог слышать тяжелое дыхание Вана Фоссана, Секкинена и Джансена, с которыми он разделял спальную комнату.

И все же дикая мысль о Варне не оставляла его. Он продолжал думать о ней, хотя и понимал, что это безумие. Как он сможет находиться на Варне без принятия боя со всеми представителями клана Ссандеров, как того требует закон Звездных Волков?

Постепенно в голове Чейна сформировался возможный вариант. Это был лишь набросок и почти наверняка обреченный на провал. Но он мог быть осуществлен.

Чейн тихо спрыгнул с койки. Не будет он больше думать об этом, иначе он увидит всю безнадежность своего плана. Нет, он будет действовать по этому наброску. Любое действие куда лучше, чем оставаться здесь закупоренным в ожидании судьбы.

Он начнет действовать сейчас. Сию минуту.

Но как вырваться из этой тюрьмы?

Стены сложены из крепкого камня. Окна чрезвычайно малы, чтобы пролезть. Имеется только один выход, снаружи которого стоят ритханы, вооруженные лазерами. Это крыло здания несомненно предназначено для содержания арестованных.

Чейн думал и думал. Ему представлялась только одна, но, по-видимому, весьма шаткая возможность.

Хватит думать! Действуй!

Он достал свой комбинезон и вывернул наизнанку. По всем швам прочной ткани сплошь шла лента шириной в дюйм. Хотя она походила на ткань комбинезона, но была из другого материала — из витого пластика, который по прочности уступает только стали. И ленту можно было оторвать.

Чейн оторвал ее по всей длине. Весь этот сплошной отрезок был сложен вдвое и, когда Чейн сделал его одинарным, получилась тонкая веревка длиной в тридцать футов.

Наемникам часто приходилось попадать в трудные ситуации и в результате длительного опыта они придумали много полезных мелочей, вроде этой ленты.

Чейн перевернул комбинезон с изнанки снова на лицевую сторону, и одел на себя. Потом отцепил крупную пуговицу, на которую застегивался клапан верхнего кармана на правом рукаве. Пуговица была

миниатюрным автогеном с неплохой для своего размера эффективностью, но действием не больше минуты.

Недостаточно, думал Чейн. Совсем недостаточно.

Он тихо прошел по комнате, стал шарить по комбинезонам трех спящих наемников и воровски снял с них такие же пуговицы.

Затем бесшумно вышел из маленькой спальни и по коридору направился в общую комнату. Она не была приспособлена для сна, если не считать нескольких кресел-раскладушек, и поэтому пустовала.

Вспышки молний надвигающейся бури освещали помещение. Чейн подошел к окну, снял пластиковый козырек от дождя и при свете непрерывных молний стал тщательно изучать окно.

В стене из каменной кладки один камень был пропущен, образовав отверстие для света и воздуха. Самый тощий человек не мог бы тут протиснуться. Но обследование убедило Чейна, что все-таки можно выбраться через окно.

Он вынул из миниатюрных автогенов и направил его мельчайшее энергетическое пламя на толстый слой известкового раствора вокруг каменного блока, служившего основанием для окна.

Через сорок секунд пламя кончилось с истощением заряда. Чейн пустил в ход один за другим другие атогены. Затем при вспышках молний тщательно рассмотрел плоды своего кропотливого труда. Известковый раствор вокруг каменного блока был глубоко прорезан. Но насколько глубоко? Достаточно ли?

Имелся лишь один способ выяснить. Чейн просунул руки через тесное отверстие окна и ухватился снаружи за блок.

Собрав воедино всю силу Звездного Волка, которую дала ему Варна, он сделал на себя могучий рывок.

Блок подвинулся вовнутрь со скрежущим звуком, который отдался в ушах Чейна словно трубный глас в день страшного суда. К счастью один из очередных частых раскатов грома приближающейся бури заглушил этот звук.

Хотя Чейн и сдвинул камень не больше, чем на дюйм, но он теперь не сомневался, что известка вокруг камня была прорезана насквозь. Небольшими рывками, каждый раз во время удара грома, Чейн стал расшатывать камень.

Наконец весь блок обнажился. Мышцы Чейна так занемели от непрестанных усилий, что он едва не дал камню упасть на пол. Удалось предотвратить это только благодаря тому, что он прижал камень всем своим телом к стене и позволил ему медленно сползти на пол.

Чейн встал и разогнулся, тяжело дыша. Он весь покрылся потом. Теперь, без каменного блока окно стало достаточно просторным, чтобы через него мог пролезть обычный человек, правда при условии, что подберет живот и задержит дыхание.

Ну, а что потом? Чейну вспомнилась старая земная поговорка, часто употребляемая Дайлькюлло: Из огня да в полымя.

Он пожал плечами. Кто знает, возможно так и случиться.

Но он-то пока еще не выбрался даже из огня.

Стараясь не создавать шума, Чейн пододвинул под окно одну из самых тяжелых скамей. Встал на нее, высунул через отверстие голову наружу и посмотрел вниз. В некоторых окнах горел свет. Чейн хорошо помнил дорогу, по которой их вели сюда, и без труда определил окно, принадлежащее большой монаршей комнате, в которой Ирон беседовал с ними и показывал трехмерные снимки.

Окно это находилось не точно под ним, а левее на одно окно и двумя этажами ниже.

Пользуясь вспышками молний, Чейн как можно тщательнее прикинул расстояние между этажами и до окна, понимая что от точности этих расчетов будет зависеть все.

Убедившись в правильности полученных данных, он взял длинную ленту своего комбинезона и привязал ее одним концом к тяжелой скамье. Обмотав две трети ленты, он сделал в этом месте петлю, в которую могла бы войти его нога, и отпустил ленту за окно.

Перед тем, как вылезти наружу, он сделал еще одну вещь. На столе лежала колода карт, которую Ирон разрешил оставить наемникам, как единственный личный предмет, для коротания времени в плену.

Чейн взял одну колоду и на ее цветной рубашке язычком поясной пряжки нацарапал белыми буквами всего несколько слов, извещавших Дайльюлло, что он уходит попытаться помочь им выбраться из плена и что он возвратится.

Ничего больше, поскольку карта могла вначале попасть на глаза любому наемнику вместо Дайльюлло.

Он положил карту примерно рядом с колодой и возвратился к окну.

При свете вспышек молний Чейн посмотрел вниз, нет ли кого-нибудь там в зарослях у старого дворца. Никого не обнаружив и надеясь, что там действительно никого нет, он облегченно вздохнул, так как теперь ему предстояло торчать на виду словно муха на белой стене. Он полез плечами в расширенное им отверстие.

Вначале показалось, что у него ничего не получится. Отодвинулся назад и сделал новую попытку, на сей раз пропустив вперед одно плечо. Хотя и с трудом он просунул туловище через окно. Ухватившись крепко за ленту, Чейн вытянул остальную часть своего тела, прижал ноги к ленте и стал медленно скользить вниз, пока не почувствовал узел петли.

Правую ногу он вставил в петлю. Хотелось немного передохнуть, но нельзя: было бы слишком заметно висеть здесь озаренным все более частыми вспышками молний.

Ухватившись за ленту, Чейн начал раскачиваться на ней из стороны в сторону. Раскачивался параллельно стене и так близко, что пальцы рук, державшие ленту, больно царапались о каменную стену. Чейн ругался

про себя, но продолжал раскачиваться. С мрачным юмором он подумал, что вот было бы потешное зрелище, если бы его сейчас увидели.

Молнии освещали стену теперь через каждые тридцать секунд. Гром стал оглушающим. Чейн надеялся, что вплотную подошедшая буря удержит людей внутри домов.

Амплитуда качания увеличивалась все больше и больше. Чейн, наконец, оказался как раз ниже края того окна, которое ему было нужно. Ухватившись пальцами за каменный подоконник, он осторожно вытянул шею, чтобы заглянуть вовнутрь.

Окно было больших размеров, поскольку здесь не требовалось такая предосторожность как в тюремном крыле. В связи с приближающейся бурей оно было прикрыто пластиковой шторой.

Это была та самая комната, которую Чейн искал,— большое каменное помещение, украшенное, в соответствии с представлением Ирона о зале для аудиенций, безвкусной амуницией.

Комната была мягко освещена и по ней взад и вперед неспеша прохаживались два низкорослых, краснокожих человека, вооруженных лазерами.

Чейн ожидал этого. Ирон хранил, по-видимому, здесь некоторые из своих сокровищ и, конечно, не оставлял их без охраны.

Чейн висел, ухватившись за подоконник, и ждал момента, когда оба охранника повернутся к нему спиной. Как только это произошло, он мгновенно подтянулся на руках и взобрался внутрь окна.

Оттолкнувшись ногами от камня, он со всей своей варновской скоростью и силой бросился вперед, отшвырнув в комнату легкую пластмассовую штору.

Ритханы обернулись. Их реакция была мгновенной, но до Звездного Волка им было далеко. Чейн настиг их, когда они начали поднимать свои лазеры.

Одного охранника он уложил чистейшим ударом и, увидев, как тот падает, добавил еще несколько раз кулаком. Второй охранник чуть было не успел пустить в ход лазер, но кулак Чейна раскрылся и рука крепко схватила лазер за ствол и с огромной силой рванула его вверх, прямо в лицо охранника. Словно молотком ствол ударил по лбу ритхана. Тот зашатался и упал.

Чейн осмотрел охранников. Оба они были без сознания. Он оторвал от вычурной портьеры несколько полос, крепко связал ими ритханов и вставил им кляпа. Это казалось пустой тратой времени, но Чейн не мог убить этих людей. Он оставляет здесь Дайльюлло и других пленеиных наемников, которые могут пострадать, если погибнет какой-либо ритхан от руки Чейна.

Не могло быть и речи о том, чтобы взять других наемников с собой. В одиночку он, возможно, выберется из дворца и не пойманный достигнет космопорта, но с толпой этого не сделаешь. Если его план сработает, и сработает по времени, может спасти всех остальных. Если же нет...

Впрочем зачем сейчас об это думать. Чейн бросился к комоду, из которого Ирон вынимал объемные фото.

Комод был заперт, причем на крепкий, добротный замок.

Снаружи раздался быстро нараставший грохот дождя. Чейн сжал зубы и заставил себя работать спокойно, неторопливо с замком. Он должен добраться до этих фото, без них вся затея лишена смысла. Фото — единственное средство убедить варновцев в том, что история с каярами и их сокровищами является подлинной правдой.

В замках он был умен, как почти каждый Звездный Волк. Нашел нужную комбинацию, открыл дверцу, и через мгновение небольшие фото из толстого пластика были у него в руке.

Чейн засунул их в карман, бросился к окну и начал спускаться по ленте на землю.

Дождь обдал его огромной массой воды. Чейн уже видел на Ритхе дождь, бог знает сколько раз, но никогда не ощущал его. Мощные низвержения дождя, словно удары копра при забивке свай, погнали его вниз по ленте словно игрушечную обезьянку на ниточке. Он сильно ударился о землю.

Чейн рассчитывал, что дождь будет союзником, удержит людей в зданиях и поможет скрыть его передвижение. Теперь он выяснил, что с таким союзником ему и враг не нужен.

Дождь лил по нему, словно пытаясь навсегда уложить в раскисшую грязь. Чейн неосторожно вздохнул и тут же набрал полный нос воды. Фыркая, он очистил нос, прикрыл его рукой и, наконец, с трудом поднялся на ноги, еле-еле распрямившись в полный рост под проливным дождем. Это было равносильно стоянию под водопадом.

Почти ничего нельзя было видеть. Если бы он не прижался спиной к стене дворца, то и не знал, что около нее. По стене Чейн сориентировался, определил направление к космопорту, однако его одолевал страх, что как только он уйдет от стены, сразу же утратит всякое представление о своем местонахождении.

И все же он не мог здесь долго стоять и дрожать. Надо что-то предпринимать.

Но в такую бурю далеко не уйдешь. Трудно было не то, что двигаться, а также просто стоять на ногах. Порой приходилось ползти на всех четырех до какого-нибудь случайного укрытия, где можно было снова подняться на ноги. Он был ослеплен, оглушен, ошеломлен, подавлен. Единственное, что помогало двигаться,— это гордость Звездного Волка. Любой человек бы сдался, твердил он себе, но не я, варновец.

Чейн наткнулся на какую-то стену из камня. Это была улица, которая, по-видимому, как он догадывался, вела в нужном ему направлении. Ужасный дождь не ослабевал, и Чейн, словно слепой, двинулся дальше, цеплялся одной рукой за стены домов.

Позднее он никогда не сможет сказать, как долго ему пришлось идти. Когда путеводная стена окончилась, он понял, что выбрался из маленькой столицы Ритха. Но куда теперь идти?

Звездопорт освещен огнями, но он их не видел. Он вообще ничего не видел. Ему подумалось, что повезет, если он будет двигаться в таком-то направлении.

И двинулся, но не достиг ничего, кроме осознания полного провала. Голова так сильно гудела от воздействия ливня, что вначале он даже не понял, что дождь начал ослабевать.

Ливень утратил прежнюю силу, стал похож просто на крупный дождь, который бывает на Земле. И недалеко слева Чейн увидел водянистое сияние огней.

От радости у него чуть не подкосились коленки. Это был звездопорт и всего лишь в нескольких сотнях ярдов.

Теперь надо было спешить. Если буря еще больше ослабнет, его быстро обнаружат. Чейн сделал глубокий вдох и бросился бежать.

Так бегом он и взлетел в звездопорт. Возможно, он пересек сигнальный луч охраны, но ему казалось, что ритханы не очень-то помешаны на мерах безопасности, и к тому же следует как-то полагаться на счастье.

Никаких звуков сирены не последовало. И неожиданно из-за завесы дождя показался расплывчатый, но знакомый силуэт.

Это был корабль наемников с его типичным земным мостиком в виде броней. Вокруг никого не было видно, но Чейн, несмотря на это, отошел в сторону. Он знал, что корабль охраняется, и сейчас охранники скорее всего прячутся от бури внутри.

Корабль наемников был для Чейна ориентиром. Он двинулся обходными путями по звездопорту мимо маячивших силуэтов других кораблей, пока не приблизился к значительно меньшему судну, тому самому, в котором он, Дайльюлло и Гваатх совершили свое злополучное турне к каярам.

Он так и думал, что судно все еще будет здесь стоять, поскольку на его техническое обслуживание после полета требуется не менее двух суток. Он открыл тамбур и вошел внутрь, готовый атаковать любого, кто там есть.

Внутри никого не было. Особой необходимости выставлять охрану здесь не требовалось, и она не выставлялась.

Чейн закрыл тамбур, включил свет. Он отряхнулся от воды, словно собака после купания, и принялся за дело.

Судно было заправлено всем необходимым. Это хорошо. Чейн прошел и сел в пилотское кресло, откуда ручьи воды потекли прямо на пол.

С максимальной возможной скоростью он поднял в воздух корабль и понесся прочь от Ритха, плюнув на правила предосторожности. Выйдя в космос на безопасное расстояние, он поставил курс.

Далеко впереди перед ним ярко сияла темножелтая звезда с планетой Варна.

Он пытался быть у наемников хорошим добропорядочным землянином. Но он им не стал.

Он был Звездным Волком и возвращался домой.

XII

В предстоящие двадцать четыре часа, думал он, станет известно, что его ждет — жизнь... или смерть.

Судно вышло из сверхскоростного режима, и перед Чейном предстало во всем своем великолепии огромное, яркое полыхающее золотистое солнце, из-за которого шел по кругу навстречу медно-голубой шар Варны, словно приветствуя возвращение своего сына. Но каким это приветствие будет там, на самой планете?

Чейн знал, что за ним уже следили, и ожидал запрос, который вскоре прозвучал из коммутатора.

Он ответил:

— Морган Чейн. Следую на ритхском исследовательском судне в звездопорт Крак.

Наступило длительное молчание, а потом шокированный, изумленный голос переспросил:

— Морган Чейн?

— Да.

Снова молчание, и потом голос сказал:

— Хорошо, давай... если так хочешь!

Чейн мрачно улыбнулся. Может быть ему суждено недолго пробыть на Варне, но, кажется, все это время он будет сенсацией.

Он направил свое маленькое суденышко вниз и словно окунулся в водопад солнечного сияния. Неожиданно он почувствовал себя непокоренным, непобедимым. Он понимал, что это всего лишь эйфория возвращения на родину, в душе смеялся над этим, но ничего не мог поделать с этим чувством.

На Варне стояла весенняя пора, и обычно засушливая поверхность огромной планеты выглядела сейчас не выжженной, золотисто-коричневой, а бледно-зеленой. Показались отливавшие металлом океаны с зелеными островами и наконец город Крак — далеко и беспорядочно расползшееся скопище домов из скучного красного камня.

На широком поле звездопорта аккуратно выстроились эскадрильи иглообразных кораблей, ярко блестящих в золотистом сиянии солнца. Все, как раньше.

Только не все...

И чувство долгой тоски по дому покинуло Чейна. Он стал насторожен и холоден. Возвратиться домой — это очень хорошо, но ведь дома были и те, кто жаждут его убить, и если он хочет жить, то следует забыть про эмоции.

Он приземлился, захлопнул на замок дверь тамбура и вышел на горячую, сухую, залитую солнечным светом землю. И чуть не зашатался от сильной гравитации Варны, которая схватила его. Он находился за пределами Варны довольно длительное время, и требовалось снова привыкнуть к тому, что чуть не убило его в детстве. Гравитация напомнила, что у него здесь нет никаких преимуществ, что он всего лишь один среди многих Звездных Волков и не самый сильный.

Он стоял около ритхского судна и слушал потрескивание остывающего корпуса.

Затем увидел направляющегося к нему человека.

Беркт, произнес он про себя.

Гордость присутствует в походке каждого Волка, но ни у кого она так блестяще не проявляется, как у Беркта. Это один из самых великих лидеров, который атаковал больше миров, чем Чейн их видел.

Беркт подошел ближе, высокий, могучий, со светло-золотистыми волосами, блестевшими на теле, которое было прикрыто лишь кожаной экипировкой. Его раскосые, приподнятые на краях, бледные как агат, газа сверлили Чейна.

— Я не поверил,— сказал он.— Я следил за переоборудованием корабля, когда об этом услышал, и не поверил.

— Здравствуй, Беркт,— обратился Чейн.

Беркт пропустил мимо ушей эти слова. Он посмотрел на Чейна и сказал:

— Теперь постарайся понять меня, Морган Чейн. Меня особенно не волнует, убьют тебя или нет.

Чейн кивнул головой.

— Но,— продолжал Беркт,— чувствую, что должен тебе сказать: почти весь клан Ранроев, клан Ссандера, находится как раз сейчас на Варне. Если тебе дорога жизнь, садись обратно в свой корабль и улетай.

Потом добавил:

— Думаю, ты знаешь, почему я тебя предупреждаю.

Чейн снова кивнул. Он знал.

Беркт был намного старше. Он никогда ни питал особой привязанности к Чейну, но и антипатии не проявлял.

Чейну вспомнилось детство, когда еще были живы его отец, священник Томас Чейн и мать, приехавшие на Варну с Земли с уэльского городка Карнарвон.

Эти невысокого роста люди прибыли на Варну миссионерами, чтобы перевоспитать греховных Звездных Волков. Конечно, ничего из этого не получилось. В маленькую жалкую часовню никто не приходил, если не считать любопытствующей варнавской детворы. Люди зрелого возраста просто игнорировали миссионеров.

Кроме Берката. Подобно другим варнавцам, он совершенно не верил в религию. Но уже в те дни он был знаменитым, отважным лидером. И в маленькой тщедушной фигурке преподобного Томаса Чейна он уже видел мужество. Этот маленький землянин, медленно умиравший вместе со своей женой от сильной гравитации Варны, но не сдававшийся, не помышлявший о бегстве, был привержен миссионерской цели до конца своей жизни.

Самая невероятная из дружб, размышлял позднее Чейн о взаимоотношениях величественного молодого командира Звездных Волков и слабого, невысокого человека, прибывшего с Земли, проповедовать. С детских лет в память Чейна врезалось, как отец с пылавшим при разговоре лицом сидел на скамейке перед часовенкой и беседовал с высоким молодым Берктом. Тот сдержанно слушал, ничем не выражая согласия, но никогда не противоречил.

— У тебя мужество отца,— сказал Беркт.— И я вижу, что такое же упрямство. Какой черт тебя принес на Варну?

— Довольно долго рассказывать,— ответил Чейн.

— Долго не придется,— сказал Беркт.— Ты мертвец, если не уберешься отсюда.

— Не собираюсь убираться. У меня есть кое-что сообщить Совету.

— Чудесно,— с раздражением бросил Беркт.— Приглашаю выпить, пока тебя не убили. Идем.

Чейн прошел с ним через весь звездопорт. Двигались долго. Главный звездопорт Варны был огромен, так как именно здесь базировались корабли, на которых Звездные Волки совершали свои разбойничьи рейды в Галактику.

С медного поднебесья обрушивалось на звездопорт, уходя далеко за пределы, эхо непрерывного грома от взлетавших и садившихся кораблей. На земле же огромные, могучие машины заделывали повреждения в корпусах кораблей, возвратившихся из рейдов. Шли ремонт и опробывание двигателей, которые яростно ревели, а порой кашляли и замирали. Между кораблями с шумом сновали тяжелые грузовики с припасами, подвозившие различные материалы. С неба раздались оглушительные раскаты грома: на посадку после испытательного полета заходила эскадрилья из пяти иглообразных кораблей... Чейн знал, что это был испытательный полет, не только по их строю, но и по отсутствию повреждений на бортах.

В порту стояли сотни кораблей и около них трудились тысячи варновцев. Работа звездных Волков — это грабеж, глубокие Галактические рейды, принесшие им славу и проклятия. Они любили свою работу и

поэтому трудились с пчелиным усердием, чтобы иметь уверенность в том, что ни один из кораблей или оборудование их не подведут, когда они отправятся на разбой.

Но работа замедлялась, почти остановилась там, где проходили между кораблями Беркт и Чейн. Чейн, как всегда, выделялся, поскольку его темная, сбитая фигура и комбинезон совершенно отличались от золотистоволосых варновцев, одетых в кожаные доспехи. Его моментально узнавали; на Варне не так-то много было людей, которые не слышали бы о землянине, ставшим Звездным Волком, и, по-видимому, они все знали, что с ним произошло, поскольку взирали на него с невероятным удивлением.

— Они просто не могут поверить твоему возвращению, думают, не сошел ли ты с ума,— пояснил Беркт.

Чейн пожал плечами:

— Согласен, у них есть на то основания.

Беркт взглянул на него с любопытством:

— Где ты был все это время, между прочим?

— У наемников,— ответил Чейн.— Они подобрали меня, когда я был полумертвым от раны, нанесенной Ссандером, и я присоединился к ним.

— Стало быть, они не знали, что ты на самом деле варновец? А если бы узнали, то повесили бы тебя.

— Один из них знает,— ответил Чейн.— Все остальные — нет.

— Слышали о наемниках,— заметил Беркт.— Ну как, сильны они?

Чейн на ходу повернулся, взглянул на него:

— Не сталь, как варновцы; их тела неварновской породы. Тем не менее наемники сильны. И достаточно умны, чтобы перехитрить варновскую эскадрилью, в созвездии Ворона.

Они вышли из звездопорта и сели в машину Берката. Она не была похожа на автомобили землян — мягкие и ровные в движении, бесшумные. Это была крепкая, жесткая, под стать самим варновцам машина, и шла она по грубым дорогам за пределами звездопорта с тряской, которую с удовольствием вспомнил Чейн. Звездные Волки не очень заботились о дорогах.

Машина то поднималась по крутым, каменистым холмам, то шла вниз. Варна — бедная планета, и именно поэтому ее сыны, как только освоили звездные полеты, бросились грабить Галактику. Золотистое солнце шло к закату, освещая своими лучами суровый ландшафт. Внизу под холмами показался город Крак, но далеко не весь, лишь широкая базарная площадь со скучными из красного камня зданиями. Варновцы, привыкшие к звездным просторам, не любят жить скученно.

Правители Варны, вроде Берката, жили на приличном расстоянии друг от друга в каменных крепостях и замках, воздвигаемых преимущественно на вершинах холмов. В городе же обитали люди более низких

сословий, а также молодежь, как когда-то приходилось ютиться и Чейну в каменной казарме.

Машина дернулась и подъехала к выложенной из камня стене. Миновав ворота, они оказались перед просторным зданием из красноватого камня. Это был дом Берката.

На шум подъехавшей машины вышла высокая, золотистого цвета женщина. Забыв про мужа, она уставилась на Чейна.

— Нсхура,— улыбнулся ей Чейн.

— Землянинчик! О, нет. Не вериться!

На Варне только два человека могли его называть землянинчиком, не встречая отпора. Это были две женщины, и одна из них — жена Берката.

— Ты его возвратил назад, чтобы его убили? — спросила она у Берката.

— Возвратил? Я? — удивился тот.— Он сам возвратился. Ему надоело жить: он хочет умереть. По крайней мере я другой причины не вижу.

Нсхура подошла к Чейну, взяла за руки.

— Мы думали, что ты погиб. Все так думали.

Она всегда любила Чейна. Ему постоянно казалось, что это шло от жалости к нему, ведь она была старше и помнила, он, будучи ребенком выходцев с Земли, боролся с тяжелой гравитацией Варны, учился ходить и дышать. Чейн помнил, как Нсхура брала его на руки и качала, когда он был ребенком. Но делала только тогда, когда никто этого не видел, чтобы не терять престижа и гордости.

Они стоял под каменной аркой, и солнце, бросавшее свои жаркие лучи, было почти на уровне их лиц. Впервые по-настоящему почувствовав свое возвращение на родину, Чейн повернулся к Беркту:

— Можно поцеловать Нсхуру?

— Только попробуй, сразу же разорву пополам,— беззлобно ответил Беркт.

Чейн улыбнулся и чмокнул жену Берката в золотистую щечку. Вместе с хозяевами он прошел вовнутрь знакомого ему прохладного, тенистого здания. Вскоре все сидели на балконе, откуда был виден солнечный закат. Они пили варновское вино, крепость которого, как говорили, убивает любого, если он не Звездный Волк. Чейна она не убила, но заставила его голову так звенеть, словно в ней были золотые колокольчики.

— Хорошо, Чейн,— сказал Беркт.— Рассказывай.

Чейн рассказал. Он поведал о больном Дайльюлло, попавшем вместе с его товарищами в ловушку на Ритхе, о том, что в конечном итоге все это была вина Чейна. О богатствах каяров. О своей надежде ухватить часть этих богатств и уплатить свой долг Дайльюлло.

Он рассказал обо всем, кроме одного. Он умолчал о Поющих Солнышках, которыми завладели каяры.

Беркт молчал некоторое время, потом налил себе снова вина. Солнце уже давно закатилось и небо от звезд Отрога стало похоже на огромный яркий ковер. Все здесь для Чейна было родным, все напоминало о прошлом.

Он хотел, чтобы родился Берктом. Восседал бы здесь и любовался звездами, знал, что вскоре отправиться в рейд за добычей, возвратиться с богатыми трофеями, снова будет попивать вино, преисполненный величия как один из правителей Варны. Чейну подумалось, что ведь когда-нибудь и он мог бы стать таким.

Наконец Беркт прервал свое молчание.

— Хочу тебе, Чейн, сказать, кое-что. Нсхура всегда любила тебя, потому что помогала тебе, когда ты был ребенком. Я никогда не восхищался тобой.

— Я знаю это,— сказал Чейн.

— Тогда знай и другое,— продолжил Беркт.— Теперь я восхищаюсь тобой за то, что ты, помогая своему другу, пренебрегаешь собственной жизнью, а именно это ты сейчас делаешь.

Чейн вынул из кармана комбинезона маленькие объемные фото... все, кроме того, где были запечатлены Поющие Солнышки. Этот снимок он запрятал в потайной карманчик.

Был принесен проектор, и в темной комнате засверкали славные сокровища каяров.

— Как же мы могли проворонить такой клад!— воскликнул Беркт.

— Эти каяры — умные люди,— заметил Чейн.— Чрезвычайно умные, и очень проницательные, и немного чокнутые. У них практически неисчерпаемые запасы радита, которым они расплачиваются с ворами, доставляющими им все, что душе угодно. Они привыкли прятаться от других миров, создали мощную оборону. На один из видов их обороны мы и наткнулись.

— И ты хочешь им отомстить за те пытки, которыми подвергся? Так ведь?

— Да, и за то, что они сделали с Дайльюлло,— ответил Чейн.— Кроме того, мне очень хотелось бы поживиться кое-чем из сокровищ.

— И поэтому ты прибыл сюда с этими снимками, чтобы подбить варновцев на рейд к каярам,— сказал Беркт.

Чейн кивнул.

— Идея неплохая,— сказал Беркт.— Совсем неплохая, кроме одного: тебе не удастся прожить достаточно долго, чтобы до конца ее осуществить.

Чейн улыбнулся:

— Это, как говориться, надо посмотреть.

Беркт вновь наполнил свой бокал.

— Чейн, хочу тебя спросить кое о чем. Как дошло до того, что ты убил Ссандера? Ведь вы оба были хорошими друзьями.

— Я полагал, что мы были хорошими друзьями,— ответил Чейн.— Мы росли вместе. Он часто бил меня в детстве, поскольку был сильнее и хотел это доказать. Ну вот, однажды и я ударил его. Все очень естественно.

Он выпил и поставил и поставил бокал на стол.

— Мы совершили рейд на планету Шандор-5. Ссандер был заместителем лидера. Рейд был успешным, Ссандер получил причитающуюся заместителю долю, и для меня все шло нормально. Но потом, когда вся добыча была поделена, он увидел в моей доле один драгоценный камень, который ему понравился, и заявил: "Это тоже мне".

Чейн налил себе еще вина, выпил. Беркт смотрел на него проницательным взглядом.

— Мне в то время показалось, словно мы вновь были вместе мальчишками на Варне,— продолжал Чейн.— Я ударил его, вроде бы дал сдачи за старое и сказал: "Ты уже получил свою долю". Он посмотрел на меня и крикнул: "Ты, проклятая земная паскуда, осмелился меня ударить". Схватил свой лазер и выстрелил мне в бок. Я тоже в свою очередь выстрелил и убил его. Примчались его братья, и мне ничего не оставалось, как вскочить в один из кораблей и бежать. Если бы остался, братья тут же прикончили бы меня.

— Я так и думал, что что-то произошло вроде этого,— кивнул Беркт спустя некоторое время.— Ты знаешь, Чейн, тебе немного не повезло: у тебя душа варновца, а облик землянина.

В комнате мягко прозвучал коммуникатор. Беркт подошел к нему и коротко поговорил. Возвратившись, он сказал:

— Крол звонил. Ты помнишь его? Он сказал, что несколько человек из клана Ссандера следят в звездопорте за твоим кораблем. Просто следят, чтобы ты на нем не улетел отсюда.

Потом мрачно добавил:

— Ты в ловушке, Чейн.

XIII

Иссиня-черное ночное небо Варны засеребрилось, потом стало серебристо-розовым, когда на нем появились две разные по цвету луны. Они осветили дорогу, которая вела вниз, в Крак. Морган Чейн шел по ней, находя явное удовольствие в том, что его ноги твердо ступали на почву. Варна — суровая мать, размышлял он, эта огромная планета — сплошные камни и она терзает своих сыновей сильной гравитацией, и все-таки это его родной мир.

Воздух был холодным, со слабым металлическим привкусом близкого моря, бросавшего на каменные берега свои длинные, яростные волны. Впереди внизу манили теплые, красноватые огни Крака. Все было, как раньше. Или почти.

Чейн сошел с дороги на первом же перекрестке и продолжал свой спуск к горизонту по редко используемым тропинкам. В Крак он вошел по темным улицам, которые были вдалеке от огней и шума большой базарной площади. На базаре продавались и покупались награбленные со всей Галактики дорогие вещи, поэтому там всегда было много людей, и ясно, что эта площадь — не лучшее место для человека, за которым охотятся.

Если я смогу пробраться на запад к Дворцу Совета, размышлял Чейн, то план удастся.

Если же ссандеровский клан — клан Ранроя, названный по имени высокочтимого предка, схватит его раньше, то все пропало, и затея с прилетом на Варну обернется полным фиаско.

Он не опасался, что его убьют тайком где-то из-за угла. Клан Ранроя имеет высокую репутацию, дорожит ею, и ясно, что Чейну будет сделан традиционный вызов и схватка состоится в назначенном месте, то-есть все будет обставлено в совершенно законном для Варны порядке.

— Они знают, что ты в моем доме,— говорил ему Беркт.— Они, конечно, тебя здесь не посмеют беспокоить, чтобы не вступать во вражду со мной. Но они будут терпеливо дожидаться твоего выхода. Можешь в этом убедиться хоть сейчас.

Чейн тоже так думал и вот теперь он пробирался темной улочкой, которую превосходно знал; совсем неподалеку отсюда светились окнами длинные каменные казармы для молодежи.

В одном из окон был слышен разноголосый хор. Звездные Волки обычно поют так, что можно подумать, не рычание ли это львов. Чейн не мог разобрать слов, но хорошо знал мотив, так как сам не раз пел эту весьма непристойную песню, рассказывающую об одном из крупных варновских правителей, который то и дело уносился в дурацкие рейды, лишь бы долго не находиться дома со сварливой женой.

Чейн ухмыльнулся, пробираясь по темным улочкам. Он их очень хорошо изучил, поскольку в былые времена, когда он, Крол — и, да, Ссандер — опаздывали с возвращением в казармы к положенному сроку, то незаметно пробирались именно этими улочками.

Два или три раза он видел двигавшихся навстречу людей и каждый раз сворачивал в переулок, но не уклоняясь украдчиво, а шатаясь и размахивая руками словно был крепко пьян, для того, чтобы трудно было опознать отличавшуюся от варновцев его фигуру.

Наконец, он стоял позади Дворца Совета.

Большое, квадратное, непривлекательное каменное здание было единственным правительственным учреждением варновцев в этом районе. Будучи крайними индивидуалистами, жители Варны стремились

иметь как можно меньше законов. Проблемы каждого из них решались уникальными в этом отношении Советом Двадцати. Хотя его члены избирались, но право голоса имели только те варновские мужчины, которые принимали участие не менее, чем в пяти рейдах.

Вряд ли кто-нибудь из клана Ранроя может здесь оказаться подумал Чейн. До сих пор никто из них не представлял, зачем Чейн прибыл на Варну, с какой стати они должны предполагать, что он придет во Дворец.

И все же осторожно, словно охотящийся кот, он обошел вокруг более затененной стороны массивного здания. Достигнув угла переднего фасада, он обернулся.

Никого у здания не было.

Чейн стремительно прошел к высокой открытой двери. Эта дверь всегда была открыта и всегда за ней находился чиновник, готовый выслушать посетителя.

Сидевший сейчас за широкой конторкой чиновник был по варновским меркам старым человеком. Из-за своей опасной профессии Звездные Волки редко доживают до седых волос, а у этого старика были белые волосы и косматые брови, делавшие его похожим на состарившегося тигра.

Старик не проронил ни слова, но его раскосые глаза слегка сузились, когда Чейн направился к нему. Он прекрасно знал Чейна, как каждый в Краке, но тем не менее спросил:

— Ваше имя?

— Морган Чейн.

— Сделали пять рейдов?

— Намного больше, чем пять.

Старый варновец открыл секцию в конторке и нажал на кнопки. Вскоре выскочила карточка. Он взглянул на нее.

— Так верно,— сказал он.— Цель визита?

— Обратиться в Совет.

— По какому поводу? — кошачьи глаза еще чуть сузились.

Полагает, что я собираюсь просить Совет обуздать клан Ранроя, мелькнуло в голове Чейна. Как-будто Совет когда-нибудь может лишить кланы права родовой мести!

— Хочу, чтобы Совет выслушал мою идею, которая может обогатить всех варновских воинов,— заявил Чейн.

Глаза старика немного расширились от удивления. Но он достал книгу посетителей, открыл её и сделал короткую запись.

— Ваше обращение в Совет имеет законные основания. Вам пожаловано право на это,— заявил он.— О дате слушания в Совете вас уведомят.

Чейн сделал поклон, в котором засвидетельствовал и почтение молодого воина перед ветераном, и тонкий намек: пошел ты к дьяволу! Когда он повернулся чтобы покинуть Дворец, ему казалось, что на лице старика варновца мелькнула злобная улыбка.

Он вышел на улицу, право на обращение предоставлено и засвидетельствовано, что теперь? Возвращаться к Берктам? Нет, не сейчас.

На западе над морем сверкнули лиловые молнии. По своей мощи варновские грозы не шли ни в какое сравнение с земными, те выглядели как детская забава. Но полагаясь на свой долгий опыт, Чейн решил, что эта гроза сюда не дойдет.

Он зашагал по улицам города, теперь уже свободно, не таясь. Встречные мужчины и женщины удивленно смотрели на него. Он кланялся тем, кого знал. Они приветствовали его, не скрывая изумления.

Когда-то в давние годы он ходил по этим залитым светом улицам, смешиваясь с толпой высоких варновцев. Тогда он хорошо понимал, что вел себя задиристым петушком просто оттого, что был чуть ниже ростом и в целом чуть слабее, чем эти высокие золотистые люди.

Он шел, сам не зная куда. Оказавшись на более тихих улочках и начав их узнавать, Чейн понял, что стал жертвой своей старой привычки и прибыл туда, куда, по правде говоря, не хотел приходить.

Тихая улочка с низкими домиками. Он собирался повернуться и уйти, но что-то его удержало. Теперь он уже шагал не спеша, и улочка привела его к небольшому старому дому с водосточными трубами, на горловинах которых торчали резные злые маски. Рядом с домом был пустырь, на котором лежало вразброс несколько камней.

Вдали сверкнула молния, затмив свет серебристой и розовой лун. Чейн прошел на пустырь и посмотрел вокруг.

В небольшом старом домике жили его отец и мать, и на этом пустыре стояла уже давно развалившаяся часовня, в которой преподобный Томас Чейн читал свои проповеди.

Как и Дайльюлло, подумал Чейн. Видимо, каждый имеет пустырь в своем прошлом, утрату чего-то или кого-то.

Он прошел вконец заросшего травой пустыря. За бывшей часовенькой, где отец и мать так отважно стремились привить веру варновцам находились их могилы.

Сверкнувшая далеко за морем лиловая молния высветила два небольших надгробных камня. Они были чистыми, заботливо ухоженными, и на одном из них Чейн даже смог прочесть надпись, поскольку она была сделана на железном колчедане — самом твердом варновском минерале.

"Преподобный Томас Чейн, Земля, Карнорвон..."

Чейну вспомнился старик в холодном, ветреном Карнорвоне, который говорил ему: "Преподобный Томас был прекрасным человеком, страстным проповедником. Не сомневаюсь, что он обратил в нашу веру многих людей в том далеком мире прежде, чем господь взял его к себе".

Нет, не обратил. Преподобный Томас не обратил в свою веру ни одного варновца. Но по крайней мере приобрел одного друга. Чейн нисколько не сомневался, что за могилами ухаживал Беркт. Он вспомнил похороны отца, вспомнил как Беркт взял его, мальчугана, сдерживавше-

го свои слезы, и привел к дверям школы, где молодые варновцы постигали свое искусство, и сказал ему: "Иди туда и определи, сможешь ты стать варновцем или нет. Это, конечно, не то, что хотелось твоему отцу, но ничего другого на Варне для тебя нет".

Да, нет смысла думать обо всем этом теперь. Но ведь даже Звездные Волки скорбят по погибшим.

Чейн услышал шелест и обернулся. Рядом с ним стояла высокая, темная фигура человека.

Снова вспыхнула вдали молния, и он узнал: это был Харкан, старший из братьев Ссандера.

XIV

— Я предполагал, что ты придешь сюда,— сказал Харкан.

Он был намного старше Чейна, являлся одним из правителей Звездных Волков, не столь великим как Беркт, но все же знаменитым лидером рейдов.

Харкан возвышался над Чейном, и из тени Чейн мог видеть лилово-синий шрам на его лбу, где уже больше никогда не вырастет варновский пушок. Под шрамом в темноте, казалось, сверкали раскосые глаза Харкана, смотревшие на Чейна.

— Я рад, что ты возвратился на Варну,— сказал он.— Очень рад.

Чейн улыбнулся:

— Я так и думал.

— Я предупредил всех ранроев, чтобы они не вызывали тебя на бой,— сказал Харкан.— Это удовольствие я оставлю себе.

Чейн ничего не сказал в ответ. Спустя некоторое время Харкан добавил:

— Тогда завтра? Место ты знаешь... оно все то же самое.

Да, Чейн знал то место — скалистое узкое ущелье, где можно беспристрастно решать междоусобные споры, не подвергая опасности других людей. Харкан придет туда со своим оружием и, если ему не удастся убить Чейна в честном бою, тогда наступит очередь Тхура, другого брата Ссандера, повторить схватку. И если Чейн убьет Тхура, тогда другие члены клана Ранроя один за другим могут бросать ему вызов. Это многочисленный клан, в то время как у Чейна совершенно никого нет; его единственные на Варне родные люди лежали под двумя могильными плитами из железного колчедана.

— Я запросил у Совета право,— сказал Чейн.

Харкан дернул головой от изумления:

— У Совета право? На каком основании?

— Я прибыл на Варну с тем, чтобы сообщить кое-что Совету.

Харкан умолк, его крупное, гибкое, как у кошки, тело сгорбилось, когда он посмотрел на Чейна. Чейн мог понять его расстройство.

Ни к каким схваткам нельзя принуждать человека, затребовавшего от Совета свое право быть выслушанным, до тех пор пока это слушание не состоится. Это был нерушимый закон, помешать враждующим сторонам бросать вызов и убивать друг друга до тех пор, пока Совет не разберется в их деле.

— Это трюк,— заявил Харкан.— Но он не спасет тебя, Чейн. Ты убил Ссандера...

Чейн резко перебил:

— Ссандер пытался убить меня. И он чуть не преуспел в этом. Я схватился за свое оружие только тогда, когда он пустил в ход свое против меня.

— Убийство, самозащита... для нас, ранроев, это не имеет никакого значения!

— Я никогда и не думал, что имеет,— сказал Чейн.— Но я хочу внести полную ясность.

Харкан процедил сквозь зубы:

— Ясность очень скоро закончится для тебя, Чейн.

Он повернулся и ушел. Чуть погодя покинул это место и Чейн, только в другом направлении.

Он двинулся на запад, туда, где море ближе всегда подступает в Карку. На крутом утесе прямо над водой возвышался великолепный замок величественно выглядевший при свете лун. Подойдя к нему ближе, Чейн услышал чудовищный грохот огромных волн, ударявших в основание утеса.

С вытесанной из камня скамьи под деревом поднялась женщина и вышла на лунный свет.

Чейн улыбнулся.

— Ты так была уверена, что я приду, и поэтому ждала меня. Да, Граал?

— Чейн, это же полное безумие возвратиться на Варну!— воскликнула она.— Ты знаешь, что уже сейчас клан Ранроя ищет тебя?

— Знаю,— сказал он.— Я встретил одного из ранроев. Но им придется погодить со своими планами из-за моего обращения в Совет.

Он стоял и любовался ею. Граал была выше его ростом. Одежда почти не прикрывала её прекрасное тело, покрытое золотистым пушком. С её лучистыми, переливающимися глазами она походила на красивую пантеру.

— Зачем ты возвратился, Чейн?

— Что б тебя увидеть, конечно.

— Врунишка. Скажи мне.

Он все рассказал. Она покачала головой:

— Но после того, как Совет выслушает тебя, ты должен биться с ранроями подряд один за другим.

— У меня и на этот счет есть одна идея,— сказал Чейн.— Но не будем говорить об этом. Давай лучше о тебе. Беркт сказал, что ты еще не замужем.

— Пока нет,— подтвердила Граал.— Мне слишком нравятся развлечения и мужчины, чтобы я связывала себя с каким-то одним повелителем.

— Знаю,— кивнул он.— Меня это не раз бесило.

— А теперь не бесит? — прильнула она к нему, как раньше.— Наверное, в других мирах встретил более привлекательных девушек?

— Одну. На планете Аркуу.

Граал расхохоталась, обвила его руками и поцеловала. Это был поцелуй тигрицы.

— Это тебе, землянинчик, за то, что ты стараешься вызвать у меня ревность.

Чейн ухмыльнулся:

— Но это правда.

— Тогда ты мне расскажешь о ней.

Они гуляли под деревьями то в тени, то в неровном розовато-серебристом лунном свете. У Граал, казалось, отошло беспокойство за него. Это была приятная, великолепная, веселая девушка, но она была дочерью варновцев, а бизнес варновцев — разбой.

Море шумело, и ветер нес с собой металлический привкус брызг. По небосводу плыли обе луны, изучая то и дело меняющееся сияние. Как хорошо снова оказаться в мире своей юности, в объятиях Граал!

— Извиняюсь, что прерываю,— раздался мужской голос.

Граал только расхохоталась, но Чейн гневно обернулся. Гнев тут же покинул его, когда он увидел молодого варновца с довольной улыбкой на красивом, беззаботном лице.

Чейн подошел к нему и крепко пожал руку:

— Крол!!!

Это были товарищи по многим незабываемым рейдам.

— Граал, ты не будешь возражать, если я заберу его с собой? — спросил Крол.— Я попытаюсь освободить его шею от петли, которую он сам себе накинул.

— В таком случае забирай,— сказала Граал.— Не хочу, чтобы моему землянинчику делали больно, когда это можно предотвратить.

Говоря это, она насмешливо посмотрела на Чейна, но тот лишь улыбнулся в ответ и отправился с Кролом.

Как только машина двинулась вниз по склону утеса, Крол быстро заговорил:

— Я слышал, что ты попросил у Совета право. Но это не надолго тебя обезопасит. Старый Ирун, стоящий во главе клана Ранроя, входит в

Совет и постарается быстро протолкнуть слушание твоего дела. И после этого ты лишаешься защиты Совета.

— У меня есть идея, которая может сдержать ранроев и после слушания в Совете,— сказал Чейн.

Он посвятил в свой замысел Крола, но тот сказал, что он не очень надеется на удачу.

— Ирук сделает все, чтобы отклонить любое твое предложение. И если ему удастся, тогда что? Тогда тебе придется встречаться с одним ранроем за другим, пока кто-то из них не убьет тебя.

От подножья утеса Крол повернул свою машину в сторону огней Крака.

— Я могу вывезти тебя с Варны, Чейн, но это надо делать сейчас же. Если мы, конечно, незамеченными проберемся в мой корабль...

— Нет,— ответил Чейн.— Я никого не хочу вовлекать в свои личные распри. Так меня здесь учили и так будет.

— Проклятый Ссандер!— процедил Крол.— Он никогда мне не нравился, но ты, я знаю, любил его.

— Кроме того,— продолжал Чейн,— я совсем не хочу бежать с Варны. Я прибыл для того, чтобы что-то сделать, а просто улететь отсюда, даже без попытки приступить к делу, было бы бессмысленной тратой времени.

— Беркт рассказал мне о твоих планах,— помолчав немного, сказал Крол.— Я не могу упрекать человека за преданность к товарищам.

И чуть спустя добавил:

— Между прочим, Чейн, не говори ничего Беркту о моем предложении вывезти тебя. Не скажешь? Он счел бы это просто неблагородным.

— Ты все так же боишься Беркта, как тогда, когда мы были мальчишками? — засмеялся Чейн.

— Да, боюсь. И ты тоже.

Чейн не стал отрицать. Крол спросил:

— Ты желаешь возвратиться к Берктам?

— А что ты желал бы в первую ночь на Варне после долгого отсутствия?

— Закатил бы пирушку.

Они и закатили ее, отправившись в огромную таверну около базарной площади — любимое питейное заведение Звездных Волков.

В таверне стояли шум и гвалт. Красные лампочки давали не очень много света, но его было достаточно, чтобы человек не потерял свой бокал. Высшие чины Звездных Волков сюда не жаловали; этого им не позволяла гордость и достоинство. Но младших офицеров, истинных вояк, среди которых Чейн имел много знакомых, здесь всегда было предостаточно.

Они дружески приветствовали Чейна, конечно, уже зная о его возвращении на Варну. Трое посетителей таверны из клана Ранроя встали и демонстративно покинули таверну. Но никто этому не придал большого значения. Молодых забулдыг совершенно не интересовали распри, они ходили с Чейном в совместные рейды, знали его как несчастного зем-

лянинчика (никто в присутствии Истина не осмеливался его так называть), которому выпало, тяжелое детство на Варне, но он выдержал; они любили его и наперебой угощали вином.

От крепкого вина в голове Чейна шумело и звенело, но он подумал: конечно, неразумно столько пить, но черт с ним, это же частичка того, ради чего он возвратился на Варну. И продолжал пить, переходя от стола к столу.

И всюду голоса, голоса, неумолчные голоса; люди вспоминали последний рейд в Гиады, говорили о Сарне, попавшем в большую беду у Денеба: он сидел с огромной долей добычи и поджидал, когда его подберут, а в итоге — чудовищная неприятность! Говорили об Аронсо, о том, как он нарвался на папскую тиару — три звезды с убийственными гравитационными волнами — но выдержал тяжкое испытание. Чейн преподнес Арансо большой кубок вина и похвалил его. Герой настоял, чтобы Чейн выпил с ним на пару этот кубок. Арансо имел хорошую добычу в последнем рейде, у него было счастливое настроение пьяного человека и в этот момент он любил Чейна как родного брата.

— Где ты пропадал, Чейн? Чем занимался?

Чейн уже крепко поддал и испытывал блаженное состояние. Он налил себе вина и встал на стол.

— Вы действительно хотите знать, где я был?

— Конечно, хотим!

— Я был с наёмниками,— сказал Чейн.— И почти все они земляне.

— Назад к своим? Не так ли Чейн?

Чейн осушил бокал, посмотрел на собутыльников и серьезно заявил:

— Для меня свои — это вы, жалкое, сучье отродье Варны.

Раздались хохот, аплодисменты. Многие уже были пьяны и с удовольствием восприняли оскорбление.

— Что собой представляют земляне, Чейн?

Чейн задумался.

— С одной стороны, они глупы. Носятся со всякого вида путанными, туманными идеями насчет морали, законов и добродетели.

— Подобно тому, когда они впервые прибыли на Варну и учили наш народ строить звездные корабли? — Кто-то громко выкрикнул, и весь огромный зал взорвался хохотом.

На Варне это была известная и любимая история. История о том, как земляне, открыв принцип звездоплавания — а фактически открыв вновь, поскольку они давным-давно были известны расе, расселившейся по всей Галактике,— прибыли на Варну и наивно предложили варновцам показать, как строить звездные корабли с расчетом, что те займутся честной торговлей в Галактике.

История о том, как варновцы тех времен притворно заявили: да, мы очень хотим обзавестись звездными кораблями с тем, чтобы заняться частной торговлей и быть порядочными людьми. Одурачив землян, варновцы научились кораблестроению и стали с тех пор разбойничать и грабить в Галактике.

— Да, они глупы,— продолжал Чейн.— Они забили себе головы прекрасными идеями, которые кто-то выдумал. Но, мои братья...

— Да? — послышался голос.

— Но они чертовски стойкие люди,— сказал Чейн.— Они не могут двигаться в космосе так, как можем мы; их организмы не приспособлены к этому, поскольку, на Земле нет сильной гравитации. Но... они стойкие люди.

Говоря это, он думал о Дайльюлло и Болларде, Секкинене и остальных наемниках, о том, что им вместе приходилось делать.

— Я побывал на Земле,— продолжал Чейн.— Посетил городок, откуда приехали сюда мои родители. Там один юноша научил меня песне. Это старинная боевая песня землян. Эта песня, возможно, скажет вам, что собой представляют земляне. Хотите послушать ее?

— Спой! Давай!— закричали отовсюду, а Арансо послал ему кубок вина. Чейн выпил вино, голова у него теперь звенела вовсю, и все же он вспомнил песню, которой учил его высокий юноша Хэйден Джоунс в маленьком баре Карнарвона.

Он пел ее, старую боевую песню жителей Харлеха. Звездные Волки заворожено слушали, а затем подхватили вместе с ним; крупные, высокие, с кошачьими глазами, покрытые золотым пушком люди, ставшие звездной карой, пели о саксонских стрелках и их заклятиях врагов так, словно те только что вышли из темных уэльских болот с мечами и копьями в руках.

От этой мысли Чейн прекратил пение и захохотал. Он стоял и хохотал среди ревущего хора, как вдруг почувствовал щипок на колене. Это был Крол, предлагавший кубок вина.

— Веселишься, Чейн?

— Веселюсь.

— Хорошо, Чейн. Очень хорошо. Больше веселись. Поскольку старик Ирун быстро сработал: совет слушает тебя завтра. И может быть это твое последнее веселье на ближайшее время.

XV

Здесь были самые великие военачальники Звездных Волков. Они восседали словно короли за широким столом у стены темного каменного зала.

У стоявшего перед ними Чейна мелькнуло: Дайльюлло назвал бы их коронованной компанией грабителей.

В известной мере это было верно, поскольку рейды и грабеж прочно входят в образ жизни варновцев. Это девять лиц представляли самые могущественные кланы, но в то же время они снискали известность тем, что руководили когда-то великими рейдами.

Вот они: Кхепхер, возглавлявший великий рейд на Плеяды, и результате которого на родину было доставлено столько добычи, сколько Варна никогда прежде не видела; Сомтум и Яр, которые нанесли удар по имперскому миру Канопуса и впервые разграбили королевские богатства системы, которая была настолько огромной и могущественной, что не считала нужным остерегаться нападений извне; Беркт, сидящий глядя так, словно никогда раньше не видел Чейна, это он промчался полгалактики, чтобы выкрасть легендарную Тербиевскую десятку и пробиться с нею домой; Вон, Мартабалэйн и Мун, выкравшие у корпорации владельцев на планете Бетельгез-4 коллекцию драгоценных камней с помощью тройного отвлекающего маневра и атаки, ставшей классической в истории Варны; Хоф, захвативший самый богатый конвой за всю историю Галактики. Хотя у него было только двенадцать кораблей; и Ирун, разбойничавший вдоль северо-зенитного края Галактики и прибывший домой с тяжело нагруженными добычей кораблями после того, как его сочли безнадежно пропавшим.

Все они смотрели на Чейн. Взгляд Ируна выделялся жесткой пронзительностью. Глава клана Ранроя был массивным человеком, возраст которого далеко перевалил за средний. Он глазел на Чейна, выставив вперед свои широкие плечи. Ирун был дядей Ссандера и ясно, что представлял главную опасность при обсуждении предложения Чейна. Кхепхер, занимавший в Совете высшее положение, обратился официально к Чейну:

— Ну-с, Морган Чейн, Совет слушает вас.

Чейн весь собрался. Если он сейчас потерпит провал, Дайльюлло и другие наемники могут никогда не вырваться с Ритха.

— Мое обращение сводится к просьбе дать мне право изложить вам план осуществление которого могло бы принести Варне огромные богатства.

Все удивленно переглянулись; Ирун сощурил глаза и, кажется, приготовился перебить Чейна. Но Кхепхер сказал Чейну:

— Вам жалуется право говорить.

Чейн показал на миниатюрный проектор, который принес с собой:

— Перед тем, как изложить суть дела, могу я продемонстрировать несколько объемных снимков, относящихся к тому, о чем я сообщу?

Кхепхер кивнул в знак согласия.

Чейн повернулся к проектору, отрегулировал его так, чтобы показываемые на трехмерных фото предметы имели натуральную величину.

Первая комната каярских сокровищ вспыхнула в затемненном зале ярким, сплошным великолепием красок: драгоценные камни до краев заполняли золотые кувшины и сверкали вытканными в гобелены, виднелись причудливые статуэтки, вырезанные из цельных сверкающих жемчужин... и все это выглядело настолько реально, что удивленные военачальники Звездных Волков, кроме Беркта, даже подались вперед, словно желая схватить руками эти вещи.

— Что это еще за чушь? — огрызнулся Ирун.

— Я показываю вам богатства каяро,— ответил Чейн.— Будут еще более солидные.

Он сменил снимок, и на экране появилась другая комната с невероятными сокровищами. По мере того, как Чейн показывал новый кадры, раскосые глаза Звездных Волков наполнялись все более жадным блеском в предвкушении грабежа.

Когда был закончен показ последнего объемного фото, Кхепхер вытянул шею вперед.

— Где находятся эти вещи? — спросил он.— Где?

— На планете Хлан, у народа, который называется каяры,— пояснил Чейн.— Планета лежит недалеко за пределами Отрога.

— Если бы такие богатства действительно существовали, о них давно бы шел звон по всей Галактике!— выкрикнул Ирун.

— Каяры — умные люди. Очень умные,— продолжал Чейн.— Они собрали со всей Галактики самые красивые и дорогие вещи, заплатив за них ворам, которые крали для них. Они держали все это в секрете, как и свой хорошо защищенный мир. Я это знаю. Я чуть не погиб при попытке проникнуть к их богатствам.

Помолчав, он добавил:

— Я могу показать туда дорогу. Я могу провести туда варновскую эскадрилью, хотя не гарантирую, что потерь не будет. Я это сделаю при условии, что смогу взять из богатств каяров один предмет на выбор.

— Смел же ты: пришел на Совет, да еще выставляешь условия,— отрезал Кхепхер.— А больше, случайно, ничего не хочешь?

— Еще одну вещь,— невозмутимо сказал Чейн.— Получить право на мою безопасность до тех пор, пока эскадрилья не возвратится на Варну.

Ирун вскочил на ноги с перекосившимся от гнева лицом.

— Трюк!— заорал он.— Этот человек убил моего племянника и тем самым навлек на себя месть моего клана. И он просит теперь у Совета защиты, чтобы избежать справедливого возмездия.

Взгляд Чейна свидетельствовал о том, что ни позиция, ни слова Ирун не произвели на него ни малейшего впечатления.

— Для того, чтобы избежать мести вашего клана,— холодно сказало он,— мне следовало сделать немного — оставаться за пределами Варны.

Беркт расхохотался:

— Следует признать очко в пользу молодого Чейна.

Ирун разозлился:

— Хорошо известно, Беркт, что у тебя была дружба с отцом этого чужака!

Кхепхер резко вмешался:

— Прошу членов Совета прекратить перепалку! Мы здесь собрались для того, чтобы выслушать человека по имени Чейн и потом вынести свое решение.

Он обратился к Чейну:

— Расскажите, что вам известно об обороне каяров.

Чейн рассказал, подчеркнув при этом, что только он может провести варновскую экспедицию более или менее безопасно через скопление потухших солнц и безжизненных планет.

— Вы благополучно прошли туда и обратно через так называемые Мертвые Миры,— сказал Кхепхер.— Могли бы вы так же благополучно провести боевую эскадрилью по этому маршруту?

Чейн отрицательно покачал головой.

— Вряд ли это возможно. Каяры считали просто ненужным использовать такое колоссальное оружие против моего маленького суденышка. Но против эскадрильи они могут пустить его в ход. Я предлагаю пожертвовать определенным количеством старых кораблей, которые пойдут впереди, без людей, на автопилоте, и спровоцируют большую часть взрывов в Мертвых Мирах, в результате чего для нас появится проход.

И он поспешно добавил:

— У каяров мощная радиационная оборона; я её испытал на себе. Тут нам могли бы пригодиться антирадиационные шлемы. У каяров имеется довольно внушительная эскадрилья боевых крейсеров, правда среди них нет ни одного тяжелого. Но я думаю, что мы справимся с этими крейсерами, если пройдем через Мертвые Миры.

— Стратегию будут обсуждать позднее те, кому это положено,— холодно заметил Кхепхер.— Но, если мы подавим оборону каяров, вы сможете провести нас к хранилищам богатств?

— Смогу,— ответил Чейн, подумав про себя: В любое хранилище, кроме одного. Вы получите одну из самых крупных добыч за всю историю Варны, но не Поющие Солнышки.

Расспросы продолжались, члены Совета были резкими и дотошными. За плечами этих людей была жизнь, наполненная рейдами, они знали опасности, которые могли подстерегать их в космосе, и не собирались что-либо брать просто на веру.

— Не объяснено,— резко заявил Ирун,— где эти каяры могли приобрести в таком количестве исключительно редкого радиоактивного материала, чтобы начинить им необитаемые планеты в Мертвых Мирах.

— Судя по информации Ирона,— ответил Чейн,— на планете Хлан имеются колоссальные запасы радита, одного из редких радиоактивных материалов, как вы заметили. Радит — источник богатств каяров, поскольку им они расплачиваются за ворованные драгоценности.

Чейн добавил:

— Ирон уверен, что каяры — чокнутые люди. Они спрятались в своем крепко обороняемом гнезде, самозабвенно любуются сокровищами и избегают прямых контактов с большей частью Галактики. Если кто-либо приближается к их планете без приглашения, они убивают его мучительной смертью. Я считаю, что надо прорваться в это воровское гнездо, обладателями этих сокровищ должны стать более достойные владельцы, и, именно, варновцы.

Некоторые из членов Совета улыбнулись при этих словах: именно их они и ожидали услышать от дерзкого молодого Звездного Волка.

— Дело такое, что его нельзя поспешно решать,— обратился к Чейну Кхепхер.— Следует поглубже во все вникнуть. Объемные фото должны быть проверены экспертами, не подделки ли это. Надо посмотреть также наши сведения о том созвездии, нет ли в них расхождений с тем, что вы нам рассказывали.

Чейн поклонился. Кхепхер подвел итог:

— Вы сейчас свободны. О нашем решении будете своевременно уведомлены. А до этого за вами продолжает сохраниться предоставленное Советом право на безопасность.

Чейну хотелось еще кое-что сказать, но он понял, что Совет прекратил с ним разговор, и ничего другого не остается, как поклониться и покинуть Дворец.

Прошло два дня. Вечером в залитом лунным светом саду позади замка Беркта Чейн сидел с Кролом, Граал и Нсхурой и пил вино. Он хорошо знал, что Граал с ее вольным образом жизни никогда не нравилась Нсхуре, но сейчас хозяйка проявляла к ней радушное гостеприимство.

Двое суток Чейн ожидал решения Совета. Он прекрасно провел это время с Граал, воскресив прошлую любовь,.. но едва не утонул, когда Граал утащила его под воду во время плавания на огромных волнах на пляже около Крака.

— Расслабься, отдыхай, Чейн,— сказал Крол.— Решение скоро будет, того или иного рода.

— Чейн, что там в старом мире, на Земле, думают о варновцах? — спросила Нсхура.— Ты говорил, что был там.

— Варвары,— сказал Чейн.— Грубые, необузданные, дикие грабители Галактики.

Посмотрев на Граал, он добавил:

— Они считают, что варновские женщины даже более свирепы, чем мужчины.

Граал мгновенно швырнула в него бокал с вином, но Чейн успел увернуться, дав бокалу пролететь около самого уха.

Издалека со стороны наиболее удаленного от Крака звездопорта раздалась серия из трех резких звенящих звуков, и в небо взметнулись три молнии.

Крол улыбнулся:

— Группа очень молодых варновцев уходит попытать счастья. Вполне вероятно, что возвратятся ни с чем. Но ты помнишь, Чейн?

— Помню. Очень хорошо,— ответил Чейн.

Снизу послышался надрывный рев мотора поднимающегося в гору тяжелого варновского автомобиля, и Чейн весь напрягся, стараясь не выдать себя.

Все молчали, пока скрежет не прекратился в вскоре не вошел в сад Беркт.

— Что нового? — спросил Чейн.

— Не хочу томить в ожидании,— сказал Беркт.— Взвесив все за и против, Совет решил санкционировать рейд на Хлан, и кланы предоставляют в общей сложности около семидесяти кораблей.

Чейн возликовал. Мысленно уже чувствовал в своих руках Поющие Солнышки.

— Но чтобы ты не слишком радовался,— сухо добавил Беркт,— должен сообщить об одном условии этой санкции. Условие выдвинуто Ируном и его сторонниками в Совете. Без принятия этого условия они наложили бы вето на рейд.

Чейн напрягся:

— Что за условие?

— Командовать рейдом будет Харкан, племянник Ируна,— ответил Беркт.— А ты в качестве пилота будешь находится вместе с ним в его корабле.

— Стало быть ранрои не собираются выпускать меня из своих зубов?— проворчал Чейн.

В нем вспыхнула ярость. Черт бы побрал этих ранроев с их местью! Ладно, он полетит с Харканом, и если одному из них суждено погибнуть, то им будет Харкан.

XVI

Огромная труба пронзительно взревела, и ее боевой клич разнесся над городом Крак. По её сигналу другие мощные трубы подхватили клич, и он покатился многократным эхом, отражаясь от каменных стен, пока весь город не наполнился звуками меди.

В далекие времена варновцы были воинственным народом, и боевые трубы звучали каждый раз, когда один клан выходил на схватку с другим. И хотя с тех пор прошли века, а сами варновцы стали весьма опытными в технологии звездных полетов, чему их, не подумав научили земляне, старый обычай сохранился, и при отбытии очередного отряда варновцев в рейд за добычей неизменно раздается рев из всех могучих труб.

Краснокаменные здания были расцвечены яркими флагами различных кланов. Вдоль улиц стояли высокие золотистого цвета люди, приветствовавшие криками и взмахом рук автомашины с воинами, которые катились с грохотом в сторону звездопорта.

Чейн, находившийся в одной из машин, подумал: На Земле так провожали бы армию-защитницу, и ни в коем случае не банду пиратов, отправляющихся грабить.

Все было так, как он помнил, и пронзительный рев огромных труб заставлял Чейна, как и раньше, испытывать жгучий трепет.

У варновцев, ехавших вместе с ним, восторженно сверкали глаза. Возможно, эти люди найдут себе внезапную смерть среди звезд, но ведь будут же азарт и борьба, и, наверное, богатые трофеи, с которыми их переполненные корабли вернуться домой. Таков образ жизни варновцев и он им нравится.

Это заставило Чейна вспомнить самый первый рейд, его стремление вскрыть волнение от рева труб и выглядеть хладнокровным, надменным, невозмутимым подобно ветеранам вокруг.

Да ну ее к черту, эту ностальгию, неожиданно оборвал себя Чейн. Ностальгия убьет меня.

Ни один из предыдущих рейдов, в которых он участвовал, не был для него таким опасным, как этот, поэтому лучше прекратить воспоминания и быть постоянно настороже.

Горячий, золотистый солнечный свет встретил машины, когда они стали въезжать в звездопорт между длинными рядами иглообразных кораблей. Около корабля, украшенного символом лидера, стояла группа капитанов, над которой возвышалась фигура Харкана. Вместо приветствия Харкан метнул ледяной взгляд в сторону Чейна.

— Итак, вы все знаете район выхода из сверхскоростного режима,— сказал Харкан, и капитаны кивнули в знак согласия. Координаты этого района рассчитывал Чейн, и эксперты звездной навигации подтвердили точность его расчетов. Харкан продолжал:

— Порядок и хронометраж выхода из сверхскоростного режима вам известны; полное расписание у вас имеется. Говорить больше не о чем.

Капитаны разошлись, остались только Харкан и его заместитель Венжант. Они повернулись и направились в свой корабль с символом лидера. Чейн следовал за ними.

Корабли Звездных Волков имеют небольшие размеры, их экипажи состоят из восьми — десяти человек. Ни один из находившихся в корабле воинов не ответил на приветствие Чейна. Все они принадлежали к клану Ранроя и хорошо знали Чейна. Венжант сел в кресло пилота, Харкан и Чейн заняли кресла за ним. Через широкий экран мостика они посмотрели наружу, и никто ничего не сказал.

Издалека по-прежнему доносилось медное эхо труб Крака, в котором звучало пожелания доброго пути и хорошей удачи. Но вскоре раздался новый звук.

Скорее это был не звук, а вибрация, которая так возросла, что вместе с кораблем задрожала и бетонная площадка под ним. Глубокий, страшный гром возвестил, что заработали силовые установки первого дивизиона кораблей.

— Время,— отрывисто произнес Харкан, и первый дивизион со звуком грома, раскалывающего атмосферу, устремился в небо.

Тридцать иглообразных кораблей поднялись под углом 45 градусов. Они не были частью флота, которым гордилась Варна. Это были старые, ржавые корабли, искореженные боями и дальнем космосе, из которого они с трудом возвратились очень давно. Их отремонтировали настолько, чтобы можно было снова послать в космос, укомплектовали сокращенными составами экипажей. Эти корабли шли в свой последний путь, чтобы принести себя в жертву и обмануть каяров. Вместе с ними летели пять обычных кораблей, в задачу которых входило: в нужный момент взять к себе на борт экипажи кораблей-жертв.

После того, как грохочущий рев первого дивизиона исчез вдали, Харкан молча установил хронометр. Наконец он передал по связи:

— Второму дивизиону — взлет через пять минут.

В хвостовом отделении начали приглушенно реветь силовые установки, и кресло под Чейном затряслось. Прошло пять минут.

Мощный взрыв вознес корабль в небо, вдавив Чейна глубоко в кресло. Все внутри мучительно сжалось, и он почувствовал, как глаза застилает темнота, словно какой-то невидимый кулак стучал по его голове. Чейн тревожно подумал: Слишком долго не был на Варне и вот теперь не могу выносить ее гравитацию!

Затем мышцы его живота распрямились, зрение прояснилось, и он понял, что нет, он еще не утратил силу, приобретенную за мучительные годы детства на Варне, что он по прежнему может выдерживать перегрузки.

Корабль продолжал подниматься с ускорением, которое парализовало бы любого землянина. Вот почему так трудно победить Звездных Волков в космосе. Огромная гравитация массивной Варны вскормила в них силу и сопротивляемость организма, дающие возможность переносить такие перегрузки, которые не мог бы выдержать ни один народ Галактики.

Чейн справился с перегрузкой и ему было приятно. Это была скорость, к которой он привык в космических полетах до того, как пришлось покинуть Варну. Низкая скорость кораблей наемников порой казалась ему невыносимо медлительной.

Варна вскоре осталась позади. По обеим сторонам и позади флагманского корабля в ослепительных лучах солнца ярко поблескивали маленькими светлыми точками другие корабли эскадрильи. Звездные Волки придерживались в полете более тесного строя, на который обычно люди никогда бы не решились. При необходимости Звездные Волки могли изменить курс с такой внезапной переменой скорости и направления, что земляне испустили бы дух.

Из золотистого сияния надменного варновского солнца корабли окунулись в космическую черноту и мерцание звезд, продвигаясь в западный район.

— Время,— сказал Харкан, и Венжант перевел управление корабля на сверхскоростной режим.

Наступило ощущение головокружительного падения в сверхразмерное пространство. Флагман мгновенно рванулся вперед, а за ним и все остальные корабли.

Ни один из ранроев до сих пор не обмолвился ни одной фразой с Чейном.

Чейну вспомнились слова Бекрта перед отлетом с Варны. Чейн прощался с Кролом, который задолго до этого был записан на другой рейд и очень переживал, что не участвует в походе против каяров.

— Не очень страдай, что не летишь с Чейном,— мрачно успокоил Беркт Крола.— Где Чейн, там всегда самая большая опасность.

— Вы подозреваете, что ранрои попытаются там его убить? — воскликнул Крол.— Нет, они не сделают... У него гарантия Совета до возвращения эскадрильи из рейда.

— Мне не нравятся многие из ранроев, но они не пойдут на подлость,— сказал Беркт.— Во всяком случае большинство из них не станут нарушать право, предоставленное Советом. Но ведь там будет бой, и Харкан, не нарушая права Чейна, может послать его на наиболее опасный участок.

Позднее, когда Крол ушел, Чейн посмотрел на Беркта с укором:

— Спасибо за вдохновляющую поддержку.

— Но ты же знаешь, что это так. Верно? — переспросил Беркт, и Чейн согласился.

Поколебавшись, Чейн отважился сказать:

— Вы всегда ко мне по-дружески относились, Беркт.

Тот пожал плечами:

— Отчасти из-за твоего отца, отчасти из-за Нсхуры.

— Я не всю правду вам сказал. Не то, чтобы соврал что-то, но опустил часть правды.

Беркт вызывающе молчал.

— Я не рассказал о вещи, которая мне нужна в мире каяров,— сказал Чейн.— Об одном дорогом предмете, который по условиям Совета мне разрешено самому выбрать. Между нами, речь идет о Поющих Солнышках.

Беркт широко раскрыл свои раскосые глаза, и его грубое, надменное лицо выразило удивление.

— Но ведь Солнышки разделены на части!— воскликнул он.— После того, как Морул со своим кланом выкрал Солнышки с Ачернара, он продал их Клоя-Клойю с Мрууна, а тот разделил их и по отдельности продал другим покупателям.

— Все эти другие покупатели были агентами каяров,— сказал Чейн.— Своим трюком каяры сбили цену Солнышек.

Беркт недоумевающе уставился на него и вдруг разразился гомерическим хохотом.

— Такого прохиндейства я еще никогда не видел! Стало быть, вот ради чего ты и твои друзья-наемники прибыли в Отрог?

Чейн кивнул:

— Забрать Солнышки, возвратить на Ачернар и получить вознаграждение в сумме два миллиона.

— Возвратить их?

— Земляне — люди с причудами, Беркт,— сказал в оправдание Чейн.— Но даже наемники, отличающиеся довольно крутым нравом, никогда не поступятся своими понятиями о чести. Признаюсь, мне это кажется глупым.

— Если Харкан и другие увидят у тебя Солнышки, им вряд ли понравиться, что ты их разбираешь,— предупредил Беркт.

— Знаю,— угрюмо сказал Чейн.— Но Совет дал согласие на то, что я могу по-своему желанию взять одно любое сокровище. И я собираюсь это сделать,.. если мы туда доберемся.

— Вот именно, если,— сказал Беркт.— Харкан, каким бы ни был, как человек, является хорошим лидером в рейдах. Но из того, что ты мне рассказывал, следует: вы встретите довольно крупные неприятности. Что ж, желаю счастья!

Вспомнив про все это сейчас, когда корабль перешел на сверхскоростной режим, Чейн подумал, что счастье ему будет действительно нужно. Он то и дело ловил на себе холодный убийственный взгляд Харкана.

Взгляд не очень-то пугал его, но враждебное молчание со стороны всех на корабле начало порядком раздражать. Закончив свою смену у навигационных приборов, Чейн отправился в небольшую спальню в хвосте корабля и растянулся на койке.

Интересно, задумался он, что сейчас делает Дайльюлло, Болланд и другие наемники, если все еще живы. И усмехнулся, представив на минуту, что бы сказали они, увидев его со Звездными Волками.

Ладно, к черту переживания, подумал он. Я сделал ставку и буду продолжать игру, бесполезно размышлять дальше об этом.

А корабли шли все дальше и дальше по просторам Отрога Арго. Люди сменяли друг друга на вахтах, перепроверяли корабельное оружие, ели, спали, следили за имитирующим экраном, который свидетельствовал, что их эскадрилья двигалась между туманностью и звездами.

Чем ближе они подходили к краю Отрога, тем сильнее росла напряженность людей. За Отрогом, как показывал экран, лежало пустое пространство — огромный океан, омывающий берега Галактики.

И в этом пространстве обозначилось запомнившееся Чейну небольшое созвездие из множества потухших солнц и необитаемых планет, в глубине которого устроили свою крепость каяры.

Спустя определенное время Харкан, показав пальцем на экране на точку в двух третях пути до темного созвездия, сказал:

— Первому дивизиону следовало бы сейчас находиться здесь.

Чейн был уверен, что дивизион и находится там, где Харкан показал. Он должен быть там, иначе весь план атаки не сработает.

Вопреки распространенному в Галактике мнению, Звездные Волки во время рейдов не несутся в атаку сломя голову. Это часто так выглядит, но на самом деле наводящие ужас варновские налетчики планируют свои главные операции по точно рассчитанным графикам.

Без этого нельзя добиться успеха. Эскадрильи Звездных Волков никогда не бывают очень большими. Почти любая атакованная ими планета могла бы за определенное время собрать против Звездных Волков значительно превосходящие силы. Но варновцы никогда не дают им этого времени. В точно рассчитанный момент они выходят из сверхскоростного режима, используют свою непревзойденную скорость в космосе, чтобы совершить молниеносное нападение, хватают добычу и исчезают с нею как можно быстрее.

В Чейне пробудилось знакомое чувство напряженности, возбуждения и пыла, которое он всегда испытывал, когда рейдовая операция приближалась к своей высшей фазе.

В голове мелькнуло: Дайлюлло разочаровался бы во мне. Он столько затратил усилий на мое перевоспитание, а я по прежнему Звездный Волк!

Когда корабли максимально приблизились к темному созвездию, как это было видно на имитирующем экране, Венжант отдал резкую команду: "Первому — выход из режима!"

Харкан, изучающе взглянул на экран, и кивком головы одобрил решение своего заместителя. Впереди в космосе на определенном расстоянии от них, недалеко от реальной границы темного созвездия, флот из тридцати старых кораблей, который будет принесен в жертву, в этот момент начал выход из сверхскоростного режима.

Чейн мысленно представил, как это происходит. Сокращенные экипажи, посаженные в старые корабли, войдя теперь в обычный космический режим, быстро запрограммировали автоматические курсы. Затем эти люди перейдут со старых кораблей на пять обычных крейсеров, специально сопровождающих для этой цели первый дивизион.

На хронометре появились цифры, и Венжант произнес:

— Время.

— Выходим,— сказал Харкан.

И тут же нахлынуло ощущение, что все бешено кружится, вращается, чувство, к которому никогда нельзя привыкнуть. Корабль вышел из сверхскоростного режима.

Теперь, на обычной скорости, они могли видеть на обзорном экране, как далеко слева от них уходили звездные утесы огромного побережья Галактики. Позади остался поблекший облик Отрога Арго. Впереди лежала только чернота космоса, в которой пока еще визуально не просматривалось темное созвездие.

Однако на экране радара это маленькое созвездие просматривалось совершенно отчетливо. За пределами созвездия были видны и пять импульсов, исходивших от кораблей, которые взяли на борт команды со старых судов. Были видны также тридцать других импульсов, стремительно несшихся на высшей скорости к созвездию и вот-вот готовых войти в него.

Через коммуникатор Харкан обратился к всей эскадрилье.

— Приготовиться к сигналу!

Чейну показалось, как он это сам всегда испытывал в последний момент перед атакой, что затаившаяся в ожидании эскадрилья сгорает от нетерпения броситься в бой.

XVII

Тридцать жертвенных кораблей неслись к темному созвездию. Они летели не плотным строем, а широко рассредоточившись по фронту. Для каждого из них был тщательно определен и запрограммирован курс следования через темные планеты и потухшие звезды.

— Если твои Мертвые Миры существуют, то мы скоро увидим этому свидетельство,— сказал Харкан Чейну.

Они впились глазами в обзорный экран, установленный теперь так, чтобы видеть созвездие поближе.

— Никаких свидетельств,— презрительно бросил Венжант.

Небольшая темная планета взорвалась колоссальной яркой вспышкой, и ослепительный свет залил обзорный экран. Взрыв поглотил несколько варновских кораблей-роботов, но остальные продолжали движение.

— Складывается впечатление,— сказал Чейн,— что каяры внимательно следят за нами на своих мониторах. И их удручает зрелище летящих варновских кораблей.

Еще одно небесное тело — огромная планета, вращающаяся далеко от своего погасшего, мертвенно-бледного солнца,— вспыхнула ярким светом на целый парсек в поперечнике.

— Еще семь роботов исчезли,— сообщил Венжант, и начал ругаться:

— Да что же это за безумцы, взрывающие миры в качестве оружия? Чистое безумие.

Чейн пожал плечами:

— У них достаточно таких миров... Это созвездие — не что иное, как кладбище потухших солнц и безжизненных планет. А у каяров полно радита, крупный заряд которого, если подорвать, превращает огромную массу планеты сплошь в нестабильное атомное вещество, и она взрывается. Каярам это просто.

Еще одна запрограммированная планета вспыхнула, а вслед за ней почти одновременно две других. Все множество потухших солнц и ледяных планет темного созвездия вдруг стало видимым в невероятном слепящем свете этого погребального костра планет.

— Погибли все тридцать кораблей-роботов,— доложил человек у телескопа.

— Насколько близко они были от Хлана? — спросил Харкан.

Человек нажал кнопку и затем прочел цифры.

— Довольно близко,— пробормотал Харкан.— Но, может быть, еще остались несколько взрывных миров?

Чейн отрицательно покачал головой:

— Это было бы слишком близко к Хлану, мне кажется. Врядли они захотели бы подвергать себя взрывной волне от собственного оружия. И потом добавил:

— Что ж, корабли-роботы сделали нам проход через Мертвые Миры. Войдем в него?

— Войдем,— ответил Харкан. Он подал команду, и вся эскадрилья Звездных Волков устремилась в длинный, узкий коридор.

Чейн подумал, какой опасности чреват такой слабый строй, если каяры выйдут сражаться. Но только узкой колонной можно было следовать через проход, сделанный кораблями-роботами в Мертвых Мирах. Возможно, он недостаточно широк; возможно, они наткнуться на взрывную планету; но ведь, если не идти туда, то никогда не узнаешь, что может случиться. Так зачем волноваться?

Они одели антирадиационные шлемы, заготовленные на Варне, и все, как показалось Чейну, приобрели странный вид: стали похожи на древних солдат. Шлемы должны были защитить их от наиболее сильных эффектов каярского оружия, разрушающего рассудок. Так во всяком случае надеялся Чейн.

Колонна Звездных Волков быстро направилась в созвездие точно посредине пути, который проделали принесенные в жертву кораблироботы. Старая, рассчитанная на внезапность тактика Звездных Волков, которой боится вся Галактика, подумал Чейн. Но как бы на этот раз они не переоценили свои силы.

Адская вспышка справа от них, казалось, затмила всю вселенную. Маленькая планета прекратила свое существование, но когда они оправились от ослепления, то увидели, что колонна кораблей не была задета взрывом и продолжала движение. Затем начали вспыхивать другие планеты и луны, и все пространство вокруг, казалось, наполнилось гигантским пламенем. На кораблях происходили замыкания в электросетях, выключался свет, суда дико качались, их швыряло вверх и вниз, и тем не менее, подчиняясь неукротимой силе инерции, они шли вперед.

Это похоже, подумалось Чейну, на бег сквозь строй погребальных планетарных костров. Харкан сидел твердый как скала, упрямо уставившись в обзорный экран ни разу не шелохнув своими плечами.

Он — мой враг и, вероятно, мне придется его убить, размышлял Чейн, но он идет в бой как истинный варновец. Трясясь, содрогаясь, качаясь, суда Звездных Волков неслись вперед. Взрывавшиеся мертвые планеты были слишком далеки, чтобы повредить кораблям, и лишь слали вдогонку свои мощные вспышки.

Каяры, должно быть, действительно боятся Звездных Волков, думал Чейн, и пытаются напугать их гибелью миров. Но варновцев нелегко испугать.

Последние вспышки остались позади, и глаза стали приходить в норму после ослепления.

Неожиданно мозг Чейна пронзила острая боль. Она была по характеру такой же, когда он, Дайльюлло и Гваатх подверглись мучительным пыткам, но по силе раз в десять меньше. Как будто голову пробуравило острое сверло и теперь в ней неистово вращается.

Некоторые из ранроевского экипажа закричали, Венжант начал ругаться. Харкан привстал с кресла, потом повернулся к Чейну и вопросительно посмотрел на него.

— Да, это один из видов их оружия,— сказал Чейн.— Шлемы защищают нас от его воздействия, но не полностью. Придется терпеть.

— Стерпим,— резко ответил Харкан.— Но будь прокляты те, кто прибегает к такому оружию.

— Эти каяры — одаренные люди,— сказал Чейн.— Надеюсь, что скоро мы заставим их заплатить за свою одаренность.

Эскадрилья мчалась к темной планете, которая все еще не была видна. Но по приказу Харкана корабли плавно перестроились из длинной колонны в новое формирование, напоминающее расчлененный строй. На вид оно выглядело беспорядочным, но в нем все было продумано и каждый варновский корабль знал свое место.

— Черт бы побрал эту гадость, терзающую мозг!— сказал Харкан и потряс головой.

— Будь благодарен, что имеешь шлем и не получаешь полную дозу,— ответил Чейн.

Сверлящая боль в черепе заставила Чейна вспомнить тяжкое испытание, через которое он прошел с Дайльюлло и Гваатхом, и усилила жажду мести.

— Выйдут они на бой с нами? — спросил Харкан.

— Думаю, что да, когда увидят, что нас не остановили ни Мертвые Миры, ни болевые лучи,— ответил Чейн.

— Они уже идут,— вмешался Венжант, показав на экран радара.

Харкан и Чейн напряженно уставились на экран и стали подсчитывать импульсы, двигавшиеся сейчас навстречу.

— Не меньше восьмидесяти кораблей,— сказал Харкан.— Идут полумесяцем. Рассчитывают окружить нас и бить со всех сторон.

— Очень умно,— заметил Чейн.— Но ведь они еще не сражались с варновцами.

И он, и Харкан мрачно усмехнулись.

Стая Звездных Волков продолжала мчаться прямо на полумесяц каяров и вот-вот должна была оказаться между рогами полумесяца, стать мишенью для сосредоточенного огня противника.

Корабли продолжали путь и уже фактически приблизились к флангам каярского полумесяца, когда Харкан отчеканил команду капитанам кораблей.

— Левый рог! Поднять щиты! Отлично, атакуем!

Вся эскадрилья Звездных Волков неожиданно сделала резкий поворот влево. На такой непостижимо крутой маневр способны только варновцы. Кровь хлынула в голову Чейна, и его прижало словно гигантской рукой, хотя он ожидал и приготовился к нему в кресле, в котором сидел у управления пусковой установки с реактивными снарядами.

Каярам действительно никогда не приходилось сражаться с варновцами, и молниеносный маневр противника стал для них полной неожиданностью. Пока они пытались перестроиться, стая Звездных Волков, уже кружилась около каярских крейсеров на всем протяжении левого фланга.

Варновцы сказали, что на том участке численное превосходство по два-три корабля против каждого вражеского крейсера. Они пустили в ход реактивные снаряды, и каярские суда одно за другим стали гибнуть, не успев даже открыть ответного огня; их щиты не выдержали такого количества снарядов.

Чейн взял под радарный прицел своей пусковой реактивной установки одно из каярских судов, которое отчетливо просматривалось на фоне звезд. Два других варновских корабля тоже обрушили на него реактивные снаряды. Щиты судна не устояли против напора снарядов и оно взорвалось. Звездные Волки перебросились на новую добычу.

— Бейте их! Бейте, пока другие не успеют перестроиться!— орал Харкан своей эскадрилье.

Вся середина полумесяца каяров и правый рог были в полнейшем смятении. Они не могли использовать реактивные снаряды против Звездных Волков, так как поразили бы собственные суда, сцепившиеся в смертельной схватке с варновцами.

— Быстрее! Не давайте им опомниться!— кричал Харкан в то время, как Венжант направил свой корабль к каярскому судну, дравшемуся с варновским крейсером.

По всему небосводу плясали вспышки разрывов реактивных снарядов. Чейн увидел, что большинство вражеских судов на левом роге уничтожено. Нанесенный противнику смертельный урон был результатом стремительной, дерзкой атаки Звездных Волков.

Когда щиты ближайшего каярского судна были разбиты и перестали быть препятствием для реактивных снарядов, сидевший за управлением Венжант неожиданно заорал.

— Харкан, посмотри на них! Другие!

Как и повернувшийся Харкан, Чейн бросил взгляд на экран радара через плечо Венжанта.

Оставшиеся две трети каярских сил не перегруппировались. Без какой-либо попытки образовать атакующий боевой порядок вся эта бесформенная масса каярских кораблей вдруг устремилась прямо в лоб на Звездных Волков.

— Что они обезумели? Атаковать без строя!— воскликнул Венжант.

Чейну вспомнились слова Ирона о том, что каяры — чокнутый народ, и теперь он этому поверил. Только неожиданная маниакальная ярость может заставить броситься в такую непродуманную атаку.

— Безумные они или нет, мы их прихватим!— крикнул Харкан.— Всем на конус! На конус!

Вот сейчас-то блестяще и проявилась уникальная способность Звездных Волков выдерживать чудовищные перегрузки при быстром изменении направления. Металл флагмана протестующе застонал, кровь снова хлынула в голову Чейна, когда иглообразный корабль быстро свернул в сторону.

Каждый варновский крейсер помчался к своему определенному месту в маневре, который был под силу лишь Звездным Волкам и который так часто ими отрабатывался, что они могли сделать его даже во сне. На глазах мчавшихся на них каяров варновские корабли образовали гигантский конус.

Каяры были не в состоянии столь быстро отреагировать, и вся их дезорганизованная масса вкатилась прямо в гигантский конус. Половина их кораблей тут же была уничтожена, попав под сосредоточенный огонь и град реактивных снарядов варновцев.

— Они прорываются! Огонь по ним!— орал Харкан.

Отправляя снаряд за снарядом с максимальной быстротой, Чейн успел заметить, что оставшиеся корабли каяров прорвали смертельный конус и понеслись прочь. Три варновских крейсера погибли от лобового столкновения с каярами.

Около двух десятков уцелевших от гибели судов каяров бросились наутек в направлении своей планеты.

— За ними!— приказал Харкан.— В три колонны!

Чейн наблюдал за всем этим сквозь кровавый туман, стоявший в его глазах в результате перегрузок.

И только сейчас с началом погони он понял, что его голову продолжала пронизывать острая боль от каярских лучей.

XVIII

Тридцать кораблей Звездных Волков низко летели над затененной планетой Хлан. Другие корабли эскадрильи, разбившись на отряды, ходили по орбите вокруг планеты, чтобы быть начеку в случае возвращения уцелевших каярских кораблей. Но пока ни один из них не возвращался.

Сейчас Чейн вел флагманский корабль. Считается, с иронией думал он, что я являюсь знатоком мира каяров. На самом деле он знал только расположение города, места сокровищниц, да то, как ему крепко досталось в прошлый раз.

— Будьте наготове,— сказал он.— Думаю, что скоро прибудем.

Летать низко над планетами — дело опасное. Но варновцы привыкли, это было частью их обычного рейдового мастерства. Привыкли они и к опасностям.

— Выглядит, словно вся изрыта какими-то рудниками,— сказал Венжант, всматриваясь в поверхность Хлана под ними.

Планета освещалась тусклым, кровавым светом, исходившим от старого, красного, затухающего солнца, которое было одной из немногих планет в этом созвездии, где едва теплилась какая-то жизнь. Внизу появился темный, каменистый, засушливый, безжизненный мир.

Чейн заметил отражение ярко-красного света, исходившее от огромных металлических конструкций, поднимавшихся из скалы.

— Автоматические рудники,— сказал он.— Я рассказывал вам, что на этой планете находятся огромнейшие запасы радита, именно они служат источником богатств каяров. На планете, наверное, несколько городов, но мне известен только один, к нему мы и приближаемся на большой скорости. Будьте наготове.

На горизонте планеты появилось мягкое сияние. Он узнал его сразу, хотя видел только на объемных фото Ирона.

Город каяров. Сверкающие металлические здания, купола, башни и минареты — все это купается в голубом свечении, которое, кажется, поднимается из самой земли. Эта иллюминация без каких-либо видимых источников, как ни странно, гармонично сочеталась с сумеречным светом затухающего солнца.

Со стороны города блеснула молния в направлении наступавших варновских кораблей. Только это была вовсе не молния, а мощный лазерный луч, разорвавший воздух близко перед варновцами. К нему тут же подключились другие лазерные батареи, и корабли Звездных Волков теперь летели в зону лазерных молний.

— Включить станнерные установки,— твердо скомандовал Харкан всей эскадрилье через коммуникатор.

В хвостовой части корабля загудело. И в тот же самый момент два лазерных луча скрестились на одном из варновских крейсеров как раз позади флагмана, послав этот крейсер кувыркаться вниз.

— Станнер включен,— доложил инженер.

Тридцать кораблей Звездных Волков летели широким фронтом. И теперь от каждого из них шли к планете вееры невидимых мощных импульсов.

Эти импульсы были точно такими же, что производятся небольшим ручным станнером, который каждый варновец имел у себя на поясе. Но теперь из источниками были не маленькие ручные зарядные устройства, а мощные силовые установки на каждом корабле. Все внизу под кораблями оказалось под воздействием парализующей, ошеломляющей силы.

Пролетая над улицами ярко сиявшего металлического города, Звездные Волки видели, как бежавшие в мантиях фигуры падали от станнеров и оставались неподвижно лежать.

Это была старая рейдовая тактика Звездных Волков. Ведь если по прибытии на какую-то планету пустить в ход реактивные снаряды и лазеры, то можно уничтожить не только много людей, но и добра, ради которого затеян рейд.

Варновские корабли шли над городом, и лазеры, бившие по ним отсюда, теперь бездействовали. Чуть позднее Чейн с огромным облегчением почувствовал, что острая боль в его голове исчезла.

Харкан грубо выругался:

— Выходит, что мы достали того, кто поливал нас этими проклятыми болевыми лучами! Жаль только, что нет времени его схватить и прикончить.

— Берегитесь!— крикнул Чейн.

Мощный пучок лазерных лучей неожиданно ударил со стороны звездопорта, к которому они приближались. Чейн инстинктивно отвернул корабль, и лучи прошли мимо.

Но один из варновских кораблей погиб. Лучи пробили его щиты и он упал, кувыркаясь, на землю. Харкан разразился проклятиями. Они прочесали звездопорт и подавили лазерную батарею.

— Будь прокляты эти люди!— сказал Венжант.— Мне хочется убивать их, а не оглушать.

— У нас не хватит для этого энергии. Мы и без того ее широко тратим,— ответил Харкан.— А так-то я с тобой согласен.

Чейн пожал плечами.

— Я не против того, чтобы они использовали лазеры, хотя и не могу сказать, что это мне нравиться. Но когда я вспоминаю, как они терзали мои мозги этим болевым лучом, я тоже с вами согласен.

— Хорошо,— заявил Харкан.— Поворачиваемся и садимся в этом звездопорте. Там, наверное, остались неподавленные точки, но мы с ними справимся.

Он отдал приказ остальным силам эскадрильи и затем запросил корабли, которые вели наблюдение на орбите:

— Есть что-нибудь?

— Ничего,— последовал ответ.— Уйдя из боя, каяры где-то приземлились и спрятались.

— Хорошо,— сказал Харкан.— Спускаемся и берем добычу.

Они начали спешный спуск на звездопорт и под черным беззвездным небом в полутемноте совершили посадку. Они быстро вылезли из корабля и вслед за ними по всему звездопорту высокие золотистые варновцы с сияющими глазами начали стремительно вываливаться из утроб других кораблей, чуя своими ноздрями запах хорошей добычи. Чейн словно возвратился в свое прошлое после первого рейда: разве может быть что-нибудь лучше во всей Галактике, чем походы со Звездными Волками?

— Вынимайте сани и вперед!— приказал Харкан.

К своим рейдам Звездные Волки всегда тщательно готовятся. При нападении на какой-нибудь мир они хватают то, что им нужно, и быстро улетают. Незаменимую роль тут играют сани.

Фактически это не сани, а узкие продолговатые, плоские ховеркрафты, которые вставляются один в другой и крепятся в корпусе корабля близко к выходу. Чейн помогал их выгружать из корабля и вынимать друг из друга.

Затем он вскочил на передок одного из ховеркрафтов, развернул в стоячее положение лазер средне-сильного действия, включил управление. Сани приподнялись на несколько дюймов над поверхностью звездопорта, взметнув пыль своими реактивными струями.

Венжант остался охранять корабль, а все остальные на санях устремились к городу. Никто не ждал лидера, чтобы следовать за ним; все мчались в полутемноте по территории звездопорта как попало, перекрикивались и пересмеивались между собой.

Чейн ощущал приподнятое, сильное возбуждение, как всегда бывало в подобных случаях. Но сдержал себя. Теперь он быстро приближался к критической точке всей своей борьбы.

— Туда!— орал Харкан со своих мчавшихся саней, показывая на голубое свечение, которое поднималось в темноту, с красноватым оттенком небу.

Они подъехали к невысоким зданиям на окраине города, блестевшего металлом в голубом свете. Воздух стал ощутимо теплее, когда они вступили в зону голубого свечения. Все понеслись к высоким башням, которые ярко сверкали в центре небольшого города. Чейн теперь стал слегка отставать от других варновцев, но делал это не слишком заметно.

На передках саней находились лазерные установки, на поясе у каждого варновца был станнер, но не было необходимости прибегать к оружию. Каяры лежали там, где упали,— на улицах, в зданиях. Выглядели они чистенькими, аккуратными, заснув в своих длинных мантиях, и сани, пролетавшие над ними, не причиняли им ни вреда, ни беспокойства.

Чейн хотел, чтобы у него было время разыскать каяра по имени Вланалан, который истязал его вместе с Дайльюлло и Гваатхом.

Но забрать у них наворованное добро — это, наверное, будет достаточной местью,— подумал он.

Варновцы хлынули в металлические башни. И вскоре, начали выходить оттуда с первой добычей. Хохоча и крича, в руках у них были драгоценные камни и металлы, бесценные скульптуры, все дорогие великолепные богатства, которые каяры наворовали с самых отделенных миров Галактики.

Здоровенные варновцы, сила которых на этой маленькой планете неимоверно возросла, побросали трофеи валом в сеточные сумки, которые с собой захватили, водрузили сумки на сани и отправились на корабль, чтобы выгрузить все это и потом помчаться за новой партией добычи.

Не привлекая к себе внимания, Чейн спокойно направился на санях вокруг площади к небольшой, менее броской башне, запомнившейся ему по объемным фото. Звездные Волки сюда еще не добрались. С быстро коло-

тящимся сердцем Чейн взбежал по лестнице, распахнул широкие двери и ворвался в круглую, высокую комнату, которую не мог не запомнить.

Это была именно та комната, уведенная на объемном фото,— с черными стенами, на которых висели черные шелковые портьеры. Здесь все было сделано так, чтобы выделить одну вещь, которая находится в комнате.

Он увидел Поющие Солнышки и услышал их музыку.

XIX

Очень давно на Земле человек по имени Платон смотрел на небесные планеты и потом ему приснился сон, будто бы при своих величавых движениях каждая из планет производит восхитительную музыку.

Много веков спустя в одном из далеких от Земли Галактических миров выдающийся мастер культуры смотрел на звезды и увидел точно такой же сон. Будучи выдающимся человеком не только в области культуры, но и в науке, он создал Поющие Солнышки. Мир, где он жил и творил, со временем пришел в упадок, его мастерство было предано забвению, а сам он умер задолго до того, как более широкая Галактическая жизнь вторглась на его родную планету; теперь уже никто никогда не создаст подобную вещь.

Они же действительно поют, восхищенно любовался Чейн, и на его темном, пылающем от восторга лице было написано такое благоговение, которого никому не доводилось здесь видеть.

Их было сорок, сорок драгоценных камней, представляющих сорок самых величественных звезд. Камни были созданы искусственно, но перед их ярким великолепием бледнели все натуральные камни. В каждый из этих камней был встроен крошечный миниатюрный генератор, получающий энергию от почти неувядаемого источника — трансуранового горючего. И эти генераторы питают невидимую ткань силы, которая держит Солнышки вместе, управляет их движениями и вырабатывает электронные звуки, создающие их музыку.

Драгоценные камни двигались в замысловатой манере, в своеобразном танце звезд, который казался вначале слишком сложным, чтобы его можно было воспроизвести. Красные, зеленые, золотисто-желтые, ярко-голубые — они вплетали свои неторопливые движения в математически точно рассчитанный рисунок. Вся подвижная конструкция Солнышек была только около четырех футов в диаметре, но впечатляла непрерывными измерениями: и темно-красный камень-звезда проходил мимо двух золотистых камней, то прозрачный голубовато-белый камень нежно скользил над зеленоватым.

И камни пели. От каждого из них исходила только ему присущая нота чистого, производимого электронным способом звука, ритм которого то усиливался, то замедлялся. Полифония камней непрерывно изменялась вместе с изменением рисунка их движений. Но в том и состоит чудо творения великого мэтра культуры и науки, что как бы ни изменялось сочетание звуков, оно всегда было музыкой.

Чейн стоял завороженный. Разве мог тот, кто странствовал по звездной Галактике, остаться равнодушным к этой удивительно яркой, изменяющейся, поющей имитации великих звезд. Чейн знал очень хорошо некоторые из них — ослепительно красную Бетельгез, бело-пламенную Ригель, блистательно золотистую Алтарь. Словно в миниатюре перед ним предстала вся непрерывно изменяющаяся, сияющая Галактика, впечатление от которой усиливалось сладкозвучной музыкой, и Чейну показалось, что он не стоял здесь и не смотрел на этот мобайл, вечно движущийся механизм, а летел вырвавшимся из плоти духом над просторами Вселенной.

Громкий крик какого-то варновца неподалеку от здания вывел Чейна из завороженного состояния. Во время рейдов у Звездных Волков нет времени предаваться грезам!

Когда варновцы увидят это у меня, подумал Чейн, они взбунтуются.

Он выскочил наружу и втащил сани через открытые массивные двойные двери. Затем ухватился за основание мобайла.

Сооружение казалось тяжелым, но на этой планете со слабой гравитацией Чейну вполне хватило собственных сил. Ему удалось опрокинуть на себя основание Поющих Солнышек, донести до саней и прочно закрепить все там. Пока он делал это, находившиеся в нескольких дюймах от его глаз камни-Солнышки продолжали плавно исполнять свои замысловатые движения и услаждать своей музыкой.

Уложив все надлежащим образом, Чейн сорвал со стены одну из черных шелковых портьер и накрыл ею Поющие Солнышки. Затем вытащил сани из здания, сел в них и помчался.

Освещенный голубым ореолом город каяров представлял сейчас странную картину. Высокие, горластые, золотистые варновцы потрошили каярские сокровища. Опьяненные добычей, которой они набивали свои сани, Звездные Волки орали и хохотали.

А оглушенные каяры по-прежнему лежали в своих длинных мантиях, и не ведали, что от них навсегда уплывает красота, которую они заполучили заговорами, воровством и пытками. Чейн был страшно рад этому, еще раз вспомнив нестерпимую боль, которую каяры причинили ему и его двум товарищам.

Вырвавшись на санях из города, он на предельно высокой скорости помчался к звездолету. Пересек границу круга с голубым свечением и снова оказался в полутемноте под мрачным черным небом. На дороге он встретил варновцев, которые выгрузили на корабль первую партию до-

бычи и теперь возвращались на санях за новыми трофеями. Водители саней восторженно приветствовали его.

Прибыв в звездопорт и виляя между маленькими кораблями Звездных Волков, Чейн заметил на некоторых из них все еще шла погрузка добычи. С рискованной скоростью в полутемноте он направился к флагману.

Перед кораблем, словно ожидая его, стояли в тени две высокие темные фигуры варновцев.

Венжант.

И Харкан.

Мгновенно Чейн почувствовал, что назревает беда. Харкан не должен был находиться здесь; ему следовало быть в городе и следить за ходом операции.

Чейн остановил сани и слез. Харкан резко произнес:

— Любопытно, Чейн. Я заметил, что ты ускользнул ото всех куда-то, и я хотел бы знать, за чем это ты погнался.

Чейн пожал плечами.

— Совет предоставил мне право взять один любой понравившийся мне богатый трофей. А что вас, собственно, беспокоит? Разве я не привел вас к самой большой добыче, какой Варна не видела многие годы?

— Добыча прекрасная,— ответил Харкан.— Настолько прекрасная, что меня поразило: почему это ты прошел мимо нее и устремился за чем-то другим. Что у тебя в санях?

Ну, что ж, подумал Чейн, я знал, что рано или поздно мне придется туго, может быть это и произойдет сейчас.

Он наклонился вперед и обеими руками потянул на себя черную шелковую портьеру.

И Харкан, и Венжант застыли от удивления, увидев в санях величественное творение.

— Поющие Солнышки,— медленно произнес Харкан, недоверчиво качая головой.— Они же были разобраны и частями проданы; и вот они теперь здесь... второй раз в варновских руках.

Чейн, все еще державший уже ненужную черную портьеру, поправил его:

— В моих руках. Я претендую на Солнышки согласно представленному Советом праву.

Харкан медленно перевел изумленный взгляд с поющих драгоценных камней на Чейна. Его лицо рассвирепело, а раскосые глаза стали похожи на раскаленные угли.

— О, нет,— вскричал он.— Не хватало еще того, чтобы какой-то чужеземный ублюдок забрал все это себе.

— Совет дал право,— начал Чейн, но Харкан пришел в ярость:

— К черту право Совета. Мы, ранрои, все равно должны прикончить тебя после возвращения на Варну, так может это лучше сделать сейчас!

Чейн привел в боеготовность станнер. Он незаметно вынул его из-за пояса, прикрывая черной портьерой, которую держал в руках. Харкан и

Венжант в это время изумленно и жадно глазели на мобайл. Станнер издал неприятный жужжащий звук, и его луч прошел сквозь материю так же легко, как через воздух. Харкан и Венжант оцепенели и упали.

Чейн отбросил в сторону портьеру, которая служила прикрытием, и процедил двум неподвижным фигурам:

— Следовало бы, конечно, поставить станнер на смертельный вариант, но мне и без этого хватает распри с ранроями. Поспите, друзья мои.

Он бросил быстрый взгляд вокруг. На некоторых, не очень далеко стоящих кораблях шла погрузка привезенного на санях добра, но среди шума, радостной возбужденности и полумрака никто, видимо, не заметил того, что произошло около флагмана.

Чейн наклонился, оттащил Харкана, а затем и Венжанта, на небольшое расстояние от корабля, набросил на них черную портьеру.

Двери с воздушным замком были открыты на флагмане. Они были очень широкими, во всяком случае, достаточно широкими, чтобы в них прошли сани. Звездные Волки, покидая какую-нибудь планету с грузом добычи, всегда стремились это делать максимально быстро. По подъемному мостику Чейн загнал сани в корабль, в заднюю часть главного отсека. Там имелись специальные зажимы для саней и в мгновение ока ценнейший груз был надежно закреплен. Солнышки сверкали, пели и невозмутимо продолжали свои танцы.

Чейн вскочил в пилотское кресло, нажатием кнопки закрыл все двери корабля и включил силовую установку. Как только этот агрегат набрал минимально достаточную мощность, Чейн круто поднял в воздух маленький корабль.

Направляясь в беззвездное небо, он бросил взгляд вниз и увидел обращенные к нему изумленные лица. Пройдет немного времени, подумал Чейн, и кто-нибудь наткнется на Харкана и Венжанта. Но потребуется немало времени для того, чтобы привести их в сознание, а этого времени, как он надеялся, хватит, чтобы скрыться с Солнышками.

Маленький корабль стрелой уходил от темного Хлана, и Чейна внезапно охватило дикое возбуждение. Ему удалось похитить Поющие Солнышки как у проклятых каяров, так и у Харкана.

Он совсем не планировал того, что произошло. Он предполагал, что у него не будет иного выбора как вместе с Харланом возвратиться на Варну и оттуда сделать попытку ускользнуть с Солнышками, пока его не прикончили ранрои. У него не было ни малейшего желания поочередно сражаться то с одним, то с другим ранроем, до неизбежной гибели. Он считал чудовищно несправедливым, что этих ранроев сотни, а он совершенно один.

Но своим неожиданным приступом ярости Харлан изменил план Чейна, и Чейн, как подобает Звездному Волку, изменил свою тактику прямо в середине прыжка.

Отлично, размышлял он. Это немного лучше... во всяком случае, до сих пор. Но что, если они засекут меня?

С этой проблемой ему неизбежно придется столкнуться, но не сейчас. Сейчас его первейшая задача — вырваться из темного, переполненного созвездия и перейти в сверхскоростной режим.

Через хаос пепельных солнц и черно-каменных планет Чейн направил свой корабль не к Ритху, а к Отрогу Арго, то-есть взял курс на Варну.

Звездные Волки там, на Хлане, хватятся его, удивятся, какого чёрта один варновский корабль поднялся раньше времени и куда-то направился. Так что будет лучше ввести их в заблуждение своим курсом, хотя в глубине души он понимал, что ни один Звездный Волк не прибег бы к столь неуклюжему обману. Но сейчас ничего иного он придумать не мог.

Переходить на сверхскоростной режим вблизи небесного тела любого размера — дело опасное. Это делалось, но не очень часто. Обычно гравитационное поле нарушало сверхскоростной режим, в результате чего корабль разрушался.

Чейну всегда хотелось попытать счастья, но ему казалось, что нет нужды подвергать себя риску самоубийства. Он поставил корабль на высшую скорость обычного режима и, глядя в иллюминатор, подумал, что никогда снова не пожелал бы оказаться в этом проклятом маленьком скопище потухших звезд и траурных планет.

Наконец, он выбрался из созвездия и перед ним теперь далеко впереди протянулось огромнейшее побережье неяркого огня. Это был Отрог Арго. Удалившись на достаточно безопасное расстояние от проклятого созвездия, Чейн перевел управление на сверхскоростной режим.

Но прежде, чем сделать это, он бросил взгляд на экран, показывающий заднюю сферу. Там были четыре всплеска, и он понял, что переоценил время, которое отпустил Харкану на возвращение к сознанию.

— Вот результат мягкости, о которой все время твердит мне Джон,— пробормотал Чейн.— Зря я не использовал смертельный вариант в станнере.

За ним гнались преследователи.

XX

Это был мертвый, темный, безвоздушный мир, совершенно пустой и бесполезный, но здесь можно было спрятаться. А Чейн этого и хотел.

Корабль был уже в глубине Отрога Арго, когда Чейн принял решение на приземление. Ему были понятны горечь и ярость, с которыми Харкан и все его родственники по клану Ранроя будут прочесывать космос в погоне за ним и выжидать момент, когда он выйдет из сверхскоростного режима, чтобы обнаружить его и атаковать.

Он не сможет бороться с четырьмя крейсерами, даже с одним крейсером. Ведь он был всего лишь одним человеком, а не экипажем, и если он мог обеспечить движение корабля, то вряд ли смог бы одновременно маневрировать кораблем и вести бой. Наилучший шанс для него сейчас — это спрятаться, и мертвая планета, вращающаяся вокруг гигантской красной звезды, выглядела наиболее подходящим местом, которое можно успеть найти за это время.

На экране пока еще не было сигнальных, предупредительных импульсов. Но он знал, что лучше не медлить.

Из сверхскоростного режима Чейн вышел, когда был над обратной стороной мертвой планеты с тем, чтобы её масса служила экраном против варновских радаров. И сразу же начал неистово искать залежи металлических руд. Обнаружив с помощью анализатора залежи металла, Чейн немедленно посадил там корабль.

Посадка была рискованной, на дно узкой балки между блестевшими каменными стенами. Корабль сильно ударился, но выдержал испытание. Чейн надел костюм и гермошлем, открыл замок двери и вылез наружу. Забравшись на одну из каменных стен, он с помощью прихваченного портативного лазера стал обрушивать на корабль мелкие куски породы в надежде, что не потревожит какой-нибудь крупный валун, который, скатившись вниз, мог бы повредить судно. К счастью этого не произошло. Чейн умело действовал лазером, и вскоре верхняя часть корабля покрылась густым слоем мелких камней и пыли.

Конечно, подумал Чейн, это не очень-то совершенная маскировка, но должна сработать. Обломки руды, содержащие тяжелые металлические вкрапления, должны оттеснить корабль на задний план и сделать его более или менее неотличимым от окружающей местности. Ранрои, конечно, предпримут поисковый маневр в помощью своих анализаторов, но варновские анализаторы не очень совершенные научные инструменты, это скорее просто приспособления, предназначенные для обнаружения кораблей в засаде и тому подобного. Если повезет Чейну, то ранрои просто пометят район металлических ископаемых и проследуют дальше.

Если повезет...

Сидя в замаскированном корабле и следя за экраном, Чейн усмехнулся. Повезет. "Если нам повезет, они уйдут". Так много лет назад говорил Нимурун, когда его отряд, совершавший рейд на Плеяды, чуть не был схвачен, и Звездным Волкам пришлось прятать свои корабли в отвратительных металлических руинах разрушенной войной планеты. Да, тогда им повезло, и все, что он мог предпринять теперь, так это надеяться на то, повторение счастья, попивая варновское вино и следя за экраном.

Пока на экране ничего не было. Но Чейн был уверен, что варновцы придут сюда. В своих поисках они могут быть очень терпеливы и очень дотошны.

Он повернулся, взглянул на Поющие Солнышки. Здесь в замкнутом пространстве корабля их музыка звучала громче, но по-прежнему мягко. Она непрерывно менялась в своих мелодиях, но всегда оставалась гимном красоте огромных солнц, величию и сверкающему великолепию могучих звезд — хозяев космоса.

А Солнышки двигались в своем бесконечном, удивительно красивом, неимоверно сложном танце, и, когда Чейн вдоволь налюбовался ими, он испытал то же самое состояние, которое почувствовал, впервые увидев Солнышек на Хлане: ему почудилось, что он оказался среди них — нет, не поющих драгоценностей, а пылающих гигантов, чья мощная звездная песнь заливала весь космос.

Что это, гипнотический эффект? Нет, Чейн так не считает. Солнышки не нуждаются в таких трюках как гипноз. Это попадая под влияние их красоты и прелести звука человек становится пленником грез.

Но лучше быть подальше от плена, подумал Чейн, и снова уставился на экран.

Он весь напрягся. По экрану скользили два импульса. Два корабля на высокой скорости вышли на орбиту этой мертвой планеты, делая знакомый поисковый маневр. Чейн знал, что их анализаторы, настроенные на обнаружение металла, будут прощупывать широким веером пространство в попытке отыскать металлический корабль, лежащий под разрушенной породой.

Импульсы быстро запрыгали, и Чейн прошептал: "Ничего тут нет, кроме залежей металлической руды, ребята. Жмите дальше".

Они ушли дальше. Но было неизвестно, то ли их обманули залежи руды, то ли они спустятся для проверки.

Минуты шли одна за другой. Солнышки нежно пели о красоте и мощи космоса, о начале и конце, о жизни звезд, которую люди никогда не смогут познать.

На экране снова появились два всплеска. Корабли летели на юг, продолжая поиск. Они не спускались, и Чейн облегченно вздохнул.

Он продолжал следить, как они завершали свой поисковый маневр над планетой. Наконец, два всплеска совершенно исчезли с экрана. Корабли ушли.

Чейн не стал ничего предпринимать. Он продолжал сидеть, подливать себе золотистого вина и слушать пение Солнышек.

С ранроями еще не было кончено.

Харкан и его небольшая эскадрилья не покинут этот район Отрога Арго, пока тут все не перетрясут. Это уж наверняка. Ведь Харкан не захочет возвратиться на Варну с признанием, что его клановый враг, проклятый землянин, провел его за нос, использовав рейд в своих целях, чтобы завладеть Поющими Солнышками, и исчез вместе с ними на собственном корабле Харкан. Нет, Харкан не может пойти на такое унижение, даже несмотря на то, что из рейда на родину будет доставлена богатейшая добыча, о какой Звездные Волки и не мечтали.

Как будет хохотать Беркт, услышав об этом, подумал Чейн. Как вся Варна будет покатываться от смеха!

Но этому хохоту никогда не бывать, если Харкан сумеет настигнуть его. Он и его ранроевские корабли, вцепившись мертвой хваткой, будут настойчиво продолжать поиск.

Может быть стоит покинуть эту планету и попытаться ускользнуть, пока ранрои не возвратились для нового поиска? Но Чейн тут же отверг возникшую мысль. Именно этого и ждут варновцы: их предварительный поиск ставил целью выманить его, побудить к побегу, в котором его обнаружат и будут преследовать. Нет, укрывшись здесь, он сделал свою ставку и будут продолжать игру до конца.

Чейн пил, ел, спал и ждал. Он ни разу не выходил из корабля. Нельзя было что-либо хоть как-нибудь потревожить.

Прошло немало дней, и на экране снова появились два всплеска. Два корабля снова выполнили над планетой тот же самый поисковый маневр, что и прежде. Чейн знал, что анализаторами будет взята новая проба и ее данные будут сопоставлены с первой. Если хотя бы один маленький объект по местоположению и другим данным не будет соответствовать первой пробе, корабль совершит посадку и будет сделана проверка местности.

Два корабля закончили поиск местности и снова улетели. Но Чейн по-прежнему не предпринимал движений. Этот район Отрога Арго был огромным пространством для поисков, и ранрои тут еще долго будут кружить.

Чейну, как и всем Звездным Волкам, ненавистны выживание и безделье. Но, если требуется, они терпеливо их переносят, поскольку в их опасной профессии бывают времена, когда это необходимо.

Солнышки продолжали петь. День изо дня он смотрел на них, слушал, и ему стало казаться, что повышением и понижением тона музыка произносит слова, но не те несовершенные, что используют люди, а чистые, безупречные слова звезд.

О чем же говорят звезды на своем серебристо-певучем языке? О рождении Вселенной, когда взрыв дал им жизнь? О могучих реках энергии, протекающих между ними, о закате и смерти старых товарищей, об ужасной и величественной судьбе новых звезд, о едва доходящих через межгалактический вакуум посланиях далеких братских гигантов?

Чейн размышлял обо всем этом, но на этот раз не давал своим думам прерываться пристальным наблюдением за экраном. И вот наступил момент, когда он увидел пять слабых далеких всплесков, которые стали удаляться по направлению к Варне.

Чейн задумался. "Итак в конце концов ты отказался от дальнейших поисков, Харкан? Бьюсь на что угодно: тебя заставили это сделать экипажи твоих кораблей".

Чейн хорошо знал Звездных Волков и представлял себе, что происходило в этих экипажах, как рвались они на Варну, чтобы отпраздновать один из самых богатых в истории рейдов; им было наплевать на кровную месть ранроев и личные распри Харкана после всего пережитого!

Он подождал некоторое время для полной безопасности и приступил к делу. Надел костюм и шлем, снял с защелок сани с Солнышками и вытащил их через большой запорный механизм корабля наружу в вакуум.

Ослепляющий свет красного гиганта высвечивал поверхность узкой каменной долины. Чейн поехал на санях вдоль долины и спустя несколько миль отыскал нужное место.

Это была глубокая пещера у основания одного из окружающих утесов. Она была образована не эрозией — этот мир никогда не имел атмосферы,— а взрывом газов, создавшим пузырь при формировании планеты. Вверху над пещерой на крутой стене утеса был большой каменный выступ.

Чейн вкатил сани в глубь пещеры. Снял с них Поющие Солнышки и поставил на камень. В темноте они по-прежнему сияли божественной красотой, но в беззвучном вакууме нельзя было слышать их музыку.

Оставив Солнышки в пещере, он задним ходом вывел сани наружу. Затем лазер, смонтированный на санях, он направил на выступ утеса и его лучом совершенно беззвучно врезался глубоко в породу. Наконец выступ утеса оторвался, упал и прочно закрыл ход в пещеру.

Чейн тщательно записал расположение пещеры и отправился к кораблю.

Когда все было готово, он смелым рывком поднял корабль. Стартовать со столь ограниченного места, как эта балка, было почти самоубийственным риском, и Чейну надо было делать это быстро или не делать вообще.

Ему это удалось. Распрощавшись с мертвой планетой и обойдя стороной ярко полыхающее красное солнце, Чейн взял курс на Ритх.

XXI

На ночной стороне планеты Ритх, где находилась небольшая столица Ирона, свирепствовала буря. На частые бури здесь Чейн и делал ставку, не снижая свой корабль до тех пор, пока не удостоверился, что начинается очередная затяжная буря.

Корабли Звездных Волков безошибочно отличались от других своими небольшими размерами и иглообразной формой, предназначенной для того, чтобы выдерживать нагрузки при неожиданных поворотах, да-

вавших варновцам большое преимущество в космосе. Можно было не сомневаться, что, если корабль Звездных Волков приближался к любой, кроме Варны, планете, его встречали градом реактивных снарядов.

У Чейна уже был опыт того, какую чертовщину проделывают сильные грозы с радарами и сканнерами, и он рассчитывал, что в такую отвратительную погоду сможет сесть в звездопорте незамеченным.

Снижение он произвел нормально, но сплошной ливень исключал возможность визуального обзора. Что же касается приборов, то из-за грозы они оказались бесполезными. В результате всего он плохо выполнил само приземление и был рад, что никто этого не видел.

Боясь внезапного окончания бури, он быстро взялся за дело. Поставил корабль на автоматическую программу с тем, чтобы через три минуты тот мог подняться с курсом на Варну, обходя на своем пути любое небесное препятствие. Чейн был бы навсегда проклят, если бы дал возможность варновскому кораблю с его секретами попасть в руки врага.

С ухмылкой он открыл замочный механизм и вышел из корабля.

"Ну и глупо же будет выглядеть Харкан, когда его корабль пустым придет домой вслед за ним!"

В лицо ударил сильный дождь и смыл ухмылку. Под чудовищным ливнем Чейн двинулся вперед, вскоре лишь приглушенно услышав, как оставленный им корабль поднялся в воздух. Чейн надеялся успеть добраться до какого-нибудь административного здания прежде, чем буря измотает его.

Спустя пару часов Чейн сидел в большой холодной неуютной комнате, в той самой, где не слишком давно совершил ночную кражу. Двое низкорослых краснокожих охранников не сводили с него глаз. Они смотрели на него с кровожадной ненавистью, и ему подумалось, что должно быть это те самые охранники, которых он тогда оглушил и связал.

Вошли Ирон и Дайльюлло. Дайльюлло бросил на него мрачный, холодный взгляд.

— Итак, ты снова с нами. Не правда ли? — сказал он.

— Спасибо за такое приветствие, Джон,— ответил Чейн.— Судя по твоему внешнему виду и тому, что ты опять обрел привычный веселый нрав, думаю, что ты выздоровел.

Ирон скрестил руки на груди и свирепо уставился на Чейна. Но увидев, что Чейн не обращает на него внимания, маленький краснокожий король неожиданно заорал:

— Ты украл мое поисковое судно! Где оно?

Чейн улыбнулся:

— Очень далеко. Думаю, что тебе не придется когда-либо снова его увидеть.

Ирон выругался.

— Люди из звездопорта сообщили, что, как они полагают, тебя высадил корабль, который тут же отбыл. Что это за корабль?

— Корабль Звездных Волков,— ответил Чейн.

Ирон удивленно вытаращил глаза. Но Дайльюлло посмотрел на Чейна теперь уже теплым взглядом.

— Чейн, ты побывал дома, на Варне? И вернулся живым? Как это было?

— Это было и чудесно, и опасно,— ответил Чейн.— Но я чертовски рад, что побывал там.

Их гневно прервал Ирон.

— От вас, наёмников, одно несчастье с тех пор, как вы тут появились. Оно окончится, когда вас затребуют каяры, и я им передам всех вас. Мне наплевать, если они посадят вас на медленный огонь.

— Успокойся, Ирон,— сказал Чейн.— Каяры теперь долго никого не потревожат, в том числе и тебя. Эти милые, чокнутые, счастливые при виде пытаемых жертв, любящие красоту люди разбиты в пух и прах, а их мир полностью разграблен, и я думаю, что ты долго от них ничего не услышишь.

— Разбиты? С их-то обороной? — вскричал Ирон.— Ложь, ложь. Кто мог это сделать?

— Это сделали Звездные Волки,— сказал Чейн, блеснув зубами.— А я привел их туда.

Он повернулся к Дайльюлло:

— Мы в самом деле почти никого там не убили, Джон. Но почистили их на славу, отплатили за те шутки, что они творили с нами.

— Такие богатства!— воскликнул Ирон.— А Поющие Солнышки? Что с ним стало?

— Я взял их,— ответил Чейн.

Ирон снова начало орать:

— Ложь, ложь! У тебя ничего не было, совершенно ничего, когда ты высадился на Ритхе.

Чейн подтвердил.

— Конечно, не было. Неужели ты мог подумать, чтобы я притащил их сюда для того, чтобы ты заграбастал их, а нас выставил под зад из этого мира? Человечек, я ведь не настолько глуп!

Ирон уставился на него, а затем громко расхохотался.

— Я знал,— сказал он Чейну,— знал еще в первый раз, как увидел тебя, что ты еще тот шельмец среди Звездных Волков!

Ирон подошел к Чейну, схватил за руку:

— Неужели ты сделал это? А? Расскажи, как?

Пока Чейн рассказывал Ирону, Дайльюлло слушал, наблюдал за лицом Чейна и молчал. А Ирон не переставал трястись от своего экзальтированного смеха.

— Поразительно, поразительно!— кричал он.— Но где же теперь Поющие Солнышки?

Чейн похлопал по его плечу.

— Ты славный королек, Ирон, ты вроде даже мне нравишься, но, пожалуйста, не оскорбляй меня вопросами, вроде этого.

Ирон не обиделся.

— Ну, что ж, я тебя могу понять. Так уж случилось, что у меня от рождения честная душа, но можно было ожидать, что ты и не знал этого. Скажи мне только: как и когда вы отдадите мою половину из двухмиллионного вознаграждения. Ведь такой была ваша сделка. Помните?

— Была,— сказал Чейн.— Но, если ты вспомнишь, сделка накрылась, когда с твоей информацией и на твоем корабле мы и близко не добрались до Солнышек. После этого она утратила свою силу, и ты был готов скормить нас каярам, если бы они того пожелали. Я прорвался на свободу, и теперь у нас будет новая сделка.

— Что за сделка? — спросил злобно Ирон, хитро насторожившись.

Чейн улыбнулся:

— Я не злопамятен. Когда Солнышки будут возвращены на Ачернар, ты получишь одну десятую от вознаграждения.

— Одну десятую? — начал ругаться Ирон на родном языке.

— Переведи мне это на галакто, если хочешь, чтоб дошло до меня,— сказал Чейн.

Ирон полностью утратил свое хорошее настроение. Лицо стало каменным, злым. Он сверкнул глазами на Чейна.

— Отлично,— сказал он.— Я пытался все время быть джентльменом в этом деле. Но ты спрятал где-то Солнышки, чванливо явился сюда и думаешь, что одержал верх. Ты забыл, что ты у меня в кулаке. На Рихте поработают с тобой всего лишь несколько часов, и ты пролепечешь все, что знаешь о Солнышках.

Чейн отрицательно повертел головой.

— Не выйдет. Никто никогда ничего не добывал от Звездного Волка пыткой. И знаешь почему? Потому, что для сохранения секретов Варны каждый Звездный Волк перед уходом в рейд вставляет под кожу капсулу с особым составом. Все, что мне нужно сделать, это надавить на кожу в определенном месте, и тогда мое тело становится совершенно не восприимчивым к боли; целый день меня можно резать как угодно и я ничего не почувствую.

Ирон ошалело уставился на него:

— Неужели это правда?

— Нет,— сказал Чейн.— Это огромнейший блеф и неправда.

И расхохотался. Ирон тоже к нему присоединился.

Дайльюлло вскочил со своего кресла.

— Избавь меня бог от каких-нибудь сделок с людьми, которые все превращают в потеху.

— Успокойся, Джон,— сказал Чейн.— Думаю, что мы с Ироном понимаем друг друга.

— Конечно, понимаем,— сказало Ирон, возвратившись к прежней общительности. Он похлопал Чейна по спине.— Блеф или не блеф, но никто никогда не заставлял Звездных Волков выдавать секреты. Давай сядем и потолкуем как джентльмены.

Они сели за стол. Ирон приказал принести флягу с крепким ритхским вином, а спустя некоторое время еще добавить. Дайльюлло пил вино, но выглядел темной тучей. Скоро стало очевидно, что Ирон пытался их споить. Но это не очень-то срабатывало. Дайльюлло много не пил. А у Чейна, вместе с Ироном опрокидывавшего бокал за бокалом, была крепче голова. Он то поддакивал Ирону, то со скукой отворачивался в сторону появившихся декоративных танцовщиц.

— Пятнадцать процентов,— заявил окончательно Чейн,— Абсолютно последнее предложение. Послушай, лучше иметь пятнадцать, чем ничего.

— Двадцать пять или я прикажу вас всех до утра уничтожить лазером,— ответил Ирон.

— Ни одного процента больше, даже сотой процента,— сказал Чейн и налил в бокалы вина.

— Послушайте,— вмешался Дайльюлло,— у меня болит голова, болит крестец, я устал слушать, как вы торгуетесь.

Он обратился к Ирону:

— Двадцать процентов или забудем обо всем.

Ирон задумался:

— Четыреста тысяч. Хорошо...,— И неожиданно добавил,— прибавьте к этому и стоимость украденного у меня судна.

— Согласен, это, видимо, справедливо,— заметил Дайльюлло.— Сколько за него хотите?

— Только не в Галактической валюте. Здесь, в Отроге Арго, мы ей не доверяем. Давайте в драгоценных камнях. Я передам их перечень.

— Да, еще одна деталь,— добавил Ирон.— Для того, чтобы вы не забыли возвратиться сюда с моей долей, я оставляю у себя Чейна. Он хороший собутыльник.

— Я был уверен,— сказал Чейн,— что вы будете настаивать на каком-нибудь маленьком условии. Хорошо.

Он посмотрел на Дайльюлло:

— Утром я объясню, где спрятаны Солнышки, и ты сможешь доставить их на Ачернар.

— Да уж сделай милость, подожди до утра,— сказал Дайльюлло.— Сейчас ты никому не в состоянии что-либо объяснить.

Утром Дайльюлло получил от Чейна координаты Солнышек на мертвой планете красного гиганта, и наёмники отбыли на своем корабле с Ритха.

Чейн остался. Он был гостем, почетным гостем, и краснокожие коротышки с лазерами следили за ним днем и ночью.

Чейн не находил свое положение приятным. Ирон каждый вечер пытался перепить его, но каждый раз это заканчивалось тем, что его голова лежала на столе. И почти каждый вечер после этого Чейн пытался завязать знакомство с какой-нибудь из танцовщиц, которые тянулись к нему, и боялись его.

Шли дни, недели по непрестанно бушующие бури, и Чейн уже начал немного скучать, как однажды корабль наёмников запросил посадку.

Из звездолета Дайльюлло прибыл один во дворец хитреца и положил сверток перед Ироном.

— Тут ваша доля,— сказал он.— Что касается драгоценных камней, то перепроверьте их, если хотите.

— Вообще-то я мог бы сказать: когда доверяю, то не проверяю,— ответил Ирон.— Однако, поскольку вы предлагаете...

Прошло два часа, пока эксперты Ирона проверили камни. Маленький краснокожий монарх произнес:

— Все в порядке.

— Я могу добавить,— сказал Дайльюлло,— на нашем корабле нет ни драгоценных камней, ни валюты, ничего другого ценного; поэтому вам нет смысла нас задерживать.

— Если бы я мог!— воскликнул Ирон.

Он похлопал Чейна по спине:

— Мне будет не хватать тебя, Звездный Волк. Желаю успеха.

— И я желаю тебе того же,— сказал Чейн.— Ты можешь теперь неплохо поживиться кое-чем из того, что осталось на Хлане. Их оборона разгромлена.

— Мне жалко прерывать трогательное расставание двух соратников-грабителей,— вмешался Дайльюлло.— Но если вы не возражаете...

В звездопорте он и Чейн вместе направились к поджидавшему их кораблю наёмников.

— Итак, ты побывал на Варне, снова участвовал в рейде со Звездными Волками,— сказал Дайльюлло.— Ну и как прошла твоя встреча с родиной? Так же как у меня в Бриндизи?

Чейн задумался.

— Ну не совсем так. Большинство людей, которых я знал, все еще живы. Но... туда я снова не вернусь.

— Н-да,— сказал Дайльюлло.— Ты моложе меня, и именно это внесло разницу.

И затем добавил:

— К черту всю эту ностальгию. Дом астронавта — космос. Пошли.

И они отправились в путь.

И их корабль взмыл в небо.

ПОБЕГ В ПРОШЛОЕ

Глава 1

— Вам уже лучше, правда?

Смазливая техсестра нагнулась над Писом, чтобы снять с его лба датчики, и ослепительно улыбнулась. Волосы техсестры отливали медью, а ногти были отполированы до совершенства, присущего только розовым лепесткам.

— Ну, не томите меня, ответьте же, как вы себя чувствуете?

Прекрасно,— автоматически ответил Пис, и тут же понял, что это действительно так. Он физически ощутил, как напряжение покидает его тело, и заменяется распространяющимся из его мозга теплым чувством благодарности и гармонии с окружающим миром. Расслабившись и поудобнее откинувшись на спинку мастерски сконструированного кресла, он со снисходительным одобрением обвел взором сверкающую операционную.

— Я чувствую себя изумительно!

— Я счастлива!

Девушка уложила датчики и ведущие к ним провода на крышку загадочной приземистой машины и толкнула ее. Машина бесшумно укатилась куда-то на резиновых роликах.

— Знаете, помогая таким людям, как вы, я чувствую, что живу не напрасно.

— Конечно, конечно...

— Это как...— Она снова улыбнулась, на этот раз смущенно.— Исполнение своего предназначения.

— Так оно и есть!

Затуманенным от счастья взором Пис мгновение смотрел на техсестру, но тут в его сознание вклинилась непрошеная мысль...

— Кстати... что ИМЕННО сделали вы для меня?

— Черт бы тебя побрал!— огрызнулась девушка и лицо ее побледнело от злости.— Тридцать секунд ты ждал, прежде чем задать дурацкий вопрос! Целых тридцать секунд! И как ты думаешь, сколько удовлетворения и исполнения предначертания способна честная девушка втиснуть в полминуты?

— Я... погодите ми...

Пис был настолько ошарашен внезапной переменой в собеседнице, что слова застряли у него в горле.

— Я же только спросил...

— Вот именно — спросил только! Неужели ты не можешь просто принять счастье в подарок и поблагодарить за него? Тебе тут же необходимо все проверить!

— Так объясните же,— молящим тоном произнес Пис,— что тут происходит?

— Ну-ка, подонок, выметайся отсюда!

Строевым шагом девица промаршировала к двери, мощным ударом распахнула ее и сказала кому-то невидимому:

— Сэр, рядовой Пис очухался!

— Тут какая-то ошибка,— пробормотал Пис, выбираясь из кресла.— Я не рядовой, я вообще не...

— Спорим?— издевательски прошипела девица, выталкивая его из операционной и с треском захлопнула дверь. Пис очутился в прямоугольном кабинете, стены которого были украшены разнообразными военными причиндалами и огромным небесно-голубым знаменем, по которому серебром было вышито:

КОСМИЧЕСКИЙ ЛЕГИОН
203 полк

За одиноким письменным столом сидел пухлый человечек в форме капитана Космического Легиона. На голубом ковре сверкал петушиный гребень — эмблема Легиона, он же украшал все до единого предмета обстановки кабинета, включая цветочные горшки. Молча кивнув в знак приветствия, капитан жестом указал Пису на кресло, на спинке и сиденье которого было вышито: "Космический Легион".

— Где я?— решительно потребовал ответа Пис.

— Поверите ли вы мне,— капитан стрельнул глазами по сторонам,— если я скажу, что в данный момент мы находимся в штаб-квартире Христианского Союза Девушек?

Нацеленная на Писа стрела сарказма промахнулась на несколько световых лет. Он взволнованно сказал:

— Та женщина, в операционной, назвала меня "рядовой"!

— Не обращайте на Флоренс внимания, она иногда бывает не в себе. Неблагодарная работа, знаете ли...

Пис облегченно вздохнул.

— А то я уже подумал, что сделал какую-нибудь глупость...

— Нет, вы не совершили ничего, что можно было бы назвать глупостью, уверяю вас.

Капитан принялся с величайшим вниманием изучать свои пальцы, словно пересчитывая, все ли на месте.

— Я — капитан Виджет, представитель Космического Легиона в этом городе.

— Когда я сказал, что мог сделать глупость,— пробормотал Пис, прислушиваясь к беспокойно звенящим в мозгу колокольчикам,— я имел в виду... что-то вроде вступления в Космический Легион.

Виджет спрятал лицо в ладонях, плечи его слегка задрожали. В таком положении он оставался примерно минуту, в течении которой Пис не сводил глаз с капитанской макушки. Наконец, сделав над собой невероятное усилие, Виджет выпрямился.

— Уоррен...— сказал он, можно я буду называть тебя просто Уоррен?

— Так назвали меня при рождении,— осторожно ответил Пис.

— Прекрасно! Так скажи мне, Уоррен, чем не нравится тебе Космический Легион?

Пис презрительно фыркнул.

— Вы что, издеваетесь надо мной. Я все слышал про них — их таскают из одного конца Галактики в другой... в них стреляют, они горят, мерзнут, их жрут всякие чудовища, их...

Пис внезапно замолк. Смутные подозрения превратились в уверенность — случилось нечто ужасное.

— Зачем мне вступать в Легион? Что я, рехнулся?

— Так ты не догадываешься?

— Конечно, нет!

— Вот и ошибаешься!— В голове Виджета появилась нотка торжества.

— О чем вы, капитан?

— Давай объяснимся, Уоррен.

Виджет налег всем телом на стол и, не заметив, что один локоть уютно устроился в набитой окурками пепельнице, уперся в Писа подозрительным взглядом.

— В давние времена, лет этак триста назад, люди записывались во французский Иностранный Легион. Зачем, как ты полагаешь?

— Знаете, капитан, я что-то не в настроении...

— Так зачем *они* вступали в Легион, Уоррен?

— Чтобы... забыть,— раздражительно ответил Пис.— Это общеизвестно, но я не вижу...

— А в наше время, Уоррен, в наше время, что толкает людей в Космический Легион?

— То же самое! Но мне-то нечего забывать!

— Верно, нечего!— довольный, что ему удалось довести свою мысль до собеседника, сказал капитан.— Ты уже забыл!

У Писа отвисла челюсть.

— Но это же бессмыслица! ЧТО я забыл?

— Если я скажу тебе, то все испорчу,— рассудительно ответил капитан.— К тому же, я просто-напросто не знаю, что было у тебя на уме, когда ты явился сюда полчаса назад. Легион не лезет в частную

жизнь своих людей. Мы не задаем вопросов, мы просто цепляем тебя к машине и... трах!.. все ушло в прошлое!

— Трах?

— Ага, трах! И непосильного груза как не бывало! Никакого чувства вины, никакого стыда!

— Я...— Пис пошарил в глубинах памяти и обнаружил, что не помнит, как явился на призывной пункт. Хуже того, он не помнил вообще ничего о своей прошлой жизни! Как будто его создали в операционной всего несколько минут назад!

— Что вы со мной сделали?— пробормотал он, ощупывая кончиками пальцев голову, Словно она была воздушным шариком, готовым лопнуть при неосторожном прикосновении.— Я ничего не помню! Где я жил? Что делал? Ничего не...

Виджет недоуменно поднял брови.

— Странно... Мы привыкли, что машина стирает из памяти последний день, от силы два... а потом убирает только специфические воспоминания... Должно быть, ты крепкий орешек, если не помнишь НИЧЕГО!

Значит... все, что ты делал в жизни — преступление!

— Ужасно!— прохрипел Пис.— Я не помню даже... как ее... свою мать!

— Вот это уже лучше,— сказал Виджет и откинулся на спинку кресла. Непонятно откуда в его пухлом лице появились черточки твердости и решительности.

— Знаешь, Уоррен, когда мне приходится обрабатывать в этом кабинете вполне приличных парней, совершивших в жизни одну единственную ошибку, мне становится как-то не по себе. Но с тобой все по-другому, не иначе ты был настоящим чудовищем... Но вдумайся только — тебе не придется смывать вину долгими годами тяжкого солдатского труда. Порадуйся тому, что теперь мы способны лишить человека памяти с помощью электроники, а Легион готов раскрыть тебе свои объятия...

— Довольно!— рыкнул на него Пис, обуреваемый страхом и желанием найти такое тихое местечко, где он может заставить свой мозг мыслить рационально. Он поднялся.

— Мне пора идти.

— Вполне естественное желание,— с улыбкой произнес Виджет,— но есть одна маленькая закавыка...

— Что такое?

Виджет взял со стола лист бледно-голубой бумаги.

— Контракт — он обязывает тебя отслужить в Космическом Легионе тридцать лет.

— Вы прекрасно знаете, что с ним нужно сделать,— ухмыльнулся Пис.— Я не подпишу его.

— Но ты уже подписал его! До того, как тобой занялась машина!

— Ничего я не подписывал!— Пис энергично замотал головой.— Во что вы меня втягиваете? Допустим, я ничего не помню о себе, но существует нечто такое, что я знаю совершенно твердо, а именно: я никогда, ни при каких обстоятельствах не подпишу ничего подобного, так что вы можете засунуть этот контракт себе в за...

Тут он замолк, потому что Виджет нажал какую-то кнопочку на вделанной в угол панели, и задняя стена кабинета превратилась в экран, а на нем появился высокий молодой человек с кукольно-розовой физиономией, широким ртом, голубыми глазами и светлыми, по модному выстриженными на темени волосами. Пис долго вглядывался в изображение, прежде чем набрался смелости признать в этом молодом человеке себя. Но себя — воплощение отчаяния. Глаза — тусклы и задумчивы, уголки рта опустились, а вся поникшая фигура и общий вид побитой собаки свидетельствовали о том, что дух его сломлен под грузом невообразимой тяжести.

Пис увидел, что его изображение рухнуло в кресло, взяло карандаш и подписало ту самую, несомненно, бумагу, которую сейчас с триумфальным видом держал Виджет. Появилась Флоренс, техсестра, и увела безразличного ко всему Писа, как служитель зоопарка уводит больного шимпанзе. Изображение на экране померкло и исчезло.

— Ну как, понравилось?— Виджет прикрыл рот ладонью и протяжно хрюкнул.

— Здорово! Да я сегодня без снотворного не усну! Можно посмотреть?— попросил Пис, протягивая руку за бумагой.

— Конечно!

Когда Виджет передавал контракт Пису, во взоре его появился блеск любопытства, словно он что-то предвкушал.

— Благодарю вас.

Пису понадобился один-единственный взгляд на контракт, чтобы убедиться, что он действительно подписан его рукой и отпечатан не на пластике, а на обычной бумаге. Довольно улыбаясь, он театральным жестом поднял его и приготовился разорвать пополам.

— Не рвать!— рявкнул Виджет, и странно, хотя в голове его звучала команда, он не сделал ни малейшей попытки отобрать документ у бунтовщика. Блеск в его глазах засиял с новой силой.

Пис презрительно фыркнул, но тут мозг его пронзила боль, к горлу подступила тошнота, а пальцы отказались двигаться.

Виджет указал пальцем на стол.

— Клади сюда!

Пис отрицательно покачал головой, но в то же самое мгновение его правая рука рванулась вперед и сама положила лист точно на указанное место. Пис все еще разглядывал свою руку, пораженный ее предательством, когда Виджет заговорил снова:

— Изобрази-ка мне петуха!

Пис затряс головой и закукарекал во всю мощь своих легких.

— А теперь как живого!

Продолжая кукарекать, Пис еще ожесточеннее замотал головой и принялся вышагивать по комнате, размахивая при этом руками.

— Достаточно!— скомандовал Виджет.— Сдается мне, что ты никогда не был фермером...

— Капитан...— промямлил Пис.— Что тут происходит?

— Сыт по горло?

В этот момент Виджет обнаружил прилипшие к его локтю окурки и целую минуту очищался, прежде чем указать Пису на кресло.

— Садись вот сюда и читай. Обрати особое внимание на третью статью. Контракт написан настолько простым языком, что его поймет любой кретин, но если у тебя появятся вопросы, не стесняйся, спрашивай.

Пис упал в кресло и взял контракт. Слегка смазанная ксерокопия гласила:

Космический легион

Контракт на тридцать лет.

Для добровольцев.

1. Я, Уоррен Пис, Гражданин Земли, обязуюсь отслужить в рядовом составе Космического Легиона тридцать лет, и согласен со всеми условиями прохождения службы.

2. Я вступаю в Легион по собственному желанию, без всякого принуждения в обмен на электронное изъятие некоторых частей моей памяти, осуществленное медицинским персоналом Легиона.

3. В интересах повышения эффективности службы я согласен подвергнуться стандартному электропсихокондиционированию.

Примечания:

xx

Указанное число ТРИДЦАТЬ может быть изменено на срок в зависимости от потребности Легиона в личном составе через тридцать лет после подписания контракта:

xx

Указанное число СОРОК может быть изменено на ПЯТЬДЕСЯТ, ШЕСТЬДЕСЯТ или любое другое число, установленное Главнокомандующим Легиона, если проводимые в настоящее время исследования по увеличению продолжительности жизни завершатся успехом.

/подпись/ Уоррен Пис

/дата/ 10 ноября 2386 г.

Пис положил контракт на место. Уныние, охватившее его, было беспредельно.

— Это непристойно,— сказал он просто.— То, чем вы занимаетесь, не могло присниться даже торговцу подержанными автомобилями!

Виджет пожал плечами.

— Но ведь подпись твоя?

— О чем, интересно, я думал?

— Пусть это останется между тобой и твоей совестью. Главное, что ты все-таки подписал контракт.

— Любой суд признает его недействительным,— собрав остатки воли, попытался еще раз избегнуть неизбежного Пис.— В нем даже не указано, какие годы имеются ввиду, земные или...

Виджет предостерегающе поднял руку.

— Уоррен, забудьте обо всем этом, у тебя не будет никакой возможности обратиться в суд.

— Кто это сказал?

— Третий параграф.

Пис нагнулся над столом и проверил соответствующую формулировку.

— Что такое "стандартное электропсихокондиционирование"?

— Я уж думал, ты и не спросишь...

Огонек злобного веселья в глазах Виджет разгорелся до немыслимой яркости, и он ткнул пальцем в маленькую опухоль на своем горле, чуть повыше воротника.

— Знаешь, что это такое?

— Похоже, на кисту... от этого не умирают.

— Это не киста, и я совершенно спокоен за свое здоровье, потому что у каждого офицера Легиона есть такая же штука!

Пис отпрянул от стола.

— Эпидемия?

— Не строй из себя идиота, парень!— заорал Виджет, затем помолчал, собрался с силами, улыбка снова заиграла на его устах.

— Это хирургически вживленный усилитель команд, Марк-3. Он добавляет к моему голосу некие обертоны, и каждый легионер в чине от сержанта и ниже кондиционирован таким образом, чтобы выполнять мой приказ, не раздумывая ни секунды.

— Невозможно!— ужаснулся Пис.— Даже Легиону никто не позволит зайти так далеко!

Виджет печально вздохнул и глянул на часы.

— Изобрази-ка петушка еще раз и, ради бога, постарайся поточнее передать движения шеи. В прошлый раз ты смахивал на верблюда.

— Я протестую!— выкрикнул Пис, вскочил со стула и заходил по комнате, размахивая руками и дергая головой взад-вперед в поисках червячка.

Виджет сложил руки и устроился поудобнее.

— Надоест, скажешь...

— Вы не оставляете человеку ни капли достоинства,— протестующе прокукарекал Пис, и попробовал взлететь, но попытка эта закончилась неудачей — новоиспеченный петух рухнул на горшки с искрянками с Сириуса.

— Достоинства захотел? Благодари судьбу, что я приличный человек! Другой заставил бы тебя...

— В таком случае можешь посидеть, пока я объясню тебе правила службы в Легионе. Сигареты?

Пис благодарно кивнул.

— Не откажусь.

— Уоррен, я говорю о твоих сигаретах. Доставай.

Пис вынул из кармана почти полную пачку и протянул ее Виджету.

— Я позабочусь о них,— сказал тот, хватая пачку.— Во время курса начальной подготовки новобранцам запрещено курить.

Виджет достал из пачки сигарету, закурил и швырнул остатки в ящик стола.

— Благодарю вас,— задумчиво сказал Пис и, глядя на поднимающиеся к потолку клубы дыма, попытался представить, сколько лет назад он пристрастился к табаку. По обильному слюнотечению и другим признакам он заключил, что курит уже давно, но увы в памяти не осталось ни одной детали. Конечно, огорчительно было найти пустоту там, где должен был складываться про запас жизненный опыт, но может быть, капитан Виджет прав, и Пису лучше не знать, КЕМ он был до сегодняшнего дня? А если лучший выход — принять условия, предложенные Космическим Легионом в лице капитана Виджета? Кроме всего прочего, впереди его ждет бурная, полная захватывающих приключений жизнь...

— ...условия абсолютно одинаковы для всех,— бубнил Виджет,— десять монет в день, а...

— В час,— поправил его Пис.— Вы хотели сказать десять монет в час.

— Я сказал именно то, что хотел. Не спорь с офицером!

— Прошу прощения,— предчувствуя недоброе, выдавил из себя Пис.— Меня, наверное, память подводит. Мне почему-то показалось, что рабство отменено несколько столетий назад.

— Да ты и вправду крепкий орешек!— Виджет смотрел на него с растущим негодованием.— Знаешь, если бы это было в моих силах, я вернул бы тебе память и с величайшим удовольствием отправил разобраться с полицией.

— Я сказал только...

— Рядовой Пис!— уголки рта Виджет гневно дернулись.— Чувствую, придется мне отвыкать от тебя!

Пис встревожено уставился на капитана.

— Неужели в Легионе дозволяется бить подчиненных?

— Твие — это... старый добрый способ...

— Минуточку, капитан! Согласен, я преступил рамки... выказал неповиновение...

— Зажми свои соски между большим и указательным пальцами!— приказал Виджет.

— Капитан, неужели мы не можем себя вести как благоразумные взрослые люди?— спросил Пис, расстегивая при этом куртку и хватая себя за соски сквозь тонкую ткань рубашки.

— По команде "твик!" сжимай пальцы изо всех сил, поворачивая при этом соски в разные направлениях примерно на два радиана,— с каменным лицом продолжал Виджет,— Если ты не знаком с угловыми единицами изменения, девяносто градусов вполне достаточно.

— Капитан, неужели вам так хочется унизить нас обоих?!

— Твик!

Руки Писа сами исполнили приказ с излишним, как ему показалось, рвением, и он завопил, что было мочи.

— Вы сделали это!— заявил Пис, когда почувствовал, что может доверять своим голосовым связкам.— Вы унизили нас обоих!

— Переживу!— довольно сказал Виджет.— Кажется, мы говорили о деньгах? Сколько у тебя?

Пис извлек из кармана тоненькую пачку банкнот.

— Примерно двести монет.

Виджет протянул руку.

— Одолжи их мне, Уоррен. Отдам при следующей встрече.

Не видя способа отказаться, Пис передал капитану пачку.

— Прошу вас, капитан, не подумайте, будто я на что-то намекаю, но существует ли вообще шанс, что мы когда-нибудь встретимся?

— Сомневаюсь, но кто знает? Галактика тесна.

Пис собрался уже прокомментировать это заявление, но жгучая боль в груди заставила его отказаться от подобного намерения. Но молча выслушал конец лекции и, лишенный сигарет, денег, достоинства и памяти, покинул кабинет капитана Виджет, чтобы начать свою тридцати-, сорока-, или пятидесятилетнюю карьеру в Космическом Легионе.

Глава 2

Вместе с шестью другими новобранцами, к одежде которых были приколоты таблички с именами, Пис стоял в углу огромного зала. Новобранцы испуганно сбились кучкой на крохотном пространстве, кем-то отгороженном для них столбиками, между которыми были натянуты веревки. С любопытством Пис огляделся вокруг.

Зал был разделен на две равные части длинной стойкой, над которой до самого потолка поднималась металлическая сетка. Светящиеся ленты на потолке испускали унылое сияние среди клочьев пробравшегося с улицы октябрьского тумана. За сеткой видны были бесчисленные ряды полок с разнообразнейшим снаряжением, а за стойкой через равные интервалы сидели облаченные в форму клерки. Они сидели совершенно

неподвижно, словно замороженные потоками струящегося по цементному полу ледяного воздуха.

— Какого черта нас тут держат?— спросил сосед Писа, угрюмая личность, чье лицо было бы синим от пробивающейся щетины, не будь оно желтовато-серым от холода. Имя на его табличке гласило: Рдв Конгроув Фарр.

— Сержант Клит сказал, что это займет всего пять минут, а мы торчим здесь уже полчаса. И вообще, что происходит?

— У меня отняли память...

— Нам всем есть, что забыть. Это еще не причина...

— Ты просто не понял... Я не помню вообще ничего!

— Совсем ничего?

Фарр отступил на шаг и в его карих глазах мелькнуло опасливое уважение.

— Наверное, ты был настоящим чудовищем!

— Все может быть,— уныло подтвердил Пис.— Главное, что я никогда об этом не узнаю.

— Нужно было сделать как я!— Пухлый, с покатыми плечами юноша, обозначенный как "РДВ Вернон А. Райан", ткнул Писа локтем в бок.— Я записал все на бумажку и спрятал ее!

— Зачем/

— Прикрытие на каждый день!— самодовольно ухмыльнулся Райан.— Сейчас меня не потащат в кутузку, что бы я ни сотворил. Пока пыль не уляжется, я бесплатно попутешествую, а потом...

— Минуточку,— прервал его Пис.— Я правильно тебя понял? Если память о преступлении стерта, то судить за него нельзя?

— Да что ты вообще знаешь? А-а, забыл, ты вообще ничего не знаешь!

— Неужели... совесть не мучила тебя?

— Сколько всего, не мучила, но я ведь не похож на тебя — против меня нацелен всего один удар!— Курносая физиономия Райана излучила благодушие.— Я рассчитываю смыться отсюда через пару месяцев — посмотрю, что к чему, а потом загляну в свою бумажку... и на волю! чист и свободен! Ох, и повеселюсь я тогда!

Красноречие Райана начало действовать Пису на нервы.

— Ты читал свой контракт?

— Ну конечно! В этом-то все и дело, дружище! В нем сказано, что я обязан служить в Легионе в обмен на воспоминания, но если память вернется ко мне, контракт автоматически аннулируется!

Райан ткнул локтем смуглого Фарра.

— Спроси старину Копии, это он придумал!

— Придержи язык!— цыкнул на него Фарр.— Ты что, хочешь поведать об этом всему миру?

Райан подмигнул сначала одним глазом, потом другим.

— И все равно, чудесные будут каникулы!

Он с победоносным видом огляделся вокруг, чем только усилил раздражение Писа. Несколько новобранцев, прислушивающихся к разговору, согласно кивнули.

— Что это нас согнали сюда, как овец?— громко спросил Пис и, отодвинув один из столбиков, вышел из огороженного закутка.

— Зря ты затеял это, военный,— сказал кто-то.— Сержант Клит приказал нам оставаться внутри.

Пис потопал ногами, разгоняя застоявшуюся кровь.

— Плевать мне на всех сержантов!

— Подожди, вот увидишь его!— вставил Райан.— Больше, уродливее и страшнее его мне еще никогда в жизни видеть не доводилось. У него руки — как мои ноги, пасть у него такая, что наполовину открыта, даже когда закрыта, а сам он...

Райан замолк. По лицу его разлилась смертельная бледность, а взгляд сфокусировался на точке, расположенной над головой Писа.

Пис обернулся и обнаружил рядом с собой воплощение ужаса, в котором он, несмотря на то, что Райан не успел закончить фразу, тут же узнал сержанта Клита. Двухметрового роста сержант являл собой сооруженную из мускулов и костей пирамиду. Верхушка его черепа была заострена подобно морской раковине, и от верхней точки тело его расширялось вниз — массивные плечи, бочкообразный торс и равные в обхвате талии Писа ноги. Мощь, заключенная в этих конечностях, позволяла сержанту, несмотря на огромный вес, двигаться с почти кошачьей грацией. Казалось даже, что при каждом шаге он чуть-чуть отрывается от пола.

— Так что ты сказал, Пис?

Голос Клита напоминал подземный гул и вырывался изо рта, простиравшегося от уха до уха, что вполне отвечало описанию Райана. В какой-то ужасный момент даже показалось, что рот опоясывает всю голову сержанта бесконечной лентой губ и зубов.

— Я... я ничего не говорил, сержант,— промямлил Пис.

— Рад слышать это...— Сержант придвинулся ближе, заслоняя Пису белый свет голубым мундиром.— А почему ты двигал мой столбик?

Родившийся в глубине Писа страх соединился с капитаном Виджетом отчаянием, и в результате столь невероятного сложения эмоций Пис внезапно осознал, что не протянет тридцать, сорок или пятьдесят лет, что лучше умереть сразу и покончить со всей этой бессмыслицей. К счастью, средство быстрого и безболезненного самоубийства само предлагало свои услуги.

— Я не двигал столбика,— сказал Пис,— Я пнул его, потому что он мешал мне. Если мне что-то мешает, я ПИНАЮ это, и все тут!

И Пис продемонстрировал свой новый подход к решению жизненных проблем тем, что пнул злополучный столбик и уложил его на месте. Кожа на ботинках Писа оказалась тоньше, чем он ожидал, и удар, пришедшийся в угол прямоугольного металлического столбика, отозвал-

ся резкой болью во всей ноге. Пис даже не вздрогнул — он спокойно ждал смерти. От удивления рот сержанта раскрылся, причем процесс этот произошел в несколько стадий и больше всего напоминал рушащийся подвесной мост. Он глубоко вздохнул — исполинская машина убийства, готовящаяся произвести назначенное ей природой деяние, потом пал на колени и, словно больного ребенка, взял на руки упавший столбик.

— Зачем... зачем ты так?— захныкал сержант.— Ты же краску ободрал! Что скажет лейтенант Тугуд?

— Плевать...— неуверенно пробормотал ошарашенный Пис.

— Тебе то что, а я отвечаю за эти столбики.— Взгляд Клита был полон тихого осуждения.— Мне уже приходилось встречаться с такими, как ты, Пис. Вечно вы стараетесь всех запугать!

— Послушай-ка... Пис шаркнул ногой, частью чтобы скрыть смущение, частью, чтобы облегчить боль в ступне.

— Не бей меня!— Клит отпрыгнул на расстояние, которое считал, по-видимому, безопасным, и только после этого заговорил снова: — Я все расскажу лейтенанту Тугуду. Он живо приведет тебя в чувство, вот посмотришь! Ты будешь твикать себя до самого Рождества, и когда лейтенант покончит с тобой, титьки твои начнут расти вовнутрь, попомни мои слова!

Сержант повернулся и заторопился к выходу из зала, подлетая в воздух при каждом шаге.

Сбившиеся в кучку новобранцы следили за исходом сержанта в молчании, и стоило тому скрыться из виду, как они тут же окружили Писа, посшибав при этом все остальные сержантские столбики.

— Никогда не видел ничего подобного!— воскликнул один, схватив руку Писа и стал трясти.— Я думал, эта горилла сожрет тебя, но ты поставил Клита на место с самого начала! как это ты ухитрился?

— Это у меня врожденное,— пробормотал Пис. Импульс к самоубийству пропал и теперь ему уже казалось, что этот момент бесшабашной храбрости сделает ближайшие тридцать или сорок лет совершенно нетерпимыми.

— Интересно, каков лейтенант Тугуд? Если уж Клит боится его...

Райан еще раз боязливо посмотрел на дверь, за которой скрылся сержант.

— Что-то, парни, мне тут не шибко нравится. Нужно смываться из Легиона, как только нас перебросят на другую планету!

Те из новобранцев, которые начали оправляться от шока, вызванного лицезрением сержанта Клита, согласно закивали головами.

Скорее всего, у них были похожие планы.

Мысль о том, что он единственный оказался настолько недальновидным, что не оставил никаких путей к отступлению, повергла Писа в совершенное отчаяние. В попытке как-то загладить свои провинности он принялся поднимать столбики и поправлять натянутые между ними

веревки. Ставя последний столбик, Пис услышал звук приближающихся шагов и, глянув вверх, увидел молодцеватого офицера приятной наружности. В одной руке у него была сигарета, в другой — пачка бумаг. Его каштановые волосы были пострижены по армейской моде — чуб спереди, до воротника сзади.

— Я — лейтенант Тугуд,— объявил он и замолчал, наблюдая, как новобранцы, и Пис в их числе, отвечают ему разнообразнейшими салютами, поклонами, книксенами и щелканьем каблуков. Насмотревшись вволю, лейтенант отрицательно покачал головой.

— Советую вам забыть о том, что офицера надо как-то приветствовать. Нам в двести третьем вся эта ерунда ни к чему, ведь что такое отдавание чести? Это часть древней дисциплинарной системы, признанной воспитывать в солдате привычку к беспрекословному подчинению и, как таковое, отжило свое. Вам будет еще интереснее узнать, что мы давно покончили со строевой подготовкой, чисткой сапог и пришиванием свежих воротников. Довольны?

На лицах некоторых новобранцев появились несмелые улыбки.

Тугур щелкнул ногтем по опухоли на горле, под которой скрывался усилитель команд, и продолжал:

— В самом деле, зачем тратить время и деньги, если все вы уже отработаны таким образом, что прикажи я кому-нибудь перерезать себе горло, он сломя голову бросится искать нож.

Улыбки, все до единой, мгновенно погасли.

— Существующая же система, несмотря на то, что она во многих отношениях превосходит старую, налагает на офицеров тягчайший груз ответственности. Предположим, например, что кто-то из вас ведет себя... нехорошо. Я выхожу из себя и, не подумав, конечно, кричу что-нибудь такое, что обычно говорят люди, сильно рассердившись... Результат будет ужасен!

Тунуд с удовольствием попахивал сигаретой, давая время разыграться воображению аудитории.

— Представьте, как плохо будет потом мне! А как будете чувствовать себя вы!

Мысли рекрутов послушно побежали в указанном направлении, и все уныло кивнули. Тугуд благодушно продолжал:

— Впрочем, я не собираюсь обременять вас своими заботами. Моя задача — помочь вам пройти курс начальной подготовки, и мне хочется, чтобы вы видели во мне друга. Договорились?

Новобранцы рьяно закивали головами. Пис честно попробовал представить бравого юного лейтенанта своим другом, но внутренний голос громко твердил ему, что это не так.

— Что-то мне не нравится,— прошептал Райан на ухо Пису.— Сдается, не обязательно заканчивать курс начальной подготовки.

— А теперь, когда мы окончательно выяснили, кто есть кто,— спросил лейтенант,— мне хочется узнать, кто из вас так обидел сержанта Клита.

Пис успел подумать, что лучше всего не высовываться и остаться под дружеской защитой толпы, но тут же знакомая уже наждачная бумага заскребла по поверхности мозга. Одновременно толпа, не чувствуя ни малейшего желания защищать кого бы то ни было, мощной коллективной рукой вытолкнула Писа из своих рядов.

Стараясь выглядеть так, будто он вышел вперед исключительно по собственному желанию, Пис пошевелил пальцами и сказал:

— Это я, сэр. Рядовой Пис. Я совсем не хотел...

— Отлично, Пис!— прервал его лейтенант.— Поступок этот свидетельствует о твоей храбрости и умении быстро оценивать ситуацию. Подобные качества весьма высоко ценятся на передовой.

Взором, в котором не было ни капли жалости, Тугуд обвел толпу новобранцев.

— То, что Пис понял сразу, но что до вас доходит с трудом, это то, что нестроевой унтер-офицер-анахронизм, бесполезный придаток к современному армейскому механизму. В прошлом основной его заботой была дисциплина, он был, так сказать, промежуточным звеном между офицером и подчиненным. Но сегодня, когда в нашем распоряжении усилитель команд, все эти капралы, сержанты, каптенармусы становятся почти излишней роскошью. Они все еще существуют, но только затем, чтобы исполнять самые примитивные поручения. Ни одному человеку не присвоят чин сержанта, пока тот упорным трудом не докажет, что слишком глуп и труслив для любой другой работы.

Тугуд деликатно поднес сигарету к губам, затянулся, и взгляд его стал еще жестче.

— Вот смотрю я на вас, ребята, и мне кажется, что в вашем лице Легион получил, за исключением рядового Писа, конечно, целую кучу потенциальных сержантов.

Уязвленные новобранцы неловко переминались с ноги на ногу, и Пис, все еще обиженный на товарищей по несчастью за отсутствие солидарности, не мог сдержать высокомерной улыбки.

— Не слишком задавайтесь, рядовой Пис!

В голосе лейтенанта появились нотки неодобрения.

— Сержант Клит заперся в туалете и плачет, а это означает, что до завтра от него не будет никакого толка и часть его обязанностей придется взять на себя. На первый раз прощаю, но учтите, что издевательство над сержантом считается серьезным проступком, и влечет за собой соответствующее наказание. Некоторые из вас уже познакомились с твинканьем, но смею вас уверить, это ничто в сравнении с тем, на чем специализируюсь я ...

Улыбка лейтенанта, пробивавшаяся сквозь клубы табачного дыма, выглядела в этот момент особенно неприятной.

— Вот теперь все ясно,— пробормотал Райан.— Лучше уж отдаться в руки закона...

— Отставить разговоры! За мной!— скомандовал Тугуд, подвел новобранцев к столу, на котором стоял прямоугольный ящик, и снял с ящика крышку. Любопытным взором предстало зеленоватое сияние, свидетельствующее о том, что перед ними — молекулярный дезинтегратор типа, которым пользуются домашние хозяйки для уничтожения всякого рода мусора. Семеро новобранцев нервно посмотрели друг на друга, потом на лейтенанта, чья легкая доселе улыбка распространялась уже на всю его мальчишескую физиономию.

— А вот эта часть нравится мне больше всего.— Пояснил Тугуд.— В каждой толпе новобранцев полно слишком хитроумных, которые надеются победить СИСТЕМУ... И каким же образом надеются они совершать? Ну конечно, подстегнуть память! Записочками. Пленочками. Капсулками.

Тугуд все еще улыбался, но компания новобранцев чувствовала себя под его взглядом, как под перекрестным огнем.

— Слушай мою команду! Все, у кого есть хотя бы какие-нибудь материальные напоминания о прошлом... приказываю — вынуть записи и бросить их вот сюда!

Щелчком отправив в дезинтегратор свой окурок, лейтенант наглядно проиллюстрировал команду. Сияние внутри на мгновение стало ярче, и окурок превратился в невидимую молекулярную пыль.

Ответом лейтенанту была мертвая тишина, длившаяся примерно три секунды. Пису она, однако, показалась бесконечной. Он глянул на Райана, Фарра. Лица их исказились до неузнаваемости — воля человека боролась со скребущим по разуму наждаком. Наконец Райан вытащил из кармана своего сверкающего зеленого костюма маленький конвертик и, уронил в застывший в ожидании ящик. Фарр проделал то же самое с клочком бумаги, а остальные — с разнообразными предметами, извлеченными из белья и из-под часовых ремешков. Переваривая напоминания о забытых преступлениях, дезинтегратор бросал на лицо лейтенанта Тугуда зеленоватые отблески, придавая ему мефистофельские черты.

— Вот так-то лучше,— произнес он благосклонно.— Искушение не мучит вас больше и вы знаете, что отныне полностью посвятили себя Легиону. Вы испытываете глубочайшее душевное умиротворение и довольство. Не так ли, Райан?

— Так точно, сэр!— проскрежетал Райан. Он отнюдь не выглядел человеком, наслаждающимся душевной гармонией.

Тугуд кивнул.

— И снова — отлично рядовому Пису. Он — единственный, кто пришел сюда с честным намерением отдать себя всецело Легиону. У тебя отец случайно не военный?

— Не знаю, сэр.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не знаю, кто мои родители. Я вообще ничего не помню.

— НИЧЕГО?!

— Так точно, сэр! Я не помню НИЧЕГО, до того момента, как очнулся в операционной.

Это произвело на лейтенанта соответствующее впечатление.

— Наверное, Пис, ты был чудовищем, и нет в твоей жизни ни единого дня, не запачканного грехами или преступлением!

— Так точно, сэр!— с несчастным видом отчеканил Пис. Постоянные напоминания о том, что в прошлой жизни он был воплощением Антихриста, уже начинали угнетать его. Единственным желанием было забыть, что он ничего не помнит.

— Удивительно, но ты не похож на чудовище,— сказал Тугуд, вплотную приближая свое лицо к лицу Писа и пристально всматриваясь в него.— Или похож? Стоп! Кажется... не мог я видеть твою фотографию в газетах?

— Откуда мне знать?— огрызнулся Пис, теряя терпение.

— Спокойнее, Пис!— Лейтенант похлопал по опухоли на горле.— Не забывай об этом! Ты теперь в Легионе, а не в своей банде убийц и грабителей!

— Но, сэр,— запротестовал Пис,— не было у меня никакой банды!

— А откуда ты знаешь? Ты что, помнишь, что ее у тебя не было?

— Гм-м-м... нет.

— Вот видишь!— победоносно закончил Тугуд.

Уразумев, что лейтенант воспользовался уже знакомой ему логической ловушкой, Пис твердо решил не вступать больше ни в какие пререкания с офицерами, поднаторевшими в обращении с потерявшими память бедолагами. С надеждой он обратил свой взор в другую часть зала. Тугуд, словно поняв намек, приказал новобранцам подойти к стойке и экипироваться. Райан и Фарр, к которым вернулся дар речи, тут же принялись обвинять друг друга в провале их совместного блестящего замысла. Пис откололся от них и подошел к клерку, сидевшему под табличкой "ОБМУНДИРОВАНИЕ".

Клерк осмотрел его злобными желтыми кошачьими глазками, отошел к полке и вернулся, неся в руках пластиковый шлем и похожий на средних размеров чашку предмет, снабженный узкими эластичными решетками. Протолкнув из сквозь отверстие в металлической сетке, клерк снова впал в коматозное состояние. Пис повнимательнее рассмотрел артефакт меньших размеров и догадался, что это — зашитая чашечка для игроков в футбол.

— Прошу прощения,— сказал он.— Что это такое?

Свет жизни не торопясь вернулся в глаза клерка.

— Это твоя форма.

— Мне почему-то казалось, что эти штуки предназначены для игры в мячики.

Клерк нехорошо усмехнулся.

— Некоторые из твоих будущих противников дерутся не совсем по-джентельменски.

Усилием воли Пис едва погасил вновь разгорающийся в его душе ужас.

А где остальная форма?

— Это все, приятель, больше ничего.

— Что?— Пио сделал попытку рассмеяться — Шлем и чашка? Это не форма!

— Если ты будешь служить в двести третьем полку — форма!

— Ничего не понимаю.

— Верно, ничего ты не понимаешь...

Клерк преувеличенно тяжко вздохнул, притворился, будто уходит, потом все-таки облокотился на стойку.

— Спонсор двести третьего — ПКС. Верно?

Пис кивнул.

— А что такое ПКС?

— "Превосходный креветочный соус", осел! Ты хоть что-нибудь знаешь про легион?

— Ничего.— Пис понизил голос, и в свою очередь облокотился о стойку. Если бы не проволочная сетка нос его соприкоснулся бы с носом клерка.— Понимаешь, машина, к которой меня прицепили в операционной, стерла всю мою память!

— Всю?!— Клерк отпрянул, глаза его расширились от ужаса.— Наверное, ты был настоящим...

— Не договаривай,— прервал его Пис.— Меня и так уже тошнит.

— Не обижайся, приятель! Я не хотел тебя обидеть.— Клерк пригляделся к значку на груди Писа.— Я совсем не хочу связываться с такими, как ты, Уоррен. Я только...

Предостерегающе подняв руку, Пис оборвал поток его красноречия.

— Так что ты говорил про креветочный соус?

— У них сейчас тяжелые времена — с тех пор, как обнаружилось, что местные креветки так напичканы ртутью, что распухают в жаркий день. Доходы тут же упали и у ПКС почти не осталось денег, чтобы содержать Двести третий полк. Вот они и решили сэкономить на форме.

— Не знал я, что Легион...

— Тебе надо было вступать в Сто восемьдесят шестой. Их призывной пункт тоже у нас, в Портерсбурге, в паре кварталов отсюда. Их содержит "Пестициды Стингс", а у нее дела лучше некуда. Там ты получил бы НАСТОЯЩУЮ форму!

Удивляясь, почему сведения о коммерческой ориентации Легиона так шокировали его, Пис сжал виски кончиками пальцев, но тут взгляд его упал на сверкающий мундир лейтенанта Тугуда.

— У лейтенанта же полная форма,— указал он клерку,— и у капитана Виджета, и у сержанта Клита...

— Конечно, ведь они — постоянный персонал базы. Представь, как упадет мнение о ПКС, если они начнут разгуливать по городу, одетые, как... А вас отправят отсюда сразу после начального курса.

— Понятно.— Пис уже собирался уйти.— Спасибо, что раскрыл мне глаза.

— Погоди минутку, Уоррен.— Теперь физиономия клерка выражала искреннюю готовность услужить.— Какие у тебя ботинки?

— Вот эти,— сказал Пис и только тут осознал, что боль в разбитых пальцах прошла. Вероятно, причиной этому был ледяной цементный пол.

— Там, куда тебя пошлют, от них не будет никакого толку. Но я знаю, что делать. Я никогда еще не встречал новобранца, у которого было стерто памяти больше, чем на три месяца. Ты — человек особенный, и поэтому я дам тебе вот что...

Клерк запустил руку под стойку и извлек на свет божий пару огромных красных ботинок с позолоченными каблуками и носами чашечкой.

Пис был потрясен.

— Что это?

— Семимильные Ботинки Звездного Легионера! Остались с тех пор, когда ПКС возглавляла список Доу-Джонса. Последняя пара на этой базе, Уоррен. Я хотел продать их новобранцу, у которого будут наличные, но с тех пор, как у нас угнездился капитан Виджет, ни у кого не остается и двух центов, чтобы позвенеть ими.

— Спасибо...

Пис взял ботинки, засунул их подмышку вместе с остальными предметами экипировки, и направился к следующему окошку, где выдавали оружие.

— Носи их на здоровье!— крикнул вдогонку клерк.— Пока у тебя оно есть!

Райан и Фарр очутились у окошка одновременно с ним. К Райану снова вернулось прекрасное настроение, и прыгающие в его глазах искорки удивительно гармонировали с блестками зеленого костюма. Даже серо-синяя физиономия Фарра светилась довольством.

— Мы с Коппи разработали новый план!— прошептал Райан.— Я уже было волноваться начал, но теперь все в порядке!

Их непокорство произвело на Писа должное впечатление.

— И что же вы собираетесь предпринять?

— Неужели непонятно? У нас полно друзей в Портерсбурге, а уж они-то знают, каким образом мы влипли в это дело. Нас отпустят в город, мы повидаемся с ними, и все узнаем!

— А вдруг у волнения отменят?

— А тогда мы с Коппи махнем через стену и привет!

— Ну что ж, желаю удачи...

В голове Писа только начала оформляться мысль, а нет ли у него тоже друзей в городе, как в руки ему сунули блестящий предмет, в котором он

без труда узнал лучевое ружье, и тут же вытолкали из здания на окруженное высокой стеной прямоугольное пространство, весьма напоминающее внутренний дворик какой-нибудь тюрьмы, с тем только отличием, что на стене, как раз напротив двери, из которой появились новобранцы, было намалевано что-то похожее на голубого динозавра с единственным белым пятном на брюхе. Свинцово-серые облака гонялись друг за другом по небу, а хлеставший по лицам мокрый снег, заставил новобранцев с тоской вспомнить об уютном цементном бараке. Все дружно напялили шлемы и сбились в кучу, а лейтенант Тугуд величественно взошел на невысокий помост.

Пис воспользовался свободной минутой, чтобы сбросить свои полусандалии и натянуть новые, изумительные, доходящие до половины икр, красные с золотом ботинки. Они были слишком велики, тонкие ноги болтались в голенищах, зато толстые подошвы прекрасно защищали от холода. Пис почувствовал на стельках под пальцами какие-то странные выступы, показавшиеся ему необъяснимым изъяном в столь роскошной обуви, и он дал себе слово стесать их при первой же возможности.

— Внимание!— послышался голос лейтенанта.— Итак, ребята, вы приступаете к изучению курса начальной боевой подготовки!

— Убегу сегодня же вечером,— пробормотал Райан, выбивая зубами частую дробь.— Я так долго не протяну.

— Всем вам были выданы стандартные армейские винтовки,— продолжал Тугуд.— Направьте их на голубой силуэт на стене и нажмите курок. Приступайте.

Слегка удивленный тем, что пользоваться смертоносным оружием разрешают без всякой подготовки, Пис направил его на голубого динозавра и нажал курок. Тончайший пурпурный луч вылетел из дула и уперся в стену в нескольких метрах выше чудовища. Без малейшего труда, словно управляя карманным фонариком, Пис переместил светящуюся точку в самый центр белого пятна на пузе динозавра. Остальные сделали то же самое, и от стены полетела кирпичная крошка.

— Достаточно, не жгите зря батарейки.

Тугуд сложил руки на груди и подождал пока умрет последний пурпурный отблеск.

— Примите мои поздравления! Беру назад все, что говорил о вас раньше! Все закончили начальный курс с отличными оценками! Сейчас вас погрузят в транспорт и отправят на ближайшую войну.

И лейтенант указал рукой на голубой фургон, который только что въехал во двор и загромыхал по направлению к кучке новобранцев.

Стоявший рядом с Писом Райан тревожно заблеял:

— С-э-э-эр! Ради бога, сэр! Нельзя же так обращаться с людьми!— Голос его окреп.— Мне казалось, что начальный курс длится дольше!

— А зачем?— спросил лейтенант, и видно было, что он еще искренне наслаждается собой. Что вам еще нужно?

— Ну...— Райан отчаянно оглянулся на товарищей по несчастью.— Разве мы уже научились стрелять? Вы даже не предупредили, чтобы мы не наставляли оружие друг на друга.

— Рядовой Райан, неужели вы этого не знали? Ну, так считайте, что узнали.

— Конечно, но... а как насчет физических нагрузок, сэр? Ведь мы обросли жирком...

— Пусть это вас не волнует. Легионер стреляет во врага, а не дерется с ним в рукопашную. Иначе зачем вам винтовки?

— Конечно, но...— Райан замолк, нижняя губа его задрожала.

На устах лейтенанта заиграла знакомая уже усмешка.

— Мне кажется, вы должны быть довольны, что избавлены от строевой подготовки и чистки сапог. Кроме того, я совершенно уверен, что никто из вас не собирается пошататься по Портерсбергу и навестить друзей. Не так ли?

Райан открыл было рот, но тут же закрыл его. Фарр бочком подвинулся ближе к нему и прошептал:

— Не сдавайся, Верни! проси его...

— Отвали!— всхлипнул Райан, наступая каблуком на пальцы Фарра.— Этот ты во всем виноват. Какой же я осел, что послушался тебя!

Фарр ухитрился подавить стон. На лице его появилось задумчивое выражение и также бочком он отодвинулся подальше. В этот момент к нам подкатил фургон. На первый взгляд он показался Пису обычным грузовиком, покрашенным в голубой цвет Космического Легиона. Он пригляделся повнимательнее, и ему показалось, что под намалеванным наспех петушиным гребнем вполне различима картина, изображающая наклоненную над блюдом с креветками соусную бутылку. Но тут в стенке фургона скользнула вбок автоматическая дверца, и Пис вынужден был прекратить визуальное изучение транспортного средства

— Желаю удачи, ребята!— послышался звенящий якобы от волнения голос лейтенанта Тугуда.— И сколько бы лет не прошло, в какую бы даль не забросила бы вас служба, помните счастливые времена, проведенные в форме Экклс, в классе, выпуск которого состоялся...— Лейтенант глянул на часы.— В десять ноль-ноль десятого ноября две тысячи триста восемьдесят шестого года!

Далекий от того, чтобы разделить благородные чувства лейтенанта, Пис тем не менее кивнул и, прилагая неимоверные усилия, чтобы не потерять исполинские ботинки, влез в фургон, сделав таким образом первый шаг в путешествие к далекой незнакомой звезде.

Глава 3

Нельзя сказать, чтобы путешествие из форта Экклс до космопорта прошло приятно.

В пассажирском отделении фургона не было окон, и новобранцы были лишены последнего утешения видеть проплывающий мимо пейзаж. Новобранцы молчали, и тишина только изредка нарушалась стоном какого-нибудь бедолаги, да короткими перебранками между Райаном и Фарром. Один новобранец, человек с римскими чертами лица и соответствующим темпераментом, дошел до того, что с криком: "Мамма миа!" вскочил с места и начал биться головой о железную стену фургона. Акция эта, пусть даже оправданная эмоционально, вызвала такое гулкое эхо — плюс целый дождь мокрой ржавчины с потолка — что его тут же скрутили и усадили на скамейку.

Несмотря на очевидный упадок духа своих товарищей, каждый из которых лелеял в душе надежду выбраться из этой переделки, Пис чувствовал себя извращенно счастливым.

Покидая Портерсбург и Землю, он не отчаивался, потому что ничего не помнил о своей прошлой жизни, а перспектива вступить на борт звездолета и повидать Галактику казалась ему заслуживающей внимания. Он не помнил, видел ли когда-нибудь звездолет, но ясно представлял его себе — стройный, грациозный корабль, сверкающая верхушка которого пронзает небеса. И в нем он сам — в шлеме и красных с золотом ботинках, со сверкающим оружием, поклявшийся биться с врагами Земли до последней капли крови. Гордо расправив плечи, Пис сидел на жесткой скамейке, и почти наслаждаясь спартанской обстановкой, представлял себя настоящим солдатом. Эффект был бы более значительный, будь Пис одет в настоящий мундир, а не в куртку, которую, казалось, рвали собаки, и расползающиеся по швам брюки, но он твердо знал, что не одежда красит человека... Пис осмотрел свое бродяжье одеяние повнимательнее, и тут до него дошло, что оно может предоставить информацию, касающуюся его прошлой жизни. Он вывернул куртку — фирменная этикетка оторвана. Означает ли это, что прошлый Пис решил окончательно порвать с греховной жизнью?

Что же такого я сделал ужасного?— подумал Пис, выдергивая нитки, которыми была пришита этикетка. Волнуясь все больше и больше, он обыскал все карманы и убедился, что они пусты, если не считать нескольких монет. Значит, перед тем, как явиться на призывной пункт, он сознательно избавился от всего, чем владел, за исключением сигарет и денег, конфискованных впоследствии капитаном иджетом7 Но почему? Неужели он скрывался от полиции?

Нагрудный карман Пис проверил в последнюю очередь. Как и большинство таких карманов, он был слишком длинным и узким, чтобы достать до самого дна. Пис собирался уже было отказаться от поисков, но в последний момент кончик его указательного пальца коснулся чего-то твердого и гладкого. Покряхтывая от усилия, он извлек загадочный предмет на свет божий и увидел, что это маленькая голубая пластмассовая лягушка. Должно быть, она была выпрессована из пластика заранее заданной памятью, приводимой в действие теплом руки, потому что, пока Пис рассматривал земноводное, стараясь решить несет ли факт его присутствия в кармане какую-то информацию, лягушка вдруг подобрала задние лапки и прыгнула на шею сидевшему перед Писом новобранцу. Заверещав от ужаса, человек — звали его Бенджер — смахнул несчастную игрушку на пол, и тут же растоптал, превратив в бесформенную лепешку.

— Кто это там веселится?— зарычал Бенджер.— Да я разорву... А, это ты, Уоррен...— Он попробовал улыбнуться.— Неплохая шутка. Я чуть не обделался...

Пис придержал уже готовые вырваться слова сожаления, решив, что если его смертоносная репутация сделает жизнь чуть легче, он не будет возражать.

— Тебе очень нужно было растоптать ее?

— Прости, Уоррен. Я куплю тебе такую же... как только смогу.

Заинтересовавшись, Пис поднял с пола изуродованный кусочек пластика.

— Ты что, знаешь, где они продаются?

— Нет, но такие игрушки можно легко...

Бенджер замолк, и лицо его поскучнело, потому что фургон вдруг резко повернул и остановился.

— Приехали на космодром.

Автоматические двери фургона пришли в движение, и Пис, надеясь увидеть бурлящую межзвездную гавань, мгновенно забыл об уничтожении единственного предмета, принадлежащего ему лично. Он вскочил, подбежал к двери и даже зажмурился от разочарования — наверное, они попали в самое неудачное время. На огромном, покрытом замерзшей грязью пространстве не было видно ни одного звездолета, только дюжина чаек уныло перепрыгивала с кочки на кочку, хриплыми криками выражая неодобрение всему происходящему. Человечество на космодроме было представлено лейтенантом-легионером. Судя по трупному оттенку кожи, лейтенант дожидался их уже довольно долго. Он стоял у входа в длинный металлический сарай, примерно двухсот метров в длину и с небольшим подъемом крыши на каждом конце. Небрежно заваренные швы придавали бараку вид сооруженного наспех бомбоубежища.

— Ко мне, военные!— скомандовал лейтенант, и, приоткрыв дверь, добавил: — Сюда!

Пис ввел шеренгу новобранцев в барак и обнаружил, что если это — космовокзал, то ему явно не хватало удобств. Он очутился в длинном узком помещении с такими же рядами скамеек, как и в фургоне, и с одинокой, привинченной к полу, кофеваркой. Оставшийся снаружи лейтенант с грохотом захлопнул за новобранцами дверь, после чего послышался треск задвигающихся засовов. Коротко рявкнул клаксон, и тут же спутники Писа издали дружный вопль отчаяния. Презирая их за неоправданную нервозность, Пис уселся чуть поодаль от них и, приготовившись терпеливо ждать прибытия звездолета, который понесет его через океаны бесконечности, задумался. Он был слегка разочарован тем обстоятельством, что в здании вокзала не оказалось ни одного окна, в которое он мог бы наблюдать за спуском этого самого звездолета, но успокоил себя мыслью, что будучи легионером, он еще не раз увидит легендарные корабли.

Примерно через полчаса Пис ощутил первые признаки беспокойства. Он покрутил в руках расплющенный лягушачий трупик, швырнул его зачем-то на пол, подошел к кофеварке, и обнаружил, что она пуста. Теряя терпение, он сделал еще несколько кругов по комнате. Угрюмое оцепенение, в которое впали скрючившиеся на скамейках спутники Писа, усилило его недовольство. Обращаются с ними, как со скотом. Разозлившись окончательно, он подошел к двери и попробовал открыть ее. Та не поддалась. Тогда он просунул руку в углубление в стене, нажал на какой-то рычаг и навалился на дверь плечом.

— Эй, гляньте-ка на старину Уоррена,— сказал кто-то сзади.— Он притворяется, что хочет открыть дверь!

— Вот он какой, наш Уоррен!— прокомментировал Бенджер,— что угодно сделает, лишь бы развеселить народ!

— Парни!— послышался другой голос.— Мне кажется... да он и в самом деле открывает ее...

В спешке новобранцы посшибали все скамейки, и через секунду Пис лежал на полу, а Райан сидел на его груди. Еще кто-то распластался на ногах, полностью лишив Писа способности двигаться.

— Ты уж прости нас, Уоррен,— тяжело дыша, проговорил Райан.— Я знаю, что тебе все равно, но мы еще не готовы к смерти!

— Смерти? О чем это ты болтаешь?— С сидящим на груди Райаном говорить было нелегко.— Я хотел только посмотреть, где наш звездолет!

Райан обменялся вопросительными взглядами с окружающими.

— Уоррен, это и есть наш звездолет! Мы уже в нем. Ты что не помнишь, что стартовал полчаса назад?

— Этот ящик?— Пис недоверчиво фыркнул.— Разве я похож на идиота?

В поле зрения появилась физиономия Фарра.

— Про какого идиота ты долдонишь?

— Ладно, хватит, Коппи,— вставил Райан.— Не забывай, что Уоррену стерли всю память. Он ни про чего ничего не знает.

Пису уже не хватало воздуха.

— Я точно знаю, что это не звездолет! У него даже форма не та!

— Он и не должен иметь никакой особой формы,— пояснил Райан.— Он не должен быть обтекаемым — ведь он никуда не летит!

— ТО-то же!— торжествующе воскликнул Пис.— Как это мы взлетели в звездолете, который никуда не летит?

Райан посмотрел на Писа добрым, умоляющим взглядом молодого учителя, оставшегося после уроков, чтобы дополнительно позаниматься с туповатым учеником.

— Разве ты не понимаешь, что звездолет, который двигается, никогда никуда не прилетит?

— Нет, я...— Почувствовав неподдельную искренность Райана, Пис засомневался в своей правоте.— Кто это сказал?

— Многие, и Альберт Энштейн в том числе. Конечно, в движущихся кораблях можно прыгать с планеты на планету, чем наши предки и занимались в прошлом, но звездолет никогда не полетит быстрее скорости света, и поэтому непригоден для путешествий меж звезд. Световой барьер — непреодолимая преграда.

— Вот-вот, и поэтому световой барьер преодолевают в корабле, который не двигается!

— Конечно!— довольно произнес Райан.— Ты начинаешь соображать, что к чему.

— Неужели?

— Вот именно! Такой головастый парень да чтоб не понял... Ты уже спрашиваешь себя, что могли придумать конструкторы, если обычные методы не годятся?

— Верно,— признал Пис.— Именно этот вопрос я и задаю сейчас себе.

— Я так и знал! Мозг твой уже начал перебирать возможные варианты...

— Да, да,— послушно ответил Пис, чувствуя, как растет в нем волнение, вызванное интеллектуальным приключением.

— ... Отвергать одно неподходящее решение за другим...

— Да, да.

— ...пока не останавливается...

— Да, да...

— ... на неевклидовом тахионном смещении!

— Ну конечно,— воскликнул Пис, чтобы скрыть разочарование.— Неевклидово тахионное смещение!

Райан энергично кивнул.

— Что является всего лишь другим выражением понятия мгновенной передачи материи на расстояние.

Надежды Писа поднялись, но лишь на короткое мгновение.

— Если оно мгновенное, то зачем мы тут сидим?

— Понимаешь, оно не может быть полностью мгновенным — возникает логический парадокс с нахождением в двух разных местах одновременно. Но оно настолько быстрое, что разницу трудно заметить.

— Я УЖЕ заметил разницу,— сказал Пис.— Мы сидим тут уже минут сорок...

— Ты просто не додумал до конца, Уоррен. Путешествие совершается отнюдь не за один прыжок.

— Почему?

— Потому что расстояние между передающей и приемной станциями не может быть слишком большим, иначе появляются всякие искажения и растет риск неполного приема...— По лицу Райана промелькнула тень какого-то грустного воспоминания.— Последствия неописуемы...

— Так на какое же расстояние мы передаемся?

— Двести метров.

— Двести...— Пис сделал очередную попытку вывернуться из-под Райана, но, измучившись, быстро сдался.

— Ты уж прости нас, Уоррен. Мы не отпустим тебя, пока ты не поймешь, что мы сейчас в космосе, и открыв дверь, ты всех нас погубишь.

— Ладно уж,— прохрипел полузадушенный Пис.— Выкладывай остальное. Скажи, что по всей Галактике болтаются передатчики... миллиарды передатчиков... через двести метров!

— Не глупи,— пожурил его Райан.— С твоими-то способностями...

— Я больше не буду спорить. Объясни мне, как все это работает...

— Да кто я такой, чтобы учить столь высокообразованного человека? Ты, Уоррен, сам до всего доходишь.

— Конечно, но...— в порыве вдохновения Пис посмотрел прямо в глаза Райана.— Намекни мне!

Райан глянул на остальных и большинство, с облегчением заметил Пис, согласно закивало.

— Ладно. Скажи, не заметил ли ты чего-нибудь необычного в нашем корабле, когда вылез из фургона?

— Ну-ка...— пробормотал Пис, напрягая память.— Он похож на длинный железный ящик с башенкой на каждом конце...

— Прекрасно, Уоррен. Ты весьма наблюдателен. И как далеко расположены друг от друга эти башенки?

— Метров двести... но я не понимаю...

Заметив, что глаза Райана загорелись предвкушением, Пис замолк.

— Двес...

Он снова замолк, и не только потому, что пришедшая ему в голову идея казалась слишком абсурдной, чтобы выразить ее словами, но и потому что Райан начал возбужденно подпрыгивать, выдавливая остатки воздуха из легких Писа.

— Ну же, Уоррен,— торопил Райан,— не лишай меня удовольствия и привилегии видеть, как работает первоклассный мозг!

— Передатчик материи на корме,— как во сне бормотал Пис,— приемник на носу... А сам корабль передает себя на двести метров за один раз... И сам себя принимает!

— Встань, Уоррен!— Сияющий Райан слез с полузадушенного Писа и помог ему подняться на ноги.— Я был уверен, что человек со столь высоким интеллектом сам сделает правильный вывод!

— Спасибо, Райан...

Каждая клеточка мозга Писа вопила недоверчиво и требовательно, но он прекрасно понимал, что наказанием за выражение истинных чувств будет еще один отдых на полу.

— Конечно...— сказал он, мучительно подбирая нейтральные слова,— все это не так просто, как кажется...

— Совершенно верно!

Райан в это время отряхивал пыль с одежды Писа.

— Я прямо-таки вижу, как ты погружаешься в тонкости метода...

Пис кивнул.

— Естественно.

— Наверное, ты уже раскладываешь по полочкам то, чего я вообще не понимаю, например, как материя звездного типа конденсируется вокруг центра тяжести корабля, каким образом возможно совершать полтора миллиона перемещений в секунду, чтобы достичь скорости света, как работают генераторы искусственной гравитации...

— Да, да, это и еще кое-что,— пробормотал Пис и рухнул на ближайшую скамью. Он уже поверил тому, что говорил Райан, и мысль, что его тело разрывается и снова соединяется миллионы раз в секунду, превратила колени Писа в желе.

"Ужасно!" — думал Пис. Изъятие сознательной памяти означало, что картина мира формируется теперь в его подсознании, и что этот подсознательный Пис непрактичен, романтичен, и не имеет ни малейшего представления о том, что и как работает в реальной вселенной. Он ждал крестового похода по Галактике — в сверкающем звездолете... и в качестве единого целого. Вместо этого его засадили в железный ящик и превратили в рой элементарных частиц. Чтобы сжиться с подобной мыслью, необходимо было выкурить сигарету.

— Что с тобой, Уоррен?— участливо спросил Райан, подсаживаясь к нему.— Плохо?

Чтобы показать, что с ним все в порядке, Пис вскочил было на ноги, но сочувствие Райана ослабило его волю.

Все не так,— с горечью сказал он.

— Курить хочется до смерти, сражаться придется за какой-то кетчупный завод...

— Не надо про сражения,— с опаской в голосе произнес Райан.— Но все равно, ты будешь... делать это за Легион. ПКС только снабжает наш полк.

— Но это же унизительно!

После недолгого размышления Райан ответил:

— Для таких, как ты, может быть и унизительно.

— Что ты имеешь в виду? Полная потеря памяти не делает меня кем-то исключительным.

— Я хотел сказать... ты создан не для того, чтобы служить рядовым. Ты был, наверное, умницей, и учился в колледже, чего не скажешь о старине Коппи. Вступая в Легион, ты знал, что обратной дороги нет. А Коппи твердил, что мы сможем дать деру, как только захотим.

— В колледже, говоришь?

Пис тщательно обдумывал эту гипотезу, но не почерпнул в ней вдохновения.]

— Из храма науки — на кетчупную фабрику...

— Забудем про кетчуп, ладно? Неужели тебе было бы лучше, если бы дело происходило в семнадцатом веке, а полк назывался гвардией герцога Веллингтонского?

— Наверное...

— Конечно! А разве имело бы значение, что герцог тратит на обмундирование полка доходы со своих фамильных владений?

— Нет.

— А если бы самым крупным владением герцога была соусная фабрика?

— Это не одно и то же,— ответил Пис, осознавая, что его снова загнали в ловушку.— В любом случае герцог Веллингтон дал бы мне мундир поприличнее!

— Ты и так прекрасно выглядишь, Уоррен!

— Правда?

Умиротворенный комплиментом, Пис оглядел себя, и пожелал только, чтобы господь благословил его ногами потолще, или чтобы эти чертовы ботинки были размеров на десять поменьше.

— Я не шучу, Пис, ты похож на старого генерала Найтингела!— В приступе энтузиазма Райан повернулся к Фарру, который только что плюхнулся на скамью рядом с ними.— Как он тебе нравится?

— В этих ботинках он похож на журавля, напялившего на лапы снарядные гильзы.

— Ну что ты, Коппи... Я бы сказал, что Пис — воплощенный Бью Жест!

— Бью кто?

— Не прикидывайся — Бью ест.

Лицо Фарра еще больше потемнело.

— Бо Пиппи?

— А ну-ка!— стараясь не вывалиться из ботинок, Пис надвинулся на Фарра.

— Не забывай, кто я такой!

— А почему бы и не забыть?— ухмылка Фарра показалась Пису особенно омерзительной.— Хотя из всех нас самая паршивая память как раз у тебя...

Райан воздел руки к потолку:

— Зато он расправился с сержантом Клитом!

— Это смог бы сделать любой из нас!— Фарр сжал кулаки и на его лице появилось мечтательное выражение.— Следующим сержантом, который нам попадется, займусь я сам! Уж я его...

Тут взвыл клаксон, в реве которого потонули слова Фарра, и новобранцы бросились занимать свои места.

— Внимание!— донесся голос из репродуктора.— Мы прибываем на планету Ульфа. У кого на сиденье есть ремни, пусть застигнут их. Пока дверь не откроется, всем оставаться на местах!

Пис посмотрел на свою скамью и обнаружил на ней привинченные через равные интервалы кольца, но никаких ремней не заметил. Новобранцы — Райан и Фарр в их числе — тут же бросились к другим скамейкам, на которых болтались какие-то полоски ткани. Паника прекратилась почти мгновенно, но тут же вспыхнула снова, когда попытавшиеся пристегнуться обнаружили, что имеют по одной половине ремня на каждого. Да, подумал Пис, наблюдая за суматохой, офицерам Легиона понадобится каждый грамм их боевого опыта и решительности, чтобы создать из учебного класса десятичасового выпуска некое подобие боевой единицы. Пис предпочитал не думать о предстоящих битвах, но с каким же облегчением отдастся он под власть кадрового, понюхавшего пороха офицера!

Пол слегка накренился и весь железный ящик упал на несколько сантиметров, словно подходящий к нужному этажу неисправный лифт. Дверь открылась. За ней видны были клубы какого-то сизого пара. Из них выскочила отдаленно напоминающая человеческую, фигура с огромными черными глазами и коротким черным хоботом, растущим на том месте, где должны быть рот и нос. Новобранцы единодушно исторгли из грудей вопль ужаса.

Пис нервно схватился за ружье, но тут до него дошло, что это всего лишь офицер в газовой маске.

Офицер ввалился в корабль, захлопнул за собой дверь, распространяя во все стороны завихрения сизого тумана, привалился к стене, сдернул маску и обвел кучку новобранцев красными слезящимися глазами.

— Я — лейтенант Мерриман,— сказал он тонким голосом, совершенно не вязавшимся с изодранным и грязным мундиром закаленного в бою ветерана.— Вы, ребята, прибыли как раз вовремя — ульфанцы лупят по нам из всего, что у них под рукой.— Он замолчал и потер кулачками глаза.— Где ваши респираторы?

— Респираторы, сэр?

Пис выудил из кармана спортивную защитную чашечку и поднял ее за эластичные ремешки.

— Это — единственное наше дополнительное снаряжение.

Мерриман нетерпеливо махнул рукой.

— Придется обойтись без них. За мной! Нас ждут великие подвиги!

— Но, сэр...— Открывая рот, Пис уже почувствовал первое прикосновение наждака к поверхности мозга и понял, что выполнит приказ. Остальные новобранцы в смятении топтались на месте, испытывая те же муки.

— Быстрее!— завопил Мерриман, от волнения перейдя на совершеннейший фальцет.— Нельзя терять ни секунды, когда сражаешься за Терру!

— Прошу прощения,— сэр,— поднял руку Бэнджер.— Вы нас с кем-то спутали. Мы с Земли!

— Знаю, глупец!

Бенджер озадаченно посмотрел на друзей.

— Но вы только что сказали, что мы будем сражаться за какую-то планету, а я про нее никогда ничего...

— Дурачка из себя корчишь?

Мерриман подошел к Бенджеру и прочитал его имя на значке.

— Рядовой Бенджер!

Пока бедолага истязал себя, Пис поближе пригляделся к Мерриману и, к своему разочарованию, обнаружил, что под боевой копотью скрывается лицо младенца лет восемнадцати. Глаза его были идеальной голубизны, а девичьи губы — постоянно раскрыты, являя миру набор исполинских квадратных зубов. Если лейтенант и закалился на передовой, этого не чувствовалось. Пис уже начал представлять себе, каково будет служить под началом зеленого юнца, но тут его ноздрей достиг некий аромат... Все еще не веря себе, Пис принюхался:

— Нам нельзя больше задерживаться!

Критичным взором Мерриман оглядел свой отряд.

— Плохо, что у вас нет даже масок со стеклами. Этот дым сразу бьет по глазам!

— Прошу прощения, сэр,— робко поднял руку Пис.— Дым пахнет табаком.

— Быстрая работа, Пис! Это именно табачный дым.

— Да, сэр, обычный дым.

— Запомните, Пис, не существует такого понятия как "простой табачный дым",— сказал Мерриман нетерпеливо, и эллепс его рта слегка изменил положение, очевидно из уважения к зубам внутри.— Он замедляет рост, вызывает рак, и знаете ли вы, что чистый никотин — один из сильнейших ядов, известных человечеству?

— Это меня не волнует — дым мне нравится.

— Так вы... курильщик?

— Вроде бы как...

— Боже милостивый!

Губы Мерримана сделали попытку негодующе сжаться, и на какое-то неуловимое мгновение даже достигли своей цели, но давление зубов изнутри оказалось слишком большим, и рот тут же раскрылся снова. Вся эта процедура напомнила Пису попытку застегнуть молнию на туго набитой сумке.

— Боже милостивый!— повторил Мерриман,— облегчая душу этим самым крепким из известных ему выражений.— Жертва дьявольского сорняка! Каких только негодяев не присылает к нам в последнее время Терра!

— Вы снова сказали это, сэр!— упрямо гнул свое Бенджер.— Вы уверены, что тут нет никакой ошибки? Ведь мы с Земли, а не...

— Еще шесть твиков, Бенджер!— не оборачиваясь, рявкнул Мерриман.— Мы и так потеряли много времени. За мной!

Он натянул маску и распахнул железную дверь. Снаружи все так же клубился сизый дым, время от времени пронизываемый оранжевыми вспышками. Что-то с грохотом взрывалось, тарахтел старомодный пулемет. Мерриман, без всякой к тому необходимости, медленно взмахнул правой рукой — несомненно, подобный жест он видел в военных фильмах двадцатого столетия — согнулся в три погибели и помчался вперед. Отряд неохотно сделал то же самое. Райан, совершенно не у места в сверкающем зеленом костюме, начал задыхаться уже через десяток шагов, а Бенджер, все еще твикающий, подпрыгивал и вопил от боли.

Пис услышал, как захлопнулась дверь звездолета. Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как длинный железный ящик взмыл в небо по дуге, представленной мгновенно исчезающими копиями его самого, и исчез, не оставив Пису никакого другого выхода, кроме как последовать за лейтенантом Мерриманом навстречу новым приключениям, заготовленным для него судьбой злодейкой.

Глава 4

Поначалу Пис никак не мог заставить себя пригнуться, но свист, издаваемый пролетавшими над ухом металлическими предметами, быстро переубедил его. Он попробовал ползти, но тут же выполз из ботинок, оставив их позади. В конце концов Пис нашел подходящий способ передвижения вприсядку, и стал похож на танцора-украинца. Несмотря на потрясающий воображение вид, ботинки причиняли Пису массу неу-

добств, и он горько пожалел, что выбросил удобные гражданские штиблеты.

Из такого положения Пис мало что мог разглядеть. Отряд двигался по открытой местности, сплошь заросшей растениями одного вида, с широкими листьями. Единственное, что было приятно — так это изобилие табачного дыма и, догоняя товарищей, Пис с благодарностью вдыхал его. Через несколько минут он вспотел от усилий и начал догадываться, что это отнюдь не газовая атака местного значения. Ульфанцы совершили тактическую ошибку, полагая, что табачный дым выведет из строя всех землян, но при таком размахе операции они могли особенно не беспокоиться.

Горя желанием увидеть врага, Пис рискнул даже выпрямиться. Теплый ветерок на мгновение поднял дымовую завесу, и Пис разглядел покрытую теми же желтоватыми растениями холмистую равнину, на которой торчало несколько невысоких конусообразных сооружений. Один из конусов светился приятным для глаза розоватым светом. Завороженный пейзажем чужой планеты, Пис для лучшей видимости приставил ладонь козырьком ко лбу, не обращая внимания на резкое усиление активности металлических шершней.

— Ложись, идиот!— крикнул Мерриман.— Ты привлечешь к нам огонь!

Пис рухнул на землю и быстро дополз до какого-то свежего на вид укрытия, в котором уже устраивались его товарищи. Всего там было около двадцати легионеров, некоторые прикрывали лица газовыми масками, и вот к ним-то Пис и стал приглядываться с особым интересом. Если не считать лейтенанта Мерримана, а его можно было не считать, они были первыми ветеранами, встреченными Писом, и даже грязь, полностью покрывавшая их одежду и оружие, не умаляла окружающего их ореола славы. На прибывшее пополнение ветераны не обратили ровным счетом никакого внимания. Появившийся неизвестно откуда капитан зашагал было по направлению к Мерриману, но остановился около Писа и та часть его лица, которая не была закрыта маской, выразила крайнее неодобрение.

— Что ты скрючился, как испуганный заяц? Какой из тебя солдат? Боже, до чего дошла гордая Терра!

Пис хотел отдать ему честь, но передумал.

— Лейтенант Мерриман приказал мне, сэр...

— Не смей обвинять офицера Космического Легиона в том, что у тебя кишка тонка!— прошипел капитан.— Клянусь Юпитером, ты не достоит жить на гордой Терре, но я уж постараюсь, чтобы ты умер за нее! Обещаю!

И, не дожидаясь ответа, капитан удалился.

— Ты точно, сэр!— упавшим голосом сообщил Пис капитанской спине.

— Не повезло,— сказал Бенджер, на четвереньках подползая к Пису, однако выражение сочувствия на его физиономии быстро сменилось удивлением.— Слышь, Уоррен, где эта Терра, про которую они все время долдонят?

— Откуда мне знать?— Пис был слишком встревожен развитием событий, и такие мелочи его не интересовали.

— Терра — это Земля,— сообщил им ветеран, покрытый самым толстым слоем грязи.— Все офицеры называют ее Террой. Никто не знает почему, но советую привыкнуть к этому поскорее. Те, которые называют ее "гордой Террой" — самые худшие.

При этих словах ветеран подмигнул Пису, которого уже начала бить легкая дрожь.

— Ты и вправду думаешь, что капитан сдержит слово? Он уже записал меня?

— Вряд ли, Хэнди не имеет ничего против тебя лично.

— Слава богу, а то мне уже показалось...

— Ему нет нужды куда-нибудь тебя записывать,— продолжал легионер.— Капитан собирается прикончить всю вашу компанию, так что ему совершенно не обязательно обращать на кого-то специальное внимание.

Пис изо всех сил сжал приклад лучевого ружья, словно надеясь набраться от него храбрости.

— Кое-кто так легко не умрет!

— Когда тебе прикажут бежать на пулеметную точку, ты вскочишь и побежать как все. Умрешь ты легко.

— Я больше не могу слушать все это,— пробормотал Бенджер.— Меня сейчас вырвет.

Он уполз в кусты, и скоро оттуда донеслись звуки, свидетельствующие о том, что предчувствие Бенджера не обмануло.

— Но ведь не могут же офицеры хотеть, чтобы всех солдат поубивало...— желая составить для себя целостную картину окружающего. Пис приблизился к собеседнику.— Где твой значок с именем?

— Зовут меня Вад Динкл, а значок оторвало лет сто назад. Барахло!

Пис посмотрел на свой значок и впервые заметил, что он прикреплен только крохотной булавкой и кусочком пластыря телесного цвета. Пластырь начал уже отклеиваться и пластиковый прямоугольничек покосился. Пис поправил его и прижал пластырь, надеясь таким образом прикрепить его навечно.

— Не поможет,— сказал Динкл.— Сами приказывают носить его, а сами...

Тут он замолк и уставился на свои грязные ногти, пережидая серию оглушительных взрывов. Пис, уверенный, что среди всего этого грохота он расслышал чей-то предсмертный вопль, нервно огляделся, но дым стал плотнее, и видно сквозь него было всего шагов на двадцать-тридцать.

Он потянул Динкла за рукав.

— Сколько еще продлится эта газовая атака?

— Газовая?— Динкл поспешно ощупал маску.— Никто вроде не заикался про газ... Что хоть за газ?

— Да вот все это вокруг...

Динкл оставил маску в покое и сурово посмотрел на Писа.

— Издеваешься?

— Да нет же! Лейтенант Мерриман сказал...

— Этот недоносок! Разве он не говорил, что вся планета такая?

— Вся планета?

— Обычная ульфанская атмосфера.— Динкл оторвал лист одного из вездесущих желтых растений и сунул под нос Пису.— Нюхай!

Пис сделал, что ему было велено.

— Табак?

— Верно, сынок. Табаком покрыта вся поверхность Ульфы, а когда вулканы начинают брызгать лавой и швыряться горячими головешками... Что с тобой?

— Ничего,— ответил Пис, уткнувшись в ладони.— Я представлял себе это по-другому... Где слава? Где величие?

— Обыщи меня!— сказал бесчувственный Динкл.— Я здесь для того, чтобы воевать.

— Но зачем?

— Я знаю только, что ульфанцы первые начали. Единственное, чего Земля требует от планет Федерации, это чтобы они признавали Хартию Равноправия и уважали Договор и Свободной Торговле. Справедливо, не так ли?

— Конечно,— ответил Пис, стараясь придать голосу спокойствие.— А чем же занимались ульфанцы — работоторговлей? Пытали политзаключенных?

— Хуже, Уоррен! Они отказались выполнять Договор о Свободной Торговле! Не желают импортировать свою квоту земных продуктов!

Странные интонации в голосе Динкла заставили Писа насторожиться.

— Каких продуктов?

— Сигарет и сигар.

— Сигарет и сигар?

Динкл серьезно кивнул.

— И не только это! Им хотелось наполнить Федерацию табаком за бесценок!

Грозное выражение на лице Динкла выглядело чрезвычайно патриотично.

— Негодяи заслужили наказание!

— Но ведь их точка зрения совершенно ясна,— сказал Пис,— я имею ввиду...

— Кому понятна их точка зрения?— прищурился Динкл.— Кто ты, Уоррен? Релятивист? Зеленый?

— Нет! Вернее, я не знаю. А кто такие зеленые?

— Понятно — проверка...— сказал Динкл.— Я сразу подумал, что ты, Уоррен, не похож на легионера, а то, что я назвал лейтенанта Мерримана недоноском, так это выражение дружеских чувств. Я называю так только своих лучших друзей.— Он похлопал по плечу сидевшего рядом ветерана.— Верно, недоносок?

Легионер тут же схватил Динкла за горло.

— Кого это ты называешь недоноском, падаль?

Динкл начал было отпихивать противника, но схватка их была прервана голосом лейтенанта Мерримана, приказавшего взводу собраться поближе к капитану Хэнди. Все, и закаленные в боях ветераны, и сырые новобранцы, тут же образовали полукруг у точки, в которой, привалившись спинами к низкому брустверу, сидели капитан Хэнди и лейтенант Мерриман. Табачный дым все так же окутывал окрестности, и из него доносились все те же сердитые пулеметные очереди. Пису не верилось, что всего несколько часов назад он был еще на Земле. В безопасности. Он не имел ни малейшего понятия, что стряслось с ним перед вступлением в Легион, но полагал, что тогда ему было куда лучше, чем сейчас.

— Капитан Хэнди желает обратиться к вам с приветствием,— пискнул Мерриман, осторожно приподняв маску, и улыбнулся. Эллипс его губ чуть-чуть вытянулся, обнажив еще по одному зубу с каждой стороны.— Я уверен, что вы, так же как и я, впрочем, глубоко уважаете капитана Хэнди, одного из блестящих офицеров Легиона, и поэтому сочтете за честь, как и я, впрочем, что офицер, о котором ходит столько легенд, нашел время, чтобы лично руководить решающей фазой операции наступления.

В знак одобрения всему сказанному капитан кивнул и дотронулся пальцем до опухоли, под которой скрывался усилитель команд.

— Хотите — верьте, ребята, хотите — нет, но мне эта штука совсем не нравится. Она не только слишком дорога, но и, я уверен в этом, совершенно бесполезна. Я и так знаю, что каждый из вас при первой возможности отдаст жизнь за гордую Терру безо всякого электронного понукания.

— Дождались!— угрюмо прошептал Динкл окружающим.— Сейчас он начнет распространяться насчет устрашающего психологического эффекта, который произведет на противника вид солдат гордой Терры, бесстрашно марширующих прямо на жерла пушек!

— Помолчи,— шепнул Пис,— ни один командир не может быть таким идиотом.

— Но это единственная тактика, известная капитану Хэнди!

Динкл подчеркнул силу своих слов плевком, но из неудобного положения промазал, попал себе на ботинок и принялся яростно стирать слюну.

— Все пропало, прощайте, ребята...

— ...поделиться с вами кое-какими соображениями,— говорил Хэнди.— Дела в нашем секторе идут не так хорошо как нам всем хотелось бы. Тонкая красная линия границ гордой Терры слишком тонка. Я не обещаю вам быстрой победы, как на Аспатрии. Но у вас есть огромное преимущество перед врагом, величайшее оружие, которым он не владеет — наш несокрушимый боевой дух. Ульфанцы — сборище недисциплинированных, трусливых подонков. Сражаться они могут только, зарывшись в грязь и отстреливаясь из-за валунов!

В этом месте Хэнди сделал паузу, словно стараясь подчеркнуть свое презрение к столь неприличному, по его мнению, поведению.

— В этом секторе мы собираемся воспользоваться нашим главным оружием, нашим моральным превосходством, боевым духом. Ульфанцы надеются, что мы будем сражаться столь же трусливо, но мы удивим их, мы пойдем прямо вперед! Вперед — с высоко поднятыми головами и развевающимися знаменами! Представьте только, какой удар испытают ульфанцы при виде солдат гордой Терры, стройными рядами марширующих прямо на жерла пушек!

— Конечно, потери будут,— продолжал Хэнди, разочарованный отсутствием ожидаемой реакции,— и, скорее всего, потери тяжелые, но в конце концов враг подожмет хвост и побежит без оглядки. Анналы военной истории полны такими подвигами — вспомните хотя бы бригаду легкой кавалерии!

Бенджер поднял руку.

— Сэр, я видел кино про эту атаку. Их всех поубивали. Разве это не было трагической ошибкой?

— Десять твиков, Бенджер,— приказал Мерриман.

Радуясь нежданному развлечению, большинство зрителей повернулись, чтобы насладиться зрелищем самоистязания Бенджера, но тут совсем рядом разорвался снаряд и все бросились ничком на землю. Шрапнель засвистела по кустам, и когда Пис снова сел, то увидел, как буквально в нескольких шагах от него кто-то бьется в беззвучной агонии. Двое санитаров Красного Креста подобрали страдальца и исчезли с максимально возможной быстротой.

— Надеюсь, все видели это!— бодро произнес капитан Хэнди.— Видели, а следовательно успокоились, и приободрились. Выйдя из прогрессивного межзвездного сообщества, ульфанцы остались с древним огнестрельным оружием. Вы же, солдаты гордой Терры, вооружены наисовременнейшими винтовками — оружием неограниченной дальнобойкости и высочайшей точности! Идите и действуйте! Докажите, что оружие дано вам не зря! Идите бесстрашно и гордо! Убивайте ульфанцев, и Галактика станет подходящим местом для жизни, в котором можно... э-э... жить!

Лейтенант Мерриман, забыв, наверное, что сейчас не тот случай, попробовал изобразить аплодисменты.

— Ребята, я уверен, что вы, как и я, впрочем, воодушевлены блестящей речью капитана Хэнди. Однако время разговоров кончилось, пришла пора действовать!

— Ему-то хорошо,— пробормотал Пис, чувствуя, как его желудок превращается в кусок льда.— Мы понесемся в атаку, а он останется здесь.

— Не останется,— сказал Динкл, подтягивая ремешок шлема.— Эти молодые лунатики из академии всегда идут в атаку первыми. Поэтому я еще не видел ни одного из них старше двадцати двух лет.

— Но почему?

— Традиция, надо полагать. Все они чокнутые!

— Просто удивительно!— с горечью сказал Пис, наблюдая за тем как лейтенант Мерриман призывно машет рукой и лезет на бруствер. Пулеметы застучали чаще. Пис подумал было о том, чтобы вжаться поглубже в землю, но тут в мозгу его заработали проволочные щетки, и не успел он понять, что происходит, как мчался к ульфанским позициям.

Просторные ботинки затормозили его стремительное продвижение, и пока Пис боролся с ними, взвод исчез впереди в дыму. В попытке удержать ботинки на ногах Пис поджал пальцы, и один из выступов, которые он заметил раньше, слегка подался. Мгновением позже Пис уже летел по воздуху, толкаемый давлением подошвы, словно прыгун-олимпиец, устанавливающий мировой рекорд. Слишком потрясенный, чтобы издавать какие-либо звуки, Пис изо всех сил старался удержать равновесие и сдвинуть ноги, так как ботинки явно вознамерились разлететься в разные стороны и разорвать его пополам. По высокой параболе ботинки пронесли его, невидимого, над торчащими из дыма головами товарищей по оружию, и на несколько секунд Пис вообще потерял землю из вида. Внезапно планета прыгнула вверх, чтобы встретить его, и Пис — неуклюже, на одну ногу, размахивая руками — приземлился в густом переплетении табачных кустов.

Тяжело дыша и прислушиваясь к колотящемуся в груди сердцу, Пис уселся на землю и с благоговейным ужасом обследовал красно-золотые ботинки. Он вспомнил, что клерк в Форт-Экклсе назвал их семимильными, и теперь, правда со значительным опозданием, он догадался, почему — в каждый из них был встроен миниатюрный генератор антигравитации. Пис сидел и думал, безопасно ли будет сейчас встать на ноги, но тут где-то впереди треснула ветка. Пис вздрогнул, поднял голову и увидел человека в хаки, осторожно пробирающегося сквозь дым. В руках человек держал допотопный автомат, и по этому признаку Пис безошибочно признал в нем врага. На лице ульфанца была написана такая растерянность, которую испытывал и сам Пис.

Чувствуя величайшее отвращение к тому, что он делает, Пис поднял свое сверхсовременное оружие. Решив прикончить ульфанца так, чтобы тот поменьше мучился, Пис прицелился ему в сердце и нажал курок,

выпуская на волю поток смертоносного излучения. В глубине души Пис надеялся, что промажет, но пурпурный луч угодил точно в цель.

Ульфанец схватился за грудь, завопил от боли и удивления, потом грязно выругался, развернулся и выпустил из автомата длинную очередь в направлении Писа.

Потрясенный тем, что оружие, способное свалить динозавра, не причинило никакого вреда человеку среднего роста, Пис метнулся в заросли. Размышлять о том, что именно не сработало, не оставалось времени — пули, летящие из допотопного автомата, косили стебли табака и считанные мгновения оставались до того, как одна из них положит конец карьере Писа в Космическом Легионе. Тут до него дошло, что семимильные, занесшие его в эту передрягу, с тем же успехом могут из нее и вынести.

Изготовившись к полету, Пис лихорадочно зашевелил пальцами ног и почти сразу почувствовал, как щелкнули контрольные кнопки.

Пис успел судорожно вздохнуть, антигравитаторы заработали, но вместо того, чтобы поднять их обладателя в воздух, понесли его вперед по прямой траектории. Когда ульфанец увидел летящего прямо на него из тумана Писа, челюсть его отвисла.

Раздраженный загадочным поведением обуви, Пис попробовал выпрямиться в полете, но ботинки опередили его и опрокинули на спину. Пис задрал ноги, ощутил сильнейший удар по филейной части, мгновение позже сидел на груди вражеского солдата. При столкновении красные с золотом ботинки слетели с ног и, освободившись от ненужного груза, взмыли в небо, как пара испуганных попугаев. Обуреваемый смешанными чувствами, Пис следил, как они исчезали в зените, и внезапно до него дошло, что он потерял ружье и жизнь его подвергается серьезной опасности. Несколько запоздало он схватил противника за горло, но тут же смущенно отпустил, увидев, что то почти не дышит и смотрит на Писа с каким-то отрешенным ужасом.

— Лежи и не двигайся!— приказал ему Пис, вставая. Он сразу же заметил валяющийся в кустах автомат ульфанца и свое собственное ружье, и только он успел подобрать их, как из клубов дыма возникли фигуры Динкла, Фарра и Райана.

— Уоррен! Как ты ухитрился обогнать нас? Я думал, тебя...

Тут Райан заметил недвижимого ульфанца и глаза его расширились.

— Убит?

— Нет.

Пис с любопытством осмотрел мундир поверженного врага и заметил только темное пятно на левой стороне груди. Он повернулся к Динклу и протянул ему свое ружье.

— Посмотри, что в нем сломалось. Я стрелял всего метров с двадцати, но это только взбесило его.

Динкл пожал плечами.

— Так всегда бывает.

— Но капитан сказал, что у этих ружей неограниченная дальнобойность и...

— Верно, но только не в дыму — слишком много энергии поглощается взвешенными частичками.— Динкл прямо-таки купался в мазохистском удовольствии, которое испытывает человек, сообщающий дурные новости.— В общем, если на дворе легкая дымка, обороняться лучше всего молотком. А уж в дыму...

— Поправь меня, если я ошибусь,— вставил Райан,— но ведь на Ульфе дым в воздухе постоянно?

— Только потому, что противник пользуется устаревшими орудиями убийства — автоматами, гранатами, огнеметами...

— Да, хуже, чем я думал,— пробормотал Райан, и его бледная пухлая физиономия побледнела еще больше.— У кого еще есть такое же лучевое оружие?

— Только у наших союзников. Они купили его у Земли.

Динкл оглядел товарищей по несчастью, желая убедиться, дошел ли до них смысл сказанного и продолжал:

— Если бы вам удалось подружиться с врагами и начать сражаться против друзей, все было бы в порядке. Дело в том...

— Не верю я всей этой чепухе,— промолвил Фарр, изобразив свою обычную гримасу.— Мы же победили Аспатрию, верно? Как сказал Хэнди, эта победа была легкой.

Ко всеобщему удивлению, лицо Динкла исказилось от страха.

— А ты спроси меня, и я отвечу, что ни мы, ни Аспатрия войны не кончали! Это сделали ковры-самолеты и еще оскары.

Для Писа в этих словах не было ничего зловещего, но что-то в нем все-таки шевельнулось...

— Кто это — ковры-самолеты и оскары?

— Радуйся, что не знаешь... Однажды ковер-самолет зацапал моего приятеля.— Глаза Динкла затуманились, словно перед ними проходила вереница ужасных картин.— Ковер упал с дерева. Прямо на него. Покрыл его, как огромная тряпка и начал переваривать... Никогда не забуду этих воплей! Ему повезло, что я оказался рядом... Здорово повезло!

— Ты спас его?— сказал Райан.

— Нет, пристрелил... Он страдал всего несколько секунд. Я рисковал, оставаясь там так долго, но это было единственное, что я мог сделать для друга.

Райан бочком отодвинулся от Динкла.

— Никогда ничего не делай для меня, слышишь? Если вдруг увидишь, что я страдаю, отвернись и смотри в другую сторону!

— Что тут происходит?— послышался приглушенный маской голос лейтенанта Мерримана, и скоро он и сам вынырнул из тумана.— Почему отсиживаетесь в тылу?

— Рядовой Пис взял пленного, сэр!

Динкл показал на подающего первые признаки жизни ульфанца.

— Мы как раз собирались допросить его.

— Прекрасная работа, Пис! У вас есть голова на плечах!— Во взгляде Мерримана читалось одобрение.— Я уж позабочусь, чтобы с сегодняшнего дня вы были только на передовой!

— Благодарю вас, сэр!

Слова лейтенанта пришлись Пису не по душе, однако рассказ Динкла оказал на него странное действие — возможность поймать ульфанскую пулю почему-то перестала вызывать у него панический ужас. Правда, очень скоро размышления на эту тему пришлось отложить до лучших времен — Пис обнаружил, что его не защищенные ботинками ноги прилипли к земле. Он глянул вниз и обнаружил, что стоит в луже какой-то черной вязкой жидкости, просочившейся, казалось, из самых недр планеты. С трудом удерживая на ногах носки, Пис перебрался на сухое место.

— Я сам допрошу пленного,— сказал Мерриман и легонько ткнул ульфанца носком ботинка.— Эй, ты, трусливая инопланетная собака, советую без утайки выложить мне все о ваших силах и диспозиции!

Опершись на локоть, ульфанец приподнялся.

— Вы меня сразу расстреляете или будете сначала пытать?

— Да как ты смеешь!— Мерриман был шокирован.— Терра обращается с военнопленными благородно!

— В таком случае,— сказал ульфанец,— катись к чертовой матери.

В ярости Мерриман сорвал маску, но наглотался табачного дыма и вынужден был снова вытянуть ее. Он кашлял и задыхался, резиновая маска ужасно надувалась и хлопала при каждом спазме, а видимые части лица окрасились в вишневый цвет.

— Не надо было говорить ему этого, сэр,— колотя Мерримана по спине, произнес Динкл.— Разрешите попробовать с ним по-другому?

— Что...— Мерриман подсунул под маску палец и вытер слезы.— Что вы ему скажете?

— Посочувствую, сэр. Это всегда помогает. Смотрите.

Он извлек из кармана две каких-то плоских пачки, раскрыл одну из них и нагнулся к пленнику. В пачке оказался ряд белых тонких цилиндриков. Динкл протянул ее ульфанцу.

— Бери.

— Спасибо.

Ульфанец взял цилиндр, засунул его в рот и несколько раз жадно затянулся. По его лицу расплылась блаженная улыбка.

— Что такое?— потребовал объяснений Мерриман.— Он даже не зажег эту штуку! Что вы дали пленному?

— Ульфанцы пользуются ими вместо сигарет, сэр.— Динкл встал и протянул пачку лейтенанту.— На прошлой неделе мы захватили целый грузовик. Туземцы дышат табаком всю жизнь, а взбадривают себя, посасывая чистый воздух через фильтры. Этот сорт — для самых закорене-

лых воздушников, хотя многие, и среди них почти все женщины, употребляют сорта послабее.

Динкл открыл вторую пачку и показал всем ряд цилиндриков, очень похожих на земные сигареты, только наоборот — длиннющий фильтр и коротенький слой табака на одном конце.

— Отвратительная привычка!— сказал Мерриман.— Ну, посмотрим, что у нас получится.

Динкл вернулся к пленному и отдал ему обе пачки.

— Бери все, приятель. Подарок от Легиона!

— Спасибо.— Ульфанец заглянул поочередно в обе пачки.— Купонов нет?

С несколько виноватым видом Динкл вытащил из кармана стопку синих прямоугольничков.

— Ну, а теперь? Рассказывай!

Ульфанец глубоко затянулся.

— Сгинь!

Пис, считавший пленника своей собственностью, гневно шагнул вперед, чтобы отнять у негодяя антисигареты, но тот с искаженным от страха лицом отполз подальше.

— Не подпускайте его ко мне!— торопливо запричитал он, умоляюще глядя на Мерримана.— Не разрешайте ему прыгать на меня!

Мерриман подозрительно уставился на Писа.

— Что вы с ним сделали?

— Просто... прыгнул на него, сэр. Рукопашная схватка, понимаете ли...

— Я же говорил — Пис это нечто особенное!— сказал Райан Фарру.— Спорим, он вытянет из ульфанца все, что нужно!— и, повернувшись к Пису, добавил: — Ну-ка, сигани на него, а мы посмотрим!

— Я все расскажу!— завопил ульфанец, хватая Мерримана за ногу.— Видите, я уже говорю! У нас нет людей в этом секторе, только техника и разведчики. Стреляют роботы, а их легко выключить, если подобраться сзади.

— Нет людей?— переспросил Мерриман.— Почему?

— Потому.— Ульфанец показал на черную лужу, из которой только что выбрался Пис.— Это табачная смола. Ребята отказываются дышать таким дымом, хотя лично я считаю, что он не вреднее любого другого. Дедушка дышал им каждый день и дожил до девяноста лет. Так что если...

— Молчать!— рявкнул Мерриман.— Не очень-то я верю твоим россказням. Не иначе, это грязный ульфанский трюк. Роботы одинаково стреляют и по своим, и по чужим.

Пленник отрицательно затряс головой:

— У нас есть такие устройства... они непрерывно передают кодированный сигнал. Возьмите мое, но тогда уж не отпускайте меня далеко.

— И точно,— сказал Пис,— пока он с нами, не слышно ни взрывов, ни выстрелов.

— Благодарю за службу, рядовой Пис! Голос лейтенанта затерся где-то в недрах респиратора.— Это может стать поворотным моментом битвы, а может быть, и всей кампании. Я сейчас же доложу капитану Хэнди.

Лейтенант поднес наручный коммуникатор к области рта, и что-то забормотал, а Райан схватил руку Писа и энергично затряс. Даже Фарр изобразил что-то вроде дружелюбной ухмылки.

— Великолепно, Уоррен, просто изумительно!— трещал Райан.— Если бы не пленник, нам не прожить здесь и недели, а теперь... похоже, скоро будем праздновать победу! Мне всегда хотелось въехать в город на танке. Девушки бросают мне цветы, сигареты... бросают ДЕВУШЕК!!!

Тут его внимание отвлек слабый, но безошибочно недовольный оттенок в голосе лейтенанта. Он был тем заметнее, что оказался совершенно неожиданным.

— ...со всем уважением, сэр,— говорил Мерриман,— но я не верю, что ульфанцы ударятся в панику, когда услышат, что мы стройными рядами маршировали прямо на их роботов. Точнее сказать, я уверен, что они умрут со смеху. Да, я понимаю, как вы расстроены, не получив подтверждений своей теории, но...

Некоторое время Мерриман слушал, кивая головой.

— Я совсем не хотел сказать, что вы...

Он послушал еще немного и — невероятно!— плечи его опустились.

— Так точно, сэр, я понимаю, какая это честь — умереть за Терру...

Райан схватил Писа за руку.

— Мне это не нравится, Уоррен!

Лейтенант Мерриман выключил радио, вздохнул, повернулся к солдатам и снял маску, ухитрившись при этом даже кашлянуть. Рот его пополз вверх и вправо и принял форму запятой, долженствующей, очевидно, выразить своей формой крушение иллюзий. Пису стало его жалко. После короткой паузы лейтенант сказал:

— Капитан Хэнди шлет свои поздравления. Вы показали себя настолько ценной боевой единицей, что в штабе решили отправить вас на планету Трелькельд. Вы будете там через пару часов. Я, естественно, отправлюсь вместе с вами.

Привлекая внимание лейтенанта, Райан пошевелил пальцами.

— Этот Трелькельд... что за планета?

— Мы теряем на Трелькельде больше людей, чем успеваем туда переправить.

— Боже мой!— Райан повернулся к Пису и вперил в него прокурорский взгляд.

— Это ты виноват, Уоррен, мы еще не успели выпить по чашке кофе, а уже торопимся на вторую войну.

Пис ответил самым неприличным из всех ругательств, но мысли его были заняты другим. Для того, чтобы хоть как-нибудь продлить свою жизнь, существует один-единственный способ — каким бы невозможным это не казалось на первый взгляд, какие бы трудности не поджидали его — он обязан вспомнить, что случилось с ним в прошлой жизни и расторгнуть контракт с Легионом. Начинать было совершенно не с чего, шансы встретить человека, знающего Писа на Земле — ничтожны.

Труся в составе ценной боевой единицы к месту посадки в звездолет, Пис не переставал думать о тайне, окутавшей его прошлое. Все, кому не лень, твердят, что он погряз во грехе, но, покопавшись в себе, Пис не обнаружил никаких антиобщественных устремлений. Это поставило его перед философской проблемой — узнает ли он криминальную тенденцию, если ему сунут ее под нос? Способен ли кто-нибудь сознательно признать себя преступником? Не считает ли замышляющий преступление "плохой" человек себя таким же "хорошим", как любой образцовый член общества?

Пису пришлось прервать свои размышления, потому что прибыл звездолет — по размытой дуге вынырнул из-за горизонта и тяжело осел на мягкую почву. Праздные двери распахнулись без всякого видимого человеческого участия, и Мерриман пригласил всех внутрь. Вздрогнув от прикосновения не защищенных более пяток к ледяному металлическому полу, Пис ввалился в корабль и отрешенно плюхнулся на первую попавшуюся скамью. Он не участвовал в битве за места с привязанными ремнями, и с холодным реализмом рассудив, что ужасы межзвездного перелета — ничто по сравнению с опасностями, подстерегавшими легионера на передовой. Надежд на избавление у него было меньше, чем у любого другого. К прошлому не вело ни единой тропинки, и он обречен мотаться по галактике в похожих друг на друга как две капли воды железных гробах...

Внезапно взгляд Писа упал на маленький синий предмет, лежащий прямо перед ним на полу, и он понял, что этот звездолет — тот же самый, что доставил их на Ульфу. Когда он видел синюю лягушку в последний раз, она была расплющена до неузнаваемости, но молекулярная память уже успела вернуть ей первоначальный вид. Пожелав своему телу того же, Пис подобрал лягушонка и с грустью уставился на него — будь он разумным, много чего мог бы порассказать...

— Что это ты нашел?— усевшийся рядом Динкл нагнулся, чтобы получше рассмотреть загадочный предмет.— Ух ты! Кто-то весело пожил!

Пис покрепче ухватил изготовившуюся упрыгать лягушку.

— Что-что?

— Такие штуки выдают только в "Голубой лягушке" на Аспатрии, да и то постоянным клиентам.

— В "Голубой лягушке"?— разволновался Пис.— Что это? Бар? Ресторан? Ночной клуб?

Динкл кивнул.

— Самый шикарный в Точдаун-сити на всей Аспатрии. Не понимаю, как человека, получающего жалкие легионерские крохи, могло занести в такое место?

— Это зависит от того, как смотреть на жизнь,— пробормотал Пис, засовывая драгоценное земноводное поглубже в карман.— Кое-что просто не может себя заставить держаться от таких мест подальше!

Глава 5

В некотором отношении планета желтых небес Трелькельд оказалась не столь кошмарной, как представлялось Пису. Если ульфанская компания была карательной операцией против взбунтовавшихся колонистов — Пису сама идея гражданской войны казалась отвратительной — то на Трелькельде Легион просто-напросто расчищал покрытый джунглями континент для геологической разведки. Еще одним обстоятельством, успокоившим мятущуюся совесть Писа, было отсутствие на планете разумных форм жизни. Коммерции угрожали только дикие животные.

Однако на этом месте список преимуществ Трелькельда резко обрывался.

Обитатели джунглей были настолько злобными, неприятными на вид, и было их такое великое множество, что планета казалась испытательным полигоном природы, задавшейся целью вывести здесь наимерзейшее чудовище Вселенной. В приступе изобретательности она создавала животных, которые заманивая жертву, притворялись растениями. Тут обитали насекомые, страстно желавшие быть раздавленными — меньше чем через секунду их кровь прожигала пластиковую подошву и сотни яиц в момент контакта с человеческой плотью превращались в личинок, за минуту оставлявших от ноги несчастного только гремящие в сапоге кости.

Водились в джунглях электрические змейки, змеи-удавки и змеи-кинжалы — целью их существования было доказать справедливость этих имен; птицы-гранаты, птицы-томагавки и дятлы-черепушки — все они с утра до ночи занимались тем же; бронированные монстры, столь полные жизнью, что даже их конечности, отрезанные лучами лазеров, бесчинствовали еще по полдня, причиняя разрушений больше, чем причинил бы родитель, останься он целым.

У каждого в двести третьем полку был в джунглях свой любимец. Пис, например, большее отвращение питал к сорокоротке, сложносоставной зверюшке, похожей на гусеницу. Каждый ее сегмент был самостоятельной гадией, отдаленно напоминающей круг сыра, с четырьмя короткими быстрыми ножками, ужасными челюстями и массой нервных окончаний на спине и животе. Эти отдельные составные части были довольно опасны сами по себе — злобные, быстрые, агрессивные поганки, попасть в которые из винтовки было неимоверно трудно, когда штук десять или двенадцать соединялись в сорокоротку — и берегись! Чтобы заставить чудовище распасться, нужно было поджарить не менее половины сегментов. Правда, остальные тут же разбегались и возобновляли атаку со всех сторон.

Тогда же мысль о побеге завладела Писом безраздельно.

Первым делом нужно было вытянуть как можно больше информации от лейтенанта Мерримана, но поговорить с ним один на один долго не представлялось возможности — лейтенант, которого снова охватил патриотический зуд, проводил все часы бодрствования в гуще схватки. Только на третий день Пису удалось загнать его в угол неподалеку от полевой кухни. Когда Мерриман осознал, что капкан захлопнулся, рот его сделал несколько неудачных попыток с неудовольствием сжаться.

— Мне некогда болтать с вами, Пис,— пропищал он, нетерпеливо ковыряя ногой землю.— Мы не спасем Терру, работая языками!

— Но дело обстоит именно так, сэр!— возразил Пис, стараясь произносить только те слова, которые обязательно найдут путь к сердцу.— Мы спасем ее!

Мерриман отпрянул.

— Что за чушь вы несете, Пис?

— Сэр, сорокоротки сожрали уже уйму наших, и... и...— ужасаясь собственной лжи, Пис выпалил: — Я придумал, как бороться с ними!

— Слушаю!

— Ну...— в поисках вдохновения мысли Писа обгоняли одна другую.— В общем они особенно опасны, когда соединяются дюжинами, значит, этого нельзя допустить!

— Каким образом?

— Их надо опрыскать маслом, сэр! Тогда они будут соскальзывать друг с друга! Сойдет любая смазка — даже крем для загара...

— Ваша идея гнусна и отвратительна!— зловеще сказал Мерриман.

Пис, чье мнение по этому вопросу было в точности таким же, схватил лейтенанта за руку.

— А еще мы можем опрыскать их чем-нибудь, чтобы изолировать нервные окончания. Любой быстросохнущий лак... лак для волос, например.

— Интересно, что подумают на Терре про Легион, если мы начнем заказывать крем для загара и лак для волос?

С этими словами Мерриман вырвал руку и подозрительно уставился на Писа.

— И вообще, что это за разговор? Очередной трюк "зеленых"?

— Прошу вас, сэр, не надо так говорить!— с жаром сказал Пис, чувствуя, что наконец-то разговор принимает нужный оборот.— Никто не может быть более предан Легиону и вам лично! Знайте же, повиноваться меня заставляет не усилитель команд, а любовь к... э-э... Терре и уважение к вам, как к офицеру!

— Не пытайтесь ублажать меня!

— Это святая правда, сэр!

— Если бы я хоть на секунду представил себе, что это серьезно...

— Совершенно серьезно, сэр!

— Ну... В таком случае, спасибо. Такого мне раньше никто не...

Мерриман несколько раз моргнул, потом достал носовой платок и высморкался.

— Иногда мне хочется, чтобы побольше людей в Генеральном Штабе стали похожи на генерала Найнингела, который запретил пользоваться усилителями в своей дивизии... Ведь я никогда не узнаю, прирожденный я лидер, или нет!

— Да, сэр, это серьезнейшая проблема. И все потому, что кто-то вделал в ваше горло дурацкую мембрану, и она вибрирует... с какой частотой? Десять килогерц?.. Восемь?..

— Двенадцать,— автоматически ответил Мерриман.— Знаете, Пис, я получил огромное удовольствие от нашей беседы. Мне и в голову не приходило, что вы так чувствительны и... Куда вы, Пис?

— На передовую, сэр!— И Пис указал на зеленоватую стену джунглей — границу освоенной человеком территории.

Время от времени полумрак под деревьями разрывался пурпурными вспышками, слышны были крики людей, заглушаемые ревом, хрипом и шипением разнообразнейшей фауны, изгоняемой из своих владений. Подбегая к линии огня, Пис почувствовал себя слегка виноватым в том, что облапошил ничего не подозревающего лейтенанта, но если жизнь дорога ему, нельзя быть слишком разборчивым в средствах.

Он внимательно осмотрелся и через несколько секунд заметил то, в чем испытывал крайнюю нужду — запас электронных компонентов. Запас этот имел форму валяющегося под кустом лучевого ружья, чудовищно изуродованного неким таинственным актом насилия. Пис не сомневался, что владелец его пребывает в столь же плачевном состоянии и, подняв ружье, с облегчением обнаружил, что к нему не прилипло ни единого ошметка органического происхождения. Пис вытащил из приклада блок лучевого генератора и засунул себе в карман.

В этот момент взрослый кнутолом, занятый мыслями исключительно о том, как бы эффективнее оправдать обе части своего имени, прыгнул на него с дерева, и последующую минуту Пис провел, отбиваясь от него искареженным ружьем, в то время как исправное болталось у него за

спиной. Когда ему удалось наконец сбить зверюгу на землю и прикончить, он взмок и чуть ли не верещал от страха.

Инцидент напомнил Пису, что может случиться, стоит расслабиться и ослабить бдительность. Он решил отложить планирование побега до тех пор, пока обстановка не станет более благоприятной для мыслительных процессов. Следующее напоминание пришло через час, когда всего в нескольких метрах от него человек с латинскими чертами лица, имени которого Пис так и не запомнил, был подхвачен каким-то чешуйчатым монстром, и с прощальным "Мамма миа!" запихнуть в разверзшуюся пасть.

Когда темнота подвела итог дневной битве, остаткам взвода лейтенанта Мерримана было позволено вернуться в лагерь, насладиться котелком болтанки и отдохнуть на кучках сухой травы. Как ни устали солдаты, мало кто мог уснуть, потому что сено было местного происхождения, и каждая составляющая его травинка двигалась по собственному усмотрению, норовя пустить корни в каждом телесном отверстии, до которого могла добраться.

Пис уселся в углу и, отвлекаясь только на то, чтобы отшвырнуть чересчур расшалившуюся травинку, принялся разбирать генератор. Освещение в палатке было явно недостаточное, но Пис с радостью обнаружил, что его пальцам темнота ничуть не мешает. Если бы его представления об электронике разошлись с действительностью так же далеко, как и представления о звездолетах, это означало бы крушение всех планов.

Пис работал еще два часа и, благодаря всевышнего за то, что пуговичные терминалы дают возможность обойтись без паяльника, соорудил устройство, хотя и с ограниченным радиусом действия, но способное нейтрализовать все звуковые колебания частотой двенадцать килогерц. Еще десять минут заняла маскировка устройства в шлеме, и довольный Пис улегся на шаловливую травку. Украдкой наблюдавший за ним Райан приподнялся на локте.

— Эй, Уоррен, что это за штуку ты запихал в шлем?

— Потише!— прошипел Пис.— Мне совсем не хочется, чтобы про нее узнал весь взвод!

— Но что это такое?

— Это... э-э... микроплеер.— Пис несколько раз взмахнул руками, словно дирижируя невидимым оркестром.— Куда бы я ни шел, хочу, чтобы в ушах звучала музыка!

— Хотелось бы мне смастерить что-нибудь подобное!— с восхищением прошептал Райан.— Все, что я знаю про хи-фи, так это то, что у него есть снимать и говоритель, а между ними...

— Хватит!— оборвал его Пис.— Это древняя шутка, Верни, и устарела она в ту же секунду, когда ее изобрели. Не возражаешь, если мы немного поспим?

— Я хотел подбодрить тебя, Уоррен. Тебе что, не нравятся розыгрыши?

— Если бы у меня были розы...

Смертельно уставший Пис уснул прежде, чем успел закончить фразу, и снились ему ночью простые, короткие сны, которые и должны сниться человеку, чья память уходит в прошлое всего на три дня.

Выйдя из-под власти специальных обертонов командирского голоса, Пис обрел некоторую свободу. Приходилось, конечно, выполнять все именные приказы, но стоило Пису скрыться от офицерского ока — а сделать это при всеобщей неразберихе было до обидного легко — как он тут же начинал заниматься своими делами. Юному лейтенанту-идеалисту ни разу не пришло в голову спросить, чем это Пис занимается, достаточно было напустить на себя угрюмый и решительный вид.

Обретя свободу, Пис первым делом посетил равнину, на которой садились звездолеты, и убедился, что его новые идеи о космическом транспорте оказались неверными по крайней мере в одном важном пункте. Избавившись от представления о звездолетах как о грациозных сверкающих иглах, он тем не менее думал, что на каждом железном ящике висит табличка, на которой указал порт назначения. Обнаружив, что это не так, Пис понял — воспоминания эти связаны с каким-то другим средством передвижения.

Он доказал самому себе, что все еще прекрасно разбирается в электронике, однако машина в Форт-Экклс, предназначенная исключительно для того, чтобы стирать греховные и преступные воспоминания, решила изъять все сведения о звездолетах и управлении ими. Значит ли это, что жизнь его была связана с космосом? Кем он был? Пилотом? Конструктором?

Пис позабавлялся немного с идеей, что сможет определить кем был, просто-напросто вычеркивая из воображаемого списка области знания, в котором он был полной невеждой. Однако трудно было различить невежество натуральное и искусственное. Он ничего не знает о способах спаривания и размножения жучков-древоточцев, но значит ли это, что он занимался спасением от них мебели?

Решив, что действие лучше размышления, Пис вернулся в настоящее. Он определил цель — Аспатрия, и все свободное время отирался поблизости от космодрома, надеясь пробраться на звездолет, идущий в нужном направлении. Сперва он хотел порасспрашивать об этом звездолетчиков, но после десятка виденных стартов начал подозревать, что корабли управляются автоматами. Тогда он стал приставать к отбывающим с Трелькальда легионерам. Подобная активность имела своим результатом потрясающее открытие — есть в галактике места, по сравнению с которыми Трелькальд все равно, что лужайка для пикника.

Через три дня после того, как Пис построил нейтрализатор команд, взвод перебросили на Торвер, дождливую планету, где несносный Фарр умер ужасной смертью, пнув по неосторожности какую-то поганку, взорвавшуюся с такой силой, что миллионы спор прошили Фарра насквозь.

Когда его хоронили, десять минут спустя, он был уже с ног до головы покрыт молоденькими грибками. Пис простил Фарра за многочисленные замечания, касающиеся его ног, и с удвоенной силой принялся за поиски звездолета, направляющегося на Аспатрию.

Еще через неделю лейтенант Мерриман со взводом были уже на планете Хардист, где, спасаясь от местного крокодила, бедолага Бенджер вскарабкался на дерево и был тут же сожран самим деревом. К этому времени Пис совершенно отчаялся, хотя и унаследовал ботинки Бенджера, которые, после того, как он вытряхнул из них остатки прежнего владельца, пришлись точно на него.

Устраиваясь на ночь, Пис успел подумать, прежде чем богатырский сон свалил его, зачем сочинившие контракт адвокаты приложили столько трудов, чтобы закабалить легионера на тридцать, сорок или даже пятьдесят лет. Судя по тому, что творилось в 203-ем, можно было с уверенностью предсказать, что Пис будет отравлен, раздавлен, разорван или съеден самое большое через две недели. Не исключались и вероятность того, что все эти события могут произойти почти одновременно.

Скоро Пис обнаружил, что, как и его товарищи, часто плачет, с каждым днем теряет в весе и постоянно оглядывается через плечо. К исходу первого месяца от пухлости Райана не осталось и следа, а обрывки блестящего зеленого костюма, свисающие с его скелета, создавали впечатление, будто он весь покрыт неизвестными науке водорослями. Рядовой Динкл, проведший в боях времени больше остальных, приобрел привычку креститься и к месту и ни к месту поминать Судный День.

— Послушать, как он твердит про Армагеддон,— прошептал как-то Райан Пису за завтраком,— так это прямо конец света.

— Я предупреждал тебя насчет идиотских шуток!— ответил Пис, хватая подходящий лоскут костюма Райана и оборачивая его вокруг шеи собеседника. Он начал уже было затягивать его, но вовремя опомнился и ужаснулся тому, что собирался совершить.

— Прости, Верни! Не знаю, что на меня нашло...

— Ладно уж,— пробормотал Райан, массируя горло.— Знаешь, я ведь был профессиональным комиком, и почему-то даже в лучшие времена мои шутки действовали на людей точно так же.

— А я вот не помню никаких лучших времен... В этом-то и беда. По мне, времена всегда были одинаковые...

Пис нащупал в кармане голубого лягушонка, маленького товарища по несчастью, подарившего ему проблеск надежды.

— ... Но все равно, это не повод душить тебя.

— Забудем об этом, ладно?

С несчастным видом Пис кивнул и погладил ровную пластмассу, словно надеясь вызвать таким образом исполняющего любые желания джинна.

Полотнище, закрывающее вход в палатку, откинулось, и в треугольном просвете появился лейтенант Мерриман. Что-то в нем показалось Пису странным и, приглядевшись, он заметил, что лейтенант сменил грязные лохмотья на новенький сверкающий мундир. Его сопровождал запуганного вида сержант, который держал заполненный маленькими конвертиками деревянный ящик и кипу какой-то тонкой ткани голубого цвета.

— Все ко мне!— крикнул Мерриман.— Наконец-то! Настал день, которого мы все ждали!

— А что это за день, сэр?— осторожно полюбопытствовал Райан.

— День отдыха! Разве я не говорил?

— Нет, сэр! Неужели нам положены выходные?

— Что за вопрос!— Рот Мерримана попробовал растянуться в улыбке, но так как это вызвало чрезмерное напряжение в ограниченной длине губ, рту пришлось ограничиться подергивание уголков.— Что за глупый вопрос! Неужели вы могли подумать, что ваши офицеры настолько ленивы и бессердечны, что не сознают, как вы устали? Нет, ребята, мы прекрасно понимаем, что вы не можете сражаться бесконечно, что вам нужно отдохнуть, расслабиться, подлечить душевные раны!

— Прекрасно, сэр. Сколько продлится наш отпуск?

Мерриман глянул на часы.

— Вы, Райан, служите в Легионе тридцать дней, значит, вам положено три часа отдыха.

Райан отступил на шаг.

— Что б меня вши сожрали!

— Следите за выражениями!— нахмурившись сказала Мерриман.— Однако, не беспокойтесь — я вправе добавить вам и Пису еще какое-то время за безупречную службу. Именно это я и собираюсь сделать. Вы насладитесь максимально возможным периодом отдыха вместе со всем взводом. Четыре часа!

— ЧЕТЫРЕ ЧАСА!— прошептал Райан.— Даже не верится. Это слишком много...

— Да не же, Райан, вы заслужили это, а кроме того, рады будете узнать, что дорога к месту отдыха не входит в отпущенное время!— Благожелательность так и лезла из Мерримана.— Эти четыре часа даже не начнутся, пока вы не ступите на Аспатрию!

Сердце Писа, с интересом прислушивавшегося к разговору, замерло при последних словах лейтенанта. Он твердо решил не делать ничего, что могло бы привлечь к нему нежелательное внимание, но в эту же самую секунду пальцы его ослабли и выпустили котелок с овсянкой. Лейтенант Мерриман с неодобрением наблюдал, как Пис встал и принялся очищать липкую кашу с лохмотьев костюма.

— Чего это вы так разволновались, Пис?— спросил лейтенант.— Задумали дезертировать на Аспатрии?

— Ни в коем случае, сэр!— забормотал Пис, стараясь выглядеть воплощением преданности долгу.— Это меня радует, потому что...— Мерриман ласкательно погладил опухоль на горле.

— Я приказываю вам вернуться не позже, чем через четыре часа после приземления в Точдаун-сити... А теперь стройтесь, получайте деньги и выходные костюмы.

Отстояв очередь, Пис получил конверт, на котором стояло его имя, и костюм, сработанный из материи, весьма напоминавший гофрированную бумагу. Порадовавшись тому обстоятельству, что Легион снабжает отпускников чистой одеждой, Пис вскрыл конверт и обнаружил, что из причитавшихся ему трехсот монет, сто вычтены за бумажный костюм, а еще сорок перечислены в полковой пенсионный фонд. Последнее, учитывая среднюю продолжительность жизни легионера прямо намекало на коррупцию в высших сферах. Пис решил не задавать лишних вопросов, поскольку оставшихся денег должно было хватить на приличный обед в "Голубой лягушке".

Если повезет, то за два часа, что уйдут на его поглощение, Пис нападет на какой-нибудь важный след. Он не вполне представлял себе, что это будет — узнавший его официант, имя или адрес в памяти кредит-компьютера — но это был единственный шанс, и Пис намеревался ухватиться за него обеими руками. Как только всплывет факт дезертирства Писа, ему потребуется укромное местечко, но за три столетия своего существования Точдаун-сити разросся до такой степени, что без труда вмещал четыре миллиона человек, и Пис был уверен, что сможет прятаться столько времени, сколько понадобится. Не исключено, что этого времени хватит, чтобы пройти по следам, ведущего из шикарного ночного клуба. Конечно, есть возможность и того, что в прежней жизни он ни разу не был на Аспатрии, что лягушонок попал к нему каким-то неведомым путем, но Пис постарался поскорее прогнать непрошенные мысли.

Под бдительным взором лейтенанта Мерримана разношерстная компания уселась в звездолет. Пассажирское отделение в нем оказалось побольше, чем в уже знакомых Пису кораблях, и включало душевую с туалетом. Как только звякнул клаксон и звездолет отправился в свой безинерционный полет, Пис устремился в душевую. Сержант, он же сортирный смотритель, предложил ему на выбор холодный душ за пять монет, горячий за двадцать. Пис выбрал удовольствие подороже, но сэкономил на бритве, решив сохранить короткую золотистую бородку, отросшую за месяц. Лицо, глянувшее на него из зеркала, оказалось уже тверже и взрослее, чем запомнившееся из недалекого прошлого.

— Как тебе моя борода?— спросил он Райана, натягивавшего бумажный костюм.

— Она придает тебе же не суа кво,— ответил Райан,— только я не знаю, что это такое.

Пис уставился на товарища.

— Еще одна так называемая шутка?

— Что значит "так называемая"?— негодующе переспросил Райан.— Ты даже не понимаешь, как тебе повезло, что я рядом и всегда готов подбодрить тебя!

— Ну что ж, может ты и прав...

Пису пришло в голову, что Райан — единственный его друг в целом свете, и что если его план сработает, они расстанутся навеки. В том, что именно Пис, вступивший в Легион, чтобы служить в нем до окончания дней, собирается дезертировать, заключалась какая-то зловещая ирония — ведь Райану, представлявшему службу недельным отпуском в горах, суждено было тянуть солдатскую лямку до самой своей недалекой смерти. Быстро убедившись, что никто не смотрит в их сторону, он вытащил из ячейки шлем Райана и заменил его своим собственным. Райан с удивлением наблюдал за его манипуляциями.

— Что это ты задумал?

— Дарю тебе микроплеер.— Пис показал пальцем на нейтрализатор команд и перевернул шлем.— Он мне больше не понадобится.

— А когда вернешься, он тебе тоже не...— Заметив, что Пис трясет головой, Райан вытаращил глаза.— Уоррен, неужели ты имеешь в виду то, что я думаю, ты имеешь в виду? Я всегда говорил, что ты — гений, но это уж слишком...

Пис приложил палец к губам и чуть слышным шепотом объяснил, как работает его изобретение.

— Эта штука поможет тебе остаться в живых, пока не подвернется возможность скрыться. Постарайся проделать это во время боя, тогда тебя сочтут убитым и никому не придет в голову заниматься поисками.

— Почему ты сам не смылся?

— У меня есть кое-какие дела на Аспатрии, по крайней мере, я надеюсь на это. Может, еще увидимся.

— Надеюсь... А еще, Уоррен, желаю тебе найти то, что ищешь.

С чувством, близким к отчаянию, мужчины пожали друг другу руки. Пис выскочил в общий зал и плюхнулся на скамью рядом с тупо глядевшим в пол Динклом. Увидев Писа, Динкл вскочил, перекрестился, уселся и вновь впал в мрачное оцепенение.

— Очнись, Бад,— сказал ему Пис,— ведь ты идешь в увольнение.

Динкл слегка шевельнулся.

— На Аспатрию? Боже спаси и сохрани!

— Плохой пейзаж?

— Теперь уже хороший — с тех пор, как в восемьдесят третьем мы вышибли мозги из туземцев.

— Но тебя почему-то совсем не тянет туда?

Динкл кивнул.

— Слишком много воспоминаний.

— Везет некоторым! У меня-то их нет!

— Вот пристрели приятеля, которого жрет ковер-самолет, сразу запоешь по-другому!

Пис похолодел. Короткая служба в Легионе приучила его к мысли, что существует бесчисленное множество способов перехода в мир иной, но история, рассказанная Динклом, каждый раз оказывала на него одно и то же действие — красные кровяные тельца превращались в крохотные звонящие кубики льда. Уняв дрожь, Пис попробовал успокоить Динкла.

— Сделанного,— сказал он,— не вернешь.

Динкл уставился на него свинцовыми глазами.

— Это что, новое течение в философии? Ты раздвигаешь границы человеческого познания?

— Не вижу основания для подобных высказываний!— вспылил оскорбленный Пис.— Я хотел только сказать... прошлое ушло... его нет...

— Но оскары-то не ушли и продолжают здравствовать, сынок,— молвил Динкл и перекрестился.

Сверхъестественный ужас с новой силой охватил Писа, но любопытство пересилило.

— Что это за оскары, про которых ты все время твердишь?

— Сверхчеловеки, сынок. Здоровенные лысые ребятки с мускулами в самых невероятных местах. Кажется, что они сделаны из полированной бронзы.

— Статуи?

— Статуи не двигаются.— Голос Динкла звенел бездонной пустотой.— А вот оскары бегают быстрее ветра, ломают голыми руками деревья, и ничто, НИЧТО не берет их — радиация, пули, бомбы — все отскакивает! Они-то и кончили войну на Аспатрии. Их даже офицеры боялись, поэтому нас и вывели из лесов.

— Я что-то не совсем понял,— сказал Райан.— Оскары — коренное население Аспатрии?

— Вы, головастые ребята, ничегошеньки не знаете, что творится в реальной галактике!— Динкл оторвался от горестных воспоминаний, чтобы бросить на Райана презрительный взгляд.— Аспатрия — одна из самых древних земных колоний. В общем-то, война из-за этого и началась. Аспатрианцы сидят на своей планете вот уже триста лет, им и взбрело в голову вкусить независимости и не платить налогов. Что будет с Федерацией, если каждый недоумок...

— Но кто такие оскары?— не сдавался Пис.— Откуда они взялись?

— Никто толком не знает, они просто вынырнули на Аспатрии в 82-ем или 83-ем. Кое-кто утверждает, что они мутанты... но мне-то все ведомо!— Лицо Динкла начало подергиваться, голос окреп.— Солдаты Дьявола, вот кто они такие! Грядет последняя битва добра со злом, и мы в лагере проигрывающих! Слушайте! Близится Судный День и мы не переживем его!

— Успокойся, успокойся...— бормотал Пис, заметив, что головы обитателей самых дальних скамеек уже начинают поворачиваться в их сторону. Единственное, что хотелось Пису — остаться незамеченным во время побега, но история Динкла загипнотизировала его.— Почему ты так уверен, что оскары — это зло?

— Я видел их в действии.— Динкл снова перекрестился, глаза его остекленели.

— Отстал я однажды от взвода... пробирался один через лес, и услышал какой-то шум... Я встал на карачки... дополз до опушки поглядеть... и увидел... пятерых оскаров... они схватили наших парней... раненых... Я слышал, как они стонут и молят о пощаде... бесполезно! Оскары преспокойно занимались своим делом...

Динкл закрыл лицо руками.

— Нет, не могу!

— Продолжай!— Казалось, ледяной ветер шевелит волосы на голове Писа, но разум его никак не мог освободиться от пут душераздирающей истории Динкла.

— Что делали оскары?

— Они кормили чудовищ... нашими ребятами!

Желудок Писа подпрыгнул до самого горла.

— Боже мой! Не хочешь же ты сказать...

— Хочу, Уоррен! Оскары притащили несколько ковров-самолетов — они это могут, ничто им не страшно!— и набрасывали их на ребят. Я все еще слышу их вопли и мольбы о быстрой смерти! Я все еще вижу, как они извиваются, а их переваривают...

Стальные пальцы Динкла впились в колени Писа.

— И еще... знаешь что, Уоррен? Оскары смеялись! Они радовались тому, что хороших парней жрут живьем! Будь я храбрецом, я поднял бы ружье и прекратил страдания ребят, но я жалкий трус, Уоррен. Я перепугался, что меня ждет такая же судьба, уполз и спас свою шкуру! С тех пор я живу не по праву...

Пис, у которого молотом стучала в висках кровь, встал.

— Послушай, Бад,— сказал он в отчаянной попытке сменить тему разговора.— Почему бы тебе не помыться и не переодеться?

Динкл помотал головой.

— Не нужен мне никакой костюм. Я останусь в корабле, пока он не взлетит с Аспатрии.

— Почему?

Динкл тяжело оперся на стройный ружейный приклад.

— Чтобы не налететь на оскара. Они ведут себя как хозяева, и все их боятся. Говорят даже, что они могут читать чужие мысли! Если бы они тогда увидели меня...

Динкл несколько раз неистово перекрестился и бессвязно забормотал что-то про Армагеддон, искупление грехов и Судный День.

Последние минуты полета Пис прятался за кофейной машиной, но вот кляксон объявил, что звездолет входит в фазу приземления. Как только корабль знакомо рухнул на пару сантиметров, Пис присоединился к столпившимся у входа отпускникам. Прошло несколько волнующих секунд, и дверь скользнула вбок, явив страждущим взорам зеленую лужайку, похожую больше на пастбище, чем на космодром. В теплом воздухе возились разнообразные приятные ароматы, а вдали, сияя горчичными плутонами, просматривались здания грациозной архитектуры.

Увиденный кусочек Аспатрии понравился Пису с первого взгляда. Неужели это знак того, что он бывал здесь раньше? Вместе со всеми он вступил на мягкую почву и наполнил легкие благоухающим воздухом. Пьянило ощущение отсутствия физических опасностей... Но надвигалась другая опасность — лейтенант Мерриман решил обратиться к своим солдатам и еще раз предупредить их о вреде табака и алкоголя, а так как все сказанное он повторял дважды, то наверняка должен был повторить и приказ о возвращении на корабль по истечении четырех часов. Нейтрализатор Пис отдал Райану и, услышав приказ, обязан будет выполнить его.

— Вон там ждет автобус, он отвезет вас в Точдаун-сити,— говорил Мерриман.— Постарайтесь осмотреть как можно больше музеев и картинных галерей.

Пис зажал уши ладонями и, вереща от страха, бросился прочь, вдоль борта корабля. Заворачивая за угол передающей башни, он оглянулся, и хотя ему трудно было быть в чем-то уверенным, увидел, что некоторые из голубых фигур обратили в его сторону любопытные взгляды. Проклиная себя за неосторожность, он лихорадочно осмотрелся — периметр космодрома не так уж далеко. Он побежал, ожидая, что сзади вот-вот послышатся крики и за несколько секунд достиг проволочного ограждения. Молясь, чтобы проволока оказалась не под напряжением, он раздвинул ее руками и вывалился в высокую траву за забором. Впереди был небольшой холм. Пис домчался до его вершины на олимпийской скорости, оглянулся и с облегчением заметил, что ни лейтенант Мерриман, ни кто-либо другой так и не показались из-за корабля и не глядят ему вслед.

Слегка успокоившись, Пис обозрел окрестности. Лежащий перед ним склон холма был довольно крут. По ложбине в сторону города уходила дорога. Лимузин, в котором Пис по ярко-желтой окраске безошибочно узнал такси, не спеша курсировал по ней. Пис подумал было, что это самый быстрый и безопасный способ попасть в город, но отказался от этой идеи, решив сэкономить. Спускаться он решил медленно, спокойным шагом, и заодно отдышаться, однако густая трава оказалась мокрой и скользкой и скоро его ноги заболели от усилий, прилагаемых, чтобы держаться прямо и с достоинством. Он пошел быстрее, потом еще быст-

рее, с каждым шагом теряя контроль над своими движениями, и не успел он осознать, что происходит, как мчался во весь дух вниз по склону.

"Надо будет учесть эту ошибку",— подумал Пис, стараясь сохранить на лице холодный и безучастный вид. Ветер свистел в ушах, контакты с почвой становились все мимолетнее. "Всегда следует ожидать неожиданного".

И словно в подтверждение этой теории, неожиданное случилось снова. Водитель ползущего по дороге такси решил, что бегущий вниз и размахивающий руками человек желает привлечь его внимание и остановил машину в точке, в которой, по его расчетам, должен был закончиться спринтерский бег Писа.

Очевидно, глазомер у него был великолепный, потому что Пис обнаружил, что несется прямо на такси, не имея ни малейшей возможности остановиться или притормозить, и даже свернуть.

— Не надо!— закричал он.— Убирайся, кретин!

Изготовившись сердечно приветствовать пассажира, водитель выглянул в окно, но сразу понял опасность, челюсть его отвисла. Он все еще сражался с тормозами, когда Пис с вытянутыми вперед руками врезался в автомобиль и вышиб стекло, окатив водителя дождем осколков.

Сам Пис, чей подбородок весьма болезненно проконтактировал с крышей такси, навзничь рухнул в траву.

— Ты, маньяк!— завопил водитель, трясущимися руками выметая из волос стеклянное конфетти.— Зачем тебе это понадобилось делать?

— Что мне понадобилось...— Пис недоуменно уставился на водителя.— А зачем тебе понадобилось здесь останавливаться?

— Да ты же меня звал! А остановиться я могу где пожелаю!

— Я не звал тебя, а ходить я могу тоже где пожелаю!

— И ЭТО ты называешь ходьбой?— Водитель злобно ухмыльнулся сквозь новообразовавшееся отверстие.— Все вы одинаковые, синюки с Земли! Никак не можете простить нам 83-й год, и когда прилетаете отдохнуть, сразу распаляетесь и начинаете крушить все вокруг... Ну так вот что я тебе скажу, Мистер-Голубая-Задница — придется раскошелиться!

— Чего это мы не можем простить? И что значит "Придется раскошелиться"?

— Сто монет за стекло, двадцать — за потерянное время.

Настал черед Писа злобно ухмыльнуться.

— Когда рак на горе свистнет!

— Договорились! Только свистнуть придется мне!

С этими словами водитель взялся за большой, сложной формы свисток, свисавший на цепочке с его шеи.

— Мне придется дудеть в эту штучку. Никогда не знаешь, кто первым ответит на зов — полиция или оскары.

— Я заплачу!— поспешно сказал Пис, вскакивая на ноги и вытаскивая из карманов тощую пачку банкнот. Отслюнив названную сумму, он протянул деньги водителю.

— Вот так-то лучше,— проворчал то.— Не понимаю, что случилось с людьми — останавливают такси, а потом уверяют, что у них и в мыслях этого не было. Новая мода, что ли?

— Ладно, прости меня за машину,— сказал Пис.— Подкинешь в город?

— Десять монет, и учти — это полцены.

— Поехали.

Запасы наличных безудержно стремились к нулю, но Пис подумал, что водитель может оказаться неоценимым источником информации о состоянии дел на Аспатрии. Усаживаясь на переднее сидение, он заметил, что рукав нового костюма уже порвался. Взвыл унимагнитный двигатель, автомобиль рванулся вперед, пейзаж — назад.

— Ничего денек,— молвил водитель, готовый забыть и простить. Он оказался мужчиной с лошадиной физиономией и редкими светлыми волосенками.— Да и местечко самое подходящее, чтобы расслабиться.

— Да, приятное местечко,— согласился Пис, одобрительно кивая.— Я ничего не знаю про Точдаун-сити и...

— Не волнуйся, я довезу тебя куда надо.

— Точно?

— Конечно. Учти, что я ничего с этого не имею, никаких комиссионных, но напомни Большой Нелли, чтобы она записала, кто тебя прислал. Меня зовут Трев. Усек?

— Ты меня неправильно понял, Трев,— ответил Пис, изо всех сил изображая оскорбленное величие.— Мне нужно в "Голубую лягушку".

— Кишка тонка, военный...— Водитель дружелюбно ткнул Писа локтем в бок.— Ты, наверное, изголодался. Все легионеры, которых я сажаю в порту, голодные. Хорошая музыка тебе нравится?

— Музыка?— Пис почувствовал, что теряет нить разговора.

— Ага, музыка. У моего двоюродного братишки есть заведение — Гендель-бар. Высший класс — все там названо в честь высоколобых композиторов — но дешево. Я-то ничего с этого не имею, никаких комиссионных, но всего за двадцать монет тебе наложат полную тарелку спагетти с сыром "Шопен", с соната-кетчупом или...

— На слух красиво, но мне позарез нужно в "Голубую Лягушку".

— Как хочешь, но хотя я с этого ничего не имею, никаких комиссионных, если захочешь быстренько перекусить, там есть еще пиво "Штраус" и...

— Расскажи мне лучше про оскаров,— прервал его Пис, которого больше всего интересовал именно этот аспект аспатрианской действительности.— Ты сказал, что если свистнешь, они прибегут?

— Иногда прибегают.— Трев несколько секунд помолчал, показывая, как обидно, когда на советы от чистого сердца не обращают внимания.— А иногда — нет.

— Интересно, зачем они вообще это делают?

— Никто не знает. Они никогда ни с кем не разговаривают, но многое им не нравится — насильственные преступления в том числе — и, парень, если ты сделал что-то не по нраву оскарам — берегись!

— Линчуют?

— Не всегда, но если от полиции еще можно смыться, от оскаров — никогда!

Пис постарался осмыслить эту новую информацию и сопоставить ее с тем, что поведал Бад.

— Правда, что они могут читать мысли?

— Кое-кто говорит, что могут.— Трев задумчиво посмотрел на Писа.— А тебе, что за дело? Ты мошенник или...

— Конечно, нет!— ответил Пис и погрузился в мрачное обдумывание своих неудач.

Его не только лишили воспоминаний, он не только один на чужой планете, не только остался без денег и крыши над головой, он не только дезертир, за которым вот-вот начнется охота всего Космического Легиона — не исключено, вдобавок, что в картотеках Аспатрии он числится как преступник. А если это так, его непременно загонят, поймают и накажут неуязвимые телепаты-супермены, которые привыкли развлекаться, скармливая чудовищам раненых землян.

— Не унывай,— посоветовал ему Трев, поворачивая на широкий бульвар в центре Точдаун-сити.— Всегда есть кто-то, кому еще хуже.

С этим утверждением Пис смог бы поспорить, но тут он увидел четко выделяющуюся на фоне деловых вывесок ярко-синюю голоскульптуру исполинской лягушки. Не мигая, смотрел на нее Пис, пока такси не подкатило к ней и не остановилось.

Приближался момент истины, но Пис встречал его в состоянии, в котором предпочел бы любой истине десятилетия обнадеживающей лжи.

Расплатившись с водителем, Пис решил, что пока его нервы не сдали окончательно, надо действовать и, расправив плечи, вошел в роскошные, услужливо распахнувшиеся перед ним двери "Голубой лягушки".

Глава 6

Фойе, в котором очутился Пис, было устлано коврами ручной работы, уставлено древней хромированной с мебелью, и он сразу понял, что все, о чем его предупреждали — святая правда. Даже сам воздух в Голубой лягушке" благоухал деньгами. В душу его закрались сомнения — хватит ли оставшихся десяти монет хотя бы на чашку кофе? Хватит ли ему времени или придется блефовать?

— Что угодно уважаемому сэру?

Метрдотель, появившийся из-за сверкающей декоративной решетки, был одет с вызывающей роскошью — в антикварные джинсы и свитер-водолазку. С пухлого розового личика холодно смотрели бледно-голубые глаза, и взгляд этот яснее ясного говорил, что обладатель их ни на йоту не сомневается как в общественном, так и в финансовом положении посетителя. Пис инстинктивно прикрыл дыру на рукаве, но тут же понял, что нельзя переходить в оборону. Солдату, решил он, не раз обращавшему в бегство стаи разъяренных сорокороток, не стало пугаться престарелого официанта, в сколь бы роскошные одежды не был упомянутый официант облачен.

Метрдотель откашлялся.

— Так что же хотелось уважаемому сэру?

Пис ухитрился напустить на себя вид одновременно удивленный и раздраженный.

— Поесть, конечно! Или к вам ходят лечить грыжу?— Он высокомерно огляделся по сторонам.— Неужели я ошибся дверью?

Лицо метрдотеля окаменело.

— Главный обеденный зал налево, сэр.

— Знаю.— Пис вынул из кармана лягушку и помахал ею перед носом метрдотеля.— Помнишь меня?

Тот несколько мгновений пристально всматривался в лицо Писа.

— А я должен?

— Ладно, замнем для ясности...

Скрывая разочарование, Пис прошествовал в ресторан.

— Столик для одного, у окна!

Официант нагнулся к Пису, раскрыл меню и понизил голос до маслянистого конспиративного шепота.

— В неумении читать нет ничего зазорного — множество интеллигентных людей страдают слепотой к словам... но если сэр притворится, что читает меню, я с удовольствием объясню ему, что значит каждая строчка, и таким образом...

— Заткнись, кретин, я и сам грамотный!— огрызнулся Пис, вырвал у оторопевшего служителя желудка тяжелую книгу и вперил в нее мрач-

ный взор. Сердце его тут же упало, когда он увидел, что тариф указан не в "монетах", а в "монетных единицах"— по древней традиции это наименование ассоциировалось с умопомрачительными ценами. Самые худшие его опасения подтвердились, когда он посмотрел на сами цифры: чашка кофе — тридцать монет, минимальная стоимость заказа — сто! На лбу его выступила испарина — это означало крушение тщательно разработанного плана, первым пунктом которого было провести в ресторане КАК МОЖНО БОЛЬШЕ времени и показаться КАК МОЖНО БОЛЬШЕМУ числу посетителей и персонала. Оставалось одно — заказать приличный обед, зная, что он не в состоянии за него расплатиться, и не думать о последствиях, пока они не глянут ему в лицо. Решение это, хотя и нелегкое, в немалой степени было инспирировано настойчивым урчанием в желудке Писа, питавшегося последний месяц исключительно овсянкой да твердым, как подошва, вяленым мясом разнообразных монстров.

Глубоко вздохнув, Пис заказал самый дорогой обед — из семи блюд, главным из которых был аспатрианский омар, тушеный в импортном шампанском.

Он жадно поглотил три аперитива и уже приканчивал щедрую порцию супа, когда вспомнил, что главное — просидеть за обедом подольше, не ослабляя бдительности к любым неожиданностям. Замедлив скорость движения ложки до прогулочного шага, он поднял от тарелки голову, давая присутствующим возможность получше рассмотреть свое лицо. Но в этот ранний час немногочисленные посетители были слишком заняты едой и не обращали на Писа ни малейшего внимания. Он начал уже было подумывать, не лучше ли было спрятаться в городе и явиться в "Голубую лягушку" вечером?

Размышления эти были прерваны официантом, прикатившим столик, на котором стоял стеклянный аквариум. Сам аквариум помещался внутри сложного переплетения блестящих металлических стержней, образующих своеобразную клетку, и в нем мирно плавало взад и вперед некое розовое ракообразное размером примерно с мизинец.

— Ваш омар, сэр!— возгласил официант.— Скажите только, КОГДА!

С этими словами он щелкнул каким-то тумблером, и все сооружение слабо загудело.

— Постой-ка,— сказал Пис, показывая пальцем на обитателя аквариума.— Эта штука смахивает на креветку... детеныша креветки!

— Это молодой аспатрианский омар.

— Но мне-то нужен взрослый. Большой, понятно?

Официант снисходительно улыбнулся.

— Он будет такого размера, как сэр пожелает — ведь я выращиваю его прямо на ваших глазах — но советую не доводить его до глубокой старости. Вкус не тот.

Пораженный до глубины души Пис смотрел, как объем заключенного в клетке пространства начал мерцать и движения омара резко ускорились. Внезапно он заметил, что беспокойное ракообразное растет с каждой секундой, усложняя при этом и свою форму — ноги, клешни, усы и стебельки с глазами так и перли из него в количестве, ужаснувшем бы приличного земного омара.

— Ему сейчас около двух лет, сэр,— произнес официант, бросаясь на помощь вконец растерявшемуся Пису.— Кое-кому кажется, что этот возраст — период расцвета аспатрианского омара, но многие предпочитают трех-или четырехлетнего... Скажите же, КОГДА?

— Какого че...— пробормотал Пис, переводя взор на окружающую омара клетку — составляющие ее блестящие стержни встречались под какими-то непонятными углами, и при попытке вникнуть в эту чуждую геометрию голова Писа закружилась. Невероятная идея возникла в его онемевшем мозгу...

— Это...— сказал он слабым голосом,— машина времени?

— Конечно, сэр, но не беспокойтесь — ее использование входит в стоимость обеда... Разве вам не приходилось видеть их раньше?

— Вряд ли,— ответил Пис,— просто мне показалось, что стержни встречаются под какими-то странными углами. У меня закружилась голова, и...

— Прошу прощения,— озабоченно сказал официант, окинув машину времени критическим взглядом и, ухватившись за клетку обеими руками, принялся с силой выкручивать ее, пока углы и линии не выпрямились.

— На прошлой неделе на нее случайно уселся шеф-повар,— пояснил официант,— и с тех пор она стала какой-то чудной.

Интересно подумал Пис, неужели машины времени — еще одна важная область моего невежества?

— Вот уж не ожидал увидеть...

— О, эта модель — одноступенчатый интровертор — вполне легален на Аспатрии. Чрезвычайно удобно состаривать виски... Послушайте моего совета, сэр, не дайте омару умереть от старости!

Официант выключил машину времени и щипцами вытащил из аквариума исполинского теперь омара, который злобно уставился на Писа, шевеля усами и щелкая клешнями.

— И что я еще и ел ЭТО?— вскричал Пис.— Мерзкое чудовище! Убрать немедленно!

— Он будет умерщвлен, сэр, и приготовлен по вашему...

— Нет! Унесите и... дайте мне бифштекс!

Официант уронил монстра в аквариум и, беззвучно ругаясь, покатил столик в направлении кухни. Пис с толком использовал предоставленное ему дополнительное время, посвятив его изучению окружающих и дав им несколько прекрасных возможностей рассмотреть себя. Однако ни на одном лице не мелькнуло интереса, не почувствовал Пис ни единого шевеления и в своей собственной памяти, и мысль о том, что следовало

дождаться вечера, превратилась в уверенность. Но никогда, если только не произойдет чуда, не войдет он больше в "Голубую лягушку".

Прибыл бифштекс, и Пис съел его медленно, выигрывая время, придираясь к каждой мелочи, горячо споря о винах и ликерах. Метрдотель быстро раскусил тактику Писа, и когда тот отверг третью разновидность зубочистки, расставил у каждого выхода из зала по официанту. Рассмотрев их Пис решил, что они все значительно крепче и мускулистее, чем требует их непосредственная обязанность. Посетители постепенно покидали ресторан, официанты же оставались на своих местах, сверля Писа взглядом. И вот настал момент, когда Пис остался один в огромном зале. Официант, прислуживавший ему последние два часа, приблизился к столику с угрюмо выжидательным видом. В руках его был антикварный бакелитовый поднос, точно в центре которого лежал счет Писа.

Официант отвесил формальный поклон.

— Это все, сэр?

— Нет!— Дав этот единственный возможный в данной ситуации ответ, Пис мобилизовал все свои умственные ирусурсы в попытке придумать подходящее продолжение.— Нет, это не все. Ни в коем случае. Как вы могли такое подумать?

Официант поднял брови.

— Что еще желает, уважаемый сэр?

— Принесите мне...— Пис в раздумье наморщил лоб.— Принесите мне... то же самое!

— Сожалею, сэр, но это невозможно.

Официант положил счет перед Писом и сложил руки на груди.

Просмотрев счет, Пис выяснил, что потратил примерно годовое жалование легионера, и внутренности его взыграли. Это чувство, будучи в высшей степени неприятным, подсказало ему, однако, путь спасения.

— Где у вас тут,— спросил он, поднимаясь,— туалет?

Официант преувеличенно тяжело вздохнул и показал на отделанную деревом дверь в противоположной стене зала. Пис гордо прошествовал в туалет и, не оборачиваясь, спиной ощутил, как напряглись официанты-переростки. С треском захлопнув за собой дверь, Пис очутился в крохотной комнатке, единственным обитателем которой был робот с двенадцатью блестящими руками, каждая из которых заканчивалась рулоном туалетной бумаги.

— Надеюсь, сэр насладился великолепной едой,— подобострастно пробормотал робот.— Мои анализаторы сообщают, что на обед был бифштекс и потому, чтобы достойно завершить день удовольствий, позвольте сообщить, что к бифштексу рекомендуется мягчайшая, ароматнейшаая бумага Суперсик-Трехслойный, изготовленная из древесины ливанских кедров и покрытая...

— Сам подтирайся,— огрызнулся Пис, отмахнулся от розового рулона, несшегося к нему на конце телескопической руки, открыл следующую дверь и очутился в самом туалете. По сторонам располагались

кабинки, на противоположной стене — ряд раковин, а над ними окошко. Пис бросился прямо к нему, но оно было забрано стальными прутьями толщины достаточной, чтобы удержать стадо разбушевавшихся горилл.

Не теряя ни секунды, Пис ворвался в дальнюю кабинку, замкнул дверь, сбросил ботинки, поставил их так, чтобы было чуть-чуть видно из-под двери, и — с ловкостью, рожденной отчаянием — взлетел на стенку. Не осмеливаясь думать о том, что можно поскользнуться, он промчался по верхушкам разделяющих кабинки стенок и нырнул в ближайшую к выходной двери кабинку. Ее дверь была частично приоткрыта, и Пис еле втиснулся в крохотное треугольное убежище. Спустя несколько секунд до него донесся топот множества ног и громкий стук в запертую им дальнюю дверь.

Выждав, пока все преследователи пробегут мимо его убежища, Пис выскочил из-за двери и, как на крыльях, понесся к свободе. Сзади послышался крик, удесятеривший силу мускулов Писа. Он пролетел мимо робота, дружески махавшего ему разноцветными рулонами, пробежал насквозь обеденный зал и в холле столкнулся с метрдотелем, который с удивительной для его возраста живостью обеими руками ухватился за куртку Писа.

— Попался!— торжествующе воскликнул метрдотель.

Не замедлив шага, Пис промчался мимо оставив в лапах противника изрядный кусок отпускного костюма, и очутился на улице. Вид ее, со множеством автомобилей и ярко одетых горожан, ничего не напомнил Пису, но инстинктивно он свернул налево и недалеко увидел аллею. Он домчался до нее, словно несомый Семимильными Ботинками, и оглянулся.

— Ты еще попадешься!— кричал ему вслед метрдотель.— От полиции не уйдешь! От оскаров...

Заработав ногами и локтями с умопомрачительной быстротой, Пис промчался по алее, обогнул несколько углов и выскочил на параллельную улицу. Замедлив полет до скорости пешехода, он постарался смешаться с толпой, но это оказалось делом нелегким — Пис был без ботинок, а в куртке его зияла огромная дыра. Необходимо было где-то спрятаться до темноты, а с ее наступление занять наблюдательный пункт поблизости от "Голубой лягушки", откуда он сможет разглядеть всех вечерних посетителей. Лучшим укрытием, решил он, будет кино, при условии, конечно, что оставшейся десятки хватит на билет.

Приняв такое решение. Пис зашагал на юг, миновал переулок и увидел кинотеатр всего в сотне шагов. Изумленно моргая и удивляясь тому, что он нашел его так быстро и безошибочно. Пис впервые за день почувствовал проблески надежды. Ведь если он знал Точдаун-сити в прошлой жизни, пребывание в нем могло раздуть тлеющий в глубине подсознания огонек воспоминаний. Приободрившись, он подошел к кинотеатру и принялся изучать расписание сеансов в поисках хоть какого-нибудь упоминания о цене билета. В конце концов он нашел на это. Билет стоил именно десятку, но вся остальная информация показалась ему туманной и противоречивой. Один плакат, например, гласил:

СЕМЕЙНОЕ ШОУ
БУЙНЫЕ ДЕВСТВЕННИЦЫ
только для взрослых
ФУФЛО В РАДУЖНОЙ СТРАНЕ
желанный подарок детишкам

По виду здания нельзя было сказать, что оно способно вмещать две столь разные аудитории одновременно, однако все плакаты извещали именно о семейных увеселениях. Пис все еще недоуменно жмурился на яркие буквы объявлений, когда к нему подошел ангельского вида голубоглазый мальчишечка лет двенадцати. Одет он был в модного цвета рубашечку и короткие штанишки, блистал чистотой и создавал впечатление, что взрастили его заботливо и в весьма приличном окружении. Родительские чувства, которые возбудил в Писе вид околачивающегося близ сомнительного заведения отрока, оттеснили собственные его заботы на второй план.

— Скоро стемнеет,— сказал Пис и отечески улыбнулся.— Беги домой к мамочке.

— А почему бы тебе,— ответил ангелочек,— не заткнуть свое вонючее хлебало и не перестать совать вонючий нос в чужие дела?

У Писа отвисла челюсть.— Кто научил тебя таким словам, детка?

— А кто просил тебя приставать ко мне?

Мальчишка оценивающее оглядел Писа с ног до головы, и выражение его лица слегка изменилось.

— Хочешь заработать полсотни?

— Не дерзи старшим,— только и мог вымолвить ошарашенный Пис.

— На полсотни можно купить пару ботинок, и все, что тебе нужно сделать — зайти со мной в кино.

— Ты — отвратительный маленький негодяй, и я никогда...

Пис оглянулся, и язык его прилип к небу — вдоль тротуара медленно и угрожающе крейсировал полицейский автомобиль.

— Пойдем, пойдем в кино, сынок...

Они подошли к кассе, и Пис нетерпеливо подпрыгивал все время, пока они покупали билеты и получали мешочки с приборами, напоминающими исполинских размеров солнечные очки — серебристая пара для него и желтая — для мальчишки. Толкнув входную дверь, Пис еще раз обернулся и увидел, как из-за ближайшего угла выплывает нос полицейского дредноута. Найти нужные места не оставило никакого труда, потому что экран был освещен необычайно ярко.

Шагая по проходу меж кресел, Пис был весьма смущен тем обстоятельством, что на чрезмерно ярком экране видна была только какая-то бессмысленная мешанина образов, а звуковое сопровождение вообще отсутствовало. Ничуть не смущенный тем, что казалось Пису существенным недостатком представления, около сотни зрителей вели себя так,

будто от души наслаждались зрелищем. Пис начал разбираться в происходящем, только когда заметил, что на лицах всех без исключения посетителей надеты те самые, похожие на солнечные, очки. Заинтригованный, несмотря на массу других забот, Пис уселся рядом со своим крошкой-компаньоном и начал развязывать мешочек о очками, но мальчишка вырвал его и сунул в руки Писа свой мешочек с очками желтого цвета.

— В чем дело?— прошептал Пис.

— Мы же обо всем договорились.— Мальчишка протянул бумажку в десять монет.— Плачу десятку в час, максимум за пять часов.— Но я не...

— Заткнись и смотри,— сказал ангелочек. Напялив серебристые очки, он откинулся на спинку кресла и на физиономии его появилось сосредоточенно-внимательное выражение.

Обиженно посмотрев на него, Пис надел желтые очки. Экран тут же приобрел нормальную яркость, на нем появился гоняющийся за бабочкой пушистый котенок, а в ушах возник подходящий к сюжету звук. Понаблюдав за безумствами котенка примерно минуту, Пис ощутил, как его охватывает беспредельная скука, и тронул переключатель, который обнаружил на переносице очков. Тут же мультфильм сменился другим — ярко-оранжевого цвета пес безуспешно пытался залезть на смазанный маслом столб. Пощелкав переключателем, Пис выяснил, что выбор ограничен всего двумя одинаково угнетающими мультфильмами. Очевидно, линзы его очков были своеобразными стробоскопами, становящимися прозрачными с частотой около сотни циклов в секунду. Переключатель менял частоту мерцаний и позволял очконосителю видеть один или другой фильм из нескольких, проецируемых на экран одновременно. Вникнув в суть метода, Пис одобрительно кивнул — в старых кинотеатрах аудитория пребывала в темноте примерно половину времени в промежутках между кадрами, и казалось вполне естественным, что это потерянное время можно заполнить показом другого фильма. Этим и объяснялась необычная яркость экрана, видимого без стробоскопа. Так или не так? Яркость экрана превышала нормальную раза в четыре... к тому же, где обещанные буйные девственницы? В этот момент сидящий рядом ангелочек хрюкнул от удовольствия.

Пис бросил на соседа подозрительный взгляд, быстро стянул с него очки... и тут же был захвачен видом вздымающейся в небывалой оргии плоти, каковой вид в сочетании с соответствующими звуковыми эффектами создал у него твердое убеждение, что если и есть в этой компании девственницы, пребывать им в этом благостном состоянии осталось считанные секунды. По лицу Писа разлилось теплое чувство.

Мальчишка потянул его за рукав.

— Отдай очки!

— Не отдам.— Пис снял очки и сложил их.

— Но я же заплатил тебе!— Ну и что?— твердо возразил Пис.— Наверняка есть какой-нибудь закон, который запрещает показ таких фильмов несовершеннолетним.

— Конечно есть, дубина. Иначе за что платить? Давай очки!

— Ничего не поделаешь.— Пис протянул мальчишке желтые очки.— Посмотри на флуффе — куда лучше будет.

— Ах, Флуффо... Ну-ка, мистер, давай очки, а то будут неприятности!

Пис самодовольно ухмыльнулся.

— После того, что я перенес, о каких еще неприятностях ты говоришь?

— Отпустите меня!— завопил мальчишка.— Не трогайте меня! Отпустите!

— Погоди, погоди,— встревожено прошептал Пис.— Может, мы еще...

— Нет, я не хочу смотреть во взрослые очки — там делают что-то ужасное! Пожалуйста, не заставляйте меня смотреть!— завопил негодяй еще громче, голосом истеричным и чрезвычайно убедительно.— Я пришел посмотреть Песика-оранжика и Флуффо! Уберите руку! Что вы со мной делаете!

— Замолчи сию же секунду!— прошептал Пис, суя мальчишке кулак под нос.— А то я расквашу тебе физиономию!

— Да неужели?— произнес ворчливый голос прямо за спиной Писа. Кто-то очень сильный перетащил его через спинку кресла, заломил руку за спину и повел по проходу. Женщины в крайних креслах злобно шипели оскорбления, с удивительной меткостью и весьма болезненно попадая ему сумочками по голове. Пис попробовал вырваться, но его противник наверняка знал рукопашный бой не понаслышке. Тяжелую дверь он открыл чрезвычайно просто — стукнув по ней головой Писа, и оба оказались в фойе.

Привлеченный шумом, из боковой двери вышла женщина начальственного вида, с голубыми волосами и в пенсне.

— Одного выловил, мисс Харли!— объявил вышибала.— Развращал малолетнего, попался с поличным. Как насчет премии?

Пис энергично замотал головой.

— Это просто смешно! Я его и пальцем не тронул! Я только...

— Заткнись!— Силач неодобрительно встряхнул его.— Я видел все сам, мисс Харли. Так что с моей премией?

— Давайте сначала выслушаем оправдания джентльмена,— сказала дама, и слова эти музыкой прозвучали в ушах Писа. Женщина подошла поближе, поправила пенсне, вгляделась, смертельно побледнела и отшатнулась.

— Так это ТЫ!!!— произнесла она сдавленным голосом.— Опять принялся за старое? Неужели детям никогда не будет от тебя покоя?

— О чем вы?— возмутился Пис, слишком шокированный, чтобы радоваться первой обнаруженной им ниточке в прошлое.

Обвиняющий перст мисс Харли уперся в нос несчастного Писа.

— Замаскироваться хотел? Бороду отрастил? Да я тебя где хочешь узнаю! Ты и раньше приставал к детям! Ты — чудовище!

"Только не это",— подумал Пис, прислушиваясь, как чересчур знакомое слово эхом отражается от стенок его черепной коробки. Изобразив на лице нечто, что по его мнению должно было означать улыбку, он сказал:

— Давайте поговорим спокойно, в кабинете...

Мисс Харли отрицательно покачала головой:

— Из-за таких, как ты, и прогорает мое предприятие!— И, переведя взгляд за голову Писа, добавила:— Свистни, Симпкинс!

На границе поля зрения Писа появилась огромная лапа с зажатым в ней свистком, и секундой позже раздался пронзительный ультразвуковой вопль. Люди, шедшие в кино, останавливались, перешептывались и рассматривали Писа с очевидным презрением. Плечи его безвольно опустились — свобода уходила. Полиция уже спешит к нему, и через несколько минут он будет передан в руки Легиона, успев узнать о себе только то, что, вероятно, за ним уже числится по крайней мере один случай совращения малолетних. Тогда он — и в самом деле чудовище, и заслуживает всего, что случится.

— Сегодня в городе много оскаров,— благодушно произнесла мисс Харли.— Спорим, они прибегут первыми?

— Надеюсь, а то полиция слишком мягкосердечна.— Крепкие руки еще раз тряхнули безвольно обмякшее тело Писа.— Нам надо было еще в восемьдесят третьем вышвырнуть с Аспатрии всех синяков. Это правительство виновато! Тогда мы как следует проучили их, так зачем же теперь позволять им разгуливать по нашим городам, пугая невинных детишек?

— Невинный ребенок, как же!— не мог удержаться от протеста Пис, хотя от упоминания об оскарах он, как всегда, похолодел.— Этот маленький него... Но постойте! Ведь это мы выиграли войну в восемьдесят третьем!

— Да неужели?— Великан от души расхохотался.— Что-то непохоже! Посмотри, где ты увидишь, чтобы наши парни разгуливали босиком? Разве они носят такое?— Разгорячившись, он отпустил руку Писа и ухватился за его куртку.— Вы только гляньте на это барахло, мисс Харли! Это же... БУМАГА!!!

Почувствовав, что точка приложения силы переместилась с его персоны на одежду, Пис побежал к выходу из кинотеатра. Раздался громкий треск рвущейся то ли ткани, то ли бумаги, и куртка Писа, уже достаточно пострадавшая от дневных эскапад, разрушилась окончательно. Одетый только в рубашку с короткими рукавами и брюки, он выскочил на улицу и, испытывал удивительное чувство, что нечто подобное уже случалось с ним раньше, повернул налево и помчался как газель, едва касаясь земли. Он приготовился отбиваться от доброхотов, которые могли попро-

бовать схватить его, но странно — никто не изъявлял такого желания. Люди, которых при обычных обстоятельствах несомненно заинтересовал бы вид не совсем одетого человека, сломя голову несущегося по городу, на сей раз боязливо жались к стенам и смотрели не на Писа, а в конец улицы, в том направлении, куда он бежал. Прищурившись, чтобы защитить глаза от лучей заходящего солнца, он тоже посмотрел и... с искаженным от страха лицом остановился как вкопанный.

Блистая бронзовыми мускулами, к нему бежали два оскара.

Пис не помнил, встречался ли он с подобными существами в прошлом, но сопоставить их вид с описаниями Динкла не составило ни малейшего труда. Безвольные купола черепов, металлический оттенок нагих тел, массивные мускулистые торсы, тонкие талии, мощные бедра. Вот они остановились, прервав легкий бег, беззвучно посовещались секунду — другую и — как будто и в самом деле могли читать чужие мысли — безошибочно устремились к Пису, сверкая рубиновыми глазами.

— Боже мой!— проквакал Пис. Время, которое он простоял, объятый ужасом, показалось ему вечностью. Стряхнув оцепенение, он бросился в боковую аллею, открывшуюся между двумя магазинчиками. Подстегнутое мощной дозой адреналина, отчаявшееся тело Писа развило скорость, по сравнению с которой его прошлые подвиги казались сущим пустяком. Сознавая, что бьет галактический рекорд в спринте, Пис отважился обернуться и увидел, что аллея за ним пуста. Он начал уже было поздравлять себя со спасением, как стена в нескольких шагах от него буквально взорвалась обломками кирпичей, и оскар, решившие сократить дорогу и пройти напрямик через дом, появились из облака плыли, протягивая к Пису стальные пальцы. Испустив крик, от которого у него самого заложило уши, напрягая последние силы, он ухитрился на несколько шагов оторваться от преследователей. Завернув за угол, он увидел перед собой смутно знакомую дверь и поблекшую вывеску на ней:

КОРПОРАЦИЯ
ПЛАЩИ АКМЕ

Пис распахнул дверь и помчался вверх по неосвещенной лестнице. На лестничной площадке он прочитал над одной из дверей:

ДАМСКАЯ КОМНАТА
только для служащих
АКМЕ

"Надоело прятаться в сортирах",— подумал Пис, но в этот момент входная дверь разлетелась в щепки, и бронзовые великаны, чьи глаза кроваво горели в темноте, рванулись к нему.

Пис шмыгнул в туалет, и тут же поняв, что попался в ловушку. В крохотной комнатенке, грязной и запущенной — не пользовались ей, наверное, лет сто или больше — была всего одна дверь и одно крохотное окошко, до которого к тому же невозможно было дотянуться.

Хватаясь за последнюю соломинку, он повернулся, чтобы закрыть дверь, но было уже поздно.

Оскары стояли в дверном проеме и, слегка пригнувшись, смотрели на него.

Тупо тряся головой. Пис отпрянул. Пятки его соприкоснулись с чем-то, выступающим из пола, и он рухнул на древний унитаз, ударившись о него с такой силой, что душа его чуть не рассталась с телом.

Комната наполнилась странным гудением, и прямо на глазах окаменевшего, потрясенного Писа грозные фигуры оскаров поблекли и растворились в воздухе.

Глава 7

Несколько секунд, каждая из которых громовым ударом отдавалась у него в голове, Пис таращился на пустое пространство, которое только что занимали бронзовые великаны. Куда они подевались? Казалось совершенно невозможным, чтобы столь массивные и в высшей степени реальные создания исчезли, не оставив следа. Ведь нужно же верить собственным глазам? Или не нужно?

Потрясение, вызванное внезапной отсрочкой смертельного приговора, потихоньку выветрилось, и окружающее начало приобретать форму и цвет. Пис заметил, что вокруг него происходит нечто странное. Стены и потолок с каждой секундой выглядели все чище и свежее, трещины в штукатурке затягивались, а краска — что противоречило естественному ходу вещей — меняла цвет и обновлялась!

Неизвестно откуда доносилось настойчивое энергичное гудение, а свет в окошке мигал с пугающей быстротой. Жуя нижнюю губу, Пис попытался связать эти эффекты с неким недавним случаем... перед его мысленным взором всплыл мечущийся по аквариуму аспатрианский омар... отдельные составные части картины соединились в единое целое... и Пис громко застонал от отчаяния.

Оскары отнюдь не канули в небытие. Они остались, какими были, накрепко запертые в году от Рождества Христова 2386! Это он, Уоррен Пис — растворился в эфире на их глазах!

Его занесло в работающую машину Времени!

Пис громко сказал:

— Со мной не могло этого случиться!— и упрямо затряс головой, но мозг его выуживал из недавнего прошлого все новые и новые факты. Официант в "Голубой лягушке" назвал свой портативный аппарат "одноступенчатым интровертом", а это предполагало наличие и других типов,

среди которых мог оказаться и двухступенчатый экстравертом и ... вообще что угодно!

Если интровертор изменял течение времени внутри себя, никоим образом не воздействуя на окружающий мир, то экстравертор — мозг Писа упрямо сражался с неизвестными понятиями — поддерживал нормальное течение времени внутри себя и заставлял Вселенную стариться или молодеть. Термин "двухступенчатый" подразумевал, что у оператора есть выбор, куда направить машину — в прошлое или в будущее. Но Пис не управлял машиной, в которой очутился случайно! Он не имел ни малейшего представления о том, где у нее выключатель, в какую сторону движется машина, и какому идиоту пришло в голову запрятать ее в туалете на фабрике, производящей дождевики!

Решив сделать хоть что-то, Пис вскочил на ноги, и тут же гудение смолкло, а из окошка полился ровный яркий свет. Он повернулся и задумчиво посмотрел на шаткий потрескавшийся унитаз, гоня прочь мысли о том, что где-то внутри него замаскировано устройство, включающее машину времени, когда кто-нибудь присаживается по своим делам. Мир Писа и без того уже исказился до неузнаваемости, но ведь должен же быть предел несуразностям! Торопясь выбраться из сферы действия машины, Пис выскочил на лестничную клетку и огляделся. В здании было тихо, но теперь оно имело вид вполне обитаемый и это обстоятельство в сочетании с почти новенькой краской на стенах дало Пису все основания заключить, что путешествовал он в прошлое. Оставался нерешенным один вопрос — на сколько лет?

Ошеломленный, с трясущимися от напряжения конечностями, Пис открыл дверь слева от себя, прислушался, шагнул вперед и очутился в большой комнате, приспособленной, очевидно, под лабораторию. Ожидавший увидеть ряды швейных машин Пис, не обращая внимания на раскиданные повсюду инструменты, мотки проволоки и электронные потроха, первым делом шагнул к висевшему на стене календарю, посмотрел и почувствовал, как у него слабеют колени. Дата на календаре была 2992, и это могло означать только одно — он углубился в историю на целых девяносто четыре года!

Пис прижал ладонь ко лбу, и попытался заново осмыслить ситуацию. Как узнать о своем прошлом, если оно в будущем? Каким образом воссоединится с родителями, если их еще нет на свете?

Пис огляделся вокруг полубезумными глазами и заметил на рабочем столе газету. Она была покрыта фрагментами чего-то, напоминающего пирог со свининой, и Пис стряхнул остатки на пол. Дата под заголовком — 3 июня 2992 года совпадала с календарем. Пис все еще уныло глазел на цифры, когда дверь лаборатории с треском распахнулась.

— Руки вверх!— рявкнул мужской голос.— И постарайтесь не делать лишних движений, потому что у меня пистолет и направлен он как раз на твой чертов четвертый позвонок!

Пис отрешенно поднял руки.

— Послушайте, я совсем не вор!

— Об этом буду судить я,— объявил голос,— но мне кажется, что ведешь ты себя как вор.

— Укравший поганую газету!— вскричал Пис, выведенный из себя очередной несправедливостью судьбы и манерой противника повторять последние слова предложений.— Всего-то!

— А вдруг я записал важную информацию на этой газете.

— Записал?

— Нет, но ты никогда этого не узнаешь... повернись и покажи мне свое лицо!

Пис тяжело вздохнул и повернулся. Пухлый краснолицый коротышка, державший его на прицеле, вздрогнул от удивления.

— Это ты-ты...— прошептал он.

— Конечно.— Пис был удивлен не менее собеседника, но сохранил достаточно самообладания, чтобы перехватить инициативу.

— А ты разве не знаешь?— ответил коротышка, снова возвращая ее.

— Я-то знаю... мне просто хотелось удостовериться, знаешь ли ты...

— Откуда? Я тебя ни разу в жизни не видел.

— Когда я повернулся, ты сказал: "Это ты!"

— Я сказал не так!

— Верно, ты сказал: "Это ты-ты!"

— Насмехаешься над людскими недостатками.— На цветущей физиономии появилось презрительное выражение.— Мне казалось, этот вид грубости вывелся еще в девятнадцатом веке.

— Я не смеюсь,— нетерпеливо сказал Пис.— Я просто говорю тебе, что случилось-случилось.

— Никак не угомонишься?— Коротышка размахивал пистолетом уже перед самым носом Писа.— Я ни секунды не буду колебаться, если мне придется воспользоваться вот этим-этим. Ну, отвечай, кто ты?

— Ты и сам знаешь!

— Я тебя никогда раньше не видел, просто ты похож на одного моего знакомого. Как тебя зовут?

— Уорран Пис.

— Таких имен не бывает!— взвизгнул коротышка, и цвет его щек приобрел опасный в его возрасте вишневый оттенок.— Предупреждаю, еще одна шутка, и все это плохо кончится!

— Но это мое имя... по крайней мере, мне так кажется,— ответил Пис, прилагая отчаянные усилия, чтобы дрожание голоса не выдало его жалости к самому себе.— Понимаешь, я потерял память.

— Так я тебе и поверил!

— Это правда.

— Больше всего ты похож на шпиона, который охотится за моими идеями. Меня-то ты знаешь, надеюсь? Профессор Арман Лежэ, изобретатель!

— Откуда мне знать тебя, если я даже про себя ничего не знаю?— грубо ответил Пис.— Повторяю, я потерял всю память о прошлой жизни!

Лежэ продолжал не отрываясь смотреть на него, и постепенно в его взгляде появилось несколько неуместное выражение удовольствия.

— Я знаю, что делать!— воскликнул он, лучась наслаждением.— И как только это не пришло мне в голову сразу же! Я проверю тебя на своем правдоискателе! Вот идеальный случай испытать его!

— Правдоискатель? Испытать?— Пис в свою очередь уставился на Лежэ. До него постепенно доходило, что он угодил в лапы ученого-маньяка. Наружностью Лежэ, с его щеками-помидорами и венчиком седых волос, походил на жизнерадостного монаха, но внешность обманчива и, судя по первому впечатлению, он способен был с такой же легкостью засунуть мозг жертвы неудавшегося эксперимента в банку с формальдегидом, с какой жена фермера укладывает в бочку капусту для засолки. Любопытный дефект речи, благодаря которому Лежэ напоминал робота со слетевшей шестеренкой, вполне мог быть признаком того, что изобретатель сей давно уже изжил в себе все человеческое.

— Вы не имеете права испытывать на мне машину,— твердо сказал Пис.— Это запрещено законом.

— Но ведь никто не узнает!

— Оскары...— поняв, что бесполезно угрожать маньяку существами, которые появятся только через столетие, Пис замолк.

— Успокойся, это совсем не больно. Раздевайся и садись вон туда.

Пользуясь револьвером, как указкой, Лежэ привлек внимание Писа к машине, имевшей весьма неприятное сходство с электрическим стулом.

Понукаемый упирающимся в ребра дулом, Пис сбросил остатки костюма, уселся в деревянное кресло и позволил пристегнуть свои руки и ноги толстыми ремнями. Потом Лежэ вытащил откуда-то хромированный шлем, соединенный множеством проводов с пультом управления, и водрузил его на голову Писа. Довольно насвистывая, он выдвинул ящик одного из лабораторных столов и извлек на свет божий разовый кружевной бюстгальтер, левая чашка которого была заполнена миниатюрными радиодеталями. Застегнув бюстгальтер на груди Писа, он еще несколько минут что-то подправлял и подкручивал внутри него. Опасения Писа еще больше усилились когда он увидел, что ученый расставляет вокруг кресла шесть подставок с аэрозольными баллончиками. Управлялись все баллончики одним рычагом.

— Отпустите меня,— попросил Пис, забыв о гордости.— Если вы меня отпустите, я не причиню вам больше никаких неприятностей.

— О каких неприятностях ты говоришь, сынок? Напротив, я весьма рад!

— А я — нет!

— Какое это имеет значение? Всякий, кто тайком пробирается в научную лабораторию, должен ожидать неприятностей для себя!

— Но я думал, что это ткацкая фабрика! Так написано на вывеске!

— Всем известно, что я купил этот дом у АКМЕ два года назад, когда она обанкротилась. Такие отговорки меня не удовлетворяют!

По мере того, как Лежэ заканчивал приготовления, фанатичный блеск в его глазах разгорался все ярче.

— Однако хватит препираться! Пришло время доказать, что правдоискатель Лежэ достоит занять место в одном ряду с другими его выдающимися изобретениями, например, пам...

Коротышка внезапно умолк и прикрыл рот ладонью, будто совершил непростительную ошибку.

— Что вы хотели сказать?— заинтересовавшись, спросил Пис.

— Ничего. Совсем ничего.— Лежэ торопливо перебросил несколько тумблеров на панели и ухватился за рычаг, управляющий шестью баллончиками.

— Десять, девять, восемь, семь, шесть...

— Что вы собираетесь со мной делать?— нервно выкрикнул Пис.

— Подавить психогальванические рефлексы,— ответил Лежэ.— Пять, четыре, три, два, один, НОЛЬ!

Он дернул рычаг и баллончики с громким шипением исторгли свое содержимое в направлении Писа.

— Только не газ! Что угодно, только не газ!— завопил было Пис, извиваясь в путах, но замолк и начал недоверчиво принюхиваться к обволакивающему его облаку удушливой вони.

— Эй, так это же Дешевый Деревенский Дезодорант "Вьющая Роза"!

— Верно,— согласился Лежэ.— Прошу прощения за запах, но... в универмаге за углом недавно была распродажа... в три раза дешевле!

Пис неуверенно хихикнул.

— Но почему именно дезодорант?

— Это непринципиально, важен только антиперспиративный эффект.

— Не понимаю...

— Чтобы подавить твои психогальванические рефлексы, дубина! Знаешь, как работает обычный детектор лжи? Если испытуемый врет, он испытывает эмоциональный стресс и потеет, увеличивая тем самым электропроводность кожи. Тот же самый стресс учащает биение его сердца и меняет мозговые ритмы. Полиграф засекает все это и определяет, когда ему врут, но это только полдела! Определять ложь еще не значит узнать правду, верно?

— Гммм...

— Ну конечно, это не одно и то же! Вот я и заставил систему обнаружения лжи работать в обратном порядке. Сейчас ты не можешь потеть, потому что все твои поры забиты антиперспирантом; биение твоего сердца не может ускориться, потому что рядом с ним, Лежэ указал на бюстгальтер,— работает успокоитель ритма; а надетый на тебя шлем все время выдает нормальную энцефалограмму. Так что теперь, стоит мне

задать вопрос, ты, лишенный возможности воспользоваться психофизическими атрибутами лжи, вынужден будешь говорить только правду! Чрезвычайно изобретательно, ты не находишь?

На Писа эта тирада не произвела никакого впечатления.

— А что, если я просто откажусь говорить?

Лежэ взял со стола револьвер.

— Тогда я пристрелю тебя!

— Вот это и в самом деле изобретательно,— сухо ответствовал Пис.— Надеюсь, вы понимаете, что все это — напрасная трата времени? У меня нет абсолютно никаких причин утаивать правду.

— Не лги мне!

— Как я могу лгать, если сижу в правдоискателе?

— Ах да, я совсем забыл,— засуетился застигнутый врасплох Лежэ,— но не воображай, что ты умнее меня. Норман!

— Я не...— Пис пронзил собеседника взглядом.— Почему вы назвали меня Норманом?

— Гммм... ты сам сказал, что тебя зовут Норман.

— Итак, вы утверждаете, что мы никогда не встречались раньше, что я — или вор, или шпион, и тем не менее упорно называете меня по имени, как старого знакомого. Где логика, профессор? Признавайтесь, что встречали меня раньше и знаете, кто я такой! Признавайтесь, что...— Тут Пис вынужден был прервать поток красноречия, потому что в запале наклонился слишком далеко вперед и струя дезодоранта ударила ему прямо в нос, заставив расчихаться. Кроме того, он вспомнил, что пребывает в эпохе, в которой, строго говоря, еще не родился. Неприятно, откуда Лежэ мог знать его, однако...

— В чем дело, яйцеголовый?— злорадствовал Лежэ.— Запутался в собственной терминологии?

— Почему вы назвали меня яйцеголовым?— спросил Пис, в душе которого еще теплилась надежда на благополучный исход приключения. Ему пришло в голову, что лучшим решением проблемы было бы освободиться самому, а к машине, если она, конечно, работает, привязать профессора. Однако действовать следовало дипломатично, и он решил подольститься к тюремщику.

— ... терпеть не могу яйцеголовых!— гнул свое Лежэ.— Они почему-то думают, что если и ходили в университет и получили какую-то там степень, то превзошли умом простого человека, покинувшего школу в пятнадцать лет!

— Это просто смешно,— пробормотал Пис.

— Ни один из этих так называемых ученых и изобретателей в подметки мне не годится! Не университетское образование сделало Эйнштейна великим, а просто и по-детски наивный подход к проблемам! Смею тебя уверить, мой подход еще проще и наивнее!

— Не сомневаюсь...

— Спасибо.— На какое-то время Лежэ успокоился, но вспомнив о незавершенном эксперименте, напустил на себя вид суровый и решительный.— Продолжим допрос! Что ты бормотал про потерю памяти?

— Это правда, профессор. Я не знаю, кто я такой. Жизнь для меня началась месяц назад...

Лежэ глянул на приборы и кивнул.

— Мне казалось, это бывает только в кино. Что же послужило причиной столь необыкновенного события?

— Я вступил в Космический Легион, чтобы забыть что-то определенное, а они стерли ВСЮ мою память!

— Легион, как же, как же!— разволновался Лежэ.— Понятно! Они занимаются этим всего год и, наверное, что-то в машине разладилось.

Пис отрицательно покачал головой.

— Я вступил в 2386 году — к этому времени инженеры Легиона уже должны были научиться пользоваться оборудованием.

— Но это... хм... через девяносто четыре года!

Лежэ бросил непроизвольный взгляд в сторону лестничной клетки, где располагался туалет.

— Так ты...

— Вот именно! За мной гнались, я вбежал в этот дом — не знаю, почему — и спрятался в сортире. Потом все пошло кувырком — я уже в 2292-ом, а вы целитесь в меня из револьвера!

— Значит, это случилось снова,— горестно пробормотал Лежэ.— Старику Смиркоффу за многое придется ответить! Пис в замешательстве нахмурил лоб.

— Кто такой Смиркофф?

— Дмитрий Смиркофф — наигнуснейший человек на Аспатрии!

Удовлетворенный объяснениями Писа, Лежэ начал разбирать правдоискатель.

— Он соорудил нелегальную машину времени и установил ее в туалете. Сама клеть спрятана в стенах-стенах.

Недоумение Писа достигло крайних пределов.

— Он что, рехнулся?

— Смиркофф был владельцем фабрики. Его бесило, что он должен платить девушкам и за то время, что они проводят в туалете, так что однажды под Рождество, когда на фабрике никого не было, он явился сюда с разобранной машиной времени, посторил ее вокруг туалета и заново отштукатурил стены, чтобы никто и не догадался. Мне говорили, что он хотел даже тайком вычесть сумму за ремонт из зарплаты девушек! Понятно теперь, что он за человек?

— Но чего же он хотел этим добиться?

— Машина была экстравертором, ими разрешено пользоваться только в правительственных учреждениях. Идея Смиркоффа заключалась в том, что сколько бы человек не провел в туалете — читая, куря, разго-

варивая — выйти из него он должен был, по внешнему времени, ровно через секунду после того как зашел-зашел.

— Боже праведный!— Пис был до глубины души восхищен изобретательностью негодяя.— Но все же... наверное, это подняло прибыли?

— Вот здесь ты ошибаешься, друг мой! Этот кретин, не имея ни малейшего понятия о принципах путешествия во времени, запрограммировал машину вкривь и вкось. В конце концов она забарахлила, и девушки стали пропадать. Место это приобрело зловещую репутацию, никто не соглашался здесь работать... Смиркофф разорился. И вот теперь это — моя лаборатория!

— Разве вы не можете обезвредить машину? Выключить ее?

— Смеешься?— Лежэ начал расстегивать ремни на лодыжках Писа.— Чтобы добраться до главного переключателя, нужно зайти внутрь, а я совсем не собираюсь доживать жизнь изгнанником в бог знает каком столетии. Я не сумасшедший, ты же знаешь-знаешь.

— А если просто заколотить дверь?

— Люди будут все так же прибывать, а выбраться не смогут и умрут от голода. Тебе понравилось бы жить рядом с сортиром, полным скелетов?

— Вряд ли,— признался Пис, водя глазами по лаборатории. Непосредственная угроза миновала, и любопытство брало свое. Лаборатория, хотя и находилась в ужаснейшем состоянии, была тем не менее уставлена довольно дорогим оборудованием, и Пису пришло в голову, что изобретатель, который может себе позволить купить здание фабрики — человек удачливый и способный. Конечно, глядя на самого Лежэ, трудно было в это поверить, но ведь может же человек быть и гением и сумасшедшим одновременно!

В это время ремни упали с рук Писа и он благодарно пошевелил пальцами.

— Приятное у вас тут местечко,— сказал он.— Над чем сейчас работаете?

Лежэ бросился к столу и схватил револьвер.

— Я еще не рехнулся, чтобы...

— Стоп! Ведь мы договорились, что я не шпион!

— Разве это причина, чтобы я раскрывал тебе секреты, за которыми может охотиться настоящий шпион?

— Наверное, нет,— не желая излишне раздражать маньяка с револьвером, Пис решил перевести разговор на нейтральную тему. Он расстегнул розовый бюстгальтер, все еще красовавшийся на его груди, поднял его за лямку и восхищенно-насмешливо присвистнул:

— Еще немножко поработать,— сказал он,— и в эту штуку можно будет засунуть всю машину!

— Сексуальный маньяк! Грязная свинья!— завопил Лежэ.— Ты осмелился оскорбить мою дочь!!!

— Профессор, но я не...

— Отвратительно! Гнусно!— Дуло револьвера рисовало в воздухе устрашающие восьмерки.— Я изо всех сил стараюсь защитить мою машину, мою прелестную крошку, мою сладкую невинную маленькую...

— Вряд ли она такая уж маленькая,— рассудительно сказал Пис в попытке разрядить эмоционально взрывоопасную ситуацию.— Я хочу сказать...

— Боже милосердный! Где же предел твоей похоти и сладострастию?! Даже под дулом револьвера ты не способен думать ни о чем другом, как о размере...

Лежэ оборвал себя на полуслове, в глазах его разгорелся новый решительный блеск, револьвер уставился точно в сердце Писа.

— Довольно! Пришла пора сказать друг другу прощай-прощай!

Пис отступил на несколько шагов.

— Вы не можете убить безоружного!

— Не очень-то рассчитывай на это!— В голосе Лежэ появился зловещий холодок.— Пошевеливайся!

— Куда...

— Назад в машину времени, конечно! Пока ты здесь, дочь моя не может чувствовать себя в безопасности!

— Вы не можете засадить меня в эту штуку! Нельзя быть таким бесчеловечным!

— Двигай ногами-ногами!

Пис огляделся, как затравленный зверь.

— По крайней мере, позвольте мне одеться!

— Ты что, думаешь, я идиот? Этот старый трюк типа "позвольте мне выкурить сигарету" не пройдет! Я слишком часто хожу в кино, юнец! Ты нажимаешь кнопку на сигарете, и слезоточивый газ лупит меня прямо по глазам! Отличная уловка, только на этот раз она не сработает, потому что я далеко превосхожу тебя умом!

— Нет у меня никаких сигарет!— воскликнул Пис.— Я хочу только одеться!

— И выдавить газ из пуговицы на рубашке? Пошевеливайся!

Пис поплелся к двери, Лежэ — за ним. Поравнявшись с последним столом, Пис попытался спасти остатки своего достоинства — схватил газету, которую рассматривал раньше, стряхнул с нее последние засохшие крошки, и обернул вокруг кресел. Он позволил подвести себя к туалету, но в последний момент уперся — страх перед неизвестным пересилила все его остальные эмоции.

— Послушайте,— сказал он, поворачиваясь лицом к противнику,— сейчас довольно высоко над землей, и следует вдуматься, что произойдет, если я окажусь во времени, когда этот дом еще не был построен.

— Ладно уж, вдумаюсь.— Лежэ изобразил на лице работу мысли, и постепенно оно просветлело.— Мне это нравится! Мне это нравится!

— Вам нравится, что я упаду и разобьюсь насмерть?

— К сожалению, я буду лишен возможности созерцать этот спектакль. Машина времени работает по принципу затухающих колебаний — так уж они устроены. Скорее всего, ты вынырнешь в будущем где-нибудь поблизости от точки, в которой исчез.

— Это всего лишь предположение,— сказал Пис тоном обвинителя.— Вообще-то я чувствую, что у вас все равно не хватит решимости нажать на курок, и поэтому...

— Что?

— Я отказываюсь войти в эту дверь!

Лежэ пожал плечами:

— Это твои похороны!

Он щелкнул предохранителем, всем видом изображая человека, готового совершить хладнокровное убийство. Пис, начиная подозревать, что серьезно ошибся в своих рассуждениях, непроизвольно отступил на шаг. Последовала рвущая нервы пауза, но в конце концов дуло револьвера неуверенно заколебалось. Пис чуть было не застонал от облегчения.

В это время наверху на лестнице послышались шаги, и взору Писа явилась, ощетинившись бигудями и купаясь в складках стеганого нейлона, исполинская розовая копия профессора Лежэ, но только женского рода.

— Ах, папочка,— промолвила она густым баритоном,— ты снова украл у меня лучший лифчик для своих глупых...

Тут она заметила Писа, умолкла, по ее лицу расплылась недоверчивая поначалу, но широченная в конце концов улыбка, и, распростерши руки для предстоящего объятия, она рванулась к Пису.

— Норман, ты вернулся ко мне!!!

Реакция Писа была чисто инстинктивная. Спиной вперед он прыгнул в туалет, обо что-то споткнулся и рухнул на унитаз. Послышалось громкое гудение, свет замигал, и объемистые фигуры профессора и его дочери растворились, оставив дверной проем пустым. Изо рта Писа вырвался громкий стон — он опять, но одетый на этот раз только в газету, отправился путешествовать во времени.

Глава 8

Стены крохотной комнатки начали менять цвет.

Исчезла одна из главных причин для беспокойства — состояние окружающих предметов ухудшилось, и означало это, что путешествует он в будущее, и что здание фабрики не перестанет существовать, оставив Писа в десятке метров над землей. Он слегка успокоился, порадовавшись

было передышке, столь необходимой для приведения в порядок перепутавшихся мыслей, но вспомнил, что люди имеют обыкновение носить или перестраивать старые здания. Что ждет его в далеком будущем — смерть под ножом бульдозера? Пересечение тела вновь возведенной стеной?

Встревоженный и огорченный тем, что жизнь его превратилась в серию отчаянных прыжков из кастрюли в сковородку, Пис поерзал на унитазе, и тут же слуховые и зрительные эффекты путешествия во времени исчезли. Сияние пыльного неба установилось на одном уровне, и комната показалась Пису такой, какой он увидел ее впервые. Он бросил нервный взгляд на дверь — не поджидают ли его бронзовотелые великаны с рубиновыми глазами? Но лестничная клетка была пуста. Тишина была почти гробовой, если бы не едва слышащийся гул уличного движения.

Прижимая к чреслам импровизированную юбчонку, Пис осторожно выбрался из туалета. Все вокруг покрывал толстый слой пыли, и он почувствовал, что волосы шевелятся на его голове — ведь и профессор и его дочь давно, наверное, отмерили положенный им срок и пребывают либо в могиле, либо — в виде пепла — в погребальной урне. Он повернул налево, открыл дверь и вошел в бывшую лабораторию Лежэ. Кое-какие столы еще стояли на своих местах, но основная масса оборудования, за исключением разнообразного мелкого хлама, исчезла. Рассеянно скользя взглядом по обшарпанным стенам, Пис попытался собрать воедино разрозненные кусочки обретенного полусознания.

Дочь профессора узнала его и назвала Норманом. Неужели его и в самом деле так зовут? Или это всего лишь псевдоним, под которым он уже путешествовал в прошлое? Что за причина толкнула его на это, первое путешествие? Если профессор узнал его, то почему скрывал? Ведь если вдуматься, он вполне может оказаться уроженцем конца двадцать четвертого. Неужели он спасался от правосудия и в двадцать третьем веке? Неужели он — непереносимая мысль!— и в самом деле растлитель малолетних с устоявшейся репутацией?

Но тут практическое начало существа Писа возмутилось — он стоит и тратит время в бесплодных размышлениях, а ему нужно в первую очередь вот что — одежда, деньги и знание точного положения во времени. Он распахнул несколько стенных шкафов и едва поверил своему счастью, увидев в одном из них висящий на ржавом гвозде некогда белый лабораторный халат. Он оказался слишком коротким, но тщательное обследование всех возможных тайников не принесло ему больше никакой добычи. Пис поднялся этажом выше и, обозревая жилые комнаты, наткнулся на пару пушистых розовых шлепанцев. Судя по размеру, принадлежали они дочурке профессора, и начали уже рассыпаться в прах от старости, но оказались в самый раз и кое-как защищали подошвы. Всему ансамблю явно недоставало элегантности, но не будь у здания столь зловещей репутации, местные урки

обчистили бы его до последней проволочки, и пришлось бы Пису и дальше прикрываться газетой.

Вспомнив о методе, которым во все века мальчишки традиционно повышали свой доход, Пис обследовал разнообразнейшие железки, лежащие в лабораторной пыли. Одной из них была бунзеновская горелка, которая наверняка уже приобрела антикварную ценность. Бегом спустившись в лабораторию, Пис расстелил на полу газету, собрал в нее моток медной проволоки, немного электронного барахла и упомянутую горелку. Конечно, это было совсем не то, что медный микроскоп девятнадцатого века, но Пис вполне мог представить себе коллекционеров, сердце которых взыграет при виде горелки.

Он завернул добычу в газету, спустился вниз и, одержав нелегкую победу над заржавевшим засовом, вышел в пурпурные сумерки. Улица была пустынна, но по доносящемуся издалека шуму транспорта можно было догадаться, что деловая жизнь в городе кипит. Время года — осень или весна, время суток — далеко за полдень. Пис повернул направо, прочь от улицы, на которой встретился с оскарами, и зашагал в противоположном направлении к концу квартала.

Дойдя до перекрестка, он осторожно выглянул из-за дома и с облегчением убедился, что проносящиеся машины выглядят примерно так же, как он их и помнил. Освещенные витрины магазинов тоже казались нормальными, равно как и прохожие, ни один из которых не удостоил Писа взглядом. Приободрившись, он влился в людской поток и принялся высматривать антикварную лавку. Продвижение его было несколько замедленно шаркающей походкой, необходимой для удержания на ногах пушистых шлепанцев, да к тому же игривый ветерок все время норовил задрать полу его халата, так что Пис вынужден был все время останавливаться и запихивать непокорное одеяние между ног. Согнувшись в три погибели, прижимая к телу грязный сверток, не имея возможности приподнять ногу или раздвинуть колени, Пис прекрасно понимал, что похож на рыскающего в поисках жертвы переодетого Квазимодо, и что вид этот, даже в толпе ко всему привыкших горожан, не может не вызвать взволнованных комментариев.

Страхи его оправдались — мужчины и женщины начали останавливаться и пялить на него глаза. Пис растянул губы в улыбку, желая показать зрителям, что перед ними всего лишь безвредный идиот от рождения, но через некоторое время его уже сопровождала солидная толпа зевак. Кошмарные чувства, владевшие Писом, усугублялись осознанием того, что в дело рано или поздно вмешается полиция. Он уже приготовился распрямить спину и побежать, не заботясь о том, какие именно части его обнаженного тела предстанут взглядам окружающих, но тут в нескольких шагах впереди он заметил вывеску, гласившую:

Р.ДЖ.Пенникук
антиквар

Всхлипывая от облегчения и резво шаркая шлепанцами, он быстро добрался до весьма приличного на первый взгляд заведения, ввалился внутрь, захлопнул за собой дверь и привалился к ней, тяжело дыша и чувствуя себя лисой, удравшей от своры гончих.

— Если вы не выйдете сию же секунду,— произнес из-за стеклянной стойки молодой человек с холодными глазами,— я вызову полицию.

— Не делайте этого!— с трудом вымолвил Пис, тряся головой.

— А по какой причине, интересно мне узнать?

Молодой человек поднес к губам ультразвуковой свисток.

Пис окинул магазин быстрым взглядом, заведение, в которое занесла его судьба, безусловно, относилось к высшему разряду, к числу тех мест, где вазы эпохи Мин выдаются в качестве бесплатного приложения к действительно ценным приобретениям. Ржавая горелка внезапно потеряла всю свою прелесть, но у Писа не оставалось никакого выхода, кроме как гнуть свою линию и тянуть время...

— По той простой причине, мистер Пенникук,— многозначительно сказал Пис,— что у меня есть кое-что на продажу, нечто, чью ценность можно с первого взгляда и не заметить. Такое попадается настоящему коллекционеру всего лишь раз в жизни!

С этими словами он положил кулек на стойку и развернул его, явив взору антиквара, что теперь и самому Пису казалось горстью металлолома. Даже бунзеновская горелка, гордость коллекции, распалась на составные части.

Пенникук посмотрел на кучу хлама, побледнел, и за несколько секунд презрение на его лице сменилось недоверием, радостью, жадностью и, наконец, уважительной осторожностью.

— Вы продаете это?

— *Конечно.*

— Откуда ЭТО у вас?

— Нашел.

Наблюдая за сменой эмоций на лице собеседника, Пис начал уже было подумывать, не нарвался он случайно на собирателя старых бунзеновских горелок, болезнь которого зашла столь далеко, что из него удастся выбить достаточно денег для покупки поношенного костюма.

— Там, где я взял это, может быть и еще,— добавил он, поглаживая переносицу.

— Даю тысячу,— отрывисто произнес Пенникук,— и не задаю никаких вопросов.

— Тысячу!— воскликнул Пис и, обуреваемый разнообразнейшими чувствами, по-новому посмотрел на свою добычу, стараясь определить, какой же именно драгоценный кусочек металла так приглянулся коллекционеру.

— Ну ладно, две тысячи, но это предел! Договорились?

Пис с трудом сглотнул.

— Договорились.

Молодой человек вытащил из ящика стола две радужные бумажки, передал их Пису, потом аккуратно собрал с газеты хлам, включая и горелку, и уронил все вместе в портативный дезинтегратор.

Зеленоватая вспышка, и антиквариат прекратил свое существование.

— Что вы делаете?— вскричал Пис, шокированный столь бездумным уничтожением того, о чем он думал уже не иначе, как о произведениях искусства.

— Они нам больше не понадобятся,— сказал Пенникук.— Прекрасная была идея — обернуть газету вокруг кучи барахла... действительно, как проще всего украсть тачку?— нагрузить на нее кучу дерьма и увезти! Но вы могли испачкать ее!

Уважительно и бережно он разгладил газету, присмотрелся к ней поближе, и перевел потрясенный взгляд на Писа.

— Мне показалось, что кто-то ел на ней пирог со свининой!

— Никогда!— выдавил из себя онемевший было Пис.

— Конечно! Никто в здравом уме не станет осквернять новехонькую, лазерной печати газету выпуска 2292-го года...— Пенникук бросил на Писа взгляд заговорщика.— Давненько мне не приходилось держать в руках столь хорошо сохранившийся экземпляр... создается такое впечатление, что вы воспользовались экстравертором и съездили за ней в прошлое...

— Но это же запрещено законом!— Пис подмигнул, желая создать у антиквара впечатление, что он — бесценный источник контрабанды. Ход мыслительных процессов коллекционера был ему непонятен, но теперь, когда ситуация прояснилась, Пис намеревался выжить из нее все возможное.

— Послушайте, мистер Пенникук, не будете ли вы так...

— Зови меня Регги, ладно?

— О'кей, Регги... Я — Уоррен. Нельзя ли нам потолковать в кабинете с глазу на глаз? Я не очень уютно чувствую себя в таком, с позволения сказать, одеянии.

Остро сознавая, сколь тонки его ноги, Пис мужественно перенес тщательный визуальный осмотр.

— Я как раз хотел спросить тебя об этом. Ведь я должен вести дела осторожно, верно? Так где же твои штаны, Уоррен?

— Ну,— напрягся Пис в поисках подходящего ответа,— ты ведь знаешь, как это бывает...

Пенникук просиял.

— Понял! Ни слова больше об этом, Уоррен!

— Не буду!— уверил его Пис.

— Муж вернулся в самый неподходящий момент, и тебе пришлось смываться, старый ты похотливый кролик!— Пенникук дружески хлопнул Писа по плечу.— Теперь я могу признаться тебе в этом, Уоррен, но

когда ты ворвался сюда в этом халате, воняя ужасным розовым дезодорантом, я уж было подумал, что ты...

— Да как ты мог!

— Все в порядке — теперь-то я знаю, каков ты жеребец!

Пис отрешенно кивнул, и новая, какая уже по счету тревожная мысль одолела его. Он не чувствовал в себе никакого интереса к противоположному полу, и это было не совсем обычно для здорового молодого человека, больше месяца не общавшегося с женщинами. "Это все виновата усталость",— решил он, отмахиваясь от воспоминаний о том, как его товарищи по Легиону — несмотря на усталость и скудное пропитание — проводили короткие перерывы между боями,— планируя предстоящие оргии. Все еще хмурясь, он прошествовал за Пенникуком в кабинет за стойкой.

— Как бы мне разжиться какой-нибудь одежонкой?— спросил он.— За ценой не постою.

— Ателье "Десять монет" как раз за углом. Я попрошу кого-нибудь сбегать туда и принести костюм и все, что к нему нужно.

— "Десять монет"? Неплохо!

— Скорее всего это будет сотня — инфляция, ты же знаешь.— Пенникук отвернулся, бросив последний юмористический взгляд на ноги Писа.— Ты и в самом деле старый вонючий похотливый кролик, Уоррен!

— Что ты все твердишь одно и то же!— ответил Пис несколько раздраженно, не желая, чтобы ему напоминали о тех жутких преступлениях, которые он, возможно, совершил в прошлом.

Случайно взгляд его упал на электронный календарь, показывавший дату — 6 сентября 2386 года. Яркие красные цифры распались, чтобы вдруг резко и отчетливо сфокусироваться. Пис понял их значение. Если календарь не врет, машина времени в одном из своих затухающих колебаний, о которых говорил профессор Лекэ — забросила его в день, за два месяца до того, как он вступил в Космический легион!

Колени Писа ослабли, когда он почти с суеверным ужасом осознал, что его таинственный двойник живет и здравствует сейчас в какой-нибудь части Галактики, греша напропалую и планируя все новые и новые преступления, приведшие его в конце концов на призывной пункт Легиона. От этой мысли Пис, считавший, что привык к ударам судьбы, в полное замешательство.

— Так я звоню в ателье,— сказал Пенникук, подсаживаясь к телефону.— Сейчас мы тебя экипируем!

— Спасибо,— думая о другом, пробормотал Пис.— Кстати, календарь у тебя правильный?

— Ты что, не знаешь, какой сегодня день?

— Я много путешествовал в последние дни и совсем запутался в поясах и зонах.

— Этот календарь определяет любое время! Хочешь узнать, какой день сейчас на Земле? Пожалуйста... Восьмое ноября.

Колени Писа окончательно сдали и он тяжело рухнул на ближайший стул. Через два дня, в Портербурге, у дверей призывного пункта Легиона, он сможет встретить единственного во Вселенной человека, который ответит на все его вопросы.

Глава 9

Ночной сон в удобной гостиничной постели, чувство, что он чист и не голоден, одет соответственно моде, и к тому же с деньгами в кармане — все это должно было улучшить настроение Писа, когда тот отправился в космопорт Точдаун-сити.

Вместо этого мозг его с новой энергией продолжал выискивать намеки на ненормальность. С тоской вспоминал он теперь и случай с дочерью профессора Лежэ и машиной времени. Он, Уоррен Пис, считавший, что смерть от пули предпочтительнее путешествия во времени, сознательно бросился в машину времени, уворачиваясь от женских объятий. Единственное, что его немного подбадривало, так это то, что упомянутая женщина более всего напоминала двухметрового диаметра бламанже без всяких моральных принципов... Не исключено, что Пис повел бы себя иначе, будь она молода, стройна и красива.

Шагая сквозь ясное осеннее утро, Пис решил проверить себя, и не сводил долгого упорного взгляда с каждой привлекательной девушки, замеченной им в толпе. Вид некоторых из них вызывал у него приятные эстетические чувства, но, к его разочарованию, он не ощущал ничего, что должен был бы чувствовать недавний член жестокого и влюбчивого солдатского братства.

Эксперимент закончился быстро и неожиданно. Взволнованный его результатами Пис не заметил, что одну из девиц сопровождает тяжеловес с бычьей шеей и, судя по всему, характером собственника. Тяжеловес развернулся и попытался схватить Писа за воротник, но проворство, приобретенное в дюжине войн, на этот раз выручило его из ситуации, чреватой осложнениями. Пис твердо решил не привлекать больше к себе внимания.

Вступить в Легион он должен только послезавтра — значит, его еще не разыскивают как дезертира. Не успел он наделать еще и глупостей, навлекших на него в будущем бесчисленные неприятности, так что бояться вроде бы нечего.

Гражданский космопорт оказался дальше, чем следовало из объяснений портье, и Пис решил остановить проезжающее мимо такси. Желтый автомобиль притормозил у тротуара, и окно его скользнуло вниз,

явив взору Писа траурный образ Трева, водителя, на голову которого это самое стекло рухнет месяц спустя.

Пис инстинктивно прикрылся руками и зашипел:

— Убирайся! Оставь меня, наконец, в покое!

Лицо Трева дернулось от негодования и он, ругаясь себе под нос, уехал.

Вконец расстроенный этой встречей, Пис с каменным выражением на лице, не сделав ни одного лишнего жеста, за десять минут дошагал до космопорта. Его удивило, что космопорт больше всего похож на стадион, и даже окружен похожими на трибуны зданиями. Так много кораблей прибывало и улетало одновременно, что воздух над лужайкой казался темным облаком, состоящим из мерцающих очертаний звездолетов. Сначала Пис подумал, как трудно, наверное, управлять этим хаотичным движением, но потом заметил, что траектории кораблей постоянно пересекают одна другую, и вспомнил, что если они не могут находиться в двух разных местах одновременно, то и столкнуться не могут.

Пис одобрительно кивнул, признав, что как бы отвратительно эти кубистские корабли не выглядели в сравнении с воображаемыми сверкающими иглами, они представляют собой прекрасное средство передвижения.

Купив в кассе за четыреста монет билет в один конец на Землю, он вышел на просторную террасу, с которой открывался захватывающий вид на летное поле. Вытягивая шею, чтобы вобрать в себя побольше пейзажа, он начал пробираться сквозь толпу к барьеру, у которого располагались таможенные мониторы, и уже почти достиг его, но тут краем глаза заметил знакомые бронзовые отблески. Он обернулся и увидел двух оскаров, спокойно шагавших среди скопления пассажиров и зевак.

Первой мыслью Писа было — бежать! Ноги его по своей собственной инициативе уже сделали необходимые приготовления, но рассудок победил. Бегущий человек неизбежно привлечет к себе внимание, к тому же он не успел еще ни в чем провиниться. Он не мог сказать, эти ли самые оскары погонятся за ним через месяц — если уж эта парочки так похожа друг на друга, то и остальные такие же,— но главным было то, что сегодня — девятое ноября, и поэтому дезертирство из Легиона, бегство из "Голубой лягушки", гнусный эпизод в кинотеатре — ничего этого еще не случилось. Даже если оскары способны читать чужие мысли, они не станут наказывать его за несовершенные преступления. Он вытащил из пачки самоприкуривающуюся сигарету, вдохнул в нее жизнь и постарался принять рассеянный вид.

Оскары спокойно продолжали свое шествие. Люди почтительно уступали им дорогу, но в остальном почти не обращали на них внимания. Отчаянно завидуя им, Пис постарался не думать о своих преступлениях, и быстро обнаружил, что решение не думать о чем-то производит совершенно обратный эффект.

В надежде придать себе вид совершенно уж невинный, Пис собирался было засвистеть, но забыл, что легкие его полны сигаретного дыма, и вместо свиста зашелся лающим кашлем, по громкости не уступающим реву моржа. Стоящие поблизости вздрогнули и обратили на него полные сочувствия взгляды.

Оскары тоже повернули к нему головы и остановились.

Не отводя глаз, Пис чаще запыхтел сигаретой. Я не виновен, твердил его охваченный паникой разум, я не делал всех этих ужасных вещей!

Головы оскаров медленно повернулись и они посмотрели друг другу в глаза. Беззвучное совещание длилось несколько секунд, потом оба кивнули и решительно зашагали в направлении Писа, которому так хотелось показать, что он ничего не боится, что нервы его сдали, как только оскары подошли вплотную. Увернувшись от вытянутых бронзовых рук, он бросился в единственном свободном направлении — на летное поле. Подогреваемый страхом, он перемахнул через полутораметровый барьер и устремился в запутанные переулки, образованные корпусами приземлившихся звездолетов. Грохот и треск рвущегося металла за его спиной объявил, что оскары, как это всегда было характерно для них, решили пробежать прямо сквозь барьер. Их тяжелые шаги приближались с каждой микросекундой.

Прямо перед собой Пис увидел темный прямоугольник — вход в корабль. Он метнулся внутрь и захлопнул тяжелую стальную дверь. К его облегчению, замок сработал автоматически. Очутившись под защитой бронированного корпуса, Пис нетвердой походкой добрался до единственного кресла в напоминающей рубку управления каюте и рухнул в него. Шумно дыша, стараясь унять дрожь в конечностях, он огляделся и задумался, что же делать дальше. Однако этот мыслительный процесс, так и не успев толком начаться, был прерван самым громким из всех слышанных Писом звуков, и в то же самое мгновение на только что захлопнутой им двери появилось вздутие размером с суповую тарелку.

Пис застыл от ужаса, поняв, что один из оскаров ударил в дверь кулаком и почти ухитрился пробить ее! Запихнув пальцы в рот, Пис смотрел на искореженный металл и думал, что если бы оскар догадался ударить поближе к замку, дверь непременно открылась бы.

"Может быть",— соображал он, хватаясь за последнюю надежду,— "оскары не вполне разумны? Что, если интеллект — их слабое место, ахиллесова пята? Если так, то как можно этим воспользоваться? Как..."

И снова работа его мысли была прервана ударом, оставившим еще одно вздутие на двери. Насмотревшись на него, Пис решил, что оскарам интеллект ни к чему — они и так неуязвимы. Прощаясь мысленно с жизнью, он развернул кресло к наклонной приборной панели, у которой, оказывается, сидел. Перед глазами его прошла какая-то странная рябь, мозг закололо тоненькими иголочками, и на несколько мгновений он увидел скопище приборов и рычагов как бы глазами другого человека. Он

легко провел рукой по двум рядам тумблеров, нажал большую красную кнопку и двинул вверх главный штурвал.

Стена перед ним стала прозрачной, и сквозь нее Пис увидел, как уменьшаются далеко внизу здания космопорта. Голубое небо почернело и, через мгновение, на зачарованного Писа уже смотрели колючие, враждебные звезды.

* * *

Корабль летел с такой скоростью, что было заметно, как звезды меняют свой цвет. Завороженный этим зрелищем, Пис наблюдал, как яркие точки проплывают мимо, потом ему в голову пришло — чтобы произвести такой эффект, корабль должен мчаться, как вампир из преисподней, а сам он не имеет ни малейшего представления, куда он направляется. То, что он еще раз успешно вырвался из лап оскаров, явно имевших на него зуб, было, конечно, здорово, но теперь ему угрожала новая опасность — навеки затеряться в бездонном космосе. Пис уже почти уверил себя, что судьба никогда не оставит его в покое, и что, скольких катастроф он бы не избежал, впереди его ждет новая, не менее разрушительная.

— Вот так!— горестно сказал Пис.— В чем смысл моей борьбы? Остается одно: сидеть неподвижно и ждать следующего несчастья, а уж оно наверняка окажется самым несчастным из всех несчастий!

— Вперед, и только вперед!— запричитал он, распаляясь.— Далеко за пределы нашей галактики... и всех прочих галактик! Я превзойду скорость лентяя-света на позолоченных смехом крыльях! А какие удивительные картины предстанут перед моими глазами прежде, чем смерть закроет их навсегда! Туманности, извивающиеся в утонченной пытке зачатия мира, космические маяки сверхновых, целые вселенные, похожие на запутавшихся в тончайшей серебристой сетке светлячков...

Весьма довольный собой, Пис скрестил на груди руки, откинулся на спинку кресла и приготовился к вечности. Единение его с космосом длилось примерно десять секунд, потом ему стало скучно, потом — страшно.

— К черту светлячков и серебристые сетки! Я хочу домой!!!

Он подбежал к прозрачной стене и принялся шарить глазами, как будто то, что он оказался на пару шагов ближе, могло ему помочь определить, где же Солнце. Но даже совсем ошалев от горя, но быстро понял, что надежда его напрасна — перед кораблем мерцали миллиарды звезд, и было не разобраться, что среди них есть что. Только мощный компьютер способен решить проблемы астронавигации, решил Пис... и в этот момент иголочки, коловшие его мозг раньше, вернулись с новой силой, вызывая в голове странное чувство облегчения. Как будто ослабили какой-то жгут, но возобновившийся поток был менее материален, чем

кровь, и состоял в основном из эфемерной мешанины ассоциаций, идей и понятий.

"Неужели возвращается память?— подумал Пис, вновь усаживаясь перед пультом управления.— Приходилось ли мне раньше управлять таким кораблем?"

Он принялся более тщательно изучать различные панели, и на этот раз заметил, что они сформированы логическими группами. Рядом с двумя рядами тумблеров, которыми он так лихо щелкнул в первом приступе супервосприятия, было указано, что они включают прогрев передатчика и позволяют стартовать на ручном управлении. Потом Пис заметил отдельный модуль с клавиатурой, маркированной как АСМН. Молясь, чтобы эта аббревиатура расшифровалась как "Автоматический Селектор Места Назначения", он набил на клавиатуре З-Е-М-Л-Я, и был мгновенно вознагражден поворотом звездного поля — доказательством того, что корабль изменил курс.

В самом центре прозрачной стены замигал красны кружок. Он окружил одну из немногих крохотных областей абсолютной тьмы, и Пис догадался, что солнце так далеко, что свет его не в силах преодолеть такое путешествие. Но через некоторое время в центре кружка появилась искорка света и начала расти. Удовлетворенный тем, что жизнь меняется к лучшему, Пис продолжил изучение других модулей и скоро обнаружил один именуемый "Автоматическая посадка", избавляющий его от тревог о том, как безопасно посадить звездолет. Приободренный успехом и растущим чувством уверенности в своих способностях, он включил музыку. Первая запись выдала оркестровку пьесы Сибелиуса, громовые аккорды были, очевидно, призваны создать у пассажиров настроение, соответствующее ощущению космического полета.

Пис поудобнее устроился на мягких подушках. Намерения у него были самые простые — отдохнуть. Теперь, когда Пис снова полностью уверился в будущем благоденствии, он еще раз позволил своей душе объединиться с космосом и — чтобы добавить визуального гарнирчика к размышлениям — щелкнул тумблерами, управляющими прозрачностью отдельных стен рубки. Но как это часто бывает с последними театральными жестами, порыв этот оказался серьезной ошибкой и разрушил гармонию его разума.

Всего в нескольких шагах справа от него, отражая своими телами красные и зеленые вспышки бортовых огней, к внешней поверхности звездолета прицепились два оскара.

"...Я же убил их!— твердил про себя потерявший способность соображать Пис.— Я вывалил их в межзвездное пространство и прикончил!".

Страх ненадолго отпустил его, но тут же вернулся, умноженный в десять раз — загадочные существа все еще двигались!

Ничуть не смущенные тем обстоятельством, что находятся в глубочайшем вакууме, оскары небрежно держались за корпус одной рукой, другой указывая друг другу различные звездные достопримечательности

словно туристы на прогулке. Пис, окаменев, смотрел на них. Время от времени кто-нибудь из оскаров поворачивал свои рубиновые глаза в направлении Писа, но непохоже было, чтобы они видели его. Наверное, решил Пис, прозрачность стен — односторонняя.

Теперь Пис в полной мере осознал, какие именно силы ополчились против него. Жизнь его была почти непереносимо трудной и без оскаров, гоняющихся за ним сквозь время и пространство — и вот он узнал, что его противники — существа не уничтожимые, способные выжить в любых условиях. Пис совершенно не представлял, что же такого мог он натворить, и это только добавляло ему страданий. Он спрятал лицо в ладонях и всерьез задумался, не положить ли конец этой дикой охоте, направив звездолет в какую-нибудь звезду. Это стало бы быстрым, чистым решением всех его проблем, но — кристаллик обиды образовался и начал расти в котле умственного урагана — неужели часы пробили одиннадцать раз? После всего, что испытал он за последний месяц, неужели он позволит двум металлизированным кретинам помешать ему узнать свое прошлое?

Он поднял голову, расправил плечи и занялся анализом сложнейшей сложившейся ситуации. Несомненно, в данный момент оскары находились внутри поля, генерируемого передатчиками звездолета, поэтому и передвигаются в космосе вместе с ним. Райан объяснил ему, что звездолет можно считать находящимся в покое, несмотря на то, что он развивает огромную эффективную скорость. Однако Пис был совершенно уверен в том, что яростное ускорение "обычного" космического полета наверняка избавит его от непрошенных наездников.

Цель звездолета — Солнце — уже ярко сверкала на переднем экране, когда Пис вновь обратил свое внимание на пульт управления, и скоро нашел панель, проименованную как "ДОП.АТ.ДВ.", и уверенно определил, что это — набор приборов управления для полетов на атомной тяге в случае отказа передатчиков. Пальцы Писа безошибочно опустились на рукоятки селектора высоты и миниатюрный штурвал, и тут он окончательно уверился в том, что управлял звездолетом в прошлой жизни и в состоянии заставить свой корабль выполнить любой маневр.

Победоносно похмыкивая, он отключил передатчик, и корабль до этого двигался со скоростью миллион километров в секунду, остановился. Так как он не обладал инерцией, пассажиры абсолютно ничего не заметили.

Быстрый взгляд подтвердил, что ничего не подозревающие оскары спокойно держатся за корпус кончиками пальцев. Гримаса злобного веселья исказила лицо Писа, когда он приготовился запустить корабль в режиме полного нормального ускорения. Он прикоснулся к стартовой кнопке и... веселье его сменилось отчаянием — он обнаружил, что не может заставить палец надавить на вогнутый диск. Какие только команды он не отдавал пальцу, как не угрожал, тот отказывался подчиниться.

— Но это же сумасшествие!— произнес он вслух, сверля палец-диссидент прокурорским взглядом.— Они ведь даже не люди! Они чудовища!

— Многие говорят, что ты сам — чудовище,— донесся до Писа воображаемый ответ пальца,— но разве тебе понравится затеряться в космосе?

— Слушай меня, костлявая башка!— не сдавался Пис.— Эти монстры забавляются, скармливая раненых землян ручным коврам-самолетам!

— Об этом ты знаешь только от Динкла, и с другой стороны, когда это два зла давали при сложении добро? Нет, ты не можешь обречь их на такую страшную судьбу!

— Ладно, ладно!— Пис бросил на ослушника последний злобный взгляд и отомстил ему, засунув себе в нос.

Левой рукой он включил передатчики, и корабль запрыгал к Земле со скоростью нескольких световых лет в час, а вместе с ним — оскары, маслянисто отражая массивными торсами красные и зеленые вспышки.

Пис смотрелся в передний экран и заметил, что Солнце превратилось уже в сверкающий диск, и диск этот отплывает к границе красного мерцающего круга — признак того, что корабль нацеливается на Землю. Время, отпущенное на решение проблемы оскаров, истекло. Стоит кораблю приземлиться, как они тут же разнесут дверь на атомы и доберутся, наконец, до своей жертвы.

Как бы иллюстрируя бедственное положение Писа, в кружке-мишени возник голубоватый полумесяц — несомненно, Земля. Из-за ее плеча выглядывала вчерашняя спутница — Луна. На пульте зажегся сигнал, настойчиво рекомендующие Пису ввести координаты приземления в бортовой компьютер или садиться на ручном управлении.

Некоторое время сбитый с толку Пис тупо вглядывался в широкие голубые изгибы родной планеты, и цвет этот родил в его мозгу сногсшибательную идею.

Взяв управление на себя, он ввел корабль в атмосферу и направил к центральной части Тихого океана. Спуск прошел спокойно, и у Писа было достаточно времени, чтобы выбрать подходящее место для разгрузки. Наконец он нашел группу маленьких атоллов, остановил корабль в воздухе примерно в сотне метров на одной из лагун и — глубоко вздохнув для успокоения нервов — отключил передатчики.

Корабль начал падать, как кусок свинца.

Пис отсчитал две секунды и вырубил атомный двигатель. Когда включились ускорители, корабль лязгнул, словно столкнувшись обо что-то, и Пис, который напряженно сидел на самом краешке командирского кресла, рухнул на колени, ударившись челюстью о пульт. Ощупывая чуть не выскочившую из суставов челюсть, он глянул налево, и величественная непередаваемая радость победила даже боль — оскары исчезли.

Атомные ускорители властно толкали корабль вверх, и все его сочленения громко протестовали. Пис включил передатчики, прекратив тем самым страдания стального исполина, и развернул корабль так, чтобы медленно пройти над лагуной. Поверхность ее все еще волновалась, но сквозь чистейшую воду Пису было все прекрасно видно. Оскары стояли на дне лагуны, на глубине примерно десяти метров. Заметив корабль, они подняли головы, и, как показалось Пису, воздели вверх угрожающие сжатые кулаки.

— И вам того же самого, ребятки!— крикнул он.— Берегитесь ржавчины.

Удовлетворив таким образом свое тщеславие, Пис поднял корабль высоко в полуденное небо и взял курс на Портербург, его вроде бы как родной город. В старых типах кораблей навигационные трудности такого маневра могли бы оказаться непреодолимыми, но Пис просто вывел звездолет на орбитальную высоту — заняло это всего десяток секунд, и все западное побережье Северной Америки оказалось перед ним, как на ладони. Он быстро отыскал устье реки Колумбии в средних широтах узкой Республики Калифонады, простиравшейся от Мексики до Аляски. Линия терминатора уже надвигалась с востока, и Пис понял, что короткий зимний день близится к концу в Портербурге и Форт-Экклсе.

Его прошлое "Я" пребывало сейчас именно там, готовясь нанести тяжелый скорбный груз на призывной пункт Легиона, и холодные, как лед, пальцы прошлись по позвоночнику Писа. У него мелькнула мысль, что уж он то не собирается вступать в Легион и, следовательно, не нуждается теперь ни в каких воспоминаниях. Мудрейшим шагом будет забиться в какую-нибудь дыру и пусть его прошлое со всеми грехами и преступлениями остается тайной. Погоняв эту мыслишку по извилинам, он в конце концов отрицательно покачал головой и резко бросил корабль вниз. Неподвластный инерционным и аэродинамическим эффектам, звездолет уже через двадцать секунд достиг окрестности Портебурга.

Когда серебристые кубики городских зданий появились на переднем экране, Пису пришло в голову, что теперь он виноват еще и в краже звездолета и, вероятнее всего, будет арестован, если приземлится в любом гражданском или военном космопорте. Мгновенно изменив план, он перелетел Портербург километров на сорок и выбрал для посадки заснеженную лужайку поблизости от какого-то поселка, но скрытую от него грядой невысоких холмов. Корабль, скрипнув, приземлился и дверь рубки автоматически открылась. Писа тут же обдало потоком ледяного ноябрьского воздуха. Смеркалось.

Он выбрался из корабля и попробовал определиться на местности. Вдоль края поля бежала второразрядного вида дорога, ведущая, скорее всего, в замеченный Писом с воздуха поселок. Не видно было никого, кто мог бы заметить приближение звездолета, а через несколько минут тьма прикроет корабль и последующие передвижения самого Писа. Радуясь тому, что наконец-то держит ситуацию под контролем, он ни на секунду

не забывал о том, что должен действовать с максимальной осторожностью, не привлекать ничьего внимания, а главное — не дать развернуться прирожденному умению создавать для себя из ничего нелепейшие осложнения.

Пис поднял воротник, расправил плечи и направился было по направлению к дороге.

— Минутку, молодой человек!— послышался за его спиной властный женский голос.— Куда это вы собрались?

Пис застыл с поднятой в полушаге ногой и, не веря своим ушам, медленно повернулся.

Дверь, ведущая в пассажирское отделение, была распахнута и в ней, почти заполняя просвет фигурой, стояла коренастая дама средних лет, облаченная в цветастое ситцевое платье. В руках она держала соломенный зонтик от солнца. Множество полных леди тоже средних лет и так же одетых толпились за своей предводительницей в ярко освещенном отсеке, взволнованно блея. Поняв, что украденный корабль был полон пассажиров-аспатрианцев, Пис пошатнулся, словно от удара по голове.

— Вот видишь?— сказал еще одна пассажирка, проталкиваясь в проем.— Он пьян! Я говорила тебе, что пилот пьян! Я вся облилась кофе, и это он виноват!

— Где мы?— вступила в разговор третья.— Что-то это место не похоже на Солнечный астероид Развлечений!

— Простите, простите,— бормотал Пис, отступая назад. Постепенно набирая скорость, он скоро достиг ее максимума, возможного при продвижении спиной вперед, повернулся и побежал изо всех сил. Взвод толстух следил за ним, пока он не скрылся в сумерках, и только тогда женщины обменялись возмущенными взглядами. Тишина держалась несколько секунд, все извлекли из сумочек ультразвуковые свистки и издали долгий, прекрасно оркестрованный вопль ярости.

В тысячах километров к юго-западу, где полуденное солнце все еще изливало нежность на крошечный тихоокеанский атолл, два блистающих позолотой супермена, нерешительно глядевшие до этого в песок, встрепенулись, и ярко-красное пламя загорелось в их глазах. Несколько секунд они прислушивались, потом повернули друг к другу головы, кивнули и бросились в море. Слишком тяжелые, чтобы плавать, они побежали по дну океана в направлении Калифонады. Морские обитатели благоразумно уступали им дорогу.

Тяжело дыша, Пис перепрыгнул через кювет и оказался на обочине пустынной дороги. Снег, который своевременно убирали с нее, образовал по обочинам низкие обледеневшие брустверы. С трудом преодолев это последний барьер, Пис отряхнулся от снега и кусочков льда, засунул руки в карманы и зашагал в сторону поселка.

"Все в порядке,— успокаивал он себя.— Конечно, эти старые черепахи в корабле немного сопереживают, но плевать! Они не представляют

какой опасности избежали, когда я отказался от намерения пролететь насквозь всю Вселенную и постигнуть тайны мироздания!

Вот тогда им действительно было бы на что жаловаться! Через несколько часов они свяжутся с полицией, а у меня — куча денег, я правильно и скромно одет, я вблизи Портербурга, я здоров, если не считать небольшого смещения челюсти и легкого обморожения".

"Все, что мне нужно,— вдалбливал он себе, нагнетая чувство уверенности,— не ввязываться ни в какую историю. Спокойнее! Слейся с местностью! Ведь ДАЖЕ Я могу ни во что не вляпаться до самого утра!"

Мощная доза позитивного мышления подняла боевой дух Писа до небывалой высоты. В походке у него появилась упругость и через несколько минут, словно в подтверждение того тезиса, что провидение помогает тому, кто и сам не дурак, вдали показались огни. Это был автобус. Когда они подъехал ближе, Пис рассмотрел табличку, извещавшую, что станция его назначения — Портербург, и сердце его возрадовалось. Взмахом руки он попросил водителя остановиться, взобрался в обледеневший холмик у дороги и стал ждать. Автобус с подъехал ближе к нему. Всхлипнув пневматикой, открылась дверца. Пис хотел шагнуть вперед, но поскользнулся, ноги вылетели из под него, ледяная вершина холмика врезала ему по затылку, и внезапно он обнаружил, что лежит, все еще засунув руки в карманы, в кромешной тьме под автобусом, а какие то металлические части вращаются в опасной близости от кончика его носа. Он начал судорожно освобождать руки, но карманы взбунтовались и мертвой хваткой вцепились ему в запястья.

— Куда подевался это шутник?— донесся сквозь шум двигателя нетерпеливый голос водителя.

— Здесь я, внизу,— прохрипел Пис.— Помогите же кто-нибудь!

— Люди просят остановиться, а потом оказывается, что им не нужно никуда ехать!— ворчал водитель.— Уж не знаю, что это такое, новая мода, что ли?

Зашипели закрываемые двери, автобус покатился вперед, и внутреннее заднее колесо слегка погладило макушку Писа. Он уже поздравлял себя, что избежал, по крайней мере, смерти в луже крови, но тут какой-то выступ на бампере зацепил его за ребра и протащил добрый десяток метров, прежде чем остановить в виде неопрятной кучи на середине дороги.

Держась за бок, Пис с трудом поднялся на ноги и долго проклинал удаляющийся автобус. Когда огни исчезли за поворотом, он посмотрел, наконец, на самого себя и пришел в ужас — его куртка и брюки, безукоризненно чистые всего минуту назад, покрылись пятнами какой-то липкой дряни и порвались во многих местах. Пис истерично захихикал, но вовремя опомнился и прихлопнул рот ладонью.

— Будь я проклят, если я позволю ничтожной случайности остановить себя!— громко объявил он заснеженному пейзажу.— Я — хозяин своей судьбы!

Оценив свое физическое состояние, Пис обнаружил, что еще в состоянии передвигаться, хотя в добавление к контуженной челюсти обзавелся огромной шишкой на затылке, а при каждом вздохе испытывал резкую боль, по крайней мере одно ребро оказалось сломанным. Передвигаться общественным транспортом, ввиду состояния перелома и костюма, Пис уже не мог, но денег должно было хватить, чтобы добраться до Портербурга на такси и пристроиться в приличный отель. После душа и хорошего ночного сна, сказал себе Пис, я буду как новенький. Главное — найти телефон, а там все пойдет само собой. Обернувшись покрепче обрывками куртки, Пис в очередной раз выступил на поиски ближайшего поселения, которое — несмотря на близость графическую — казалось ему теперь таким же недостижимым, как Шангри-Ла.

Через двадцать минут он прошел мимо вывески:

ХАРЛИВИЛЛ

347
жителей

и захромал по единственной главной улице в поисках телефонной будки.

Несмотря на довольно еще ранний час, улица была пустынна, и поэтому сильное раздражение Писа вызвал тот факт, что найденная, наконец, будка была не только занята, но около нее топтался еще один потенциальный абонент. Напомнив о себе, что к столь никчемным неудобствам следует относиться философски, Пис занял очередь, надеясь, что его внешний вид не вызовет комментариев. Скоро он понял, что волноваться на счет этого нечего, потому что рыжий верзила впереди даже не глянул на него — все его внимание было отдано стучанию кулаком в дверь будки и выкрикиванию оскорблений по адресу человека внутри нее. У Писа создалось впечатление, что рыжий ждет уже давно и, не обладая так тяжко доставшимся Пису стоицизмом, достиг состояния, близкого к апоплексическому удару. Он продолжал метаться от окна к окну, производил руками многочисленные жесты, но смутно различимый обитатель будки каждый раз отражал нападки, поворачиваясь к нему спиной, как это делали люди в телефонных будках еще до всемирного потопа.

Пис наблюдал эту маленькую драму с олимпийским спокойствием, размышляя о том, как мало надо смертному, чтобы тот потерял безмятежность души. Он начал подумывать о том, не просветить ли рыжего, поведав ему о бедах настоящих, но тот выдал невероятный по степени богохульства взрыв ругательств, перебежал улицу и скрылся между домами. Почти тут же человек в будке закончил разговор, вышел, вежливо

кивнул Пису и скрылся в ночи, оставив телефон в его безраздельном владении.

"Главное — терпение!" — самодовольно подумал Пис, входя в будку. Однако не успел он отыскать номер вызова такси на вертящемся дисплее, как дверь за его спиной рывком распахнулась. Грубая рука выволокла его на улицу, развернула, и Пис обнаружил, что смотрит прямо в каменную физиономию гигантских размеров полисмена с холодными, как у рыбы, глазами. В отделении нервно подпрыгивал давешний рыжий.

— Это он!— воскликнул рыжий мстительно.— Двадцать минут я проторчал из-за него на морозе! Тащи его в участок. Сирил, тащи!

— Сделай одолжение, а Ройбен,— ответил полицейский,— не учи меня моим обязанностям, ладно?

— Но ведь ДВАДЦАТЬ минут! Сирил! Каждому известно, что по уличному телефону можно говорить только ТРИ минуты!

— Это так?— Полицейский уставился на Писа взглядом, в котором враждебность быстро дополнялась возрастающим подозрением.— Где это вас так угораздило? И вообще, мистер, как ваше имя? Откуда вы взялись?

— Я?— переспросил Пис со спокойствием, происходящим от беспредельного отчаяния.— Я — ниоткуда!

Отыскав в себе резервы силы, о наличии которых и не подозревал. Пис толкнул противника в грудь. Застигнутый врасплох великан поскользнулся и рухнул на спину, гремя упряжью и разнообразными предметами полицейской экипировки. Пис перепрыгнул через него и метнулся в одну из аллей, всегда игравших важную роль в его похождениях. Тут он развил такую скорость, что почувствовал себя единым целым с ночным ветром, и едва ощущал, как касаются его ноги замерзшей земли.

Колющая боль в боку и груди довольно быстро заставила его прервать эфирный бег и остановиться. В окружающей его тьме различались только посеребренные луной деревья и верхушки сугробов. Тишина стояла почти полная. Усевшись на ближайший пень, Пис стал ждать, когда его тело догонит разум. Хотя в короткую данную минуту он находился в относительной безопасности, Пис не мог понять, как это за пол часа пребывания на Земле он ухитрился переломать себе ребра, безнадежно испортить костюм и влипнуть в новую неприятность с законом.

"Несомненно,— добавил он свежую информацию к знаниям о самом себе,— я предрасположен к несчастным случаям".

Откровение это подвигало его на поспешную корректировку планов. Отдышавшись, он пришел к твердому убеждению, что единственный способ добраться к утру до Портербурга — не прибегать ни к чьей помощи. Это значило, что идти придется всю ночь. Перспектива была не из приятных, особенно, если учесть, что мороз крепчал с каждой минутой. Тем не менее, выбора у него не было.

Постанывая, Пис, которого уже начало трясти от холода, встал, пошатнулся и отправился в унылое сорокакилометровое путешествие, которое, как он надеялся, должно было закончиться на перекрестке прошлого, настоящего и будущего.

Жизненные принципы, которыми он руководствовался, стоя у телефонной будки, уже не казались ему столь привлекательными, но все-таки он сделал последнюю попытку найти по крайней мере один светлый момент в своем теперешнем положении, чтобы было чем поддерживать духовные силы предстоящей ночью. Поначалу это казалось невозможным, но постепенно мысли его сконцентрировались на единственном сверкающем достижении этого дня.

— Слава богу,— благоговейно сказал Пис, ковыляя между сугробов,— что мне удалось отделаться от этих проклятых оскаров!

Глава 10

Месяц в Легионе приучил Писа к трудностям и лишениям, но в сравнении с дорогой до Портербурга месяц этот показался ему безмятежным периодом товарищества, душевного тепла и смеха.

В стальном полумраке рассвета дюйм за дюймом пробирался Пис по городу, стараясь не привлекать к себе внимания, но через определенные, весьма короткие промежутки времени его била такая дрожь, что обрывки одежды начинались трястись и хлопать, издавая при этом любопытные звуки. Это придавало ему отдельное сходство с надышавшимся наркотических испарений гантянским шаманом. Большинство прохожих стыдливо отводили глаза в сторону, но самые сердобольные подходили и предлагали денег и помощь. Пис быстро отделывался от них хриплыми уверениями в своем полнейшем благополучии, но чтобы отпугнуть двоих самых настойчивых, ему пришлось повторить шаманский танец с гораздо большей убедительностью. Сделать это оказалось до смешного легко, и Пис вынужден был признать, что подхватил воспаление легких.

Смерть начала казаться ему привлекательной альтернативой, но мысль о том, что смерть может случиться до завершения его миссии, наполнила Писа тревогой. Уговаривая свои конечности двигаться пошустрее, он в конце концов доковылял до квартала, в котором располагались штаб и призывной пункт 203-го полка Космического Легиона. Свернув в грязный узкий переулок, Пис увидел перед собой красное, кирпичное, похожее на пивоварню здание, вывеска на котором извещала, что это Форт-Экклс. Вид этого сооружения ни в коей мере не совпадал с представлениями Писа о том, КАКИМ должно быть учреждение

Легиона, но он давно уже перестал тревожиться о подобных пустяках. Изучая таблички на дверях, Пис прошелся вдоль здания. Вот и призывной пункт.

Несмотря на потерю почти всех сил, сердце Писа забилось быстрее, когда он понял, что именно здесь месяц назад он родился второй раз, и как близко решение великой загадки его жизни.

Табличка на двери информировала посетителей, что заведение открывается в 8.30 утра. У Писа давно уже не было часов, но он проходил мимо них на улицах и вычитал, что ждать еще около часа. Если он проведет его на улице, час этот станет последним гвоздем на крышку его гроба. Он огляделся и с облегчением заметил на другой стороне улицы оранжевую светящуюся вывеску бара, заиндевевшие окна которого обещали тепло и подкрепление сил, а кроме того, из этих окон Пис легко мог разглядеть всех, приближающихся к двери призывного пункта. Вооруженный горьким опытом, что несчастья обычно подстерегают его именно в те моменты, когда судьба вроде бы готова повернуться к лучшему, он, однако, не смог подавить в себе предвкушение удобного кресла, теплого воздуха и дымящихся кружек крепкого обжигающего кофе. Прижимая руки к отчаянно болящим ребрам, он перешел улицу и ввалился в почти пустой в этот час бар.

Взор хозяина, поначалу подозрительный, мгновенно потеплел, как только Пис выложил на стойку полусотенную бумажку. Через пару минут, сжимая в руках огромную кружку щедро сдобренного коньяком кофе, он уже сидел за столиком у окна. Он нетерпеливо отхлебывал напиток, жадно впитывая каждую калорию. Занятие это так поглотило его, что только когда половина содержимого кружки перелилось в желудок Писа, он смог оторваться от созерцания ее ободка и разглядеть перед собой еще одного раненного посетителя — чисто выбритого молодого человека с кукольно-розовым личиком, голубыми глазами и светлыми, по модному выстриженными на темени волосами. Выражение лица скорчившегося на стуле юноши напоминало повешенную собаку и сосуд мировой скорби одновременно... За последний месяц он ни капельки не изменился и выглядел в точности таким, каким Пис видел его в кабинете Виджета, подписывающего контракт...

Приливная волна горячего кофе омыла кончик его носа, и Пис осознал, что смотрит на самого себя. Он встал и похромал к соседнему столику.

— Не против, если я сяду здесь, Норман?

— Садись, если захочешь...

Второе "Я" так и не оторвало взгляда от пустого стакана.

Пис сел.

— Разве тебе не интересно, откуда я знаю твое имя?

— Ничуть.— Юноша поднял голову и посмотрел на Писа скорбными глазами, в которых не мелькнуло иронии удивления. Потом он

перевел взгляд на грязные руки и остатки одежды Писа и достал из кармана коричневой курточки скомканную десятку.

— Возьми. Купи себе поесть, но не спиртного.

— Мне не нужны подачки!— Пис оттолкнул бумажку и решил изменить тактику.

— Норман, что бы ты подумал, если бы я сказал, что мы с тобой — один и тот же человек?

— Я бы подумал, что тебе надо на некоторое время воздержаться от употребления ванильного экстракта.

Свинцовое безразличие в голосе двойника потрясло Писа, но он не собирался сдаваться.

— Это правда, Норман! Посмотри на меня!

Норман посмотрел и сказал:

— Мы ни капли не похожи.

Пис открыл было рот, но в это мгновение заметил свое отражение в настенном зеркале. Он выглядел лет на десять старше Нормана, зарос щетиной и грязью, а распухшая челюсть заметно меняла очертания его лица. Один глаз у него почернел и заплыл — Пис еще не знал этого — а ночь, проведенная на морозе, придала не затронутыми побоями участкам кожи лица багрово-синюшный оттенок, присущий людям, взявшим за правило употреблять не менее двух литров дешевого красного вина в день. Пис сглотнул слюну и вынужден был признать, что Норман прав — они не похожи.

— Ну и что?— спросил Пис чуть более искренним голосом, чем нужно.— Меня сильно потрепало, но все равно это правда — мы с тобой один и тот же человек.

На розовой физиономии Нормана мелькнула тень интереса.

— Действительно, жутковато, и жаль, что все впустую — денег-то я тебе уже дал!

— Да не нужны мне твои деньги!— нетерпеливо сказал Пис. Неужели он был таким непрошибаемым?— Ты выслушаешь меня, Норман?

Норман вздохнул и посмотрел на часы.

— Ладно, это поможет провести время... Загадки вместо коньяка... А почему бы и нет? Ну-ка, посмотрим, наверное это что-то вроде старого трюка, когда простаку доказывают, что его здесь нет... только теперь мне придется угадывать, как ты и я можем быть одним человеком. Значит, если...

Не надо ничего угадывать, я расскажу тебе.— Скрывая смущение, Пис отхлебнул кофе.— Предположим, я скажу, что заблудился во времени, и это...

Пис замолк, увидев, что Норман драматически трясет головой.

— Я не поверю тебе. Двухступенчатые экскаваторы запрещены, особенно на Земле с ее слишком насыщенной историей. Тут везде шныряют правительственные машины с детекторами, и стоит только

включить экстраверте, считай, что они могут даже сказать, на какой год машина настроена.

— В этом-то все и дело!— воскликнул Пис и прикусил язык. Он хотел уже было объяснить, что все это случилось с ним на Аспатрии... Он так стремился к этой встрече, что у него не осталось времени обдумать, ЧТО он скажет, и ЧТО из этого последует. Норман уже был на Аспатрии, это Пис знал, и если сейчас он убедит Нормана в своей правоте, а потом перечислит все ужасы последнего месяца, Норман может решить НЕ ВСТУПАТЬ в Легион.

А ведь его, Уоррена Писа, существование — прямое следствие того, что Норман подписал контракт с Легионом на тридцать, сорок или пятьдесят лет!

Погрузившись в эти парадоксы, Пис принялся торопливо хлебать кофе. Если Норман передумает, не перестанет ли существовать Уоррен Пис?

Почему-то исчезновение во временном катаклизме показалось Пирсу куда более ужасным, чем смерть — непосредственная и старомодная. Человек, умирающий привычным способом, знает, что после него обязательно что-то остается, будь это хоть пачка неоплаченных счетов, но примириться с мыслью, что ты вообще никогда не существовал...

— Так в чем же дело?— спросил Норман.— Продолжай, мне интересно.

— Именно в этом,— неубедительно ответил Пис. Мозг его работал с бешенной скоростью.— В том, что я заинтересовал тебя. Сначала тебе неинтересно, а теперь интересно.

— Так, значит, все-таки ты дурачишь меня...

— В глазах Нормана снова появилось отрешенное выражение, он вытащил из кармана еще одну десятку и положил рядом с первой.— Теперь у тебя двадцать, и давай считать, что мы квиты.

Пис приготовился было разгневанно отмахнуться от денег, но вспомнил, что в таком случае им одна дорога — в карман капитана Виджета. Он взял деньги, запихнул в карман и попробовал найти окольные пути подхода к главной проблеме. Время стремительно уходило, а он так и не приблизился к разгадке постыдного секрета, толкавшего Нормана, в буквальном смысле этого слова, к беспамятству.

— Спасибо,— сказал он. Конечно, это против кодекса чести старого легионера, но времена теперь тяжелые...

— Легионера?— Во взгляде Нормана снова появилось любопытство.— Но как же тебе удалось...

— Инвалид!— забыв о состоянии собственных ребер, Пис стукнул себя в грудь, вскрикнул и рухнул всем телом на стол, едва не угодив лицом в пепельницу.

Норман взволнованно спросил:

— С вами все в порядке?

— Да так, кольнуло...

Пис, озабоченный главным образом тем, чтобы бармен не прогнал его, выпрямился.

— Это все от погоды. Сейчас пройдет...— И, скрывая замешательство, вновь принялся за кофе.

Норман крутил в пальцах свой стакан.

— Зачем вы вступили в Легион?

— Я... я хотел что-то забыть.

— Что именно?

— Откуда мне знать?— Пис никак не мог взять в толк, почему так резко поменялись их роли в беседе.— Я ведь забыл это.

— Конечно... простите...— Норман кивнул, и нижняя губа его задрожала.

Писа мучила какая-то неопределенная вина, но вместе с тем он чувствовал, что пора перехватить инициативу.

— Норман,— сказал он тихо,— ты сидишь и ждешь, пока откроется призывной пункт?

— Да! Да! Как долго тянется время! Зачем заставлять меня ждать!

— Всему свое время,— успокоил его Пис, нервно оглядываясь при этом — не побеспокоил ли взрыв эмоций кого-нибудь из посетителей.— Вот что, Норман, расскажи-ка мне о своих невзгодах.

Ответом ему был печальный взгляд.

— Я совершил нечто ужасное, и я не могу говорить об этом.

— Можешь, Норман.— Пис положил ему руку на плечо.— Вырви это из себя, скажи. И тебе станет легче.

— Если бы это было правдой!

— Это правда! Правда! Откройся мне, Норман!

— Ты уверен, что хочешь выслушать меня?

— Да, да.

— Мое преступление состоит в том...

— Ну, Норман, ну же...

— ...что я дезертировал из Легиона.

С оглушительным грохотом Пис уронил свою кружку на каменный пол. Потеряв дар речи, он глядел на макушку склоненной в отчаянье головы Нормана, но тут бармен, выскочив из-за стойки, вцепился ему в воротник.

— Вот что, вы двое! Вон отсюда! Я следил за вами с тех пор, как вы уселись рядышком, и такие мне в заведении не нужны!

— Случайность, чистая случайность,— бормотал Пис, чей разум все еще раскручивал нисходящую спираль недоверия. Он засунул две полученные от Нормана десятки в карман рубашки бармена, чем убедил его вернуться на свой пост.

Бармен собрал осколки, выдал последнее предупреждение о держании друг друга за руку и удалился, несколько раз гневно обернувшись.

Пис постучал по голове Нормана суставом указательного пальца.

— Посмотри на меня, Норман,— прошептал он,— ты же не будешь обманывать старину Уоррена...

— Это святая правда.

— Но послушай, Норман! Дезертирство из Легиона — это такой пустяк, что и волноваться нечего! Каждый рядовой мечтает об этом! Это его единственное желание!

— Рядовые, да от них ничего другого и не ждут...— Норман наконец-то поднял глаза на Писа. Лицо его было пунцовым от стыда.— Но я-то был офицером!

— Офицером?— переспросил Пис и замолк, пытаясь найти для этой новой информации место в сложнейшей головоломке своей жизни. Однако его собеседник уже впал в исповедническое настроение и не мог остановиться.

— ... и не просто офицером. Я — лейтенант Норман Найтингел, единственный сын самого генерала Найтингела! Мои предки безупречно служили Легиону два столетия... ДВА СТОЛЕТИЯ! Два века генералов и маршалов, битв и подвигов, медалей, славы и величия! Можешь ли ты представить, какой груз — невыносимый груз — наложила на меня семейная традиция!

Пис отрицательно замотал головой, частью — потому что это от него и ожидалось, частью из-за ощущения, будто мозг ему выжигают каленым железом.

— Почти с той самой минуты, как я родился, а уж с колыбели — точно, меня готовили к службе в Легионе. Отец никогда не говорил со мной ни о чем другом. Жизнь моя была посвящена Легиону, и самое ужасное... что мне этого не хотелось. Я мечтал о другом.

Норман замолк и, судя по всему, погрузился в размышления о сыновней непочтительности.

Пис был рад и этому, потому что жжение в его мозгу усилилось и перед мысленным взором начали одна за другой возникать картины: дом в колониальном стиле, с белыми колоннами; седовласый мужчина с суровым лицом, в безупречной форме генерала Космического легиона; прелестная женщина, чья сдержанность была столь совершенна, что казалась враждебностью, и чья осанка ни в чем не уступала безукоризненной офицерской выправке ее мужа. Это были картины его собственного детства, и Пис начал догадываться, почему памятевыводитель на призывном пункте выжег ВСЕ его прошлое. Если вся жизнь его была пропитана традициями Космического Легиона, вина в предательстве семейной чести была всеобъемлющей. Каждый запечатанный в его памяти случай, каждая мельчайшая деталь детства стала ключом к сущности преступления. Поэтому машина с электронной скрупулезностью изъяла ВСЕ.

Однако тайна его жизни раскрылась, но вместо нее уже выросла другая.

— Да, Норман, не позавидуешь тебе...

Конечно, с таким воспитанием можно презирать себя за самовольную отлучку, но зачем возвращаться в Легион рядовым? Тебе нет нужды избавляться от воспоминаний. Вернись в Легион, и ты уже не дезертир, тебе нечего волноваться! Это так просто!

— Просто! Он говорит!— Норман издал жутковатый смешок, и, казалось, это плачет сама его истерзанная душа.

— Разве не так?

— Если бы ты только знал!

— Ради всего святого!— Пис из последних сил боролся с нетерпением, понимая, что находящегося в таком состоянии собеседника торопить опасно.— Расскажи мне, Норман!

— Если в том,— ответил тот, возбужденно хватаясь за стакан,— что я не просто сбежал, я струсил и дезертировал в бою. Даже для генеральского сынка это — серьезное преступление.

— И вправду,— согласился Пис.— Но все-таки наш... твой отец мог вмешаться...

Норман отрицательно покачал головой.

— Ты просто не понимаешь...от человека, НЕ ВОСПИТАННОГО В АРМЕЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ, я этого и не ожидал. Нет такого способа, которым можно было бы смыть это пятно с фамильного знамени. Но, запомни, не репутация семьи тяготит меня, а чувство вины. Моей собственной, выбитой в мраморе и отполированной вины. Мне стыдно за то, КАК я дезертировал.

— Расскажи!— потребовал Пис, игнорируя леденящее предчувствие.

— Не могу. Мне кажется, я вообще ни с кем не смогу об этом разговаривать.

На этот раз неподатливость Нормана вызвала у Писа скорее чувство облегчения, чем раздражения.

— Ну ладно, ты дезертировал перед лицом врага. Что было потом?

— Мы сражались на Аспатрии... Бывал там?

Пис сделал вид, что копается в памяти.

— Да, однажды мне довелось провести там отпуск...

— Наверное, это было уже после того, как восстание кончилось... В мое время, в восемьдесят третьем, война еще шла и во всеобщей неразберихе я ухитрился добраться до Точдаун-сити. Конечно, военная полиция разыскивала меня, но у меня было найдено убежище. Жил я припеваючи, денег хватало, но потом появились какие-то непонятные существа, которых назвали оскарами, и вот они-то и начали охотиться за мной. Тебе приходилось когда-нибудь слышать про оскаров?

Сердце Писа сжало стальным обручем.

— Приходилось... Что им от тебя было нужно?

— А черт их разберет... Казалось, они просто ЗНАЮТ, что я совершил преступление — лично я уверен, что они могут читать мысли.

Вообще, это было что-то неописуемое — я наткнулся на них в темноте, и они вроде бы как взглянули мне в душу... своими рябиновыми глазами.

— Говоришь, это было в восемьдесят третьем?— Пис нахмурился, сопоставляя даты.— Сейчас — восемьдесят шестой... Ты не похож на человека, который три года скрывается от полиции!

— Я и не скрывался.— Норман загадочно улыбнулся.— Но объяснение настолько фантастично, что ты не поверишь!

— Поверю! Я всему поверю! Расскажи мне, Норман!

— Я просидел в своей комнатке целый день, жутко проголодался и решил устроить себе праздник то ли в ресторане, то ли ночном клубе под названием "Голубая лягушка". Все там невероятно дорого, но кормят вкусно... кроме рыбных блюд. Вряд ли ты когда-нибудь туда попадешь, но если вдруг случайно... не заказывай омара!

— Не буду,— успокоил его Пис.— В ту ночь ты и встретился с оскарами?

— Именно об этом я и толкую,— мягко упрекнул его Норман.— Я расплатился, получил в награду дрянной сувенир, вышел из ресторана и решил не торопиться к себе — я так просидел взаперти целый день. Неподалеку был кинотеатр, из тех, где показывают несколько фильмов сразу, и я свернул к нему. Однако, глянув на афиши, я потерял всякий интерес. Откровенная порнография! Раздетые женщины! Естественно, ничего подобного мне смотреть не хотелось, но только я собрался уйти,— не поверишь!— ко мне подошел мальчишка лет десяти и предложил денег, чтобы я провел его внутрь, поменялся с ним очками и позволил посмотреть так называемые фильмы для взрослых.

— Ну, и что ты сделал?— боязливо спросил Пис, вспомнив прежние сексуальные страхи.

— А что мне было делать? Я схватил этого ублюдка за ухо и сказал, что отведу его прямо к родителям!

— Отлично!— воскликнул Пис, физически ощущая, как сваливается с его совести тяжелый груз.— Ты поступил совершенно правильно!

— Я тоже так думал, но этот грязный поросенок устроил чудовищный скандал.

При воспоминании об этом инциденте лицо Нормана перекосила гримаса отвращения.

— Поверишь ли, он кричал, будто я лезу к нему с грязными предложениями!

— Боже мой!

— Клянусь, это правда. Он совершенно точно знал, что говорить — наверное, не первый раз этим занимался! Выскочила директриса, накричала на меня, а потом свистнула в какой-то свисток... Я и так уже числился в розыске и решил убираться подобру-поздорову. Я вырвался, побежал... и тут, откуда ни возьмись, эти проклятые оскары! Двое уже тянули ко мне лапы, и я спасся, только тем, что нырнул в какую-то аллею.

Колючие волны одна за другой омывали мозг Писа.

— И как же тебе удалось...

— Вот это уже чистая фантастика! Я всегда думал, что бегаю быстро, но оскары поймали бы меня как миленького, не заметь я дверь в старом здании какой-то фабрики. Внутри было темно, я взлетел по лестнице, не зная, куда бегу, попал в туалет, споткнулся, упал на унитаз и ... ни за что не догадаешься, что случилось потом!

— Ты отправился назад во...— Пис, которого целиком захватила история Нормана, оборвал себя, не дав вырваться злополучному слову.

Все же Норман что-то заподозрил.

— Что ты сказал?

— Ты упал назад. На стену.

— Ничего подобного,— воскликнул Норман, раздраженный тем, что его рассказ прервали на самом интересном месте.— Ты будешь слушать или нет?

— Обязательно. Прости.

— Ладно, только больше не встревай!

— Обещаю!

— Так вот, я говорил, что ты ни за что не догадаешься, что случилось потом.

— Ни за что!— послушно ответил Пис.— Я и не перебивал тебя, я просто соглашался, что никогда не догадаюсь!

— Никогда!— возбужденно продолжал Норман.— Потому что туалет был на самом деле машиной времени — экстравертором — и я отправился в прошлое!

— Боже мой!

— Клянусь! Я очутился в 2290 году. Фабрика только что обанкротилась, но верхние этажи арендовал один сумасшедший — Лежэ была его фамилия. Такой забавный маленький человечек... весь кругленький, красный и резиновый... казалось, у него кости гнутся. Еще он все время повторял последние слова предложений, как будто какой-то зубчик соскакивал. Не то, чтобы он мне понравился, но меня восхитило то, что он пытался зарабатывать на жизнь изобретательством! Да еще в электронике! Сам я всегда хотел заниматься только этим. У меня природные способности и к теоретическим, и к прикладным наукам. Электронные схемы я могу читать так, как другие читают комиксы, но родители всегда заставляли меня заниматься только военными науками — стрельбой, планеризмом... В общем, я сразу понял, что как изобретатель, Лежэ ничего не стоит — он в то время занимался изобретением машины, которая будет заставлять людей говорить правду — но он сразу заметил, что у меня есть кое-какие полезные идеи, и мы с ним стали своего рода партнерами. Можно сказать, что в то время я был почти счастлив. Я был бы СОВСЕМ счастлив, если бы не гнетущее чувство вины и присутствие Кисси.

— Это его дочь?

— Да. Как ты догадался?

— Ну... у сумасшедших изобретателей всегда есть дочери,— ответил Пис, мысленно ругая себя последними словами.— Прелестная крошка... наверное?

— Ты бы не спрашивал, если бы видел!— горячо ответил Норман, и в глазах его появилось выражение, как у загнанного зверя.

— Она приставала ко мне, я отбивался как мог, но хуже было то, что старик Лежэ все перепутал. Он вообразил, что я — сексуальный маньяк, и единственная моя цель — украсть невинность его дочери прямо из-под его носа!

— Странное место для хранения невинности,— с отсутствующим видом заметил Пис.

— Не будь вульгарным!— Норман посмотрел на него с неодобрением.— Надеюсь, что служба рядовым не испортит меня до такой степени, друг мой.

— Я уверен, что этого не произойдет,— ответил Пис, давая себе последнее обещание держать рот на замке.

— Я уже говорил... воспоминания терзали меня, и это натолкнуло меня на чудесную, как тогда показалось, идею. Теперь-то я понимаю, что это было чудовищным святотатством, потому что раскаяние — от бога. Но в слепом невежестве я дошел до конца и построил эту адскую машину.

Пис ухватился за край стола — инстинкт и обрывки возвращающихся воспоминаний предупредили его о том, что сейчас произойдет. Мрачные бездны, о существовании которых он и не подозревал, открывались в его сознании.

— Мне потребовалось меньше недели, чтобы соорудить прототип стирателя памяти,— продолжал Норман замогильным голосом.— Я хотел воспользоваться им сам — очистить душу от вины, а потом уничтожить. Но у Лежэ были свои планы! Только я припаял последний провод, как явился он, в руках — пирог со свининой, он одними ими и питался, и предложил мне кусочек. Мне следовало догадаться, что он замыслил недоброе, потому что у этого жадюги раньше и крошки не было, не выпросить...

Он жрал их прямо с газеты, можешь себе представить! Отвратительная привычка. Я всегда говорил ему, чтобы он пользовался хотя бы тарелкой, но...

Норман посмотрел Пису в глаза, и то, что он там увидел, заставило его прервать описание привычек профессора.

— Да, друг мой, я вижу, что ты и сам обо всем догадался... Это правда, я — изобретатель машины, которая установлена сейчас во всех призывных пунктах Комического Легиона по всей Галактике!

В попытке прервать поток красноречия Нормана Пис схватил его за руку, но не преуспел.

— Пирог был, конечно, напичкан снотворным, и как только у меня стали слипаться глаза, этот негодяй Лежэ стащил меня вниз, открыл

дверь туалета, ЖЕНСКОГО туалета, смею добавить!— и впихнул меня внутрь. Я упал на унитаз... и вот я снова в Точдаун-сити, но в 2386 году. Я перемахнул точку отправления на целых три года, наверное, машина работала тогда в режиме возрастающих колебаний.

— Не затухающих, значит,— пробормотал Пис.

— Я сказал "возрастающих"! Ты что, оглох?— Однако раздражение мгновенно улетучилось из голоса Нормана.— Прости, я понимаю, что все это для тебя так необычно... Конечно, ты не ожидал встретить лицом к лицу изобретателя той самой машины, на которой в свое время отработали и тебя.

— Не совсем...— промямлил Пис.

— Конечно, не ожидал. Пойми теперь мои чувства, когда я узнал правду. Поначалу я был счастлив в 2386 году — война началась, полиция забыла про меня — и решил полюбопытствовать, чем кончил Лежэ. Я пошел в редакцию местной газеты и просмотрел их картотеки. Все они на микрофильмах, которые конечно, даже сказали, что оригиналы газет того времени продолжаются на вес бриллиантов... Короче, я раскопал всю биографию Лежэ.

— И что же?

— Он разбогател, приобрел известность как изобретатель злосчастной машины и умер в 2321 году. Больше он ничего не изобрел — у этой жабы не было ни капли таланта, но за стиратель он получил кресло в Астрианской Военной Академии. АКАДЕМИК Лежэ, можешь себе представить!

— Минутку, минутку...— Пис отчаянно старался приспособиться к новой ситуации.— Ты не можешь винить себя за... Я хочу сказать, что им вовсю пользовались в 83-м году, и ты не мог не знать про него, отправляясь в прошлое... Так что...

— Это ничего не меняет. Конечно, я знал про НЕГО, но не знал, когда они его изобрели. Очутившись в 2290-ом году, я был слишком поглощен собственными переживаниями и не догадался проверить, знают ли о нем в той эпохе. Лежэ, наверное, чуть удар от радости не хватил, но у него хватило хитрости не показывать этого. Часть ответственности лежит и на нем, но сверхпреступник — я!

— Ты изобрел машину, чтобы облегчать страдания людей,— не сдавался Пис.— Само по себе это еще не преступление.

— Разве?— Губы Нормана скривились в слабой улыбке.— И как же ей воспользовались? Тысячи юношей заманили в Легион обещанием очистить совесть, и где они все? Их убили.... Они умерли молодыми, и теперь я не могу даже притворяться, что погибли они во имя Добра. Я был воспитан с верой в то, что Легион олицетворяет все самое лучшее и благородное в нашем обществе. Ребенком я мечтал, как я буду летать по Галактике в золотых сверкающих звездолетах и освобождать угнетенные народы... Я не понимал тогда, что главная задача Легиона — заставлять

жителей других миров покупать излишки земных телевизоров и электрических зубочисток!

— Это ужасно,— выдавил из себя Пис, впавший в столь глубокое уныние, что все предыдущие состояния его души можно было считать безоблачными.

— Ну, ты-то не очень ломай себе голову,— продолжал Норман.— Вообрази, так чувствовал себя я, зная, что сам во всем виноват. Я понимал, что можно жить и с чистой совестью, или принять заслуженное наказание, но это не для меня! Как только я узнал, что именно натворил в прошлом, и добавил это к преступлениям настоящего, то понял, что единственный выход — вступить в Легион. Чтобы забыть... Забавно, не правда ли?

— И это ты говоришь мне...— Голова Писа раскалывалась от боли — возвращались воспоминания. Почти все его прошлое лежало сейчас пред ним, и оказалось оно куда более ужасным, чем он ожидал, но зияла в нем еще одна черная зловонная дыра, в которую только предстояло влезть. Норман отказался разговаривать на эту тему, ног пятна ржавчины расползлись от этой дыры по всем закоулкам мозга Писа.

— Это было два дня назад,— продолжал Норман.— Я не хотел вступать в Легион на Аспатрии, потому что на призывном пункте меня обязательно кто-нибудь узнал бы, и купил билет на Землю.

— Оскары тебя не тревожили?

— На этот раз нет. Мне повезло.— Норман прикоснулся к деревянной столешнице.— Наверное, они в это время гонялись за другим бедолагой. Не завидую я ему.

Пис кивнул, но почти не слушал. Два имени внезапно появились в его памяти — Оззи Дрэбл и Хек Мэгилл. Вместе с необычными именами всплыли и два лица, проштампованные унылой печатью рядового-легионера, но были в них и юмор, и чувство собственного достоинства. Эти лица, твердо знал Пис, были очень важны для него на каком-то определенном этапе жизни... и этим этапом могло быть только дезертирство перед лицом врага.

Занавес, скрывающий дезертирство, постепенно раздвигался могучими силами, работающими в мозгу Писа и, трясясь от страха, он понял, что не может отстрочить последнее откровение.

— Слушай, Норман,— сказал он в попытке отвлечься,— разве тебя не волнует, что и на земном призывном пункте фамилию Найтингел узнают? Ведь она слишком хорошо известна в Легионе.

— Я уже позаботился об этом, и поменяю имя. Теперь меня будут звать Лев Толстой.

— Толстой?— недоуменно моргнул Пис.

— Он — мой самый любимый из великих русских писателей, а я сейчас как раз в печальном русском настроении, так что выбор этот кажется мне подходящим.

— Но... как это делается практически?

Норман глянул через плечо — убедиться, что никто не подслушивает.

Люди, желающие стряхнуть с души прошлое, хотят стряхнуть заодно и имя, когда записываются в Легион. Но нельзя просто дать медику фальшивое имя, потому что на призывном пункте человека погружают в гипнотический транс, а в таком состоянии он отзывается только на свое настоящее имя.

— И что же делать?

— Обычно идут к профессиональному псевдонимисту, другими словами, к гипнотизеру, который вдалбливает фальшивое имя в мозг пациента под гипнозом еще более глубоким. Конечно, это противозаконно, но парочка таких специалистов всегда под рукой. Вот и здесь есть один — как раз через квартал, Томлисон, так его зовут, действует под видом парикмахера, но не это занятие приносит ему основной доход. К нему то и дело поступают новые клиенты. К нему отправлюсь и я, обо всем уже договорено.

Норман потер пальцами изморозь на стекле и выглянул в образовавшуюся дырочку.

— Кажется, в форте загораются огни. Пойду-ка я, пожалуй.

— Погоди минутку,— попросил его Пис, отнюдь не желавший оставаться один на один со своими мыслями и до сих пор пребывающий в недоумении по поводу путаницы с именами.— Ты уверен, что с переменой имени у тебя все пройдет гладко?

— Сам подумываешь об этом, а?— Норман окинул Писа оценивающим взглядом.— По-моему, все должно быть в порядке. Томлисон уверяет, что его система совершенна. Он гипнотизирует людей с помощью какой-то машины. Ты пишешь свое будущее имя на бумажке, и смотришь на нее, пока машина вгоняет тебя в транс. Ничего не может быть проще.

— Ты уже написал?

— Нет, я сделал лучше — я ОТПЕЧАТАЛ его крупными буквами, так что уж не ошибусь.

Норман вытащил из кармана толстенный роман в бумажной обложке и постучал по нему пальцем.

— Вот оно!

— Ты уверен, что это стоящая идея?— спросил Пис, мучимый мыслью, стоит ли вмешиваться.— Я хочу сказать, вдруг ты посмотришь не на ту часть обложки. Вроде бы как случайно...

— Что за глупое предположение! Я совсем не собираюсь называться в будущем Уор энд Пис [1], что я, рехнулся, что ли?

— Но я же сказал "случайно"!

1 Уор энд пис /англ./ — Война и мир

— Вообще-то я предрасположен ко всяким случайностям, друг мой, но не до такой же степени!— Норман решительно встал из-за стола, засунул книгу в карман и протянул Пису руку.— С моей стороны было не совсем честно отягощать душу незнакомца своими бедами ... но спасибо за то, что ты оказался таким благодарным слушателем!

— Ладно, чего уж там...— Пис пожал протянутую руку.— Может быть, и ты когда-нибудь сделаешь то же самое для меня.

— Я сильно сомневаюсь в том, что наши дороги когда-нибудь пересекутся...

Норман вышел из бара, и через несколько секунд его размытый силуэт, двигаясь похоронным шагом, вполне соответствующим тяжести несомого груза, мелькнул мимо окна и пропал из вида.

Пис еще некоторое время тупо смотрел на заиндевевшее окно, и внезапно воображение осветило его сценой из другого мира и другого времени. Он прижал ладони к вискам, и в приступе ошеломляющей боли память вернулась к нему, и он познал полную, невыразимую тяжесть своей вины.

Глава 11

Лейтенант Норман Найтингел вел патруль по высокогорному аспатрианскому лесу, примерно в сотне километров к северу от Точдаунсити.

Он продвигался вперед осторожно, сняв с предохранителя лучевое ружье, готовый сжечь все, что неожиданно сдвинется с места. Его готовность стрелять происходила из желания остаться в живых самому, помноженному на знание того что в этом лесу людей ему убивать не придется. Найтингелу совсем не по душе было воевать с аспатрианскими колонистами, борющимися за независимость. Стремление к независимости казалось Найтингелу вполне справедливым.

За время своего короткого пребывания на Аспатрии Найтингел успел кое-что узнать о планете, в том числе и то, что местные жители никогда не ходят в горные леса, даже солдаты отказываются выполнять такие приказы. В переплетающихся ветках обитали странные всеядные создания, которых — из-за их схожести с одеялом и характерного повторяющегося рисунка — рядовые окрестили коврами-самолетами. В самом по себе этом названии не было ничего ужасного , но маскировало оно страх и отвращение людей к врагу, который нападал без предупреждения, от которого невозможно было отбиться, и который нес смерть, особенно отвратительную даже по меркам Легиона. Командование

Легиона на Аспатрии приказало каждому, кто увидит, как его товарища жрет ковер-самолет, немедленно пристрелить бедолагу. Те легионеры, которым доводилось совершать такое, сами потом будут брать клятву с товарищей, что те не будут колебаться ни секунды, случись им попасть в лапы чудовища.

Итак, Найтингел осторожно пробирался сквозь пронизанный лучами солнца безмолвный лес и кипел от возмущения. Военная служба не нравилась ему вообще, но особенное негодование вызывал приказ очистить от аспатрианцев лес, в котором их и быть не могло. Вдобавок ко всему сопровождали его два прекрасных солдата — Оззи Дрэбл и Хек Мэгилл, за чьи жизни он чувствовал себя ответственным. Найтингел считал их друзьями, несмотря на строгие нравы Легиона в том, что касалось взаимоотношений офицеров с рядовыми. В их полку, восемьдесят первом, офицеры не пользовались усилителями команд, что в принципе давало ветеранам возможность всласть поиздеваться над неопытным юным лейтенантом. Но Дрэбл и Мэгилл всегда уважали и поддерживали лейтенанта Найтингела, и теперь он отчаянно волновался, как бы с ними ничего не случилось по его вине.

Они шли в тишине, Найтингел в центре, когда упал ковер-самолет.

Найтингел услышал мягкий удар и приглушенный крик справа от себя. Он быстро повернулся и увидел, как обернутый ужасными яркими складками, на землю падает Мэгилл. Крохотные щупальца уже приникли к его телу, и когда пищеварительные соки начали действовать, легионер забился в судорогах. Пораженный ужасом лейтенант только смотрел, не в силах пошевелиться.

— В сторону, лейтенант!— крикнул слева Дрэбл.— А то я не смогу попасть в него!

Найтингел повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как второй ковер падает на Дрэбла, уже присевшего и приготовившегося стрелять. Сжавшись в тугой комок, чудовище падало на жертву как камень, и лишь над самой головой Дрэбла развернулось во всю ширь. Дрэбл не закричал, но ярость его схватки с монстром яснее всяких слов молила Найтингела поскорее исполнить его последний и самый дорогой дружеский долг.

Беззвучно шевеля губами, Найтингел попробовал прицелиться. И тут услышал какой-то слабый шум в ветвях прямо над головой.

Он отшвырнул ружье и побежал как человек, за которым гонятся демоны... и бежал так долго, пока не очутился на спасительной опушке...

* * *

Долго глядел Пис в таинственные серые глубины заиндевевшего окна. Он дошел до конца дороги, и дорога кончилась тупиком. Он узнал, КТО он такой, он узнал, ЧТО он такое, и понял, что жить с этим знанием не сможет. Слишком тяжела ноша.

"Мне остается единственное,— решил он,— вступить в Легион. И забыть..."

Физическое его состояние было весьма плачевным, но зазывалы Легиона так стремились пополнить убывающие ряды его должников, что брали любого, если можно было привести его в норму, не укладывая на месяц в хирургическое отделение. По той же самой причине от новобранцев никогда не требовали деталей их прошлой жизни, но Пису вполне определенно было указано, что без псевдонима ему не обойтись. Известность его семьи в Легионе подразумевала, что он не может называться Норманом Найтингелом, а на пути принятия имени "Лев Толстой" стояли неисчислимые трудности.

— Анна Каренина — слишком рискованно,— бормотал он себе в бороду,— я и с мужскими-то именами ухитрился два раза не справиться.

Раздобыв у бармена клочок бумаги, он подумал немного, и написал на нем печатными буквами: "Иуда Финк".

Посмотрев с печальным удовлетворением на бумажку, он засунул ее в карман и направился было ко входу, но у самой двери остановился, размышляя о поджидающих за ней холоде и ненависти. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал беспочвенность своих страхов — после того, что он пережил, будущее, ЛЮБОЕ будущее, окажется для него светлым.

Он открыл дверь, вышел из бара и чуть было не столкнулся с двумя оскарами.

Бронзовые великаны мгновенно преградили ему путь, загоняя обратно в бар, и он понял, что если не произойдет чуда, на этот раз он обречен.

Он уже поднимал руки в знак того, что сдается, когда нечто, похожее на чудо, все-таки произошло. Его второе "Я", Норман Найтингел, закончив, очевидно, дела в парикмахерской, пересек улицу неподалеку от них и направил свои стопы к обшарпанным стенкам Форт-Экклса. Не обращая внимания на окружающее, не поднимая глаз, Найтингел втащил свое тело на невысокое крылечко и скрылся за дверьми призывного пункта.

Оскары внимательно следили за его появлением и исчезновением, потом головы их повернулись, они уставились друг другу в глаза, и Пис мог бы поклясться, что лица их выражали в этот момент растерянность и удивление. Благодаря небо за ниспосланную возможность, он проскользнул под все еще вытянутыми руками оскаров и ринулся к свободе. Адская боль в ребрах несколько замедлила его бег, но в нескольких шагах уже виднелся вход в неизбежную аллею и, благодарно всхлипывая, Пис бросился в нее.

Грузовик, выезжающий из аллеи в это мгновение, ударил его и подбросил в воздух.

Пис лежал на асфальте совершенно неподвижно и смотрел в небо. Он знал, что нет смысла стараться сделать что-нибудь более конструктивное — слышно было, как хрустнули его кости, и чувствовалось, как сместились составные части тела. Где-то далеко водитель грузовика кричал, что он не виноват, но замолк, увидев появившихся на месте происшествия оскаров.

Бронзовые лица склонились над Писом, широкие бронзовые плечи затмили небо. Один из оскаров поднял его, взял на руки, и боль, которую принесло это движение, подсказала Пису, что смерть близка. Долгое паломничество закончилось. Потом все смешалось. Боль и сознание уходили и возвращались с таинственной регулярностью, напоминавшей смену дня и ночи. Он слабо сознавал, что его с бешенной скоростью несут по городским улицам, что кожа оскаров теплая, а не холодная, как ему казалось раньше... Лязг тяжелых стальных дверей звездолета... звезды на черном экране... звезды, несущиеся мимо... вид из космоса в зеленую с белым планету, которая могла быть только Аспатрией...пляшущие пятна света и тени, под которым он, сделав неимоверное умственное усилие, определил, что лежит под переплетенными ветвями... под ветвями деревьев... под переплетенными ветвями деревьев в горном лесу на Аспатрии...

— Нет!!!— хотел закричать ошеломленный предчувствием Пис, но горло его уже не могло производить членораздельных звуков, и вырвался из него только хрип. И сразу же за отчаянием пришла благодарность, запоздалое осознание того, что долгожданный покой придет к нему только тогда, когда он сам пройдет через те страдания, что перенесли по его вине другие.

Оскары были ангелами мести, бесстрастными инструментами божественного правосудия, и за это Пис благодарил их, потому что желаннее жизни казалась ему смерть с чистой совестью.

Он тихо лежал на земле, усыпанной желтеющими листьями, смотрел на принесенный оскарами ковер-самолет... и улыбнулся, когда миллионы кроваво-красных извивающихся микроскопических щупалец жадно впились в его лицо и изломанное тело.

Глава 12

Уоррен Пис всегда надеялся, что после смерти его ждет вторая жизнь, но не предполагал, что она придет так скоро.

Он сел, чувствуя себя невыразимо сильным и здоровым, и с изумлением оглядел свое новое сверкающее тело, похожее на ожившую

скульптуру Микеланджело — героическая симфония мощи, пропорций и красоты.

Одним гибким движением, от которого золотые огоньки побежали по его золотой коже, он вскочил на ноги и огляделся.

Ковра-самолета нигде не было видно, но принесшие его оскары стояли неподалеку и улыбались. Пис не испугался, потому что понял, что теперь он — один из них, и что лица их не так одинаковы, как казалось ему раньше. Каждый был собой, личностью, и к тому же до боли знакомой...

— Так это вы!— воскликнул он, не веря своим новым рубиновым глазам.— Оззи Дрэбл и Хек Мэгилл!

— Верно, Норман,— ответил Дрэбл, подходя к нему.— Если бы узнал нас немного раньше, это спасло бы нас от многих дней беготни.

— Но я был уверен, что вы мертвы!

— Легко объяснимая ошибка,— вступил в разговор Мэгилл.— Все уверены, что ковры-самолеты едят людей. На самом деле они стремятся к симбиозу с ними, но выглядит это, согласен, весьма пугающе.

Дрэбл кивнул.

— Благодаря тебе, Норман, мы с Хеком стали первыми людьми, кого не пристрелили до завершения процесса объединения. Мы в долгу перед тобой. И человечество тоже.

— Это случилось только потому,— признался Пис,— что я оказался ужасным...

— Хватит об этом,— сказал Дрэбл,— теперь ты оскар, и тебе никогда не придется бояться. Ковер-самолет как бы вплавился в твое тело — этим объясняется и лишний вес — и в нервную систему. Ты теперь сверхчеловек, Норман.

— Но... черт возьми! Почему вы никому не рассказали?! Почему вы не сказали людям правду, вместо того, чтобы бегать по городу и пугать всех до полусмерти?

Вид у Дрэбла был виноватый, но не очень.

— Мы разговариваем в ультразвуковом диапазоне, и слышим друг друга на расстоянии многих тысяч километров, но человеческое ухо не слышит нас. Даже собаки нас не слышат. Может быть, ты изобретешь какой-нибудь преобразователь речи и мы сможем разговаривать с людьми, но мы не уверены, что так будет лучше.

— Почему?

— Да потому, что НЕ ВСЕ боятся нас. Нормальные законопослушные граждане привыкли к нам на удивление быстро. Жулики, преступники — вот кого начинает трясти от страха при виде нас. От нас нельзя спрятаться, мы не берем взяток, с нами бессмысленно даже драться. Может быть, это не так уж и плохо, Норман. Может быть, человечество нуждается в нас!

Пис нахмурился.

— Не слишком ли высоко вы себя ставите?

— Да, высоко. Мы и так на самом верху,— сказал ничуть не смутившийся Мэгилл.— Симбиоз с коврами-самолетами развивает этические качества даже в большей степени, чем телесные. Мы с Оззи, и еще несколько легионеров, которых нам удалось обратить, прежде чем они умерли от ран, остановили войну на Аспатрии. Подсчитай, сколько жизней мы спасли! Мы — сверхлюди, Норман! Мы не подвержены человеческим слабостям, нам не нужна пища, вода, тепло, воздух, мы бесполы, в конце концов! И с твоей помощью мы пройдем по Галактике, прекращая войны, освобождая угнетенных, выжигая преступления. Только подумай, Норман — разве это не та жизнь, которой ты так хотел и о которой не уставал говорить нам?

Кратчайшее мгновение Пис обдумывал сказанное и понял, что Мэгилл совершенно, абсолютно прав. Он смотрел на своих друзей, улыбка его отразилась на их золотых лицах, и чистейшее счастье заполнило все его существо.

Пис взял Дрэбла и Мэгилла за руки и — распевая оглушительными голосами неслышимую человечеству песню — три сверкающих гиганта побежали, пританцовывая, по золотистому лесу, в необузданном веселье играючи сшибая случайно оказавшиеся на их пути деревья.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Первая война Звездного Волка 3
2. Вторая война Звездного Волка 115
3. Третья война Звездного Волка 227
4. Поход в прошлое 333

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН, БОБ ШОУ.

"Девятые звездные войны". /"Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа" Выпуск 17/.

Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАЙЧКИНА, И.ТЫРВА
Корректор С.КАПШУРОВА

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

Сдано в набор 25.01.94г. Подписано в печать 3.02.94 г. Формат бумаги 60x90 1/16. Бумага офсетная N1. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ.л. 28. Уч.-изд.л. 29,7. Заказ N 4268 Тираж 25 000 экз. Заказное.

Качество печати соответствует качеству диапозитивов, представленных издательством.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 214020, г.Смоленск, ул.Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

17